БЫЛОЕ

ОКТЯБРЬ

1906

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 10 ОКТЯБРЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“, Загородный пр., д. 17.
1906.

75246

СОДЕРЖАНІЕ.

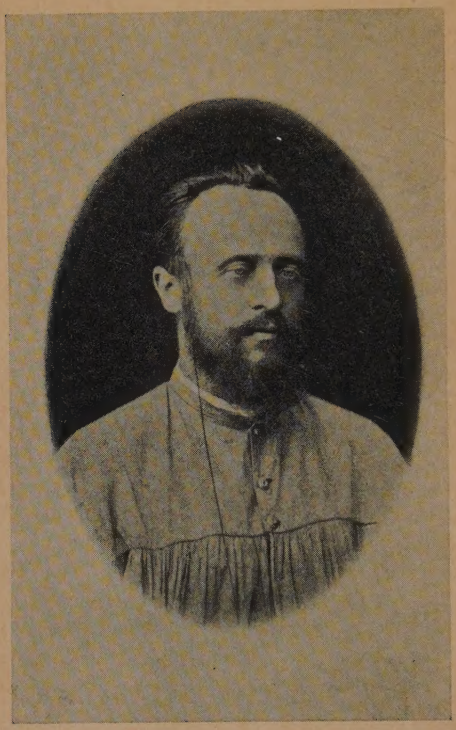
стр.

1. Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). **Старика** 1
2. Воспоминанія чайковца (*окончаніе*). **С. С. Синегуба** . . 31
3. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“ (по неизданнымъ источникамъ). (*Продолженіе*). **М. К. Лемке** 80
4. Коронація въ Колымскѣ (*изъ воспоминаній*). **Н. А. Тана**. 121
5. Самодержавіе Николая I-го и французское общественное мнѣніе. (*Окончаніе*). **Е. В. Тарле** 138
6. Первое мая въ Россіи. **В. П. Акимова-Махновца**. . . 163
7. Процессъ 17-ти народовольцевъ въ 1883 году 193
8. Въ Шлиссельбургѣ. **М. В. Новорусскаго** 261
9. Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго (*по неизданнымъ даннымъ*) **П. Щ**. 280
10. Семья декабристовъ (*по неизданнымъ матеріаламъ*) **М. О. Гершензона**. 288
11. Историческая библіографія: *П. Кропоткинъ*—Записки революціонера—**Д. П. Сильчевскаго.** *Ф. Данъ*. Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалъ-демократіи въ Россіи. **Е. Д. Кусковой** 318
12 Современная лѣтопись 336

стр.

13. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (О смерти М. Д. Райко—**д-ра Попялковскаго**—78. Къ процессу И. М. Ковальскаго—**Х. Г. Гринбергъ-Конъ** – 160. Арестъ И. Н. Мышкина—**М. С. Александрова**—259).
14. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета 360
15. Объявленія 361

Къ этой книгѣ приложены портреты: М. Ф. Грачевскаго, С. Ф. Ковалика, А. В. Буцевича и Н. А. Серно-Соловьевича.



Сергѣй Филипповичъ
КОВАЛИКЪ.

Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ)[1].

I.

Состояніе общества, предшествовавшее движенію.

Дѣятельность лицъ, участвовавшихъ въ Большомъ процессѣ (193), не покрываетъ всего движенія 1873—4 годовъ, но составляетъ настолько значительную его часть, что можетъ дать полную его характеристику. Это тѣмъ болѣе справедливо, что въ процессъ попали лица, случайно выхваченные изъ среды революціонной молодежи семидесятыхъ годовъ на всемъ обширномъ пространствѣ Европейской Россіи.

Въ движеніи участвовало нѣсколько лицъ изъ Нечаевскаго процесса— Долгушинъ, судившійся въ 70-хъ годахъ особо, Волховской и Голиковъ, одно лицо, имѣвшее нѣкоторыя, частнаго впрочемъ характера, отношенія къ каракозовцамъ—Войнаральскій, одно лицо, осужденное за политическую дѣятельность въ 60-хъ годахъ—Муравскій и наконецъ одно, участвовавшее въ организаціи «Земля и Воля» шестидесятыхъ-же годовъ—Рѣчицкій. Несмотря на это, движеніе 70-хъ годовъ не имѣло въ строгомъ смыслѣ слова никакихъ корней въ предыдущихъ движеніяхъ. Нѣтъ никакой возможности констатировать преемственную связь лицъ, участвовавшихъ въ слѣдующихъ одно за другимъ движеніяхъ. Идейная связь конечно существовала между всѣми общественными и революціонными движеніями, но и ее нельзя считать непосредственной. Идеи, выдвинутыя революціонерами даннаго періода, проникали въ общество, усваивались въ болѣе или менѣе переработанномъ видѣ передовыми людьми и входили въ той или другой степени въ составъ прогрессивнаго міросозерцанія. Революціонеры слѣдующаго періода воспитывались на книгахъ и статьяхъ, написанныхъ въ духѣ этого прогрессивнаго міросозерцанія, и въ свою очередь вырабатывали новыя революціонныя идеи, которыя также проникали въ общество и т. д. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не вполнѣ оцѣнено вліяніе

[1]) Статья эта принадлежитъ одному изъ наиболѣе крупныхъ участниковъ процесса 193-хъ. Она предполагаетъ знакомство читателя съ этимъ процессомъ. См. сборникъ Базилевскаго „Госуд. преступленія въ Россіи", т. III.

Ред.

революціонныхъ идей на міросозерцаніе передовой части общества, а между тѣмъ безъ всякихъ натяжекъ можно доказывать, что творцами идей, входящихъ въ кругъ понятій нашей интеллигенціи, нерѣдко бывали молодые люди, выступавшіе въ разное время на революціонный путь. Вопреки мнѣнію получившаго печальную извѣстность Льва Тихомірова, можно съ большимъ правомъ утверждать, что революціонеры—это начало, а либералы концы [1]). Здѣсь не мѣсто развивать эту мысль—она брошена мимоходомъ, все-же предыдущее разсужденіе направлено лишь къ выясненію того, что для изученія исторіи движенія семидесятыхъ годовъ нѣтъ надобности обращаться къ предшествующимъ движеніямъ, но тѣмъ болѣе необходимо имѣть ясное представленіе объ общественныхъ настроеніяхъ разсматриваемаго періода. Поэтому въ нижеслѣдующихъ строкахъ я попытаюсь обрисовать вкратцѣ состояніе общества и главнымъ образомъ интеллигенціи къ началу семидесятыхъ годовъ.

Шестидесятые годы составили эпоху въ развитіи русскаго общества. Освободительное движеніе прокатилось широкой волной и коснулось самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Къ нему примкнули не только молодежь, но и изъ пожилыхъ людей всѣ тѣ, кто не былъ въ корень развращенъ крѣпостнымъ правомъ и всѣмъ предыдущимъ режимомъ. Въ результатѣ получилось довольно стройное выступленіе въ первый разъ на сцену исторіи такъ называемаго общества, во главѣ котораго стали разночинцы, придавшіе ему демократическій характеръ. Отличительнымъ признакомъ тогдашняго интеллигента была непоколебимая вѣра въ силу человѣческаго ума. Никому въ то время не приходило въ голову вопроса, что важнѣе въ жизни, умъ или чувство. Всѣмъ было ясно, что всякое рѣшеніе ума должно осуществиться въ жизни.

Прекраснымъ образцомъ этой вѣры въ умъ можетъ служить разсужденіе Добролюбова о самодурствѣ. Добролюбовъ рекомендовалъ идейному читателю смѣло вступать въ борьбу съ самодурами, доказывая имъ, съ точки зрѣнія своей идеи, всю неправоту и непослѣдовательность ихъ. Неоконченный сегодня споръ долженъ продолжаться завтра и въ концѣ концовъ—вѣрилъ Добролюбовъ—самодуръ, не имѣющій никакой идеи, долженъ уступить. Кто помнитъ шестидесятые годы, знаетъ, что такъ было и въ дѣйствительности—нерѣдко заслуженный генералъ пассовалъ передъ мальчишкою-студентомъ и умѣрялъ проявленія своего самодурства [2]). Вѣра въ умъ приводила къ побѣдѣ надъ невѣжествомъ всякаго рода.

Подъ вліяніемъ этой вѣры лидеры шестидесятниковъ смѣло прилагали выработанный умомъ критерій истины къ политическимъ, общественнымъ и экономическимъ отношеніямъ и создавали планы

---

[1]) См. „Начало и концы“ Льва Тихомірова.

[2]) Извѣстный критикъ „Русской Мысли“ Протопоповъ, начавшій свою литературную карьеру прекрасной статьей, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ заглавіемъ „Литературная злоба дня“, совершенно ошибочно утверждалъ, что вышеизложенное разсужденіе Добролюбова было плодомъ увлеченія, наивность котораго понятна современному (восьмидесятые годы) гимназисту.

широкихъ реформъ, которыя должны были перестроить на новыхъ началахъ всю жизнь страны. Патріархальныя и совершенно однородныя условія существованія большей части русскаго народа и почти полное отсутствіе промышленности не давали благопріятной почвы для теоріи вѣчной противуположности классовыхъ интересовъ. Реформаторы должны были принять дѣятельное участіе не въ борьбѣ классовъ, а въ борьбѣ культуры съ невѣжествомъ и предразсудками. Создавъ освобожденіемъ крестьянъ условія видимаго равенства всѣхъ гражданъ, шестидесятники должны были думать о дальнѣйшемъ переустройствѣ на началахъ разума всей жизни народа, какъ въ политическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ. О дифференціаціи «политики» и «экономики» еще не могло быть рѣчи—она явилась позднѣе.

Активное выступленіе общества въ шестидесятыхъ годахъ продолжалось, однако, не долго. Полу-реформы, благоразумно данныя правительствомъ, сильно ослабили активность общества и способность его къ иниціативѣ. Для болѣе умѣренной части его казалось вѣроятнымъ, что за этими реформами послѣдуютъ другія, которыя уничтожатъ всѣ несовершенства жизни. Самодуръ, побѣжденный идеей, думала эта часть общества, умеръ окончательно. Однако, не только широкія обѣщанія конституціи, но и сравнительно не очень крупныя частичныя реформы въ состояніи произвести расколъ въ обществѣ, не организованномъ въ сильныя политическія партіи. Полу-реформы 60-хъ годовъ, безъ всякаго сомнѣнія, ослабили интенсивность движенія. Ими на половину, если не болѣе, была убита «политика», ибо зачѣмъ жестокая политическая борьба, если и безъ нея правительство разумно уступаетъ идейному меньшинству. Еще менѣе можно было ожидать, что правительство, согласившееся на освобожденіе крестьянъ, станетъ рѣзко на защиту господствующихъ классовъ общества и, послѣ надѣленія крестьянъ землею, не допуститъ никакихъ дальнѣйшихъ реформъ экономическаго характера. «Экономика» поэтому продолжала привлекать умы и выражалась главнымъ образомъ въ народничествѣ того времени, пытавшемся прійти на помощь обездоленному крестьянству и надѣявшемся убѣдить государственныхъ людей (какъ прежде самодура) вести экономическую политику въ интересахъ народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ ослабленія общественной иниціативы, все болѣе и болѣе дѣлалась замѣтною тенденція извѣстной части интеллигенціи къ нравственному самоусовершенствованію. Прогрессъ личности въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, казалось, обезпечиваетъ прочность движенія. Знаменитый русскій революціонеръ Бакунинъ считалъ эту тенденцію весьма вредной для общественнаго дѣла вообще и революціоннаго въ особенности. Онъ, между прочимъ, отрицательно относился къ легальной дѣятельности Чернышевскаго, считая его однимъ изъ главныхъ провозвѣстниковъ теоріи нравственнаго самоусовершенствованія личности. Въ общемъ разсужденія Бакунина правильны, но Чернышевскій будилъ столько-же духъ общественной иниціативы, какъ и индивидуальнаго прогресса.

Ничто такъ не вредитъ истинной политикѣ, какъ націонализмъ, развращающій болѣе всего господствующую народность. Возбужденіе національной розни, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Австріи, ведетъ къ полной бездѣятельности даже конституціонный механизмъ; тѣмъ болѣе оно заглушаетъ всякія политическія требованія въ странѣ, не пользующейся благами политической свободы. Подъ вліяніемъ возбужденнаго національнаго чувства, господствующая народность перестаетъ цѣнить блага политической свободы и предпочитаетъ имъ надѣленіе своихъ соплеменниковъ такими правами и льготами, которыя дали бы имъ несомнѣнный перевѣсъ въ столкновеніяхъ хотя и съ менѣе численными, но болѣе культурными народностями. Мы еще недавно были свидѣтелями того, что многіе русскіе люди (теперь они называются «истинно русскими») рукоплескали Бобрикову за подавленіе финляндской свободы. Имъ казалось важнѣе уничтожить преимущества Финляндіи, чѣмъ требовать равной доли свободы и для себя.

Гражданская война 1863 года въ Польшѣ имѣла развращающее вліяніе на русское общество такого же характера, какъ и репрессіи въ Финляндіи, но по степени значительно ихъ превосходящее. Люди, допускавшіе въ принципѣ право на культурное самоопредѣленіе каждой націи, растерялись, когда началась гражданская война между двумя родственными народами; поддерживать поляковъ имъ казалось несовмѣстимымъ съ чувствами патріотизма, поэтому они, въ большинствѣ, перешли на сторону правительства. Катковъ отлично воспользовался моментомъ и выставивъ «русское» знамя, успѣлъ въ короткое время уловить въ сѣти реакціи массу колеблющихся умовъ. Политика, убитая на половину реформами, была, такимъ образомъ, окончательно добита къ величайшему удовольствію реакціонеровъ, и самодуръ воскресъ. Въ это время въ реакціонномъ лагерѣ, къ которому всегда принадлежало и правительство, началъ складываться въ опредѣленную форму софизмъ, твердо усвоенный такъ называемыми государственными людьми нынѣшняго «конституціоннаго» кабинета, а именно, что экономическія требованія населенія или отдѣльныхъ классовъ его могутъ быть допустимы, какъ не угрожающія общественному порядку, политическія-же ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ они ведутъ въ случаѣ удовлетворенія ихъ къ революціи (скорѣе наоборотъ).

Изъ предшествующаго ясно, что ко времени семидесятыхъ годовъ политическіе интересы въ русскомъ обществѣ должны были въ значительной мѣрѣ заглохнуть. Такъ и было въ дѣйствительности. Либерализмъ, кажется, никогда—ни прежде, ни послѣ—не былъ такимъ дряблымъ, какъ въ семидесятыхъ годахъ. Въ связи съ этимъ и общество отличалось необыкновеннымъ безсиліемъ, равнаго которому не было даже въ 80-хъ годахъ. Въ этотъ мрачный періодъ русской жизни, подъ вліяніемъ систематической репрессіи, стала проявляться нѣкоторая солидарность общества, какъ единственное оставшееся у него средство самообороны. Ни одинъ изъ возникавшихъ въ 80-хъ годахъ мелкихъ вопросовъ не заста-

валъ общество разъединеннымъ. Когда во время министерства Горемыкина не совсѣмъ кстати былъ поднятъ вопросъ о законности, то почти всѣ органы печати въ своихъ передовыхъ статьяхъ дружно прокричали: законность! законность! Также единодушно откликалась печать на вопросъ о народномъ образованіи и другія мелкія злобы дня. Въ семидесятыхъ годахъ и этой солидарности самооборонящихся нельзя было наблюдать. Какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ былъ полнѣйшій разбродъ по вопросамъ самымъ элементарнымъ. Я здѣсь разумѣю вопросы практическаго характера; что-же касается до принциповъ, то, конечно, въ этомъ отношеніи не могло быть разногласія между людьми передовыхъ направленій.

Болѣе всего объединяло людей прогрессивнаго направленія народничество. Подъ вліяніемъ литературы съ одной стороны и всего склада русской жизни съ другой, въ міросозерцаніи передовыхъ людей народническія идеи занимали одно изъ первыхъ мѣстъ. Степень идеализаціи народа находилась, казалось, въ отношеніи, прямо пропорціональномъ со степенью отчужденности интеллигенціи отъ народа, и съ ея стороны замѣтно было страстное желаніе слиться съ народомъ хотя бы въ области идей. Съ упраздненіемъ «политики» образовалось какъ-бы пустое мѣсто въ міросозерцаніи интеллигенціи, и эту пустоту передовые люди стремились заполнить народничествомъ.

Славянофильство, хотя и было побѣждено въ 60-хъ годахъ западничествомъ, но еще не окончательно умерло. Передовые круги общества были не чужды нѣкоторыхъ пережитковъ славянофильскихъ идей. Самые завзятые западники переоцѣнивали, напр., значеніе русской общины и готовы были вѣрить, что въ ней народъ сохранилъ средство обновить не только свою, но и европейскую жизнь. Само собою понятно, что эти пережитки славянофильства еще болѣе толкали русскую интеллигенцію въ сторону народничества.

Послѣ крымской войны появилась масса книгъ, преимущественно переводныхъ, по естествознанію, которое популяризировалось также и въ журналахъ. На этихъ точныхъ знаніяхъ воспитывались шестидесятники съ ихъ вѣрою въ человѣческій умъ. Вѣра эта мало ослабѣла и въ 70-хъ годахъ, но питалась уже изъ другихъ источниковъ. Семидесятники накинулись, главнымъ образомъ, на соціальныя науки. Въ 1870 году появился на русскомъ переводѣ первый томъ «Капитала». Стройностью системы и глубиною критики Марксъ произвелъ на интеллигентную молодежь большое впечатлѣніе, которое по силѣ можно сравнить развѣ съ тѣмъ, которое въ свое время вызвалъ Дарвинъ. Немногіе, конечно, одолѣли Маркса, но идеи его, изложенныя въ «Капиталѣ», стали входить въ общій оборотъ. Другія, болѣе раннія произведенія Маркса оставались неизвѣстными широкой публикѣ; поэтому экономическимъ матеріализмомъ и вопросами исторіософіи семидесятники, читавшіе только 1-й томъ «Капитала», мало занимались. Широко распространилось

лишь чисто экономическое ученіе Маркса о трудовой цѣнности и взгляды его на отношенія между трудомъ и капиталомъ. Семидесятники ощутили въ своихъ сердцахъ ненависть къ эксплоатаціи труда капиталистами и безъ колебаній признали освобожденіе труда одной изъ первыхъ задачъ всякой прогрессивной программы. Далѣе этого не шло значеніе Маркса и никто изъ семидесятниковъ не признавалъ его отцомъ научнаго соціализма. Молодежь того времени и послѣ прочтенія «Капитала» продолжала оставаться на точкѣ зрѣнія такъ называемаго нынѣ «утопическаго» соціализма и признавала своими учителями Чернышевскаго, а вскорѣ потомъ Лаврова и Бакунина.

Наибольшее значеніе въ смыслѣ выработки міросозерцанія имѣло для семидесятниковъ сочиненіе П. Л. Лаврова «Историческія письма». Оно будило въ душѣ интеллигента тѣ чувства, которыя были заложены въ ней всею предъидущей исторіей, и призывало къ уплатѣ долга народу за полученное образованіе. На этой книгѣ, можно сказать, воспитывалось цѣлое поколѣніе. Ни одна статья того-же Лаврова, написанная болѣе свободнымъ языкомъ въ нелегальномъ журналѣ «Впередъ», не могла сравниться, въ отношеніи вліянія на молодежь, съ «Историческими письмами».

Извѣстно, что въ странахъ, въ которыхъ отсутствуетъ политическая свобода, а печать задушена въ тискахъ цензуры, наука, одна сохраняющая нѣкоторую, впрочемъ весьма ограниченную долю свободы, становится средствомъ распространенія прогрессивныхъ идей и пріобрѣтаетъ въ нѣкоторой степени партійный характеръ. Лавровъ первоначально выступилъ въ нашей литературѣ, какъ философъ, котораго не признала молодежь, питавшаяся идеями Чернышевскаго и Добролюбова. Нашъ философъ скоро понялъ, что наука въ Россіи должна играть служебную роль, содѣйствуя распространенію идей равенства и свободы. Въ этомъ отношеніи Лавровъ едва-ли не лучше всѣхъ другихъ писателей умѣлъ пользоваться своими научными знаніями.

Не только наука, но и господствующій научный методъ долженъ былъ у насъ служить той-же цѣли укрѣпленія передовыхъ идей. Индукція и дедукція пригодны были въ то время, когда наука являлась самоцѣлью. Въ шестидесятыхъ годахъ, въ періодъ широкаго распространенія научныхъ знаній, ни о какомъ другомъ методѣ не могло быть рѣчи. Въ семидесятыхъ годахъ, съ утратою смѣлости въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ жизни, въ связи съ отмѣченнымъ выше ослабленіемъ активности общества, нуженъ былъ такой методъ, который окрылилъ бы умъ начинающаго мыслителя и вдохнулъ бы въ него недостающую смѣлость. Къ услугамъ интеллигенціи и явился субъективтый методъ, первымъ провозвѣстникомъ котораго явился Лавровъ [1]). Онъ доказываетъ въ

[1]) Лавровъ нигдѣ въ своей книгѣ не называетъ своего метода субъективнымъ. Разработкой субъективнаго метода, какъ одного изъ наиболѣе пригодныхъ для изученія соціологіи, занялся у насъ Н. К. Михайловскій, который поэтому и считается часто творцомъ этого метода.

своихъ «Историческихъ письмахъ», что критически мыслящая личность имѣетъ право свои субъективные идеалы ставить въ главу угла изученія исторіи. Въ процессѣ исторіи, учитъ нашъ мыслитель, мы неизбѣжно видимъ прогрессъ. «Волей или неволей, приходится прилагать къ процессу исторіи субъективную оцѣнку, т. е., усвоивъ, по степени своего нравственнаго развитія, тотъ или другой нравственный идеалъ, располагать всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или противодѣйствовали этому идеалу». Критически мыслящая личность, взвѣсивъ свои силы, должна рѣшиться на борьбу съ установившимися историческими формами общества. Кто строилъ исторію, спрашиваетъ Лавровъ? «Одинокія борющіяся личности». Нашъ авторъ конечно понималъ безсиліе такихъ одиночекъ, поэтому онъ далѣе разъясняетъ читателю, какимъ путемъ «обращались слабыя личности въ общественную силу». Вокругъ личностей образуются партіи, и сила единичная превращается въ силу коллективную.

Теорія Лаврова поднимала энергію мыслящаго интеллигента и укрѣпляла въ немъ вѣру въ свои силы, толкала его на борьбу съ устарѣвшими формами. Гете какъ-то выразился, что объективизмъ присущъ прогрессивнымъ эпохамъ, а субъективизмъ — регрессивнымъ. Если это изреченіе и можно признать въ извѣстной степени вѣрнымъ, то къ семидесятымъ годамъ его слѣдуетъ примѣнить нѣсколько въ другомъ смыслѣ. Въ реакіцонную эпоху начала 70-хъ годовъ только субъективизмъ могъ выступить въ качествѣ революціонной силы, объективизмъ могъ-бы только констатировать господство реакціи.

Нигилизмъ имѣлъ немаловажное значеніе для семидесятыхъ годовъ. Появившись въ 60-хъ годахъ, какъ крупная общественная сила, перестроившая взаимныя отношенія личностей въ обществѣ, нигилизмъ, отринувъ авторитеты, расчистилъ почву для воспринятія здороваго прогрессивнаго міросозерцанія. Нигилизмъ продолжалъ существовать и въ началѣ 70-хъ годовъ, но съ обезцвѣченіемъ общества пересталъ играть роль активнаго фактора въ освободительномъ движеніи, ожидая какъ-бы толчка, чтобы снова послужить дѣлу освобожденія родины. Между прочимъ, нигилизмъ содѣйствовалъ сокращенію потребностей интеллигента и облегчалъ образованіе коммунъ для совмѣстной жизни и взаимнаго развитія индивидуумовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что только нигилизмъ обезпечилъ возможность участія женщинъ въ движеніи. Безъ него мужчины и женщины, подчиняясь устарѣлымъ приличіямъ, были-бы слишкомъ разобщены, чтобы работать рука объ руку.

Таковы главнѣйшія условія, при которыхъ выступила на сцену революціонная молодежь въ семидесятыхъ годахъ.

II.

Молодежь ко времени начала семидесятыхъ годовъ.

Молодежь, группировавшаяся около университетскихъ центровъ, не имѣла къ началу 70-хъ годовъ опредѣленнаго міросозерцанія. Тѣмъ не менѣе она, какъ и во всѣ другія времена, обнаруживала склонность къ прогрессивнымъ идеямъ. Она сильно тяготѣла къ передовому органу печати того времени—«Отечественнымъ Запискамъ». Каждый мѣсяцъ при выходѣ журнала можно было встрѣтить около конторы его студентовъ, торопившихся получить только что отпечатанную и еще не разосланную книжку. Въ числѣ наиболѣе любимыхъ писателей были: Глѣбъ Успенскій, Щедринъ, Михайловскій и Елисѣевъ. Послѣдній, въ своихъ блестящихъ внутреннихъ обозрѣніяхъ, давалъ руководящую точку зрѣнія на текущія событія.

Радикальное направленіе всегда болѣе другихъ направленій привлекало мыслящую молодежь. За рѣдкими исключеніями, она или принимала радикальную программу или представляла tabula rasa. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ часть молодежи, хотя еще не большая, была съорганизована въ радикальскіе кружки, которые находились во всѣхъ университетскихъ центрахъ, по одному въ городѣ, а въ Петербургѣ въ количествѣ 15—20. Кружки вели себя довольно конспиративно и окружены были нѣкоторою таинственностью, что, можетъ быть, болѣе всего содѣйствовало ихъ престижу въ средѣ молодежи. Она знала, что въ кружкахъ можно пріобрѣтать книги, но остальныя дѣла ихъ были для всѣхъ тайною. Въ дѣйствительности практическая дѣятельность большинства кружковъ была довольно слаба, и строго выработанныхъ программъ у нихъ не было.

Наибольшее значеніе, какъ по числу участниковъ, такъ и по размѣрамъ практической дѣятельности имѣлъ кружокъ Чайковцевъ, образовавшійся изъ такъ называвшейся Вульфовой коммуны. Въ эту коммуну, случайно или сознательно, былъ подобранъ народъ, выдающійся для того времени по своему умственному и нравственному развитію. Сначала она существовала, какъ простая коммуна для общежитія и саморазвитія. Въ періодъ нигилистическаго отрицанія всякихъ предразсудковъ, коммуна рѣшила съѣсть принадлежавшую ей собаку, что—по разсказу бывшаго члена коммуны потомъ эмигранта Александрова — благополучно и исполнила. Реакціонеры изъ правительственнаго лагеря не знали этого факта, иначе они воспользовались-бы имъ на судѣ для очерненія нигилистической молодежи, которую они всячески старались уличить въ развратѣ и другихъ безнравственныхъ поступкахъ. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что нигилисты безконечно менѣе повинны въ отступленіяхъ отъ нравственныхъ правилъ, чѣмъ бюрократы и обыватели безъ принциповъ, разрѣшающіе себѣ подъ прикрытіемъ

брачныхъ узъ и разныхъ установившихся приличій самые противонравственные поступки. Мужскія сорочки, носившіяся нигилистками, во всякомъ случаѣ, лучше скрываютъ наготу женскаго тѣла, чѣмъ бальные костюмы съ вырѣзками чуть не до пояса. Въ данномъ случаѣ, питаніе собачьимъ мясомъ, если оно имѣло мѣсто, было лишь простымъ испытаніемъ стойкости убѣжденій и свободы отъ предразсудковъ. Этотъ незначительный случай хорошо иллюстрируетъ нравственную силу и стойкость, которыя проявили Чайковцы потомъ въ своей практической дѣятельности.

Въ числѣ петербургскихъ радикальскихъ кружковъ былъ кружокъ Долгушина, кончившаго свою жизнь въ Шлиссельбургѣ. Этотъ кружокъ, не доживъ до разгара движенія, первый почувствовалъ неудовлетворенность половинчатою дѣятельностью современныхъ радикаловъ и ранѣе другихъ выступилъ на чисто революціонный путь.

Многіе радикальскіе кружки занимались развитіемъ рабочихъ, которымъ они читали по извѣстной, болѣе или менѣе обдуманной программѣ систематическія лекціи, и, кажется, всѣ кружки до одного—распространеніемъ среди молодежи лучшихъ легальныхъ книгъ. Нити этого предпріятія находились въ рукахъ Чайковцевъ: Имъ удалось съ издателями нѣкоторыхъ книгъ войти въ соглашеніе, по которому эти книги продавались имъ съ большою уступкою. Молодежь того времени не имѣла большихъ денежныхъ рессурсовъ и не въ состояніи была пріобрѣтать такія цѣнныя книги, напр., какъ Біологія Спенсера; въ кружкахъ же она продавалась вмѣсто 4 р. за 1 р. Впрочемъ, дѣятельность провинціальныхъ кружковъ была довольно слаба, а въ Харьковѣ и Казани почти совсѣмъ прекратилась къ началу 70-хъ годовъ. Болѣе или менѣе замѣтной была только работа Петербургскихъ кружковъ, преимущественно Чайковцевъ. Кромѣ нихъ былъ чрезвычайно популяренъ среди петербургскихъ рабочихъ въ 1872 и 73 годахъ нѣкто Низовкинъ. По популярности съ нимъ могъ сравниться развѣ Синегубъ, который изъ всѣхъ Чайковцевъ отличался наибольшимъ успѣхомъ среди рабочихъ. Низовкинъ, хотя и избѣгалъ пропаганды крайнихъ идей, но былъ арестованъ осенью 1873 года среди другихъ революціонеровъ и выдалъ во время дознанія всѣхъ извѣстныхъ ему Чайковцевъ и много другихъ лицъ. У него явилась какая-то манія выдачъ и даже чины, производившіе дознаніе, пытались отдѣлаться отъ него подъ благовиднымъ предлогомъ и не слушать его послѣ того, когда онъ разсказалъ все, что зналъ. Я распространился о Низовкинѣ потому, что далѣе объ немъ не будетъ рѣчи. У Низовкина былъ талантъ популяризаціи, и онъ, кромѣ того, умѣлъ подбирать себѣ помощниковъ, въ числѣ которыхъ обвинитель по процессу 193-хъ называетъ Доводчикова, читавшаго рабочимъ лекціи даже по физіологіи. На лекціи Доводчикова собирались рабочіе не только съ Выборгской стороны, гдѣ была квартира Низовкина, но и съ Васильевскаго острова и изъ за Невской заставы. На рабочихъ, привлеченныхъ Низовкинымъ, въ свою очередь пытались воздѣй-

ствовать Чайковцы, чтобы привить имъ болѣе радикальные взгляды, а лучшихъ, можетъ быть, ввести даже въ свой кружокъ.

Радикальскіе кружки, казалось, должны были послужить кадрами для начинающагося движенія семидесятыхъ годовъ, но это имъ удавалось лишь въ слабой степени. Впрочемъ, не только въ этомъ случаѣ, но и вообще, приходится наблюдать, что существующія въ данный моментъ организаціи, какъ бы онѣ не готовились къ ожидаемымъ стихійнымъ общественнымъ или народнымъ движеніямъ, не успѣваютъ становиться во главѣ ихъ и направлять движеніе по заранѣе намѣченному плану. Самый большій успѣхъ, который когда либо доставался на долю такихъ организацій, заключался въ томъ, что имъ удавалось, наконецъ, объединиться съ движеніемъ и до нѣкоторой степени руководить имъ, но уже тогда, когда движеніе болѣе или менѣе опредѣлилось. Изъ Петербургскихъ кружковъ это въ извѣстной мѣрѣ удалось только Чайковцамъ, остальные-же кружки или исчезли въ волнахъ движенія, или замкнулись на прежней маленькой программѣ.

Часть учащейся молодежи, разочаровавшись въ россійскихъ университетахъ, направилась въ началѣ 70-хъ годовъ въ Цюрихъ; русская колонія доходила тамъ до 300 человѣкъ. Большинство мало обращало вниманія на лекціи, читавшіяся мѣстными профессорами, отчасти по незнанію языка, но еще болѣе потому, что искало другой науки, другихъ знаній. Вопросы о судьбахъ человѣчества вообще и родины въ особенности, о томъ участіи, которое каждый человѣкъ, вѣрующій въ лучшее будущее, долженъ принять въ рѣшеніи этихъ судебъ, всегда привлекали молодежь, здѣсь-же въ свободной странѣ, при неограниченнымъ правѣ собраній, они скоро стали обсуждаться съ невѣдомою дотолѣ страстностью. Профессорами въ цюрихской колоніи явились Лавровъ и Бакунинъ. Въ короткое время молодежь набралась революціоннаго духа и раздѣлилась на два враждующіе лагеря, лавристовъ и бакунистовъ. Нѣсколько человѣкъ бакунистовъ устроили въ Цюрихѣ обширную библіотеку [1]), главнѣйшая часть которой состояла изъ книгъ въ то время запрещенныхъ въ Россіи. Когда въ средѣ молодежи стали обрисовываться два направленія, библіотека стала яблокомъ раздора между учредителями—бакунистами и «народомъ»—лавровцами. Кромѣ того было не мало и другихъ недоразумѣній, которыя обыкновенно имѣютъ мѣсто между двумя близкими фракціями.

Осенью 1873 года появился правительственный указъ, призывавшій молодежь, проживавшую въ Цюрихѣ, возвратиться въ Россію и угрожавшій, въ случаѣ неисполненія этого требованія, разными репрессіями, вплоть до запрещенія въѣзда въ Россію. Колонія, за немногими исключеніями, рѣшила подчиниться указу. Молодежь, уже настроенная революціонно, рѣшила, что она не имѣетъ права закрывать себѣ путь на родину, гдѣ ея ожидаетъ работа болѣе производительная, чѣмъ за границей. Къ такому рѣшенію подтал-

---

[1]). Библіотека эта теперь находится въ Парижѣ.

кивало молодежь и начавшееся движеніе въ Россіи, отголоски которые доходили до Цюриха.

Возвратившаяся на родину молодежь, усвоившая готовое революціонное ученіе отъ его основоположниковъ Лаврова и Бакунина, казалось, должна была явиться авангардомъ и даже организаторомъ начавшагося въ Россіи движенія, но этого не случилось. Мѣстные, не уѣзжавшіе за границу дѣятели взяли верхъ и Цюрихцы, между которыми были безспорно выдающіеся люди, принуждены были встать въ ряды, не претендуя на руководящую роль. Мѣстные кружки, не порывавшіе ни на одну минуту съ родиной, съ одной стороны находились въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, будучи принуждены тратить время и силы на самостоятельную разработку революціонныхъ идей, но съ другой стороны имѣли большое преимущество въ томъ, что въ этой работѣ они шли рука объ руку со всеей молодежью и успѣли пріобрѣсти надъ ней вліяніе, котораго не имѣли Цюрихцы. Но, быть можетъ, главной причиной второстепеннаго значенія возвратившихся изъ Цюриха молодыхъ людей было то обстоятельство, что они въ громадномъ большинствѣ принадлежали къ лавровскому направленію, которое въ Россіи скоро принуждено было уступить первое мѣсто бакунизму. Этотъ послѣдній почти исключительно былъ представленъ мѣстными кружками, такъ какъ цюрихскіе вожаки его не возвратились въ Россію. Отпаденіе Цюрихцевъ отъ лавризма началось уже тотчасъ по пріѣздѣ ихъ на родину. Такъ напр. Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ (Кіевскій), проявившій потомъ большую энергію въ подготовительномъ періодѣ революціоннаго движенія, будучи въ Цюрихѣ завзятымъ лавровцемъ, съ первыхъ-же дней своего пребыванія въ Россіи объявилъ себя бакунистомъ—анархистомъ.

III.

Когда именно началось революціонное движеніе. Безучастность общества. Соціалистическій характеръ движенія.

Едва-ли кто въ состояніи точно установить даже начала революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Сенатъ, судившій участниковъ его въ числѣ 193 человѣкъ, призналъ, что въ 1872 году четыре лица—Войнаральскій, Коваликъ, Мышкинъ и Рогачевъ, умысливъ образовать тайное сообщество, привлекли къ нему подсудимыхъ. Дата эта опровергается уже тѣмъ, что изъ названныхъ лицъ не было двухъ, которые были-бы между собою знакомы въ 1872 году. Вѣрнѣе опредѣлилъ дату прокуроръ, составившій обвинительный актъ. Онъ считаетъ началомъ движенія осень 1873 года. Прокуроръ знаетъ собственно время арестовъ, которое, если вѣрить въ недреманное око, не могло далеко отстоять отъ времени начала движенія. Броженіе существовало много раньше—доказательствомъ можетъ служить долгушинское дѣло—но я готовъ, хотя и по другимъ мотивамъ, чѣмъ прокуроръ, считать началомъ настоящаго,

стихійнаго движенія осень 1873 года. Около этого времени появился первый печатный органъ русской революціи—журналъ „Впередъ“, издававшійся Лавровымъ въ Цюрихѣ. Почти одновременно отпечатано было евангеліе анархистовъ — „Государственность и анархія“ Бакунина. Кромѣ того лѣтомъ въ большихъ городахъ, за отсутствіемъ молодежи, не могло происходить никакого движенія. Съѣзжается она осенью. Такъ было и въ 1873 году и сейчасъ-же начались постоянныя сходки съ Цюрихцами и безъ нихъ. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что осенью 1873 года, если движеніе и не началось, то во всякомъ случаѣ пріобрѣло стихійный характеръ.

Движеніе семидесятыхъ годовъ было по существу революціоннымъ. Въ немъ приняла участіе исключительно молодежь, состоявшая преимущественно изъ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Бакунинъ любилъ подчеркивать это обстоятельство, утверждая, что въ Россіи столько революціонеровъ, сколько учащейся молодежи въ университетахъ, гимназіяхъ и семинаріяхъ (примѣрно 40 тысячъ). Общество стояло въ сторонѣ отъ движенія и долго не догадывалось о немъ, несмотря на начавшіеся аресты. Печать до 1875 года, въ то время, когда среди молодежи все живое пришло въ бурное движеніе, продолжала тоскливо жаловаться на застой. Это объясняется полной обособленностью молодежи. Она всегда знала по журналамъ, что дѣлается въ остальномъ мірѣ, міръ-же не могъ знать, что происходитъ въ ея средѣ. Къ тому-же рознь между „отцами“ и „дѣтьми“, рѣзко выраженная въ 60-хъ годахъ, продолжала существовать лишь въ нѣсколько смягченной формѣ и въ 70-хъ годахъ. Въ общество конечно проникали слухи объ арестахъ то тамъ, то здѣсь, но большинство не имѣло понятія, зачто и почему. Газеты въ семидесятыхъ годахъ были слабо распространены и не могли, отчасти и по цензурнымъ условіямъ, оповѣстить общество о томъ, что происходитъ у него чуть не передъ глазами. Между тѣмъ движеніе получало все болѣе и болѣе крупный характеръ, становясь поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской революціи. Революціонная дѣятельность, переставъ быть случайной, стала сосредоточиваться въ рукахъ партіи, не прекратившей своего существованія, хотя и въ другомъ видѣ, до настоящаго времени.

Обособленіе молодежи отъ остального общества придало движенію необыкновенную силу. Въ семидесятыхъ годахъ молодежь попыталась одна, безъ всякаго содѣйствія склонныхъ къ компромиссамъ старшихъ возрастовъ, порѣшить всѣ проклятые вопросы, не дающіе человѣчеству мирно существовать, и рѣшила возложить на свои плечи всю работу по обновленію міра. Подобно первымъ христіанамъ, она отрекалась отъ міра (привиллегированнаго, въ которомъ жила) и собственныхъ выгодъ и могла самоотверженно отдаться борьбѣ со зломъ, не заботясь даже о насущномъ хлѣбѣ. Подвигъ, приковывающій при всякихъ условіяхъ наше вниманіе даже въ мелкомъ дѣлѣ, ради котораго онъ совершается, тѣмъ бо-

лѣе импонировалъ, когда не вѣдающая личныхъ, эгоистическихъ интересовъ молодежь бралась за рѣшеніе коренного вопроса русской жизни, за переустройство всей государственной и общественной жизни на началахъ свободы и правды. Общество, въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, въ концѣ концовъ выразило, хотя и заднимъ числомъ, свое сочувствіе геройской молодежи, несмотря на то, что ею намѣчены были революціонныя средства борьбы—единственныя, которыя могли быть пущены въ ходъ активнымъ меньшинствомъ.

Выше было показано, что къ началу семидесятыхъ годовъ русская интеллигенція утратила вѣру въ политическую дѣятельность. Молодежь конечно еще болѣе стала отрицать политику и склоняться къ чистому соціализму. Изъ трехчленной формулы, завѣщанной великой французской революціей, liberté отодвинута была на задній планъ и подчеркнуто egalité. Въ случайныхъ и нарочитыхъ собраніяхъ интеллигентной молодежи, имѣвшихъ мѣсто до начала движенія, часто дебатировался вопросъ о значеніи конституціи и, большею частью она признавалась не только не необходимой, но даже вредной. Радикалы обыкновенно доказывали, что только соціальныя преобразованія могутъ спасти Россію, политическая-же программа ихъ оставалась не ясной.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ молодежь вообще и радикальные ея кружки въ особенности стали все болѣе и болѣе склоняться къ признанію революціоннаго пути единственно спасительнымъ въ борьбѣ за счастье народа и за соціалистическій строй жизни. Это сознаніе должно было роковымъ образомъ привести ко включенію въ прежнія программы кружковъ политической борьбы, а затѣмъ и къ полному торжеству политики, что и обнаружилось въ дальнѣйшей эволюціи революціоннаго движенія въ началѣ 80-хъ годовъ. Съ другой стороны народническія тенденціи были еще сильнѣе выражены въ міросозерцаніи молодежи, чѣмъ у остальной демократической части русскаго общества 70-хъ годовъ. Это обезпечивало за революціоннымъ движеніемъ соціалистическій характеръ. У насъ революція всегда ставитъ своей цѣлью соціальный переворотъ и не можетъ быть сведена исключительно на политическія преобразованія, хотя бы и самыя радикальныя.

IV.

Характеристика движенія. Стихійность его.

Выше было замѣчено, что наиболѣе естественно считать началомъ революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ появленіе программныхъ революціонныхъ изданій. За годъ до выпуска первой книжки „Впередъ“ въ кружкахъ циркулировала литографированная программа журнала, кажется, два раза передѣлывавшаяся. Наиболѣе вліятельный голосъ при ея редактированіи имѣли чайковцы. Лавровъ, будучи безъ сомнѣнія выдающимся мыслителемъ и обладая

большой эрудиціей, не въ состояніи былъ проявить творчества въ новой для него области революціонныхъ идей и все время своего участія въ революціонной литературѣ не столько направлялъ молодежь, сколько слѣдовалъ за нею, дошедши со временемъ даже до признанія въ главныхъ чертахъ программы „Народной Воли“.

Принявъ продиктованную Чайковцами программу „Впередъ“, Лавровъ не могъ проводить ее настолько послѣдовательно, чтобы не вызывать никакихъ недоразумѣній у читателей журнала. Въ написанной имъ самимъ руководящей статьѣ перваго номера, подъ заглавіемъ „Знаніе и Революція“ сказался до извѣстной степени прежній Лавровъ, философъ и профессоръ, склонный признать, что наука есть единственная или по крайней мѣрѣ первостепенная сила въ переустройствѣ общества. Значеніе знаній было несомнѣнно преувеличено Лавровымъ, чѣмъ и воспользовались лица болѣе крайняго направленія, раздѣлявшія взгляды Бакунина на революцію. Они, въ то время еще очень немногочисленные и только начавшіе формироваться въ кружки, рѣшили дать сраженіе лавровцамъ по поводу названной выше статьи и собрали въ Петербургѣ большую сходку на квартирѣ-коммунѣ, нанятой на имя Блавдзевича, или Ковалика. Большинство прибывшихъ на сходку были приверженцы Лаврова и между ними и бакунистами начались горячіе споры. На сходкѣ присутствовалъ между прочимъ и Чайковскій, скрывавшійся отъ преслѣдованій жандармовъ, но не выступавшій ораторомъ. Болѣе или менѣе серьезной критикѣ подвергъ статью Лаврова въ длинной рѣчи Каблицъ (Юзовъ). Въ основаніи рѣчи была положена совершенно невѣрная мысль. Каблицъ проводилъ полную аналогію между процессомъ накопленія знаній и таковымъже процессомъ капитала. Рѣчь несмотря на свою парадоксальность произвела нѣкоторое впечатлѣніе; ею Каблицъ пріобрѣлъ между прочимъ послѣдователя въ лицѣ извѣстнаго потомъ Богдановича—Кобозева и близко къ нему стоявшей Палицыной. Сами бакунисты находили рѣчь Каблица слабой и слишкомъ искусственной. Но возраженья были еще слабѣе, и бакунисты одержали первую, впрочемъ довольно слабую побѣду. На ту-же тему вскорѣ происходили пренія въ квартирѣ Кавказцевъ, которые были въ то время послѣдователями Лаврова. На сходкѣ говорили изъ бакунистовъ Коваликъ, Чернышевъ и др. На этой сходкѣ бакунисты укрѣпили занятыя позиціи. Обѣ упомянутыя сходки ни по характеру произнесенныхъ рѣчей, ни по всей своей обстановкѣ вообще, не выдѣлялись среди другихъ сходокъ, но я остановился на нихъ потому что онѣ были характерны для той фазы движенія, въ которой анархисты стали развертывать свои силы. Разговоры все время вертѣлись вокругъ центральнаго пункта, на которомъ думали укрѣпиться лавровцы, чтобы помѣшать головокружительному стремленію молодежи изъ университетовъ въ народъ. Среди бакунистовъ были безъ сомнѣнія энергичные люди, но и лавровцы могли похвалиться энергіей, знаніями и вообще всѣмъ, что даетъ перевѣсъ въ спорахъ, но съ перваго-же собранія становилось очевид-

нымъ, что окончательная побѣда останется за анархистами. Она обезпечивалась настроеніемъ молодежи, находившейся въ такомъ приподнятомъ состояніи духа, что малѣйшая искра зажигала порохъ. При такихъ условіяхъ крайнія направленія всегда одерживаютъ верхъ надъ болѣе умѣренными.

Повышенное настроеніе молодежи не поддается описанію, его можно только иллюстрировать примѣрами. Нерѣдко можно было встрѣтить небольшіе кружки самообразованія или просто группы молодежи, которые еще ничего не слышали о начавшемся революціонномъ движеніи и тѣмъ не менѣе въ одинъ вечеръ послѣ болѣе или менѣе незначительныхъ словъ, сказанныхъ агитаторами, сразу и окончательно переходили въ революціоный лагерь. Иногда для этого достаточно было прочесть какую-нибудь книжку или даже статью. Примѣромъ можетъ служить быстрый переворотъ, случившійся съ сестрами члена оренбургскаго кружка Ѳедоровича, оставившаго имъ нѣсколько запрещенныхъ книгъ. Изъ переписки, приведенной въ обвинительномъ актѣ, видно, что самъ Ѳедоровичъ пораженъ былъ быстротою перемѣны, которую онъ увидѣлъ при свиданіи съ сестрами. Другой примѣръ: Одинъ молодой студентъ, прослушавъ споры на сходкѣ, задумался надъ вопросомъ, что онъ долженъ дѣлать, пріобрѣтать-ли дальнѣйшія познанія въ высшемъ учебномъ заведеніи, или же немедленно приняться за работу въ народѣ. Когда онъ высказалъ свои сомнѣнія старшему товарищу, тотъ, не имѣя намѣренія повліять на рѣшеніе юноши въ ту или другую сторону, замѣтилъ, что, при отсутствіи вѣры въ свои силы ему ничего не остается другого, какъ продолжать свое ученіе, когда-же явится эта вѣра, то онъ самъ будетъ знать, что ему дѣлать. Юноша тутъ-же постарался заглянуть въ свою душу и объявилъ товарищамъ, что онъ вѣритъ, бросаетъ учебное заведеніе и идетъ въ народъ. Еще одинъ интересный примѣръ. Въ концѣ 1873 или въ началѣ 1874 года Коваликъ посѣтилъ Харьковъ и, не найдя тамъ никакого замѣтнаго движенія, обратился къ бывшему студенту Говорухѣ-Отроку, который ранѣе принималъ участіе въ кружкѣ, занимавшемся распространеніемъ полезныхъ, легальныхъ книгъ, въ это-же время, удалившись отъ всякой общественной дѣятельности, испытывалъ нѣкоторое разочарованіе и начиналъ впадать въ апатію. Разговоръ съ Коваликомъ возбудилъ въ немъ энергію. По желанію своего собесѣдника онъ собралъ десятка два студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ и выступилъ на сходкѣ пропагаторомъ анархіи, съ ученіемъ которой онъ только что самъ познакомился. Въ два—три дня образовался революціонный кружокъ съ болѣе или менѣе опредѣленной программой, нѣкоторымъ раздѣленіемъ труда и собственной небольшой кассой, въ которую члены тащили рубли изъ жалкихъ средствъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи. Очевидно, время направило умы этихъ людей на поиски руководящихъ идей, которыя могли-бы привести въ равновѣсіе ихъ мятущуюся душу и служить маякомъ въ ихъ дальнѣйшей жизни и дѣятельности. Исканіе истины настолько охва-

тило учащуюся молодежь, что его не чужды были юноши, только что начинающіе мыслить. Одинъ самый молодой семинаристъ, случайно или по зову товарищей присутствовавшій на описанныхъ собраніяхъ, настолько проникся высказывавшимся мыслями, что тутъ-же отдалъ послѣдній свой рубль въ кассу и только для собственнаго успокоенія спросилъ, не будетъ-ли препятствіемъ къ его вступленію въ кружокъ то обстоятельство, что въ семинаріи онъ имѣетъ единицу за поведеніе.

Во всѣхъ умственныхъ центрахъ почва для революціонной пропаганды была подготовлена всѣмъ предшествующимъ режимомъ вообще и школьнымъ въ частности настолько хорошо, насколько этого могли желать пропагандисты. Не даромъ князь Мещерскій, послѣ одного изъ полученныхъ имъ откровеній, утверждалъ, что наша школа при Толстомъ была школою политическаго разврата. Молодежь вездѣ задыхалась въ тѣсныхъ рамкахъ жизни и школы, обрекающихъ людей на полное ничтожество и тѣмъ самымъ лишающихъ ихъ всякой возможности уплатить народу, какъ училъ Лавровъ. Поэтому понятно, что анархисты, толкавшіе молодежь изъ школы въ народъ, должны были одержать верхъ надъ лавристами, которые удерживали своихъ адептовъ въ оскверненныхъ храмахъ науки съ цѣлью всесторонней ихъ подготовки къ будущей полезной работѣ.

Въ борьбѣ анархистовъ съ лавровцами, какъ это всегда бываетъ при столкновеніи близкихъ направленій, не обходилось безъ взаимныхъ заподозриваній, насмѣшекъ и т. п., высказываемыхъ отдѣльными, болѣе увлекающимися личностями. Про лавровцевъ разсказывали, что одинъ изъ ихъ генераловъ въ страстномъ желаніи уничтожить анархію, съѣлъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, анархическій листокъ. Генералъ, сидя въ вагонѣ и замѣтивъ пристальные взгляды одного пассажира, сталъ будто-бы понемножку жевать и проглатывать анархическую прокламацію. Между лавристами встрѣчались люди, стремившіеся быть plus royalistes, que le roi même. Они доводили ученіе Лаврова до абсурда, требуя отъ каждаго интеллигента изученія всѣхъ наукъ по знаменитой классификаціи ихъ въ іерархическомъ порядкѣ, сдѣланной Огюстомъ Контомъ, что сводилось въ сущности къ прохожденію почти всѣхъ факультетовъ университета. Бакунисты ставили это въ упрекъ всѣмъ лавристамъ вообще и стремленіе ихъ къ пріобрѣтенію знаній объясняли желаніемъ оправдать свое ничегонедѣланіе и въ то же время сохранить престижъ революціонеровъ. Къ такому-же ничегонедѣланію лавристы, по мнѣнію ихъ противниковъ, приглашали и всю учащуюся молодежь. Болѣе-же всего обвиняли лавристовъ, или правильнѣе ихъ вожаковъ, въ стремленіи къ генеральству. При общей боязни генеральства, свойственной семидесятникамъ, подчеркивался каждый неправильный шагъ виднаго члена кружка и истолковывался въ смыслѣ желанія его присвоить себѣ власть и вліяніе. Въ наиболѣе активныхъ кружкахъ генеральство, если-бы и существовало, не могло бросаться въ глаза. Лидеры этихъ круж-

ковъ въ своей кипучей дѣятельности не только шли плечемъ къ плечу съ рядовой молодежью, но нерѣдко занимали самыя опасныя позиціи. Поэтому понятно, что обвиненія въ генеральствѣ выдвигались преимущественно противъ лавровцевъ, практическая дѣятельность которыхъ была слабѣе, чѣмъ у анархистовъ. Съ своей стороны лавристы относились недовѣрчиво къ бакунистамъ и обвиняли ихъ въ невѣжествѣ, истолковывая борьбу съ офиціальной наукой въ смыслѣ полнаго отрицанія всякихъ знаній... Одинъ наивный лавровецъ былъ крайне пораженъ, узнавъ, что извѣстный анархистъ, котораго рѣчи онъ слышалъ на сходкѣ, имѣетъ университетскій дипломъ. Всѣ эти и подобныя обвиненія высказывались, разумѣется, въ интимныхъ кругахъ, публичные-же дебаты протекали вполнѣ корректно; борющіяся стороны громили на сходкахъ слабыя стороны направленій, а не недостатки отдѣльныхъ лицъ. Несмотря на нѣкоторыя пораженія, нанесенныя Лавровскому направленію осенью, послѣдователи его къ концу 1873 года были еще въ большинствѣ.

V.

Бакунисты и ихъ главнѣйшіе кружки.

Бакунинъ, исключенный въ 1872 году, по иниціативѣ Маркса, изъ Интернаціонала Гаагскимъ конгрессомъ за образованіе въ средѣ союза тайнаго общества, скоро сталъ открыто проповѣдывать свое анархическое ученье. Вмѣсто существующаго государства онъ выдвигалъ идеалъ анархіи, т. е. безвластья, осуществляемый въ вольномъ союзѣ общинъ, организованномъ снизу вверхъ. Къ этому ученію стали примыкать бывшіе члены Интернаціонала въ романскихъ странахъ. Къ времени начала русскаго движенія Бакунинъ былъ уже главою анархической партіи въ Италіи и руководилъ дѣятельностью анархистовъ въ Испаніи. Чтобы быть ближе къ Италіи, онъ поселился въ Локарно (кантонъ Тичино), почти сплошь населенномъ итальянцами. За свою предъидущую дѣятельность Бакунинъ былъ осужденъ въ нѣсколькихъ странахъ и не могъ появляться ни въ Францію, ни въ Германію. Въ Италіи ему также было-бы небезопасно жить. Для обезпеченія себѣ большей свободы дѣйствій, Бакунинъ напечаталъ въ газетахъ заявленіе, что онъ удаляется отъ всякой общественной дѣятельности. Это заявленіе однако-же не ввело въ заблужденіе итальянскую полицію, продолжавшую за нимъ зорко наблюдать издали. Въ Локарно онъ занималъ виллу, купленную для него итальянскими анархистами. Здѣсь его часто посѣщали итальянцы и получали необходимыя указанія. Между прочимъ у него постоянно можно было встрѣтить извѣстныхъ потомъ въ Италіи Каффіеро и Коста. Русскіе молодые люди совершали къ нему частыя поломничества, но онъ, избѣгая вредной по его мнѣнію популярности, старался по возможности уклоняться отъ свиданій и охотно принималъ у себя только лицъ, болѣе

или менѣе извѣстныхъ своею дѣятельностью въ Россіи. Правою рукою его считался Россъ, проживающій въ то время въ Цюрихѣ.

Одинъ изъ бывшихъ Чайковцевъ Ѳеофанъ Никандровичъ Лермонтовъ, вышедшій изъ кружка по какимъ-то недоразумѣніямъ, задумалъ составить свой собственный кружокъ. Предварительно онъ съѣздилъ за границу, гдѣ видѣлся съ Бакунинымъ и уговорился распространять въ Россіи анархическія идеи и устроить анархическую организацію. Проживая на квартирѣ Сергѣя Филипповича Ковалика, онъ открылъ ему свои планы. Коваликъ. склонный и ранѣе къ анархизму, отправился въ свою очередь къ Бакунину и получилъ тѣ-же инструкціи, что и Лермонтовъ. Независимо отъ нихъ Владиміръ Карповичъ Дебагоріо-Мокріевичъ имѣлъ въ свою очередь свиданіе съ Бакунинымъ и рѣшился принять участіе въ организаціи анархической партіи.

На свиданіяхъ съ Бакунинымъ рѣшено было не оглашать его прикосновенности къ русскому революціонному дѣлу. Руководители русской анархической партіи должны были дѣйствовать отъ своего имени, а Бакунинъ — оставаться негласнымъ центромъ, подобно тому, какъ это было устроено въ Италіи и Испаніи. Кромѣ того будущіе организаторы анархической партіи находили нужнымъ въ конспиративныхъ цѣляхъ не посвящать пока членовъ устраиваемыхъ ими кружковъ въ идею общей анархической организаціи и установить ее фактически путемъ взаимныхъ сношеній главъ кружковъ или наиболѣе авторитетныхъ лицъ. Этотъ способъ оправдывался также и настроеніемъ молодежи, стремившейся къ полной индивидуальной самостоятельности и унаслѣдовавшей отъ времени господства радикальскихъ кружковъ боязнь генеральства. Вмѣстѣ съ генеральствомъ молодежь боялась также и дисциплины, необходимой во всякой правильной организаціи. Революціонная молодежь еще не получила въ то время необходимой и достаточной подготовки для подчиненія партіонной дисциплинѣ и потому отдѣльныя лица, понимавшіе ея значеніе, старались по возможности маскировать свою организаціонную дѣятельность. Они допускали, что личнымъ вліяніемъ на членовъ кружковъ можно достигнуть той общности дѣйствій, которая въ установившихся политическихъ партіяхъ обезпечивается болѣе всего дисциплиною. Планъ анархической организаціи рушился вмѣстѣ съ крушеніемъ кружковъ, члены которыхъ засажены были въ тюрьмы.

Изъ перечисленныхъ выше лицъ Лермонтовъ и Коваликъ дѣйствовали въ Петербургѣ, а Мокріевичъ въ Кіевѣ. Первый собралъ около себя кружокъ изъ новыхъ лицъ, а послѣдніе переорганизовали существовавшіе кружки. Петербургскіе кружки, какъ дѣйствовавшіе въ столицѣ, имѣли большее вліяніе на распространеніе анархическаго ученія въ другихъ городахъ, поэтому составъ ихъ я считаю нужнымъ перечислить подробно.

Въ кружокъ Лермонтова входили слѣдующія лица:

1) Моисей Абрамовичъ Рабиновичъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 17. Онъ проявлялъ большую энергію и настолько усвоилъ

себѣ опытность агитатора, что представлялся большинству имѣвшихъ съ нимъ дѣло вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ. Въ отсутствіе Лермонтова онъ выступалъ представителемъ кружка, а отчасти и руководителемъ. Въ прежнее время, когда еще не было изобрѣтено такъ называемыхъ аттестатовъ зрѣлости, молодые люди достигали настоящей зрѣлости, т. е. полнаго развитія умственныхъ силъ раньше, чѣмъ теперь. Это объясняется тѣмъ, что имъ приходилось чуть не съ малолѣтства вести борьбу съ родителями, а часто и борьбу за существованіе и ученіе. Тѣмъ не менѣе слишкомъ раннее развитіе Рабиновича вызывало удивленіе даже со стороны близко знавшихъ его лицъ, и опасеніе какого-нибудь недобраго конца. Опасенія эти сбылись. Просидѣвъ до суда два или три года въ одиночкѣ, Рабиновичъ рѣшилъ, что такая крупная сила, какъ онъ, не должна пропадать даромъ. Онъ задумалъ надуть жандармерію своимъ мнимымъ предательствомъ и, выйдя на волю, продолжать свою революціонную дѣятельность. Насколько въ этомъ планѣ замѣшанъ былъ шкурный интересъ, знаетъ только совѣсть Рабиновича. Но по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, нужно думать, что онъ въ извѣстной степени по крайней мѣрѣ былъ искрененъ. Онъ предавалъ только людей, которые по его мнѣнію, почти совпадавшему съ дѣйствительностью, уже достаточно были скомпрометированы и участи которыхъ онъ не могъ ухудшить. Въ заявленіи, поданномъ имъ слѣдственной власти, онъ кромѣ того обѣщалъ, если его выпустятъ на свободу, воспользоваться своею популярностью среди революціонеровъ, узнать всѣ ихъ планы и выдать правительству. Власти оказались предусмотрительно-недовѣрчивыми выслушавъ все, что имъ разсказалъ Рабиновичъ, они оставили его до суда въ тюрьмѣ. Во время суда, на одномъ изъ происходившихъ ежедневно митинговъ заключенныхъ (политическіе сидѣли въ одиночныхъ камерахъ дома предварительнаго заключенія, выбили у себя окна и вели общую бесѣду) Рабиновичъ принесъ покаяніе передъ товарищами и получилъ формальное прощеніе.... Онъ былъ сильно удрученъ своимъ поступкомъ и будучи сосланъ по суду на житье въ Иркутскую губернію, скоро дошелъ до самаго худшаго вида сумасшествія и умеръ.

2) Софья Александровна Лешернъ фонъ Герцфельдъ — самая старшая женщина-революціонерка. Она во время процесса была въ возрастѣ 40 лѣтъ. Она еще до движенія 70 годовъ имѣла связъ съ радикалами. Въ 1872 г. въ имѣніи своей матери въ Новгородской губ. она устроила школу, въ которой учителемъ былъ Долгушинецъ Гамовъ. Впослѣдствіи она снова была изобличена въ революціонной дѣятельности, осуждена на каторгу, по отбытіи которой была отправлена на поселеніе въ Забайкальскую область, гдѣ и умерла въ концѣ 90-хъ годовъ.

3) Варвара Ивановна Ваховская, нынѣ по мужу Бончъ-Осмоловская, была въ то время молодой дѣвушкой. По окончаніи Каменецъ-Подольской гимназіи, гдѣ она уже обращала вниманіе своими выдающимися способностями и интересомъ къ общественнымъ дѣ-

ламъ, она отправилась для завершенія образованія въ Цюрихъ и вернулась оттуда въ 1873 году ярой анархисткой.

4) Евгенія Константиновна Судзиловская, нынѣ по мужу Волынская, сестра извѣстнаго доктора Росселя (Николая Судзиловскаго), проживающаго нынѣ на Сандвичевыхъ островахъ. Она ранѣе другихъ членовъ кружка отправилась на практическую работу и нѣкоторое время торговала въ лавочкѣ, откуда вела пропаганду между крестьянами.

5) Киріакъ Родіоновичъ Милоглазкинъ, студентъ технологическаго института.

Основатель кружка Лермонтовъ вскорѣ послѣ суда умеръ въ тюрьмѣ.

Въ кружокъ Ковалика входили:

1) Иванъ Павловичъ Блавдзевичъ, студентъ института путей сообщенія, ранѣе былъ въ военной гимназіи, откуда долженъ былъ выйти вслѣдствіе пораженія легкаго. Отличался значительными способностями и вдумчивостью, которою можетъ быть въ извѣстной степени обязанъ своему физическому недостатку.

2) Сестра его Клеопатра Павловна Блавдзевичъ, невѣста Ковалика, разставшаяся съ нимъ послѣ ссылки его въ центральную тюрьму, куда никто изъ постороннихъ не допускался. Она отличалась энергіей и рѣшительностью характера; нѣкоторое время для ознакомленія съ жизнью работницъ, она работала на фабрикѣ въ Петербургѣ.

3) Лемени-Македонъ, студентъ технологическаго института, человѣкъ со средними способностями, но въ высшей степени упорный и настойчивый, умеръ до суда въ заключеніи. Ранѣе всѣхъ членовъ кружка онъ захотѣлъ окунуться въ рабочую жизнь и поступилъ на заводъ простымъ рабочимъ.

4) Фростъ, студентъ, умершій до начала крупныхъ арестовъ и не привлекавшійся къ процессу.

5) Митрофанъ Александровичъ Гриценковъ, студентъ, производилъ впечатлѣніе очень серьезнаго молодого человѣка и совершалъ нѣкоторыя агитаціонныя поѣздки совмѣстно съ Коваликомъ. На дознаніи онъ давалъ подробныя показанія, хотя, можетъ быть, и не повредившія никому.

6) Николай Ивановичъ Паевскій, студентъ медикъ. Онъ позже другихъ вступилъ въ кружокъ, но скоро проявилъ большую энергію и находчивость, особенно послѣ начавшихся крупныхъ арестовъ, когда онъ появлялся въ разныхъ городахъ Приволжья и внутреннихъ губерній. Во время отсутствія Ковалика изъ Петербурга оставался представителемъ кружка.

7) Александръ Константиновичъ Артамоновъ, студентъ университета. Онъ пользовался извѣстнымъ вліяніемъ въ студенчествѣ и слылъ за человѣка, въ высшей степени безкорыстнаго и нравственнаго. Судьбѣ угодно было, чтобы именно онъ, будучи избранъ распорядителемъ на одной студенческой вечеринкѣ, забралъ часть выручки безъ вѣдома другихъ распорядителей и передалъ въ револю-

ціонную кассу. Только извѣстныя всѣмъ его нравственныя качества избавили его отъ непріятностей со стороны студентовъ, отрицательно относившихся къ такого рода поступкамъ.

Къ кружку Ковалика принадлежалъ также Каблицъ и другіе, преимущественно женщины. По возвращеніи Ковалика изъ за границы Каблицъ съ компаніей, какъ констатируетъ обвинительный актъ, отдѣлился отъ кружка Ковалика и составилъ свой самостоятельный кружокъ. Кружокъ этотъ заслужилъ ироническое прозвище «вспышкопускателей» за то, что нѣкоторые его члены доводили до крайности значеніе мелкихъ крестьянскихъ бунтовъ. Подобно тому, какъ нѣкоторые юные марксисты измѣряли дѣятельность соціалъ-демократа только количествомъ устроенныхъ имъ стачекъ рабочихъ, вспышкопускатели считали мѣриломъ полезности революціонера количество вызванныхъ имъ мелкихъ бунтовъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ Каблицъ былъ студентомъ въ Кіевскомъ университетѣ и состоялъ въ радикальномъ кружкѣ. Въ 1870 или 1871 году онъ былъ приглашенъ Коваликомъ, избраннымъ въ г. Мглинѣ Черниговской губерніи мировымъ судьею и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, въ секретари съѣзда, откуда и долженъ былъ менѣе чѣмъ черезъ годъ уйти вмѣстѣ съ Коваликомъ. Люди, близко знавшіе Каблица, характеризовали его, какъ человѣка способнаго и цѣннаго, но слишкомъ зарывшагося въ книги. Кто-то даже острилъ, что умъ Каблица блисталъ бы ярче, если бы онъ могъ забыть половину того, что вычиталъ изъ книгъ. Характеристика эта близка къ истинѣ. Уже изъ приведенной выше рѣчи Каблица видно, что онъ пользовался для выраженія своихъ мыслей, безъ всякой пользы для дѣла, формами и терминами, созданными для другихъ цѣлей извѣстными учеными. Эта черта еще болѣе бросается въ глаза въ статьѣ его напечатанной въ «Недѣлѣ» и подписанной псевдонимомъ Юзовъ, подъ заглавіемъ «Умъ и чувство». Статья, вызвавшая въ свое время рѣзкую отповѣдь со стороны Н. К. Михайловскаго, почти вся состояла изъ цитатъ, выписанныхъ изъ разныхъ ученыхъ книгъ, самому-же Каблицу принадлежали только связки въ родѣ: «но, и, а потому и пр.». Въ этой статьѣ Каблицъ явился неудачнымъ выразителемъ начинавшейся въ семидесятыхъ годахъ реакціи противъ единоличной и безпредѣльной власти «Ума». Семидесятники начинали обращать вниманіе и на роль, которую въ человѣческихъ дѣлахъ играетъ чувство, а Каблицъ вслѣдствіе этого поставилъ по выраженію Михайловскаго умъ на запятки, какъ лакея, а чувство посадилъ въ карету на барское мѣсто.

Перейдя, во время «диктатуры сердца» изъ нелегальнаго положенія въ легальное, Каблицъ пробовалъ свои силы въ созданіи основъ народничества. Въ трудахъ своихъ по этому вопросу, Каблицъ, полагая, что онъ остается вѣрнымъ хранителемъ традицій 70-хъ годовъ, дѣлалъ ошибку, подобную той, которую онъ допустилъ въ разсужденіяхъ объ умѣ и чувствѣ. Народничество, составлявшее лишь средство для революціонной дѣятельности, онъ

ставилъ цѣлью, и у него ничего не вышло. Система его во всякомъ случаѣ оказалась болѣе уязвимой для критика, чѣмъ система, съ которой потомъ выступилъ другой основоположникъ легальнаго народничества, извѣстный В. В.

Каблицъ и его quasi-ученыя разсужденія въ настоящее время забыты, а между тѣмъ онъ, во всякомъ случаѣ, былъ выдающимся человѣкомъ и въ движеніи семидесятыхъ годовъ оставилъ свои слѣды. Между прочимъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ революціонеровъ, носившимся съ мыслью о полезности цареубійства. Семидесятники категорически высказывались противъ цареубійства и въ доказательство справедливости своего мнѣнія ссылались на чисто тактическія соображенія. Цареубійство, говорили они, должно вызвать репрессіи, которыя легко могли-бы раздавить широко уже разросшееся, но еще не окрѣпшее движеніе. Впрочемъ, вопросъ этотъ даже не обсуждался на сходкахъ. Каблицъ не велъ пропаганды цареубійства, но въ публикѣ ходили слухи, что онъ, съ цѣлью подготовки какого-то террористическаго акта, ѣздилъ въ Лондонъ. Этотъ слухъ подтверждается указаніемъ, сдѣланнымъ въ обвинительномъ актѣ, что туда были ему переведены деньги въ количествѣ свыше 3000 рублей. Каблицъ, извѣстный у насъ болѣе подъ псевдонимомъ Юзова, умеръ въ 80-хъ годахъ.

Въ кружокъ Каблица входили:

1) Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ, бывшій товарищъ Каблица по Кіевскому университету. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Чернышевымъ, самарцемъ, умершимъ во время слѣдствія, и похороны котораго вызвали небольшую демонстрацію. Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ ускользнулъ отъ ареста и скрылся. Возвратившись изъ Цюриха онъ не пропустилъ ни одной сходки и большую часть ихъ собиралъ самъ. Въ этомъ отношеніи никто не могъ сравниться съ нимъ по энергіи и неутомимости, съ которою онъ бѣгалъ по Петербургу. На сходкахъ онъ любилъ говорить, но рѣчи его не были достаточно выразительны.

2) Николай Яковлевичъ Стронскій, студентъ изъ кружка Полтавскаго землячества, умеръ во время суда.

3) Вѣра Павловна Рогачева, урожденная Карпова, вышла фиктивно замужъ, съ цѣлью освободиться отъ власти родителей, за Дмитрія Михайловича Рогачева; впослѣдствіи она вторично вышла замужъ за Иллича-Свитыча, судившагося по процессу Ковальскаго въ Одессѣ. Въ 1873 году Рогачевой было 17 лѣтъ; она всей душой отдавалась дѣлу, но по своему откровенному характеру была мало способна къ конспиративности. Въ Петербургѣ она ходила работать на фабрику, потомъ съ большинствомъ членовъ кружка переѣхала въ Кіевъ, гдѣ и была арестована одновременно съ коммуною.

4) Цвиленева, бывшая писцомъ въ съѣздѣ мировыхъ судей въ Мглинѣ въ то время, когда Каблицъ былъ секретаремъ. Она умерла до процесса.

5 и 6) Сестры Щукины, вышедшія замужъ одна за Каблица.

другая за Стронскаго. Онѣ получили небольшое приданое, которое цѣликомъ и внесли въ кассу кружка.

Изъ краткихъ свѣдѣній о лицахъ, входившихъ въ составъ только что описанныхъ трехъ кружковъ, можно видѣть, что лица эти ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ остальной революціонной молодежи, принявшей участіе въ движеніи. Это большею частью были обыкновенные средніе люди со всѣми достоинствами и недостатками, присущими тогдашней революціонной молодежи. Побѣда анархизма надъ другими теченіями объясняется не выдающимся личнымъ составомъ анархическихъ кружковъ, а строгою логичностью ученія и господствующимъ настроеніемъ молодежи.

Кромѣ петербургскихъ кружковъ дѣятельною пропагандою анархическихъ идей занимался Кіевскій кружокъ, организованный Дебагоріо-Мокріевичемъ. Кружокъ имѣлъ довольно многочисленный составъ и представлялся хорошо сплоченнымъ. Мокріевичъ имѣлъ талантъ убѣждать людей. Если онъ начиналъ часто ходить съ какимъ нибудь молодымъ человѣкомъ, то можно было съ увѣренностью ожидать, что совратитъ его. Дѣятельность кружка будетъ описана ниже, что-же касается самого Мокріевича, то онъ счастливо избѣгъ ареста въ 1874 г. и былъ взятъ значительно позже въ одной кіевской квартирѣ. Мокріевичъ былъ осужденъ на каторгу, но смѣнившись съ однимъ уголовнымъ, бѣжалъ изъ Сибири и затѣмъ проживалъ за границей. Взгляды его рѣзко измѣнились: изъ самаго послѣдовательнаго отрицателя онъ сталъ защитникомъ культурной работы. Онъ, между прочимъ, участвовалъ въ журналѣ «Самоуправленіе» конституціоннаго направленія. Въ бытность свою эмигрантомъ онъ издалъ свои воспоминанія, читающіяся съ большимъ интересомъ [1]).

Почти въ самомъ началѣ организаціи кружка въ него вступилъ молодой человѣкъ Яковъ Васильевичъ Стефановичъ, сынъ священника. Мокріевичъ и другіе сразу оцѣнили его, какъ человѣка, подающаго большія надежды. Вскорѣ онъ сталъ играть видную роль въ кружкѣ и затѣмъ съ частью членовъ отдѣлился отъ Мокріевича и съорганизовалъ знаменитое Чигиринское дѣло. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ на ряду съ Народной Волей существовала другая фракція подъ названіемъ чернопередѣльцы. Въ ихъ органѣ «Черный Передѣлъ» съ одной стороны и прежде всего развивались народническіе взгляды, съ другой (отчасти) марксизмъ [2]). Стефановичъ считался чернопередѣльцемъ, но когда это направленіе стало падать, присоединился къ Народной Волѣ не безъ тайной, повидимому, надежды повліять на дѣятельность Исполнительнаго Комитета въ желательномъ для него направленіи. Сидя въ тюрьмѣ онъ писалъ исторію революціоннаго движенія въ Россіи, которая должна и теперь храниться въ департаментѣ полиціи или

Ред.

[1]) Вышли и въ Россіи.

[2]) Марксизмъ „Чернопередѣльцевъ“ состоялъ лишь въ томъ, что они считали экономическія отношенія фундаментомъ всѣхъ другихъ отношеній.

другомъ надежномъ мѣстѣ. Это было въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ обществѣ ожидали конституціи. Стефановичъ по всей вѣроятности взялся за упомянутый трудъ въ надеждѣ доказать ссылками на факты изъ исторіи революціоннаго движенія, что только конституція можетъ спасти правительство отъ революціи. Во всякомъ случаѣ имя его ручается за то, что онъ не могъ дать жандармамъ никакихъ компрометирующихъ партію матеріаловъ, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ товарищей относились неодобрительно къ дѣлу составленія исторіи движенія для агентовъ правительства. Въ это же приблизительно время Стефановичъ, бывшій чернопередѣлецъ, окончательно очистилъ свое міросозерцаніе отъ примѣси народничества и усвоилъ программу соціаль-демократизма, или, по крайней мѣрѣ, близкую къ нему.

VI.

Петербургскіе революціонные кружки.

Наряду съ перечисленными чисто анархическими кружками болѣе или менѣе видную роль въ распространеніи и организаціи революціоннаго движенія играли и другіе петербургскіе кружки.

Самымъ старымъ и вліятельнымъ изъ нихъ былъ кружокъ Чайковцевъ, названный такъ по имени Николая Васильевича Чайковскаго, человѣка съ большимъ практическимъ умомъ, много содѣйствовавшаго организаціи кружка. Въ такой-же степени справедливо было-бы назвать кружокъ Натансоновскимъ, по имени Марка Андреевича Натансона, находившагося во время разгара движенія 70-хъ годовъ въ ссылкѣ и потому не принимавшаго участія въ первыхъ стадіяхъ движенія. Кружокъ имѣлъ свои средства и огромныя по тому времени связи. Москва, Кіевъ и Одесса находились въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ и часто получали отъ него директивы. Ссыльныя знаменитости, такъ или иначе, но неизбѣжно попадали подъ опеку кружка. Берви (Флеровскій), написавшій извѣстную въ свое время книгу «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», П. Л. Лавровъ, П. Н. Ткачевъ и др. пользовались услугами кружка. Онъ устраивалъ также и побѣги ихъ.

Въ кружкѣ, въ числѣ другихъ, состояли двѣ женщины, Перовская и Ободовская, считавшіяся молодежью 70-хъ годовъ лучшими женщинами въ Россіи. Имъ не уступали по силѣ способностей и характера и нѣкоторыя другія, напр. А. И. Корнилова. Прочіе члены кружка, безъ различія половъ, представляли собою также болѣе или менѣе крупныя силы. Кромѣ Натансона и Чайковскаго назову Петра Алексѣевича Кропоткина, Сергѣя Михайловича Кравчинскаго (Степняка), Дмитрія Александровича Клеменса, Леонида Эммануиловича Шишко, Сергѣя Силыча Синегуба, Василія Аполлоновича Стаховскаго, Ивана Ивановича Гауэнштейна, Михаила Васильевича Купріанова (умеръ послѣ суда), сестеръ Корниловыхъ, изъ ко-

торыхъ одна Александра Ивановна, нынѣ по мужу Морозъ, судилась по процессу 193, Николая Аполлоновича Чарушина, Анну Дмитріевну Кувшинскую, впослѣдствіи Чарушину, Льва Тихомірова, Драго и пр. Обвинительный актъ въ числѣ членовъ кружка называетъ и Рогачева, вслѣдствіе близости его къ Кравчинскому, но это не вѣрно. Кравчинскій и Шишко (а также Рогачевъ) были отставными артиллерійскими офицерами, среди которыхъ въ то время можно было встрѣтить людей вполнѣ интеллигентныхъ, убѣжденныхъ прогрессистовъ и даже почти нигилистовъ [1]).

Изъ числа перечисленныхъ лицъ Кропоткинъ пріобрѣлъ общеевропейскую извѣстность и живетъ въ Англіи; Кравчинскій, также не безызвѣстный въ Европѣ, раздавленъ поѣздомъ въ Лондонѣ: Клеменсъ избралъ ученую карьеру; Шишко эмигрировалъ: Синегубъ остался въ Сибири, чтобы дать воспитаніе своему многочисленному семейству; Чарушинъ возвратился въ Вятскую губ., Левъ Тихомировъ, сыгравъ видную роль въ Народной Волѣ, перешелъ въ сотрудники къ г. Грингмуту. Изъ остальныхъ, какъ перечисленныхъ выше, такъ и опущенныхъ, нѣкоторые и теперь участвуютъ въ освободительномъ движеніи. Чайковскій въ началѣ 1874 г. отказался отъ революціонной дѣятельности и принялъ отъ Маликова новую религію—богочеловѣческую. Они потомъ вмѣстѣ устроили въ Америкѣ религіозную коммуну. Послѣ крушенія этого предпріятія Чайковскій поселился въ Англіи и присоединился къ анархистамъ. Въ настоящее время онъ проживаетъ за границею. Натансонъ былъ арестованъ за организацію «Земля и Воля» и второй разъ за «Народоправство», но отдѣлался сравнительно легко (если считать легкою десятилѣтнюю ссылку въ Сибири).

Движеніе застало нѣсколько въ расплохъ существовавшіе кружки, въ томъ числѣ и чайковцевъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ обсужденій, они принуждены были признать анархизмъ, но до самаго послѣдняго времени полнаго единства въ этомъ отношеніи не достигли. Купріяновъ, напр., никогда не держался этого ученья. Синегубъ, Тихомировъ и Стаховскій арестованы были ранѣе, чѣмъ чайковцы приняли анархическую программу. Самымъ дѣятельнымъ и убѣжденнымъ анархистомъ въ кружкѣ былъ князь Кропоткинъ, оставшійся и доселѣ таковымъ. Записка его, содержащая начатки анархіи, будетъ приведена ниже. Какъ выдающійся мыслитель, Кропоткинъ не только воспринялъ готовое ученье, но и подвергалъ его дальнѣйшей детальной разработкѣ. Особенно онъ любилъ останавливаться на моментѣ анархическаго переворота и смѣлымъ размахомъ кисти рисовалъ картину глубокаго революціоннаго состоянія человѣчества, предшествующаго торжеству анархіи. Другимъ убѣжденнымъ анархистомъ среди чайковцевъ былъ Чарушинъ.

Ко времени появленія ученія анархіи у чайковцевъ существо-

[1]) Полковникъ Лобовъ, бывшій нигилистъ 60-хъ годовъ, былъ однимъ изъ членовъ Цюрихской Колоніи. У него собирались лавровцы.

вала своя болѣе или менѣе разработанная программа революціонной дѣятельности. Это обстоятельство не могло не играть роли задерживающаго фактора въ усвоеніи новаго ученія. Съ другой стороны большіе кружки, какъ и всякія широкія организаціи, всегда отличаются нѣкоторою косностью и неповоротливостью—имъ трудно приспособиться къ новымъ требованіямъ времени. Всѣ эти обстоятельства были причиною того, что кружокъ не сыгралъ той крупной роли, на которую, казалось, имѣлъ право по всѣмъ своимъ даннымъ. Тѣмъ не менѣе, и онъ внесъ свою лепту—и не малую—въ дѣло распространенія анархическихъ идей. При обсужденіи практическихъ вопросовъ члены его защищали болѣе умѣренные способы дѣятельности и нерѣдко являлись сдерживающимъ началомъ для молодежи, предохраняя ее отъ немедленнаго осуществленія агитаціи въ народѣ съ цѣлью подготовки почвы для всеобщаго возстанья. Допуская въ принципѣ постановку этихъ задачъ, нѣкоторые члены кружка проводили мысль, что, идя въ народъ, молодежь должна прежде всего изучить ту среду, въ которой хочетъ работать и съ которою должна слиться. Кропоткинъ сравнительно рѣдко появлялся на сходкахъ, будучи занятъ пропагандою среди рабочихъ. Кромѣ Кравчинскаго и Чарушина, наибольшею популярностью на собраніяхъ молодежи пользовался Клеменсъ. Онъ ранѣе занимался съ рабочими, успѣлъ совершить нѣсколько экскурсій въ крестьянскую среду и прекрасно усвоилъ себѣ народный говоръ. Молодежь чтила въ немъ знатока народа и съ удовольствіемъ его слушала. Несмотря на эти качества и ему не всегда удавалось одержать побѣду надъ анархистами, изъ которыхъ еще никто не имѣлъ опыта, вынесеннаго изъ пропаганды въ народѣ. Молодежь неудержимо рвалась впередъ и не всегда была удовлетворена благоразумными рѣчами. Въ этомъ нельзя не видѣть доказательства того, что самая благоразумная осторожность не всегда достигаетъ цѣли въ періоды сильнаго возбужденія умовъ. Извѣстныя дѣйствія, какъ бы они ни казались по существу неблагоразумными, неизбѣжно должны совершиться. Съ точки зрѣнія наибольшей пользы для дѣла наибольшее благоразуміе со стороны зрѣлыхъ людей, быть можетъ, заключается въ полномъ объединеніи не только въ цѣляхъ, но и въ общемъ характерѣ практической дѣятельности съ неблагоразумными горячими головами.

Изъ всего сказаннаго выше очевидно, что главная роль въ распространеніи революціонно-анархическаго движенія по всему лицу русской земли должна была перейти къ болѣе молодымъ анархическимъ кружкамъ и къ отдѣльнымъ убѣжденнымъ анархистамъ въ родѣ Кропоткина.

Подъ вліяніемъ чайковцевъ и анархистовъ образовалось нѣсколько новыхъ кружковъ изъ учащейся молодежи, или-же старые кружки землячествъ и самообразованія были направлены на революціонную дѣятельность. Упомяну о главнѣйшихъ изъ нихъ вкратцѣ. Кружокъ артиллеристовъ состоялъ большею частью изъ

бывшихъ воспитанниковъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и находился почти исключительно подъ вліяніемъ Чайковцевъ. Еще въ 1872 г. Кравчинскій, Рогачевъ и Шишко имѣли сношенія съ группою воспитанниковъ названнаго училища, преслѣдовавшею цѣли самообразованія. Въ этой группѣ находились между прочимъ: Александръ Давыдовичъ Аитовъ, Николай Никитичъ Тепловъ, Владиміръ Андреевичъ Усачевъ и Михаилъ Дмитріевичъ Нефедовъ. Всѣ они вышли потомъ изъ училища и поступили въ высшія учебныя заведенія. Когда они стали сплачиваться въ кружокъ, къ нимъ присоединились Сидорацкій, женившійся на Ободовской—человѣкъ съ большими способностями, но нѣсколько ненормальный, Ѳоминъ и др. Въ очень близкихъ отношеніяхъ съ ними находился также Александръ Осиповичъ Лукашевичъ, впослѣдствіи по другому дѣлу осужденный на каторгу. Кружокъ былъ хорошо подобранъ и въ цѣломъ представлялъ замѣтную силу.

Для подготовки къ ремеслу артиллеристы подъ руководствомъ или же только при участіи Шишко и другихъ Чайковцевъ устроили первую въ Петербургѣ солидную мастерскую, въ которой интеллигентная молодежь обучалась слесарному дѣлу, а отчасти и революціонному. Мастерская эта имѣла извѣстное значеніе въ исторіи революціоннаго движенія въ Петербургѣ. Въ ней перебывало много народа и она стала своего рода революціоннымъ клубомъ.

Изъ членовъ кружка Тепловъ и Аитовъ вскорѣ отказались отъ чисто революціонной дѣятельности. Подъ вліяніемъ вдохновенной проповѣди Маликова, основателя бого-человѣческой религіи, они, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, увѣровали, что только пропагандой соціализма во имя религіи и непротивленіемъ злу можно спасти народъ и доставить ему счастье. Это не мѣшало прокуратурѣ привлечь ихъ къ большому процессу. Въ настоящее время Аитовъ живетъ въ Парижѣ.

Къ артиллеристамъ были близки Оренбуржцы или Голоушевцы, названные такъ по имени одного изъ основателей кружка, Сергѣя Сергѣевича Голоушева. Отецъ его былъ жандармскимъ полковникомъ, а мать поддерживала все время сношенія съ сыномъ-революціонеромъ и въ извѣстной степени сочувствовала ему. Голоушевъ, учась въ Петербургѣ, сохранялъ связи, которыя у него были на родинѣ, въ Оренбургской губерніи. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Оренбургъ онъ познакомился съ лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Муравскимъ, проживавшимъ тамъ съ 1870 года послѣ отбытія каторги. Муравскій былъ осужденъ въ шестидесятыхъ годахъ по политическому дѣлу и въ разсматриваемое время былъ уже пожилымъ человѣкомъ (около 40 лѣтъ).

Митрофанъ Даниловичъ Муравскій, извѣстный подъ кличкою «Отецъ Митрофанъ», почуявъ начинающееся броженіе умовъ, воспрянулъ духомъ, скоро усвоилъ основную идею движенія 70 годовъ и началъ пропагандировать среди Оренбургской молодежи необходимость идти въ народъ съ цѣлью не только просвѣщенія его, но и подготовки къ возстанію. Ближе всего онъ сошелся съ гимнази-

стомъ Павломъ Орловымъ, впослѣдствіи осужденнымъ по другому дѣлу на каторгу и убитымъ въ Якутскомъ округѣ, гдѣ онъ отбывалъ поселеніе. Вмѣстѣ съ Орловымъ Муравскій вошелъ въ кружокъ Оренбуржцевъ, но остался на мѣстѣ, чтобы осуществить свою программу. Вскорѣ онъ отправился въ народъ, странствовалъ по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ и былъ арестованъ въ Челябѣ. Не выходя изъ предѣловъ Оренбургскаго края, Муравскій не могъ имѣть сколько-нибудь широкаго вліянія на молодежь. Не имѣя особыхъ организаторскихъ способностей и не обладая выдающимся талантомъ творчества, Муравскій не могъ ни въ какомъ случаѣ стать во главѣ движенія, но по глубинѣ своей натуры и убѣжденности, граничащей съ религіозною вѣрою, безъ всякаго сомнѣнія, оказался-бы виднымъ дѣятелемъ въ крупныхъ центрахъ и привлекалъ бы къ себѣ молодежь своими душевными качествами.

Отецъ Митрофанъ былъ какъ рецидивистъ осужденъ по процессу 193 на каторгу и умеръ въ Андреевской центральной тюрьмѣ, находившейся въ Харьковскомъ уѣздѣ. Сидя въ тюрьмѣ онъ, подъ вліяніемъ размышленій наединѣ и чтенія исключительно духовныхъ книгъ (другихъ не давали), поддался религіозному настроенію и становится «отцомъ» не только по кличкѣ, но и по образу своихъ мыслей. Отрицая всецѣло начинавшійся терроръ, какъ чисто политическое средство борьбы, онъ мечталъ о новаго рода народническо-революціонной дѣятельности, освѣщаемой религіей, не оффиціальною конечно, а такой, какъ она представлялась его уму. Независимо отъ своего религіознаго настроенія Муравскій производилъ на окружающихъ впечатлѣніе угодника или святого. Тюремный священникъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и при отпѣваніи его произнесъ рѣчь, въ которой называлъ раба Божія Митрофана святымъ и рекомендовалъ присутствующимъ молить этого святого, чтобъ онъ и имъ пріуготовилъ царствіе небесное. Къ счастью для священника, въ числѣ присутствовавшихъ не было членовъ жандармеріи и прокурорскаго надзора.

Въ кружкѣ Голоушева между прочимъ принимали участіе: Клеопатра Осиповна Лукашевичъ, сестра вышеупомянутаго Лукашевича, присоединившаяся потомъ къ Самарскому кружку, Марья Ивановна Веревочкина, невѣста Голоушева, пропагандировавшая среди крестьянъ Оренбургскаго края, Леонидъ Михайловичъ Щиголевъ, Соломонъ Львовичъ Аранзонъ, Леонидъ Рейнгольдовичъ Траубенбергъ, Петръ Петровичъ Воскресенскій и Дмитрій Васильевичъ Федоровичъ.

Всѣ они кромѣ Клеопатры Лукашевичъ, по мужу Осиповой, попали въ Большой процессъ также, какъ и артиллеристы.

Изъ Саратовскаго землячества образовался кружокъ Саратовцевъ, въ которомъ наиболѣе замѣтными личностями были Воронцовъ и Ломоносовъ, оба студенты—медики. Члены кружка своимъ здоровымъ видомъ и соотвѣтствующимъ ростомъ производили впечатлѣніе вольныхъ сыновъ степей. Кружокъ считался довольно серьезнымъ, но очень рано распался. Воронцовъ, будучи уже ском-

прометированъ, скрылся, а Ломоносовъ отсталъ. Ихъ дѣло продолжалъ мѣстный кружокъ въ Саратовѣ, состоявшій изъ семинаристовъ и гимназистовъ. Наиболѣе дѣятельнымъ членомъ этого послѣдняго кружка былъ братъ Ломоносова семинаристъ, Петръ Андреевичъ Ломоносовъ.

Еще болѣе, чѣмъ Саратовцы, обѣщали занять видное мѣсто Самарцы, составившіе такъ называемый кружокъ Городецкаго.

Левъ Сергѣевичъ Городецкій, побывавъ на нѣсколькихъ сходкахъ, довольно скоро усвоилъ руководящія идеи движенія. По образу мыслей своихъ онъ ближе всего былъ къ Чайковцамъ и вскорѣ сталъ выступать на сходкахъ противъ крайнихъ анархистовъ — вспышкопускателей. Онъ спорилъ также и съ другими анархистами, проводя въ то-же время въ своемъ кружкѣ чисто-анархическую программу. На сходкахъ онъ какъ-бы мыслилъ вслухъ и самыя возраженія его, казалось, имѣли цѣлью вызвать дальнѣйшее развитіе обсуждаемыхъ мыслей. Это въ связи съ другими качествами Городецкаго и недюжинными его способностями заставляло ожидать, что онъ займетъ извѣстное, болѣе или менѣе видное мѣсто въ движеніи, но этого не случилось. Не успѣвъ проявить вполнѣ своихъ талантовъ, Городецкій былъ рано арестованъ и на допросахъ давалъ болѣе откровенныя показанія, чѣмъ можно было ожидать отъ него.

Въ кружокъ Городецкаго входили также лица, подававшія надежды: студентъ Павелъ Чернышевъ, похороны котораго вызвали демонстрацію, Комовъ и Бухъ, впослѣдствіи осужденные по другимъ дѣламъ.

Городецкій и товарищи сохранили связи съ Самарой и на ряду съ другими пріѣзжими агитаторами содѣйствовали образованію и быстрому росту Самарскаго, мѣстнаго кружка, о которомъ подробнѣе сказано будетъ ниже.

Кромѣ перечисленныхъ выше, въ Петербургѣ было еще нѣсколько земляческихъ кружковъ самообразованія, которые въ большей или меньшей степени усвоили себѣ революціонную идею движенія. Такъ существовали Полтавскій, Пермскій кружки и др. Нѣкоторые изъ Полтавцевъ примкнули къ революціонной организаціи; въ числѣ ихъ былъ напр. студентъ Максимовъ, Павелъ Дмитріевичъ, пропагандировавшій среди крестьянъ Полтавской губерніи и судившійся по процессу 193.

Пермяки чрезвычайно медленно усваивали идеи, циркулировавшія среди радикальной молодежи, и участія въ революціонной работѣ не приняли.

Кромѣ всѣхъ описанныхъ кружковъ, рѣшившихся (кромѣ Пермскаго) приступить къ революціонной дѣятельности, въ Петербургѣ было еще нѣсколько кружковъ лавровскаго направленія. Члены этихъ кружковъ посѣщали также сходки, на которыхъ рѣшались революціонные и народническіе вопросы, но во всемъ составляли правую сторону движенія. Они признавали этическую сторону народническо-анархическаго ученія, говорили объ уплатѣ народу долга

и признавали движеніе въ народъ, но лишь въ формѣ занятія извѣстными профессіями, полезными народу: медициной, адвокатурой, учительствомъ и пр., летучую-же пропаганду совершенно отрицали. Такъ какъ лавровцамъ нужно было подготовиться къ указаннымъ профессіямъ и прежде всего окончить университеты, то въ дѣйствительности они, за ничтожными исключеніями, въ народъ не пошли и въ дальнѣйшей революціонной дѣятельности участія не приняли.

Кромѣ лавровцевъ были еще два-три кружка молодежи, которые хотя и признавали конечною цѣлью революцію, но ближайшей задачей для интеллигентной молодежи считали науку. Кружки эти не имѣли никакого значенія. Самый азартъ, съ которымъ они защищали науку, никѣмъ не отрицавшуюся, заставлялъ подозрѣвать, что они опасались тоже увлечься въ сторону практической дѣятельности и громкими фразами думали заглушить закравшіяся въ ихъ душу сомнѣнія.

Старикъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія чайковца.

(*Окончаніе* [1]).

XX.

Отсутствіе физической работы и живыхъ впечатлѣній чрезвычайно разстраивало нервы, дѣлало душу раздражительной и мнительной. Былъ со мной, напр., такой казусъ.

Отъ тоски я былъ радъ всякому живому существу, почему я прикормилъ прилетавшихъ къ моему окну голубей, которые между двумя рамами на подоконникѣ свили гнѣздо и вывели голубенятъ. Богородцкій не протестовалъ противъ этого, даже и противъ того, чтобы голуби залетали ко мнѣ въ камеру.

Кромѣ голубей, я прикормилъ еще и мышь.

Каждое послѣ-обѣда я оставлялъ ей у стола и мясца, и хлѣбца, и рису, словомъ, что-нибудь изъ того, что было у меня на обѣдѣ. Послѣ обѣда я ложился на постель и начиналъ смотрѣть въ тотъ уголъ, гдѣ была дырочка подъ нижнимъ плинтусомъ. Въ дырочкѣ появлялась маленькая острая мордочка съ ушками и маленькими черными глазками, и нюхала воздухъ. Затѣмъ маленькій сѣренькій звѣрокъ стремительно пробѣгалъ изъ норки въ противоположный уголъ камеры и оттуда начиналъ свое путешествіе по камерѣ, обнюхивая все попадавшееся по пути — спичку, окурокъ, перо вылетѣвшее изъ подушки; наконецъ, звѣрокъ достигалъ мѣста у стола, гдѣ на полу была приготовлена ему трапеза, и начиналъ угощаться самымъ свободнымъ образомъ. Мѣсяца три, если не больше, мы жили со звѣркомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Я чувствовалъ какую-то непонятную отраду при появленіи въ камерѣ моего маленькаго друга, — и иногда ночью, улегшись въ постель, я слышалъ подъ подушкою у себя шорохъ, и затаивъ дыханіе, я заглядывалъ осторожно подъ край подушки и видѣлъ тамъ своего дружка въ видѣ маленькаго комочка, насторожившаго ушки. Но замѣтивши меня, онъ стремглавъ улепетывалъ во свояси. Забирался онъ на постель по краю спущенного одѣяла. Когда выпадали

[1]) См. Былое кн. 8 и 9.

такіе дни, что мой сѣренькій другъ по какимъ-либо своимъ недосугамъ не показывался въ моей камерѣ,—можетъ быть, вѣроломно измѣнивъ мнѣ, гостилъ у другого заключеннаго,—мнѣ дѣлалось тоскливо на душѣ, какъ это ни смѣшно...

Какъ-то въ одинъ изъ дней свиданія Ларисса пришла въ обѣденное время, такъ что когда я послѣ свиданія вошелъ въ камеру, я нашелъ на столѣ только-что принесенный обѣдъ. Пообѣдавъ, я, по обыкновенію, отдѣлилъ порціи и для своего маленькаго дружка и сожителя. Звѣрокъ появился, какъ всегда, поѣлъ изъ брошенной ему на полъ снѣди, и отошедши недалеко отъ стола, вдругъ свалился на бокъ, судорожно заерзалъ ножками, затѣмъ вытянулся и околѣлъ...

Я кинулся къ нему. Но чѣмъ я могъ спасти своего друга?!. И ужасная мысль охватила мою душу. Я моментально вспомнилъ ходившую на волѣ розсказню, что жандармы отравляютъ заключенныхъ медленнымъ ядомъ, подмѣшивая ядъ въ пищу, постепенно усиливая его дозу. Мышь поѣла моей пищи; того количества яда, какое было въ ея порціи, было, очевидно, вполнѣ достаточно, чтобы ее убить... Несомнѣнно, что меня отравляютъ. Сдѣлавъ такое открытіе, я поднялъ мышь, подошелъ къ электрическому звонку и далъ протяжный, тревожный, настоятельный звонокъ, который заключенные подавали всегда, когда настоятельно надо было видѣть дежурнаго. На мой звонокъ очень быстро появился присяжный, котораго я про себя звалъ лисицей, и открылъ форточку съ обычнымъ вопросомъ—«что угодно?»

— А вотъ-что, началъ я. Вотъ мышь. Она поѣла остатковъ отъ моего обѣда и околѣла. Я думаю, что въ моей пищѣ есть ядъ. Попросите ко мнѣ полковника.

Встревоженно захлопнувъ форточку, присяжный полетѣлъ къ полковнику.

Минутъ черезъ пять, взволнованный и плохо сдерживая раздраженіе, влетѣлъ въ мою камеру Богородцкій и накинулся на меня:

— «Что вы это тутъ выдумываете?! Какой ядъ у васъ въ пищѣ?!... Пищей я завѣдываю! Неужели вы думаете, что я могу травить людей?! Какъ вамъ не стыдно!»

Но смекнувъ, вѣроятно, глядя на меня, стоявшаго съ мышью въ рукѣ, что мое душевное состояніе далеко не изъ сладкихъ, онъ уже мягко заговорилъ: «Ну, какъ не стыдно! Даромъ только себя разстраиваете!.. Присяжный,—обратился онъ къ унтеру, — отодвинь стульчакъ!.. Вотъ, для вашего успокоенія смотрите, въ углу бѣлый порошокъ видите? Это—мышьякъ. Такъ много развелось мышей въ камерахъ, что я рѣшилъ ихъ травить. И насыпалъ вездѣ за стульчаками мышьяку,—конечно, когда арестованные гуляли.. Присяжный, убери мышь и этотъ мышьякъ сейчасъ же долой!»

Я успокоился. Мысль объ отравленіи меня показалась мнѣ самому нелѣпой.. Но бѣднаго моего маленькаго друга я лишился.

Тоскливое сидѣнье безъ перестукиванья и безъ всякихъ сноше-

ній съ товарищами, съ книгою— днемъ, со своею собственною тѣнью на стѣнѣ—ночью, длилось болѣе года.

Желтыя стѣны камеры, превратившейся въ моемъ воображеніи въ гробъ, въ который я былъ заживо похороненъ; тѣ же безличные для меня часовые, одни и тѣ же присяжные унтера, все тотъ же съ круглыми глазами, съ красной короткой шеей, съ бритыми грубыми щеками, приземистый усатый Богородцкій,—изо дня въ день все одно и то же надоѣдало до невозможности и съѣдало мою жизнь, какъ ржавчина съѣдаетъ желѣзо,—медленно и упорно.

Ждалъ я мучительно суда и не могъ понять, почему меня такъ долго не судятъ?

Но къ этому времени крѣпость стала набиваться заключенными. Это я узнавалъ по тому, что по сторонамъ моей камеры въ ночной тишинѣ я уже слышалъ, какъ ходили сосѣди, — по тому, что стали ходить на прогулку не каждый день, а черезъ день и даже черезъ два,—по тому, что чаще стали раздаваться звонки и щелканья замковъ у камеръ. Да и изъ записокъ жены зналъ я о походѣ, открытомъ «опричниками», какъ называли мы тогда прокуроровъ и жандармовъ, противъ молодежи, двинувшейся въ народъ съ агитаціонными цѣлями.

Однажды вечеромъ сидѣлъ я за своимъ столикомъ и читалъ книгу. Только слышу, то и дѣло раздается настойчивый глухой стукъ. Кто-то простучитъ извѣстное число разъ и пріостановится на нѣкоторое время, затѣмъ вновь простучитъ и опять пріостановится. Я подумалъ, что это неспроста. Сталъ я считать число ударовъ: не выйдетъ-ли буква въ порядкѣ алфавита? Первый рядъ ударовъ, очевидно, ногой объ полъ, далъ мнѣ букву к, второй рядъ—т, третій—о. Получилось слово: кто.—О! какая благодать! Значитъ можно разговаривать. Я отстукнулъ въ отвѣтъ и сталъ выбивать свою фамилію. И мнѣ было отстукнуто: значитъ, понялъ товарищъ! Тогда я сталъ отстукивать слово—кто. Получилъ отвѣтъ: Аранзонъ.—Великолѣпно! Слышу стукъ дальше, получается фраза: раздѣлили азбуку, шесть строкъ—пять буквъ. Превосходно! Значитъ, живемъ! Я взялъ листикъ папиросной бумажки и получилъ:

1) а б в г д
2) е ж з и к
3) л м н о п
4) р с т у ф
5) х ц ч ш щ
6) ы э ю я

Первые удары означали строчку, удары вслѣдъ за ними—букву въ строчкѣ. Съ недѣлю перестукиваніе шло съ задержками и съ заглядываніями въ листикъ,—затѣмъ оно все шло глаже и глаже, наизусть, съ массою сокращеній, что значительно облегчало разговоръ.

Перестукиванье меня воскресило! Не говоря уже о томъ, что

душа ожила, потому что перестукиваніе вводило меня въ общеніе съ міромъ родныхъ по духу, милыхъ, хотя и незнакомыхъ, но уже горячо любимыхъ человѣческихъ существъ, — душа моя, лишенная столь долгое время живыхъ впечатлѣній и изголодавшаяся по нихъ, стала обогащаться и впечатлѣніями, и свѣдѣніями о внѣтюремной жизни, гнетъ одиночества значительно ослабѣлъ; не говоря уже объ этомъ, но перестукиваніе подняло жизненность моего организма. Въ первую же недѣлю перестукиванія,—а стучалъ я сначала, стоя у изголовья кровати, въ полъ ногою,—у меня явился аппетитъ, котораго я уже давно не испытывалъ; стали исчезать безсонницы, и я началъ спать довольно крѣпко.

Жизнь сдѣлалась много содержательнѣе.

На первыхъ порахъ перестукиваніе преслѣдовалось нашими тюремщиками. Присяжные унтеръ-офицера подкрадывались потихоньку къ двери, безшумно всовывали ключъ въ замокъ форточки и внезапно открывъ ее, что называется, накрывали увлекшагося своеобразной бесѣдой узника.

Вслѣдъ затѣмъ докладывалось полковнику, который прибѣгалъ взбѣшенный, грозилъ разными репрессіями, карцеромъ, отнятіемъ прогулокъ, книгъ, свиданій.

Меня улавливали, главнымъ образомъ, два присяжныхъ унтера: тотъ, котораго я назвалъ про себя Лисицею, и финнъ Фертикъ. Богородцкій являлся и, не смотря на расположеніе ко мнѣ, уговаривалъ не нарушать крѣпостной инструкціи, грозя въ противномъ случаѣ доложить коменданту, что должно было повлечь за собою отнятіе свиданій съ женой,—лишеніе это было бы для меня очень тяжкимъ.

Но развѣ можно было замиравшему человѣку отказаться отъ представившейся возможности жить?!

И перестукиванія продолжались. Къ чести Богородцкаго сказать, ни къ какимъ репрессіямъ онъ не прибѣгъ. По крайней мѣрѣ, что касается лично меня, то унтера перестали меня улавливать, а Богородцкій, зашедши однажды вечеромъ, замѣтилъ мнѣ: «Ну что,— все перестукиваетесь?» — Перестукиваюсь, полковникъ! Грѣшенъ! Да вѣдь жить хочется! Не охота помирать отъ тоски.—Онъ только покачалъ головой, улыбаясь своими круглыми глазками.

XXI.

Въ апрѣлѣ 1875 года узналъ я, наконецъ, почему нѣтъ и нѣтъ суда надо мною.

Какъ то въ камеру около полудня вошелъ Богородцкій съ присяжнымъ, несшимъ мою одежду, и заявилъ мнѣ, что я вызываюсь въ комиссію жандармскаго генералъ-лейтенанта Слезкина.

Въ сопровожденіи присяжнаго и конвойнаго я былъ введенъ въ верхній этажъ того же равелина, въ нижнемъ этажѣ котораго давались мнѣ до сихъ поръ по пятницамъ свиданія. Меня ввели въ большую комнату и оставили на нѣкоторое время одного. Одно

изъ оконъ этой комнаты было у самаго пола и выходило на Неву; оно было полукруглое и небольшое и изъ него виднѣлась черезъ Неву набережная и дворцы. Въ другое высокое окно виднѣлась какая-то стѣна.

Минутъ около пяти—я былъ одинъ.

Вдругъ отворилась дверь, и на порогѣ появилось фигура жандармскаго офицера, довольно молодого, бритаго съ усами блондина; пристально поглядѣлъ онъ на меня своими смѣлыми и наглыми голубыми глазами, —затѣмъ затворилъ дверь и удалился.

Это былъ, какъ я потомъ узналъ, штабсъ-капитанъ Лѣсникъ.

Спустя нѣсколько минутъ, дверь отворилась опять, и на меня смотрѣлъ пристально уже новый субъектъ, въ военномъ мундирѣ, съ краснымъ воротникомъ: это смотрѣлъ своими небольшими темно-сѣрыми глазами, нѣсколько, какъ бы усталыми, горбоносый, съ опущенными усами жандармскій подполковникъ Новицкій. Посмотрѣлъ онъ на меня,— и молча удалился. Дверь снова закрылась.

Что сей сонъ значитъ? подумалъ я. — Придутъ, какъ гоголевскія крысы, поглядятъ и уйдутъ прочь!

Наконецъ, вновь появился Лѣсникъ и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Я былъ введенъ въ одну изъ комнатъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ того корридора, по которому мы шли съ Лѣсникомъ. Здѣсь стоялъ столъ, за которымъ на одномъ концѣ сидѣлъ подполковникъ Новицкій, а на другомъ, визави съ нимъ, сидѣлъ молодой чиновникъ въ штатской формѣ съ синими очками по носу, бритый и несимпатичный. — Это былъ товарищъ прокурора Екатеринбургскаго окруж. суда Шубинъ, прикомандированный на этотъ разъ въ штабъ прокурора Саратовской судебной палаты Жихарева.

Меня пригласили сѣсть за столъ. На столѣ лежала изрядная кучка книжекъ и брошюръ. Указывая на эту кучку, Шубинъ заявилъ, что эти книги и брошюры, въ количествѣ 40 экземпляровъ, взяты у моего ученика рабочаго Степана Зарубаева при арестѣ его въ его родной деревнѣ въ Тверской губ., куда онъ, послѣ того какъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы въ 1875 г., отправился съ цѣлями пропаганды.

На вопросъ о томъ, откуда онъ, Зарубаевъ, получилъ эти книжки, тенденціозныя, противоправительственного содержанія, въ большинствѣ изданныя заграницей, Зарубаевъ сказалъ, что ихъ далъ ему учитель Синегубъ, и что при первомъ арестѣ въ Петербургѣ онѣ не были у него найдены, потому что хранились въ ящикѣ зарытомъ во дворѣ въ землю, откуда онъ ихъ извлекъ послѣ выхода изъ тюрьмы.

Я никогда такого количества книгъ и брошюръ Зарубаеву не давалъ, да и зналъ навѣрняка, что тѣ книжки, которыя я давалъ Зарубаеву, у него были отобраны при первомъ обыскѣ и мнѣ ихъ показывали на дознаніи. Поэтому я категорически отрицалъ показаніе Зарубаева, и заявилъ, что Зарубаевъ вретъ на меня. Я по

заглавіямъ книгъ увидѣлъ, что эти книги даже не были изданы и не могли быть изданы въ бытность мою на волѣ. Тутъ были — «Сказка о четырехъ братьяхъ» Льва Тихомірова, которую онъ писалъ на моей квартирѣ и только весьма незадолго до моего ареста ее кончалъ въ рукописи; тутъ была «Хитрая механика», о которой я никакого представленія не имѣлъ и которую я только тутъ въ первый разъ увидѣлъ; тутъ были Наумовскіе — «Ежъ», «Мірской учетъ» и «Юровая», — первыя двѣ въ 1873 году были журнальными статьями въ Отеч. Зап., и я оттуда читалъ ихъ рабочимъ, а объ «Юровой» я и понятія не имѣлъ. Были и другія книжки, о которыхъ я тоже ничего не зналъ и не слыхалъ. Объ этомъ я заявилъ, т. е. указалъ, что многія изъ книгъ не были изданы отдѣльно, а другія ходили въ рукописяхъ въ бытность мою на волѣ и поэтому дать ихъ Зарубаеву въ заграничномъ изданіи я физически не могъ; я предложилъ Новицкому и Шубину, чтобы они обстоятельно разслѣдовали, когда именно изданы эти книжки. Моимъ увѣреніямъ и совѣту не придали, конечно, никакого значенія и снабженіе Зарубаева 40 экз. тенденціозныхъ революціонныхъ книжекъ сочли за главное основаніе для привлеченія меня къ большому дѣлу,—къ сообществу, раскинувшему свои сѣти по всей имперіи, по всему «отечеству», спасителями котораго явились на этотъ разъ прокуроръ Суд. Палаты огромный Жихаревъ и шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ, почти карликъ,—Потаповъ.

Вотъ почему я не могъ дождаться суда, обѣщаннаго Гераковымъ по дѣлу, слѣдствіе по которому онъ закончилъ и которое онъ передалъ для составленія обвинительнаго акта прокурору. Мое и Стаховскаго дѣло пристегнули къ большому дѣлу, благодаря показанію Зарубаева. Такія же книжки, какія были взяты у Зарубаева, находились у массы другихъ лицъ, подвергавшихся обыскамъ и аресту впродолженіи 1874 года. Это указывало властямъ на якобы общность злоумышленія.

Исторія же съ показаніемъ Зарубаева была такова. Послѣ того, какъ Зарубаева выпустили въ 1874 году изъ тюрьмы, при чемъ онъ узналъ, что слѣдствіе по моему дѣлу кончено и что мѣсяца черезъ два-три будутъ судить меня, онъ поселился снова за Невской Заставой. Здѣсь онъ столкнулся съ однимъ изъ членовъ Долгушинскаго кружка, съ бывшимъ студент. Технолог. Инстит. и съ моимъ старымъ знакомымъ Чиковымъ. При отъѣздѣ Зарубаева въ деревню лѣтомъ 1874 года (т. е. черезъ $^1/_2$ года послѣ моего ареста), Чиковъ снабдилъ его упомянутыми выше 40 книжками для пропаганды, съ которыми онъ и былъ арестованъ во второй разъ въ августѣ или въ сентябрѣ мѣсяцѣ. На допросѣ онъ, на вопросъ— откуда у него эти книжки, указалъ на меня, полагая съ полной увѣренностью, что со мной давно уже власти покончили и что я, Стаховскій и Тихоміровъ давно осуждены и пребываемъ въ мѣстахъ злачныхъ. Такимъ указаніемъ на лицо, которое уже осуждено, Зарубаевъ прекращалъ дальнѣйшій разговоръ объ этихъ книжкахъ на допросахъ и дальнѣйшія старанія разузнать, кто именно далъ

ему книжки. О томъ же обстоятельствѣ, что Чиковъ арестованъ и будучи переведенъ изъ крѣпости въ Литовскій замокъ, успѣлъ тамъ ко времени ареста Зарубаева помереть отъ скоротечной чахотки, Зарубаевъ не зналъ. Въ результатѣ получился какъ бы невольный съ его стороны оговоръ меня, что его бѣднягу очень мучило. Когда намъ уже пришлось встрѣтиться на судѣ и объясниться, я успокоилъ его, что не однѣ эти книжки виноваты, а и показанія другихъ лицъ по нашему процессу.

Съ апрѣля 1875 г. жизнь моя въ крѣпости измѣнилась. Свиданья давались уже не въ присутствіи полковника, а въ присутствіи тов. прок. Шубина или штабсъ-капитана Лѣсника, и не тамъ, гдѣ раньше, а въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ производилось дознаніе комиссіи г.-л. Слезкина. Переписка съ женой черезъ ротъ прервалась, и такъ какъ нужды въ папиросной бумажкѣ уже не было, то я бросилъ курить и съ этого началъ перемѣну въ повседневномъ режимѣ.

Я положилъ себѣ ежедневно часа два по утрамъ заниматься гимнастикой, которая, впрочемъ, состояла главнымъ образомъ въ маханіи руками въ различныхъ направленіяхъ, и въ этомъ маханіи я достигъ того, что могъ, не сходя съ мѣста, сдѣлать болѣе 9000 взмаховъ.

Кромѣ того, я выпросилъ у Богородцкаго разрѣшенія мыть полъ въ своей камерѣ, а также и въ пустыхъ камерахъ. Сказать по правдѣ, полы были страшно запущены, слои грязи покрывали ихъ; пыль на стѣнахъ и на корнизахъ лежала толстыми слоями. Если бы не еженедѣльная баня (на первыхъ порахъ, впрочемъ, когда насъ сидѣло мало; потомъ стали водить рѣже) и не еженедѣльная смѣна бѣлья носильнаго и постельнаго, въ такомъ грязномъ помѣщеніи дѣло безъ паразитовъ не обошлось бы. Богородцкій охотно разрѣшилъ мнѣ мойку половъ, для чего мнѣ были даны и тряпки. Дня четыре я смывалъ насохшую грязь съ пола и нижнихъ карнизовъ, пока достигъ того, что полъ моей камеры, карнизы, подоконникъ, стульчакъ и деревянный шкафчикъ подъ умывальникомъ, были, что называется, идеально чисты. Раковина умывальника была всегда смыта, мѣдный кранъ—сіялъ, стѣны камеры обтерты сухой тряпкой отъ пыли. Каждый день вытиралъ я мокрой тряпкой полъ и всѣ деревянныя части моей камеры. Видъ моей камеры даже Богородцкаго приводилъ въ умиленіе и онъ, какъ-то въ присутствіи доктора, указывая на чистоту моей камеры, сказалъ:

«Вотъ, посмотрите, докторъ! Настоящая тутъ барышня живетъ! Чистота-то какая!»

Перемылъ я полы и во многихъ другихъ камерахъ. Помню поразила меня своей необычайной грязью и запущенностью, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ Рабиновичъ (молоденькій юноша, привлекавшійся по нашему дѣлу; чрезвычайно способный, умный, съ большой памятью; онъ сошелъ съ ума въ Восточ. Сибири). И чего только не было притоптано и приклеено къ полу этой камеры—и окурки, и спички, и перья, и крошки хлѣба и булки, и засохшіе

плевки. Нѣсколько дней я бился надъ этой камерой, пока привелъ ее въ надлежащую чистоту.

Перестукиваніе, маханіе руками и мытье половъ приводили къ тому, что я ѣлъ и спалъ превосходно. Нервы мои укрѣплялись. Тоска почти совсѣмъ меня покинула. Кромѣ того, мнѣ было разрѣшено пріобрѣтать молоко, и Богородцкій устроилъ это: я имѣлъ къ обѣду каждый день стаканъ очень хорошаго молока.

И ко времени перевода меня изъ крѣпости въ домъ Предв. Заключенія, я изъ захирѣвшаго, исхудалаго неврастеника, желтаго по цвѣту лица, вялаго и снѣдаемаго тоской до мысли о самоубійствѣ, превратился въ юношу бодраго, почти жизнерадостнаго, съ хорошимъ цвѣтомъ лица. Такъ что тов. прок. Шубинъ, видѣвшій меня въ апрѣлѣ и маѣ 1875 г. на допросѣ и на свиданіи въ крѣпости, увидѣвъ затѣмъ меня въ Д. П. Зак., тоже на свиданіи съ женой, заявилъ мнѣ, что онъ просто пораженъ перемѣной происшедшей во мнѣ за это время, съ мая 1875 г. по начало 1876 года.

«Я, говорилъ онъ, видя васъ въ крѣпости, былъ увѣренъ, что вы умрете»!

Но богъ не захотѣлъ—и свиньи не съѣли,—и я остался живехенекъ до днесь!

За время сидѣнія въ крѣпости я заново переучилъ гимназическій курсъ математики,—настолько изучилъ французскій и англійскій языкъ, что довольно свободно прочелъ «Ventre de Paris» Зола и маленькую исторію Англіи Диккенса. Кромѣ того, прочиталъ я массу книгъ. Я прочиталъ что было по русски Брема, Милля, «Капиталъ» Маркса (Политич. экон. Милля и «Капиталъ» Маркса—прочиталъ вторично, такъ какъ уже былъ знакомъ съ ними на волѣ); налегъ очень на исторію, и по русской исторіи я прочиталъ все, что было въ крѣпостной библіотекѣ (а это былъ самый лучшій ея отдѣлъ)—изъ Костомарова, Соловьева, Сергѣевича, Хлѣбникова, Бестужева-Рюмина и др., всю исторію среднихъ вѣковъ Стасюлевича, не говоря уже о тѣхъ книгахъ, какія приносила мнѣ съ воли жена по различнымъ отраслямъ знанія и по беллетристикѣ.

Первые полтора года сидѣнья я ничего больше не дѣлалъ, какъ только читалъ и читалъ.

Я перечиталъ всѣ старые номера журналовъ «Вѣстника Европы» и «Дѣла», какіе только нашлись въ крѣпостной библіотекѣ; прочиталъ даже нѣсколько разрозненныхъ номеровъ какого-то медицинскаго журнала.

Продолжалъ я читать и потомъ, когда представилась возможность перестукиваться, а въ Д. Пр. Закл. и переписываться съ товарищами. И надо правду сказать, на волѣ я никогда столько не прочелъ бы, сколько въ тюрьмѣ,—и что всего главнѣе, прочитанное невольно продумывалось, такъ какъ отсутствіе впечатлѣній дѣлало прочитанное почти единственнымъ матеріаломъ для мысли. Жизнь не давала бы такой возможности сосредоточиваться на прочитанномъ матеріалѣ, какую давала тишина одиночества и тоска по впечатлѣніямъ и событіямъ.

И какъ было бы тяжко одинокому въ четырехъ стѣнахъ безъ такого друга и спасителя, какъ книга!

И еслибы я обладалъ отъ природы болѣе выдающимися способностями памяти и ума, то по выходѣ изъ тюрьмы я былъ бы энциклопедически образованнымъ человѣкомъ, послѣ прочтенія въ крѣпости и въ Д. П. З. такой массы книгъ какъ по различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія, такъ и по художественной литературѣ. Къ моему огорченію я не сдѣлался таковымъ, но и тѣмъ, что смогли удержать и усвоить мои способности, я обязанъ тюрьмѣ.

XXII.

Во время моего сидѣнія въ крѣпости я удостоился посѣщенія Великаго князя Николая Николаевича Старшаго и шефа-жандармовъ Потапова.

Однажды дверь моей камеры растворилась и послѣ того, какъ она нѣсколько мгновеній простояла открытой, въ ней появилась высокая фигура великаго князя. Онъ вошелъ, что называется, царскою походкою, переставляя ноги, не сгибая ихъ, — въ военномъ картузѣ на головѣ, котораго не снялъ во все время разговора, не смотря на то, что въ камерѣ была икона.

Вслѣдъ за нимъ, перескакивая то на одну, то на другую сторону князя, вошелъ въ комнату небольшого роста офицеръ съ серебряными эксельбантами и такими же погонами, его адъютантъ гр. Шуваловъ, тоже не снявшій картуза, вѣроятно, изъ подражанія великому князю.

За этими двумя, съ какимъ-то растеряннымъ видомъ, вошелъ согбенный сѣдой старичекъ съ добродушнымъ лицомъ, нашъ крѣпостной плацъ-маіоръ, а за плацъ-маіоромъ Богородцкій, который, какъ вошелъ, остановился возлѣ умывальника, такъ и остолбенѣлъ съ руками по швамъ, съ круглыми неподвижными глазами, устремленными въ пространство.

Дверь притворилась.

Князь и Шуваловъ подошли къ моей койкѣ, на которой я сидѣлъ съ книгой въ рукахъ. Я поднялся.

— Кто? задалъ мнѣ вопросъ князь.

— Фамилію мою угодно вамъ знать или званіе? въ свою очередь спросилъ я князя.

— Фамилія?

— Синегубъ.

— Кто!

— Дворянинъ.

— Давно арестованъ?

— Скоро годъ.

— За что?

— За пропаганду среди рабочихъ.

— Что же говорилъ рабочимъ?

— Говорилъ о ихъ тяжеломъ положеніи и о причинахъ этого безрадостнаго положенія.

— И говорилъ, конечно, что все начальство виновато?

— Нѣтъ, не одно начальство. Причинъ тяжелаго положенія народа много.

— И книжки читалъ?

— Да, читалъ и книжки.

— И все запрещенныя, все запрещенныя! вмѣшиваясь въ разговоръ, произнесъ черноглазый и съ видимымъ недоброжелательствомъ ко мнѣ Шуваловъ.

— У моихъ учениковъ не взято ни одной запрещенной книжки, отвѣтилъ я.

— Отецъ есть? прервалъ насъ князь.

— Есть.

— Служитъ?

— Нѣтъ.

— Служилъ?

— Да.

— Гдѣ?

— Въ военной службѣ.

— Гдѣ?

— Въ уланахъ.

— Гдѣ?

Я поколебался: что же отвѣчать на это послѣднее: гдѣ? И на удачу отвѣтилъ: онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ 28 года.

— Старикъ?

— Да, за восемьдесятъ.

Князь повернулся. Плацъ-маіоръ и Богородцкій выскочили изъ камеры. Распахнулась опять дверь.

Князь вышелъ, но, остановившись въ дверяхъ, бросилъ вопросъ еще:

— Когда арестованъ?

— 12-го Ноября 1873 года, отвѣтилъ я—и дверь закрылась.

Князь былъ высокаго роста, стройный и, въ картузѣ, его лицо было куда красивѣе, чѣмъ оно на карточкахъ, гдѣ его портитъ скошенный лобъ. Красивые большіе голубые глаза, съ оттѣнкомъ грусти, были устремлены почти во все время разговора на окно моей камеры, раза два взглянули эти глаза и на меня и, какъ мнѣ показалось, взглянули не злобно и безъ высокомѣрія. Да и въ тонѣ разговора, несмотря на болѣе чѣмъ странную отрывочность вопросовъ, безъ мѣстоименія «ты» или «вы», ничего недоброжелательнаго не слышалось. И это посѣщеніе великаго князя не оставило во мнѣ никакого непріятнаго впечатлѣнія и не испортило мнѣ душевнаго настроенія. Напротивъ, какъ неожиданное событіе въ моей, столь бѣдной событіями, тюремной жизни въ одиночкѣ, оно было живымъ впечатлѣніемъ для меня.

И я, ходя въ этотъ день изъ угла въ уголъ моей камеры, вос-

производилъ въ своемъ воображеніи во всѣхъ деталяхъ это неожиданное посѣщеніе великаго князя.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе оставило послѣ себя посѣщеніе шефа жандармовъ Потапова. (Я говорю, шефа жандармовъ Потапова, основываясь на словахъ Богородцкаго, котораго я спрашивалъ—кто это меня посѣтилъ?)

Я ходилъ, по обыкновенію, изъ угла въ уголъ, и замечтался до самозабвенія. Проносилось въ моемъ воображеніи дѣтство, со всею его горечью въ школьной жизни, съ большой заброшенностью и въ физическомъ, и въ духовномъ отношеніи. Тѣмъ съ большею отрадою останавливалась мечта на тѣхъ моментахъ дѣтства, которые были отмѣчены ласкою счастья и теплотой людской. И вотъ на этотъ разъ я въ мечтаніяхъ своихъ прожилъ со своимъ отцомъ, котораго въ дѣтствѣ глубоко любилъ, и котораго, несмотря на всю разницу нашихъ міровозрѣній (онъ—крѣпостникъ, дворянинъ, гордящійся «бѣлой костью», я—революціонеръ, народникъ) и потомъ всегда невольно любилъ, и безпредѣльно добрая душа котораго всегда меня плѣняла,—мнѣ, кажется и до днесь, что болѣе добраго и мягкаго человѣка я не встрѣчалъ больше на своемъ жизненномъ пути.

И вотъ въ ту минуту, какъ я любящею мечтою жилъ со своимъ отцомъ и въ своемъ шаганіи отошелъ отъ двери къ противоположной стѣнѣ камеры, дверь отворилась, и ко мнѣ быстро подошелъ маленькій, черненькій, съ черными, подернутыми блескомъ какой-то злости, глазами, генералъ, на погонахъ котораго стояла буква А. II.

Я, еще не стряхнувшій съ себя мечтательно любящаго настроенія, скрестивъ руки, смотрѣлъ сверху-внизъ на этого маленькаго генерала. Онъ былъ не только меньше ростомъ меня, но даже меньше Богородцкаго, который въ это время стоялъ на вытяжку у двери.

— Какъ ваша фамилія? спросилъ, глядя на меня своими злыми глазами, генералъ.

— Синегубъ.

— А званіе ваше?

— Дворянинъ.

— Вы чегниговской губегніи? (генералъ сильно картавилъ).

— Нѣтъ, Екатеринославской.

— А въ Чегниговѣ нѣтъ у васъ бгата?

Кажется, тамъ мой двоюродный братъ судебнымъ слѣдователемъ.

— Вы когда агестованы?

— 12 Ноября 1873 года.

— Это за пгопаганду сгеди габочихъ?

— Да, за пропаганду.

Генералъ, глядя въ упоръ на меня, покачалъ головой.

— А отецъ у васъ есть.

— Да, есть!

— Служитъ гдѣ нибудь?

— Нѣтъ, онъ помѣщикъ,—живетъ въ деревнѣ своей. Онъ ужъ глубокій старикъ! съ любовью въ голосѣ, еще, очевидно подъ вліяніемъ предыдущаго настроенія, отвѣтилъ я.

— А!.. генералъ снова покачалъ головой и, повернувшись, направился къ двери; тутъ онъ на порогѣ пріостановился и, искрививъ свой ротъ въ поганую улыбку, произнесъ:

— Хогошъ! хогошъ!.. утѣшилъ старика, нечего сказать! и скрылся.

Дверь захлопнулась и я, какъ человѣкъ, которому плюнули неожиданно въ душу, оставался нѣкоторое время огорошеннымъ въ своемъ углу.

Проклятый маленькій генералъ отравилъ мнѣ весь день.

Я шагалъ по своей камерѣ, и въ душѣ моей поднималась горечь, болѣзненно мучительная горечь! Я никакъ не могъ себѣ простить,—съ чего это я вздумалъ говорить съ нимъ объ отцѣ такимъ тономъ любви, словно съ человѣкомъ, въ которомъ можно было найдти сочувствіе этому тону?!

— «Вотъ онъ, палачъ, плюнулъ мнѣ въ душу за этотъ тонъ!» говорилъ я себѣ. «Плюнулъ, захлопнулъ дверь и скрылся! Да и плюнулъ-то отошедши отъ меня на благородную дистанцію!»

И долго спустя потомъ, я не могъ вспомнить спокойно этой сцены, и когда переживалъ ее въ мечтѣ своей,—я надолго портилъ себѣ этой мечтой настроеніе.

XXIII.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, послѣ двухлѣтняго сидѣнія въ Петропавловкѣ, я былъ перевезенъ въ Д. П. З., такъ какъ слѣдствіе по большому процессу было передано прокурорамъ. Подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской суд. палаты Жихарева, получившаго за наше дѣло—«за спасеніе отечества» — званіе сенатора, и его помощниковъ Шубина, Меркулова, Мясоѣдова слѣдствіе производилось въ зданіи Петербургскаго Окружнаго суда и др. судебныхъ учрежденій, слѣдователемъ, кажется, если не ошибаюсь, Перфильевымъ.

Въ первые дни по прибытіи въ Д. П. З. я былъ просто убитъ,—такъ удручающе подѣйствовала на меня обстановка Предварилки. Я уже успѣлъ привыкнуть къ большой высокой камерѣ, безъ матовыхъ стеколъ въ окнѣ, по которой я имѣлъ возможность шагать изъ угла въ уголъ, что прямо стало моей потребностью. А тутъ? Камера въ 4 шага по діагонали изъ угла въ уголъ, въ три шага шириною. Камера загромождена кроватью, столикомъ, табуреткой, раковиной умывальника, стульчакомъ, согрѣвающей трубой и полками для посуды — такъ, что ходить по ней нѣтъ возможности. Чтобы хоть нѣсколько свободнѣе ходить по камерѣ, надо было бы каждый разъ опускать столикъ и табуретку, поднимать кровать,—а это была возня надоѣдливая и мало дававшая

узнику простора. Камера была такъ низка, что, ставъ на табуретку, привинченную къ стѣнѣ, я могъ достать рукой до потолка. Двойная желѣзная рама въ окнѣ была съ матовыми стеклами. Правда, она могла быть нѣсколько пріотворена сверху на всю длину очень коротенькой цѣпочки, прикрѣпленной къ ней и къ внѣшнему косяку окна; пріотворялась оконная рама для очистки воздуха, если вентиляціи при помощи отверстія внизу одной изъ стѣнъ и отверстія вверху надъ дверью камеры въ корридоръ было недостаточно. Въ отверстіе отъ пріоткрытой рамы можно было видѣть кое-что во дворѣ, если залѣзть на раковину умывальника, устроенную подъ подоконникомъ.

Словомъ, на первыхъ порахъ я почувствовалъ себя дѣйствительно въ гробу, надъ которымъ нависалъ не полукруглый, а ввидѣ крыши сводъ. Послѣ же перваго свиданія съ женой, — свиданія въ темной клѣтушкѣ съ двумя густыми рѣшетками, которая освѣщалась сверху черезъ рѣшетку же даже днемъ свѣтомъ газоваго рожка,—послѣ свиданія, при которомъ я не только не могъ поцѣловать руку моей жены, а даже не могъ ясно разсмотрѣть черезъ рябь рѣшетки ея лицо,—я впалъ прямо въ отчаяніе.

Пища, которой кормили арестантовъ въ Предварилкѣ, сравнительно съ крѣпостной, показалась на первыхъ порахъ просто отвратительной. Каждое утро отворялась часовъ въ семь утра форточка въ двери и надзиратель произносилъ въ нее: «кипяточку!» Желающій пить чай подавалъ свою оловянную миску или чайникъ, если имѣлъ таковой, и одинъ изъ двухъ арестантовъ (уголовныхъ), возившихъ по галлереямъ огромный котелъ съ кипяткомъ, наполнялъ поданную посуду. Кто имѣлъ чай, заваривалъ и пилъ чай, кто не имѣлъ, обходился кипяточкомъ. На день полагалось три фунта чернаго хлѣба; на обѣдъ давалась миска щей или супа, куда опускалась столовая ложка рѣзаннаго кусочками вареннаго мяса, а затѣмъ—каша гречневая или пшенная. Вечеромъ опять кипяточекъ. На первыхъ дняхъ мнѣ не успѣли еще доставить денегъ съ воли, и я не зналъ, кромѣ того, возможно ли въ Предварилкѣ имѣть свои деньги,—поэтому былъ безъ чаю и сидѣлъ на казенной пищѣ. Отвратительный черный хлѣбъ, много хуже крѣпостного, вызывалъ у меня мучительную изжогу, что еще больше угнетало меня и вгоняло въ меланхолію.

Но это состояніе длилось недолго. Уже черезъ недѣлю пребыванія въ Предварилкѣ я увидѣлъ, что она заключаетъ въ себѣ много такого, что дѣлало ее неизмѣримо цѣннѣе, съ моей точки зрѣнія, Петропавловки. Правда, камера была куда болѣе похожа на гробъ, чѣмъ крѣпостная, но я въ ней былъ признаваемъ болѣе человѣкомъ, чѣмъ въ крѣпости: я сидѣлъ въ этой камерѣ въ своей одеждѣ и въ своемъ бѣльѣ, а не въ арестантскомъ; я имѣлъ свой чайникъ, свой стаканъ или кружку; я имѣлъ у себя свое маленькое хозяйство. Хотя газъ гасился въ 9 часовъ вечера, но я имѣлъ право купить свои свѣчи и сидѣть хотя до утра; я имѣлъ право не только читать книги, но и писать, такъ какъ по правиламъ

Предварилки заключенный могъ имѣть письменныя принадлежности въ камерѣ—перо, карандашъ, чернила, бумагу (эту послѣднюю счетомъ, въ тетради, пронумерованной и скрѣпленной подписью кого либо изъ начальниковъ тюремныхъ). На свои деньги я могъ заказывать обѣдъ у тюремнаго повара, могъ выписывать черезъ надзирателя всякую снѣдь, а съ разрѣшенія доктора даже могъ имѣть въ камерѣ виноградное вино.

Съ воли для заключеннаго могли приносить и книги, и одежду, и всякія угощенія.

Но всего важнѣе была полная возможность сношенія съ товарищами и сношенія съ волей! Было еще удобство, какого въ крѣпости не было, это возможность посѣщать церковь, гдѣ государственныхъ преступниковъ вводили въ особыя клѣтушки, изъ которыхъ они черезъ небольшое, менѣе получетверти въ квадратѣ, отверстіе съ рѣшеткой, могли созерцать, что происходило въ храмѣ. Такъ какъ стѣнки этихъ клѣтушекъ были очень тонки, и хорошимъ гвоздемъ ихъ можно было легко пробуравить, то это давало возможность намъ, пришедшимъ въ церковь, поговорить и пошептаться другъ съ другомъ; а изъ нѣкоторыхъ клѣтушекъ черезъ отверстіе можно было видѣть — при вводѣ въ церковь и выводѣ изъ нея,—товарища, видѣть, правда, на мгновеніе, но и это давало большую отраду.

Однажды, въ то время, когда подкатилъ къ моей камерѣ котелъ съ супомъ и я, получивъ мясо, подалъ въ форточку свою миску для супа,—молодой арестантъ, наливъ мнѣ супу, и пользуясь тѣмъ, что надзиратель отошелъ къ сосѣдней камерѣ съ другимъ арестантомъ, раздѣлявшимъ мясо, бросилъ мнѣ черезъ открытую еще форточку бумажный шарикъ, щелкнувъ ловко пальцами и произнеся, почему-то, «баронъ Фитингофъ!»

Я моментально поднялъ шарикъ, и какъ только закрылась форточка, я развернулъ его: это была записка отъ моего любимаго друга Тигрыча, (т. е. Льва Тихомирова). Писалъ онъ пока немного, но указывалъ на возможность пользоваться арестантикомъ при подачѣ кипятку, обѣда или щетки съ воскомъ для натиранія асфальтоваго пола камеры, что должны были дѣлать сами заключенные. Впрочемъ, арестантиками мы пользовались весьма недолго, такъ какъ ихъ смѣняли постоянно другіе, но за то среди младшихъ надзирателей оказались истинные наши друзья и истинные наши благодѣтели. Они не только передавали записки изъ камеры въ камеру, но носили записки и на волю, конечно, за это имъ платили.

Хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Фасюра и морякъ Мельниковъ, совершали это безкорыстно, они отъ всякой платы рѣшительно отказывались.

Все таки, несмотря на значительныя облегченія по сравненію съ крѣпостнымъ режимомъ, тоска въ концѣ концовъ водворялась въ душу и иногда бывали дни, когда рѣшительно не зналъ, куда себя дѣвать. Все надоѣдало до невозможности... И это тягостное состоя-

ніе все чаще и все больше овладѣвало душой въ первый день пребыванія въ Предварилкѣ. Но съ наступленіемъ 77 года въ Предварилкѣ совершилось много такого, что значительно оживило заключенныхъ. Мы пережили неожиданныя и крупныя событія, хотя и съ довольно трагическимъ характеромъ.

XXIV.

Въ 1876 году въ Предварилкѣ были совершены два покушенія на побѣгъ.

Я разскажу ихъ такъ, какъ я ихъ помню, хотя легко можетъ быть, что въ частностяхъ я буду ошибаться. Надѣюсь, что меня поправятъ тѣ товарищи по заключенію, которые помнятъ эти событія лучше.

Выше я сказалъ, что между младшими надзирателями Предварилки у насъ были истинные друзья; съ ихъ помощью, по иниціативѣ двухъ выдающихся въ революціонной средѣ людей: Сергѣя Ковалика и Порфирія Войнаральскаго, были устроены двѣ попытки бѣгства.

Чтобы можно было осуществить затѣянное, надо было выполнить нѣсколько предварительныхъ условій.

Всѣхъ галлерей съ одиночными камерами было шесть, и четыре изъ нихъ составляли одинъ ярусъ, а двѣ—другой, отдѣлявшійся отъ перваго яруса потолкомъ.

Оказалось, что третья галлерея перваго яруса упиралась своимъ балкономъ въ наружную стѣну Предварилки, въ ту стѣну, огромныя матовыя окна которой выходили на улицу (или на Шпалерную, или на Кирочную,—забылъ). При этомъ балконъ оканчивался какъ разъ подъ однимъ изъ этихъ оконъ. Окно было створчатымъ и запиралось на замокъ, ключъ отъ котораго находился всегда у дежурнаго старшаго надзирателя. Отъ средины этого же балкона, къ той же стѣнѣ, шло колѣно его, оканчивавшееся площадкой, на которой помѣщается столъ и стулъ. Это—мѣстопребываніе дежурнаго старшаго надзирателя. Надъ столомъ его висѣли крупные стѣнные часы; сюда былъ проведенъ электрическій звонокъ изъ конторы, гдѣ пребывали дежурные помощники управляющаго Д. П. Закл. Тутъ же всю ночь горѣлъ газовый рожокъ; тутъ же дежурный старшій надзиратель (ихъ было два въ 1-мъ ярусѣ и 2 во второмъ) дремалъ по ночамъ на своемъ стулѣ, въ упованіи, что одинъ изъ неспавшихъ троихъ младшихъ надзирателей всегда успѣетъ его разбудить, въ случаѣ появленія начальства.

На означенное окно обратилъ свое вниманіе Коваликъ, сидѣвшій на третьей галлереѣ и сообщилъ запиской о своемъ открытіи своему пріятелю Войнаральскому. У этихъ двухъ энергичнѣйшихъ дѣятелей среди агитаторовъ 1874 года тотчасъ же зародилась мысль устроить побѣгъ. Съ помощью двухъ надзирателей—Баранова на третьей галлереѣ, и Иванова на четвертой (изъ жандармовъ и котораго

мы съ любовью звали «наше золото») они обсудили обстоятельно, какъ осуществить эту мысль.

Для этого надо было, во 1-хъ, украсть у старшаго надзирателя ключъ, которымъ онъ запиралъ камеры съ государственными преступниками; дѣло въ томъ, что ключемъ младшихъ надзирателей можно было отпереть только тѣ камеры, которыя ручкой придѣланной къ замку были заперты на два взвода; камеры же съ государственными преступниками запирались еще старшимъ надзирателемъ съ помощью особаго ключа на третій взводъ и могли быть отперты только этимъ ключемъ. Ключъ этотъ всегда хранился у старшаго надзирателя и только старшій надзиратель отпиралъ наши камеры. Нужно было, слѣдовательно, ловко стибрить у старшаго надзирателя ключъ, снять съ него восковой слѣпокъ и заказать по немъ на волѣ соотвѣтствующій ключъ. Всей душой сочувствовавшій Ковалику и Войнаральскому и очень ловкій надзиратель Барановъ взялся обдѣлать это и обдѣлалъ самымъ превосходнымъ образомъ. Ключъ былъ готовъ и переданъ Войнаральскому, такъ какъ онъ въ качествѣ больного пользовался льготой имѣть форточку въ двери открытой день и ночь, для большей вентиляціи и большаго доступа воздуха изъ корридора. Высунувши руку изъ форточки, было легко отпереть ключомъ камеру.

Во 2-хъ, надо было отобрать у старшаго надзирателя еще и ключъ отъ створчатаго окна на улицу, къ которому подходила колѣномъ третья галлерея.

Въ 3-хъ, надо было усыпить въ ночь побѣга снотворнымъ снадобьемъ дежурнаго старшаго надзирателя и младшаго надзирателя 2 галлереи (на 1-й галлереѣ тогда не было надзирателя, такъ какъ тамъ не сажали заключенныхъ, вслѣдствіе полной непригодности камеръ для житья). Барановъ выполнилъ и эти два условія.

Коваликъ и Войнаральскій, подготовивъ все для побѣга, не хотѣли воспользоваться возможностью бѣжать только для себя,—а предложили еще нѣсколькимъ товарищамъ. Пожелали принять участіе въ побѣгѣ Кропоткинъ, сильно захирѣвшій въ тюрьмѣ, Волховскій, тоже то и дѣло болѣвшій, Тихомировъ, Шишко и Чарушинъ. Не помню—были ли еще участники въ этомъ. Весьма возможно, что въ числѣ ихъ былъ еще и Муравскій.

Въ одну изъ ночей, когда на четвертой галлереѣ былъ Ивановъ, а на третьей Барановъ, когда пробило два часа, Войнаральскій отперъ своимъ ключемъ камеру черезъ форточку. Я, зная о совершившемся, сидѣлъ близь своей открытой форточки и съ замираніемъ сердца въ темнотѣ своей камеры ждалъ исхода затѣяннаго предпріятія.

Войнаральскій прошелъ по четвертой галлереѣ къ камерамъ Волховскаго, Тихомирова и Чарушина; спустившись въ 3 галлерею выпустили Ковалика и Шишко, со 2 галлереи выпустили Кропоткина. Затѣмъ вся компанія сгрудилась на площадкѣ третьей галлереи подъ завѣтнымъ окномъ. Уже его открыли, уже стали укрѣплять веревки изъ полосъ простыни за перила галлереи... На своей

площадкѣ спалъ на стулѣ подъ газовымъ рожкомъ старшій надзиратель Ефимовъ, угощенный снотворнымъ снадобьемъ. Вдругъ я слышу,—мимо моей камеры пробѣжалъ шепча довольно ясно русское ругательство «Наше золото». Очевидно, что-то стряслось! Дѣйствительно стряслось: Ефимовъ неожиданно проснулся, и такъ какъ съ его площадки превосходно была видна площадка, гдѣ столпились бѣгуны, то онъ сразу увидѣлъ неподходящую тамъ компанію и бросился туда со всѣхъ ногъ. Дѣло сорвалось. На подмогу къ бѣгунамъ ринулись Павловъ и Барановъ и стали урезонивать Ефимова не поднимать тревоги. Кое какъ уломали его, правда, съ условіемъ заплатить ему за молчаніе 500 руб. съ ручательствомъ Баранова и Иванова и съ условіемъ, чтобы всѣ вышедшіе изъ камеръ возвратились туда обратно, что съ горькимъ чувствомъ и пришлось выполнить.

Ефимовъ всѣхъ ихъ вновь заперъ своимъ ключемъ, но почему-то не смекнулъ отобрать поддѣльный ключъ, и онъ остался у Войнаральскаго.

По полученіи на волѣ отъ жены Войнаральскаго 500 р., Ефимовъ недѣли черезъ полторы уволился отъ службы въ д. пр. закл. Черезъ недѣли двѣ-три ушелъ изъ д. п. з. и «наше золото». Но Барановъ остался и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ надзирательствовать на третьей галлереѣ и носить записки на волю. На мѣсто Иванова на четвертой галлереѣ поступилъ молодой надзиратель Ерофеевъ, сразу вступившій съ нами въ дружественныя отношенія, хотя объ устройствѣ побѣга кого-либо изъ насъ не дерзалъ и думать. На третьей галлереѣ вторымъ надзирателемъ, кромѣ Баранова, поступилъ новый, молодой, бравый морякъ Мельниковъ, развитый и уже сильно задѣтый «тлетворнымъ» духомъ. И онъ не замедлилъ вступить въ дружескія отношенія съ политическими.

Такимъ образомъ, на первыхъ четырехъ галлереяхъ половина младшихъ надзирателей были пріятели «политиковъ». Они носили записки на волю, передавали записки, книги и пр. изъ камеры въ камеру.

Изъ четырехъ старшихъ надзирателей, только одинъ маленькій, сѣдой, усатый Даниловъ—въ 5 и 6 галлереѣ,—передавалъ записки отъ заключеннаго къ заключенному, за что мы выписывали ему табакъ и чай,—остальные были сущія собаки,—шпіоны, наушники передъ начальствомъ, старавшіеся и сами изображать изъ себя маленькихъ помазанниковъ божіихъ.

Такъ какъ поддѣльный ключъ остался въ рукахъ Войнаральскаго, а на третьей галлереѣ оставался Барановъ, то неугомонные Коваликъ и Войнаральскій не могли успокоиться и не сдѣлать еще попытки бѣжать.

Дѣйствительно Барановъ вновь взялся отпереть завѣтное окно и усыпить кого надо. И вотъ, какъ кажется, въ апрѣлѣ 1876 года (хотя можетъ быть я ошибаюсь), въ одну прекрасную ночь Войнаральскій и Коваликъ вышли изъ камеръ, подошли къ окну третьей галлереи и Коваликъ преблагополучно спустился на панель улицы, зашелъ за уголъ и сталъ поджидать товарища.

Сталъ спускаться Войнаральскій, но не достигнувъ сажени полторы до земли, принужденъ былъ оторваться отъ веревки и, подвернувъ при этомъ ступню, хромая спѣшитъ за уголъ. Дѣло въ томъ, что въ тотъ моментъ, какъ фигура Войнаральскаго скользнула по веревкѣ вдоль стѣны, въ улицу выѣхала извозчиья пролетка, на которой ѣхалъ съ вечерки подвыпившій офицеръ Чечулинъ. Какъ только онъ увидалъ спускавшуюся изъ окна тюрьмы фигуру, онъ поднялъ тревогу, зовя городового. Раздался свистокъ, появились еще городовые и по указанію Чечулина бросились за уголъ, куда скрылся Войнаральскій, присоединившійся уже къ Ковалику. И, конечно, ихъ рабовъ божіихъ поймали и вмѣстѣ съ Чечулинымъ они очутились въ полицейскомъ участкѣ, гдѣ къ великому своему отчаянію Чечулинъ узналъ въ одномъ изъ бѣгуновъ своего хорошаго знакомаго Войнаральскаго! Говорили потомъ, что бѣдный Чечулинъ чуть съ ума не сошелъ отъ горя и сознанія того, что онъ былъ причиною поимки двухъ государственнымъ преступниковъ. Ковалика и Войнаральскаго привезли вновь въ д. пр. заключенія, но очень скоро перевели ихъ въ Петропавловку.

Вслѣдствіе этого побѣга, надзиратели Ерофеевъ и Мельниковъ, дежурившіе въ 12 часовъ въ ночь побѣга, были арестованы по подозрѣнію въ устройствѣ этого побѣга и изъ нашихъ сторожей были превращены въ нашихъ товарищей по заключенію. Ихъ посадили въ одиночныя камеры д. п. з. Ерофеевъ былъ этимъ обстоятельствомъ довольно удрученъ; Мельниковъ же по прежнему былъ здоровъ и веселъ. Конечно, мы дѣлали всевозможное, чтобы смягчить ихъ участь: съ воли наши дамы, истинныя благодѣтельницы всѣхъ тогда заключенныхъ въ д. п. з., приносили имъ и деньги, и угощенья,—и мы дѣлились съ ними всѣмъ, чѣмъ могли. Мы обучили ихъ перестукиванью, привлекли ихъ въ свои, уже тогда функціонировавшіе клубы.

Продержавъ въ заключеніи не болѣе полугода, ихъ освободили, не привлекая ни къ какой отвѣтственности, такъ какъ никакихъ доказательствъ ихъ участія въ устройствѣ побѣга обнаружено не было, ибо, и дѣйствительно, они объ побѣгѣ ровнехонько ничего не знали.

Все устраивавшій и все знавшій Барановъ преблагополучно оставался надзирателемъ и только послѣ второго побѣга онъ вскорѣ перепросился надзирателемъ въ общія камеры, гдѣ я видѣлъ его еще осенью 1877 года.

XXV.

За демонстрацію 6 декабря 1876 года на площади Казанскаго собора, въ числѣ другихъ былъ арестованъ и осужденъ на 15 лѣтъ каторги—Боголюбовъ [1]). Съ его именемъ связана такъ называемая «треповская исторія», съ которой въ свою очередь связанъ знаменитый процессъ Вѣры Засуличъ.

---

[1]) Емельяновъ.

Треповская исторія разыгралась въ Предварилкѣ въ 1877 году лѣтомъ, уже не только послѣ осужденія, но и утвержденія приговора надъ «декабристами», которые оставались пока въ Предварилкѣ, ожидая съ часу на часъ перевода ихъ въ Литовскій замокъ для отправки въ Сибирь или въ одну изъ харьковскихъ централокъ.

Чтобы ясно представить себѣ все происшедшее во время треповской исторіи, надо познакомиться съ порядками, существовавшими въ д. п. з. и прежде всего съ его устройствомъ.

Д. пр. закл.—это неправильный многоугольникъ. Устроенъ онъ такъ, что стѣны корпуса его замыкаютъ собою довольно обширную площадку; это его дворъ, изъ котораго можно было выйти на улицу черезъ одну только арку съ воротами. На этотъ дворъ выходили окна одиночныхъ камеръ всѣхъ шести галлерей и окна камеръ общихъ, а также и окна конторы и лазарета съ одиночными камерами. Посреди двора была воздвигнута невысокая башня, отъ которой, какъ отъ центра, были расположены по радіусамъ своеобразныя камеры, узкія у входа ихъ и расширяющіяся къ окружности. Узкая часть такой камеры заключала въ себѣ дверь, черезъ которую впускали узника, а широкая—была рѣшетчатая; по бокамъ же были стѣны глухія. Крыши эти камеры не имѣли, и стоявшій на башенкѣ, словно пожарный на каланчѣ, надзиратель, могъ обозрѣвать камеры и могъ видѣть, что дѣлалось внутри ихъ. Мы называли эти камеры—«загонами». Загоны служили мѣстомъ прогулки для заключенныхъ въ одиночныя камеры и, главнымъ образомъ, для государственныхъ преступниковъ, которыхъ никогда въ общія камеры не садили и которые, поэтому, общими прогулками по правиламъ тюрьмы не пользовались.

Такъ какъ большинство одиночныхъ камеръ было занято государственными преступниками, главнымъ образомъ, тѣми, которые привлекались по нашему процессу (193-хъ) и которые просидѣли въ одиночкахъ въ ожиданіи суда очень долго (я, Тихомировъ и Стаховскій сидѣли съ конца 1873 г., другіе съ начала и со средины 1874 г. за малыми исключеніями), то мы, заключенные, считали себя вправѣ перестать покоряться арестантской инструкціи. Это наше непокорство Леонидъ Дическуло выразилъ въ такой краткой формулѣ: «насъ законопачиваютъ, а мы расконопачиваемся!» И мы, дѣйствительно, начали расконопачиваться по всѣмъ направленіямъ.

Прежде всего мы нарушили строгое тюремное предписаніе—не разговаривать другъ съ другомъ, и къ перестукиванью мы присоединили—«клубы».

Со стороны эти клубы могли бы показаться не особенно интереснымм мѣстами, но для людей лишенныхъ впродолженіи цѣлыхъ годовъ права и возможности разговаривать съ близкими сердцу друзьями и товарищами по «неволѣ» и по дѣлу, клубы представляли нѣчто столь привлекательное, милое и драгоцѣнное, что открытіе ихъ влило въ замиравшія отъ тоски сердца и души благодатную струю жизни и отрады.

Съ 6-го этажа до перваго шли трубы; по обѣ стороны каждой трубы располагались стульчаки, колѣна которыхъ вливались въ трубу. Открывши крышку стульчака, и промывъ его раковину водой, каждыя 12-ть одиночныхъ камеръ могли безпрепятственно разговаривать. Мы этимъ воспользовались, и вотъ группа товарищей, могшихъ разговаривать въ одну и ту же трубу — составляла одинъ клубъ, другая такая группа—другой клубъ и т. д.

Такимъ образомъ, разговоръ производился съ помощью перестукиванья и съ помощью трубъ въ клубахъ. Такой установившійся у насъ порядокъ былъ воспѣтъ Дмитріемъ Ивановичемъ Соловьевымъ, бывшимъ нѣкогда редакторомъ издававшагося въ 70-хъ годахъ небольшого журнальчика «Сіяніе» (насколько помнится—иллюстрированнаго). Это стихотвореніе онъ прислалъ мнѣ черезъ надзирателя, за подписью—«маркизъ Донъ-Капустосъ». Къ сожалѣнію, память моя сохранила только два куплета изъ этого остроумнаго стихотворенія, которые тутъ и привожу.

Стукъ по стѣнамъ... стукъ по трубамъ...
Нѣмой разговоръ...
Засѣданія по клубамъ...
Въ воздухѣ—топоръ!..
Жизнь безъ дѣла и движенья.
Въ камерѣ морозъ...
И желудка несваренье...
И . . . . . .

Стихотвореніе это—очевидная пародія на Фетовское «Шопотъ, робкое дыханье, трели соловья»...

Учрежденіе «клубовъ» было крупнѣйшимъ нарушеніемъ тюремныхъ правилъ,—но начальство сразу же опѣшило, сообразивъ, что съ «симъ зломъ» ему рѣшительно ничего не подѣлать. Заключенныхъ сотни и слѣдовательно сотни соклубистовъ,—не хватитъ надзирателей для прекращенія засѣданій по камернымъ клубамъ, тѣмъ болѣе, что засѣданія открывались преимущественно по вечерамъ, послѣ ужина, когда гасился газъ и надзиратели ослабѣвали въ своей бдительности, одолѣваемые сномъ отъ скуки и безсмысленнаго торчанія на галлереѣ.

Такъ какъ бороться съ клубами было физически невозможно, то внутренняя администрація Предварилки, поерепенившись сначала, вскорѣ махнула на клубы рукой и молча признала фактъ ихъ существованія.

Второе крупное нарушеніе тюремной инструкціи проявили мы въ томъ, что поотвинчивали тяжелыя оконныя желѣзныя рамы и поснимали ихъ долой. Это давало намъ возможность не только разговаривать другъ съ другомъ, сидя на подоконникахъ, но, что всего отраднѣе было для насъ, мы могли видѣть многихъ изъ товарищей! Въ открытыя окна мы могли слушать пѣніе,—а у насъ были хорошіе пѣвцы—Бенецкій, Жебуневъ Сергѣй, Соловьевъ, Поповъ и др., при случаѣ мы могли прослушать вдохновенную рѣчь Мышкина.

И съ этимъ зломъ тюремная администрація подѣлать ничего не могла.

Заключенные днемъ снимали рамы, а на ночь снова ставили ихъ на мѣсто, вволюшку наиздѣвавшись и вдосталь наговорившись другъ съ другомъ.

Изъ окна былъ виденъ весь дворъ и башенка съ загонами, гдѣ, какъ въ клѣткахъ звѣринца звѣри, такъ гуляли товарищи, съ которыми можно было перемахиваться (вмѣсто перестукиванья), а сидѣвшимъ внизу можно было даже перекидываться фразами.

Третье нарушеніе тюремной инструкціи заключалось въ томъ, что мы, открывъ окна, позаводили такъ называемыхъ у насъ— «коней». «Кони» это шнурки, изъ мотауза, которые мы провели изъ окна въ окно, отъ сосѣда къ сосѣду и внизъ, и въ бокъ. Съ помощью этихъ коней мы могли передавать товарищамъ рѣшительно все и записки, и книги, и угощенья, получаемыя съ воли, и одежду.

Съ «конями» начальство повело сначала упорную борьбу. Оно посылало сторожей съ огромными пожарными лѣстницами обрывать «коней» крючками; во время отсутствія заключеннаго, надзиратели входили въ камеру и уничтожали коней.

Но на мѣсто сорванныхъ «коней» появлялись новые и на глазахъ у начальства, созерцавшаго дѣянія заключенныхъ изъ оконъ канцеляріи, мы преспокойно продолжали пересылать на «коняхъ» не только мелкія вещицы, но и штаны, и сапоги.

Зло нарушенія инструкціи начинало принимать въ глазахъ начальства слишкомъ большіе размѣры; у него начала накапливаться досада, но чаша его терпѣнія переполнилась, когда ко всѣмъ указаннымъ выше нарушеніямъ инструкціи мы присоединили новое.

Обыкновенно, мы покорно гуляли въ загонахъ. Загоновъ было 17-ть, но въ загоны выводили гулять одновременно не однихъ государств. преступниковъ, а и уголовныхъ арестантовъ, сидѣвшихъ въ одиночкахъ, пока шло слѣдствіе по ихъ дѣламъ. Уголовныхъ разсаживали по загонамъ такъ, чтобы они раздѣляли другъ отъ отъ друга государственныхъ и чтобы послѣдніе не могли во время прогулки перестукиваться и разговаривать, черезъ тонкія стѣнки загоновъ. Въ одинъ разъ на прогулкѣ въ загонахъ находилось 9 государственныхъ и 8 уголовныхъ.

Мы смекнули, что стоитъ намъ перелѣзть черезъ рѣшетку загона во дворъ Предварилки и мы будемъ гулять вмѣстѣ, всѣ 9-ть, по этому двору, а не бѣгать взадъ и впередъ въ одиночку по короткому загону. Мы могли бы тогда не только издали видѣть другъ друга, но и пожать руку, и обнять другъ друга и посмотрѣть другъ другу съ любовью въ дружескія очи. Мы и стали поступать такъ: каждаго изъ насъ по одиночкѣ надзиратель выводилъ изъ камеры, впускалъ въ загонъ и запиралъ дверь загона на засовъ. Затѣмъ, мы всѣ девять гуляющихъ преспокойно перелѣзали черезъ рѣшотку загона и начинали гулять вмѣстѣ. Надзиратель, стоявшій на башенкѣ, слѣдить съ 9 человѣками не могъ; начальство, въ лицѣ того

или другого дежурнаго помощника управляющаго Д. П. Зак., приходило, увѣщевало, грозило взысканіями,—но все это ни къ чему не приводило: 9-ть человѣкъ гуляли вмѣстѣ положенныя имъ для прогулки двадцать минутъ и возвращались спокойно въ свои камеры.

Въ концѣ концовъ, какъ намъ казалось, начальство примирилось и съ этимъ зломъ. Надзиратели просили насъ только, чтобы мы заходили въ загоны, а тамъ, молъ, какъ знаете. Мы такъ и сдѣлали: въ загоны заходили, насъ надзиратели запирали, а потомъ мы перелѣзали во дворъ.

Дѣло шло довольно мирно, пока управляющимъ Д. П. З. былъ полковникъ Ѳедоровъ, человѣкъ, какъ кажется, довольно добропорядочный. Но онъ, къ несчастью, лѣтомъ отправился въ отпускъ, а его временно замѣстилъ Курнѣевъ, изъ питерскихъ полицейскихъ. Онъ тотчасъ же доложилъ о найденныхъ имъ безпорядкахъ въ Д. П. З. градоначальнику Трепову, подъ главнымъ завѣдываніемъ котораго находился Д. П. З.

И вотъ, утромъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1877 года (въ іюнѣ или іюлѣ), когда многіе изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, сидѣли на подоконникахъ, а въ загоны была введена партія товарищей, въ которой былъ и Боголюбовъ, вошелъ во дворъ въ сопровожденіи Курнѣева и надзирателей — самъ Треповъ, въ сѣромъ генеральскомъ пальто на опашку.

Въ то время, какъ входилъ Треповъ, почти всѣ гулявшіе въ загонахъ товарищи успѣли уже перелѣзть во дворъ, и только одинъ, почтенный по наружности и спокойствію нрава Кадьянъ флегматично перелѣзалъ черезъ рѣшетку загона.

Треповъ остановился. Кадьянъ спокойно опустился на землю и подошелъ къ остальнымъ товарищамъ по прогулкѣ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ товарищей стоялъ Боголюбовъ.

Когда генералъ вмѣстѣ съ Курнѣевымъ проходили мимо гуляющихъ, всѣ, а въ томъ числѣ и Боголюбовъ, поклонились ему, приподнявъ шляпы. Треповъ прошелъ дальше по двору. Курнѣевъ на ходу негромко что-то докладывалъ ему. Надо полагать, объяснялъ ему—кто былъ въ числѣ гуляющихъ, и конечно, объяснилъ ему при этомъ, что поодаль отъ остальныхъ стоявшій Боголюбовъ уже осужденъ и приговоренъ къ каторгѣ. Я говорю, что надо полагать, что именно было такое указаніе на Боголюбова, такъ какъ генералъ, какъ только выслушалъ то, что докладывалъ ему Курнѣевъ, быстро повернулся и прямо направился къ Боголюбову.

— „Ты какъ смѣешь стоять предо мною въ шапкѣ!“ крикнулъ во весь голосъ Треповъ, и не успѣлъ Боголюбовъ опомниться отъ совершенно неожиданнаго наскока, какъ Треповъ съ крикомъ „шапку долой!“ размахнулся правой рукой съ цѣлью сбить съ Боголюбова шапку. Ударилъ-ли онъ Боголюбова по головѣ, или Боголюбовъ, инстинктивно увертываясь отъ удара, взмахнулъ въ сторону головой, но во всякомъ разѣ шапка съ головы Боголюбова слетѣла.

Сидѣвшіе въ это время на окнахъ товарищи видѣли эту сцену, слышали крики Трепова, многимъ показалось, что Треповъ Боголюбова ударилъ, и всѣ они, какъ по электрическому току, крикнули въ одинъ разъ: „Палачъ! мерзавецъ Треповъ! Вонъ подлецъ!“ Всѣ, сидѣвшіе спокойно въ камерахъ, услыхавъ неистовый крикъ товарищей, бросились къ окнамъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, присоединились къ бунту. Крикъ сотенъ голосовъ, стукъ въ желѣзные наружные подоконники,—шумъ былъ невообразимый.

Треповъ стоялъ во дворѣ и безсильно металъ злобные взгляды на всѣ шесть этажей Предварилки. И когда шумъ нѣсколько стихъ, Треповъ крикнулъ Курнѣеву, указывая на Боголюбова: „Увести его и выпороть.“ Боголюбова подхватили два надзирателя, одинъ изъ которыхъ по росту подходилъ Боголюбову подъ локоть только,— и увели его. Вслѣдъ за нимъ удалился Треповъ съ Курнѣевымъ.

Въ Предварилкѣ поднялся сущій адъ. Около трехсотъ сидѣвшихъ въ одиночныхъ камерахъ подняли стукъ въ подоконники и въ двери камеръ. Въ двери, обитыя желѣзомъ, били тяжелыми рамами.

Минутъ черезъ двадцать-тридцать явился вновь во дворъ Курнѣевъ и нагло сообщилъ сидѣвшимъ во 2-й галлереѣ, что Боголюбова выпороли. Ему дѣйствительно дали 13 ударовъ розгами.

Послѣ этого извѣстія поднялся новый взрывъ неистовствъ. Кричали, били оловянной посудой въ желѣзные подоконники, били рамами въ двери, ломали у кого хватало силы все, что только могло быть исковеркано и изломано въ камерахъ. Тогда Треповъ выслалъ на заключенныхъ въ одиночныхъ камерахъ отрядъ городовыхъ.

Поснимавъ съ груди свои номера, городовые подъ предводительствомъ помощниковъ управляющаго Куриленка, Кутайсова и Константиновскаго и трехъ старшихъ надзирателей ходили по всѣмъ галлереямъ. Гдѣ раздавался стукъ въ то время, какъ они подходили, та камера отпиралась помощниками или надзирателями, свора городовыхъ врывалась въ камеру, и начиналось битье и топтанье ногами заключеннаго. Избитаго выволакивали изъ камеры и тащили въ карцеръ. Нѣкоторые пострадали очень сильно. Такъ, арестованный по нашему дѣлу Петропавловскій (Каронинъ) былъ избитъ городовыми, которыми предводительствовалъ Куриленко, и этотъ послѣдній билъ извѣстнаго писателя по головѣ коробкой съ камерными ключами, когда его вталкивали въ карцеръ. Рабочаго Ковалева по процессу 50-ти избили жестоко, стащивъ его съ подоконника, на который онъ вскочилъ, какъ только свора городовыхъ появилась на порогѣ его камеры. Онъ ухватился руками за желѣзную рѣшетку окна и крикнулъ товарищамъ: «братцы! бьютъ!»

Его ухватили городовые за ноги и стали рвать внизъ; руки Ковалева не выдержали и онъ съ высоты подоконника свалился лицомъ на раковину умывальника и потомъ на полъ, гдѣ его избили такъ, что изъ карцера, куда его уволокли, его въ тотъ же

день перевели въ лазаретъ, гдѣ онъ и пролежалъ болѣе недѣли. Избили и хвораго въ то время Волховскаго. Вѣчный труженникъ, не могшій, кажется, и часу пробыть безъ работы, онъ постоянно хворалъ, въ особенности головными болями, и въ нѣкоторые дни къ этимъ болямъ присоединялась абсолютная глухота, такъ что съ нимъ ни говорить, ни перестукиваться нельзя было. Въ послѣднее время передъ треповской исторіей онъ сидѣлъ въ самой угловой камерѣ 4 галлереи и былъ на положеніи больного и, если не помѣщенъ былъ въ лазаретъ, то лишь потому, что въ лазаретѣ одиночныя камеры всѣ были заняты.

День треповской исторіи—былъ однимъ изъ дней абсолютной глухоты для Волховскаго; онъ ничего не слыхалъ, лежалъ хворый и читалъ. Что-то ему понадобилось отъ надзирателя и онъ позвонилъ. Въ Предварилкѣ позвонить можно было только разъ, при чемъ изъ стѣны у двери выскакивала дугообразная желѣзная пластинка, по которой ходившій по галлерѣ надзиратель и узнавалъ, изъ какой камеры звонили.

Такъ какъ надзиратель зачастую почему-либо звяканья выпадающей пластинки не слыхалъ и по галлереѣ не прохаживался, а гдѣ-нибудь сидѣлъ или бесѣдовалъ съ надзирателемъ же или заключеннымъ, то, чтобы привлечь наконецъ вниманіе надзирателя, позвонившій заключенный начиналъ стучать ногой въ дверь. Такъ случилось и на этотъ разъ. Позвонивъ и подождавши нѣкоторое время, но видя, что надзиратель не идетъ, Волховскій, по обычаю, сталъ стучать ногой въ дверь. Какъ на грѣхъ въ это время въ томъ концѣ галлереи, гдѣ былъ Волховскій, проходилъ отрядъ городовыхъ подъ предводительствомъ помощн. управл. Кутайсова. Услыхавъ стукъ въ камерѣ Волховскаго, не взирая на то, что Волховскій былъ на положеніи больного, о чемъ Кутайсовъ не могъ не знать; онъ впустилъ въ его камеру городовыхъ. Изумленнаго Волховскаго, ничего не вѣдавшаго, что происходило вокругъ, больного и на этотъ разъ глухого, схватили городовые за руки и поволокли въ карцеръ и пока вели въ карцеръ, били его по больной головѣ своими кулачищами. Мнѣ потомъ этотъ золотой и рѣдкій по душѣ человѣкъ разсказывалъ: «И бьютъ-то, вѣдь, подлецы непремѣнно по головѣ,—словно это ни на что негодная для человѣка посудина!»

Меня не побили только потому, что въ тотъ моментъ, какъ проходили городовые по галлереѣ, я, уставши отъ взмаховъ тяжелой желѣзной рамой при стучаньи въ дверь, въ которой я попортилъ и оконце, и форточку, и желѣзную обивку, сидѣлъ на кровати и едва могъ отдышаться. Мой же сосѣдъ, рабочій Семеновъ, только что отдохнувшій и принявшійся за стукъ, былъ избитъ и заточенъ въ карцеръ.

Въ этотъ день мы ничего не ѣли съ утренняго чая,—и не потому только, что не до ѣды было, а и потому, что къ нашимъ камерамъ обѣда и кипятка не «подкатывали», такъ какъ надзиратели боялись подходить къ камерамъ, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ

нихъ, которые не были нашими друзьями. Мы бунтовали до вечера.

Это былъ день, въ который приходили къ намъ на свиданья родные и знакомые. Свиданья въ это время давались не только съ родными, но и со знакомыми: такъ Говоруха-Отрокъ имѣлъ свиданія съ Михайловскимъ, Тихомировъ съ Соней Перовской, числившейся тогда его невѣстой. Свиданія давались уже прямо въ камерахъ безъ всякихъ свидѣтелей и по нѣсколько часовъ подрядъ.

Пришедшіе въ этотъ день на свиданіе не были допущены и, стоя еще на улицѣ, слышали крикъ, стукъ и гулъ, несшійся изъ Д. Пр. З. Узнавъ о происходившемъ бунтѣ, они, конечно, способствовали тому, что и вообще объ этомъ узнали въ городѣ.

Вечеромъ товарищи, узнавъ объ ужасномъ положеніи товарищей запертыхъ въ карцеръ,—о Ковалевѣ и Волховскомъ, нуждавшихся въ докторѣ, о кн. Циціановѣ, который очутился въ ужасномъ карцерѣ, гдѣ онъ не только задыхался до обмороковъ, но гдѣ черезъ ½ часа у него на деснахъ появились язвы, откомандировали меня къ начальству съ требованіемъ освободить товарищей изъ карцеровъ, если не всѣхъ, то хоть больныхъ, а остальныхъ дозволить намъ накормить и напоить; нѣкоторыхъ заключенныхъ томила въ карцерѣ жажда, и имъ подавали воды.

Курнѣева почему-то уже не было, и меня, по заявленію надзирателя, вызвалъ старшій помощникъ управляюшаго Д. П. З.—Бобылевскій, замѣнявшій управляющаго. Я предъявилъ ему требованіе товарищей. Онъ обусловливалъ выпускъ товарищей изъ карцеровъ — прекращеніемъ шума. Я ушелъ, ничего не обѣщавши, такъ какъ товарищи не уполномачивали меня соглашаться на какія бы то ни было условія со стороны начальства.

Вскорѣ, впрочемъ, мы узнали, что Ковалевъ и Циціановъ въ общемъ лазаретѣ и имъ оказана медицинская помощь, и что Волховскій, какъ и другіе товарищи (Голоушевъ, Смирновъ, Петропавловскій, Грачевскій и др.) уже находятся въ своихъ камерахъ.

На другой день мы съ утра подняли снова стукъ и грюкъ. Въ этотъ день я получилъ отъ Муравскаго (по нашему дѣлу) записку, въ которой «дѣдъ», какъ мы его звали (нѣкоторые называли его «отцомъ»), предлагалъ обратиться къ товарищамъ съ совѣтомъ прекратить безполезный шумъ и перестать бить «неодушевленные предметы», а постараться бить «предметы одушевленные», — и начать это съ Трепова, а кончить помощниками управляющаго, которые проявили особую ревность при избіеніи заключенныхъ, какъ, напр., Куриленко. Для этого надо было успокоиться на недѣльку, по крайней мѣрѣ, и показать, что все вошло въ свою норму. Затѣмъ, нѣсколько человѣкъ напишутъ каждый отъ себя, какъ это практиковалось и раньше, заявленія градоначальнику о необходимости улучшенія пищи, или о разрѣшеніи имѣть инструменты для занятія въ камерѣ ремесломъ и т. п. Такъ какъ на такія заявленія Треповъ являлся лично въ Д. П. З. и заходилъ въ камеру къ подавшему заявленіе для выслушанія личныхъ объясненій, то къ

кому онъ къ первому зайдетъ, тотъ и долженъ неожиданно кинуться на Трепова и чѣмъ попало и какъ съумѣетъ исковеркать его физіономію; послѣ этого начать избіеніе помощниковъ управляющаго. Я нашелъ планъ Муравскаго довольно подходящимъ и, по соглашенію съ нимъ, послали черезъ коней въ этомъ духѣ записку за его и моею подписью ко всѣмъ товарищамъ. Не помню сейчасъ ясно, наша ли записка подѣйствовала такъ, что тюрьма утихла, или тогда же было получено извѣстіе съ воли, что «партія, выпоровшая товарища прокурора Поскочина», проситъ тюрьму успокоиться, такъ какъ она беретъ на себя отомстить Трепову за его поруганіе надъ Боголюбовымъ и всей тюрьмой. Какъ бы то ни было, наша тюрьма утихла. Но тюремное начальство не утихло. На четвертый или на пятый день послѣ бунта, оно стало обходить камеры, и у кого камеры оказались особенно попорченными въ какомъ бы-то ни было отношеніи, того низводили въ камеры на первую галлерею,—въ камеры полутемныя и сырыя, равносильныя карцерамъ.

Низвели и меня, несмотря на то, что я въ это время числился на положеніи больного. Просидѣвъ двое сутокъ въ сырой съ заплеснѣвшими стѣнами камерѣ, у меня очень сильно разболѣлась правая нога,—въ родѣ ревматизма что-то. Я позвалъ доктора и просилъ, чтобы онъ приказалъ перевести меня, какъ больного, въ сухую камеру. Докторъ съ сожалѣніемъ сказалъ, что онъ безсиленъ это сдѣлать, что теперь тюремная администрація никакихъ снисхожденій проявлять не намѣрена, и посовѣтовалъ написать заявленіе прокурору окружного суда, тоже имѣвшему отношеніе къ Д. П. З., что я и сдѣлалъ. На четвертый день меня вызвали къ т. пр. окр. суда Платонову, который сталъ меня распрашивать о томъ, что я знаю о произведенномъ побоищѣ и о заключенныхъ въ карцерѣ. Все, что я узналъ за это время, я разсказалъ ему весьма охотно, такъ какъ Платоновъ не скрывалъ передо мною своего порицанія и негодованія на поведеніе Трепова и всей тюремной администраціи въ совершившейся исторіи. Тѣмъ не менѣе, меня все таки оставили въ камерѣ 1-й галлереи, ибо по словамъ Платонова—«пока» все дѣло въ рукахъ администраціи, а не судебной власти. Я понялъ, почему помощники управляющаго Константиновскій и Куриленко такъ нагло и хамски-начальственно держали себя въ эти дни.

Наконецъ, день на пятый—шестой сидѣнья на 1-й галлереѣ, Константиновскій вошелъ въ мою камеру и, насколько могъ любезно, предложилъ мнѣ выбрать любую свободную камеру въ любой галлереѣ. Я нѣсколько былъ удивленъ: что сей сонъ значитъ? Но воспользовался предложеніемъ и попросился на 6 галлерею, гдѣ сидѣлъ въ это время Тихомировъ, въ сосѣднюю съ нимъ пустую камеру, чтобы поближе быть къ своему любимому другу.

Вся любезность тюремной администраціи на этотъ разъ объяснилась очень скоро тѣмъ, что по дѣлу о треповской исторіи было назначено слѣдствіе, которое и было поручено слѣдователю

по особо важнымъ дѣламъ Книриму. Впрочемъ, слѣдствіе это было прекращено, а дѣло засунуто подъ сукно, и еслибы не Вѣра Засуличъ, то никогда бы треповская исторія не выползла на судъ общественный... Но и планъ дѣда Муровскаго не былъ приведенъ нами въ исполненіе, мы не стали избивать «одушевленные» предметы и бунтъ прекратили, такъ какъ съ воли было получено извѣстіе, что за насъ отомстятъ.

Вскорѣ, къ тому же, намъ, привлеченнымъ къ процессу 193-хъ, были вручены обвинительные акты. Съ одной стороны обвинительный актъ вызвалъ, по иниціативѣ «дѣда», составленіе опроверженія лжи тамъ нагроможденной, для чего всякій изъ обвиняемыхъ присылалъ «дѣду» свои указанія, въ чемъ составитель акта налгалъ; съ другой стороны, актъ побудилъ насъ приступить къ рѣшенію вопроса, какъ держать себя на судѣ. Рѣшено было обратить судъ въ арену ознакомленія общества съ нашими стремленіями и съ тѣмъ, какъ мы дѣйствовали, и явиться обвинителями народныхъ враговъ. Каждый изъ кружковъ, вошедшихъ въ составъ 193-хъ обвиняемыхъ,—чайковцы, кіевляне, одесситы, саратовцы и др.,—стали съ этою цѣлью готовить рѣчь. Лично я брался за произнесеніе рѣчи отъ кружка чайковцевъ и занялся составленіемъ рѣчи, обдумываніемъ ея, перепиской по поводу ея съ друзьями: Тихомировымъ, Волховскимъ, Стаховскимъ, Купріяновымъ, а на волѣ съ Соней Перовской, которая даже во время процесса не была арестована и на судъ приходила съ воли.

XXVI.

18-го сентября 1877 года наконецъ-то наступилъ день долгожданнаго суда! Сначала 193-хъ подсудимыхъ выводили въ судъ, засѣдавшій въ зданіи окружнаго суда, всѣхъ вмѣстѣ, такъ-что мы занимали не только мѣсто залы, предназначенное для подсудимыхъ, и часть котораго носила у насъ названіе—«голгоѳы», но и всѣ мѣста для публики. Для всей многочисленной стражи нашей мѣста въ залѣ не оставалось и только кое-гдѣ торчало изъ нея по нѣсколько фигуръ, между стѣнами и мѣстомъ, гдѣ были мы.

На «голгоѳу» обыкновенно приводили Ковалика, Войнаральскаго, Рогачева, Рабиновича, Костюрина и еще кого-то, но кого, теперь не помню.

Пока шло чтеніе обвинительнаго акта и совершался приводъ многочисленныхъ свидѣтелей къ присягѣ, насъ приводили всѣхъ 193-хъ въ залъ суда, но когда окончилась эта процедура, особое присутствіе сената, въ распорядительномъ засѣданіи, порѣшило раздѣлить насъ на 17 группъ и начать разбирательство дѣла по группамъ.

Это постановленіе вызвало взрывъ негодованія у подсудимыхъ и, по возвращеніи въ этотъ день изъ суда, между подсудимыми вездѣ по клубамъ состоялись рѣшенія—протестовать противъ суда. Правда, къ протесту пристали далеко не всѣ, но съ увѣренностью

можно сказать, что за протестъ было никакъ не менѣе половины подсудимыхъ. Протестъ долженъ былъ заключаться въ заявленіи суду, что мы его не признаемъ, и что допущенное имъ раздѣленіе насъ на группы нарушаетъ наше право знать все, что происходитъ на судѣ, а слѣдовательно и интересы нашей защиты. Сначала было постановлено не идти на судъ, когда явятся приглашать туда, и прежде всего должны были это сдѣлать тѣ, которые входили въ составъ первой группы. Въ первую же группу попали, между прочимъ, всѣ бывшіе на лицо члены чайковскаго кружка.

Я отчетливо помню, что было рѣшено возложить заявленіе протеста на одного изъ чайковцевъ;—посланный долженъ былъ заявить протестъ отъ всѣхъ подсудимыхъ съ требованіемъ оставить насъ въ покоѣ въ тюрьмахъ и судить насъ заочно, какъ судьямъ будетъ угодно. Выборъ палъ на меня. Я приготовилъ такую маленькую рѣчь: «Я заявляю особому присутствію Правительствующаго сената отъ себя и отъ всѣхъ товарищей, уполномочившихъ меня на это, что мы не признаемъ вашего суда, такъ какъ вы нарушили наши права и интересы нашей защиты. Мы требуемъ судить насъ заочно и просимъ оставить насъ въ нашихъ тюрьмахъ, гдѣ мы столько лѣтъ ожидали хотя бы приличнаго суда и не дождались». Въ день, назначенный для судебнаго засѣданія, я, по приглашенію тюремныхъ властей идти въ судъ, вышелъ изъ камеры въ галлерею и внизу попалъ въ кучку непротестующихъ, которые шли туда же. Помощникъ управляющаго и надзиратель, выпускавшіе меня изъ камеры, были удивлены, что я безъ всякихъ возраженій и разговоровъ пошелъ въ судъ, въ то время, какъ большинство изъ первой группы заявляли о своемъ нежеланіи идти въ судъ и оставались въ своихъ камерахъ. Тюремныя власти, не зная, какъ имъ быть съ протестантами, оставляли ихъ въ покоѣ, пока изъ суда не было приказано тащить протестантовъ въ судъ силою, если они не пойдутъ добромъ.

Когда я пришелъ въ судъ, я былъ введенъ на «голгоѳу». На прежнихъ мѣстахъ сидѣла публика. На голгоѳѣ сидѣли уже Рогачевъ и Рабиновичъ, которыхъ притащили силою, раньше, чѣмъ привели меня. Я заявилъ протестъ отъ себя и отъ пославшихъ меня товарищей, въ словахъ приведенныхъ мною выше. И лишь окончилъ я свою маленькую рѣчь, какъ предсѣдатель суда Петерсъ заявилъ: „вонъ его!“ Меня подхватили два жандарма и поволокли, но прежде чѣмъ успѣли вывести меня за рѣшетку, Петерсъ крикнулъ снова: „Вы будете отвѣчать на вопросы?“—Нѣтъ, я съ такимъ судомъ не хочу разговаривать.—„Вонъ его!“ заоралъ Петерсъ и меня вывели. Въ то время, какъ меня вытаскивали изъ залы суда, Рогачевъ и Рабиновичъ, перевѣсившись черезъ барьеръ голгоѳы, въ свою очередь кричали суду: „Мы присоединяемся къ протесту Синегуба! требуемъ вывести и насъ изъ суда!“. Петерсъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, пока Рабиновичъ не крикнулъ: „вы не судьи а опричники“, а Рогачевъ не обозвалъ судъ—шемякинымъ судомъ. Тогда вывели изъ суда и ихъ. Изъ подсудимыхъ женщинъ,

сидѣвшихъ далеко отъ насъ на противоположной сторонѣ отъ Голгоѳы, нѣкоторыя (я помню Кувшинскую и Сашу Корнилову) тоже закричали, что онѣ присоединяются къ заявленному мною протесту, но Петерсъ только грубо крикнулъ въ ихъ сторону: „А вы тамъ—сидите!“

Мое представительство отъ товарищей не было признано судомъ, и въ этотъ день силкомъ таскали въ судъ всѣхъ подсудимыхъ, приставшихъ къ протесту, и кого-то даже на рукахъ принесли солдаты, такъ какъ не могли заставить идти. Всѣ приводимые протестанты произносили по адресу суда или оскорбленія, или даже цѣлыя рѣчи. Изъ числа подсудимыхъ первой группы наиболѣе остроумную и ѣдкую рѣчь по отношенію къ суду произнесъ Волховскій: произнесъ при томъ подъ самый носъ суду, такъ какъ пользуясь своей глухотой, Волховскій добился того, чтобы предсѣдатель призвалъ его съ мѣста подсудимаго къ самому судейскому столу.

Надо отдать справедливость суду, что, по его распоряженію, всѣхъ протестантовъ, послѣ того, какъ они заявили протестъ, больше въ судъ уже не таскали, но пока разбиралось дѣло группы, каждый разъ передъ засѣданіемъ суда въ форточку камеры просовывалась голова надзирателя и раздавался вопросъ: „въ судъ пожалуете?“ Встрѣтивъ отрицательный отвѣтъ, форточку захлопывали и подсудимыхъ оставляли въ покоѣ. По окончаніи судебнаго слѣдствія по первой группѣ, въ ночь съ 11 на 12 ноября 1877 г., нѣсколько человѣкъ, показавшихся властямъ почему-то наиболѣе ярыми протестантами, перевели изъ Д. П. З. въ Петропавлов. крѣпость. И я туда попалъ снова послѣ 2 лѣтняго пребыванія въ Д. П. З. Впрочемъ, попали потомъ туда и другіе менѣе ярые протестанты и даже вовсе къ протесту не приставшіе, какъ напр. Тимофей Квятковскій, братъ Александра Квятковскаго, повѣшеннаго за участіе во взрывѣ Зимняго дворца въ 1880 году.

Въ означенную выше ночь, часамъ къ двумъ, стали насъ выводить сонныхъ изъ камеръ. Коваликъ, Рогачевъ, Сажинъ, Волховскій, Максимовичъ и я были сведены внизъ и стружены въ одной комнатѣ. Мы недоумѣвали—что съ нами думаютъ сдѣлать? У многихъ изъ насъ рождалась мысль,—ужъ не задумали ли жандармы везти насъ въ III отд. и тамъ драть за оскорбленія, нанесенныя сенату? По правдѣ сказать, эта мысль леденила мою душу,—такое насиліе надъ собой я не перенесъ бы; это было бы для меня смертнымъ приговоромъ. А Сажинъ, напр., смотрѣлъ на это довольно просто и говорилъ: „Что же? вѣдь это такой же актъ насилія, какъ и заковка въ кандалы, какъ избіеніе кулаками и ногами въ камерахъ, какъ изсѣченіе шашкой! Актъ насилія надо мной—беззащитнымъ и безоружнымъ нисколько меня не позоритъ, въ какой бы формѣ не проявился. Такой актъ позоритъ насильниковъ, а не меня.“—Отъ разума я вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ этого замѣчательно умнаго и сильнаго душою человѣка,

но чувство мое никакъ не могло помириться съ мыслью быть выпоротымъ. И пока я, посаженный въ карету, не увидѣлъ, что меня везутъ къ Петропавлов. крѣпости черезъ Николаевскій мостъ,—я былъ приговоренъ къ смерти.

Въ карету посадили меня вмѣстѣ съ Анатоліемъ Фаресовымъ, съ которымъ ѣхать было мнѣ не особенно пріятно, такъ какъ не задолго до суда я съ нимъ основательно разругался и прекратилъ съ нимъ знакомство за тѣ дикія и неосновательныя съ его стороны нападки на молодежь и за ту враждебность ко всему нашему движенію, которые сталъ выказывать Фаресовъ въ бесѣдахъ и въ перепискѣ со мной.

За время сидѣнія въ одиночкѣ онъ перемѣнилъ свое радикальное направленіе на земско-либеральное. Перемѣна, какъ мнѣ казалось, была совершенно искренняя, но меня злило его просто скверное отношеніе къ убѣжденіямъ и стремленіямъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ, до такой степени скверное, что я, разговаривая съ нимъ однажды въ клѣтушкахъ церкви Д. П. З., вспылилъ и рѣзко замѣтилъ ему, что ему остается только присоединиться къ жандармамъ въ искорененіи насъ и въ борьбѣ съ нами. На что онъ мнѣ рѣзко же замѣтилъ: „Нѣтъ я буду бороться съ вами всѣми силами души, но не насиліемъ, а словомъ»!

Такую же враждебность и такую же перемѣну фронта проявилъ и Говоруха-Отрокъ. Этотъ всѣ революціонные кружки молодежи, кромѣ, впрочемъ, чайковцевъ,—мѣшалъ съ грязью. Объ чайковцахъ онъ говорилъ мнѣ: „собственно и вы всѣ нуль въ политическомъ отношеніи, но ужъ очень вы симпатичные люди!“ Какъ извѣстно, Говоруха-Отрокъ ударился даже не въ земство, а прямо въ катковщину и сталъ подъ знамя „Русск. Вѣстника“.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтитъ, что ни Фаресовъ, ни Говоруха-Отрокъ все время суда не считали согласнымъ съ честью не пристать къ протесту противъ суда, нарушившаго наши права. Правда, во время суда Говоруха-Отрокъ былъ еще далеко отъ катковщины и находился, повидимому, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Н. К. Михайловскимъ, который приходилъ даже къ нему на свиданіе въ Д. П. З., гдѣ и я видѣлъ вблизи знаменитаго писателя. Говорили, что и Михайловскій не особенно симпатизировалъ дѣятельности сидѣвшей тогда въ тюрьмахъ радикальной молодежи; а побывавъ на нашемъ процессѣ во время нашего протеста, будто бы, выразился объ насъ, что мы со своимъ протестомъ напомнили ему дикарей, пытавшихся закрыть шапками жерла выставленныхъ противъ нихъ пушекъ.

XXVII.

Въ концѣ марта 1878 года намъ въ камеры Петропавловской крѣпости былъ доставленъ печатный приговоръ судившаго насъ Особ. Пр. Сената. Я и Стаховскій были приговорены Особ. Пр. Сената къ 9 лѣтней каторгѣ въ крѣпостяхъ, но относительно

насъ двоихъ судъ постановилъ ходатайствовать передъ царемъ о замѣнѣ каторги поселеніемъ въ Сибири въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ.

Мой незабвенный защитникъ Владиміръ Николаевичъ Герардъ, котораго я называлъ про себя—„чистокровнымъ джентльменомъ", и отъ котораго не успѣлъ отказаться во время своего протеста передъ судомъ, почему онъ и посѣщалъ меня въ крѣпости вплоть до вхожденія приговора въ законную силу, побывавъ у меня послѣ объявленія приговора, поздравилъ меня съ избавленіемъ отъ каторги.

„Ну, это еще бабушка на двое сказала", смѣясь замѣтилъ ему я, вполнѣ, впрочемъ, не сомнѣваясь въ душѣ, что ходатайство суда будетъ царемъ уважено.

Владиміръ Николаевичъ горячо сталъ увѣрять меня, что никогда царь въ ходатайствѣ суда не отказываетъ, что до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, такого случая не было. Увы! на этотъ разъ незабвенный Влад. Ник. ошибся! Царь не уважилъ ходатайства суда относительно цѣлыхъ 12 человѣкъ.

Судъ приговорилъ Мышкина, Ковалика, Войнаральскаго, Рогачева и Добровольскаго къ 10 лѣтней каторгѣ, меня, Шишко, Чарушина, Союзова, Квятковскаго—къ 9 лѣтней, Сажина и Брешковскую къ 5 лѣтней. Судъ не ходатайствовалъ только за одного Мышкина, такъ какъ Мышкинъ-де отягчилъ свое преступленіе покушеніемъ на убійство казака въ Якутской области, при его неудачной попыткѣ освободить Чернышевскаго. Обо всѣхъ остальныхъ ходатайствовалъ о замѣнѣ каторги—Ковалику, Войнаральскому, Рогачеву и Муравскому поселеніемъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, мнѣ—поселеніемъ въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ: Шишко, Чарушину, Союзову, Квятковскому—житьемъ въ Сибири безъ лишенія всѣхъ правъ, а лишь съ ограниченьемъ, Сажину и Брешковской—ссылкой въ одну изъ отдаленныхъ губ. Европейской Россіи. Но относительно всѣхъ этихъ лицъ царь ходатайство не уважилъ и лишь приказалъ засчитать намъ годы сидѣнія въ одиночкахъ въ срокъ каторги. Отсюда получился курьезъ, что я, по мнѣнію суда болѣе виновный и заслужившій даже по ходатайству болѣе тяжелаго наказанія, чѣмъ Квятковскій (я лишился всѣхъ правъ и ссылался на поселеніе, Квятковскій шелъ на житье съ огранич. правъ) наказывался легче. По приказанію царя мы оба шли въ каторгу, но изъ моихъ 9 лѣтъ каторги сразу высчиталось 4 года 8 мѣсяцевъ сидѣнья до приговора и мѣсяцъ въ дорогѣ, а у Квятковскаго, много позже арестованнаго и просидѣвшаго только $1^1/_2$ года, исключались только эти послѣдніе да мѣсяцъ дороги.

Говорили въ то время, что мы были обязаны отклоненіемъ ходатайства суда царемъ шефу жандармовъ Мезенцеву и министру юстиціи Палену, которые, возмутившись мягкостью приговора,—помилуйте! одинъ только Мышкинъ изъ 193 подсудимыхъ угодилъ на каторгу безъ всякаго ходатайства!—представили царю свои соображенія на счетъ невозможности такого скандала. Чуть не пять лѣтъ

мудрили надъ созданіемъ процесса, спасая отечество, создали процессъ-монстръ въ 193 человѣка, нашумѣли на весь русскій міръ, и вдругъ! гора мышь родила: изъ всѣхъ крамольниковъ, представшихъ предъ сенаторами, даже съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, только одинъ оказался безповоротно достойнымъ каторги. Скандалъ.

Жихаревъ, Желеховскій, Паленъ и Потаповъ (тогда уже спятившій съ ума и замѣненный Мезенцевымъ)—терпѣли, очевидно, полное фіаско. Этого допустить нельзя было. И вотъ мы 12-ть явились козлами отпущенія съ цѣлью хоть нѣкотораго смягченія скандала.

Хотя намъ и былъ объявленъ приговоръ, но до іюля мѣсяца насъ и не думали отправить въ мѣста назначенія и мы все продолжали пребывать въ Петропавловкѣ. Правда, относительно насъ осужденныхъ крѣпостной режимъ былъ смягченъ чрезвычайно. Намъ не только дали въ камеры бумагу и карандаши, а желающимъ и грифельныя доски, но позволяли передавать черезъ присяжныхъ унтеръ-офицеровъ другъ другу и книги, и угощенія, которыя намъ доставляли съ воли родные и знакомые. Мало этого, намъ разрѣшили гулять совмѣстно группами не менѣе 9 человѣкъ заразъ, и мы, перестукиваясь, группировались для прогулокъ по своему желанію, что дало намъ возможность перезнакомиться другъ съ другомъ поближе.

Вмѣстѣ съ нами былъ въ это время въ крѣпости и осужденный по нашему процессу—Ѳеофанъ Лермонтовъ. Вскорѣ по привозѣ его во второй разъ въ крѣпость изъ Предварилки, онъ захворалъ воспаленіемъ верхнихъ оболочекъ спинного мозга и, благодаря тюремной обстановкѣ и плохому медицинскому уходу, постепенно умиралъ. Въ хорошіе майскіе и іюньскіе дни кровать Лермонтова выносилась и ставилась у стѣнки той баньки, которая была посреди крѣпостного нашего двора—садика,—и не могшій уже совершать прогулокъ ходя, Лермонтовъ лежалъ на ней, а возлѣ него были товарищи тѣхъ группъ, которыя выпускались на прогулку. Такъ какъ Лермонтовъ былъ одинъ изъ большихъ почитателей моей музы,—онъ, вообще, питалъ слабость къ поэтамъ,—то я иногда садился на его кровать и, окруженный товарищами, читалъ громко свои стихи къ немалой усладѣ больнаго.

Лермонтовъ былъ далеко незаурядный человѣкъ. Обладая большимъ умомъ и феноменальной памятью, что давало ему возможность запоминать цѣлые отрывки изъ сочиненій Милля, Лассаля, Миртова, Добролюбова, Чернышевскаго, Дарвина, Спенсера и массы другихъ прочитанныхъ имъ серьезныхъ сочиненій, не говоря о беллетристикѣ, Лермонтовъ, обладая даромъ слова, могъ въ спорѣ засыпать противника массою ссылокъ на авторитеты, иногда съ подлиннымъ цитированіемъ ихъ наизусть. Бывало въ рѣчахъ своихъ онъ, безсознательно для себя, говорилъ словами этихъ авторитетовъ какъ своими собственными. На волѣ это покоряло ему свѣжую молодежь и онъ, несомнѣнно, былъ одинъ изъ воротилъ въ кружкахъ

молодежи въ 70—73 годахъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ былъ нѣкоторое время въ кружкѣ чайковцевъ, но чайковцы, нетерпимые къ нѣкоторымъ его неригористическимъ наклонностямъ, разошлись съ нимъ.

Помню я, какъ въ одну изъ прогулокъ, возлѣ кровати Лермонтова въ группѣ гуляющихъ шли дебаты о дѣяніяхъ Стефановича и Дейча въ Чигиринскомъ у. Кіевской губ. Объ этомъ только-что было получено нами извѣстіе и было свѣжей темой нашихъ размышленій и толковъ. Я и Лермонтовъ не одобряли способа, которымъ добились Стефановичъ и Дейчъ образованія дружинъ среди крестьянъ Чигиринскаго у. Они дѣйствовали съ помощью обманныхъ золотыхъ грамотъ, яко-бы, отъ царя добытыхъ, а такая ложь передъ народомъ казалась намъ не только не дозволительной съ этической точки зрѣнія, но и большой политической ошибкой, такъ какъ ею у крестьянъ лишь закрѣплялось то пагубное заблужденіе относительно царя, которое является въ Россіи однимъ изъ величайшихъ тормазовъ для освобожденія народа. Насколько мнѣ помнится, то среди сидѣвшихъ тогда въ крѣпости по нашему дѣлу почти у всѣхъ было такое отношеніе къ способу дѣйствія Стефановича и Дейча, и лишь относительно одного Муравскаго—нашего «дѣда»,—я помню, что онъ одобрялъ и способъ ихъ дѣйствія. Правда и то, что все-таки большой успѣхъ Стефановича и Дейча, ихъ ловкость и энергія подкупали всѣхъ насъ и значительно смягчали и наше отношеніе къ способу ихъ дѣйствія и во всякомъ разѣ въ нашемъ представленіи ихъ образы были окружены ореоломъ героевъ и крупныхъ борцовъ за народное дѣло.

Бѣдный Лермонтовъ былъ назначенъ къ ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губ. Европ. Россіи, былъ изъ крѣпости переведенъ въ Литовскій замокъ, а оттуда посаженъ на поѣздъ, несмотря на то, что онъ, что называется, дышалъ уже на ладонъ. Недалеко отъѣхавъ отъ Питера, онъ умеръ въ вагонѣ и трупъ его былъ обратно привезенъ въ Питеръ и похороненъ начальствомъ невѣдомо гдѣ. Также невѣдомо гдѣ похоронило крѣпостное начальство и дорогого моего друга, котораго я глубоко полюбилъ съ первыхъ дней нашего съ нимъ знакомства, Михрюту Купріянова. Этотъ, выдающійся по своему необычайному уму, юноша умеръ въ крѣпости въ іюнѣ 1878 г., какъ говорили, отъ воспаленія брюшины, или какъ заподозрѣвалъ полковникъ Богородцкій—отъ отравленія спичками. По крайней мѣрѣ Богородцкій, сообщившій мнѣ о смерти Михрюты, выразилъ мнѣ это свое подозрѣніе. Можетъ быть его подозрѣніе и было справедливо. Въ силу наслѣдственности (отецъ сошелъ съ ума, мать—отравилась, прабабушка со стороны отца уморила себя голодомъ) Купріяновъ былъ склоненъ къ душевному заболѣванію. Сидя въ одиночномъ заключеніи онъ заболѣвалъ одно время забвеніемъ именъ существительныхъ. Въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ этого года его сестра Надежда, съ которой онъ былъ очень друженъ и которая до разгрома кружка чайковцевъ состояла въ числѣ его членовъ, умерла отъ родильной горячки, и эта смерть люби-

мой сестры сильно потрясла его. Я нѣсколько разъ гулялъ съ нимъ въ крѣпостномъ садикѣ и, послѣ смерти сестры, замѣтилъ значительную перемѣну въ его душевномъ настроеніи. Въ одну изъ послѣднихъ съ нимъ прогулокъ я обратился къ нему даже съ вопросомъ—здоровъ ли онъ? Онъ имѣлъ видъ больного и очень печальнаго человѣка. Онъ сказалъ, что чувствуетъ себя уже нѣсколько дней нездоровымъ, но что ему противно звать доктора. Больше мнѣ не пришлось уже его видѣть и въ одно изъ іюньскихъ утръ ко мнѣ зашелъ Богородцкій въ камеру и заявилъ конфиденціальнымъ тономъ, что Купріяновъ въ эту ночь умеръ. На смерть ему я написалъ эти стихи:

Гнета не снесъ ты судьбиною даннаго,
Смерть замѣнила тюрьму!
Ахъ, воскресить тебя друга желаннаго
Гдѣ же я силы возьму?!
Такъ неотступно желанье напрасное
Въ сердцѣ скорбящемъ моемъ,
Чтобъ твои умныя очи прекрасныя
Прежнимъ зажглися огнемъ!
Вновь чтобъ проснулася мысль твоя сильная,
Чистыя думы твои,
Вновь чтобъ забилося сердце обильное
Силою гордой любви!
Чтобы пришелъ ты къ намъ снова сіяющій
Блескомъ здоровья и силъ—
Чтобы ты вновь, на добро уповающій
Съ нами борьбу раздѣлилъ.
Боже мой! гнетомъ желанья безсильнаго
Тяжко сдавило мнѣ грудь!
Ахъ! ужъ не вырвать изъ мрака могильнаго
Друга,—назадъ не вернуть!

Стихи эти я прочиталъ товарищамъ во время прогулки,—и произвелъ ими впечатлѣніе [1]). Пересланные на волю они были потомъ напечатаны въ сборникахъ пѣсенъ, издававшихся за границей.

XXVIII.

Во время этихъ совмѣстныхъ прогулокъ въ крѣпостномъ садикѣ я близко узналъ еще одного замѣчательнаго въ революціонной средѣ человѣка—Феликса Волховскаго, чудный образъ котораго и сейчасъ стоитъ, какъ живой, передъ моими глазами и при воспоминаніи о которомъ сердце мое переполняется глубокою и нѣжною любовью.

Несмотря на то, что онъ въ то время не былъ еще старымъ человѣкомъ,—ему было не болѣе 32 лѣтъ, онъ уже былъ значи-

---

[1]) Долженъ замѣтить, что много времени спустя, уже въ 90-хъ годахъ, въ числѣ другихъ своихъ стихотвореній я представилъ на судъ поэта П. Я. и это мое стихотвореніе, которое онъ, какъ впрочемъ и большинство моихъ стиховъ, совершенно забраковалъ.

тельно сѣдъ и убѣлили его молодую голову годы тюрьмы и неустаннаго труда. Участникъ еще въ нечаевскомъ процессѣ 1869 г., по которому онъ высидѣлъ никакъ не менѣе двухъ лѣтъ въ одиночкѣ, онъ въ 1874 г. былъ привлеченъ къ нашему процессу. Онъ былъ провинціальнымъ членомъ кружка чайковцевъ и жилъ въ Одессѣ. Сгруппировавъ вокругъ себя кружокъ изъ молодежи, въ которомъ, между прочимъ, состояли тогда членами Соломонъ Чудновскій, Андрей Франжоли, Лангансъ, Дическуло, Макаревичъ, Глушковъ, Жебуневъ Сергѣй, Желябовъ,—онъ, обладавшій какой-то чудодѣйственной силой обаятельности, беззавѣтно привязалъ къ себѣ это юношество и отправилъ многихъ изъ нихъ на пропаганду въ деревни Екатеринославской и Херсонской губ. Но когда начался походъ саратовскаго прокурора Жихарева, вдохновлявшагося изъ Питера шефомъ жандармовъ Потаповымъ и министромъ юстиціи Паленомъ, противъ страшной крамолы, раскинувшей свои сѣти по всѣмъ градамъ и весямъ Руси, то и Феликсъ Волховскій, и его кружокъ попались въ лапы опричниковъ и были заточены въ одиночныя тюрьмы сначала провинціальныя, а потомъ—въ столичныя.

Другого столь обаятельнаго человѣка, который при первой же встрѣчѣ съ нимъ заполонялъ сердце, какъ Феликсъ Волховскій, я зналъ на своемъ вѣку только одного еще—Екатерину Брешковскую.

Я не разъ задумывался надъ этимъ свойствомъ этихъ людей: гдѣ и въ чемъ таился источникъ этой обаятельности, которая сразу покоряла душу и уже на этомъ фонѣ всѣ ихъ недостатки, всѣ шероховатости ихъ совсѣмъ стирались и исчезали? Признаюсь, я не рѣшилъ этого психологическаго вопроса.

Феликсъ Волховскій обладалъ необычайно живымъ, полнымъ блеска остроумія умомъ, чудной памятью большимъ образованіемъ, рѣдкимъ даромъ разсказчика и талантомъ писателя и поэта. Быть въ его обществѣ, даже когда онъ выходилъ на прогулку хворымъ, составляло большое наслажденіе. Неугомонный умъ, даже во время жестокихъ головныхъ болей, которыми онъ часто страдалъ въ тюремномъ заключеніи, вѣчно сверкалъ остроуміемъ, живостью и находчивостью. Онъ былъ притомъ необычайно нѣжный, ласковый и тонко деликатный человѣкъ. Но только не съ врагами,—долженъ оговориться. Передъ врагами онъ совершенно преобразовывался и становился безпощаденъ и дерзокъ. Онъ меня поражалъ еще одной чертой—это необыкновенной трудоспособностью. Вѣчно эта голова работала. Волховскій безъ дѣла, когда онъ остается одинъ въ своей тюремной камерѣ,—невозможное явленіе; всегда онъ то за книгой, то за писаніемъ. Онъ принималъ участіе въ литературѣ какъ въ легальной, такъ и въ нелегальной, и писалъ и прозой, и стихами (кромѣ оригинальныхъ стиховъ, онъ печаталъ и переводныя) По внѣшнему виду онъ не производилъ впечатлѣнія крѣпкаго, здороваго человѣка, но умные, черные глаза его, своимъ вѣчно юнымъ блескомъ, говорили ясно, что въ его удлиненномъ

въ горизонтальномъ направленіи черепѣ живетъ неугасимый, неувядаемый здоровый духъ и что этого духа не убить никакими тюрьмами, никакими способами гоненія. Такимъ именно сохранила моя память образъ этого человѣка.

Тутъ же въ крѣпости, на этихъ же прогулкахъ я узналъ и еще очень крупнаго человѣка, нашего «дѣда» (или, какъ нѣкоторые изъ насъ звали его, «отца») Митрофана Муровскаго, которому, впрочемъ, только въ крѣпости именно въ это время исполнилось 41 годъ, при чемъ я, какъ тюремный поэтъ, воспѣлъ это обстоятельство въ юмористическомъ стихотвореніи, прочитанномъ виновнику торжества у постели Лермонтова, окруженнаго товарищами. Лермонтовъ, впервые узнавъ, что я могу писать и юмористическіе стихи, пришелъ въ восторгъ и предсказывалъ мнѣ «будущность», какъ поэту. Надо замѣтить, что у «дѣда» не было вовсе сѣдины ни въ волосахъ головы, ни въ его прекрасной, длинной, чуть не по поясъ, широкой бородѣ. Но въ послѣдніе дни на прогулкахъ я замѣтилъ, что у дѣда съ одного краю его бороды—одинъ волосъ совершенно бѣлъ. Я не преминулъ указать и товарищамъ на это печальное обстоятельство: дѣдъ сталъ сѣдѣть! Вотъ въ моемъ-то стихотвореніи и фигурируетъ этотъ единственный сѣдой волосъ дѣда нашего.

Онъ спалъ... А въ крѣпость въ часъ полночный
Вдругъ фея юности вошла,—
И къ „дѣду“ въ номеръ одиночный
Корзинку чудную внесла;
Въ корзинкѣ же въ травѣ душистой,
На мху и мягкомъ, и пушистомъ,
Среди цвѣтовъ,—какъ райскій плодъ
Виднѣлся—„41 годъ“.
И тихо, тихо, сколь возможно
Она къ кровати подошла,
Край одѣяла осторожно
Рукою нѣжной отвела
И молвила: „Мой юный другъ!
„Да будетъ путь твой, какъ цвѣтами,
„Усѣянъ дружбой и мечтами,
„Любовью женщины...“ Но вдругъ
Ея прервался дивный голосъ!
Испуга гнѣвнаго полна,
Вдругъ въ бородѣ густой она
Сѣдой огромный видитъ волосъ!
Одинъ,—но все же сѣдина!..
— „Скажите?!—онъ ужь сѣдъ!..
О боги!
„Ужь какъ его ни берегу,
„Онъ сѣдъ!.. Ужь лучше-бъ былъ безногій!
„Терпѣть сѣдыхъ я не могу!
„И вотъ, въ виду такой причины,
„Я вырву этотъ волосъ длинный,—
„Не дамъ шерстинкѣ ни одной
„Такъ рано знаться съ сѣдиной!“
И нѣжный пальчикъ потянулъ
За этотъ длинный, бѣлый волосъ.
Нашъ дѣдъ какъ гаркнетъ: „караулъ!“
И лишь его раздался голосъ,
Какъ тотчасъ свѣтлый лучъ вспорхнулъ,
И чрезъ окно на лунномъ свѣтѣ
Онъ улетѣлъ подъ небосводъ.
А въ бородѣ густой, какъ въ сѣти,
Остался—„41 годъ“.

* * *

А какова-жь судьба корзинки?
Полюбопытствуете вы.
Она разсыпалась,—увы!
Изъ мха, цвѣточковъ и травы
Образовался соръ: пылинки,
Бумажки, перья,—всякій сбродъ!
И надо ждать—солдатъ придетъ,
Метлой по камерѣ взмахнетъ,
Туда-сюда, и такъ и сякъ,
И соръ весь выброситъ въ стульчакъ.

Прошло болѣе четверти вѣка съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ дѣда, но и сейчасъ я отчетливо вижу передъ собой его фигуру. Сухощавый, роста выше средняго, совершенно

прямой, съ походкой, которую я называлъ царскою, съ широкой и длинной бородой, съ крутымъ нависшимъ лбомъ, съ густыми бровями, изъ подъ которыхъ глядѣли чудные синіе глаза, серьезные и грустные,—онъ невольно останавливалъ на себѣ вниманіе и сразу внушалъ къ себѣ почтеніе.

Умный, много про себя передумавшій и перестрадавшій человѣкъ, принадлежавшій, какъ однажды выразился про него Волховскій въ разговорѣ со мной, «къ породѣ жвачныхъ», въ томъ смыслѣ, что всякое горе свое онъ пережевывалъ про себя и никогда отъ него нельзя было услыхать ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго нытья, онъ былъ мало разговорчивъ и совершенно былъ чуждъ той черты, которая присуща людямъ—«спорщикамъ». При общемъ разговорѣ или спорѣ онъ слушалъ, но если не раздѣлялъ какого-нибудь высказываемаго при этомъ мнѣнія, то ограничивался тѣмъ, что вставлялъ въ разговоръ короткія замѣчанія, всегда яркія и полныя значенія. Кромѣ того, онъ былъ ядовито остроуменъ. Такъ какъ онъ слегка заикался передъ тѣмъ, какъ съядовитничать, то его остроты пріобрѣтали въ разговорѣ особый характеръ, какъ я называлъ,—характеръ стрѣлъ. Если дѣдъ на мигъ запнулся въ рѣчи, значитъ, сейчасъ вылетитъ изъ его устъ сатирическая стрѣла,—и дѣйствительно, она вылетала ѣдкая, мѣткая и острая, зачастую сразу освѣщавшая предметъ дебатовъ съ такой стороны, которая или совершенно упускалась изъ виду, или значеніе которой не усматривалось съ достодолжной ясностью и полнотой.

По всему своему душевному складу это былъ непримиримый врагъ всякаго насилія и всякаго неравенства, серьезный и беззавѣтный другъ всѣхъ угнетенныхъ.

Это, впрочемъ, онъ доказалъ всею своею жизнью со дня юности до того момента, когда его замучили въ одной изъ харьковскихъ централокъ.

Мало онъ видѣлъ радости въ своей жизни, мало пожилъ онъ и на волѣ. Со студенческой скамьи онъ попалъ въ каторжныя работы и былъ въ Сибири въ одной каторжной тюрьмѣ съ Чернышевскимъ. Лѣтъ тридцати пяти-шести онъ вернулся въ Россію, хотя и былъ поселенцемъ, съ разрѣшенія начальства къ матери въ Уфимскую губ., но не болѣе какъ черезъ годъ былъ снова арестованъ. Отсидѣвъ въ одиночкѣ около 4-хъ лѣтъ, онъ по процессу 193-хъ былъ приговоренъ къ каторгѣ, и хотя судъ ходатайствовалъ о замѣнѣ десятилѣтней каторги ссылкой на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири, царь ходатайства не уважилъ. Это обстоятельство лишало дѣда всякой надежды на близкую возможность быть на свободѣ и, какъ показалось мнѣ и Волховскому, дѣдъ послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ—заскорбѣлъ, заскорбѣлъ про себя, не выдавъ этой скорби ни передъ кѣмъ изъ людей ни однимъ словомъ,—и только похудѣлъ дѣдъ сильнѣе, и грустные глаза его стали еще скорбнѣе. Да, такой приговоръ оказался для него смертнымъ приговоромъ,—онъ централки не вынесъ и умеръ, не видавъ больше и призрака свободы.

Мало зналъ онъ воли, но всѣ минуты своей недолгой свободы онъ отдалъ всецѣло на служеніе народу. Но и въ стѣнахъ тюрьмы онъ былъ въ числѣ тѣхъ элементовъ, которые спасаютъ души заключенныхъ отъ пагубнаго дѣйствія долговременныхъ мукъ тюрьмы, поддерживаютъ въ нихъ способность борьбы съ нравственными и физическими пытками, которымъ подвергаютъ ихъ проклятые палачи.

«Дѣдъ» былъ источникомъ энергіи въ тюрьмѣ.

Въ Д. П. З., при нападеніяхъ тюремнаго начальства на заключенныхъ, при отстаиваніи условій на возможность существованія въ тюрьмѣ, при вопросѣ, какъ отозваться и реагировать на выходки судебныхъ властей, на то или другое общественное явленіе, внѣ тюрьмы совершившееся,—я глубоко увѣренъ въ томъ,—у каждаго товарища по заключенію являлся всегда вопросъ: «а что скажетъ дѣдъ?»

Даже можно было не соглашаться съ дѣдомъ, вступать съ нимъ въ дебаты устные или письменные, но знать то, что думаетъ дѣдъ по данному жгучему обстоятельству, было такою же для насъ необходимостью, какъ въ сумерки необходимъ источникъ свѣта, когда нужно во что бы то ни стало разобрать написанное.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ, вступившіе съ дѣдомъ въ переписку или имѣвшіе счастье попасть въ одинъ съ нимъ клубъ, обязаны ему своимъ полнымъ духовнымъ возрожденіемъ и искренно считали и называли его своимъ духовнымъ отцомъ.

Если бы такихъ людей, какъ дѣдъ, Волховскій, Мышкинъ, Брешковская, не было среди плѣненныхъ борцовъ за освобожденіе родины, плѣненные не вынесли бы гнета и, что всего важнѣе, подъ ихъ вліяніемъ плѣненные не переставали быть борцами даже въ тюрьмѣ. Эти люди—были конденсаторами боевой энергіи, безъ которыхъ энергія боевой плѣненной массы неизбѣжно изсякла бы подъ давленіемъ неволи и тоски. Они охраняли душу живу въ гонимыхъ и терзаемыхъ борцахъ за освобожденіе родины.

Да будетъ же свѣтла на вѣки память о нихъ!

XXIX.

Когда насъ изъ Предварилки вновь привезли въ крѣпость, въ ней сидѣли подслѣдственные — Натансонъ, Шамаринъ, Габель и Тютчевъ. И въ то время, какъ мы, послѣ объявленія приговора, пользовались различными льготами (общими прогулками, общеніемъ другъ съ другомъ, намъ были разрѣшены письменныя принадлежности, разрѣшено было получать съ воли не только книги, но и всякія угощенія,—и тѣми и другими мы могли дѣлиться другъ съ другомъ), подслѣдственные же подвергались всей тягости крѣпостнаго режима. Къ нашему перестукиванію, къ разговорамъ и даже къ пѣнью въ форточки оконъ начальство относилось равнодушно и не преслѣдовало за это. Этимъ пользовались, конечно, и подслѣдственные, и начальство не имѣло возможности лишить ихъ

этого, хотя отъ времени до времени и наскакивало на нихъ за это. Но подслѣдственные пожелали пользоваться и всѣми остальными льготами, т. е. полнымъ общеніемъ съ нами осужденными и общими прогулками съ нами. И заявили въ этомъ смыслѣ начальству свое требованіе. Они, впрочемъ, поставили и другое требованіе, что въ случаѣ невозможности удовлетворить ихъ первое требованіе, чтобы ихъ перевели въ другія мѣста заключенія, въ которыхъ для подслѣдственныхъ нѣтъ такого режима, какъ въ крѣпости. Въ случаѣ же отказа со стороны начальства удовлетворить выставленныя требованія, они рѣшили начать голодовку. Начальство категорически отказало имъ въ удовлетвореніи требованій и они заголодали.

Чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ съ начальствомъ, объявили голодовку и мы—осужденные.

Мы мотивировали свою голодовку тѣмъ, что не можемъ ѣсть, разъ мы знаемъ, что наши товарищи по заключенію голодаютъ, и прекратимъ голодовку, какъ только прекратятъ голодать они.

Внѣ стѣнъ тюрьмы наша голодовка вызвала большую тревогу среди нашихъ родныхъ и знакомыхъ. Матери, жены, невѣсты, сестры, отцы и братья стали осаждать III Отдѣленіе, главнымъ образомъ шефа жандармовъ Мезенцева, настоятельными просьбами успокоить насъ и удовлетворить требованія заключенныхъ, не дать имъ довести себя до голодной смерти.

Нѣкоторымъ изъ родственниковъ нашихъ Мезенцевъ, какъ говорили тогда, отвѣчалъ: «Пусть умираютъ: я приказалъ заказать гроба!».

Три дня мы отказывались отъ пищи, ничего не ѣли, хотя воду изъ-подъ крана пили. Я туго перевязывалъ животъ длиннымъ трехугольнымъ платочкомъ, предназначеннымъ для повязки шеи, ложился на кровать и старался, вообще, какъ можно меньше двигаться. Мнѣ казалось, что именно эти средства способствовали тому, что я не чувствовалъ ни малѣйшаго позыва ѣсть.

Хотя Мезенцевъ фрондирующе и заявилъ нѣкоторымъ изъ нашихъ родственниковъ (двумъ или тремъ матерямъ) о приказаніи заготовить для насъ гроба, тѣмъ не менѣе на четвертый день нашей голодовки въ крѣпость явился его адъютантъ генералъ-маіоръ Бачмановъ.

Богородцкій почему-то привелъ его ко мнѣ.

Въ мою камеру, вмѣстѣ съ Богородцкимъ, вошелъ хорошо, мощно-сложенный, еще далеко нестарый, очень выхоленный генералъ, съ ласковыми манерами и голосомъ, съ синими глазами съ поволокой.

Онъ усѣлся на табуретку, а я присѣлъ на кровать, возлѣ которой остановился въ почтительной позѣ Богородцкій. Генералъ вынулъ порттабакъ и любезно предложилъ мнѣ папироску. Я отказался, заявивъ, что курю мало и не нарушаю положенной нормы.

Бачмановъ спросилъ меня, почему мы объявили голодовку, чѣмъ мы недовольны?

Я объяснилъ ему, что дѣло не въ насъ, что мы никакихъ требованій отъ себя не предъявляемъ. Мы—осужденные—просто не можемъ ѣсть, когда тутъ же возлѣ насъ, такіе же узники, какъ и мы, быть можетъ, на волосокъ отъ смерти.

— Я думаю, генералъ, что и вы, если бы были на нашемъ мѣстѣ, не смогли бы ѣсть, зная, что за стѣнкой вашей камеры—товарищъ по судьбѣ умираетъ съ голоду,—говорю я.

— Ну, понятно! разумѣется! Я вполнѣ понимаю васъ!—увѣрялъ генералъ.

— Тѣмъ болѣе, продолжаю я, что вотъ хоть я, напр., просидѣвшій безъ суда въ этой же крѣпости болѣе двухъ лѣтъ, вполнѣ понимаю всю тяжесть положенія подслѣдственныхъ товарищей и всей душою сочувствую ихъ желанію облегчить это положеніе.

— А что же они желаютъ?—спрашиваетъ Бачмановъ.

— Они желаютъ, чтобы имъ дозволено было имѣть общеніе съ нами, съ осужденными, что нисколько не повліяетъ ни въ какомъ отношеніи на ходъ слѣдствія по ихъ дѣлу,—или чтобы ихъ перевели, по крайней мѣрѣ, въ другія мѣста заключенія, гдѣ режимъ менѣе тяжелъ для подслѣдственныхъ, чѣмъ тутъ въ крѣпости.

— А вы какъ узнали о ихъ желаніи?

— Обычнымъ нашимъ путемъ,—перестукиваніемъ.

— А вы давно уже въ заключеніи?

— Болѣе 4-хъ лѣтъ.

— Ахъ! Боже мой! и все въ одиночномъ заключеніи?! это—ужасно!.. Но теперь ваше дѣло уже окончено?

— Да, окончено.

— И къ чему вы приговорены?

— Приговоренъ сенатомъ къ 9-ти годамъ каторжныхъ работъ.

— Ахъ! Боже мой!.. Такъ все таки я попросилъ бы васъ, а черезъ васъ и вашихъ товарищей, прекратить вашу голодовку.

— Мы не можемъ прекратить голодовку, пока будутъ голодать подслѣдственные.

— А если ихъ требованіе о переводѣ ихъ въ другія мѣста заключенія будетъ удовлетворено, тогда вы прекратите голодовку?

— Да, конечно. У насъ тогда не будетъ резона голодать.

— Въ такомъ разѣ я попрошу васъ объявить товарищамъ, что я—адъютантъ шефа жандармовъ—уполномоченъ удовлетворить требованіе подслѣдственныхъ, и сегодня же они будутъ переведены въ другія мѣста заключенія, какъ они того хотятъ.—Генералъ всталъ и, любезно улыбаясь, спросилъ: вы какъ сообщите товарищамъ? Постучите имъ, да?

— Да, вѣрнѣе всего, что постучу.

— А не постучите ли вы имъ сейчасъ, пока я здѣсь у васъ?

— Нѣтъ, я ужь потомъ постучу. Сейчасъ, сказать по правдѣ, я буду стѣсняться васъ.

— Жаль! ну, какъ хотите! Мнѣ любопытно было посмотрѣть,

какъ это вы перестукиваетесь... Прощайте! Желаю вамъ отъ души всякаго добра; всякаго добра! Повѣрьте, отъ души желаю!..

Когда Бачмановъ ушелъ, я, спустя нѣкоторое время, созвалъ стукомъ ближайшихъ товарищей къ форточкамъ оконъ и сообщилъ имъ о посѣщеніи Бачманова и о томъ, что онъ прикажетъ сегодня же перевести въ другія тюрьмы подслѣдственныхъ, о чемъ и просилъ увѣдомить всѣхъ голодающихъ.

Мы чувствовали себя, нѣкоторымъ образомъ, побѣдителями. Начали ожидать увоза изъ крѣпости подслѣдственныхъ товарищей. Тѣ изъ насъ, которые сидѣли внизу и которые могли въ окна своихъ камеръ слышать стукъ колесъ экипажа, подъѣзжавшаго къ воротамъ нашего зданія,—слыхали этотъ стукъ. Щелканье замковъ въ нѣкоторыхъ камерахъ и шаги уходящихъ по корридору, свидѣтельствовали, что увозъ подслѣдственныхъ начался. Съ помощью перестукиванья мы стали вызывать подслѣдственныхъ, никто изъ нихъ не отвѣчалъ,—значитъ, ихъ въ камерахъ нѣтъ. Очевидно, ихъ изъ крѣпости увезли! Итакъ—побѣда за нами!

Въ виду того, что желанія подслѣдственныхъ удовлетворены, по камерамъ ходитъ полковникъ Богородцкій и спрашиваетъ насъ—не пожелаемъ ли мы пообѣдать? Конечно, пообѣдать весьма намъ желательно, тѣмъ болѣе, что и причины отказываться отъ обѣда нѣтъ. Намъ приносятъ обѣдъ. Я ѣмъ съ большимъ аппетитомъ и черезъ нѣкоторое время послѣ обѣда готовъ кричать—«караулъ!» отъ нестерпимой рѣзи и боли въ желудкѣ. Требую доктора. Докторъ закатываетъ мнѣ лошадиную дозу касторки...

XXX.

Прошло два или три дня. Въ эти дни были свиданія. На свиданіи я получилъ записку, въ которой меня увѣдомляли, между прочимъ, о томъ, что Сергѣй Кравчинскій задумалъ убить Мезенцева въ отомщеніе за насъ, за его жестокость къ намъ во время нашей голодовки, за то, наконецъ, что онъ насъ надулъ, и подслѣдственныхъ перевели по его приказанію не въ другія мѣста заключенія, а въ равелины той же крѣпости. И всѣ они очутились изъ подслѣдственнаго отдѣленія въ равелинахъ, кромѣ Тютчева, котораго изъ крѣпости перевели въ одну изъ полицейскихъ тюремъ. Какъ оставшіеся въ равелинахъ, такъ и Тютчевъ продолжали и тамъ, начатую ими, голодовку.—Это сообщеніе о подслѣдственныхъ удалось провѣрить чрезъ крѣпостную стражу.

Поднялся вопросъ о возобновленіи и нами голодовки, такъ какъ мы оказались не побѣдителями, а самымъ подлымъ образомъ надутыми людьми.

Противъ возобновленія голодовки высказалось нѣсколько заключенныхъ, въ томъ числѣ и я. Я былъ противъ возобновленія голодовки по слѣдующимъ соображеніямъ.

Изъ сообщеннаго съ воли было видно, что наша голодовка вызываетъ намѣреніе совершить террористическій актъ убійства

Мезенцева. Я же былъ противъ начинанія террористической борьбы вообще, а тѣмъ болѣе противъ такихъ актовъ, которые мотивируются тюремными исторіями изъ-за смягченія тюремнаго режима въ томъ или другомъ мѣстѣ заключенія.

Если наша тюремная голодовка изъ-за общихъ прогулокъ и пр. является причиною террористическаго акта, который вызоветъ тяжкія реакціонныя воздѣйствія на все общество, я прекращаю голодовку и призываю къ тому же и товарищей. Я поэтому сталъ возражать противъ возобновленія голодовки.

Затѣмъ я написалъ большое посланіе Кравчинскому, какъ старому другу, въ которомъ убѣждалъ его отказаться отъ мысли убивать Мезенцева, и высказалъ ему, почему я считаю въ данный моментъ выступленіе на террористическій путь несвоевременнымъ и политически ошибочнымъ. Я и сейчасъ ясно помню тѣ доводы, которые я выставлялъ противъ начинанія террористической борьбы вообще и въ частности противъ убійства Мезенцева и которые состояли въ слѣдующемъ:

Нашъ девизъ—«все для народа при помощи самого народа»,—поэтому всякое наше дѣяніе должно быть понятно народу и должно вызвать его сочувствіе.

И то и другое можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда дѣяніе партіи будетъ основываться на интересахъ народа, будетъ непосредственно изъ нихъ вытекать.—Наша же партія—партія народная—едва начала свое существованіе. Цѣлымъ рядомъ политическихъ процессовъ на нее, наконецъ, обращено вниманіе, такъ называемаго, общества, которое стало проникаться несомнѣннымъ сочувствіемъ къ намъ: мы въ его глазахъ окружены ореоломъ мученичества. И покуда этотъ именно ореолъ одно изъ сильнѣйшихъ завоевательныхъ нашихъ орудій по отношенію къ «обществу».

Что же касается народной рабочей среды, то наша партія едва-едва лишь стала проникать въ эту среду и далеко еще въ ней не укрѣпилась; для огромнаго большинства народа—наша партія совершенно неизвѣстная величина, и то, что мы дѣлаемъ—остается для народа или совсѣмъ невѣданнымъ, или непонятнымъ, или не вызываетъ его сочувствія. Наша партія не можетъ еще пока свои дѣянія, а въ особенности террористическія, мотивировать чисто народными интересами, такъ какъ насъ народъ еще не знаетъ и потому мы и не можемъ еще явиться въ его глазахъ защитниками его интересовъ. Наша задача—проникать въ народъ и все больше и больше охватывать его своимъ вліяніемъ. Это—единственная наша задача и никакой другой у насъ—у народной партіи—не можетъ быть. Но для такой задачи нужна обширная партія, а обширностью, количествомъ членовъ народная партія, къ сожалѣнію, похвастать пока не можетъ.

Начинать же намъ борьбу «огнемъ и мечемъ», т. е. террористическую борьбу, съ такой огромной организованной силой, какой является наше правительство, за котораго и темнота народныхъ массъ, у котораго и милліонъ солдатъ, у котораго, словомъ,

огня и меча значительно больше, чѣмъ у народной партіи,—начинать такую борьбу, по меньшей мѣрѣ, не расчетливо. Что произойдетъ оттого, что будетъ убитъ Мезенцевъ?

Вѣдь, у правительства такихъ Мезенцевыхъ хоть прудъ пруди: одного убили,—тотчасъ же полсотни новыхъ такихъ же готово занять его мѣсто. А наша партія будетъ принуждена отдать, вслѣдъ за убійствомъ, сотни! Будутъ эти сотни гнить въ тюрьмахъ, падать духомъ въ дебряхъ Сибири отъ неволи, отъ нужды и полной оторванности отъ жизни по душѣ; огромная ихъ часть будетъ превращена въ абсолютно безполезныхъ, заживо вычеркнутыхъ злою силою изъ списка живыхъ борцовъ за народное дѣло. Мезенцева можно сдѣлать изъ любого бутыря, изъ любого жандарма. А сотню членовъ народной партіи сразу не замѣнить новыми. Чтобы человѣкъ выработался въ члена народной партіи—надо время, надо извѣстный путь развитія. И рисковать отдать за одного Мезенцева сотни своихъ—это ужасно! Для немногочисленной, едва начавшей зарождаться народной партіи, это была бы почти смертельная рана.

Во 2, убійство Мезенцева вызоветъ реакцію, которая упадетъ не только на нашу партію, но и на общество, да, пожалуй, отчасти и на народъ. «Общество», которое только что начало поднимать голову и устами нашихъ защитниковъ на судахъ стало выражать свое недовольство правительству за нашу гибель, за мучительство, которое надъ нами учиняется, оно при видѣ реакціонной гидры струситъ, забьется въ свои заячьи норы, и мы потеряемъ то, что пріобрѣли въ формѣ его сочувствія. И какъ бы мы пренебрежительно не относились къ этому обществу, но должны признать, что оппозиціонно настроенное, оно для насъ много цѣннѣе, чѣмъ настроенное по заячьи.

Въ 3, затрата силъ на террористическій актъ (въ данномъ случаѣ на убійство Мезенцева), не связанный съ понятными для народа и съ истинными его интересами, не этими интересами мотивированный,—для народной партіи есть затрата неосновательная, не соотвѣтствующая настоящей главной задачѣ партіи непосредственнаго воздѣйствія на народную среду.

На основаніи этихъ соображеній я даже «заклиналъ» Сергѣя всѣмъ для него святымъ не совершать убійства Мезенцева, въ особенности, по такому ничтожному въ государственномъ отношеніи поводу, какъ наша голодовка изъ-за общенія подслѣдственныхъ съ осужденными.

Получивъ мое письмо, Кравчинскій заказалъ передать мнѣ, что онъ отвѣтитъ мнѣ обстоятельно, но, къ моему сожалѣнію, онъ уже не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ дня черезъ три-четыре меня увезли въ Сибирь.

Это мое посланіе прочитала и Соня Перовская и тоже заказала передать мнѣ, что подписывается подъ моимъ письмомъ обѣими руками.

Впрочемъ, долженъ замѣтить, что впослѣдствіи я измѣнилъ

свое отношеніе къ террору. Я призналъ его, во 1-хъ, роковымъ неизбѣжнымъ явленіемъ въ русской политической жизни,—ничѣмъ неотвратимымъ рефлексомъ живого государственнаго организма на жгучія муки гнета и насилія, чинимаго надъ нимъ жестоко, безпощадно и систематически организованной шайкою уголовныхъ преступниковъ—убійцъ, воровъ, лгуновъ, развратниковъ,—въ рукахъ которыхъ очутилась государственная власть; во 2-хъ, только террористическіе факты оживляли вниманіе замиравшаго политически общества и фиксировали его на главномъ злѣ русской жизни—самодержавной бюрократіи и полицейскомъ произволѣ; только террористы вносили жгучую струю въ организмъ угасавшаго политически народа и затемняли ореолъ святости и неприкосновенности того, что всѣ были склонны считать совершенно незаслуженно святымъ и неприкосновеннымъ.

То обстоятельство, что Соня Перовская еще въ 1878 г., какъ мнѣ сообщали тогда, раздѣлявшая тогдашнее мое отношеніе къ террору, уже 1881 г. была казнена, какъ главная участница и организаторъ въ главныхъ террористическихъ дѣяніяхъ, включая убійство Александра II, еще болѣе утвердило меня въ роковомъ характерѣ террора на Руси.

Терроръ такой же неизбѣжный спутникъ русскаго деспотизма, какъ безработица неизбѣжный спутникъ капитализма. Я даже думаю, что и разсуждалъ я въ 1878 году не въ террористическомъ духѣ лишь потому, что былъ изолированъ тюремными стѣнами отъ реальныхъ воздѣйствій русской жизни. Будь я на волѣ, вращайся я въ сутолокѣ боевой жизни русскихъ народниковъ,—и русская жизнь неизбѣжно привела бы меня къ террору.

Впослѣдствіи я узналъ, что Кравчинскій задумалъ казнить Мезенцова не только за отношеніе къ намъ во время нашей голодовки, но и за утвержденіе по его настоянію царемъ приговора надъ Ковальскимъ, разстрѣляннымъ въ Одессѣ, и за всѣ ужасы въ харьковскихъ центральныхъ тюрьмахъ, которымъ подвергались заключенные тамъ товарищи по внушенію изъ Питера Мезенцовымъ.

XXXI.

Іюль близился къ двадцатымъ числамъ. Начальство начало отправлять осужденныхъ изъ крѣпости партіями. Въ крѣпость пріѣзжали чиновники губернскаго правленія, и осужденныхъ на каторгу выводили по одиночкѣ въ помѣщеніе, гдѣ они засѣдали, а тамъ приведеннаго раздѣвали до гола, ставили подъ мѣрку для опредѣленія роста, записывали затѣмъ имѣвшіяся на его тѣлѣ примѣты. По этимъ даннымъ составляли, такъ называемый, статейный списокъ каторжника.

Уже были увезены Мышкинъ, «Дѣдъ», Рогачовъ, Коваликъ и Войнаральскій; уже мы получили извѣстіе о неудавшейся попыткѣ освободить Войнаральскаго, при переводѣ его изъ Харькова въ централку. Увезли Шишко, Союзова, Волховскаго, Сажина и др.

Причемъ бѣднаго Сажина, совершенно неожиданно, отдѣлили отъ партіи по прибытіи ея въ Москву, и въ то время, какъ другихъ увезли въ Сибирь (Шишко и Союзова на каторгу въ Кару), Сажина препроводили въ харьковскую централку, хотя ему изъ назначенныхъ пяти лѣтъ каторги оставалось только не болѣе $2^1/_2$ лѣтъ.

Впрочемъ, я увѣренъ, что этотъ рѣдкой душевной силы человѣкъ, съ твердымъ характеромъ и непреклонной волей, не особенно былъ убитъ такой шуткой надъ нимъ со стороны опричниковъ. —«Что-жъ, по всей вѣроятности сказалъ онъ, смѣясь своими небольшими, умными и проницательными глазами,—бываетъ и хуже!» И дѣйствительно, онъ въ своей жизни видалъ и не такіе ужасы. Для пережившаго, въ качествѣ непосредственнаго участника въ уличной борьбѣ парижскихъ коммунаровъ, всѣ ужасныя расправы версальцевъ, централка, пожалуй, могла показаться лишь не совсѣмъ удобнымъ мѣстомъ принудительнаго отдохновенія. Въ централѣ его продержали чуть не цѣлый годъ лишній! Лѣтъ черезъ 11, послѣ того, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ крѣпостномъ дворикѣ, я встрѣтился съ нимъ въ Сибири (въ Читѣ) въ 1889 г., и нашелъ его все такимъ же живымъ, бодрымъ и мощнымъ. Централка, какъ и предварительная тюрьма, были тягостны для него только тѣмъ, что приходилось быть ему безъ настоящаго дѣла, безъ хлопотъ и живой работы,—«а то бы все ничего, пожалуй, терпѣть можно!» А вотъ безъ хлопотъ и живого дѣла и ноги у него ныть начинаютъ, и поясницу ломитъ, и съ головой не сладить, то и дѣло болитъ! И ужь тутъ никакая медицина не поможетъ. Но—дано ему дѣло, и черезъ день-два ужь онъ сверкаетъ своими умными глазами, ужь всѣ хвори, какъ рукой сняло, и голова и руки работаютъ, и проявляетъ онъ свое свойство, какъ фокусникъ Пинети, быть въ одно и то же время въ нѣсколькихъ мѣстахъ и усматривать своими проницательными глазами, черезъ его бѣлыя очки, сразу все, что творится во всѣхъ четырехъ сторонахъ горизонта. Бакунинъ считалъ его (по заграничному—мистера Росса), какъ сообщалъ мнѣ Мачтетъ,—«своей правой рукой» по дѣламъ анархистской фракціи Интернаціонала въ Женевѣ. (Съ Мачтетомъ мнѣ пришлось довольно долго сидѣть въ одномъ клубѣ въ Д. П. З. въ 1876 г.). Усталый, находчивый, дальновидный и въ то же время человѣкъ крупнаго и властнаго характера, Сажинъ принадлежалъ къ числу людей, которые вызываютъ глубокую и беззавѣтную къ себѣ привязанность со стороны однихъ, и не менѣе глубокую ненависть со стороны другихъ. Мнѣ разсказывали, къ сожалѣнію я забылъ кто именно, что знаменитый въ свое время авторъ «Отщепенцовъ» писатель Соколовъ такъ привязался за границею къ Сажину, что не только готовъ былъ за него положить голову свою на плаху, но при немъ нельзя было молвить слова неодобрительнаго о Сажинѣ,—кроткій по характеру Соколовъ впадалъ въ бѣшенство при защитѣ своего обожаемаго! Лично я, съ тѣхъ поръ какъ узналъ Сажина въ тюрьмѣ, искренно всегда

любилъ его, какъ человѣка крупнаго и дѣльнаго на всякомъ поприщѣ, чуждаго всякихъ мелочныхъ чувствъ, превосходнаго товарища. Во всякомъ дѣлѣ на него можно было положиться, какъ на каменную гору, и въ простомъ житейскомъ, и въ рискованномъ революціонномъ.

Наконецъ, въ ночь съ 21 на 22 іюля, около 12 часовъ ночи вошли въ мою камеру Богородцкій и присяжный унтеръ-офицеръ, котораго я звалъ харьковцемъ, и предложили мнѣ слѣдовать за ними. Въ халатѣ и чиркахъ поплелся я за ними и былъ введенъ въ тотъ аппартаментъ, гдѣ раньше производилось дознаніе Слезкинымъ и гдѣ не задолго до этого дня чиновники губернскаго правленія раздѣвали и осматривали меня, чтобы записать мои примѣты.

Это довольно длинный залъ. Здѣсь стоялъ длинный столъ, за которымъ при слабомъ освѣщеніи лампъ засѣдало три или четыре чиновника. Въ полумракѣ у двери, въ которую мы вошли, стоялъ жандармскій унтеръ-офицеръ, возлѣ котораго остановился и мой харьковецъ; нѣсколько поодаль красовался высокій брюнетъ съ черными усами и съ черными большими конскими глазами, жандармскій поручикъ Петровъ, возлѣ котораго остановился Богородцкій.

Между столомъ, за которымъ сидѣли чиновники, и этой группой людей, находилась какая-то небольшого роста фигура въ черномъ штатскомъ платьѣ. У ногъ этой фигуры находились желѣзная наковальня и молотокъ. На близь стоящемъ отъ этой фигуры стулѣ лежала арестантская одежда, и на спинкѣ стула висѣли кандалы. Фигура подошла ко мнѣ и промолвила—«пожалуйте!»

Я подошелъ къ стулу.

— Сбросьте вашу одежду! говоритъ фигура.

Я сбрасываю.

— Вотъ рубаха,—надѣньте.

Надѣваю непріятно колющуюся жесткую рубаху.

Далѣе слѣдуютъ такіе же подштанники, затѣмъ—сѣрые суконные штаны, затѣмъ сѣрый халатъ съ бубновымъ желтымъ тузомъ на спинѣ.

— Сядьте на полъ, говоритъ фигура.

Я сажусь.

Фигура накладываетъ мнѣ на ноги кандалы. Въ залѣ водворяется полная тишина,—и въ этой тишинѣ рѣзко начинаетъ раздаваться стукъ о наковальню молотка, заклепывающаго кандалы. Присутствующая публика не шевельнется,—словно этотъ звукъ ударилъ этихъ людей по сердцу, и оно на время пріостановилось въ своемъ біеніи.

Неужели всѣмъ имъ—и чиновникамъ, и Богородцкому, и Петрову, и двумъ унтеръ-офицерамъ—было тяжело видѣть, какъ человѣка заковываютъ въ цѣпи,—юношу,—вымученнаго въ тюрьмѣ, не убійцу, не вора, не преступника? Неужели?

Кандалы заклепаны. Чирки надѣты на ноги, обернутыя въ портянки.

— Встаньте, прерываетъ молчаніе фигура.—Вотъ вамъ ремень, —подвяжите цѣпь!.

— Однако,—какъ неловко,—улыбаясь, говорю я.

— Надо привыкать! говоритъ фигура, подавая мнѣ сѣрую круглую безъ козырька фуражку, которую я тутъ же надѣваю на голову.

Итакъ, я готовъ: потомственный дворянинъ по высочайшему повелѣнію подвергнутъ заковкѣ въ кандалы, находясь еще за десятокъ тысячъ верстъ отъ мѣста каторги.

Жандармскій поручикъ Петровъ говоритъ: «Юдинъ,—пріими!», а самъ направляется къ чиновникамъ и наклоняется надъ какой-то бумагой.

Высокій, румяный, красивый и франтоватый Юдинъ подходитъ ко мнѣ: «Пожалуйте сюда!» и уводитъ меня черезъ боковую дверь въ маленькую комнату, гдѣ сидѣлъ и, очевидно, ждалъ насъ еще жандармъ простой.

Подъ ихъ конвоемъ я выхожу за ворота, гдѣ стоитъ обыкновенная извозчичья карета.

Къ воротамъ вышли Богородцкій и мой харьковецъ. Я подхожу къ дверцѣ кареты.

— Прощайте, господинъ Синегубъ. Дай Богъ вамъ здоровья! напутствуетъ Богородцкій.

— Прощайте, баринъ, прощайте баринъ, трогательно восклицаетъ харьковецъ, нѣсколько разъ кланяясь мнѣ на прощанье.

Тронутый ихъ добрыми напутствіями, я посылаю самъ отъ души лучшія прощальныя пожеланія и сажусь въ карету между двумя жандармами. Меня повезли на вокзалъ Николаевской дороги.—Въ каретѣ меня вдругъ поразила мысль: «Странно! Я—въ кандалахъ, въ полной арестантской аммуниціи, а для харьковца—я все таки остался баринъ!» «Прощайте, баринъ» кричалъ онъ мнѣ на прощанье и не замѣчалъ всей ироніи, скрытой въ его прощальномъ привѣтствіи.

С. Синегубъ.

О смерти Мих. Дм. Райко.

(16 авг. 1882 г.)

Въ очеркѣ жизни и дѣятельности П. С. Поливанова, изд. Мягкова („Алексѣевскій равелинъ", стр. 143) разсказывается, что когда при попыткѣ Поливанова совмѣстно съ Райко освободить изъ Саратовской тюрьмы своего товарища М. Новицкаго, 16 авг. 1882 г. они помчались отъ острога по Московской улицѣ, телѣжка при поворотѣ наскочила на тумбу и опрокинулась: „вскочивъ на ноги, Поливановъ и Райко, отстрѣливаясь, пытались прорваться сквозь кругъ нападающихъ (тюремный конвой и сбѣжавшійся на шумъ выстрѣловъ народъ), но было уже поздно спасаться: вскорѣ всѣ трое были сшиблены съ ногъ и жестоко избиты. Райко прожилъ послѣ расправы только часъ".

Такимъ образомъ согласно этому сообщенію смерть Райко послѣдовала отъ нанесенныхъ ему жестокихъ побоевъ.

Мнѣ совершенно случайно пришлось быть свидѣтелемъ вскрытія трупа убитаго Райко.

Я только что кончилъ въ этомъ году гимназію и пріѣхалъ на двѣ недѣли погостить въ Саратовъ, въ семьѣ своего дяди М. С. Бѣлявскаго, бывшаго городовымъ врачемъ г. Саратова. 16 авг. дядя, пріѣхавши вечеромъ изъ города на дачу, сообщилъ, что „въ этотъ день была совершена попытка освободить изъ мѣстнаго острога политическаго заключеннаго. „Преступникъ", во время прогулки, перескочивши тюремную ограду, сѣлъ въ поджидавшую его у ограды телѣжку, и экипажъ быстро помчался... Выстрѣломъ конвойнаго, пытавшагося задержать бѣглецовъ, одинъ изъ соучастниковъ побѣга, одѣтый кучеромъ, былъ *убитъ*, при чемъ телѣжка опрокинулась"...

Въ качествѣ будущаго медика меня очень интересовала процедура вскрытія трупа, и я упросилъ дядю взять меня съ собой на вскрытіе...

Въ полицейскомъ сараѣ на столѣ лежалъ трупъ молодого человѣка въ новой суконной поддевкѣ, запачканной грязью.

Интеллигентное лицо, бѣлое тѣло съ тонкой кожей, въ особенности тонкое нижнее бѣлье, выдавало, что подъ кучерской поддевкой кроется не простолюдинъ...

Отсутствіе медицинскихъ познаній въ то время лишало меня возможности сознательно слѣдить за актомъ судебно-медицинскаго осмотра и вскрытія. Помню, однако, что наружныхъ поврежденій (ссадинъ, кровоподтековъ,

синяковъ) на тѣлѣ не оказалось и что по заключенію врача, производившаго вскрытіе (М. С Б—скаго) смерть послѣдовала отъ нанесенной конвойнымъ *огнестрѣльной раны* въ голову.

Рана, нанесенная Райко, несомнѣнно была смертельная и потому сообщеніе, будто Райко и Поливановъ, вскочивши на ноги, пытались прорваться, очевидно, грѣшитъ противъ истины. Сопоставляя въ своей памяти слышанный тогда мною разсказъ Б—скаго о побѣгѣ съ данными вскрытія, на сколько онѣ уцѣлѣли въ моей памяти,—я предполагаю, что, по всей вѣроятности, раненый смертельно Райко, падая изъ телѣжки, судорожно натянулъ или рванулъ возжи, отчего телѣжка опрокинулась... Новицкій и Поливановъ могли встать на ноги и, отстрѣливаясь, пытаться прорваться сквозь цѣпь преслѣдователей, но Райко, смертельно раненый, вѣроятно, лежалъ уже безъ сознанія...

Совершенно спокойное его лицо,—какъ сохранилось оно въ моей памяти,- не искаженное предсмертной судорогой, говорило скорѣе даже за то, что смерть была, вѣроятно, моментальной.

Возможно, конечно, что вмѣстѣ съ Поливановымъ и Новицкимъ подвергся жестокимъ побоямъ и испускающій духъ Райко, но расправа могла быть совершена, очевидно, уже надъ трупомъ!..

Д-ръ Мед. Попялковскій.

22 іюля 1906 г.

„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами".

(По неизданнымъ источникамъ).

(*Продолженіе* [1]).

Арестъ А. И. Ничипоренка и письма М. А. Бакунина. Арестъ Н. А. Потѣхина.

8-го августа Потаповъ сообщилъ комиссіи рядъ интересныхъ бумагъ, касавшихся новаго лица—*Андрея Ивановича Ничипоренка.* Было ясно, что послѣдній находился въ сношеніяхъ съ «русскими изгнанниками». Все это открылось, благодаря любезности австрійскаго министра полиціи, предупредительно подѣлившагося съ русскимъ правительствомъ своими интересными свѣдѣніями.

Вотъ что писалъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ фонъ-Рехбергъ Іоганнъ-Бернгардъ, графу Ревертеру 18 іюня н. с. 1862 года. Черезъ Пескіеру проѣзжалъ русскій подданный, по паспорту кол. регистраторъ Андрей Ничипоренко. При обыскѣ его въ бюро пограничной полиціи найдены итальянскія прокламаціи и большое количество писанныхъ по-русски, призывавшихъ къ пожертвованіямъ въ «общій фондъ» Герцена и Огарева. Послѣ отъѣзда его изъ Пескіеры въ Венецію и Тріестъ, были получены свѣдѣнія, что въ тотъ же обыскъ найдены еще нѣсколько незапечатанныхъ писемъ, оставленныхъ имъ, вѣроятно, для того, чтобы они не попались въ руки австрійскаго правительства. По этимъ письмамъ видно, что Ничипоренко — одинъ изъ выдающихся помощниковъ революціонныхъ эмиссаровъ. Напримѣръ, два рекомендательныхъ письма Саффи къ Гарибальди и Пеллаци, три Бакунина къ Гарибальди же и др. «Во всѣхъ этихъ письмахъ, сообщалъ графъ Рехбергъ,—Ничипоренко представленъ не только, какъ искренній другъ Герцена и Бакунина, но и какъ лицо, къ которому можно имѣть

---

[1]) См. „Былое", № 9.

Николай Александровичъ
СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.

полное довѣріе относительно исполненія возложенныхъ на него порученій; открываются также указанія на дѣйствія и возбужденія славянской пропаганды, коей планы направлены нынѣ же на возстаніе въ Богеміи и должны распространиться послѣ первой удачи на Моравію и Венгрію и на провинціи турецко-славянскія». Поэтому Рехбергъ просилъ Ревертера извѣстить обо всемъ этомъ русское правительство и прибавлялъ, что объ арестованіи Ничипоренка въ Австріи и въ Турціи сдѣланы уже соотвѣтствующія распоряженія.

Направляя копію этой бумаги въ комиссію, Потаповъ сообщилъ, что русское правительство не успѣло арестовать Ничипоренка на своей границѣ, и онъ проѣхалъ въ Полтавскую губернію, но что тамъ, въ Прилуцкомъ уѣздѣ, 28 іюля онъ найденъ, арестованъ и уже препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

Нѣкоторое время спустя Потаповъ прислалъ въ комиссію нѣсколько литографированныхъ листовъ — это были копіи писемъ, отобранныхъ австрійскою полиціей у Ничипоренка и любезно изготовленныхъ ею для полицействовавшаго сосѣда...

Приведу всѣ эти документы въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ уже въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и — оговариваюсь—не всегда вполнѣ соотвѣтствующемъ оригиналу.

Первое (по-русски)—записка М. А. Бакунина на его визитной карточкѣ: «Другу Налбандову отъ Герцена, Огарева и меня общій и сердечный поклонъ. Просимъ мы васъ принять подателя сего, А. И. Ничипоренко, какъ нашего друга, къ которому вы можете имѣть безусловно такое же довѣріе, какъ къ намъ самимъ. Hôtel du Louvre, 228».

Второе—французское письмо Бакунина «генералу Гарибальди».

10 мая 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green W.

«Беру смѣлость направить къ вамъ друга и соотечественника, который прямо пріѣхалъ изъ Россіи и который можетъ дать вамъ всевозможныя свѣдѣнія о томъ, что нынѣ происходитъ въ нашемъ отечествѣ. Это человѣкъ испытанной скромности и осторожности, справедливый и умный, хорошо поставленный, чтобы знать многое, и который все дѣло представитъ вамъ въ настоящемъ видѣ. Герценъ его знаетъ хорошо, и, вѣроятно, будетъ тоже рекомендовать.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россія идетъ быстрыми шагами къ революціи. Когда она разразится? Вотъ вопросъ. Можетъ въ 1863 году, можетъ нѣсколько лѣтъ позже. Мы употребляемъ всѣ возможныя усилія, чтобы ее ускорить и соединить съ движеніемъ живыхъ народовъ Европы. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я вамъ жаловался на затрудненія со стороны Польши, нынче мы сдѣлали большой шагъ: по моему воззванію, изъ самой Польши присланъ намъ полякъ. Мы нашли, чего искали такъ долго въ польской эмиграціи и всегда тщетно; сердце и умъ широкій и ясный, не романическій; однимъ словомъ, истиннаго представителя нынѣшнихъ

интересовъ и положенія Польши. Представитель молодого поколѣнія, которое поняло, что весь польскій вопросъ въ крестьянинѣ. Мы подадимъ другъ другу руку, и съ той минуты будемъ работать вмѣстѣ. Наша цѣль, это уничтоженіе Московско-Петербургской централизаціи, эмансипація и совершенная свобода, автономія и независимость польскихъ провинцій, и не польскихъ, которыя составляютъ Россійское государство; война на смерть и истребленіе Австрійской имперіи; точно также, какъ и противъ Турецкой, отчасти и противъ Пруссіи, насколько она состоитъ изъ польскихъ провинцій,—и общая федерація всѣхъ славянскихъ народовъ. Мы желали бы подать руку мадьярамъ и очень желали бы, чтобы они отказались отъ идеи преобладанія надъ прочими славянскими народами и вмѣсто того, чѣмъ стремиться къ основанію Венгерскаго королевства, чтобы бросить всѣхъ венгерскихъ славянъ въ станъ австрійскаго дома, мы желали бы, чтобы они поняли, что для нихъ одно средство выйти побѣдителями,—это составить федерацію изъ всѣхъ славянскихъ племенъ Венгріи, т. е. мадьяръ, румынъ и славянъ. Совершенное равенство этой федераціи могло бы сдѣлать ее какъ бы оболочкой для всѣхъ восточныхъ, болѣе обширныхъ федерацій.

«Вотъ наши мечты, общія; и, можетъ, наступитъ время, что вы призваны будете быть посредникомъ, играть эту великую роль между всѣми славянскими племенами, такъ дурно соединенными, и безъ единства коихъ Австрія никогда не можетъ быть побѣждена. Что я проповѣдую теперь, это соединеніе славянъ съ мадьярами, во что бы то ни стало, даже еслибы современемъ они сдѣлались нашими врагами,—потому что они никогда не могутъ быть такъ опасны и могущественны, какъ австрійцы.

«Я долгомъ считаю изложить вамъ наши мысли, чтобы объяснить присылку къ вамъ подателя сего письма. Еще разъ скажу, онъ вполнѣ заслуживаетъ вашего довѣрія, столько-же, сколько считаете насъ самихъ достойными онаго. Онъ пользуется вполнѣ нашимъ. Мы желали сколько возможно соединить нашу націю съ вашей. Италія, по положенію, интересамъ и сравнительной юности, настоящій другъ славянъ. Намъ дѣлить будетъ нечего, а сражаться будемъ противъ общаго врага, Австріи. Мы простираемъ нашу вражду немного далѣе, чѣмъ вы; мы естественные враги нѣмцевъ. Ненависть славянъ къ нѣмцамъ равняется ненависти итальянцевъ къ Австріи. Такъ же, какъ послѣдняя способствовала уничтоженію Италіи, также ненависть нѣмцевъ способствуетъ уничтоженію славянъ. Напримѣръ, еслибы Наполеонъ III вздумалъ идти на Рейнъ, что совсѣмъ не невозможно, мы нашли бы это несправедливымъ по теоріи, но противиться этому положительно не стали бы; напротивъ, воспользовались бы (неразборчиво), чтобы ниспровергнуть Австрію, чтобы освободить польскія провинціи въ Пруссіи и внести революцію въ Россію. Откуда начнется движеніе? Подастъ-ли сигналъ честолюбіе и внутреннія обстоятельства Франціи? Будетъ-ли это внезапное возстаніе народовъ итальянскаго, мадьярскаго, сла-

вянскаго, армянскаго и греческаго? будетъ-ли это, все таки, русская революція? Вотъ въ чемъ вопросъ. По крайней мѣрѣ, употребимъ все стараніе, чтобы эти возстанія способствовали и достигли одной цѣли: совершенное освобожденіе Италіи, возстаніе и освобожденіе всего Востока. Не нужно Австріи и нѣмецкаго владычества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно и царизма и имперіи въ Россіи. На мѣсто всего этого автономія и федерація всѣхъ свободныхъ народовъ.

«Дѣло великое, но не невозможное. Есть минуты, въ которыя только мелкое и умѣренное неисполнимо.

«Начнемъ съ соединенія славянъ съ итальянцами. Молодой человѣкъ, переговоривши съ вами, отправится въ Вѣну; оттуда въ Прагу: онъ проѣдетъ всю Венгрію до Сербіи: наконецъ изъ Бѣлграда онъ отправится въ Галацъ, потомъ въ Малороссію, гдѣ онъ будетъ работать для устройства этого чуднаго края, *Украйны*, не польской, не московской, но самой по себѣ, населенной 15 милл. душъ смышленаго народа.

«Генералъ, если вы находите истинно полезнымъ соединеніе славянъ съ Италіей, если вы имѣете вѣру въ дѣйствительность и пользу нашего дѣйствія, если вы имѣете къ намъ довѣріе, то говорите съ нимъ также откровенно, какъ вы бы говорили съ нами. Это человѣкъ, котораго мы испытали и который оказалъ намъ, т. е. нашему дѣлу, большія услуги. Скажите ему, чего вы желаете; сдѣлайте ему порученія въ тѣ города, которые онъ посѣтитъ; назовите ему людей, которыхъ онъ долженъ видѣть, и скажите ему, можетъ ли онъ и насколько употребить ваше имя и представить насъ славянамъ, какъ вашихъ вѣрныхъ союзниковъ и друзей; онъ не перейдетъ границы и не скажетъ ничего ни больше, ни меньше. Я васъ попрошу особенно сказать ему ваше мнѣніе о вопросѣ, который, мнѣ кажется, чрезвычайно важнымъ.

«Предположимъ, что Австрія готовится къ войнѣ противъ васъ или противъ Франціи, даже противъ обѣихъ вмѣстѣ; вѣроятно, будутъ дѣлать новый наборъ. Я знаю изъ хорошихъ источниковъ, что нашлось бы много молодыхъ людей, которые рѣшились бы дезертировать, *если бы они были увѣрены*, что найдутъ въ Италіи не только пріютъ, но что будутъ приняты въ итальянскіе легіоны; и когда объявится война, вы изъ нихъ составите легіоны,—чешскіе, словакскіе, кроатскіе и сербскіе и т. д. Если бы мы были увѣрены, что это дѣло возможно, мы стали бы работать для приготовленія его; но не можемъ взять на себя послать людей въ изгнаніе, не обезпечивъ ихъ кускомъ хлѣба.

«Я прошу у васъ извиненія, генералъ, что такъ долго бесѣдовалъ съ вами. Мнѣ остается только пожать вамъ руку и поблагодарить за дружескую записку.

«Вамъ преданный

М. Бакунинъ.

«Позвольте дать вамъ на всякій случай вѣрный адресъ.

London. Miss W. Welzche. For remitting to miss Eliza Jones. 10. Paddington Green W.

«P. S. Другъ, о которомъ я вамъ говорю, податель этого письма, называется *Андрей Ничипоренко*. Онъ, вѣроятно, явится къ вамъ въ сопровожденіи другого русскаго, добраго малаго, но нѣсколько неосторожнаго и болтливаго. Герценъ въ своемъ письмѣ, конечно, будетъ вамъ его рекомендовать, но только изъ вѣжливости. Но мы просимъ вашего довѣрія только другу Ничипоренко, который въ этомъ дѣлѣ гораздо умнѣе».

Третье—нѣмецкое письмо Бакунина къ Фрику, а для австрійскаго и русскаго правительствъ—неизвѣстно кому адресованное.

12 мая 1862 г. Лондонъ.
Paddington Green. W.

«Мой любезный, хотя лично не знакомый мнѣ другъ, письмо, которое вы писали Адольфу, точно также, какъ и старая, испытанная дружба моя съ вашимъ братомъ, даетъ мнѣ право обратиться къ вамъ письменно.

«Податель сего мой лучшій другъ, сельскій житель, т. е. по настоящему малороссъ. Прошу васъ имѣть къ нему полное довѣріе, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ; и я ручаюсь за него, какъ за человѣка осторожнаго, твердаго характера и нами всѣми хорошо испытаннаго. Онъ можетъ многое сообщить вамъ о настоящемъ положеніи Россіи. Онъ явится къ вамъ сейчасъ послѣ свиданія съ Гарибальди, и потому сообщитъ вамъ и съ этой стороны много интереснаго; я съ нимъ посылаю вамъ открытую, но отнюдь не для печати или распространенія написанную статью къ вашему брату о славянскихъ дѣлахъ. Изъ нея вы узнаете наше направленіе и нашъ взглядъ. Все остальное и подробности сообщитъ вамъ мой другъ. Все, что знаю о васъ, заставляетъ меня надѣяться, что мысли наши одинаковы, и что вы признаете полезнымъ соединиться съ нами. Я предлагаю вамъ воспользоваться этимъ случаемъ; время намъ устроиться. Гроза близка, и когда она разразится, поздно будетъ думать о приготовленіяхъ, тогда мы должны будемъ дѣйствовать, но чтобы дѣйствовать, мы должны знать, куда, съ кѣмъ и съ какими силами. Вотъ почему нужно устройство и обшее пониманіе другъ друга. Если вы раздѣляете это убѣжденіе, пріѣзжайте и привозите нѣсколько вѣрныхъ друзей въ Лондонъ, чтобы воспользоваться выставкой, такъ какъ я, вы сами вѣроятно понимаете, не могу явиться въ Прагу. Хорошо было бы, если бы вы уговорили нѣсколькихъ хорватовъ и сербовъ на подобную же поѣздку.

«Если вы предпримете эту поѣздку, то начинайте устройство съ Богомъ. Ищите не многихъ, но выбирайте людей энергическихъ, просвѣщенныхъ, не честолюбивыхъ, осторожныхъ и особенно съ вліяніемъ на народъ и на молодежь. Большая осторожность нужна въ этомъ первомъ выборѣ, потому что коварный, даже слабый или болтливый членъ можетъ испортить все дѣло. Прежде всего утвер-

дитесь въ Богеміи, потомъ можете распространяться, въ Моравію, Венгрію и даже въ турецко-славянскія земли. Больше необходимое передастъ вамъ мой другъ. Будьте очень осторожны съ этимъ письмомъ; сожгите его по прочтеніи, и если хотите, то съ согласія моего друга можете показать его двумъ, и не болѣе, какъ тремъ, испытаннымъ друзьямъ и то если таковые окажутся въ Прагѣ. Точно такъ прошу васъ быть осторожнымъ съ личностью моего друга, для того, чтобы черно-желтая полиція не узнала, что русскій, занимающійся славянскими дѣлами и интересующійся ими, мой другъ и посѣщаетъ васъ. Не говорите о немъ ни съ кѣмъ безъ его положительнаго разрѣшенія. Извините, что я вамъ это напоминаю. Но осторожность есть душа всякаго предпріятія. Тогда только будутъ намъ довѣрять, когда будутъ знать, что мы никого не компрометировали. Что же касается до открытаго письма, то вы можете показать его всѣмъ по вашему усмотрѣнію, не говоря, что вы получили его черезъ кого нибудь или по почтѣ. Прежде всего мы должны думать о вѣрномъ средствѣ вести переписку. Вы должны мнѣ прислать одинъ или два невинныхъ адреса, чтобы я могъ безъ опасенія писать къ вамъ въ Прагу и получать отъ васъ письма. Вы должны сейчасъ выдумать символическій языкъ, и прислать мнѣ въ родѣ словаря. Мой другъ сообщитъ вамъ мой адресъ.

«Теперь прощайте, и да пособитъ Духъ Славянской будущности.

«Вашъ другъ, если вы этого желаете,

М. Бакунинъ.

«Держите какъ можно меньше бумагъ, жгите все, что нѣтъ непремѣнной нужды сохранять».

Четвертое — приложеніе къ только что приведенному письму, статья въ видѣ открытаго письма Бакунина къ брату Фрика; она напечатана уже мною на стр. 255—264 августовской книжки «Былого».

Пятое—нѣмецкое письмо Бакунина Кусліану, правительствамъ же тоже неизвѣстно кому адресованное.

„20 мая 1862 г.

«Любезный братъ.

«Диктую и даже на нѣмецкомъ языкѣ, по причинѣ, которую ты, вѣроятно, одобришь; впрочемъ, совершенно надежный человѣкъ передастъ тебѣ записку моего сочиненія тоже на нѣмецкомъ языкѣ, которая тебѣ объяснитъ все.

«По твоей развившейся въ эти два года открытой политической дѣятельности, я имѣю право считать тебя за достойнаго, энергическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнаго славянина. Вышлите намъ изъ вашей среды, на вашъ счетъ, представителя, журналиста также какъ политика, какъ безпристрастнаго, такъ и талантливаго че-

ловѣка, какъ Курелацъ. Старую разорванную сѣть надо опять соединить, и на основаніяхъ перваго славянскаго конгресса.

«Не сомнѣвайся, не имѣй недостатка въ предосторожности, намъ можетъ вскорѣ понадобится правдивый докладъ о вашемъ положеніи.

«Будь здоровъ, уничтожь это письмо, не забывай насъ и помоги, сколько позволятъ силы, нашему общему дѣлу. Подателю сего, во всякомъ случаѣ, съ полнымъ довѣріемъ передай твой собственный взглядъ, ваши надежды и цѣли. Шафарикъ и Штуръ воскреснутъ въ насъ».

Пятое—нѣмецкое письмо Бакунина неизвѣстному адресату:

12 мая 1862 г. Лондонъ.
10 Paddington Green. 10.

«Помните ли, любезный другъ, нашу встрѣчу на желѣзной дорогѣ въ маѣ 1848 г., когда оба ѣхали въ Прагу на славянскій конгрессъ? Помните ли наше житье вмѣстѣ во время конгресса въ Прагѣ? Гдѣ Притца? Остался ли онъ добрымъ славяниномъ? Что вы все тотъ же, я это знаю; что до меня касается, то я, не смотря на 8-ми-лѣтнее заключеніе въ тюрьмахъ и 4-хъ-лѣтнее изгнаніе въ Сибири, не только что не измѣнилъ своимъ старымъ чувствамъ, напротивъ, они еще глубже и больше. Нынѣ я не буду пробовать примирять славянъ съ нѣмцами, какъ дѣлалъ это въ Богеміи въ 1849 г. Впрочемъ, вы узнаете мои мысли изъ открытаго письма, которое я вручилъ сельскому жителю и моему другу; вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте его вамъ отрекомендовать. Онъ другъ, которому вы безусловно можете довѣриться; было бы пріятно, если бы вы съ нимъ сошлись, и вмѣстѣ съ тѣмъ помогли бы ему познакомиться съ добрыми славянами и поближе узнать состояніе славянъ.

«Мой другъ дастъ вамъ мой адресъ.

М. Бакунинъ».

Затѣмъ, письмо Герцена и Огарева отъ 12 мая 1862 года, объ открытіи сбора въ «общій фондъ», напечатанное на отдѣльныхъ листочкахъ и помѣщенное тогда же одновременно и въ «Колоколѣ». Вотъ оно:

«Въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы считаемъ нашей обязанностью сказать, что мы готовы учредить при редакціи «Колоколъ» сборъ денегъ, предназначаемыхъ на *общее наше русское дѣло*; мы беремъ на себя не только обязанность храненія денегъ, но и тяжелую отвѣтственность употребленія ихъ. Что мы поступимъ съ полной чистотой и полнымъ вниманіемъ, въ этомъ, вѣроятно, предлагающіе прислать деньги не сомнѣваются. Само собою разумѣется, что мы будемъ вести строгую отчетность и отдадимъ *гласный отчетъ* тогда, когда онъ будетъ возможенъ.

Александръ Герценъ.
12 мая 1862 г. *Николай Огаревъ*».

Наконецъ, два письма знаменитаго итальянскаго эмигранта—Саффи. Первое къ секретарю Гарибальди—Беллаци отъ 11 мая 1862 г.:

«Любезный Беллаци!

«Г. Ничипоренко отличный русскій патріотъ и другъ Герцена и Бакунина, представится генералу Гарибальди съ письмами къ нему отъ Герцена, Бакунина и меня. Желая быть полезнымъ генералу по связямъ своимъ и свѣдѣніямъ о славянскомъ племени, онъ, какъ молодой человѣкъ, исполненный патріотическихъ чувствъ и познаній, можетъ оказать важныя услуги. Послѣ кратковременнаго путешествія по Италіи, онъ поѣдетъ по славянскимъ землямъ вдоль Дуная и потомъ въ Европейскую Турцію и въ Грецію. Генералъ можетъ воспользоваться его предложеніемъ съ полнымъ къ нему довѣріемъ, я же его рекомендую тебѣ, чтобы ты предупредилъ генерала о его великодушномъ предложеніи и о желаніи объясниться съ генераломъ. Остаюсь любящимъ тебя другомъ.

А. Саффи».

Второе—къ самому Гарибальди:

«Эти строки вамъ представитъ русскій патріотъ г. Ничипоренко, котораго рекомендую вамъ отъ своего имени и отъ имени друзей, Герцена и Бакунина. Онъ можетъ оказать весьма важныя услуги дѣлу народной эмансипаціи по знаніямъ своимъ о славянской народности. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Италіи, Ничипоренко собирается предпринять путешествіе по придунайскимъ землямъ, и вы можете воспользоваться его связями и дѣйствіями во всемъ, въ чемъ, по вашему благоусмотрѣнію, сочтете нужнымъ. Пользуясь случаемъ и пр. Вашъ покорный слуга

А. Саффи».

Читатель видитъ, что, дѣйствительно, Ничипоренко везъ очень важныя бумаги, и неизвѣстно, чѣмъ бы закончилось подготовляемое тогда славянское движеніе, еслибы не арестъ «почталіона», бросившаго приведенныя письма подъ скамейку на станціи Пескіерѣ.

Ничипоренко, какъ увидитъ читатель, не игралъ особенно выдающейся роли въ политическомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ, но, благодаря довѣрію Герцена, бывшаго убѣжденнымъ въ его «большомъ характерѣ», исполнялъ кое-какія порученія. Въ романѣ «Некуда» Лѣсковъ облилъ его (названнаго Пархоменко) помоями, думая такимъ простымъ способомъ отвести ихъ отъ защищаемаго имъ всѣми силами Бени; въ «Загадочномъ же человѣкѣ» онъ просто наклеветалъ на него. Къ Лѣскову мы еще вернемся, а теперь намъ не слѣдуетъ забыть указаніе самого Кельсіева на Ничипоренко, какъ на одного изъ лондонскихъ корреспондентовъ, считавшагося тогда однимъ изъ передовыхъ петербургскихъ дѣятелей. При этомъ Кельсіевъ называетъ его «личностью несимпатич-

ною», но отдаетъ ему должное, именно какъ корреспонденту, говоря, что доставляемыя имъ свѣдѣнія всегда были вѣрны и замѣчательны.

Теперь комиссіи предстояло изловить то таинственное лицо, которое ѣхало къ Гарибальди вмѣстѣ съ Ничипоренкомъ и на которое Бакунинъ не совсѣмъ то полагался. Опытный ищейка Потаповъ имѣлъ уже у себя свѣдѣнія, что это былъ акцизный чиновникъ, писатель *Николай Антиповичъ Потѣхинъ*. Комиссія постановила арестовать его немедленно. Въ серединѣ августа Потѣхина арестовали и тоже привезли въ Петропавловку.

Арестъ маркиза де-Траверсе, О. М. Бѣлозерскаго и П. П. Лялина.

8-го же августа Потаповъ сообщилъ комиссіи, что маркизъ *де-Траверсе* арестованъ и отправленъ въ Петропавловскую крѣпость. 12-го числа жандармскій полковникъ Дурново прибылъ на квартиру брата жены Траверсе—правителя особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, камергера Шидловскаго, для осмотра бумагъ маркиза, но ничего подозрительнаго не нашелъ.

Одна комната, за неимѣніемъ ключей, чтобы отворить ее, была тогда же опечатана. На слѣдующій день ее удалось открыть, найти бумаги и отправить ихъ въ III отдѣленіе. Государственный контролеръ, генералъ Н. Н. Анненковъ, сообщилъ кн. Голицыну, что маркизъ служитъ въ его вѣдомствѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій VI класса и аттестуется хорошо.

24-го іюля на хуторѣ въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи былъ арестованъ *Олимпій Михайловичъ Бѣлозерскій*. Переписки при немъ никакой не оказалось, но зато нашли три книги: «Опытъ состоянія Россіи» изд. въ Лондонѣ на франц. языкѣ, «Ѳора» т. е. законъ Моисеевъ, берлинское изданіе въ переводѣ Мандельштама, и Вольтерова «Дѣвственница» («La pucelle»). 7 августа онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

11 августа въ деревнѣ Ивановкѣ Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, арестованъ бывшій членъ харьковскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу *Пименъ Петровичъ Лялинъ*, и къ 20 августа тоже заключенъ въ Петропавловку. Ни запрещенныхъ книгъ, ни подозрительныхъ писемъ при немъ не нашли, но комиссія признала обвиненія, падавшія на Лялина, столь важными, что предписала Потапову отобрать *всѣ* его бумаги. Сейчасъ же были запрошены мѣстныя власти о поведеніи этого семидесятилѣтняго старика. Жандармскій полковникъ сообщалъ Потапову, что Лялинъ «человѣкъ строгой жизни, въ сношеніяхъ съ другими честенъ и благороденъ, характера энергическаго, преданъ занятіямъ, особенно, какъ членъ губернскаго по крестьянскому дѣлу присутствія, занимался и писалъ очень много; выказывалъ себя постоянно противъ всѣхъ неблагонамѣренныхъ идей молодежи; общее мнѣніе совершенно въ его пользу». Губернаторъ писалъ

почти то же самое министру внутреннихъ дѣлъ. Поиски бумагъ обнаружили письма какой-то Хрущевой, гдѣ она выражала сочувствіе «Колоколу», долгоруковской «Будущности» и пр., и самый «Колоколъ», «Будущность» и переписанный № 3 «Великорусса».

Итакъ, понемногу, комиссія собирала всѣхъ въ крѣпость, твердо вѣруя, что отыщетъ корень и всѣ нити пропаганды.

Корреспонденція Н. А. Серно-Соловьевича.

Теперь вернемся къ Серно-Соловьевичу, томившемуся въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Братъ его Владиміръ рѣшилъ просить свиданія и обратился за этимъ 9 августа къ Потапову. Тотъ передалъ просьбу на усмотрѣніе комиссіи и кстати препроводилъ ей перехваченное при перлюстраціи письмо Константина Серно-Соловьевича къ брату Александру, уѣхавшему еще раньше за границу. Константинъ писалъ, что, помня ихъ условіе, телеграфировать, въ случаѣ непріятностей для Николая, онъ не могъ этого сдѣлать, потому что не нашелъ адреса. Теперь, узнавъ его, сообщаетъ объ арестѣ Николая. «Во все время обыска онъ былъ совершенно покоенъ; только маленькій румянецъ покрывалъ его щеки; онъ увѣрялъ меня, что ничего особеннаго нѣтъ и что онъ увѣренъ, что его скоро выпустятъ». 8 іюля онъ, Константинъ, былъ у Потапова, чтобы узнать, гдѣ Николай, и просить свиданія. Жандармскій самодержецъ отвѣтилъ, что братъ въ крѣпости, но свиданія невозможны. На просьбу доставить Николаю бѣлье тоже полученъ отказъ. Далѣе Константинъ пишетъ: «Потаповъ разспрашивалъ меня, гдѣ ты; я отвѣчалъ, что положительно не знаю; потомъ я узналъ, что въ слѣдственной комиссіи сказали, что старшій братъ не такъ опасенъ, но что другіе опаснѣе и что только что ты вернешься—тебя возьмутъ. Прошу тебя, любезный Саша, не пріѣзжай покуда въ Петербургъ».

Комиссія радовалась, имѣя въ рукахъ это письмо. Она призвала Константина Серно-Соловьевича и учинила ему допросъ, остановившись главнымъ образомъ на томъ, почему же братья ожидали чего нибудь неладнаго съ Николаемъ? На это былъ полученъ отвѣтъ: «Обѣщаніе писать брату было вслѣдствіе закрытія магазина въ первый разъ; что касается совѣта не возвращаться въ Петербургъ, то онъ данъ потому, что Александръ очень боленъ, но хотѣлъ вернуться, если магазинъ будетъ закрытъ. Объ арестованіи его въ случаѣ возвращенія говорилось по городу». Мало узнала комиссія, но, всетаки, пріобщила перлюстрованное письмо къ дѣлу. Что касается свиданія Николая съ Владиміромъ, то комиссія отказала въ его просьбѣ, разрѣшивъ, однако, написать черезъ нее обо всемъ, что нужно сообщить Николаю.

Тогда же до свѣдѣнія комиссіи дошло, что наканунѣ ареста Николай Серно-Соловьевичъ передалъ ящикъ съ какими то бумагами Трубникову, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей». Постановлено

было отобрать ящикъ и осмотрѣть. Но оказалось, что былъ переданъ не ящикъ, а свертокъ акцій, облигацій и кредитокъ, и не Трубникову, а сестрѣ его жены—Вѣрѣ Васильевнѣ Ивашевой.

Владиміръ написалъ брату письмо, на которое Николаемъ написанъ слѣдующій отвѣтъ:

«Отвѣчаю тебѣ, дорогой другъ, на письмо твое отъ 7 сентября.

I. *Довѣренность* посылаю, я прибавилъ къ ней *право передачи* другому лицу; это необходимо на тотъ случай, еслибы тебѣ пришлось почему либо—отъѣзду, неохотѣ, болѣзни—поручить дѣла кому нибудь другому. Кромѣ того, сколько мнѣ помнится, у меня были *двѣ* довѣренности по дому: одна на *управленіе*, другая на *залогъ и продажу*. Справься, пожалуйста, въ бумагахъ, такъ ли.

2. Принявъ участіе въ конкурсѣ Власова, изучи хорошенько свои права и обязанности. Это ты найдешь въ *сводѣ законовъ* т. XI, объ учрежд. коммерческаго суда. Св. З. есть въ библіотекѣ. Вообще позволь мнѣ дать тебѣ совѣтъ—при всякомъ дѣлѣ обращаться къ своду З. и прочитывать подлежащія статьи. Это на всю жизнь принесетъ пользу. [1])

3. Страховыя деньги, дѣйствительно, внесены впередъ по *1865 г. Полисъ* находится въ правленіи Гор. Кред. Общ. Кстати, надо взять полисы на застрахованные мною во время пожаровъ *магазинъ* и *библіотеку*. Всѣ русскія общества отказались принять на страхъ и потому пришлось обратиться къ иностраннымъ. *Отказные документы* русскихъ обществъ надо сохранить. Квитанціи иностр. общ. частью у Пыпина, частью, кажется, въ моемъ сундукѣ. Агенты общ. помѣщаются въ 1-мъ стр. общ., въ Петерб. стр. общ. или 2-го стр. общ.—надо взять *4 полиса*.

4. Сдача помѣщенія Крону возбуждаетъ во мнѣ много думъ. Что можетъ быть характеристичнѣе: закрытая читальня смѣняется пивной. Недостаетъ, чтобы сняли мою квартиру подъ б.....ь! Вѣдь одна—неизбѣжное дополненіе другой (т. е. пивная и другое заведеніе). Снимщики подъ пивную буквально осаждали меня... Мѣсто для нихъ раздольное, но я упорно отказывалъ: вѣдь только слава, что пивная или портерная—въ сущности, тотъ же кабакъ. Впрочемъ, тутъ дѣйствовали чисто индивидуальныя побужденія. Меня коробила мысль объ этомъ страшномъ растлѣніи народа, я не хотѣлъ служить ему своимъ домомъ. Признаюсь, я предпочелъ бы *другое* торговое заведеніе не только при равныхъ условіяхъ, но даже по той цѣнѣ, за какую при мнѣ ходила лавка, т. е. 400 р. въ годъ. Впрочемъ, я уже предоставилъ тебѣ быть полнымъ хозяиномъ. Если не является другихъ наемщиковъ на лавку, значитъ, ей придется долго стоять пустою: это значитъ боятся въѣхать въ помѣщеніе, бывшее запечатаннымъ, стало быть «несчастное». Въ такомъ случаѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ придется волею-неволею впустить хоть пивную. Но во всякомъ случаѣ при этомъ

---

[1]) Очевидно, Серно-Соловьевичъ хотѣлъ этимъ сказать, чтобы братъ его, стоя на формально-правовой точкѣ, добивался кое-чего въ его пользу.

не премини принять слѣдующія предосторожности: 1) условливайся не съ цѣловальникомъ, а *лично съ Крономіъ*, съ которымъ заключи контрактъ, 2) контрактъ *не дольше*, какъ на годъ, 3) и при томъ самый *строжайшій*, т. е. не въ смыслѣ притѣсненія, а въ томъ, чтобы оградить свой домъ отъ разврата. Справься въ Св. Зак. въ *уст. объ акцизѣ питейномъ* и *уст. о благоустройствѣ и благочиніи* и не отступай ни на іоту отъ требованій закона. *Недопущеніе* дѣвокъ, азартныхъ игръ, буйства и т. п. непремѣнно должно быть *оговорено* въ контрактѣ съ предоставленіемъ владѣльцу права, въ случаѣ нарушенія этихъ условій, требовать *смѣны* сидѣльца, а потомъ *отказать* отъ квартиры ранѣе срока. 4) При составленіи контракта *посовѣтуйся* съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ домовладѣльцевъ, имѣющихъ въ домѣ трактиръ или подобное заведеніе, 5) недурно *прислать мнѣ* черновой.

«А самое главное, чтобъ дворникъ держалъ ухо востро! Если подручный пьетъ—смѣни его. Потолкуй съ булочникомъ нашимъ: не удастся ли ему водворить въ этой пивной нѣмецкіе порядки: онъ, вѣрно, будетъ habitué, такъ какъ не разъ пытался склонить меня въ пользу пивной, говоря: Das kann ja doch sehr austandig verden». Пусть же постарается объ austand'ѣ.

5. Въ числѣ принадлежностей бывшей читальной не забудь *газовый аппаратъ*. Если его не купитъ снимщикъ лавки, то, пока въ немъ нѣтъ надобности, пусть остается въ его пользованіи, но въ контрактѣ надо оговорить, что онъ—наша собственность, и въ случаѣ нужды, какъ газометръ, такъ и трубы и рожки могутъ быть *сняты нами*. Стоимость нашихъ аппаратовъ показана въ счетѣ мастера, находящемся, вѣроятно, вмѣстѣ съ прочими счетами книжной лавки въ магазинѣ.

6. Деньги, данныя мусорщику, надо будетъ *зачесть* при расчетѣ Сдѣлай ему новый расчетный листъ.

7. Облигація, вышедшая въ тиражъ, если не ошибаюсь, принадлежитъ къ разряду *сентябрьскаго* срока — стало % уже нельзя получить. При случаѣ увѣдомь меня о курсѣ облигацій и о твоихъ дѣйствіяхъ по этой операціи.

8. Въ отвѣтъ о 280 р. % по Шлоссеру боюсь ошибиться, не надѣясь на память. Насколько помню, эти 280 р. должны быть взяты изъ денегъ за проданнаго Шлоссера и обращены на уплату въ Гор. Кред. Общ. А можетъ быть эти деньги уже зачтены въ счетъ по Шлоссеру и въ такомъ случаѣ не требуютъ никакого распоряженія. Просмотрѣвъ счета, ты увидишь, которое изъ двухъ предположеній истинно. Шлос. для перевода получилъ, за что несказанно благодаренъ. Цѣлый день сижу надъ нимъ, но результаты относительно количества работы пока не соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ. Перевожу не болѣе 8-10 печатныхъ стр. въ день. Стало быть, полученныя 200 стр. будутъ готовы черезъ три недѣли.

---

[1]) Серно-Соловьевичъ издавалъ извѣстное сочиненіе Шлоссера, которое для скорости переводилось сразу нѣсколькими: Чернышевскимъ, В.А. Обручевымъ. М. Н.

9. О Бирж. вѣдом. я неточно выразился: я именно и подразумѣвалъ объявленія. Въ маленькой комнатѣ сдѣлать полки и, если можно, безъ большихъ хлопотъ, замѣнить плиту маленькой желѣзной печью; шкафъ мой можно вынести.

10. Пожалуйста, чтобы *изданія* наши были хорошо *просмотрѣны*. Въ дѣтской книжкѣ тьма орѳограф. ошибокъ, я нѣкоторыя исправилъ, но прочелъ бѣгло. «О пищѣ» надобно *поторопить*. Какъ только первые листы пройдутъ черезъ цензуру, надо заплатить переводчику 100 рублей. Въ первомъ письмѣ писалъ о статьяхъ Якушкина, которыя должны быть изданы подъ заглавіемъ: *Путевыя письма, ч. 2-я*. Условіе съ нимъ у Пыпина. Статьи у меня *въ* или *на* столѣ въ магазинѣ: все печатное: Соврем., Основа, Сѣв. Пч., Совр. Лѣтоп., остальныя надо собрать какъ я писалъ [1]).

«Вопросы твои далеко не пугаютъ меня; напротивъ, они доказываютъ мнѣ, дорогой другъ, не только крайнюю внимательность и истинную братскую заботливость, но и отличную дѣятельность твою. Заботы о дѣлахъ сильнѣе всего тревожили меня, и теперь, благодаря тебѣ, я совершенно покоенъ на этотъ счетъ. Зато же какъ и благодарю тебя мысленно каждый день. Извѣстіе о маменькѣ весьма успокоило меня. Я совершенно здоровъ и бодръ духомъ. Обнимаю родныхъ, еще разъ сердечно благодарю тебя и горячо, братски жму руку.

Твой Николай Серно-Соловьевичъ.

«Скажи Пыпину, что какъ только начнется дѣятельная подписка на СПБ. Вѣд., пусть производитъ конторщику тотъ же окладъ, какъ другому приказчику, т. е. 40 р. въ мѣс., кушанье и чай.

«Черезъ какую контору посланы книги въ *Екатеринбургскую гимназію* и исправила ли комиссія *Перевозчикъ* путаницу съ транспортами въ *Вятку* и *Черниговъ*? и не упустили изъ виду написать туда?»

Однако, комиссія не нашла удобнымъ отправленіе этого письма и постановила пріобщить его къ дѣлу, сообщивъ коменданту крѣпости объ объявленіи Серно-Соловьевичу, что письма его съ подобными выраженіями отправляемы не будутъ.

Всѣ письма на имя братьевъ Серно-Соловьевичей и магазина доставлялись съ почты въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію и передавались по адресу только тогда, если не заключали въ себѣ ничего маломальски подозрительнаго.

Такимъ образомъ были задержаны и подшиты къ дѣлу слѣдующія четыре письма:

И. С. Тургенева.

12 іюля 1862 г.
С. Спасское.

«Милостивый Государь, Николай Александровичъ, спѣшу благодарить Васъ за скорую и обязательную высылку денегъ г-жѣ Бут-

Михайловымъ, самимъ Серно-Соловьевичемъ и другими. Въ крѣпости эта раб та продолжалась.

[1]) Перваго письма Серно-Соловьевича изъ крѣпости въ дѣлѣ нѣтъ.

кевичъ; я имѣю уже извѣстіе отъ нея, что она ихъ получила. Также прошу Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе и сохранить у себя въ конторѣ письма, которыя могутъ прійти на мое имя въ Петербургъ, такъ какъ я недѣли черезъ три тамъ буду. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи

Ив. Тургеневъ».

А. А. Черкесова.

11 іюля 1862 г.
Лондонъ.

«Неимовѣрно быстро проходитъ здѣсь время между осмотромъ выставки и посѣщеніемъ народныхъ гульбищъ. Рѣшительно минутами считаешь свободное время. Подѣлиться впечатлѣніемъ рѣшительно некогда. Потому, не отнимая у тебя много времени на чтеніе моихъ каракуль, скажу только, что здѣсь житье отличное, я здоровъ и благополученъ. Ты спрашиваешь объ одномъ господинѣ, рекомендованномъ тебѣ письмомъ. Онъ человѣкъ очень хорошій, знающій свое дѣло, на него можно положиться. Пожалуйста, давай мнѣ какія нибудь порученія, только за это пиши что нибудь о Россіи. Я начинаю понимать mal du pays. Я получилъ письмо отъ Саши изъ Берлина и ничего изъ него не могъ понять. Напиши, пожалуйста, что подѣлывается у васъ въ Питерѣ.

Твой *А. Ч.*

Л. П. Шелгуновой.

Пароходъ „Работникъ“.

«Добрѣйшій другъ мой Серно. Пишу Вамъ наскоро и вотъ почему: мы въ Тюмени сѣли на такой пароходъ, который не долженъ стоять въ Тобольскѣ болѣе двухъ часовъ. Мы все и жалѣли, что не успѣемъ повидаться съ кѣмъ хотимъ [1]). Насъ начали разспрашивать и такъ какъ здѣсь причина нашего желанія провести нѣсколько часовъ въ Тобольскѣ показалась очень уважительной, намъ и устроили вотъ что: пересадили и меня и Н. В. [2]) на другой пароходъ, который придетъ туда часами шестью раньше. Вы вѣрно догадываетесь, съ кѣмъ хотимъ мы видѣться: онъ обогналъ насъ между Пермью и Екатеринбургомъ. Родной мой и милый Серно, чѣмъ дальше я уѣзжаю, тѣмъ больше и больше думаю о Васъ и люблю Васъ; образки я не ношу потому, что на одной станціи стала мыться, сняла ихъ и чуть было не забыла, это такъ меня перепугало, что я ихъ сняла, но теперь, всетаки, не оставила ихъ и взяла съ собой. Переводить я начала, и думала, что трудно, однако же нѣтъ, нисколько. Хорошій мой, голубчикъ, не забывайте же меня и думайте хоть столько же, сколько я думаю о Васъ. Пишите мнѣ побольше».

---

[1]) Съ М. И. Михайловымъ.
[2]) Мужа ея.

Н. В. Шелгунова.

Иркутскъ.
29 іюля 1862 г.

«Добрѣйшій Николай Александровичъ, извините, что позволяю себѣ безпокоить Васъ. Дѣлаю это потому, что мнѣ нельзя поступать иначе, и потому, что Вы на меня не разсердитесь за это. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ кому мнѣ обратиться?

«Путь скверный; Сибирь—Сибирь и силь, какъ говорятъ сосланные сюда; жарко и трясетъ, ѣсть нечего, въ гостиницахъ и на станціяхъ дерутъ, но ѣдемъ и ужъ недалеко до мѣста! Черезъ недѣлю или десять дней остановимся. По поводу моей фамиліи вышло въ Иркутскѣ маленькое недоразумѣніе со стороны полиціи. Потребовали мой видъ—что здѣсь никогда не водилось, и продержали его въ полиціи дня два. Оказалось, что ищутъ графа Шуазеля. А онъ проѣхалъ въ Забайкалье около 12 числа.

«Странныя вѣсти дошли до насъ: «Современникъ» и «Русское Слово» запрещены. Надолго ли? Не слѣдуетъ ли думать, что имъ и совсѣмъ не позволятъ существовать?

«Есть у меня статья у Благосвѣтлова: «Кто лучше». Отдавалъ ее Александръ Александровичъ [1]). Какая участь постигла ее? Въ какіе журналы писать? Не явятся ли сборники? Не ожилъ ли «Вѣкъ»? Теперь бы, кажется, можно, деньги найдутся. Жаль, если «Вѣкъ» угаснетъ.

«Стоитъ ли завести большую статью, листовъ въ 10, о бѣдности и о разныхъ теоріяхъ и системахъ правительственныхъ мѣръ къ ея уничтоженію—куда можно будетъ помѣстить ее? Если некуда—незачѣмъ и тратить время.

«Что дѣлаетъ и гдѣ А. А? [2]) Когда Вы ждете его возвращенія? Говорятъ, Ваша читальня закрыта.

«Вотъ рядъ вопросовъ, на которые намъ интересно бы получить отвѣты. Будьте такъ добры, не пропустите ни одного, и если моя статья осталась безъ кормила и весла, введите ее въ какую нибудь журнальную гавань, за приличное, разумѣется, вознагражденіе.

«Самъ я буду странствовать въ Забайкальѣ, а письма прошу адресовать такъ—ихъ ко мнѣ перешлютъ: Забайкальской области, черезъ станцію Шелопугинскую въ Казаковскій золотой промыселъ, Его Высокоблагородію Петру Ларіоновичу Михайлову [2]). И только.

«Жена здорова и очень, очень, очень Вамъ кланяется. Я равномѣрно, но еще въ большемъ количествѣ «очень».

«А скучно по Петербургу—здѣсь тоска и сердце болитъ, читая газетныя извѣстія—чего они тамъ взваливаютъ пожары на студентовъ!

---

[1]) Братъ Серно-Соловьевича.
[2]) Родному брату сосланнаго М. И.

«Будьте здоровы. До свиданія. Непремѣнно жду отвѣта. Простите, что дѣлаю Вамъ лишніе хлопоты, посылая письмо страховымъ: слишкомъ дорожу отвѣтомъ.

Н. Шелгуновъ».

Разумѣется, эти письма были приняты во вниманіе...

Допросы Владимірова, Петровскаго и Шибаева.

14, 16 и 20 сентября были сдѣланы три допроса Владимірову.

Въ Россію онъ проѣхалъ изъ Лондона въ первыхъ числахъ декабря 1861 г., а изъ Петербурга въ Москву, на мѣсто,—въ концѣ марта 1862 г. Отъ разговоровъ съ Герценомъ, Кельсіевымъ и другими о политикѣ не уклонялся, потому что искалъ этимъ пополнить свое скудное образованіе. «Кельсіевъ уговорилъ меня дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ правительства. При прощаньѣ я не далъ слова, но и не отказался». Пріѣхавъ въ Россію, много разсказалъ объ эмигрантахъ пріятелю Аркадьеву и устроилъ ему полученіе «Колокола». Потершись по дѣламъ службы среди помѣщиковъ и купцовъ, пришелъ къ заключенію, что идеи пропагандистовъ и русской молодежи—ошибка и потому всякую политику бросилъ. Ни Герценъ, ни другіе не дѣлились съ нимъ никакими своими планами. При отъѣздѣ Герценъ очень просилъ сообщить въ Петербургѣ, напримѣръ, Кавелину, что онъ никогда не поручалъ Бени собирать подписи къ адресу на имя государя о дарованіи конституціи. Кромѣ того, онъ просилъ устроить подписку въ пользу Бакунина. Бени сказалъ Владимірову, что онъ не собираетъ никакихъ подписей и ничего объ адресѣ не знаетъ. О Бакунинѣ никому не заикнулся, какъ только узналъ отъ издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей» Скачкова, бывшаго съ нимъ въ берлинскомъ университетѣ, что «это недостойный человѣкъ»...

Кельсіевъ очень много говорилъ съ нимъ объ оппозиціонномъ настроеніи раскольниковъ. Онъ же просилъ какъ то взять ему мѣсто на пароходѣ въ Норвегію, куда хотѣлъ ѣхать для распространенія лондонскихъ изданій, но почему то потомъ отказался отъ своего намѣренія. Пріятелямъ Аркадьеву и Журавлеву послалъ по экземпляру листка «Земская Дума». Ничипоренко иногда получалъ отъ него газеты и книги. Что касается портрета Герцена, то, уѣзжая въ Москву, онъ передалъ Евгенію Печаткину портреты двухъ дочерей и сына Герцена и просилъ его передать ихъ вмѣстѣ съ даннымъ раньше портретомъ самого Александра Ивановича Ветошникову. Письмо Герцена отъ 7 декабря ему передалъ на вокзалѣ уже Кельсіевъ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, Владиміровъ передалъ его Ничипоренку, прося все сдѣлать вмѣсто него. Потомъ Ничипоренко вернулъ письмо. Письмо Огарева написано къ кому то по просьбѣ самого Владимірова въ видѣ рекомендаціи для скорѣйшаго полученія мѣста. Кажется, оно адресовалось къ г. Запаснику, бывшему часто у Герцена во время изу-

ченія въ Лондонѣ банковой системы. Деспотизмомъ въ черновомъ письмѣ назвалъ арестъ студентовъ и высылку профессора Павлова.

На дополнительномъ допросѣ Владиміровъ показалъ, что Кельсіевъ просилъ его уничтожать свои портреты гдѣ бы и у кого бы онъ ихъ не увидѣлъ въ Россіи. Однажды Ничипоренко просилъ Владимірова переслать въ Лондонъ 60 фунтовъ стер.: часть Бакунину, остальное женѣ Кельсіева. Онъ переслалъ ихъ Суздальцеву и просилъ распредѣлить по усмотрѣнію Ничипоренка. Кромѣ того, Ничипоренко отослалъ черезъ него семь или восемь писемъ въ Лондонъ, всѣ писанныя его рукой. Затѣмъ Владиміровъ увѣрялъ комиссію въ своей полной благонадежности, сообщивъ, однако, что когда то подписался на адресѣ государю.

Комиссія была довольна откровенностью Владимірова и поручила полковнику Дурново произвести тщательное разслѣдованіе прикосновенности къ дѣлу всѣхъ только что названныхъ лицъ.

Тѣмъ временемъ рѣшено было допросить Петровскаго.

Онъ показалъ, что въ 1860 году вышелъ въ отставку и жилъ уроками и сотрудничествомъ въ воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ».

Съ Кельсіевымъ познакомился въ Петербургѣ года четыре назадъ черезъ покойнаго товарища Сабурова. Еще раньше арестованія Ветошникова получилъ отъ него одно письмо, переданное неизвѣстнымъ. Тамъ Кельсіевъ просилъ сотрудничать въ «Колоколѣ» и «Общемъ Вѣчѣ», но Петровскій не сталъ и отвѣчать. О пріѣздѣ Кельсіева въ Россію ровно ничего не зналъ, пока Кельсіевъ не пришелъ къ нему и не склонялъ участвовать въ «Сборникѣ» по расколу. Сколько онъ пробылъ въ Москвѣ—не знаетъ, но помнитъ, что останавливался въ гостиницѣ Челышевой и имѣлъ паспортъ на имя турецкаго подданнаго Василія Яни. Изъ указанныхъ имъ лицъ, Петровскій познакомился только съ Шибаевымъ. При отъѣздѣ Кельсіева въ Лондонъ Петровскій обѣщалъ ему помочь по «Сборнику», но не для возбужденія раскольниковъ противъ правительства, что совершенно безполезно.

«При пріѣздѣ своемъ въ Москву Кельсіевъ говорилъ мнѣ, что въ Петербургѣ онъ познакомился съ кружкомъ тамошнихъ сектантовъ и старообрядцевъ, что еще раньше пріѣзда въ Россію онъ познакомился съ нѣкоторыми раскольниками въ Пруссіи, гдѣ у нихъ существуетъ печатаніе книгъ церковныхъ, что кромѣ того, онъ думаетъ познакомиться съ поморцами, изъ которыхъ нѣкоторые были у него въ Лондонѣ. Меня собственно его пріѣздъ подбодрилъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ расколомъ, ибо онъ обѣщалъ познакомить меня съ духовенствомъ раскольничьимъ, съ архіепископами, отъ которыхъ я бы могъ самымъ лучшимъ образомъ узнать о современномъ состояніи раскола».

Но вотъ черезъ десять дней послѣ этого допроса, 5 октября, Петровскій вдругъ рѣшилъ быть вполнѣ чистосердечнымъ и въ отмѣну всего показаннаго раньше сдѣлалъ новыя показанія...

Впервые онъ познакомился съ Кельсіевымъ въ мартѣ 1862 г. черезъ младшаго изъ братьевъ Орфано, Александра. Послѣдній пришелъ и сказалъ, что наканунѣ узналъ отъ князя Павла Петровича Трубецкого, что Кельсіевъ въ Москвѣ ищетъ человѣка, хорошо знакомаго съ расколомъ, которому бы можно было предложить помочь въ распространеніи его изданій и доставленіи новыхъ свѣдѣній. Орфано спросилъ его, не возьметъ ли онъ на себя эту миссію. Петровскій согласился, и они отправились къ Трубецкому. Тамъ былъ какой-то неожиданный гость и ихъ направили на квартиру Орфано, сказавъ, что туда слѣдомъ явится и Кельсіевъ. Дѣйствительно, Кельсіевъ пришелъ съ Алексѣемъ Александровичемъ Козловымъ. Дома былъ и братъ Орфано; подошелъ и Трубецкой. Кельсіевъ сдѣлалъ Петровскому предложеніе лично и получилъ согласіе. Потомъ они видѣлись каждый день. Бывала у Петровскаго и Марія Александровна Челищева, но только какъ случайно тогда гостившая у него. У Кельсіева бывали Шибаевъ и Сивовъ, но Петровскій ихъ не встрѣчалъ. Планъ Кельсіева—«соединить различныя согласія раскола и секты въ одну дѣятельность—пропаганду какъ сочиненій ихъ расколоучителей, которыя онъ предполагалъ издавать въ Лондонѣ, такъ равно и его заграничныхъ изданій: «Сборника» и пр. и тѣмъ самымъ распространять какъ эти послѣднія, такъ и идеи, въ нихъ заключающіяся». Пріѣздъ же въ Россію имѣлъ цѣлью: «найти людей, согласныхъ содѣйствовать его намѣренію, устроить и обезпечить правильныя и постоянныя сношенія и, наконецъ, достать денегъ на предполагаемыя изданія». Денегъ, однако, Кельсіевъ не досталъ.

Знакомствъ Петровскій почти никакихъ не успѣлъ завести, потому что сначала искалъ мѣста, а потомъ собирался жениться. На третій день послѣ свиданія съ Кельсіевымъ, послѣдній познакомилъ Петровскаго съ Шибаевымъ, сказавъ, что черезъ него онъ уже познакомится съ Александромъ Львовичемъ Сивовымъ и какимъ то «Семеномъ Семеновичемъ». Но по отъѣздѣ Кельсіева, Шибаевъ отъ этого уклонился. Тогда Петровскій самъ сошелся съ ними въ Кремлѣ на святой, когда бываютъ собесѣдованія съ раскольниками. Потомъ онъ дважды не засталъ Сивова дома, а тотъ его. «Семенъ Семеновичъ» его избѣгалъ. Петровскій утверждалъ, что эти лица были неискренни, обѣщая Кельсіеву всякое содѣйствіе, потому что имъ хотѣлось только одного—видѣть напечатанными свои раскольничьи книги.

Оставляя свой лондонскій адресъ и нѣсколько рукописей на имя Тимофѣевой, Кельсіевъ просилъ переслать ихъ ему черезъ Виктора Ивановича, Касаткина съ которымъ посовѣтовалъ познакомиться, что Петровскій и сдѣлалъ. Самъ Кельсіевъ познакомился съ Касаткинымъ въ 1860 г. въ Лондонѣ. А. А. Котляревскій узналъ о пріѣздѣ Кельсіева въ Москву въ день его отъѣзда изъ нея. Кожанчикова видѣлъ у него одинъ разъ. Къ Ничипоренку Петровскій писалъ, по просьбѣ Кельсіева, о высылкѣ для послѣдняго денегъ, чтобы онъ могъ выѣхать изъ Москвы въ Петербургъ.

Намѣренія ихъ не были осуществлены даже и частью, потому что Петровскій скоро убѣдился, что «въ различныхъ даже наиболѣе удаленныхъ отъ православія согласіяхъ раскола, нѣтъ вообще раздраженія противъ правительства и нѣтъ желанія силой достигнуть торжества своихъ вѣрованій; характеръ почти всѣхъ согласій по преимуществу пассивный, и слова апостола, что гонимая церковь—правая, часто повторяются ими». Онъ подѣлился этимъ своимъ заключеніемъ съ Кельсіевымъ, писавшимъ ему трижды: первое письмо у Шибаева, второе—порвано, а третье—арестовано у Ветошникова.

Показанія Петровскаго были, разумѣется, очень цѣнны. Они вскрывали важные факты, между которыми крупнѣйшимъ былъ смѣлый пріѣздъ Кельсіева не только въ Петербуръ, но и въ Москву; III Отдѣленіе прозѣвало его и потому Потаповъ хотѣлъ хоть теперь показать свое усердіе и очень допытывался на допросахъ всякихъ мелочей.

Къ массѣ лицъ, названныхъ комиссіи раньше, теперь прибавилась еще цѣлая группа, чуть было не избѣжавшая правосудія... Мало того, что открывались уже всѣ иниціалы и ребусы, но были и новыя лица. Пока занимались ихъ отысканіемъ, комиссія продолжала допросы, все болѣе и болѣе дававшіе ей твердую почву.

27 и 28 сентября былъ допрошенъ Шибаевъ, назвавшій себя «двадцатисемилѣтнимъ старообрядцемъ-поповцемъ». Онъ сознался, что видѣлъ Кельсіева въ пріѣздъ того въ Москву и черезъ него познакомился потомъ съ Петровскимъ, Касаткинымъ, Трубецкимъ, Афанасьевымъ и Козловымъ. Касаткинъ говорилъ ему, что имѣетъ сообщниковъ въ лицѣ петербургскаго литератора Максимова, и тверскихъ дворянъ—Унковскаго и Европеуса, и что у него есть знакомства въ III Отдѣленіи, гдѣ онъ можетъ, въ случаѣ надобности, похлопотать о старообрядцахъ. Шибаевъ показалъ также, что Кельсіевъ останавливался въ Петербургѣ у Кожанчикова и Николая Серно-Соловьевича, къ которымъ просилъ направлять и всѣ рукописи для заграничной печати. Фамиліи Кельсіева Шибаевъ такъ и не зналъ. Любопытно, что Шибаевъ утверждалъ, что Кельсіевъ брюнетъ, а Петровскій—что блондинъ. Надо думать, что Кельсіевъ, не чуждый нѣкоторой утрировки въ конспираціи, надѣвалъ парикъ брюнета для сношеній съ нѣкоторыми лицами, потому что нельзя же допустить, чтобы Шибаевъ ошибался, совершенно, однако, не отказываясь отъ знакомства съ нимъ.

Артуръ Бени. Арестъ Воронова. Допросы Бѣлозерскаго, Серно-Соловьевича, Траверсе и Лялина.

Изъ новыхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу, благодаря откровенности Владимірова, Петровскаго и отчасти Шибаева, прежде всего было обращено вниманіе на великобританскаго подданнаго *Артура Бени*. 21 сентября комиссія просила Потапова учредить за нимъ

секретный надзоръ. Въ тотъ же день было постановлено произвести обыски у *Аркадьева* и *Журавлева*.

2 октября III отдѣленіе доставило въ комиссію особую записку о Бени, котораго характеризовало, какъ «человѣка замѣчательныхъ способностей». По его свѣдѣніямъ, до пріѣзда въ Россію подъ осень 1861 г. Бени былъ въ короткихъ, даже дружескихъ отношеніяхъ съ Герценомъ. «Теперь онъ много полемизируетъ съ нимъ въ письмахъ и настолько полюбилъ Россію, что собирается принять русское подданство». Видя такой аттестатъ, комиссія рѣшила просить Потапова «пригласить къ себѣ Бени и предложить ему объяснить сношенія свои съ Герценомъ и узнать, неизвѣстны-ли ему другія лица въ Петербургѣ, бывшія въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, равно не видался ли онъ съ пріѣзжавшимъ сюда изъ Лондона, въ мартѣ нынѣшняго года, Василіемъ Кельсіевымъ».

Ниже намъ придется говорить довольно много о Бени, а пока я считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ имя это было знакомо очень многимъ. Теперь, на порядочномъ отдаленіи оцѣнка его становится легче, потому что она можетъ основываться уже на документахъ, и труднѣе—потому что многіе штрихи, опредѣляющіе личныя качества, стерлись отъ времени. Во всякомъ случаѣ можно и должно категорически отрицать прежде всего какія-то дружественныя отношенія между Герценомъ и Бени, о которыхъ есть данныя въ литературѣ и «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза. Никакой дружбы между ними не было, со стороны Герцена не было даже и полнаго довѣрія. Послѣдующій матеріалъ—тому доказательство. Затѣмъ тоже не менѣе категорическому отрицанію подлежитъ серьезность Бени, какъ политическаго, вѣрнѣе—революціоннаго работника. Онъ, было, подошелъ къ дверямъ этого поприща, но потомъ сразу отвернулся отъ нихъ, промѣнявъ опасную дорогу на спокойный путь рядомъ съ такими господами, какими были Лѣсковъ, П. С. Усовъ, Мельниковъ-Печерскій и прочіе. Это все, что можно сказать о немъ, оставляя въ сторонѣ и всякіе непровѣренные на его счетъ слухи.

4 октября былъ сдѣланъ допросъ Бѣлозерскому. Онъ показалъ, что воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, а съ 1849 г. служилъ въ артиллеріи; выйдя въ отставку въ 1857 г., съ января 1862 г. поступилъ управляющимъ имѣніемъ Джурича и вскорѣ поѣхалъ, по его порученію, за границу. Въ Лондонъ прибылъ въ серединѣ мая и пробылъ тамъ дней сорокъ, познакомившись съ Герценомъ, Огаревымъ, Бакунинымъ и Кельсіевымъ. Протратившись и позадолжавъ небольшую сумму и боясь англійскихъ законовъ о должникахъ, онъ обратился къ Бакунину, какъ къ старому артиллеристу, съ просьбой о помощи. Тогда то Бакунинъ и познакомилъ его съ остальными эмигрантами. Съ Кельсіевымъ онъ сошелся, чтобъ просить его содѣйствія по распространенію муки Джурича, такъ какъ вся торговля Самарской губерніи въ рукахъ раскольниковъ. Для сближенія съ послѣдними онъ и привезъ «Ѳору». О планахъ русскихъ изгнанниковъ онъ ровно ничего не знаетъ.

10 октября Потаповъ сообщилъ комиссіи, что обыскъ у Аркадьева сдѣланъ, но бумаги еще не разобраны [1]). А на слѣдующій день онъ далъ знать, что въ Тифлисѣ арестованъ долго отыскиваемый бывшій учитель Кубанской гимназіи *Вороновъ* и отправленъ въ Петропавловку.

Наконецъ, 16 октября былъ сдѣланъ первый допросъ Николаю Серно-Соловьевичу. Привожу отвѣты его полностью; вопросы ясны сами собой.

«Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ, изъ потомственныхъ дворянъ; 27 лѣтъ; православный, на исповѣди бываю; холостъ; имѣю мать, трехъ братьевъ, сестру, дѣда, бабку, многихъ дядей и тетокъ, мать по болѣзни находится за границей, остальные родные частью въ Петербургѣ, частью въ другихъ мѣстахъ; недвижимаго имущества не имѣю; воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, кончилъ курсъ въ 1853 г.; постоянное мое жительство въ Петербургѣ; занимался службою, литературою, науками, книжною торговлею, служилъ въ государственной канцеляріи и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ первой былъ старшимъ помощникомъ экспедитора, перейдя во второе былъ командированъ дѣлопроизводителемъ въ калужскій комитетъ по крестьянскому дѣлу и потомъ состоялъ при земскомъ отдѣлѣ; въ отставкѣ съ декабря 1859 г. по домашнимъ обстоятельствамъ. Подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ.

«О всѣхъ родныхъ свѣдѣній не имѣю; изъ ближайшихъ знаю, что два брата въ Петербургѣ, третій братъ отправился весною, по болѣзни, за границу, а сестра была во время моего ареста съ мужемъ въ Черниговской губерніи. О послѣднихъ двухъ лицахъ, т. е. братѣ и сестрѣ, дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣю, гдѣ они теперь.

«Получивъ воспитаніе въ лицеѣ, служивъ въ двухъ вѣдомствахъ, будучи акціонеромъ различныхъ компаній, участвуя, какъ уполномоченный матери, въ дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ, занимаясь науками, литературою и торговлею, я имѣю въ Россіи, а преимущественно въ мѣстѣ своего постояннаго жительства весьма большое знакомство въ кругахъ, принадлежащихъ къ моимъ занятіямъ и положенію; поводомъ къ знакомствамъ этимъ послужили однородныя дѣла и занятія, сношенія обусловливаются тѣми же дѣлами и занятіями. За границей я былъ нѣсколько разъ, частью для свиданія съ матерью, частью для ученыхъ финансовыхъ занятій. Поэтому за границей я знакомъ, съ одной стороны, съ множествомъ лицъ, съ которыми встрѣчался въ путешествіяхъ, съ другой—съ государственными людьми или учеными, съ которыми ознакомили занятія.

«Съ лондонскими изгнанниками и ихъ сообщниками сношеній не имѣю, злоумышленной пропаганды противъ правительства не распространялъ, никакихъ сообщниковъ не знаю и не зналъ.

---

[1]) На допросѣ Аркадьевъ показалъ, что получивъ листокъ „Земская Дума“, сейчасъ же уничтожилъ его. За нимъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ.

«Въ продолженіе моей жизни близкихъ знакомыхъ было большое количество, такъ что я не могу съ точностью упомнить и назвать этихъ лицъ. Что касается до переписки, то она находится въ рукахъ комиссіи».

Комиссіи очень не понравились эти очень уклончивые отвѣты и она просила Серно-Соловьевича дать ихъ въ иномъ, болѣе опредѣленномъ видѣ. Тогда онъ написалъ. «Не находя ничего неумѣстнаго въ правдѣ, такъ какъ всѣ мои бумаги были взяты при моемъ арестѣ, а корреспонденція послѣ ареста не доходитъ до меня, я могу только повторить прежнія свои показанія».

Возмущенная комиссія вынесла опредѣленіе: «предъявить Серно-Соловьевичу 183 ст. св. законовъ уголовныхъ т. XV и если онъ за этимъ не согласится дать требуемаго отъ него показанія, то, не домогаясь таковаго, составить о семъ актъ для пріобщенія къ дѣлу». Но Серно-Соловьевичъ игнорировалъ комиссію и молчалъ.

Въ тотъ же день, 16 октября, былъ допрошенъ и маркизъ де-Траверсе. Онъ показалъ, что родился въ 1829 г., воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, который окончилъ въ 1850 г. Женатъ на М. Н. Шидловской. Съ Бакунинымъ былъ въ перепискѣ исключительно о его женѣ, которую узналъ еще во время службы въ Сибири. Лялина знаетъ давно. Пріѣхавъ изъ Лондона, передалъ ему письмо Бакунина черезъ Налбандяна. Въ Лондонъ ѣздилъ въ январѣ 1862 г., познакомился тамъ съ Герценомъ и его друзьями исключительно съ цѣлью узнать «имѣютъ ли отношенія здѣшнія прокламаціи къ прокламаціямъ лондонскимъ». «Стоитъ припомнить, что сестра моя замужемъ за бывшимъ оберъ-полицеймейстеромъ и это любопытство мое весьма извинительное»—писалъ маркизъ. Бакунинъ увѣрилъ его, что петербургскія прокламаціи не печатаются въ Лондонѣ и обѣщалъ ему сообщать обо всемъ, что будетъ предпринимаемо лондонскими пропагандистами (sic?!). Съ Кельсіевымъ познакомился и далъ ему черезъ Бакунина 300 рублей безъ отдачи, но, по просьбѣ Кельсіева, передалъ эти деньги Ничипоренку въ Петербургѣ.

Въ другой разъ Траверсе признался, что зналъ о поѣздкѣ Кельсіева въ Россію, но не вѣрилъ возможности ея совершенія. Затѣмъ онъ пояснилъ, что познакомился съ Ничипоренкомъ черезъ Виктора Павловича Гаевскаго, съ которымъ былъ въ лицеѣ. Уѣзжая за границу, Ничипоренко сказалъ, что письма въ Лондонъ надо передавать теперь Гаевскому, у котораго тамъ есть рука. Одно письмо и было отправлено. Гаевскій потомъ разсказалъ маркизу, что Кельсіевъ останавливался у Ничипоренка, состоящаго агентомъ лондонскихъ эмигрантовъ. Любопытно, какъ характеризовалъ ихъ хотѣвшій отдѣлаться отъ крѣпости маркизъ:—«Кто знаетъ частную жизнь Бакунина—а я ее довольно хорошо знаю — тотъ не увлечется его идеями. Герценъ противъ меня предупрежденъ кѣмъ то, Огарева я только видѣлъ, а о Кельсіевѣ не стоитъ говорить»... Затѣмъ чувствуя, что Гаевскій и Налбандянъ выданы имъ съ головой, маркизъ счелъ нужнымъ прибавить, что первый изъ нихъ

возмущался «Молодой Россіей», а второй—исключительно торговый человѣкъ.

На просьбу отца Траверсе о свиданіяхъ съ сыномъ вмѣсто заболѣвшей жены послѣдовалъ отказъ.

Черезъ нѣсколько дней комиссія съ легкостью получила отъ маркиза еще нѣкоторыя указанія, напримѣръ, что съ Герценомъ его познакомилъ Дмитрій Каншинъ, сынъ откупщика; что письмо, посланное въ Лондонъ Ничипоренку, привезъ ему изъ Москвы Любенковъ. На вопросъ комиссіи, что бы сдѣлалъ Траверсе, если бы узналъ, что связь русскихъ и заграничныхъ прокламацій несомнѣнна, маркизъ имѣлъ наглость отвѣтить: «исполнилъ бы долгъ мой и донесъ кому слѣдуетъ»...

Лялинскія показанія тоже производятъ непріятное впечатлѣніе.

Во время харьковскихъ губернскихъ дворянскихъ выборовъ «убѣждалъ дворянство не составлять никакого адреса и не дѣлать никакой демонстраціи». Молодежь всегда удерживалъ отъ демократическихъ идей, увидя въ 1849 г., къ чему онѣ привели за границей. Герценъ вреденъ своею дѣятельностью. Въ іюнѣ 1862 г. написалъ Бакунину, съ которымъ познакомился въ Томскѣ, въ 1856 г., бывъ тамъ по дѣламъ. Бакунинъ тогда былъ очень признателенъ государю за милость, оказанную многимъ политическимъ преступникамъ, но «разговоры» его были непріятны. Теперь, узнавъ, что онъ уже въ Лондонѣ, Лялинъ написалъ ему съ двумя цѣлями: первая—отклонить Бакунина отъ дружбы съ Герценомъ, вторая—узнать, какими путями дѣйствуетъ послѣдній, чтобы сообразно съ этимъ бороться съ его пропагандой. «Я не скрываю, что въ этомъ письмѣ я помѣстилъ нѣкоторыя выраженія, несогласныя съ моими понятіями и противорѣчащія тому, какъ я пишу и говорю публично, но я помѣстилъ эти выраженія съ тою цѣлью, чтобы, приноравливаясь къ духу Бакунина, вызвать его на откровенность, которая могла бы быть полезна для него самого, такъ равно могла бы открыть возможность противодѣйствовать пропагандѣ, дѣйствующей во вредъ благосостоянію нашего общества». За незнаніемъ адреса Бакунина адресовалъ письмо Носкову, сосѣду по имѣнію, въ Ахенъ. Въ заключеніе Лялинъ просилъ освободить его на поруки.

Прежде чѣмъ допрашивать Кожанчикова, комиссія ждала получить матеріалъ для допроса отъ жандармскаго полковника Дурново. Вотъ что онъ сообщилъ ей. Кожанчиковъ ѣздилъ въ Москву какъ разъ во время пребыванія тамъ Кельсіева и держитъ эту поѣздку въ большомъ секретѣ. Останавливался онъ у своего пріятеля, тоже книгопродавца—Базунова. Въ Петербургѣ у него бываетъ много народу. Серно-Соловьевича, Аксакова и Ничипоренка знаетъ въ лицо и прислуга. Въ теченіе мѣсяца у него часто бывалъ какой то господинъ, по примѣтамъ похожій на Кельсіева. Дурново хотѣлъ во что бы то ни стало узнать о визитахъ Кельсіева и для этого подослалъ къ управляющему Кожанчикова—Свириденку — шпіона, переодѣтаго французскимъ кондукторомъ,

который на чистомъ французскомъ языкѣ огорошилъ Свириденко вопросомъ: не знаетъ ли онъ, гдѣ найти Яни, очень нужнаго по важному дѣлу? Но маневръ не удался: Свириденко не растерялся и, подумавъ, отвѣтилъ: «эта фамилія мнѣ незнакома». Шпіонъ удалился несолоно хлебавши. Что касается пребыванія Кельсіева у Серно-Соловьевича, то объ этомъ ничего узнать нельзя, потому что вся его тогдашняя прислуга у него уже не живетъ и выѣхала изъ Петербурга.

На этомъ миссія Дурново въ Петербургѣ была признана пока законченной и его командировали въ Москву съ разбитнымъ полицейскимъ Мироновичемъ, потомъ такъ прославившимся по процессу Сарры Беккеръ. Оттуда Дурново сообщилъ, что Кельсіевъ жилъ въ Москвѣ съ 29 марта до 7 апрѣля. Оказывается, что онъ бывалъ почти ежедневно у служащаго въ московскомъ архивѣ Александра Николаевича Афанасьева. Кельсіева сопровождалъ какой то красивый блондинъ. У Афанасьева въ это время бывало довольно много народу: братья Орфано, Яковъ Анисимовичъ Ошмянцевъ, Трубецкой, Козловъ и др. Самъ Афанасьевъ вообще держитъ себя подозрительно. Съ Козловымъ очень коротки братья Юлій и Иванъ Мистинскіе, съ Козловымъ—Челишева и Свириденко. О Касаткинѣ почти ничего узнать не удалось. Трубецкой держитъ себя весьма надменно, и крестьяне и дворяне недовольны имъ, какъ мировымъ посредникомъ. Козловъ, Орфано и Ошмянцевъ одѣваются по-русски. Солдатенковъ, Большаковъ и Сивовъ подозрѣній не внушаютъ. Затѣмъ Дурново сообщилъ ужъ безусловный вздоръ: въ октябрѣ 1862 г. Кельсіевъ снова былъ въ Москвѣ и останавливался въ той же гостиницѣ.

Допросы Потѣхина и Ничипоренка.

Между тѣмъ комиссія дѣлала свое дѣло — допрашивала всѣхъ, кого засадила въ крѣпость.

20 октября былъ вызванъ Потѣхинъ. Онъ показалъ, что ему 27 лѣтъ, холостъ, воспитывался въ московскомъ университетѣ, кончилъ его въ 1858 г. и уѣхалъ лѣчиться за границу, потомъ жилъ въ Парижѣ. Вскорѣ за тѣмъ получилъ мѣсто по откупамъ у Кокорева въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ и пробылъ въ качествѣ главнаго ревизора до іюня 1860 г., когда былъ вызванъ Кокоревымъ въ Петербургъ и получилъ въ управленіе его главную контору. Въ сентябрѣ того же года онъ, однако, оставилъ тяготившее его мѣсто и отдался литературѣ, пока не получилъ казеннаго мѣста по акцизу въ Полтавской губерніи, гдѣ и служилъ до апрѣля 1862 г., когда поѣхалъ за границу, чтобы приглядѣться тамъ къ взиманію акциза и побывать на лондонской всемірной выставкѣ. Вернулся въ Россію въ послѣднихъ числахъ мая.

Ничипоренка онъ зналъ въ числѣ многихъ другихъ литераторовъ. За границею познакомился съ Герценомъ, у котораго встрѣтилъ Огарева, Мартьянова и Бакунина. Хотѣлось «анализировать

эти личности». Переписки съ ними никогда не велъ. О письмѣ Бакунина къ Гарибальди ничего не знаетъ, но самъ просилъ Герцена или Бакунина дать рекомендательное письмо къ Гарибальди, потому что зналъ, что иначе не увидѣлъ бы всемірно извѣстнаго «генерала».

За границу поѣхалъ вмѣстѣ съ Ничипоренкомъ, сослуживцемъ по полтавскому акцизу, потому что дорожилъ его знаніями англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Выѣхавъ изъ Петербурга, они прихватили еще съ собой Николая Степановича Курочкина, доѣхавшаго съ ними только до Берлина. Оттуда, познакомившись съ купцами Кандинскимъ и Сабашниковымъ, они вчетверомъ поѣхали въ Лондонъ. Ничипоренко предувѣдомилъ Кельсіеву, чтобы она подготовила имъ недорогое помѣщеніе [1]). По пріѣздѣ всѣ четверо пошли къ ней и получили адресъ нанятой для нихъ квартиры. Вечеромъ Ничипоренко вошелъ въ комнату Потѣхина съ письмомъ къ Герцену, въ которомъ просилъ свиданія, и предложилъ ему написать такое же. Потѣхинъ послѣдовалъ совѣту. Герценъ отвѣтилъ имъ, что ждетъ въ такой то день вечеромъ. У самаго подъѣзда они встрѣтили Альбертини. Потѣхинъ задержался съ нимъ въ передней, а Ничипоренко былъ уже въ кабинетѣ Герцена. Въ этотъ разъ они познакомились съ Бакунинымъ, Огаревымъ, сыномъ и дочерью Герцена. Пообѣдали въ тотъ день въ ресторанѣ съ Бакунинымъ и Альбертини. Бакунинъ предложилъ Потѣхину заняться распространеніемъ ихъ изданій, но получилъ отказъ. Послѣ этого, разумѣется, Герценъ и Бакунинъ отказались рекомендовать его Гарибальди. Наканунѣ отъѣзда изъ Лондона Ничипоренко, Потѣхинъ, Бакунинъ, Герценъ и Огаревъ сошлись въ ресторанѣ Кюна, гдѣ и распрощались. Но, придя поздно ночью домой, Ничипоренко отправился къ Бакунину, сказавъ Потѣхину, что ему слѣдовать за нимъ неудобно. Воротясь, онъ сказалъ, что Бакунинъ рекомендуетъ его Гарибальди въ томъ письмѣ, гдѣ пишетъ и о немъ (это, разумѣется, былъ только благовидный отказъ). Поѣхали. До Пескіеры все шло благополучно. Тамъ по обыкновенію отобрали паспорта, а вещи приняли на таможню. Ничипоренко растерялся и поблѣднѣлъ. Потѣхина осмотрѣли внимательно и возвратили паспортъ. Вдругъ Кандинскій передалъ ему бумажникъ Ничипоренко. «Зачѣмъ?»—«Не знаю». Потѣхинъ развернулъ бумажникъ, увидѣлъ ассигнаціи и нѣсколько писемъ и рѣшилъ скорѣе вернуть ихъ черезъ Кандинскаго же Ничипоренку. Тотъ нехотя взялъ и скрылся. Черезъ нѣсколько минутъ Потѣхина позвалъ кто то въ ту комнату, гдѣ былъ Ничипоренко. Очень растерянный, онъ сказалъ ему: «что вы со мною сдѣлали! тутъ ле-

---

[1]) Въ Кенигсбергѣ Ничипоренко встрѣтилъ Кельсіева, съ которымъ они и продолжали путь до Берлина. Курочкинъ зналъ, съ кѣмъ они ѣдутъ, а Потѣхину Кельсіевъ былъ представленъ, какъ юный молоканъ, ищущій по свѣту правой вѣры. Кельсіевъ въ это время хлопоталъ объ устройствѣ въ Кенигсбергѣ особаго контрабанднаго депо для перевозки лондонскихъ изданій („Заря“, 1871 г. іюнь, 25).

жатъ важныя вещи!». Затѣмъ быстро вынулъ изъ бумажника нѣсколько писемъ и разорвалъ ихъ, а остальныя бросилъ въ темный уголъ, подъ скамейку. Затѣмъ онъ былъ осмотрѣнъ, и всѣ четверо благополучно сѣли въ поѣздъ и направились по Италіи. Пріѣхали въ Венецію. Вдругъ Ничипоренко объявилъ, что ѣдетъ въ Тріестъ, а оттуда черезъ Константинополь въ Одессу. Такъ и сдѣлалъ, удививъ всѣхъ внезапной перемѣной маршрута. Потомъ Потѣхинъ встрѣтилъ Ничипоренка уже на мѣстѣ службы.

Это откровенное признаніе въ связи со всѣмъ, ранѣе извѣстнымъ, дало достаточный матеріалъ для допроса самого Ничипоренка, который и былъ произведенъ 25 октября.

Онъ родился въ 1837 г., въ с. Подлицахъ Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи; учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, которое окончилъ въ 1857 г. и поступилъ въ кабинетъ его величества, гдѣ служилъ до конца 1861 г., оттуда перешелъ въ департаментъ податей и сборовъ, а въ іюлѣ 1862 г.—занялъ должность акцизнаго надзирателя прилукскаго уѣзда.

Предупредивъ, что все его показаніе «искренно и чистосердечно», Ничипоренко продолжалъ. Въ коммерческомъ училищѣ былъ друженъ съ писателемъ Аверкіевымъ и Кельсіевымъ. По окончаніи училища эти отношенія прервались, а потомъ о Кельсіевѣ онъ уже ничего не зналъ. Черезъ товарища по училищу, Ашмарина, онъ узналъ, что жившій въ Лондонѣ Владиміровъ, тоже воспитанникъ коммерческаго училища, посылаетъ ему вырѣзки изъ англійскихъ газетъ и «Колокола». Ничипоренко просилъ выслать такой матеріалъ и ему. Владиміровъ исполнилъ просьбу и какъ то сообщилъ Ничипоренку, что Кельсіевъ ищетъ переводчика евангелія на малороссійскій языкъ. Ничипоренко отправился къ Шевченку. Тотъ обѣщалъ переговорить кое съ кѣмъ, но потомъ отвѣтилъ, что переводъ они хотятъ издать сами и при томъ въ Петербургѣ.

Служа въ столицѣ, Ничипоренко слушалъ лекціи въ университетѣ и преподавалъ бухгалтерію нѣкоему Шредеру, у котораго познакомился съ Гаевскимъ, а у профессора Березина—съ Кавелинымъ. Живя у профессора Вернадскаго въ качествѣ наставника его сына, Ничипоренко познакомился съ Лѣсковымъ, пріѣхавшимъ изъ Кіева и тоже жившимъ нѣкоторое время у Вернадскаго. Черезъ Лѣскова онъ познакомился съ Курочкиными, Траверсе, Громекой, Писаревскимъ, Мельниковымъ и другими. Николай Курочкинъ, Альбертини, Громека и Гаевскій брали у него «Колоколъ». Въ началѣ 1861 г. Ничипоренко отправилъ черезъ Владимірова въ Лондонъ два письма Кельсіеву. Лѣтомъ того года пріѣхалъ изъ Лондона Бени и привезъ ему рекомендательное письмо отъ Кельсіева.

Наскучивъ жить въ Петербургѣ и сойдясь съ Бени, они поѣхали по Россіи, чтобы побывать подольше въ Полтавской губерніи. Въ Москвѣ они были у Каткова и графини Сальясъ, въ Орловской губерніи заѣхали къ братьямъ Якушкинымъ и познакомились, че-

резъ Бени, съ Тургеневымъ [1]). Поживъ въ деревнѣ, Ничипоренко увидѣлъ, что въ Петербургѣ масса лжи и натянутости въ либеральномъ настроеніи общества. Эта мысль тамъ еще приходила ему въ голову; въ ней его поддерживалъ литераторъ Максимовъ. Однако, надо было ѣхать въ столицу, чтобы искать мѣста на родинѣ. Въ это время Ничипоренко отправилъ Владимірову пять писемъ Гаевскаго и четыре Альбертини и одно письмо Щапова Кельсіеву. Вскорѣ вернулся изъ Лондона Бенни и привезъ «Колоколъ». Два номера Ничипоренко далъ Гаевскому. Затѣмъ пріѣхалъ изъ-за границы маркизъ Траверсе и передалъ ему письмо Кельсіева и 300 рублей для него. Кельсіевъ въ письмѣ просилъ деньги эти оставить у себя впредь до увѣдомленія.

Въ это время «съ внутреннимъ переворотомъ, который во мнѣ развился, я сталъ искать и соотвѣтственной дѣятельности и сталъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы», газеты консервативной, но болѣе правдивой»... Какъ то сидя въ редакціи, Ничипоренко увидѣлъ мальчика отъ Бени. Вышелъ къ нему и вдругъ—передъ нимъ стоитъ Кельсіевъ. Было устроено свиданіе его съ Максимовымъ, но при разныхъ точкахъ зрѣнія на расколъ они ни къ чему не пришли. Максимовъ свелъ Кельсіева съ Кожанчиковымъ, и они условились поѣхать въ Москву. На другой или на третій день Кельсіевъ, по совѣту Герцена, перебрался къ Серно-Соловьевичу. Гдѣ онъ бывалъ и что дѣлалъ за время пріѣзда—Ничипоренко не знаетъ. Изъ 300 рублей онъ взялъ у него 50, а 150 просилъ послать въ Лондонъ его женѣ черезъ Владимірова, уже пріѣхавшаго въ Петербургъ. Самъ Владиміровъ о пріѣздѣ Кельсіева тогда ничего не зналъ. На Николаевскій вокзалъ Ничипоренко проводилъ Кельсіева лично. Вскорѣ онъ получилъ изъ Москвы его письмо съ просьбой послать 50 рублей Петровскому. Затѣмъ Ничипоренко заболѣлъ и слегъ въ постель. Кельсіевъ вернулся изъ Москвы, забѣжалъ къ нему и, сказавъ, что уѣзжаетъ въ Лондонъ, ушелъ.

Лѣтомъ Ничипоренко самъ собрался за границу. Передъ отъѣздомъ къ нему зашелъ Николай Серно-Соловьевичъ, просилъ розыскать въ Кенигсбергѣ Кельсіева и сказать ему, что письмо его получено и что или онъ, или братъ Александръ пріѣдутъ. Ничипоренко все это исполнилъ и взялъ отъ Кожанчикова письмо къ Герцену, въ которомъ тотъ просилъ разрѣшенія на изданіе въ Россіи его прежнихъ сочиненій. Герценъ просилъ передать, что право это уже принадлежитъ Серно-Соловьевичу. Въ Берлинѣ онъ распрашивалъ Кельсіева о поѣздкѣ, но тотъ ничего не разсказывалъ. Изъ Лондона Ничипоренко уѣхалъ раньше возвращенія туда

[1]) Поѣздка эта, въ которую они проѣхали Тверь, Москву, Нижній-Новгородъ и другіе города, на самомъ дѣлѣ для собиранія подписей къ адресу о дарованіи Россіи конституціи, не привела ровно ни къ какимъ результатамъ; подлинникъ адреса Бени хранилъ потомъ у себя, а когда Ничипоренко поѣхалъ въ Лондонъ, то захватилъ его показать Герцену и другимъ. Кельсіевъ говоритъ, что видѣлъ этотъ документъ съ нѣсколькими подписями.

Кельсіева, много колесившаго по Европѣ на пути изъ Россіи въ Англію. Весь разсказъ Потѣхина о путешествіи ихъ правиленъ.

Когда Бакунинъ узналъ маршрутъ Ничипоренко изъ Лондона на Парижъ, Италію и Одессу, то предложилъ ему рекомендательныя письма, выразилъ желаніе, чтобы онъ повидался съ Гарибальди и для этого далъ письма свои и Саффи, сказавъ, что Герценъ пришлетъ ему въ Парижъ письмо къ Серно-Соловьевичу и Гарибальди. Бакунинъ упорно заводилъ разговоры о пропагандѣ, но Ничипоренко «ему отвѣчалъ двусмысленно, ни да, ни нѣтъ, потому что считалъ, что начинать споръ и дѣлать опроверженія это значитъ только терять слова» передъ человѣкомъ, который дошелъ до того, что сталъ ругать нѣмецкую науку...

Въ Парижѣ Ничипоренко дѣйствительно получилъ отъ Герцена записку съ письмомъ къ Серно-Соловьевичу и съ десяткомъ воззваній о пожертвованіяхъ въ «общій фондъ». Все это онъ передалъ Тургеневу для передачи Серно-Соловьевичу. Къ Гарибальди не поѣхалъ и вообще рѣшилъ съ нимъ не видѣться. Послѣ того, какъ у него были отобраны въ Пескіерѣ воззванія объ «общемъ фондѣ», Ничипоренко рѣшилъ ѣхать въ Россію, чтобы самому прибыть туда, а не быть привезеннымъ въ качествѣ арестанта. «Я съ чистымъ сердцемъ ѣхалъ въ Россію, потому что у меня никакихъ не было черныхъ мыслей и глупыхъ намѣреній. Въ Малороссію я ѣхалъ единственно за тѣмъ, чтобы служить честно государю и отечеству, помогать роднымъ и въ тиши заниматься науками».

Черезъ нѣсколько дней Ничипоренко прибавилъ, что самъ проводилъ Кельсіева къ Серно-Соловьевичу, потому что тотъ не зналъ послѣдняго въ лицо и боялся ошибиться. Въ Петербургѣ Кельсіевъ пробылъ 5—6 дней, а въ Москвѣ—около двухъ съ половиною недѣль. Щаповъ писалъ не Кельсіеву, какъ онъ показалъ раньше, а кн. Вяземскому отвѣтъ на его стихотвореніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Затѣмъ черезъ мѣсяцъ, уже въ концѣ ноября, Ничипоренко еще кое что добавилъ и пояснилъ, вызванный на это вопросами комиссіи. Такъ, онъ показалъ, что всѣ письма Бакунина уничтожилъ или выбросилъ; что относительно пропаганды въ Малороссіи не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ; что Кожанчиковъ и Кельсіевъ поѣхали въ Москву въ одномъ поѣздѣ; что онъ не говорилъ Владимірову, что исполнилъ всѣ порученія Герцена, изложенныя въ письмѣ послѣдняго къ Владимірову, а сказалъ только, что поговоритъ о Бени съ Альбертини, Громекой и Николаемъ Курочкинымъ. При передачѣ Тургеневу въ Парижѣ письма Герцена къ Серно-Соловьевичу, присутствовалъ Налбандянъ, которому Ничипоренко вручилъ карточку Бакунина.

Не даромъ Тургеневъ въ письмѣ къ Герцену отъ 12 февраля 1863 года, т. е. послѣ всѣхъ этихъ показаній Ничипоренко, говорилъ; «Ничипоренко всѣхъ и все выдаетъ». Иначе этихъ правдивыхъ показаній и назвать, разумѣется, нельзя.

Конечно, комиссія торжествовала: она понимала уже почти весь ходъ сношеній съ пропагандистами...

Бумаги и допросъ Налбандяна.

Теперь время вернуться къ Налбандяну, котораго мы оставили, какъ только его привезли изъ Нахичевани въ Петропавловскую крѣпость.

Сначала о тѣхъ армянскихъ бумагахъ, которыя были взяты при его арестѣ.

Они очень негладко переведены тѣмъ же Аскархановымъ, который познакомилъ комиссію съ «поваренной книгой». Прежде всего письмо Свачьянца изъ Константинополя отъ 14 мая 1862 г. Тамъ, между прочимъ, было написано:

«Письмо Ваше отъ 9 мая изъ Парижа получилъ. Присланное письмо къ *г. Мартиросу* [1]) донынѣ еще недоставлено ему: прошу не гнѣваться на это, но выслушать спокойно и со вниманіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили нашъ городъ, я стараюсь получить то, о чемъ говорили *г. Мартиросу*; тогда можно будетъ смѣло доставить ему мое письмо. Но тщетно. Безконечные вопросы въ народѣ и дѣла тѣхъ людей, къ которымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я имѣлъ довѣріе, а нынѣ не имѣю, такіе люди обезкураживаютъ меня. Думаю, что сказать—*имѣемъ здѣсь банкира*, когда мы его не имѣемъ, поставитъ меня въ критическое положеніе, да и товарищи наши не позволяютъ сообщить такого рода дѣло тому человѣку, который, какъ цѣлое общество полагаетъ, можетъ повредить. Подумайте хорошенько и напишите ко мнѣ, слѣдуетъ ли вручить ему мое письмо. Я совершенно спокоенъ на счетъ вашихъ распоряженій, до меня касающихся. Старался я имѣть здѣсь ложу братства (Отелло) и получилъ позволеніе открыть ее. Эта ложа, подъ именемъ Гайкъ или Оріонъ, будетъ состоять подъ покровительствомъ Англіи, отъ которой также получено позволеніе, предоставляющее этому братству право созывать тайныя собранія, въ родѣ франкмасонской ложи, но попроще ея. Цѣль этого братства состоитъ въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о неимущихъ и больныхъ братьяхъ и снабжать ихъ деньгами. Когда, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, наша ложа не въ силахъ будетъ помогать бѣднымъ и больнымъ братьямъ, тогда главная лондонская ложа должна помогать намъ деньгами. Поступающій въ братство долженъ внести полфунта стерлинговъ и еженедѣльно по шести пенсовъ. По предмету учрежденія благотворительнаго общества встрѣчаются со стороны нѣкоторыхъ лицъ препятствія, но не непобѣдимыя: полагаю, что это черезъ нѣсколько дней войдетъ въ порядокъ. Собрали мы довольно денегъ. Письма къ внѣшнимъ агентамъ еще не отправлены; это возбудитъ въ васъ негодованіе, я и самъ негодую на то, но слѣдовало такъ; на дняхъ все будетъ отправлено. Съ Катальянцомъ я видаюсь: онъ очень хорошій, но смирный человѣкъ. Нужно было бы имѣть здѣсь нѣсколько лицъ вашего закала; тогда

---

[1]) Взятое курсивомъ получитъ объясненіе ниже.

заранѣе воспользовались бы. Прибылъ сюда изъ Тороса (Тавра) одинъ монахъ; я старался войти съ нимъ въ сношеніе и съ трудомъ могъ созвать двадцать или тридцатъ человѣкъ; мы дали ему денегъ, частью я, частью одинъ изъ пріятелей, на покупку учебныхъ книгъ и на дорожныя издержки, на счетъ же остальныхъ обѣщалъ постараться для нихъ. Апатія для меня смерть, я также думаю, какъ и вы. Нашъ народъ мало трудится и трудится надъ такимъ дѣломъ, которое вы презираете; при вопросѣ о любви къ своей націи всѣ говорятъ громко, но у однихъ эта любовь лицемѣрная, а у другихъ пустая; когда же нужно дѣйствовать, тогда нѣтъ никого. Отъ этихъ разсказовъ не должно намъ отчаяваться: я намѣренъ трудиться всегда, хотя знаю, что отъ этого труда скоро постарѣю».

Читатель, разумѣется, понялъ, что на самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о масонской ложѣ, а о революціонной организаціи армянъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и взятый у Налбандяна шифръ, имѣющій очень большое значеніе для дешифрированія вообще его переписки, извѣстной соотечественникамъ. Привожу его полностью:

Открыть торговый домъ — сосредоточить и умножить войска. У побережья Чернаго моря имѣть мѣсто—въ Трапезонтѣ имѣть одного коммиссіонера. Имѣть тамъ банкира—имѣть тамъ комитетъ. Покупать ленъ—съ горцами начать переговоры и заключить союзъ. Бумагопашество—въ Киликіи водворить колонію. Европейскій курсъ—рука помощи отъ европейскихъ государствъ. Имѣть кредитъ—издавать газету. Самсона пріятель—Россія. Бейрутскій пріятель—Франція. Манчестерскій пріятель Англія. Женевскій пріятель—Италія. Константинопольскій пріятель—Персія. Тріестскій пріятель—Польша. Парижскій пріятель—«нельзя расшифровывать иенимени»—написалъ Аскархановъ, получившій, очевидно, отъ кого-то соотвѣтствующую инструкцію. Но потомъ кто-то написалъ—Чарторижскій. Лондонскій пріятель—Герценъ. Ливорнскій пріятель—Гарибальди. Фабрикаторъ—публицистъ. Больной—Арменія. Хлопчатая бумага—Киликія. До жатвы выдать деньги—возбудить національность. Для покупки товара для возстанія. Мартиросъ—Мадзини. Алминкаръ—Бакунинъ. Часы—штыковое ружье. Хронометръ пушка. Послать индиго—склонить англичанъ сдѣлать высадку въ Киликіи. Пашня для посѣва индиго—Александретта. Возвысить цѣну на товары—собирать деньги. Мука—Порохъ. Пшеница—ядро.

Ясно кажется, о чемъ писалъ Свачьянцъ Налбандяну...

Наконецъ, у него былъ взятъ маршрутъ путешествія, очень важный для всякаго, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ пространствомъ, на которомъ Налбандянъ дѣйствовалъ въ качествѣ энергичнаго агента—пропагандиста. Я не буду приводить всѣхъ датъ, но упомяну лишь всѣ пункты его остановокъ въ хронологическомъ порядкѣ: 15 іюня 1860 г. Петербургъ, Москва, Нахичевань, Тифлисъ, Ечміадзинъ, Тифлисъ, Поти, Трапезонтъ, Константинополь, Мессина, Неаполь. 27 декабря 1860 г. Генуя, Парижъ, Лондонъ.

Парижъ, Лондонъ, Парижъ, Марсель. 20 апрѣля 1861 г. Александрія, Каиръ, Аденъ, Цейлонъ, Мадрасъ, Калькута, Александрія. 29 сентября 1861 г. Іерусалимъ, Александрія, Смирна, Константинополь, Марсель. 2 января 1862 г. Парижъ, Лондонъ, Парижъ.

На допросахъ 13, 16, 18, 23, 24 и 25 октября Налбандянъ разсказалъ свою біографію, уже извѣстную читателю, и затѣмъ очень уклончиво отвѣчалъ на вопросы коммиссіи. Хафафова зналъ съ дѣтства. Въ Лондонѣ познакомился съ Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ. Отношеній съ ними никакихъ не имѣлъ, если не считать хлопотъ о выпискѣ жены Бакунина изъ Сибири въ Тверскую губернію, для чего познакомился съ Тургеневымъ и Траверсе. Только что приведенное письмо и шифръ объяснялъ конечно такъ, что это самыя невинныя вещи, напримѣръ, что константинопольскіе армяне желаютъ при помощи Мадзини перейти въ итальянское подданство и т. д.

Комиссія очень была недовольна ловкостью сочинявшаго всякія легенды Налбандяна и отказала его брату, Лазарю, въ свиданіяхъ съ заключеннымъ. Только настойчивыя представленія, что свиданіе необходимо для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по наслѣдственному процессу нахичеванцевъ, веденному Налбандяномъ въ Индіи, склонили комиссію дать имъ чисто дѣловое свиданіе.

Допросы Воронова и Бени.

25 февраля былъ допрошенъ Вороновъ.

Онъ показалъ, что родился въ 1832 году, вдовъ, воспитывался въ гимназіи, а потомъ въ харьковскомъ университетѣ, который кончилъ въ 1853 г. Затѣмъ учительствовалъ въ разныхъ городахъ до смерти жены въ 1861 г., а послѣ поѣхалъ путешествовать и въ мартѣ 1862 г. выѣхалъ за границу. Сотрудничалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Русскомъ Словѣ», «Журналѣ для воспитанія» и «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ Лондонѣ на выставкѣ былъ въ апрѣлѣ и не имѣлъ намѣренія знакомиться съ эмигрантами, но случайно познакомился съ Бакунинымъ. Рядомъ съ Вороновымъ въ отелѣ жилъ Н. П. Морозовъ, командированный для подготовки къ кафедрѣ харьковскимъ университетомъ, и заболѣлъ [1]). Онъ посѣтилъ его и встрѣтилъ тамъ Бакунина. Бакунинъ хотѣлъ курить, но у Морозова это было запрещено докторомъ. Вороновъ предложилъ ему свою комнату. Тамъ М. А. сталъ упрекать его, что онъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не познакомился. Разговоръ перешелъ на «Колоколъ», который Вороновъ подвергъ критикѣ, доказывая, что онъ очень далекъ отъ реальныхъ условій русской жизни и пр. Бакунинъ нашелъ его мнѣніе справедливымъ и сказалъ, что Герценъ былъ бы очень благодаренъ, если бы лично могъ выслушать его.

[1]) Въ августѣ 1863 г. Морозовъ вернулся въ Россію и преподавалъ въ университетѣ физику.

Но въ первое посѣщеніе свое Вороновъ не нашелъ случая поговорить съ Герценомъ, отрываемымъ все время гостями, и потому было назначено особое свиданіе за обѣдомъ. Герценъ неохотно слушалъ его и подъ конецъ ушелъ къ себѣ въ комнату, оставивъ Воронова съ Огаревымъ. Бакунинъ не обращалъ на это вниманія и нѣсколько разъ просилъ Воронова устроить перевозку контрабанды «Колокола» на Кавказѣ. Для этого онъ просилъ его заѣхать въ Парижѣ къ пріятелю Налбандяну и поговорить съ нимъ. Передъ самымъ отъѣздомъ Вороновъ получилъ отъ Бакунина два письма: Налбандяну и Траверсе, но не передалъ ихъ.

Комиссія приняла эти показанія къ свѣдѣнію. Одновременно она просила Потапова собрать свѣдѣнія «объ образѣ жизни, занятіяхъ и политическомъ направленіи» Ашмарина, Альбертини, Николая Курочкина, Громеки, Максимова, Щапова и Кожанчикова и учредить за ними секретный надзоръ. Черезъ нѣсколько дней такая же просьба была возбуждена относительно Хрущевой, Александра Ивановича Носкова и Подлѣснаго.

4 ноября Потаповъ прислалъ комиссіи показаніе Бени и сообщилъ отъ себя его біографическія данныя. Бени сынъ пастора мѣстечка Томашева-Мазовецкаго, Варшавской губерніи; мать англичанка, родился въ Лондонѣ, воспитывался въ петроковской гимназіи. Въ 1857 г. переѣхалъ въ Англію и принялъ великобританское подданство. Послѣ смерти покровительствовавшей тетки, переѣхалъ въ Парижъ слушать курсъ медицины. Познакомившись тамъ съ золотопромышленникомъ Томашевскимъ, пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ въ 1860 г., чтобъ вскорѣ ѣхать на работу въ Сибирь [1]). Средства Томашевскаго были чѣмъ-то разстроены и Бени пришлось остаться въ Петербургѣ безъ копѣйки [2]). Тогда онъ обратился къ В. С. Курочкину, съ которымъ познакомился еще въ Лондонѣ, и черезъ него и Тургенева вошелъ въ кругъ литераторовъ, особенно близко сойдясь съ Ничипоренкомъ. Потомъ уѣзжалъ ненадолго въ Лондонъ и, вернувшись въ концѣ сентября 1861 г., сталъ сотрудничать въ «Сѣверной Пчелѣ» При этомъ Потаповъ сообщалъ, что, ѣхавъ въ Россію съ «соціалистическими воззрѣніями», заимствованными у Герцена, Огарева и Кельсіева, Бени увидѣлъ, что все это фантазіи и потому навлекъ на себя подозрѣніе, что онъ агентъ тайной полиціи.

А что же писалось самимъ Бени?

Съ Герценомъ старался познакомиться уже въ 1857 г., т. е. съ самаго начала пребыванія своего въ Англіи. Всѣ теоріи знаменитаго эмигранта казались очень симпатичными. Однажды, въ концѣ 1858 г., въ магазинѣ иностранныхъ книгъ Роланда онъ встрѣтилъ Герцена и рекомендовался, какъ служащій въ военномъ министерствѣ. Былъ вскорѣ у Герцена раза два-три и познакомился съ семействомъ и Огаревымъ. «Въ основныхъ политическихъ принци-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ Бени разсчитывалъ заняться тамъ пропагандой.
[2]) На самомъ дѣлѣ Томашевскій просто раздумалъ приглашать Бени.

пахъ я сдѣлался его ученикомъ и всякій разъ, когда ему случалось заговорить о болѣе общихъ предметахъ, я слушалъ его съ глубокимъ уваженіемъ и вниманіемъ». Бени вѣрилъ, что Россія можетъ осуществить идеалы соціализма. Въ іюлѣ 1859 г. онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ деревню. Въ это время познакомился съ Кельсіевымъ на почвѣ перевода Пятикнижія [1]). Когда пріѣзжалъ изъ деревни въ Лондонъ, всегда посѣщалъ Герцена. Изъ польской эмиграціи знакомъ только съ Шульчевскимъ, секретаремъ и главнымъ руководителемъ лондонскаго комитета партіи Чарторижскаго. Многіе поляки участвуютъ въ печатаніи и книжной торговлѣ Герцена. Что касается плановъ послѣдняго относительно Россіи, то подробно Герценъ никогда съ нимъ объ этомъ не говорилъ да, вѣроятно, и плановъ никакихъ не имѣлъ. Переѣзжая въ 1860 г. въ Парижъ, Бени просилъ у Герцена рекомендательныхъ писемъ и получилъ два: къ кн. Долгорукову, издателю «Будущности», и Тургеневу. Разъ Герценъ прислалъ ему письмо съ просьбой передать его Мѣрославскому. Послѣдній выразилъ удивленіе, зачѣмъ Бени, полякъ по отцу, знакомится съ русскими. Переѣхавъ въ Россію и поживъ здѣсь, Бени ясно увидѣлъ, что «не только соціалистическіе планы Герцена, но даже болѣе умѣренныя требованія «Великорусса» смѣшны и преждевременны въ Россіи».

Когда до него дошли слухи о подозрѣніяхъ въ шпіонствѣ, одновременно онъ узналъ о болѣзни второй тетки, жившей въ Англіи, и потому рѣшился ѣхать въ Лондонъ и, если возможно, вынудить у Герцена какое нибудь письменное или другое ручательство въ своемъ прежнемъ знакомствѣ съ нимъ и въ томъ, что онъ считаетъ его неспособнымъ на подобное дѣйствіе». Онъ не скрылъ отъ Герцена о перемѣнѣ своихъ политическихъ взглядовъ и получилъ отъ него категорическій отказъ, мотивированный тѣмъ, что у Герцена нѣтъ такихъ людей въ Петербургѣ, которые могли бы реабилитировать Бени въ общественномъ мнѣніи.

Прерву здѣсь показанія Бени.

Онъ дѣйствительно выѣхалъ въ Лондонъ неожиданно. Въ сентябрѣ 1861 г. онъ вручилъ проѣзжавшему черезъ Петербургъ въ Парижъ Тургеневу большое письмо къ Герцену, о которомъ Иванъ Сергѣевичъ увѣдомлялъ Александра Ивановича 7 октября н. с. Герценъ получилъ письмо только 18 ноября и на другой же день отвѣчалъ Бени, но не кончилъ отвѣта и, повидимому, потому, что въ періодъ его составленія и переписки Бени самъ былъ уже въ Лондонѣ и имѣлъ съ Герценомъ личный разговоръ. Изъ черновика отвѣта Герцена, который я привожу ниже, можно видѣть, что Бени и лично говорилъ съ нимъ о двухъ предметахъ: о собираніи подписей подъ составленнымъ имъ адресомъ государю о дарованіи конституціи и о реабилитированіи своего имени. Что касается перваго, то вотъ что писалъ Герценъ:

[1]) Объ этомъ знакомствѣ Кельсіевъ разсказалъ на стр. 4—5 іюньской книги „Зари“, 1871 г.

«Письмо Ваше пришло, какъ Вы знаете теперь, только вчера, слишкомъ черезъ два мѣсяца. Отвѣчать прежде, стало, я не могъ, но обстоятельства были таковы, что вреда отъ этого нѣтъ. Предполагаемый вами адресъ могъ бы при теперешней реакціи погубить васъ и многихъ. Адресъ умѣренный, о которомъ вы пишете, можетъ и недуренъ схотя о главномъ вопросѣ: о выкупѣ крестьянскихъ земель, тамъ и не упомянуто), но вы врядъ ли успѣете что нибудь сдѣлать. Вы сами въ письмѣ дотронулись до больного мѣста. Такія предпріятія удаются только кореннымъ жителямъ; вы слишкомъ чужды русской средѣ. Если мысль вашего адреса соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, она пойдетъ, для нея вамъ, стало, нечего дѣлать. Недостаточно имѣть вѣрную мысль, надобно ясно знать средства подъ руками. Вы говорите о успѣхѣ распространенія «Колокола» и о затрудненіяхъ адреса—ясно, что вы можете дѣлать и чего вы не сдѣлаете до тѣхъ поръ, пока вы не пріобрѣтете дѣйствительнаго права гражданства между русскими и дѣйствительнаго знанія всѣхъ (пропускъ слова) русской жизни. Говоря объ адресѣ, вы давали чувствовать, что это согласно съ нашимъ мнѣніемъ. Вѣроятно, вы говорили съ людьми, очень мало читающими «Колоколъ»: они вамъ прямо сказали бы, что мы не можемъ соглашаться, послѣдовательно, на такой адресъ, а можемъ только *не мѣшать* ему, такъ какъ не мѣшаемъ Долгоруковской конституціи. На счетъ книгъ и «Колокола» мы говорили. Двѣ такія вещи, какъ тайная пропаганда книгъ и явная или полуявная агитація—несовмѣстимы»... [1]).

Ясно, что Герценъ не прочь былъ имѣть Бени агентомъ, самое большое—по распространенію своихъ изданій, потому что эту работу онъ поручалъ иногда людямъ и совсѣмъ мало знакомымъ.

Но, какъ мы уже знаемъ изъ показаній Ничипоренка, Бени не внялъ совѣту Герцена и, обольщая себя успѣхомъ, пустился съ Ничипоренкомъ по Россіи для собиранія подписей подъ своимъ адресомъ...

Что касается отвѣта Герцена (уже устнаго) на просьбу о реабилитаціи, то въ подтвержденіе показанія Бени приведу слова Кельсіева: «Герценъ отказалъ ему въ подобнаго рода удостовѣреніи и отказался отъ всякой съ нимъ солидарности» [2]).

Возвращаемся къ показаніямъ Бени.

Въ первыхъ числахъ декабря 1861 г. онъ вернулся въ Петербургъ. «Подозрѣніе на мой счетъ возросло до того, что почти всѣ мои здѣшніе знакомые отъ меня отвернулись». Тогда, весною 1862 г., онъ написалъ Герцену отреченіе отъ всѣхъ заимствованныхъ у него взглядовъ, и послалъ его черезъ П. Алексѣева, уѣзжавшаго въ Лондонъ, но просилъ опустить его гдѣ нибудь въ Англіи въ почтовый ящикъ. Письмо было адресовано къ родственнику Бени — Кливеленду, который и долженъ былъ передать его

[1]) „Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, Женева 1892 г., стр. 142.

[2]) „Заря“, 1871 г., іюнь, стр. 21.

по назначенію. Отвѣта не получилось. Желая доказать Герцену, что онъ человѣкъ не личностей, Бени написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» письмо, въ которомъ, нисколько не касаясь самого Герцена, возставалъ противъ неприличнаго тона катковской «Замѣтки» по адресу издателя «Колокола».

О пріѣздѣ въ Россію Кельсіева весною 1862 г. Бени узналъ только въ сентябрѣ и то стороной.

Допросъ Петровскаго. Бумаги Траверсе.

Я уже говорилъ, что полковникъ Дурново сообщалъ коммиссіи о вторичномъ пріѣздѣ Кельсіева въ Москву въ сентябрѣ 1862 г., т. е. въ самый разгаръ веденнаго уже слѣдствія. Въ началѣ ноября Дурново повторилъ свое сообщеніе и уже въ совершенно утвердительной формѣ. Очевидно, и коммиссія и III Отдѣленіе были этимъ очень встревожены, и потому рѣшено было командировать немедленно въ Москву молодца-Дренякина...

Тѣмъ временемъ работа продолжалась.

10-го ноября Петровскій заявилъ, что брюнета Кельсіева, о которомъ говоритъ Кожанчиковъ, онъ не знаетъ и категорически утверждаетъ, что Кельсіевъ блондинъ, что ни онъ, ни Трубецкой, ни братья Орфано, Козловъ и Ошмянцевъ во время пріѣзда Кельсіева у Афанасьева не бывали; что Кельсіевъ бесѣдовалъ съ Петровскимъ всегда наединѣ, а при другихъ говорилъ о пустякахъ.

16-го ноября комиссія имѣла въ рукахъ еще новый интересный матеріалъ, а именно нѣсколько писемъ, отобранныхъ Дренякинымъ у маркизы Траверсе, по указанію маркиза; они хранились въ его кабинетѣ, въ конвертѣ съ надписью «Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной».

Помимо тѣхъ писемъ Бакунина, которыя напечатаны мною въ іюльской книжкѣ «Былого» на страницахъ 199—201, 203—204, 206—207 [четыре письма къ Н. С. Бакуниной], 204—206 [Налбандяну], 201—202 [Маткевичу], 197—199 [К. Б. Кукелю], 207—208 (Тургеневу) и 195—197 [своей женѣ], въ конвертѣ были еще и слѣдующія.

Письмо Александра Александровича Бакунина къ Михаилу Александровичу:

13-го пятница 1862 года.
Флоренція.

«Здравствуй Миша, я ѣду въ Россію; хотѣлъ бы видѣть тебя, но денегъ у меня теперь 160 франковъ; какъ быть, не знаю.—Жду отъ тебя письма; теперь я къ твоимъ услугамъ; подумай и рѣши, какъ и что мнѣ дѣлать? Изъ дому не получаю ни строчки, что съ ними не знаю.—У меня пока въ головѣ Tabula Rasa; т. е. я не имѣю никакой опредѣленной цѣли, но за то я и ничѣмъ не связанъ; рѣшеніе мое принести по силамъ и возможности пользу на общее дѣло; а потому и ѣду въ Россію, если нѣтъ особенной

нужды вамъ во мнѣ здѣсь, или гдѣ бы то ни было. Я здоровъ и силенъ и бодръ, и жду твоего совѣта: вы меня видѣли, хотя и не въ нормальномъ видѣ, но все же можете обо мнѣ судить, и слѣдовательно воспользоваться моимъ предложеніемъ, какъ заблагоразсудите, а я не отказываюсь ни отъ какого; пиши же мнѣ поскорѣе, я жду твоего письма. До свиданья.

Твой братъ *А. Бакунинъ.*

«Поклонись отъ меня Герцену и Огареву и Мартьянову, и послѣднему отъ меня скажи, что онъ и съ земскимъ царемъ далеко не уѣдетъ; времена Атиллъ и Гунновъ далеко ушли; а вотъ если бы онъ придумалъ чѣмъ избавиться или сойтись народу съ войскомъ—другое дѣло. До свиданія, да не сердись на меня за мое молчаніе; мнѣ было не до себя и не до васъ и ни до кого въ мірѣ. Виноватъ и каюсь, но не раскаиваюсь; пожалуйста же пиши, до свиданья.

Твой *А. Б.*».

На послѣдней страницѣ подлинника рукою М. А. Бакунина написано:

«Милая Natalie. Еще нѣсколько словъ. Прилагаю письмо къ генералу Кукелю—вѣроятно, твоему знакомому—въ Ирку. (*написанное перечеркнуто*).

«Прилагаю письмо къ Antonie [1])—ради Бога, перешли его немедленно въ Иркутскъ.—Если нѣтъ курьера, если не знаешь случая, то обратись за совѣтомъ и помощью къ молодому маркизу де-Траверсе, который, вѣроятно, успѣлъ съ тобой познакомиться. Онъ живетъ въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Прокоповича.

«Съ Маткевичемъ ты можешь познакомиться черезъ Спасовскаго [2]), адвоката братьевъ».

Затѣмъ очень цѣнное письмо жены Михаила Бакунина къ мужу, любопытное именно въ силу полнаго отсутствія подобныхъ писемъ въ литературѣ о «вѣчномъ бунтарѣ»:

14-го іюня 1862 г.

«Милый другъ Michel,

«Жду позволенія съ Петербурга, чтобъ ѣхать къ тебѣ, я не знаю, когда я съ тобою увижусь, грустно очень грустно; покамѣсть я воображала себя совершенно свободной, я спокойно ждала случая, чтобъ поѣхать къ тебѣ, но теперь, когда я знаю, что хоть бы ихъ тысячу представилось, я все таки не могу ѣхать, такъ тяжело, что передать трудно. Но все же мы съ тобою увидимся во что бы ни стало, никто не въ состояніи намъ помѣшать; будь увѣренъ, что самое мое сильное и неизмѣнное желаніе, это быть съ тобою вмѣстѣ и по возможности составить твое счастіе.

---

[1]) Женѣ.
[2]) В. Д. Спасовича.

«До свиданія, мой милый дорогой другъ. Любящая и уважающая тебя *Бренчанинова* [1]).

Наконецъ, любопытное письмо Н. В. Альбертини литератору Степану Степановичу Громекѣ, сдѣлавшемуся изъ жандармовъ герценовскимъ корреспондентомъ...

16/4 апрѣля 1862 г.

«Пишу къ вамъ, дорогой Степанъ Степановичъ, чрезъ моего добраго лондонскаго знакомаго, Налбандова. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ сказать вамъ многое, чего иначе нельзя было сказать. Ежели чего-нибудь не скажу, за кратковременностію срока, остающагося мнѣ для написанія письма,—то вамъ доскажетъ самъ Налбандовъ, человѣкъ вполнѣ пользующійся уваженіемъ лондонскихъ русскихъ.

«Прежде всего о «Русскомъ Вѣстникѣ», о моемъ, а болѣе всего о вашемъ участіи въ немъ.—Степанъ Степановичъ, ради Бога подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Вы и Катковъ—элементы не соединимые. Вамъ нельзя быть вмѣстѣ. Вы понимаете вещи тѣмъ чутьемъ, которое всегда есть у людей съ сердцемъ. «Русскій Вѣстникъ» все понимаетъ не иначе, какъ холоднымъ разсудкомъ; ъ разсуждаетъ, когда надо чувствовать. Какъ же вамъ итти вмѣстѣ съ Катковымъ. Вѣдь можно удивляться его уму, его знаніямъ, логичности его выводовъ, заключеній, стройности хода его мышленія, ловкости оборота въ мысли, въ словѣ; но сердце ваше всегда будетъ далеко отъ него. У васъ *никогда* не будетъ съ нимъ сочувственныхъ сторонъ. Онъ васъ мало-по-малу *подчинитъ* (именно, *подчинитъ*) своему холодному міросозерцанію.—Вы потеряете ту теплоту чувства, которая даетъ такую силу вашимъ словамъ; вы начнете резонировать. Вы научитесь этому мало-по-малу въ вашихъ частныхъ съ нимъ сношеніяхъ, въ вашихъ работахъ съ этимъ человѣкомъ, который такъ ловко умѣетъ свою мысль, мысль сухую, ученую, кабинетскую, навязывать людямъ, къ нему близкимъ.—Вспомните, какъ часто вы расходились съ «Русскимъ Вѣстникомъ». Въ чемъ былъ этотъ разладъ?—Ежели вы хорошенько анализируете всѣ случаи, то найдете, что разладъ именно былъ въ томъ, что «Р В.» относился къ дѣлу съ холоднымъ педантизмомъ ученаго, тогда какъ вы своимъ сердцемъ чуяли, проводили другого рода стороны, недоступныя «Русскому Вѣстнику». Вспомните студенческую исторію. Ваши отношенія къ ней и «Русскаго Вѣстника» должны показать вамъ, въ чемъ ваше несходство.

«Что же, и вы готовы отказаться отъ того дара, который составляетъ вашу силу?—Въ вашемъ талантѣ есть одна родственная черта съ нашимъ величайшимъ публицистомъ [2]), это—то, что вы оба много понимаете сердцемъ. Теперь поставьте же рядомъ Каткова и Герцена, спросите себя, что у нихъ родственнаго, и могутъ

---

[1]) Подпись была условная.
[2]) Герценомъ.

ли они работать въ одномъ журналѣ? [1])—Что вы скажете? На мѣсто Герцена поставьте себя,—дѣло будетъ тоже самое, и выводъ тотъ же. Не даромъ онъ васъ такъ любитъ; не даромъ говорилъ какъ-то, что вотъ бы отдохнуть ему, а «Колоколъ»—еслибъ только можно было—пусть бы издавалъ Громека [2]). Онъ чуетъ въ васъ родственную себѣ натуру, онъ видитъ васъ ясно.

«Но есть еще другая сторона дѣла. У Каткова вы будете работникъ подчиненный, подвластный,—что бы онъ тамъ ни говорилъ и какія бы ни были его условія.—У Краевскаго какъ вы были, такъ и будьте, и будете въ газетѣ [3]) больше, чѣмъ гдѣ нибудь,—какъ панъ, какъ набольшій. Что лучше для васъ?

«Но есть и еще нѣчто. Въ газетѣ Каткова вашъ талантъ изсякнетъ отъ тѣхъ причинъ, о которыхъ я говорилъ выше. Случится то же, что случилось бы, еслибъ вы поступили нѣкогда въ «Сѣверную Почту» [4]), хоть и отъ другой причины,—тамъ отъ внѣшней невозможности говорить свободно, здѣсь отъ незамѣтнаго для васъ подчиненія чужому уму, который вы уважаете. Въ *Голосѣ* вы будете свободны. Вашъ талантъ найдетъ себѣ просторъ, найдетъ арену, какая для васъ нужна. Тутъ онъ раскроется, какъ только онъ можетъ раскрыться при благопріятныхъ условіяхъ. Тамъ вы только жалкимъ образомъ раздѣлите крушеніе стараго судна, которое уже начало гнить и съ которымъ, на послѣднихъ его порахъ, вы будете имѣть неблагоразуміе связать свою участь. Здѣсь вы сами капитанъ, - сами строитель корабля,—сами оснащиваете его, сами устроиваете его, какъ знаете,—и корабль вашъ новенькій, отправляется въ путь съ попутнымъ вѣтромъ. Будетъ неудача, сядетъ онъ на мель, разобьетъ его,—будетъ ваша вина, ваша бѣда,—но, по крайней мѣрѣ, не останется на вашей совѣсти упрека себѣ въ томъ, что имѣли неблагоразуміе дырявому кораблю поручить свою участь.

«Значеніе Каткова—падаетъ. Многочисленна ли его партія? Съ какою злобою говорятъ о немъ наши лучшіе люди? Или вы, можетъ быть, хотите спасти его, пожертвовать своимъ именемъ для поддержанія авторитета Каткова?—Это благородно. На это, я знаю, вы способны. Но я, любя васъ, вижу прежде всего опасности для васъ отъ этого союза. Вы авторитета его не поддержите, а себя погубите.

«Наконецъ, въ 130 № «Кол.» вы получите и еще одинъ аргументъ противъ вашей рѣшимости пристать къ Р. Вѣст.—«*Къ какой мы принадлежимъ партіи?*»—Возмутительна, какъ не возмутительны статьи Чичерина.—Вѣдь *наши шутовскія партіи*—возму-

[1]) Когда Альбертини писалъ эти строки, Катковъ уже вступилъ на поле патріотической брани по адресу Герцена.

[2]) Разумѣется, Герценъ говорилъ такія вещи въ шутку, которой Альбертини не разобралъ.

[3]) Съ января 1863 г. Катковъ готовился издавать „Московскія Вѣдомости,“ Краевскій—„Голосъ“.

[4]) Предшественница „Правительственнаго Вѣстника“.

тили васъ,—вѣдь рѣшимость *не принадлежать даже и къ серьезнымъ партіямъ, если бы онѣ когда нибудь явились*,—не есть ваша рѣшимость. Вѣдь этотъ холодный доктринаризмъ, развивающій теорію консерватизма въ обществѣ, гдѣ все перестраивается и перерабатывается, не находитъ въ васъ сочувственной струны.—Какъ же вы пойдете со всѣмъ этимъ рука объ руку.

«Степанъ Степановичъ, ежели ваше рѣшеніе непоколебимо, то вы извините меня,—что я рѣшился все это высказать. Мои сердечныя отношенія къ вамъ, моя искренняя любовь къ вамъ давали, казалось, право мнѣ сказать вамъ это все. Но ежели ваше рѣшеніе еще не принято окончательно, если это такъ только,—то я въ восторгѣ, что мое мнѣніе объ этомъ пунктѣ сошлось съ вашимъ.

«Мнѣ кажется, что ежели даже вы и дали слово Каткову, то отказаться вамъ есть еще полная возможность. Вы давали его, ничего не зная о *Голосѣ* (Тутъ виноватъ, конечно, Андрей Ал., [1])—своею несчастною страстью секретничать; хотя бы онъ тутъ, наконецъ, убѣдился, что секретничать съ людьми близкими къ дѣлу никогда не слѣдуетъ). Теперь, когда очутился *Голосъ*, вы силою самаго положенія дѣлъ принадлежите *Голосу*. Есть основаніе взять слово назадъ. Да и времени къ тому же еще много. Катковъ вашимъ отказомъ не будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе.

«Мнѣ представляются тѣ соображенія, которыя заставили васъ пойти на союзъ съ Катковымъ. Для васъ безотрадно положеніе литературы. Тамъ Чичеринъ, Павловъ и всѣ приспѣшники правительства; тутъ ярые свистуны [2]). Въ срединѣ стоитъ маленькая кучка людей «*Отеч. Зап.*» и гигантъ Катковъ. Катковъ и мы сходимся между собою въ одномъ пунктѣ: какъ онъ, такъ и мы равно далеки и отъ Чичерина, и отъ свистуновъ,—но и только въ этомъ одномъ пунктѣ. Во всемъ остальномъ между нами *должна* быть пропасть непроходимая. Васъ смущаетъ то, что мы сила невидная, незамѣтная, даже не сила, а такъ себѣ что-то, а Катковъ сила признанная. Изъ за одной отрицательной стороны Каткова,—изъ за того, что онъ—не Чичеринъ и не свистуны,—да еще изъ за того, что онъ сила, вы примыкаете къ нему, забывая, что васъ отталкиваетъ въ положительной сторонѣ Каткова. Но вотъ вамъ мое убѣжденіе.—Пойдемте смѣло въ *Голосъ*, съ вѣрою,—и мы, можетъ-быть, пріобрѣтемъ силу, т. е. вы ее пріобрѣтете. Не вливайте новаго вина въ старые мѣха; смотрите, чтобъ вино не смѣшалось съ грязью. А лучше пойдемте-ка съ своимъ виномъ съ новыми мѣхами,—можетъ быть,—и будетъ вино знатное.

«Хотѣлъ писать и о другомъ кое о чемъ, но ужъ некогда. Другой разъ.

«Вотъ только самое необходимое.

«Здѣсь нужны свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Бѣлоруссіи и Ма-

---

[1]) Краевскій.
[2]) Кличка сотрудниковъ „Современника“.

лоруссіи. Объ одной изъ нихъ вы можете добыть отъ человѣка близкаго; о другой—скажите, кому найдете возможнымъ.

«Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать многоуважаемой Катеринѣ Ѳедоровнѣ [1]) мое глубокое уваженіе, а вашихъ милыхъ дѣтей поцѣлуйте за меня крѣпко.

Вашъ *Н. А.*

«Многоуважаемому и добрѣйшему Ипполиту Ѳедоровичу, ежели, только онъ въ Петербургѣ, передайте мой нижайшій поклонъ.

«NB. Вы не повѣрите, какъ тяжело отозвалось здѣсь ваше извѣстіе о *союзѣ* съ Катковымъ. Вѣдь, этотъ союзъ—ежели только вы не шутите, объяснилъ для А. И. [2]) паденіе такихъ людей, какъ друзья его Евг. Коршъ, Кетчеръ, нынѣшнихъ друзей Чичерина. Это все отъ того, по его словамъ, что у насъ *дѣйствительно* нѣтъ еще политическаго чутья и политической честности.

«Какъ вы видите, я выступаю противъ васъ со всѣми возможными аргументами. Есть еще одинъ. Вамъ дорого ваше честное имя.—Для меня ваше честное имя очень дорого. Вотъ именно поэтому вамъ не слѣдуетъ быть съ Катковымъ.—Настанетъ время, когда быть съ Катковымъ будетъ также безчестно, какъ быть Чичеринымъ,—потому что оба они равно враги нашего движенія.

«Вотъ вамъ все.

«Откуда у васъ такой примирительный взглядъ? *Все люди честные*?—Да вамъ то именно нужно видѣть въ нихъ подлецовъ, чувствовать ихъ такими; чувствовать ихъ *подлость въ данную минуту*,—и тогда вы будете противъ нихъ страшною силою.

«Вонъ оно, видите ли уже теперь, куда пошло,—на признаніе честности въ Чичеринѣ, Соловьевѣ. Да вы забываете, что кромѣ мѣшанской честности есть другая,—честность политическая, честность общественнаго дѣятеля; та честность, которая всякаго порядочнаго человѣка заставляетъ произносить съ уваженіемъ имя Михайлова, имена 13 тверскихъ посредниковъ, хотя бы самъ и не былъ того мнѣнія, что Михайловъ. А для нихъ, для вашихъ *честныхъ людей*, что такое *Михайловъ*—безголовый свистунъ? Тверскіе дворяне—что? Шутовское явленіе?

«Полно, не отъ васъ бы слушать такія вещи.

«Я началъ такъ любезно, а кончилъ съ сердцемъ. Сами виноваты. Вы должно быть тамъ расхандрились.

«*Наше Время*, хотя и поздно, но всетаки пришлите съ первою оказіею».

Читатель, вѣроятно, недоумѣваетъ, какимъ образомъ попали всѣ эти письма къ маркизу де-Траверсе. Очень просто: пріѣхавъ въ Петербургъ, Налбандянъ вручилъ ихъ ему съ просьбой передать по назначенію, т. е. Н. С. Бакуниной, но маркизъ счелъ за лучшее оставить ихъ у себя...

Разумѣется, комиссія понимала истинную цѣну этихъ докумен-

[1]) Жена Громеки.
[2]) Герценъ.

товъ и представила по этому случаю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ особо указала на то, что въ перепискѣ съ Бакунинымъ состоитъ начальникъ штаба войскъ, въ Восточной Сибири расположенныхъ, генералъ-маіоръ Б. К. Кукель [1]). Александръ II хотѣлъ посадить Кукеля въ крѣпость, и только заступничество выдвинувшаго его Н. Н. Муравьева-Амурскаго спасло этого симпатичнаго администратора отъ каземата. Все ограничилось отставкой и опалой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мих. Лемке.

[1]) П. А. Кропоткинъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ революціонера", что, будучи назначенъ къ Кукелю адъютантомъ, онъ очень быстро сталъ съ нимъ въ дружескія отношенія и пользовался библіотекой генерала, получавшаго всѣ лучшіе русскіе журналы и имѣвшаго полную коллекцію лондонскихъ изданій Герцена.

Коронація въ Колымскѣ.

(*Изъ воспоминаній*).

Колымская эпопея есть только небольшая часть огромной и трагической ссыльно-каторжной исторіи. Но въ своемъ родѣ она необыкновенно характерна. Фантастическая страна, заброшенная гдѣ-то на крайнемъ сѣверѣ, почти за предѣлами Азіи, имѣла свои особые нравы и даже преимущества. Въ Колымскѣ былъ предѣлъ, дальше идти было некуда, развѣ топить людей въ полярномъ морѣ. И этотъ географическій предѣлъ русскаго царства отчасти уже находился за предѣломъ власти русскаго правительства. Ибо даже его безконечно длинныя лапы, вѣтвистыя, какъ у осьминога, не хватаютъ такъ далеко, за 12,000 верстъ. Или если и хватаютъ, то сѣверная зима отмораживаетъ имъ концы щупальцевъ и лишаетъ ихъ осязанія.

Колымская ссылка отчасти была самоотрицаніемъ. Еще одинъ шагъ и можно было попасть въ Америку. Пора описать эти удивительныя условія безъ недомолвокъ и безъ сокращеній и поставить нѣкоторыя точки надъ политическими і. Я передамъ здѣсь одинъ небольшой эпизодъ во всей его неприкосновенности, только измѣнивъ имена тѣхъ, кто еще живъ и здравствуетъ.

Когда въ общежитіи упомянешь Колымскъ, всегда задаютъ вопросъ, какой Колымскъ, Верхній, Средній или Нижній. Между тѣмъ всѣ три Колымска составляютъ одинъ и тотъ же Колымскій округъ. Средне-Колымскъ есть центральный пунктъ округа и считается городомъ. Въ немъ восемьдесятъ два дома, пятьсотъ жителей и столько же собакъ. Нижне-Колымскъ есть селеніе на пятьсотъ верстъ внизъ по рѣкѣ Колымѣ, Верхне-Колымскъ лежитъ на пятьсотъ верстъ вверхъ по рѣкѣ; это даже не селеніе, а только церковь и при ней три дома: два поповскихъ и одинъ дьячковскій.

Ссыльные съ самаго начала завоевали себѣ право разъѣзда по округу и почти каждый изъ нихъ считалъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить всѣ три Колымска. Но наша общественная жизнь сосредоточивалась въ городѣ Средне-Колымскѣ, и именно къ этому пункту относится мой разсказъ.

Это было въ маѣ 1893 года, на четвертый годъ моего пребыванія въ Колымскѣ. Насъ было больше пятидесяти человѣкъ, боль-

шей частью административныхъ. Мы дѣлились на двѣ категоріи,— краткосрочныхъ и долгосрочныхъ. Краткій срокъ означалъ крайнюю молодость, случайный арестъ и отсутствіе вины, даже съ полицейской точки зрѣнія. Напримѣръ, изъ Одессы была прислана цѣлая партія юношей, вѣрнѣе говоря, подростковъ. Старшему во время ареста было семнадцать лѣтъ, младшему—четырнадцать съ половиной. Ссылали ихъ по словамъ приговора «за знакомство съ революціонерами».

Краткому сроку впрочемъ предшедствовало долгое тюремное заключеніе, часто болѣе двухъ лѣтъ. Хожденіе по этапнымъ мытарствамъ отъ Москвы до Колымска длилось иногда еще дольше и въ концѣ концовъ эти юноши прибывали въ Колымскъ, какъ разъ во время, чтобъ праздновать свое совершеннолѣтіе.

Долгосрочные были восьмилѣтніе и десятилѣтніе. Мнѣ напримѣръ передъ ссылкой жандармскій полковникъ сказалъ· «Десять лѣтъ это задатокъ. А за дальнѣйшее я вамъ ручаюсь». Наши впрочемъ не унывали и даже въ Сибири вели съ начальствомъ малую войну. Иные попали въ Колымскъ уже по сибирскимъ дѣламъ за этапные споры или за мѣстные протесты.

Нѣсколько человѣкъ принадлежали къ знаменитой ссыльной партіи, которая на всѣхъ тридцати этапахъ отъ Томска до Иркутска устроила послѣдовательно тридцать протестовъ. Однимъ изъ членовъ этой партіи былъ Н. Л. Зотовъ, впослѣдствіи повѣшенный въ Якутскѣ. Этапная дорога была ужасная, грязная, голодная, съ мошкарой въ лѣсу и съ клопами на ночлегѣ. Конвойные офицеры были пьяны, а солдаты лѣзли драться, однимъ словомъ, въ поводахъ для протеста недостатка не было. Въ заключеніе партія была жестоко избита въ Иркутскѣ и предана суду за сопротивленіе конвою. Слѣдствіе было заочное и тянулось необыкновенно долго. Судъ тоже заочный. Года черезъ два наши товарищи въ Колымскѣ получили изъ Иркутска приговоръ, осуждавшій ихъ на разные сроки тюремнаго заключенія. Исправникъ былъ поставленъ въ тупикъ, такъ какъ въ Колымскѣ не было тюрьмы. Въ концѣ концовъ мы выручили его. Тюрьма была замѣнена домашнимъ арестомъ. Подъ арестное помѣщеніе мы уступили большую залу нашего общаго дома. Исправникъ платилъ намъ за наемъ, также за освѣщеніе и отопленіе этой тюрьмы.

Казенныя деньги пришлись намъ весьма кстати, ибо наши дѣла были очень запутаны. Пріѣхали мы зимою. Ничего у насъ не было. Все пришлось заводить вдругъ. Пищу и дрова нужно было по мѣстному обычаю запасти сразу вплоть до іюня. Въ городскихъ лавкахъ не было ни мяса, ни рыбы. Пришлось ѣхать за припасами къ якутамъ на озера и къ чукчамъ на тундру и везти съ собой товары для обмѣна. Не мудрено, что мы въ первую же зиму влѣзли въ неоплатные долги къ мѣстнымъ купцамъ. Потомъ мы эти долги платили изъ скуднаго казеннаго пособія, но никакъ не могли не то что уплатить, а даже сократить итогъ. Каждые полгода староста дѣлалъ подсчетъ и все выходила почему то одна и та же

роковая цыфра: три кола на брата (111 рублей). Послѣ подсчета староста принимался загонять экономію на нашихъ желудкахъ, пока дѣло не доходило до открытаго возмущенія. Въ обыкновенное время мы получали на завтракъ кусокъ такъ называемаго бѣлаго якутскаго масла, сбитаго и замороженнаго вмѣстѣ съ пахтаньемъ, и шестую часть небольшого ржаного хлѣбца. Староста начиналъ колоть масло мельче и печь хлѣбы еще меньшаго размѣра. Мы съ своей стороны понемногу забирали свои завтраки за день или за два впередъ. Мало-по-малу самые голодные и настойчивые входили въ неоплатные долги на 20, 30 и даже 50 завтраковъ. Такіе должники мутили общественное мнѣніе не хуже Катилины въ Римѣ и требовали амнистіи. Но послѣ амнистіи три кола снова являлись во всей неприкосновенности. Поэтому мы ничего не имѣли противъ этого новаго тюремнаго пособія.

Нечего говорить, что ни о какомъ дѣйствительномъ арестѣ рѣчи не было. Нѣкоторые изъ «арестованныхъ» уѣзжали въ дальнія поѣздки на мѣсяцъ и на два. А залой мы пользовались попрежнему.

Впрочемъ въ видѣ тюремнаго символа полиція ежедневно присылала намъ стражу, точнѣе говоря—одного стража. Это былъ какой нибудь молодой казакъ, который заявлялъ, что онъ «на вѣсти присланъ» и садился на лавку въ нашихъ сѣняхъ или въ кухнѣ, поминутно вскакивая и вытягиваясь во фрунтъ, когда кто нибудь проходилъ мимо. Впрочемъ, добраться до кухни было для казака дѣло вовсе не легкое. Дворъ у насъ былъ большой, крѣпко загороженный. Калитка была далеко отъ домовой двери, а у калитки постоянно лежали злыя собаки. Въ Колымскѣ ѣздятъ на собакахъ, и въ нашемъ дворѣ было десятка полтора псовъ. Эти псы были мѣстной породы, часто куплены у тѣхъ же колымскихъ сосѣдей, но попадая на нашъ дворъ, они тотчасъ же задирали носъ и объявляли непримиримую вражду всѣмъ остальнымъ жителямъ городка,—двуногимъ и четвероногимъ. Якуты входили въ нашъ дворъ съ опаской и еще отъ калитки начинали громко кричать и вызывать подмогу. Замѣчательно, что въ то же самое время къ каждому новому товарищу, пріѣзжавшему изъ Якутска, тѣ же собаки ластились, какъ къ старому пріятелю.

Наиболѣе зловреднымъ нравомъ отличалась Дамка, та самая, которую такими розовыми красками описалъ мой товарищъ Н. Осиповичъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ. Эта Дамка не лаяла, не бросалась. Она только подходила сзади и хватала зубами за икру.

Едва очутившись на нашемъ дворѣ, недѣли черезъ двѣ или черезъ три, она цапнула за ногу своего собственнаго прежняго хозяина.

Особенно не любили наши собаки вѣстовыхъ казаковъ, быть можетъ, отчасти и потому, что казаки эти были вѣчно голодны и заявляли притязаніе на часть пищи изъ нашего дневного оборота. Пища на сѣверѣ вещь серьезная и нелегко добываемая. Даже на кости изъ супа были три партіи претендентовъ. Во первыхъ такъ называемая

артель жигановъ изъ нашего собственнаго состава. Обѣденныя порціи были невелики и жиганы всегда чувствовали голодъ. Они имѣли право на всѣ кухонные остатки, а также на испорченные продукты изъ общей кладовой. Вторая партія претендентовъ на кости были туземные прихлебатели и приживалки съ вѣстовымъ казакомъ во главѣ. Собакамъ принадлежала только третья очередь. Немудрено, что онѣ не любили туземныхъ гостей.

Съ утра до вечера казакъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, скучалъ, заглядывалъ въ кухню и ожидалъ съѣстной подачки. Въ сущности говоря, онъ стерегъ только котелъ съ мясомъ. Стоило дежурному зазѣваться, верхній кусокъ мяса тутъ же переходилъ изъ котла прямо въ кожаный карманъ верхней одежды нашего казеннаго сторожа. Иные для этой цѣли приносили съ собою подъ платьемъ особый желѣзный крючекъ, которымъ мѣстныя женщины переворачиваютъ мясо въ котлѣ. Впрочемъ казенный вѣстовой при случаѣ старался быть полезнымъ. Особенно это относилось къ рубкѣ дровъ для кухни. Рубка дровъ лежала на обязанности нашихъ очередныхъ дежурныхъ. Дѣло это на сильномъ январскомъ морозѣ довольно непріятное. Выйдетъ какой нибудь юноша въ валенкахъ и худыхъ рукавицахъ и начнетъ тюкать топоромъ. А казакъ ужъ тутъ, подстерегаетъ случай. Чуть дежурный отложилъ на минуту топоръ, казакъ за топоръ, и начинаетъ дѣйствовать съ несравненнымъ проворствомъ туземцевъ во всѣхъ домашнихъ работахъ. Иной дежурный поретивѣе, желая исполнить свой долгъ до конца, начнетъ отнимать топоръ у услужливаго казака, а тотъ не даетъ, рубитъ. Въ нѣсколько минутъ цѣлая груда дровъ нарублена, и казакъ уже таскаетъ на кухню охапку за охапкой. Тогда ему обезпечена полная обѣденная порція.

Таково было наше тюремное заключеніе въ Колымскѣ. Хотя оно и не имѣетъ прямого касательства къ моему разсказу, но я описалъ его для того, чтобы сразу объяснить мѣстныя отношенія. Дѣло въ томъ, что начальство и казаки одинаково насъ боялись. Насъ было много, жили мы всѣ вмѣстѣ, крѣпко держались другъ за друга. Люди мы были новые, съ мѣстной точки зрѣнія совершенно непонятные. Въ добавокъ при каждомъ былъ присланъ особый формуляръ, въ которомъ были прописаны разные страхи. Въ прежнія времена начальство имѣло привычку преувеличивать своихъ противниковъ и расписывать ихъ разными суздальскими красками. Противниковъ было мало и поле зрѣнія не было достаточно наполнено. Жандармы и полиція смотрѣли въ микроскопъ. Теперь противниковъ много, поле зрѣнія переполнено, начальство преуменьшаетъ и смотритъ въ телескопъ. Все старается утѣшить себя, что бѣда еще не такъ велика.

Какъ бы то ни было, по отношенію къ намъ Колымское начальство держалось тактики оборонительной и пассивной. Если угодно, Колымскъ былъ первой русской республикой, гораздо раньше Дебальцевской, Читинской, Пятигорской и иныхъ. Обиходъ былъ именно тотъ же самый. Наша община существовала сама по себѣ, а начальство само по себѣ. Отношенія между нами были то

дружественныя, то враждебныя. Иногда доходило до полнаго разрыва.

Столкновенія случались все больше по праздникамъ и по табельнымъ днямъ.

Помню, однажды, на Александра Невскаго, начальство устроило выпивку и зажгло иллюминацію. Наши немедленно въ видѣ политической демонстраціи устроили контръ-выпивку, и послѣ того иллюминацію погасили и всѣ плошки стащили съ забора. Начальство съ своей стороны заперлось въ полицейскомъ домѣ и не выходило до полночи.

Впрочемъ, отношенія были большей частью дружественныя. Исправникъ былъ изъ петербургскихъ околодочныхъ и пріѣхалъ въ Колымскъ прямо съ Невскаго. Онъ былъ вдовъ, игралъ въ карты, пилъ горькую и жестоко скучалъ. Отъ скуки онъ сталъ читать книги, принимался даже за Маркса, но не осилилъ. Читалъ онъ зимою запоемъ, запрется и дня три не выходитъ, все съ книгой сидитъ и даже не спитъ.

Однако, гораздо охотнѣе онъ игралъ въ винтъ. Винтъ—игра сибирская, особенно цѣнная для полярныхъ городовъ. Въ зимніе вечера—либо давиться, либо козырять съ присыпкой въ маломъ шлемѣ въ бубнахъ. Въ Колымскѣ винтили всѣ, полиція, купцы и мы ссыльные. У насъ былъ свой кругъ, и случалось, винтили мы жестоко, по двое сутокъ и по 48 роберовъ сряду. Провинтимъ этакихъ два дня, а потомъ баста на цѣлый мѣсяцъ. А между тѣмъ въ полицейско-купеческомъ кружкѣ винтеровъ было немного и часто за разъѣздами не хватало четвертаго партнера. Тогда начиналась медленная агонія. Исправникъ ходилъ по улицѣ и старался поймать политическаго партнера. А у насъ, бывало, какъ на грѣхъ, винтовая полоса уже прошла. На карты смотрѣть противно. Ходитъ исправникъ, ловитъ партнера. Встрѣтитъ на улицѣ, пристанетъ.—«Пожалуйста, пойдемте, на три роберочка!»—А какое на три. Только войди, двери на запоръ, хочешь не хочешь, играй. Отговариваешься отъ него, а онъ все ноетъ и за рукавъ тянетъ. Пока потеряешь терпѣнье, дашь ему тычка, вырвешь рукавъ и бѣжать домой, а онъ гонится сзади не за тычкомъ, а за партнеромъ, до самой двери.

Особенно сумасбродная жизнь бывала у насъ весною. Трудно описать полярную весну понятными чертами для того, кто ея не испыталъ. Зеленой весны нѣтъ въ полярныхъ широтахъ. Пока рѣки не вскрылись, деревья все обнажены. Потомъ вскроются рѣки, листья распустятся въ три дня и начинается лѣто.

Но въ сѣверныхъ широтахъ есть другая весна, ярко-бѣлая, вся въ снѣгу и въ морозѣ, залитая рѣжущимъ свѣтомъ, до снѣжной слѣпоты, до солнечнаго одуренія.

Еще такъ недавно тянулась долгая зимняя ночь. Выйдешь въ полдень изъ избы, посмотришь на югъ, на краешкѣ неба горитъ тусклая заря, не горитъ, мерцаетъ, да тутъ же и погаснетъ. Не

живешь, цѣпенѣешь. Дыханье мерзнетъ и скрипитъ отъ холода, лошадь пройдетъ вся въ бѣломъ облакѣ, занесенная инеемъ.

Ледъ на рѣкѣ трехаршинной толщины, лопнетъ отъ мороза, какъ будто пушка выстрѣлитъ. Потомъ опять тихо, темно, тайга не шелохнется, все умерло и даже вѣтеръ умеръ и надъ печной трубой стоитъ высокій, прямой, сверху кудрявый столбъ дыма и тоже не гнется, какъ будто застылъ или умеръ. И кажется, что вѣчно такъ будетъ, холодъ, тьма, тишина, смерть.

Однако, съ половины января замѣтно, что день прибавляется. Что дальше, то замѣтнѣе. 9 марта—равноденствіе, отъ солнца до солнца 12 часовъ, а въ концѣ марта заря съ зарей сходится. Съ половины апрѣля уже день не гаснетъ, только съ утра до вечера онъ ярко-золотой, а съ вечера до утра ярко-розовый. Днемъ на припекѣ снѣгъ таетъ, а въ тѣни зимній холодъ. Около полудня талая вода журчитъ, ручьи звенятъ и роются подъ снѣгомъ, а ночью все сковано, морозъ градусовъ въ тридцать. И все-таки всѣмъ существомъ ощущаешь воскресеніе природы и эта весна, какъ чудный праздникъ, солнечно-яркій и свѣтло-нарядный. Какъ будто каждый разъ самъ рождаешься на свѣтъ вмѣстѣ съ оживающей тундрой и тайгой.

Въ маѣ солнечный блескъ какъ бы ожесточается. На рѣкахъ и озерахъ снѣгъ сходитъ и гладкій ледъ блеститъ, какъ жесткое зеркало. Въ полночь большое красное солнце стоитъ на краю гладкаго ледяного горизонта и жжетъ его своимъ колючимъ блескомъ и не можетъ сжечь. Кругомъ протянулись багровыя полосы, пучки золотыхъ нитей. Все красно и расплавлено, все какъ будто пламенѣетъ, самый воздухъ горитъ и не сгораетъ...

Солнце, блескъ, а ѣды нѣтъ. Запасы съѣдены. Жители выскребли изъ амбаровъ послѣднія крохи, якуты подтянули пояса, гложутъ рыбьи головы и запиваютъ кирпичнымъ чаемъ, чернымъ и густымъ, какъ смола. Собаки отпущены на волю, благо ѣздить нельзя, дороги испортились. Никто ихъ больше не кормитъ. Отъ голоду онѣ качаются на ходу и лаютъ беззвучно, какимъ то хриплымъ шопотомъ.

Провизія у всѣхъ оскудѣла, даже у начальниковъ и у поповъ. Кое у кого есть мясо, но оно вывѣтрилось и прогоркло. Мука есть, но жиръ вышелъ, и жарить не на чемъ. Все, что осталось, безвкусно, какъ трава.

У насъ, впрочемъ, и безвкусное подобралось. Каждый день за столъ садятся пятьдесятъ человѣкъ, не считая постороннихъ. Не напасешься на такую ораву. Теперь негдѣ купить, если бы даже было на что. Что запасли съ осени, съѣли. Староста начинаетъ сокращать выдачу. Мы съ своей стороны получаемъ молчаливое право дѣлать набѣги на его кладовыя и похищать все, что сколько нибудь пригодно для ѣды. Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ!..

Острѣе всего послѣдняя недѣля передъ вскрытіемъ рѣки. Ночи нѣтъ. *Вчера* и *завтра* слились въ одно сплошное *сегодня*. Дни путаются

и какъ то выпадаютъ изъ недѣли. Въ одной недѣлѣ четверга не было, въ другой воскресенья. Никто не спитъ, ни солнце, ни люди, ни собаки, ни птицы въ кустахъ. Собаки и люди бродятъ у рѣки и стерегутъ воду, какъ голодныя чайки. Ибо въ водѣ «ожива», первая рыба, которая оживитъ отощавшаго жителя. Вдоль закраины льда уже явилась «заберега», узкая полоска талой воды. Съ каждымъ днемъ она все шире, но матерой ледъ приросъ къ берегу, никакъ не можетъ отстать, выпятиться коробомъ и всплыть на верхъ. Какъ только ледъ пройдетъ, рыба хлынетъ валомъ и начнется лѣтній праздникъ.

А перелетная птица уже летитъ мимо, утки всѣхъ сортовъ, сухія и водяныя, мелкія и крупныя, черные турпаны, сѣрыя шилохвостки, савки, лутки, чирки, гуси-казарки и гуси-гуменники, крахали, лебеди кликуны, гагары всѣхъ видовъ. Днемъ и ночью, безъ передышки, стая за стаей тянется къ сѣверу на тундреныя озера. Гамъ, крикъ, клекотъ, звонъ крыльевъ, трубные звуки лебедей. У кого есть ружье, тотъ сидитъ на мысу, стережетъ добычу. Но птицы знаютъ колымскіе нравы и надъ городомъ взлетаютъ кверху. Къ тому же мѣстныя ружья плохи и «въ летячую птицу» вовсе не попадаютъ, а только «въ сидячую». Наши тоже ходятъ съ ружьями, иной разъ убьютъ утку или гуся, но что значитъ одинъ гусь на всю компанію. Съ утра до вечера думаемъ только объ ѣдѣ. Все идетъ въ дѣло: рыбья кожа, черные комья прѣлой муки, рыбій жиръ, остатки собачьяго корму, сальныя свѣчи. Свѣчи нерѣдко бывали такъ называемыя «утопшія». Староста выливалъ ихъ изъ сала коровъ, утонувшихъ въ болотѣ, а чтобы онѣ не оплывали, подмѣшивалъ къ салу разной химической дряни. Но намъ было все равно. Иногда онъ грозилъ, что подмѣшаетъ мышьяку, но угрозы этой ни разу не исполнилъ.

Весна 1893 года была для насъ памятнѣе другихъ. Въ эту весну изъ Якутска неожиданно пріѣхалъ старшій совѣтникъ областного управленія Сальниковъ съ разными порученіями отъ губернатора Скрыпицына.

Сальниковъ даже для Якутска былъ человѣкъ совершенно необыкновенный.

Начать съ того, что въ немъ было вершковъ двѣнадцать росту и больше восьми пудовъ вѣсу. Брюхо у него было огромное, какъ бочка. Эту бочку можно было налить до верху спиртомъ, безъ особаго вреда для ея хозяина. По женской части Сальниковъ тоже былъ ходокъ. Онъ былъ холостъ, но жилъ семейно съ одной изъ своихъ любовницъ, замужней женщиной. Законный мужъ жилъ тутъ же и дѣти безразлично называли папой и того и другого.

Съ другой стороны Сальниковъ былъ въ то время единственный человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ на казенной службѣ въ Якутской области. Жители, впрочемъ, не вѣрили, что онъ окончилъ настоящій университетъ, и пустили слухъ, что въ сущности это не Сальниковъ, а нѣкій бродяга, который убилъ настоящаго Сальникова, завладѣлъ его бумагами и поступилъ на службу.

Въ Сибири такія дѣла бывали, но этотъ Сальниковъ былъ настоящимъ. По образованію онъ былъ юристъ и попалъ въ Якутскъ судебнымъ слѣдователемъ, но на одномъ допросѣ погорячился, ударилъ подслѣдственнаго кулакомъ и убилъ его наповалъ. За такой подвигъ Сальниковъ и самъ попалъ подъ судъ, но въ Восточной Сибири такія дѣла тянутся подолгу и кончаются ничѣмъ. Тѣмъ временемъ Сальниковъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и быстро дослужился до старшаго совѣтника.

Первое порученіе, данное губернаторомъ Сальникову, состояло въ томъ, чтобы открыть новый торговый путь изъ Гижигинска въ Колымскъ. Губернаторъ посмотрѣлъ на карту, прикинулъ, что изъ Гижиги до Колымска близко, а Гижига стоитъ на морѣ, стало быть, туда приходятъ пароходы, — и послалъ своего совѣтника открывать новый путь напрямикъ, какъ вороны летаютъ. Это обыкновенный бюрократическій методъ. Николай I по этому методу построилъ Николаевскую желѣзную дорогу, а графъ Сергѣй Витте Манджурскую соединительную линію съ вѣткой на Портъ-Артуръ. Въ данномъ случаѣ отъ Колымска до Гижиги дѣйствительно было недалеко, верстъ 600 или 650, но ѣздить было невозможно, ибо на Гижигинской тундрѣ лошади пропадаютъ отъ безкормицы.

Сальниковъ, впрочемъ, порученіе исполнилъ, въ Гижигу пробрался на лошадяхъ, но лошадей по дорогѣ растерялъ. Изъ Гижиги онъ вернулся съ большими трудностями вмѣстѣ съ чукотскимъ кочевьемъ. Чукотскій омолонскій староста Омрелькутъ вывезъ его на собственныхъ оленяхъ. Ѣхать было тяжело. Три оленьи упряжки пали одна за другой подъ грузнымъ совѣтникомъ. По прибытіи въ городъ на радостяхъ начальство устроило балъ. На балу Омрелькутъ напился и раздѣлся до нага. Когда его хотѣли убрать, онъ изъявилъ претензію выѣхать изъ залы верхомъ на казакѣ точно также, какъ толстый начальникъ ѣхалъ на его оленяхъ. Сальниковъ призналъ справедливость притязанія и велѣлъ своему деньщику подставить спину.

За рѣкою противъ города, откуда пришелъ чукотскій караванъ, Сальниковъ распорядился поставить столбъ съ надписью: *Дорога генерала Скрипицына.* Скрипицынъ въ то время былъ только статскій совѣтникъ. Нечего говорить, что купцы по этой дорогѣ не поѣхали, а года черезъ три и столбъ завалился.

Впрочемъ, путешествіе Сальникова началось лѣтомъ, мѣсяца черезъ три послѣ описываемой мной весны.

Второе порученіе Сальникова касалось ревизіи казенныхъ суммъ и всего полицейскаго управленія. Такія ревизіи въ Сибири производятся быстро и легко, можно сказать, въ промежутки между двухъ карточныхъ сдачъ. Подсчеты ведутся на мѣлокъ, повѣрка магазиновъ на глазомѣръ. Сальниковъ съ исправникомъ поладили безъ затрудненій.

Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они...

Третье порученіе касалось насъ, ссыльныхъ. До якутскихъ вла-

стей дошли свѣдѣнія, что мы забрали слишкомъ много воли. Получить эти свѣдѣнія было немудрено. Съ каждой почтой изъ Колымска въ Якутскъ посылались доносы. Ихъ писали попы и дьячки, отставной казачій командиръ, отданный подъ судъ за растрату и отсиживавшійся отъ своего дѣла въ Колымскѣ, какъ въ неприступной крѣпости, уголовные поселенцы и купеческіе приказчики.

Сальникову было поручено во-первыхъ изслѣдовать справедливость доносовъ, во-вторыхъ изыскать мѣры къ нашему обузданію, а заодно и обслѣдовать вопросъ объ уменьшеніи казеннаго пособія, которое намъ ежемѣсячно выдавалось и безъ котораго мы должны были погибнуть голодной смертью.

Я охотно вѣрю, что Сальниковъ выѣхалъ изъ Якутска въ самомъ черносотенномъ настроеніи и съ искреннимъ желаніемъ обуздать и урѣзать. Но дѣло въ томъ, что дорога отъ Якутска до Колымска тянется на 3000 верстъ и обладаетъ секретомъ всеобщаго демократическаго уравненія. Каждому одинаково холодно, тоскливо и неудобно. Лѣсныя избушки одинаково стынутъ и дымятъ, особенно знаменитая Бездверная, первая съ юга. Колючій вѣтеръ не разбираетъ лицъ, морозъ забирается въ самыя именитыя кости. Когда испытаешь все это на собственной шкурѣ, охота подтягивать и урѣзывать какъ то отходитъ назадъ.

Сальниковъ ѣхалъ, мерзъ, голодалъ и постепенно изъ чернаго становился краснымъ.

На пути между Якутскомъ и Колымскомъ лежитъ Верхоянскъ. Сальниковъ остановился въ Верхоянскѣ на одинъ день. Ему нужно было лекарство, немного пряностей и сухихъ овощей, ибо для большей легкости онъ взялъ съ собой весьма мало припасовъ. Все это онъ могъ достать только у политическихъ ссыльныхъ. Допускаю также, что ему хотѣлось увидѣть человѣческія лица, не гнусныя и не рабскія, какъ у встрѣчавшихъ его чиновниковъ, услышать слово, нестѣсненное искательствомъ и страхомъ. И за этимъ тоже приходилось обращаться къ политическимъ ссыльнымъ.

Однимъ словомъ Сальниковъ пріѣхалъ въ Колымскъ совсѣмъ краснымъ, можно сказать, лѣвымъ кадетомъ.

Вмѣсто обузданія онъ старался войти съ нами въ добрыя и пріятельскія отношенія. Онъ уже говорилъ не о сокращеніи, а напротивъ о возможномъ увеличеніи казеннаго пособія.

На второй день по прибытіи Сальниковъ снялъ мундиръ и надѣлъ красную рубаху. Вмѣстѣ съ мундиромъ онъ какъ бы сбросилъ на время чиновничью часть своей души и вернулъ себѣ старую студенческую душу той эпохи, когда онъ распѣвалъ съ друзьями: —«Будемъ пить за того, кто «Что дѣлать» писалъ», хаживалъ на кулачные бои съ мѣщанами, но еще никого не убивалъ кулакомъ.

Мы, однако, оставались холодны къ этому превращенію и держались насторожѣ. Мы предвидѣли, что на обратномъ пути Сальниковъ перемѣнитъ свою краску въ той же самой постепенности и, достигнувъ Якутска, представитъ губернатору Скрыпицыну самый черносотенный рапортъ и такимъ образомъ исполнитъ третье порученіе.

Сальниковъ, какъ водится, остановился у исправника. Почти тотчасъ же по его пріѣздѣ началось непрерывное пьянство Совѣтникъ и исправникъ пили сами и поили другихъ. На Колымѣ водки не знаютъ, а пьютъ спиртъ и притомъ не очищенный. Онъ стоитъ дорого, два, три и даже пять рублей за бутылку. Впрочемъ исправникъ приготовился къ пріѣзду ревизора и припасъ пять флягъ спирту. Фляга это плоскій боченокъ, приспособленный къ перевозкѣ вьюкомъ и вмѣщающій три ведра.

Несмотря на дороговизну колымскіе жители страстно привержены къ выпивкѣ. Они готовы отдать за глотокъ спирту послѣднюю лисью шкурку, даже послѣднюю ѣду. Если бы хватило, они были бы готовы опиться до смерти. Общее мнѣніе гласитъ: «за рюмочку не жалко дать вырѣзать кусокъ тѣла». Особенно цѣнится выпивка въ голодную пору.

— На тощакъ сильнѣе разбираетъ,—говорятъ жители.—Голодный отъ запаху пьянъ...

Не мудрено, что все наличное мужское населеніе городка льнуло къ пирующему начальству. Сальниковъ поилъ всякаго, но льстивые и запуганные обыватели не удовлетворяли его. Ему хотѣлось настоящаго человѣческаго общества. Хмѣль у него былъ ласковый и болтливый. Ему нужны были слушатели для его «дружескихъ рѣчей».

Изъ нашего общества иные тоже были бы непрочь выпить, особенно весною на солнышкѣ. Но пировать съ филистимлянами была не подходящая статья. По отношенію къ мѣстнымъ филистимлянамъ наше общество дѣлилось на три партіи. Крайніе лѣвые держались замкнуто и непримиримо. Легкомысленная часть держалась болѣе примирительно и даже не гнушалась филистимскаго хлѣба-соли. Центръ колебался между той и другой тактикой. Весною впрочемъ всѣ партіи мѣшались. Люди соединялись въ случайныя группы, бродили по городу 48 часовъ кряду, потомъ падали отъ усталости и засыпали на цѣлыя сутки.

Это было четырнадцатаго мая утромъ. Мы побывали на рѣчномъ берегу, потомъ взобрались на косогоръ и пошли по узкой дорожкѣ мимо кладбища и церкви. Это была единственная полоска городской земли, пригодная для прогулокъ. По обѣ стороны ея были кочки, лужи воды, корявый кустарникъ, пни и прочіе тому подобные предметы мѣстной городской жизни.

Насъ было человѣкъ десять. Были мои близкіе пріятели, Гримбергъ и Скальскій. Гримбергъ былъ родомъ еврей, плотный и черный, похожій на негра. Онъ былъ человѣкъ удалый и страшный спорщикъ. Въ этомъ человѣкѣ сидѣли двѣ души, одна—воина, другая—казуиста. Первая толкала Гримберга на головоломныя дѣла. По поводу второй мы говорили, что Гримбергъ любитъ положить въ фундаментъ инфузорію и построить на ней вавилонскую башню. Лѣтъ черезъ пять, когда Гримбергъ, наконецъ, вернулся въ Россію, обѣ стороны его духа нашли себѣ примѣненіе. Во-первыхъ онъ сталъ писателемъ экономистомъ и принялъ дѣятельное участіе въ

полемикѣ по поводу борьбы классовой, профессіональной и профессіонально-политической. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гримбергъ погрузился съ головой въ пропаганду и агитацію, велъ кружки, читалъ рефераты, ѣздилъ черезъ границу, сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Скальскій былъ высокій и бѣлокурый, съ холодной головой, сдержанный и страстный. Послѣ, въ Россіи, Скальскій сильно развернулся, а въ тюрьмѣ онъ сидитъ до сихъ поръ. Оба они, и Гримбергъ, и Скальскій, теперь принадлежатъ къ «меньшевикамъ».

Кромѣ этихъ двухъ былъ еще Полозовъ, донской казакъ, огромный и грузный, хотя всетаки меньше Сальникова, Илья Жигатовъ, тщедушный, злой и спокойный, Черноусовъ, печальный резонеръ, Крафтъ, Мартеніусъ и другіе.

У церкви дорожка расширялась и переходила въ площадку. На площадкѣ было сборище. Это Сальниковъ и К° пировали на открытомъ воздухѣ. Повидимому, они расположились на самой дорогѣ не безъ умысла. Это была какъ бы застава, для того, чтобы задерживать всѣхъ прохожихъ и привлекать ихъ къ участію въ пиршествѣ.

Сальниковъ сидѣлъ въ центрѣ группы на опрокинутомъ боченкѣ, другой боченокъ стоялъ передъ нимъ въ видѣ стола. Оба эти боченка были пустые. Третій былъ наполовину полонъ спиртомъ. Въ одной изъ клепокъ его было круглое отверстіе, крѣпко заткнутое деревяной втулкой. Исправникъ сидѣлъ возлѣ Сальникова на связкѣ хвороста; другіе полицейскіе чины усѣлись прямо на землѣ. Кругомъ толпились казаки и мѣщане. Они попеременно смотрѣли на начальство и на боченокъ такими откровенными, наивно-вожделѣющими взглядами. На боченкѣ, изображавшемъ столъ, стоялъ большой мѣдный чайникъ, видимо налитый спиртомъ, и нѣсколько стакановъ и чайныхъ чашекъ.

Закуски не было видно, но поодаль горѣлъ костеръ. У костра примостился желѣзный треножникъ, а на треножникѣ стояла большая желѣзная сковорода.

Въ прибрежной водѣ были заметаны мелкія сѣти. Въ эти сѣти могли попасться развѣ щурята и окуни. На Колымѣ въ другое время такую мелочь не считаютъ даже за рыбу. Но теперь каждая такая рыбка имѣла тотчасъ же попасть на сковороду и превратиться въ жаркое.

Въ Россіи, какъ извѣстно, выпиваютъ, закусываютъ селедкой, потомъ вспоминаютъ, что рыба плаваетъ, и по этому поводу снова выпиваютъ. Здѣсь только выпивали, а рыба тѣмъ временемъ дѣйствительно плавала въ водѣ.

Свернуть съ дорожки было некуда. Мы пошли прямо на костеръ.

— Гуляете?—началъ Сальниковъ, поднимая къ намъ свое широкое лицо и любвеобильные глаза.

— Да!—отозвался Жигатовъ.—А вы, выпиваете?

— Да-а!—въ свою очередь вздохнулъ Сальниковъ.—Не хотите ли съ нами?

— По какому случаю пиръ?—спросилъ Жигатовъ. — Къ завтрему готовитесь?

— А завтра что?—невинно спросилъ Сальниковъ.

— Завтра годовщина коронаціи.

— Скажите,—воскликнулъ Сальниковъ,—а я забылъ!..

— Сохрани Богъ,—вырвалось у него при взглядѣ на наши нахмуренныя лица.—Мы такъ себѣ пьемъ... Выпейте съ нами за компанію...

Жигатовъ посмотрѣлъ на Полозова, потомъ на Гримберга. Гримбергъ неожиданно усмѣхнулся. Ему пришла въ голову блажная мысль.

— Знаете, Иванъ Дмитричъ,—сказалъ онъ.—Мы бы можетъ и выпили. Но намъ не совсѣмъ ловко пировать въ такой день. Развѣ, если условіе поставить.

— Какое условіе?—живо спросилъ Сальниковъ. — Я заранѣе согласенъ.

— Чтобъ этотъ праздникъ вышелъ, какъ антиправительственная манифестація.

— Манифестація!—воскликнулъ Сальниковъ,—отъ всего сердца.

Онъ такъ ударилъ по боченку кулакомъ, что всѣ стаканы звякнули, потомъ взялъ одинъ стаканъ и грузно поднялся на ноги.

— Слушайте, звѣри! (это относилось не къ намъ, а къ жителямъ, а можетъ быть также и къ собакамъ, стоявшимъ поодаль въ такомъ же напряженномъ ожиданіи).

— Сколько жертвъ было принесено во имя идеи. Эти жертвы не пропали даромъ. На алтарѣ пылаетъ пламя, вольное слово надъ міромъ гремитъ. Пью за русскую идею! Да здравствуетъ республика!

Онъ говорилъ совершенно искренно. Быть можетъ, онъ даже забылъ, что онъ казенный совѣтникъ, и думалъ въ эту минуту, что онъ студентъ среди студентовъ, ссыльный среди ссыльныхъ, жертва, пострадавшая за „русскую идею“.

— Да здравствуетъ республика!—дружно отозвался нашъ хоръ.

— Ура!—подхватили казаки,—публика!..

Началось нѣчто гомерическое, тройной крѣпости, какъ спиртъ, стоявшій предъ нами въ чайникѣ и боченкѣ. Сальниковъ обнимался съ Гримбергомъ, Жигатовъ съ исправникомъ. Потомъ Сальниковъ и Полозовъ пробовали поднимать другъ друга на поясахъ. Скальскій плясалъ русскую вмѣстѣ съ маленькимъ смѣшнымъ старичкомъ изъ отставныхъ казаковъ.

Старичка по уличному звали Гагарой за кривыя ноги и пронзительный голосъ. Гагара плясалъ плохо, кривыя ноги путались и заплетались.

Скальскій ухалъ и вскрикивалъ: — Вы, мертвые, дѣлай! и его холодное лицо странно противорѣчило этому буйному веселью.

Изъ дальнѣйшаго мнѣ памятны только отдѣльные эпизоды.

Гримбергъ и Сальниковъ сидятъ рядомъ на землѣ. Гримбергъ глядитъ на костеръ. Костеръ весь пылаетъ. Сковорода стоитъ уже не на треножникѣ, и прямо на пылающихъ вѣткахъ.

Казаки, наконецъ, поймали щуку. Ее сейчасъ будутъ жарить.

— Это огонь!—говоритъ Гримбергъ.

— На алтарѣ пылаетъ пламя—отвѣчаетъ Сальниковъ.

— Пылаетъ, - соглашается Гримбергъ. — Костеръ пылаетъ. Это я понимаю.

— Живетъ, пылаетъ, а мы что?.. Мы прозябаемъ въ этомъ холодномъ гробу...

— Я хочу сообщиться съ этимъ огнемъ, — внезапно вскрикиваетъ онъ и вскакиваетъ на ноги и подбѣгаетъ къ костру. Къ нашему величайшему изумленію онъ поднимаетъ полы и садится прямо на сковороду.

Мы тоже вскакиваемъ и успѣваемъ сдернуть его съ костра. Онъ не потерпѣлъ особаго ущерба.

— Сидите смирно!—увѣщеваетъ его Сальниковъ,—экая горячка!.. Огонь душевный ярче, огонь внутренній.

Но Гримбергъ не слушаетъ.—Я хочу сгорѣть — упорно повторяетъ онъ,—испепелиться, по вѣтру развѣяться.

Улучивъ минуту, онъ вскакиваетъ и опять бросается на костеръ.

— Отстань,—кричитъ онъ мнѣ свирѣпо,—каменное сердце!..

Жигатовъ и исправникъ стоятъ другъ противъ друга.

— Давай, выпьемъ на брудершафтъ!—предлагаетъ исправникъ.

— Отстань!

— А какая это у васъ трубка, — переводитъ исправникъ разговоръ на другую тему.—Новенькая? Покажите.

— Глиняная,—отрывисто отзывается Жигатовъ,—не про вашу честь.

Лицо исправника принимаетъ упрямое выраженіе. Внезапнымъ движеніемъ онъ вырываетъ у Жигатова трубку изо рта и бросаетъ ее далеко въ сторону.

Глаза Жигатова вспыхиваютъ злымъ огнемъ. Онъ протягиваетъ руку, срываетъ съ исправника шапку и бросаетъ ее вслѣдъ за трубкой.

Лицо исправника темнѣетъ.

— Ты чего?—ворчитъ онъ.—Я тебѣ могу въ морду дать..

— А я тебѣ въ другую!

— Ха ха ха!—краткая вспышка полицейской злобы кончается смѣхомъ.—Сергѣй, подними шапку!..

Молодой казакъ, деньщикъ исправника, молча и проворно приноситъ начальственную шапку.

— Трубку подними!—приказываетъ Жигатовъ.

— Не смѣй!—кричитъ исправникъ. Сергѣй безпомощно разводитъ руками.

— Егорша, подними трубку!

Егорша—городской нищій. Такихъ нищихъ двое. Оба зовутся Егорши. Одинъ—Егорша Худой, другой—Егорша Тунгусъ. Оба они тутъ и оба кормятся подачками изъ нашей столовой.

Егорша Тунгусъ поднимаетъ трубку и приноситъ Жигатову.

Теперь очередь исправника разводить руками.—Тутъ я ничего не могу подѣлать!—говоритъ онъ.—Это ваши люди.

Сальниковъ и Черноусовъ сидятъ рядомъ на землѣ. Черноусовъ странный человѣкъ. Молодецъ, прекрасный работникъ, мастеръ на всѣ руки, съ виду веселый и даже разговорчивый, но въ сущности безнадежно-грустный. Когда онъ выпьетъ, эта грусть выходитъ наружу. Въ душѣ его есть что-то надломленное. Лѣтъ черезъ пять Черноусовъ перебрался въ Иркутскъ и тамъ въ два года внезапно состарился, посѣдѣлъ и даже одряхлѣлъ. Теперь, онъ, кажется, умеръ.

— Я былъ человѣкъ вольный,—говоритъ Черноусовъ,—а теперь я арестантъ.

„Прилетали къ соловью два сокола,

заводитъ онъ пріятнымъ и протяжнымъ голосомъ,

„Взяли, взяли соловья къ себѣ домой,
„Посадили его въ клѣточку,
„За серебряну рѣшеточку“.

Онъ поетъ, какъ плачетъ, но лицо его спокойно.

— Не плачьте!—говоритъ Сальниковъ и плачетъ самъ. Слезы катятся градомъ по его лицу.

— Я цѣню вашу муку!—говоритъ онъ.—Дайте пожать вашу мужественную руку.

— Будьте вы прокляты!—отзывается Черноусовъ.

— Ужъ ты пой, воспѣвай, соловей,
При кручинѣ утѣшай насъ молодцовъ...

— Гринбергъ измѣнилъ направленіе своихъ мыслей и отъ огня перешелъ къ водѣ. Только что онъ изображалъ Жанну д'Аркъ, теперь перешелъ на роль Офеліи. Онъ бродитъ по поясъ въ ледяной заберегѣ. Я хожу по песку у самой воды и стараюсь выманить его на берегъ, какъ русалку. Я помню, что у него больная нога, и это приключеніе можетъ кончиться для него печально. Но онъ упорствуетъ.

— Ура!—кричитъ онъ,—сейчасъ ледъ тронется. Я уплыву вмѣстѣ съ полой водой...—На волю изъ душнаго плѣна, на волю, на буйную волю...

Дальше мои воспоминанія прерываются. Знаю только, что мы трое съ Гринбергомъ и Скальскимъ очутились въ нашей общественной библіотекѣ, занимавшей отдѣльную избу. Изба эта была заперта висячимъ замкомъ, ключъ отъ замка лежалъ у Гринберга въ карманѣ.

Мы забрались внутрь, заснули на полу и проснулись на другой день послѣ полудня и съ тяжелой головой. Но страннѣе всего было то, что дверь оказалась по прежнему заперта на замокъ и ключъ лежалъ у Гринберга въ карманѣ.

Бр!.. Скверно!..

Наше празднованіе въ сущности было преждевременно. Коронацію слѣдовало праздновать только на слѣдующее утро. Въ должный часъ городской протоіерей отецъ Алексѣй явился въ церковь служить молебенъ. Въ церкви никого не было. Только двѣ старухи стояли у стѣны, да еще подсудимый командиръ, котораго Сальниковъ почему то не взлюбилъ и не принималъ его къ себѣ. Сальниковъ утверждалъ, что отъ командира дурно пахнетъ.

Отецъ Алексѣй тоже былъ въ своемъ родѣ достоинъ примѣчанія. Это былъ маленькій попикъ, круглый, колючій, съ хмурымъ лицомъ и непріятнымъ смѣхомъ. У отца Алексѣя было семейное горе. Его попадья открыто для всего города жила съ помощникомъ исправника. Въ Колымскѣ господствуютъ нравы совершенно содомскіе.—У насъ вода такая!—говорятъ жители въ объясненіе и спокойно переходятъ всѣ границы приличія. Отецъ Алексѣй тѣмъ не менѣе долго не зналъ о своемъ несчастіи, но когда наконецъ узналъ, то ничего не сказалъ и не сдѣлалъ, только сталъ скучать и задумываться. Мало-по-малу онъ совсѣмъ повихнулся и наконецъ въ одинъ праздничный день послѣ службы онъ вышелъ на амвонъ и возгласилъ: Православные христіане, выслушайте мою проповѣдь! Ти-ни-ни!..

Въ церкви произошло смятеніе. Отецъ Алексѣй ушелъ изъ церкви, пересталъ служить и скоро умеръ.

Но теперь отцу Алексѣю было не до проповѣди.

— Гдѣ люди?—спрашивалъ онъ яростнымъ голосомъ.

— Спятъ--объяснилъ командиръ.—Только сейчасъ легли.

— А начальство гдѣ?

— Тоже спятъ!—сказалъ командиръ,—всю ночь съ политическими пьянствовали, а насъ съ вами не звали.

Не долго думая, отецъ Алексѣй принялъ драматическую позу и провозгласилъ анафему «граду сему и жителямъ его и правителямъ его», затѣмъ демонстративно отряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ и ушелъ изъ церкви.

Вечеромъ Сальникову доложили объ анафемѣ. Онъ разсвирѣпѣлъ, тутъ же взялъ листъ бумаги и сталъ строчить:

— Сего числа городской протоіерей отецъ Алексѣй Трифоновъ, придя въ церковь въ возбужденномъ видѣ, вмѣсто установленнаго молебна произнесъ хульныя слова, о чемъ почтительнѣйше доношу вашему преосвященству, и прочая и прочая.

Изъ всего этого дѣла ничего не вышло. Во-первыхъ, отецъ Алексѣй и подсудимый командиръ написали по встрѣчному доносу. А во-вторыхъ, почта ушла только черезъ два мѣсяца и неизвѣстно, были ли доносы дѣйствительно отправлены въ Якутскъ. Почту задѣлывалъ Сальниковъ и онъ могъ уничтожить всѣ три доноса.

Такъ мы отпраздновали коронацію въ 1893 году.

Лѣтомъ, какъ сказано выше, Сальниковъ отправился въ Гижигу, а осенью вернулся обратно. Въ январѣ мѣсяцѣ онъ вернулся въ Якутскъ, и въ числѣ прочихъ рапортовъ представилъ также соображенія о нашемъ обузданіи.

Плодомъ этихъ соображеній поздней весной 1894 года, ровно черезъ годъ послѣ описаннаго мною праздника, исправникъ получилъ секретный циркуляръ о томъ, чтобы по возможности обуздать наше право разъѣздовъ по Колымскимъ пустынямъ.

Мы впрочемъ прочли этотъ циркуляръ раньше исправника. Почта по обыкновенію пришла въ растерзанномъ видѣ. Оболочки пакетовъ истерлись въ труху. Газетные номера, казенныя бумаги и частныя письма перемѣшались въ одну общую груду. Разобрать эту груду, какъ слѣдуетъ, могли только мы, ссыльные. Мы перетряхали Правительственный Вѣстникъ и Сенатскія Вѣдомости номеръ за номеромъ, вылавливали оттуда письма и казенныя предписанія и раскладывали все это по именамъ и категоріямъ. Скальскій отличался особеннымъ искусствомъ въ этой области. Иное имя онъ опредѣлялъ по единственной уцѣлѣвшей буквѣ, подобно тому какъ Кювье по единственному зубу опредѣлялъ породу ископаемаго животнаго.

Поэтому мы первые прочли секретный циркуляръ, но прочитавъ передали его исправнику. Онъ тоже прочелъ, ничего не сказалъ, и спряталъ циркуляръ въ столъ.

Не знаю, что онъ отвѣтилъ въ Якутскъ «генералу Скрыпицыну». Поздней осенью пришло извѣстіе поважнѣе этого циркуляра. О нашей Колымѣ лучше сказать: не осенью, а раннею зимою, ибо рѣка стала уже въ двадцатыхъ числахъ сентября.

Была темная ночь съ морозомъ и вьюгой. Мы съ Скальскимъ шли по той же городской тропинкѣ, направляясь домой. Внезапно мимо насъ промчался верховой и повернулъ къ полицейскому дому.

— Нарочный изъ Якутска,—мелькнуло у насъ въ головѣ. Въ такое время такъ скакать могъ только нарочный.

— Кто умеръ?—крикнулъ я въ догонку всаднику. Спѣшные нарочные присылались только въ случаѣ смерти высокопоставленныхъ особъ.

— Царь умеръ,—донеслось спереди.

— Гдѣ убили?—крикнулъ Скальскій на весь городъ. По старой памяти 1881 года намъ показалось, что мартовская трагедія повторилась.

— Самъ умеръ,—глухо донеслось изъ темноты.

Эта смерть произошла естественнымъ путемъ.

На другой день вьюга утихла. Въ ясномъ небѣ взошло зимнее солнце. У насъ на душѣ тоже было свѣтлѣе. Жандармскіе генералы и полковники, отправляя насъ въ ссылку, все разсчитали, только не разсчитали смерти. Тринадцатилѣтній кошмаръ кончился для насъ и для всей Россіи. Начиналась эпоха безсмысленныхъ мечтаній. Правда, мы досидѣли до конца срокъ своей ссыльной неволи,

но мы смотрѣли впередъ и души наши были свободны. Ибо кто чувствуетъ себя свободнымъ, тотъ уже свободенъ.

Еще Мирабо сказалъ: «Враги ваши кажутся вамъ великими, потому что вы стоите на колѣняхъ. Встаньте съ колѣнъ!..»

Нынѣ колѣнопреклоненная Россія стала вставать на ноги. Скоро она поднимется во весь свой огромный ростъ.

Танъ.

Самодержавіе Николая I-го и французское общественное мнѣніе.

(*Окончаніе*[1]).

VI.

Книга Кюстина, являющаяся лишь собраніемъ путевыхъ набросковъ, впечатлѣній и размышленій изъ области политической философіи,—возбудила чрезвычайно большой интересъ не только во Франціи, но и въ Англіи, и даже въ Германіи (тамъ, гдѣ цензура ее пропустила). Не только искренность тона, живость изложенія была тому причиною: Кюстинъ первый, въ сущности, заставилъ европейскую публику вспомнить, что Николай царствуетъ не только надъ поляками; что въ Россіи страдаютъ и русскіе; что есть не только «польскіе ужасы», но и «русскіе ужасы». Отсутствіе явнаго протеста въ Россіи заслоняло весьма сильно этотъ фактъ отъ глазъ европейскаго общества. Кюстинъ попробовалъ разогнать этотъ туманъ,—и показать самодержавіе en chair et os, какъ и чѣмъ оно живетъ на самомъ дѣлѣ,—а не въ изображеніи казенныхъ хвалителей.

Интересъ къ Россіи замѣтно оживился, и въ 1844 году вышла въ Англіи, а въ 1845 году была переведена на французскій языкъ начальникомъ отдѣленія французскаго министерства торговли — Ноблэ—трехтомная книга о Россіи и Николаѣ [2]). Переводчикъ прямо ставитъ въ связь появленіе и переводъ этой книги съ интересомъ, возбужденнымъ книгою Кюстина въ Англіи и Франціи. И, дѣйствительно, авторъ неоднократно ссылается на Кюстина, показанія котораго онъ обильно дополняетъ и подтверждаетъ своими собственными, хотя отмѣчаетъ нѣсколько неточностей въ разсказѣ Кюстина (въ тѣхъ частяхъ книги послѣдняго, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ нашей темѣ и поэтому не были нами затронуты).

Въ книгѣ видны, дѣйствительно, признаки долгаго пребыванія

---

[1]) См. „Былое“ сентябрь.

[2]) Révélations sur la Russie ou l'empereur Nicolas et son empire en 1844, par un résident anglais. Ouvrage traduit de l'anglais par M. Noblet et annoté par M. Cyprien Robert. vols: I—III. Paris, 1845.

въ Россіи и внимательныхъ наблюденій надъ русскою жизнью. И предъ читателемъ—абсолютизмъ выступаетъ въ какихъ то апокалиптическихъ формахъ—проклятія, тяготѣющаго надъ милліонами одичалыхъ, несчастныхъ, униженныхъ рабовъ, не смѣющихъ даже жаловаться на свою участь. Авторъ настаиваетъ, что *нельзя* сравнить «несчастій шестидесяти милліоновъ русскихъ подданныхъ» съ несчастнымъ положеніемъ какого бы то ни было класса, напр., въ Англіи: онъ горячо доказываетъ, что русскій деспотизмъ сотворилъ для своихъ жертвъ такой адъ, который стоитъ *внѣ* всякихъ европейскихъ сравненій. Безпощадность режима, холодная и всегда одинаковая, рельефно оттѣняется авторомъ: «впродолженіе девятнадцати лѣтъ его царствованія всего 7 человѣкъ были приговорены къ смерти, что не мѣшаетъ тому, что, въ дѣйствительности, отъ руки палача въ его царствованіе погибло, вѣроятно, больше, нежели во всѣ остальныя царствованія вмѣстѣ. Правда, уже не рубятъ головъ, не сажаютъ на колъ, какъ прежде, не привѣшиваютъ на желѣзный крюкъ; но цѣлыми отрядами польскихъ плѣнниковъ сѣкли до тѣхъ поръ, пока не наступала смерть. За политическіе проступки (онъ имѣетъ тутъ ввиду бунтъ военныхъ поселеній, а также «увѣщаніе» уніатовъ) тысячи людей подвергаются наказанію кнутомъ или плетью, которые обрываютъ мускулы и обнажаютъ кости отъ мяса длинными полосами; они умираютъ день или два спустя или, если временно остаются живы, то погибаютъ еще до прибытія въ Сибирь, куда ихъ немедленно посылаютъ. Расправы эти съ врагами онъ считаетъ болѣе жестокими, чѣмъ расправы Бирона. И такъ какъ этотъ режимъ пользуется неслыханными въ былые вѣка средствами угнетенія, то нашъ авторъ полагаетъ, что онъ осуществляетъ то, о чемъ Неронъ римскій могъ лишь мечтать. «Россію», пишетъ нашъ авторъ, «можно назвать страною лжи по преимуществу. Главное дѣло для управляемыхъ состоитъ въ томъ, чтобы обманывать агентовъ правительства; для агентовъ правительства—въ томъ, чтобы обманывать императора; для императора—въ томъ, чтобы одной части народа внушить вѣрованіе въ своемъ (Николая) небесномъ избранничествѣ и что онъ—есть представитель Бога на землѣ, живое Провидѣніе,—а другой части народа внушить идею, что онъ человѣкъ рока, противъ счастья и власти котораго всякое сопротивленіе было бы тщетно». Воззрѣніе на внутреннюю политику правительства необычайно пессимистично: «Николай не улучшаетъ,—онъ съ каждымъ днемъ ухудшаетъ положеніе человѣка въ своемъ государствѣ». Въ искреннія намѣренія царя по части борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, коренною язвою русской жизни, авторъ не вѣритъ: «Императоръ, самый крупный собственникъ во всей имперіи,—аболиціонистъ по отношенію къ рабамъ *другихъ* собственниковъ». Авторъ не находитъ страннымъ, что всякія попытки улучшить положеніе вещей въ Россіи—остаются на бумагѣ: онѣ почти всегда затрагиваютъ, по существу дѣла, «сложные интересы» самодержавія, а поэтому и ничѣмъ не кончаются, ибо царь—всемогущъ.

Особая глава посвящена главному орудію деспотизма: политической полиціи. Авторъ отмѣчаетъ культъ шпіонства въ Россіи. Только за высшія заслуги, за громкіе подвиги даютъ почетное добавленіе къ фамиліи: и вотъ, рядомъ съ Дибичемъ-Забалканскимъ и Паскевичемъ-Эриванскимъ,—вниманіе читателя обращается на Шервуда-*Вѣрнаго*, получившаго это названіе за предательство и шпіонство. Много говорится объ «арміяхъ шпіоновъ», о колоссальныхъ денежныхъ средствахъ, о безграничныхъ полномочіяхъ, которыми располагаетъ начальникъ 3-го отдѣленія. Тутъ же, какъ водится, прибавлены фантастическіе разсказы о чудесахъ, совершаемыхъ 3-мъ отдѣленіемъ съ людьми, которые кажутся ему «опасными». Правда, вмѣсто выдумокъ о дамѣ, взятой съ бала и проведшей четырнадцать лѣтъ въ Сибири безъ объясненія причинъ и т. п., авторъ смѣло могъ бы разсказать много ничѣмъ не уступающихъ дѣйствительныхъ фактовъ въ томъ же родѣ. *Оклеветать* третье отдѣленіе мудрено, ибо всякая клевета, въ концѣ концовъ, сбивается на *смѣшеніе* истины и кажется не клеветою, а апологіею.

Авторъ категорически, изъ вѣрнаго источника, сообщаетъ, что за границею русское шпіонство процвѣтаетъ: въ одномъ Парижѣ шпіоновъ, слѣдящихъ за пребывающими тамъ русскими,—сто пятьдесятъ человѣкъ. Много говоритъ онъ о вымогательствахъ, которыя пускаетъ въ ходъ 3-е отдѣленіе относительно богатыхъ людей; еще больше говоритъ онъ о продажности и гнусности общей полиціи. (Между прочимъ разсказано о преступленіи петербургскаго будочника, убивавшаго и грабившаго людей; по словамъ автора, это дѣло «получило необычную огласку». Вѣроятно, рѣчь идетъ о томъ самомъ дѣлѣ, *за разговоръ* о которомъ Герцена Николай сослалъ въ Новгородъ).

О личной храбрости Николая авторъ мнѣнія не столь опредѣленнаго, какъ другіе писатели. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, будто и 14-го декабря, и въ польскую войну царь держался внѣ сферы огня. Вообще же онъ признаетъ природный эгоизмъ одною изъ коренныхъ чертъ его характера, обусловливающихъ многіе его поступки и общее направленіе его политики. Во всякомъ случаѣ онъ не видитъ ничего, что бы Николай принесъ въ жертву для блага народа. Даже о правосудіи въ судебныхъ дѣлахъ, онъ заботится будто бы постолько, посколько онъ не заинтересованъ въ томъ или иномъ исходѣ дѣла. «Всѣ его заботы, *когда его фамильные интересы это позволяютъ*,— направлены, къ улучшенію матеріальнаго состоянія его народа»,—замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. «Суровость и мстительность», отсутствіе милосердія—считаетъ онъ также характерными свойствами Николая.

Мы оттого остановились на этомъ французскомъ переводѣ англійской работы,—что эти «Révélations» вмѣстѣ съ книгою Кюстина оказали очень замѣтное, вполнѣ ясно опредѣлимое вліяніе на сформированіе во Франціи мнѣнія о николаевскомъ режимѣ, о характерѣ этого режима не только въ Польшѣ, но и въ коренной

Россіи. О книгахъ же Н. Тургенева [1]) и Ивана Головина [2]) мы, конечно, въ предлагаемой статьѣ говорить не имѣемъ никакого основанія: эти книги не только написаны не французами, но и сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на французскую литературу о николаевской Россіи—не оказали.

VII.

Конецъ царствованія Луи-Филиппа не отмѣченъ во Франціи особеннымъ интересомъ къ Николаю и Россіи. Даже стоны Польши стали доноситься все глуше и производили уже меньшее впечатлѣніе.

Легкая салонная болтовня Меримэ [3]) не можетъ идти (по содержательности и по оказанному ею вліянію) въ сравненіе съ книгою Кюстина, но, конечно, имя автора не могло не привлечь читателей. Авторъ ко всему относится съ легкою игривостью, шуткою и беззаботною ироніей; къ русскому правительству, впрочемъ, онъ сохраняетъ отношеніе полной независимости. Въ предисловіи онъ шутливо жалуется (явно намекая на ярость вызванную въ Петербургѣ книгою Кюстина), что, вотъ, прежде лучше было разсказывать о путешествіяхъ, нежели въ новое время. Такъ, Шарэнъ описалъ политику шаха персидскаго, Марко-Поло разоблачилъ великаго могола,—и «это не смущало ни въ чемъ пищеваренія этихъ высокихъ величествъ»,—а въ новое время того и гляди такого разсказчика уже никогда въ страну вторично не пустятъ. Теперь «они слушаютъ голосъ прессы и боятся его: они освѣдомляются о новомъ произведеніи печати и, если заглавіе возбуждаетъ ихъ тревогу, они его пробѣгаютъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ, которое охватываетъ актера при видѣ фельетона». Точка зрѣнія Меримэ такова. Человѣку, пріѣхавшему въ Россію, приходится жить въ тяжелой атмосферѣ, отъ которой онъ задыхается,—но нужно «предоставить Россіи устраиваться какъ ей угодно и быть счастливою по своему»,- и не слѣдуетъ мѣшаться со своею критикою. Иначе Россія можетъ иностранцу отвѣтить какъ одна женщина въ комедіи: «Зачѣмъ вы вмѣшиваетесь? Мнѣ нравится быть битою» (стр. XII). Въ Россіи Меримэ «не ненавидитъ абсолютное правительство», по крайней мѣрѣ относится къ нему «какъ благосклонный зритель»; *любитъ*-же онъ въ Россіи «свѣжую икру». Такова его profession de foi.

Вся книжка написана въ подобномъ тонѣ, въ тонѣ болтающаго и порхающаго легкомыслія. Нашего туриста больше занимаетъ бытъ и пейзажи, нежели политика и соціальныя особенности. И его больше, нежели кого-либо, сбиваетъ съ толку молчаніе, отсут-

[1]) La Russie et les russes (3 vols) 1847.
[2]) La Russie sous Nicolas I (1845).
[3]) Une année en Russie, lettres á M. Saint-Marc Girardin par Henri Merimée. Paris 1847.

ствіе слышнаго протеста, и встрѣчая что-либо возмутительное, онъ, по собственному признанію, склоненъ думать, что, можетъ быть, для Россіи тутъ ничего возмутительнаго нѣтъ. Онъ—большой любитель русскаго языка, но читать нечего: газеты въ Петербургѣ—тоже самое, говоритъ онъ, что была Gazette de France при Людовикѣ XIV, —т. е. собраніе казенныхъ сообщеній, приказовъ и т. п.; литераторамъ позволяютъ только браниться между собою. Слова «республика, хартія, конституція» такъ преслѣдуются цензурою, что по мнѣнію Меримэ не одинъ честный гражданинъ Кіева или Владиміра можетъ умереть со счастливою мыслью, что на вашингтонскомъ тронѣ сидитъ монархъ божьею милостью. Вообще русскія газеты сдѣланы столь спокойными, что даже чтеніе ихъ можно рекомендовать для успокоенія нервовъ. Русскую исторію онъ называетъ мартирологомъ, но, опять таки, убѣжденъ почему-то, что «угнетеніе и пытки» Россія переносила съ охотою, съ увлеченіемъ. И онъ глубоко убѣжденъ, что Россія не только обожала, но и продолжаетъ обожать абсолютную власть (стр. 83). «Казарма господствуетъ здѣсь надъ всѣмъ соціальнымъ строемъ, пишетъ онъ (стр. 93),—но и это съ согласія «Россіи», ибо она имѣетъ настроеніе «вродѣ древняго Рима». Этотъ методъ разсужденія примиряетъ нашего автора со всѣмъ, что онъ видитъ въ Россіи. Но тамъ и сямъ проскальзываетъ въ немъ пониманіе объективнаго значенія самодержавія для страны, которая имъ пользуется; такъ, онъ «дрожитъ», когда слышитъ, какъ иногда русскіе, наиболѣе просвѣщенные, говорятъ спокойно о тѣхъ или иныхъ хотя бы частичныхъ перемѣнахъ; онъ пугается этого спокойствія, «ибо Богъ знаетъ, что останется цѣлымъ, разъ уже приблизятъ молотъ къ этому зданію, которое имѣетъ новый фасадъ и проѣденный червями корпусъ». И тутъ же, какъ бы забывая объ этомъ, Меримэ продолжаетъ восхищаться военною мощью Россіи, ея величіемъ и вліяніемъ на міръ,—и настаивать, что слава и могущество дѣлаютъ русскихъ подданыхъ счастливыми... „Фасадъ“ николаевскаго строя, очевидно, обладалъ способностью гипнотизировать даже людей, разгадавшихъ, что за нимъ скрывается!

Иногда случалось Меримэ слышать и кое-какія жалобы (къ сожалѣнію, онъ не говоритъ объ этомъ точнѣе), но, повидимому, и онѣ не разубѣдили его въ правдивости основного его воззрѣнія,—что нечего подданныхъ Николая жалѣть, если они сами себя не жалѣютъ...

Нѣсколько оживилась вражда къ Николаю въ свободомыслящей прессѣ подъ вліяніемъ извѣстій объ участи Кракова. На этотъ разъ вражда подогрѣвалась и раздраженіемъ французской дипломатіи, не скрывавшей своего протеста предъ поступкомъ восточныхъ державъ. Сразу умолкли тѣ и безъ того немногіе голоса, которые говорили

о возможности лучшихъ отношеній между Россіей и Франціей [1]).

Если уничтоженіе краковской республики при дѣятельномъ участіи Николая подняло противъ него во французской оппозиціонной прессѣ бурю негодованія,—зато подобно тому, какъ послѣ нападеній Кюстина нашелся у Николая безкорыстный защитникъ, въ лицѣ Николая Греча, случайно бродившаго въ парижскомъ пассажѣ, случайно купившаго книгу Кюстина, и случайно опубликовавшаго по поводу этой книги свое негодованіе,—такъ и теперь, въ 1847 г. не вытерпѣло ретивое у нѣкоего Онорэ Арнуля, и онъ мужественно выступилъ въ печати на защиту Николая Павловича. Главная тема его размышленій—это, конечно, Краковъ,—и онъ находитъ, что присоединеніе Кракова къ Австріи имѣетъ свои выгоды для поляковъ «съ религіозной точки зрѣнія»: [2]) поляки-католики и австрійцы—тоже католики; и вообще, гибель Кракова не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ стоило бы возмущаться. Дальше идутъ укоризненныя размышленія по тому поводу, что оппозиціонныя газеты, вообще, плохо и невѣрно судятъ о Николаѣ, обнаруживаютъ къ нему упорную вражду—и не видятъ, что необходимо стремиться къ франко-русскому союзу. «Мы громко заявляемъ, франко-русскій союзъ—есть единственный пріемлемый прочный и вѣрный», восклицаетъ Арнуль [3]). Николай любитъ французовъ: «посмотрите, не есть ли онъ *уже*—провидѣніе нашихъ ученыхъ, нашихъ артистовъ? Онъ поощряетъ искусства, вознаграждаетъ роскошно, по царски за полезныя открытія» и т. д. И, кромѣ того, за него говорятъ привлекательныя черты выбранныхъ имъ министровъ: «Выборъ министровъ обнаруживаетъ въ императорѣ Николаѣ глубокое знаніе людей и обстоятельствъ и превосходный тактъ». «Много-ли у насъ во Франціи государственныхъ людей», въ истинномъ вдохновеніи продолжаетъ авторъ: «которыхъ мы могли-бы противопоставить г-ну Нессельроде? или князю Ванильчикову? (такъ Арнуль называетъ Васильчикова). Много ли у насъ безкорыстныхъ, способныхъ

[1]) Укажемъ кстати на самое достопримѣчательное изъ такихъ немногихъ примирительныхъ писаній, появившихся въ сороковыхъ годахъ: на книгу „De la Russie et de la France, entretiens politiques par un inconnu (Paris, 1842).

Странное впечатлѣніе производитъ эта анонимная книга „О Россіи и Франціи". Авторъ—пропагандируетъ заключеніе франко-русскаго союза, причемъ во имя этого патріотическаго предпріятія относится къ самодержавію не только съ подобающею случаю учтивостью (какъ его соотечественники 50 лѣтъ спустя), но и съ нѣкоторымъ жаромъ. Въ этой книгѣ больше всего отражается тотъ престижъ военной силы самодержавія, который безспорно стоялъ тогда въ глазахъ публики необычайно высоко. Имѣя въ виду эту цѣль дипломатическаго сближенія „Неизвѣстный" пытается реабилитировать и русскій абсолютизмъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. Выходитъ, что русскіе обыватели страстно обожаютъ Николая, и что абсолютизмъ—наилучшій для Россіи образъ правленія. Авторъ горячо протестуетъ противъ того, чтобы Николая уподобляли „марокскому султану",—но фактовъ въ пользу русскаго самодержавія не представляетъ никакихъ, а расплывается въ водянистыхъ размышленіяхъ о царизмѣ, какъ возможномъ орудіи цивилизаціи въ Россіи.

[2]) La vérité sur l'empereur Nicolas et les journaux français. Par Honoré Arnoul. (Paris, 1847), стр. 13-я.

[3]) Ibid, стр. 27.

и преданныхъ администраторовъ, какъ графъ Вронченко, министръ финансовъ? какъ г. Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія? и вы называете варваромъ такого монарха!» Брошюрка кончается совѣтомъ французской журналистикѣ не увлекаться «сплетнями» и «очерненіемъ» россійскаго императора. — Объ этомъ голословномъ и трескучемъ наборѣ фразъ, озаглавленномъ столь кричащимъ образомъ («Правда объ императорѣ Николаѣ и французскія газеты»), мы упомянули больше затѣмъ, чтобы показать, въ какое затруднительное положеніе попадали неумѣлые защитники Николая Павловича, когда имъ нужно было coûte que coûte измыслить факты въ пользу своего тезиса: Арнуль, напримѣръ, искренно повидимому полагаетъ, что оказываетъ Николаю Павловичу цѣнную услугу, освѣщая его блескомъ лучей, исходящихъ отъ Вронченки, Васильчикова, Нессельроде и Уварова: другихъ фактическихъ указаній— въ его брошюрѣ никакихъ нѣтъ,—этотъ «выборъ министровъ»— гвоздь защиты царя отъ хулителей.

Подводя итоги всему сказанному, мы можемъ отмѣтить, что литература о Николаѣ I довольно отчетливо освѣтила предъ французскою публикою то, что старались скрыть оффиціальныя, дипломатическія недомолвки: уже *до* 1848—49 гг.—Николай предсталъ предъ Франціей какъ смертельный, неутомимый и неумолимый врагъ свободы и правъ гражданина не только въ раздавленной Польшѣ, но и въ Россіи, во имя якобы «величія» которой работали Нессельроде и Паскевичи. Общественное мнѣніе было вполнѣ подготовлено къ тому, что самодержавіе всегда вмѣшается всюду, гдѣ возможно будетъ поддержать чужое рабство. Кризисъ 1848—49 гг. принесшій русско-венгерскую войну,—уже не далъ ничего новаго для характеристики Николая I: венгерскій походъ былъ лишь логическимъ выводомъ изъ всего, что къ этому времени уже знали о царѣ французы.

VIII.

Во время общеевропейскаго кризиса 1848—49 гг., особенно-же съ весны 1849 года, когда Николай сталъ обнаруживать явныя намѣренія вмѣшаться въ европейскія дѣла и послать армію въ Венгрію,—грозное значеніе для Европы русскаго самодержавія ярко предстало предъ общественнымъ сознаніемъ. Достаточно просмотрѣть такія умѣренныя, и отчасти, реакціонныя газеты, какъ «Temps» и «Journal des Debats» за первые мѣсяцы 1849 года, чтобъ оцѣнить то раздраженіе, смѣшанное съ живѣйшимъ безпокойствомъ, которое внушалъ Николай французскимъ руководящимъ буржуазнымъ кругамъ своею надменною политикою и явнымъ желаніемъ властно вліять на судьбы Европы. Венгерская же кампанія 1849 года только усилила эти чувства. За эпоху 1848—49 гг. сначала европейскіе троны, а потомъ сама революція по очереди оказывались безсильными и побѣжденными, и одна только сила—сила русскаго царя оставалась въ полномъ обладаніи всегдашняго престижа. Это-

то особенно пугало и безпокоило. И кромѣ того, даже Турцію считали [1]) болѣе близкою къ духу вѣка и къ гуманности, нежели петербургское правительство, которое только тѣмъ и отозвалось на современныя движенія, что грозило залить ихъ кровью русскихъ солдатъ. Безпокойство это особенно усиливалось тою, часто подчеркиваемою мыслью, что въ самой Россіи ни на какія революціонныя потрясенія, которыя могли бы остановить поднятую руку Николая, надѣяться нѣтъ возможности. О дѣлѣ Буташевича-Петрашевскаго Европа узнала только то, что угодно было русскому правительству опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Тщетно искали мы во французскихъ газетахъ 1849—50 гг. какихъ-нибудь самостоятельныхъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ. Въ ежегодникѣ „Annuaire des deux Mondes", задавшемся цѣлью давать сводку важнѣйшимъ происшествіямъ въ разныхъ странахъ Европы, мы находимъ слѣдующія строки о петрашевцахъ [2]): «Было невозможно, чтобы революціонный кризисъ не подѣйствовалъ съ 1848 года на русское воображеніе, столь впечатлительное и столь живое. При абсолютномъ режимѣ проекты нововведеній, естественно, принимаютъ форму заговоровъ. На самомъ дѣлѣ, тайное общество образовалось въ Петербургѣ: съ какимъ положительнымъ намѣреніемъ? Неизвѣстно. Но несомнѣнно, съ общей и смутной мыслью дойти до насильственнаго дѣйствія противъ правительства, то есть противъ императорскихъ особъ: это характеръ, который принимаютъ естественно всѣ заговоры въ Россіи. Общество было открыто втеченіе 1849 года, и двадцать одинъ членъ ассоціаціи былъ присужденъ къ разстрѣлу». Въ примѣчаніи перечислены осужденные, а затѣмъ «Annuaire» продолжаетъ: «императоръ, ознакомившись съ рапортомъ аудиторіата, счелъ долгомъ смягчить наказаніе: но смягченіе совершилось въ драматическихъ формахъ, которыя нравятся абсолютнымъ правительствамъ и которыя свойственны также личному характеру императора. Двадцать одинъ осужденный были выведены на мѣсто казни, въ присутствіи войскъ, собранныхъ какъ бы для того, чтобы присутствовать при трагическомъ спектаклѣ. Тутъ, читаютъ приговоръ къ смерти, затѣмъ были сдѣланы всѣ приготовленія къ казни; наконецъ, въ послѣдній моментъ является адъютантъ, который объявляетъ арестантамъ, что императоръ ихъ помиловалъ. Взамѣнъ, они лишены всѣхъ гражданскихъ правъ и осуждены, сообразно со степенью виновности каждаго, одни—къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ или въ крѣпостяхъ, другіе къ зачисленію въ армію послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія. Это событіе было оффиціально объявлено манифестомъ, опубликованнымъ 6 января 1850 года. Такова была единственная стычка, которую имѣлъ царизмъ съ революціоннымъ духомъ внутри имперіи съ 1848 года. Какъ видятъ, этотъ заговоръ зародился въ мелкомъ служащемъ дворянствѣ и въ буржуазіи. Замѣтятъ также,

---

[1]) См. напр., «Temps», 7 Mai 1849.

[2]) Annuaire des deux Mondes. Année 1850 (Paris 1851), стр. 754.

что въ немъ участвовали только русскіе и не было поляковъ. Въ этомъ двойномъ отношеніи онъ былъ благоразумно разсчитанъ; но что отнимало у него всю его важность,—это то, что онъ былъ задуманъ въ европейскомъ революціонномъ духѣ; онъ вдохновлялся идеями, которыя обращались въ Германіи, въ Италіи, въ Венгріи,— безъ особеннаго безпокойства насчетъ того, созданы ли (эти идеи) для Россіи». Такъ же, какъ и здѣсь,—быль съ небылицею насчетъ петрашевцевъ была распространена всюду въ Европѣ, куда только, вообще, дошла вѣсть объ этомъ дѣлѣ. Но, конечно, не петрашевцы могли интересовать Европу въ этомъ страшномъ 1849 году. Усмиреніе Венгріи при помощи русскихъ войскъ наполнило негодованіемъ всѣхъ независимо мыслившихъ людей. Для какой-то надобности,—быть можетъ, для извѣстнаго воздѣйствія на слишкомъ уже взволнованное общественное мнѣніе Европы, «въ самыхъ высшихъ кругахъ» Россіи необычайно сурово и демонстративно порицали казни и издѣвательства, которыми австрійское правительство отмстило венграмъ послѣ побѣды русскихъ войскъ надъ возставшими. Едва-ли удалось этимъ маневромъ кого-нибудь обмануть, ибо одновременно русское правительство совмѣстно съ австрійскимъ задумало заставить султана выдать венгерскихъ и польскихъ инсургентовъ, бѣжавшихъ въ Турцію. Франція и Англія поддержали султана, и онъ рѣшительно отказалъ въ этомъ требованіи. Такъ, и пришлось ретироваться ни съ чѣмъ. Эта дипломатическая неудача вызвала во французскомъ обществѣ взрывъ злорадства... Настроеніе, такъ ярко впослѣдствіи сказавшееся въ 1854 году, уже явно давало себя чувствовать. Но страхъ, все болѣе усиливающійся, не покидалъ европейское общественное мнѣніе. Можно сказать, что со времени паденія Наполеона, съ 1814 года, сила Россіи никогда такъ высоко не цѣнились въ Европѣ, какъ въ 1849—51 гг. О тенденціяхъ же этой силы никто никогда и не заблуждался, особенно послѣ усмиренія Венгріи: «говорили, что царь со времени революцій этихъ послѣднихъ двухъ лѣтъ намѣренъ стать великимъ префектомъ полиціи Европы; да, префектомъ полиціи съ посохомъ и тіарою, такъ же, какъ со шпагою»,—читаемъ мы въ томъ же умѣренномъ и сдержанномъ «Ежегодникѣ», который уже цитировали. Та же оторопь предъ силою царизма сказывается и во всей французской прессѣ этихъ лѣтъ; въ прогрессивныхъ органахъ это чувство смѣшивается со злобою, въ реакціонныхъ и умѣренныхъ съ почтеніемъ и какъ будто съ завистью къ блаженному «порядку» въ Россіи, который обнаруживаетъ такую стойкость «Revue des deux Mondes», [1]) напр., все доискиваясь до причины непомѣрнаго, нигдѣ въ Европѣ не бывавшаго могущества монархической власти въ Россіи, находитъ, что «царизмъ имѣетъ двойной базисъ»,—а именно «религіозную власть» и «панславизмъ». Правительство русское, думаетъ журналъ, держится прежде всего страхомъ, а также «энтузіазмомъ», внушаемымъ своимъ подданнымъ. «Поддерживать въ

---

[1]) Revue des deux Mondes, 1850, 15 Mars, стр. 1102—1103.

сердцѣ подданныхъ этотъ духовный терроризмъ—вотъ постоянная забота русскаго правительства». Тутъ журналъ ссылается на Мицкевича, разсказывающаго, что Минихъ во время войны противъ турокъ отдалъ приказъ по войскамъ, *воспрещавшій* солдатамъ заболѣвать чумою подъ страхомъ быть за это погребенными заживо. И все это не препятствуетъ журналу относиться къ царизму съ робкимъ почтеніемъ: не надо, впрочемъ, забывать, что для буржуазіи, для правящихъ слоевъ тогдашней Франціи,—Франціи, пережившей іюньскіе дни и вступившей въ періодъ реакціи,—«префектъ полиціи», даже не фигуральный, а самый «настоящій» былъ желаннымъ героемъ дня. Отсюда—*почтеніе;* а ужъ *оторопь* — вслѣдствіе неизвѣстности, не захочетъ ли царизмъ, уничтожая революцію, за одно уже уничтожить и Европу?

Французская реакція, особенно усилившаяся къ концу второй республики, отразилась и на литературѣ о Россіи. Ненависть къ николаевскому режиму во имя свободолюбія *уже* перестаетъ сказываться, ненависть къ Николаю, какъ къ дипломатическому врагу Франціи и противнику возстановленія бонапартовской династіи *еще* не начинаетъ проявляться. Къ этому времени относятся кое-какія совершенно безцвѣтныя работы о Россіи, о которыхъ либо совсѣмъ не стоитъ упоминать, либо можно сказать нѣсколько словъ. Такова напр., книга Мармье [1]), вышедшая почему-то въ двухъ изданіяхъ, и являющаяся собраніемъ писемъ путешественника изъ Россіи. Географія, этнографія, исторія очень его занимаютъ и поглощаютъ большую часть работы. Есть кое-какія замѣчанія, указывающія, что передряга съ Кюстиномъ не прошла даромъ для французскихъ путешественниковъ: полицейскій генералъ, очаровательно принявшій Мармье, приставилъ къ нему шпіоновъ. Полиція носитъ въ Россіи форму зеленую—цвѣтъ надежды, и голубую — цвѣтъ небесной лазури, — замѣчаетъ Мармье, — и является эта полиція скрытымъ и всемогущимъ механизмомъ. «Человѣкъ, котораго вы двадцать разъ встрѣчали бродящимъ походкою фланера по проспекту или читающимъ съ весьма важнымъ видомъ газеты въ кафе Беранже» вдругъ можетъ явиться къ вамъ и потребовать вашего отъѣзда въ 24 часа. Но увы! Мармье констатируетъ, какъ и другіе путешественники, что полиція очень нѣжно относится къ ворамъ и мошенникамъ, лишь бы «они не дѣлали шума». Но, въ общемъ, Мармье совершенно повидимому безразличенъ къ „деспотизму", который, и по его заявленію, царитъ въ Россіи. Отсутствіе общественнаго протеста въ Россіи заставляетъ его не останавливаться на ужасахъ николаевщины въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ,—а о Польшѣ онъ говоритъ съ явнымъ состраданіемъ, и ужасается предъ тѣмъ желѣзнымъ игомъ, которое давитъ несчастную страну: разговоры съ поляками все-таки просвѣтили его отчасти, а разговоры съ русскими, попадавшимися ему въ Россіи, не могли не сбить его

[1]) Lettres sur la Russie, la Finlande et Pologne, par X. Marmier (Paris 1851).

съ толку; очевидно, онъ все встрѣчался съ «патріотами» узаконённаго образца, или съ людьми, видѣвшими въ немъ французскаго сотрудника Бенкендорфа и Дуббельта: ибо рисковано было тогда говорить не только о Николаѣ Павловичѣ, но даже о будочникѣ, *уличенномъ* въ Петербургѣ въ убійствѣ и грабежѣ.

IX.

Война 1853—55 гг. породила, вообще, довольно много книгъ и памфлетовъ о Россіи—либо справочнаго характера, либо враждебно-шовинистическаго. Особаго интереса и та, и другая группа печатныхъ произведеній о Россіи для насъ не представляетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что памфлеты черпаютъ свое фактическое содержаніе большею частью либо изъ Кюстина, либо изъ Révélations (уже отмѣченнаго перевода съ англійскаго, вышедшаго въ 1845 году). Главный позоръ Россіи—«самодержавный кнутъ»—играетъ, конечно, видную роль въ памфлетной литературѣ. Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ-трехъ образчикахъ.

Въ книгѣ «Кнутъ и русскіе» [1]) Жермэнъ де-Ланьи (лично побывавшій въ Россіи) высказываетъ о русскомъ самодержавіи рядъ мнѣній, успѣвшихъ, повидимому, стать къ концу царствованія Николая I ходячими во французскомъ обществѣ. Авторъ говоритъ, что прежде, при Иванѣ IV и Петрѣ I цари травили людей дикими животными и собственноручно рубили головы. «Теперь—варварство такое самое, какъ нѣкогда, только оно облекается въ болѣе лицемѣрныя—и осмѣлюсь сказать—въ болѣе цивилизованныя формы». Онъ настаиваетъ, что о Россіи распространяются въ Европѣ часто невѣрныя представленія,—благодаря самимъ русскимъ. «Привычка къ притворству и лести заходитъ у нихъ такъ далеко, что всѣ безъ исключенія дѣлаются тамъ сообщниками правительства съ цѣлью обманывать и вводить въ заблужденіе самою грубою ложью путешественниковъ», которые иначе могли бы узнать истину. Переходя къ жгучему вопросу о томъ, кто желаетъ въ Россіи воевать, — авторъ замѣчаетъ, что ни солдаты, ни крестьяне—ибо тѣ и другіе—безсловесные рабы и если бы ужъ возымѣли мысль о крестовомъ походѣ,—то противъ непосредственныхъ своихъ угнетателей. (Не надо забывать, что россійская дипломатія въ 1853 году особенно много разглагольствовала о ревностномъ и благочестивомъ стремленіи, внезапно обуявшемъ вѣрноподданныхъ Николая Павловича, бороться за ключи отъ Гроба Господня). Такъ кто же хочетъ войны? Духовенство? Но авторъ смѣется надъ этою мыслью. «Царь управляетъ церковью, какъ онъ управляетъ своею арміею и своими рабами». Царя въ синодѣ представляетъ «одинъ изъ его адъютантовъ, кавалерійскій офицеръ», «генералъ Протасовъ управляетъ духовенствомъ, какъ полкомъ». Дворянство? Оно

---

[1]) Le Knout et les russes. Moeurs et Organisation de la Russie, par Germain de Lagny. Paris, 1853. (стр. 324).

въ такомъ же рабствѣ у царя, какъ всѣ другіе обитатели Россіи. Таково мнѣніе французскаго публициста объ участіи русскаго народа въ подготовкѣ той войны, которую придворные лакеи всѣхъ ранговъ, мундировъ и рясъ пытались изображать «народною» и «священною».

Очевидно, логика фактовъ оказалась могущественнѣе оффиціальной лжи наиболѣе лживаго изъ всѣхъ тогдашнихъ правительствъ: не только одного Ланьи не удалось обмануть русскому самодержавію; мы встрѣчали въ политической прессѣ Франціи и Англіи того времени аналогичныя мнѣнія—о полной непричастности русскаго народа къ войнѣ, затѣянной отъ его имени.

Самодержавіе рисуется Ланьи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Полиція, главное орудіе власти,—всесильна, и человѣку, живущему въ Россіи, рекомендуется во избѣжаніе непріятностей,—быть ко всему и всѣмъ вполнѣ равнодушнымъ: «быть гуманнымъ—настолько же воспрещено, какъ разговаривать о политикѣ». (Можно подумать, что Ланьи зналъ о непріятностяхъ, постоянно причинявшихся доктору Гаазу московскими властями). Произволъ таковъ, что «исчезновенія людей весьма часты. Результатъ ли это преступленій, или дѣйствіе таинственнаго царскаго правосудія, или месть могущественныхъ лицъ этой страны? Никто не можетъ сказать». Полиція воруетъ, дѣлаетъ всякія беззаконія,—но вовсе не охраняетъ безопасности гражданъ: все ея вниманіе направлено на политическое шпіонство. «Полиція больше занимается мыслями каждаго, чѣмъ безопасностью всѣхъ». Если въ Россіи собираются три человѣка,—двое изъ нихъ шпіоны, — говорятъ (по увѣренію автора) сами русскіе.

«Россія—огромная казарма»,—резюмируетъ авторъ. Онъ приводитъ во всѣхъ подробностяхъ примѣры наказанія кнутомъ, шпицрутенами, плетьми, и картина николаевскаго самодержавія выходитъ въ общемъ весьма живою (несмотря на нѣкоторыя утвержденія анекдотическаго характера,— впрочемъ, бывшія «на границѣ вѣроятнаго» въ тѣ времена). Любопытно, что о личности Николая авторъ хорошаго мнѣнія, и въ этомъ смыслѣ отличается отъ большинства независимыхъ писателей, занимавшихся тогдашнею Россіею. Для характеристики невѣжества касательно политическихъ тенденцій русскаго общества, отмѣтимъ упорно повторяемое утвержденіе о какихъ то много разъ якобы повторявшихся «вплоть до 1848 года» попыткахъ аристократіи и *чиновниковъ*—свергнуть или убить царя,—всегда кончавшихся неудачею, благодаря его мужеству и хладнокровію. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ «фольклорными» отзвуками 14-го декабря и дѣла петрашевцевъ: въ перепечатанномъ на Западѣ оффиціальномъ извѣщеніи о петрашевцахъ—обозначены были чины участниковъ, что и сбило съ толку, повидимому, не одного Ланьи.

Маленькій шовинистическій памфлетъ Люрэна «Le Mannequin Russe» [1]) имѣетъ цѣлью уподобить всецѣло Россію манекену и

[1]) Le Mannequin russe. Pamphlet. par Louis Lurin (Paris 1854).

этимъ успокоить людей, боящихся наступившаго уже военнаго столкновенія съ Николаемъ. Армія, флотъ, правосудіе, религія, администрація, правительство, цивилизація—все это въ Россіи будто бы автоматы — безсловесныя машины, повинующіяся своему господину. Жизни никакой въ Россіи нѣтъ, есть только маріонетки и автоматы, и ихъ 60 милліоновъ,—повторяетъ авторъ на всѣ лады. Законъ, правосудіе, судьи—все это въ Россіи лишь поддѣлки и украшенія, ибо для манекеновъ это не нужно, а рабство, неподвижность, молчаніе, страхъ—это все—настоящее. Таковы мнѣнія автора...

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одномъ памфлетѣ, появившемся ужъ тогда, когда военный провалъ николаевскаго режима сталъ на очереди дня.

Вышедшая въ началѣ крымской войны и быстро потребовавшая новаго изданія книга Фредерика Лакруа [1]) имѣла шумный успѣхъ, самыя распространенныя газеты, начиная съ «Figaro», ее обильно цитировали и, вообще, она, безспорно, оказала вліяніе на общественное мнѣніе. Въ основу ея положена «рукопись одного дипломата, долго жившаго въ Россіи», а также замѣтки путешественниковъ, очень приближенныхъ къ императору и двору; пользовался авторъ и раньше вышедшими сочиненіями о Россіи. Книга написана въ весьма спокойномъ тонѣ, съ подчеркнутымъ стремленіемъ къ полному безпристрастію. Хорошія стороны національнаго характера Лакруа отмѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. Согласно съ своимъ заявленіемъ въ предисловіи,—авторъ старательно исключилъ изъ книги всякія «личности», все, что касалось характеристики Николая и членовъ императорской фамиліи, — ибо цѣлью его было прежде всего говорить объ учрежденіяхъ страны, а не о личности ея обладателя.

Лакруа посвящаетъ самодержавію спеціальную главу (Le despotisme). Онъ настаиваетъ, что Россія — болѣе деспотическое государство, нежели Персія и Турція, даже болѣе, нежели Китай. Всюду, говоритъ онъ, абсолютизмъ смягчался хоть какими-нибудь традиціями, учрежденіями и т. п. въ Россіи же ничего подобнаго нѣтъ. При этомъ, «у русскихъ—деспотическій принципъ вооруженъ съ головы до ногъ», армія «удесятеряетъ его силу», и авторъ отмѣчаетъ весьма понятную заботливость Николая объ этомъ орудіи его власти. «Русское правительство есть идеалъ деспотической власти; можно даже сказать, идеалъ, отягченный всѣмъ самымъ чудовищнымъ, самымъ необычайнымъ, что только можетъ породить злоупотребленіе властью». Приводя примѣры самыхъ дикихъ и звѣрскихъ насилій русскаго абсолютизма надъ человѣческимъ достоинствомъ, честью, жизнью, надъ здравымъ смысломъ, надъ всѣми понятіями о правѣ и нравственности, Лакруа не перестаетъ напоминать, что все это лишь необходимыя, логическія послѣд-

---

[1]) Les Mystères de la Russie. Tableau politique et moral de l'empire russe, par M. Frederic Lacroix. Deuxiéme edition. Paris, 1854.

ствія русской политической системы. «Странности, противорѣчія, даже безуміе—все это понятно у судьи, который произноситъ свои приговоры по прихоти дурныхъ или хорошихъ страстей и можетъ послать человѣка на смерть подъ вліяніемъ тяжелаго сна или дурного пищеваренія». «Съ русскимъ деспотизмомъ споръ невозможенъ. Приказъ, подписанный или отданный господиномъ, нелѣпъ, невѣроятенъ; ничего не значитъ, исполненіе должно послѣдовать немедленно. То, что царь говоритъ- *должно* быть хорошо, то, что онъ хочетъ—должно быть выполнимо». Конечно, въ главѣ о самодержавіи почетное мѣсто авторъ отводитъ кнуту (le Knout), «сквозь-строю» (который пишется у него такъ: skross-stroï), палкамъ, сѣченью и т. д. и т. д.

Характерно, что большая часть иностранцевъ также говорила о кнутѣ и палкахъ непосредственно вслѣдъ за анализомъ основъ нашей политической самобытности. Авторъ не лжетъ, не преувеличиваетъ въ своихъ описаніяхъ; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствуетъ, что ему прямо могутъ не повѣрить на Западѣ. «Россія классическая страна чудесъ; здѣсь происходятъ вещи столь необычайныя, что тотъ, кто не знаетъ этой удивительной страны, отнесетъ ихъ къ области сказокъ и лжи», говоритъ онъ. Въ доказательство онъ приводитъ желаніе Николая, чтобы сгорѣвшій Зимній дворецъ былъ выстроенъ въ одинъ годъ. «Этотъ tour de force былъ исполненъ; но изъ шести тысячъ рабочихъ, занятыхъ этимъ трудомъ втеченіе суровѣйшей зимы, большое число умерло отъ переутомленія и холода». Авторъ отмѣчаетъ тѣ страхи, которымъ подвержена эта самая жестокая и неограниченная власть. Страшную силу этой власти (въ тѣ времена), полнѣйшее отсутствіе оппозиціи, всеобщее рабство, самое полное, самое унизительное, самое восточное рабство всего народа предъ своимъ владыкою—онъ признаетъ всецѣло; «русская знать лежитъ на животѣ предъ самодержцемъ», замѣчаетъ онъ. И все таки — власть неспокойна; она бдитъ, подслушиваетъ, шпіонитъ, варварски караетъ за малѣйшій проблескъ свободной мысли. «Ни въ одной странѣ шпіонство не организовано лучше, нежели въ Россіи. Въ Петербургѣ стѣны имѣютъ уши»; въ каждомъ домѣ, въ каждомъ публичномъ мѣстѣ—шпіоны и предатели. «Почтовая тайна—есть чистѣйшая фикція. Никакая печать не священна для русской полиціи. И это признается (полиціею) громко, гласно, какъ самая простая вещь». Частные люди, даже знать, иногда прямо боятся получать письма иначе, какъ по почтѣ, именно оттого, что почта, по крайней мѣрѣ, прочитываетъ и цензируетъ письма, а если получишь чрезъ посыльнаго—то тамъ вдругъ окажется что нибудь неблагонадежное! Даже слуги великой княгини Елены Павловны убоялись какъ-то принять письмо посланное ей англичаниномъ Рэксомъ—не по почтѣ, а чрезъ лакея. «Всѣ русскіе воспитаны въ суевѣрномъ страхѣ предъ тѣмъ, что напоминаетъ идею власти. Повиноваться и молчать, обожать самодержца, если возможно, бояться его, если нѣтъ другого чувства, отречься отъ себя самого, чтобы

все отдать требующимъ властителямъ, подавить всякій порывъ ума или сердца къ независимости, примириться съ тѣмъ, чтобы втеченіе всей своей жизни быть только солдатомъ подъ ружьемъ, пользоваться слухомъ и зрѣніемъ, только чтобы видѣть и слышать приказанія или разрѣшенія власти, обречь себя на роль нѣмого въ области политики, исторіи, философіи и религіи, пріучиться къ притворству, къ обману, къ лести и низости—таковъ катехизисъ, по которому русскіе учатся общественной жизни». Безграничное раболѣпіе знати предъ царемъ особенно поражаетъ Лакруа. «Царь есть центръ стремленія всѣхъ мыслей, ось, вокругъ которой движется все это странное общество. Нужно дѣлать столько вещей, чтобы ему понравиться, и избѣгать столькихъ, чтобы его не разгнѣвать, что этотъ смертный богъ, въ нѣкоторомъ родѣ, составляетъ единственную заботу русской знати. Тѣ, которые его не любятъ,—боятся его». Удивляетъ нашего автора то, «что въ Россіи демонстративныя изъявленія любви подданныхъ къ монарху — обязательны»; на ордена онъ смотритъ лишь какъ на средство сдѣлать всѣ эти «преданности» болѣе ретивыми. Въ то время какъ въ другихъ странахъ, пишетъ онъ, ордена предназначены для вознагражденія заслугъ предъ отечествомъ, «въ Россіи это—средство вознаградить за низость и возбудить честолюбіе придворныхъ». Лживость при дворѣ онъ констатируетъ страшнѣйшую. «Императоръ и хотѣлъ бы не быть обманываемымъ, но всегда имъ будетъ; печальная участь . . . . . ! Онъ даже не узнаетъ никогда въ точности положенія своихъ обширныхъ владѣній, какія провинціи страдаютъ, какія части населенія жалуются, какихъ улучшеній требуютъ тѣ или другія части имперіи». Обманъ русскихъ царедворцевъ, длящійся «изъ царствованія въ царствованіе», Лакруа считаетъ такимъ невообразимымъ, что европейцу даже и понять трудно всѣ размѣры этой наглой царедворческой лжи. Только лесть этихъ вельможъ по размѣрамъ своимъ можетъ сравниться съ ихъ лживостью. «Развѣ неизвѣстно, что въ 1837 году знать одной провинціи рѣшила превратить домъ,—въ которомъ остановился царь во время одного своего путешествія, — въ часовню, гдѣ бы ежедневно возносились молитвы о сохраненіи дней этого государя?» Лакруа не видитъ никакой перемѣны даже въ способахъ лести и обмана при Николаѣ I — сравнительно съ эпохою, напр. Екатерины: если знаменитое путешествіе Екатерины на югъ было обставлено всевозможными бутафорскими деревнями и театральнымъ благополучіемъ, то при путешествіи Николая съ императрицею въ Одессу,—по всей дорогѣ власти устраивали аналогичныя декораціи, кокетливо разукрашивали постройки и т. д.[1]). Во всемъ этомъ удостовѣрили автора *очевидцы* этихъ стараній преданныхъ властей — два французскихъ путешественника, случайно находившихся на мѣстѣ дѣйствія. Предательство при дворѣ также приводитъ Лакруа въ недоумѣніе своею обнаженностью и безцеремонностью.

---

[1]) „Тотъ же корыстный шарлатанизмъ, тѣ же льстивыя уловки, тѣ же стратагемы—и при путешествіи нынѣшняго самодержца въ тѣ же губерніи“, говоритъ онъ.

«Деспотизмъ принижаетъ всѣхъ тѣхъ, которые подвергаются его дѣйствію», онъ оподляетъ характеры и ожесточаетъ сердца до того, что дѣлаетъ ихъ чуждыми всякому чувству милосердія, деликатности и благородства. «Въ Россіи, какъ только какой нибудь придворный впадаетъ въ немилость, -всѣ отъ него отдаляются. Нѣтъ у него уже друзей, покровителей; вокругъ его подвергшейся заклятію особы образуется пустыня; это—Каинъ послѣ своего преступленія, это—средневѣковой отлученный, которому отказывали въ водѣ и соли, и прикосновенія котораго боялись».

Въ картинѣ, рисуемой Лакруа, вся русская жизнь, по мысли правительства, *должна* быть ничѣмъ инымъ, какъ только эманаціей, исходящей отъ самодержца; и въ матеріальной и въ духовной области никто и ничто не должно имѣть самостоятельнаго существованія. «Самодержецъ есть самъ по себѣ и папа, и соборъ. Онъ рѣшаетъ самые трудные богословскіе вопросы, модифицируетъ богослуженіе, какъ желаетъ, заставляетъ принять новыя вѣрованія, декретируетъ святыхъ—и отставляетъ ихъ. Императоръ Николай настолько хорошо понимаетъ, что религія, какъ на нее смотрятъ и какъ ее практикуютъ въ его имперіи, необходима для его деспотизма, что онъ безжалостенъ ко всему тому, что можетъ посягнуть на это основаніе его могущества».

Въ обрисовкѣ дикой, неистовой свирѣпости полиціи относительно народа, ея безграничной продажности, продажности всей администраціи сверху до низу, Лакруа сходится съ другими авторами. И онъ не видитъ возможности для абсолютизма помочь бѣдѣ, хоть немного измѣнить администрацію къ лучшему. «Зло неизлѣчимо. Впрочемъ, царь и не попробуетъ его излечить; онъ слишкомъ заинтересованъ въ сохраненіи этого порядка вещей, чтобъ не стараться его поддержать. Очевидно, что если бы его подчиненные агенты поднялись въ нравственномъ отношеніи, то онъ бы нашелъ въ нихъ безконечно менѣе послушанія и готовности исполнять его деспотическія приказанія». Больше всего возмущаетъ нашего автора, что эта самая, столь безжалостная и свирѣпая полиція «относится съ совершенно отеческою снисходительностью къ ворамъ», съ которыми входитъ въ соглашеніе насчетъ дѣлежа добычи...

Другія части книги Лакруа не относятся непосредственно къ нашей темѣ. Безотрадное впечатлѣніе отъ всей картины,—картины глубочайшаго рабства, гдѣ рабы душатъ и угнетаютъ другъ друга, и всѣ вмѣстѣ являются безсловеснымъ стадомъ въ рукахъ общаго владыки, гдѣ власти сверху до низу творятъ неслыханныя преступленія—это впечатлѣніе отъ книги Лакруа должно было смягчиться (съ точки зрѣнія его тогдашнихъ французскихъ читателей)—новою нотою, почти невѣдомою его предшественникамъ: онъ очень скептически относится къ арміи и флоту Николая I и не вѣритъ въ ихъ мнимую несокрушимость. Вспомнимъ славянофила и патріота Хомякова, который въ Крымскую кампанію тоже *не желалъ* побѣды русской арміи,—и воздадимъ должное тому строю, который умѣлъ объединить на единомъ чувствѣ и враговъ Россіи, и ея дѣтей: ибо, ко-

нечно, будь книга Лакруа какимъ нибудь чудомъ доступна тогда Хомякову,—онъ, можетъ быть, кое-съ чѣмъ не согласился бы или оскорбился,—но для него *тоже* мрачность общей картины *смягчилась бы* надеждою, что силы Николая I окажутся не такими огромными, какъ ихъ рисовала легенда...

X.

Нужно сказать, что литература о Россіи въ періодъ Крымской войны, вообще, не такъ интересна тутъ для насъ, какъ можно было-бы ожидать: за вычетомъ шовинистической брани противъ непріятеля мало что остается такого, что стоило бы сколько нибудь подробно отмѣтить. Больше всего это перепѣвы Кюстина, «Révélations» и другихъ старыхъ книгъ.

Анонимная книга о Россіи «La Russie et la Turquie devant l'Europe» [1]), несмотря на свои 478 страницъ, не говоритъ ничего маломальски обстоятельнаго о Николаѣ и его режимѣ. Она больше занята дипломатическою исторіею 1853—54 г.г., турецкими дѣлами, значеніемъ восточной войны для Европы и пр. О Николаѣ I даются свѣдѣнія отрывочныя и безпорядочно разбросанныя. Онъ очень крѣпкаго здоровья. Любитъ носить мундиръ дивизіоннаго генерала вообще, любитъ военныхъ, и всякій разъ, какъ Франція отправляла къ нему посломъ генерала,—царь встрѣчалъ его съ большой симпатіей. Поддерживаетъ очень суровую дисциплину не только въ арміи, но и въ своей семьѣ, и при дворѣ, и среди всѣхъ, кто его окружаетъ и пр. и пр., все въ такомъ же родѣ. Составилось лубочное представленіе объ отношеніи русскихъ къ Николаю, вѣчно повторявшееся всѣми, кто долженъ былъ наскоро написать о немъ, что подъ перо попадется: онъ считается отцомъ своего народа, послѣ царя Небеснаго народъ обожаетъ его больше всего. «Лучшій день для русскаго въ его жизни –это когда его императоръ обращается къ нему съ словомъ», и т. д. Все это находимъ и въ названной книжкѣ; впрочемъ ея авторъ такъ торопится перейти къ своей непосредственной темѣ,—что личность Николая и русскій режимъ затронуты у него въ самой бѣглой, поверхностной, конспективной формѣ. Это—справочная книжка для большой публики, написанная по поводу войны и предназначенная для оріентировки читателя газетъ, чтобъ удобнѣе было слѣдить за происшествіями.

Книга Дюссье [2]), профессора Сенъ-Сирскаго военнаго училища, разсматриваетъ начавшійся конфликтъ съ военной точки зрѣнія и съ этой же стороны Россія его исключительно интересуетъ. Для

---

[1]) Полное заглавіе: „La Russie et la Turquie devaut l'Europe. Aperçu historique sur ces deux états. Gouvernement, réligion, moeurs et coutumes Portraits de Nicolas I et d'Abdul-Medjid. Testament politique et authentique de Pierre le Grand. Causes de la guerre actuelle. Campagnes de 1853—1854. Paris (Morel éditeur), 1854.

[2]) Force et faiblesse de la Russie au point de vue militaire, par L. Dussieux, professeur á l'ecole impériale militaire de Saint-Cyr. Paris 1854.

насъ тутъ любопытны лишь нѣкоторыя мелькомъ высказанныя соображенія автора о россійскомъ самодержавіи. Онъ не надѣется на скорый миръ, какія бы пораженія ни пришлось потерпѣть Россіи: «самодержцы не пріучили насъ къ тому, чтобы мы видѣли, что они принимаютъ въ разсчетъ потери и убытки, налагаемые войною на ихъ подданныхъ». Это по части матеріальныхъ послѣдствій пораженія; что же касается моральныхъ, то здѣсь дѣло устраивается еще проще: потерянное сраженіе объявляютъ выигранным, и «вмѣсто траура—заставляютъ служить благодарственное молебствіе». Идетъ дальше рѣчь и о «варварскомъ преслѣдователѣ польскихъ католиковъ и уніатовъ» и тому подобные комплименты, но по существу не говорится почти ничего. Бюрократію русскую онъ характеризуетъ такъ: «русская бюрократія—формалистична, погружена въ бумажное производство, ей свойственна волокита. Она нагла и алчна». Вообще-же авторъ, несмотря на свою вражду къ Россіи, пользовался повидимому, только благопріятными русскому правительству трудами (Чихачевымъ, Демидовымъ, Гакстгаузеномъ), а поэтому небольшая главка о русскомъ правительствѣ у него вышла очень блѣдной и невѣрною въ смыслѣ фактовъ. Если Дюссье хотѣлъ дать справочную книгу о Россіи, то Баро Рулонъ задался болѣе широкою цѣлью [1]): онъ указываетъ на Россію какъ на могучаго и страшнаго врага Европы и въ доказательство излагаетъ русскую исторію. Книга написана подъ вліяніемъ Кюстина, на котораго авторъ и ссылается. На подданныхъ Николая шовинистъ-авторъ смотритъ какъ на «стадо», управляемое «кнутомъ»—и въ войнѣ союзниковъ противъ Россіи усматриваетъ самозащиту цивилизаціи противъ варварства. Эта книга—отраженіе взглядовъ клерикальной части французскаго общества, которую, какъ сказано, Николай Павловичъ вооружилъ уже давно противъ Россіи преслѣдованіемъ польской церкви и уніатовъ; клерикалы ненавидѣли его поэтому не меньше, нежели прогрессисты: этотъ оригинальный «блокъ» общественнаго мнѣнія Франціи удалось устроить только одному Николаю изъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ абсолютныхъ монарховъ тогдашней Европы.

Скажемъ два слова о книгѣ, хоть и не французомъ написаной, — но слѣды вліянія которой отразились на памфлетахъ и памфлетныхъ статьяхъ, посвященныхъ *личности* царя 54—55 г.г. Книга «La Vérité sur l'empereur Nicolas» [2])—написана, безспорно, русскимъ человѣкомъ,—за котораго и выдаетъ себя анонимъ. Онъ глубочайшимъ образомъ ненавидитъ Николая, считаетъ его лицемѣромъ и утверждаетъ, что какъ во время декабрьскихъ событій 1825 г., такъ и въ эпоху бунта военныхъ поселеній государь проявилъ будто-бы малодушіе. Онъ подчеркиваетъ какъ выдающіяся черты его характера — деспотизмъ и лицемѣріе. Авторъ отмѣчаетъ также жесто-

[1]) Dangers pour l'Europe. Origine progrés et l'état actuel de la puissance russe. Question d' orient au point de vue politique, réligieux et militaire. par C. H. Barault-Roullon (Paris 1854).

[2]) La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son regne, par un russe. Paris, 1864 (319 страницъ).

кость «онъ дошелъ до того, что единственный между всѣми современными государями, онъ часто усиливаетъ наказанія, къ которымъ приговариваютъ судебныя мѣста и военные суды».

Эта книга прямо и непосредственно повліяла, между прочимъ, на «Исторію» Николая, написанную Огюстомъ Роланомъ и вышедшую въ свѣтъ уже въ 1855 году [1]). Роланъ тоже настаиваетъ на тенденціи Николая не смягчать, а усиливать суровость судебныхъ приговоровъ, и приводитъ разсказъ о княгинѣ Сангушко, умолявшей Николая о смягченіи участи мужа, котораго отправляли въ ссылку въ Сибирь,—причемъ выслушавъ мольбу, Николай велѣлъ принесть приговоръ и собственноручно приписалъ: «*пѣшкомъ!*» Въ книгѣ упоминается о многихъ звѣрствахъ режима; говорится объ «умиротвореніи» Польши, о томъ, какъ было приказано забирать дѣтей у нуждающихся лицъ въ Польшѣ—и отдавать ихъ въ кантонисты, причемъ, чтобы установить списокъ жертвъ, полицейскіе комиссары предварительно пригласили всѣхъ нуждающихся цать о себѣ и своихъ семьяхъ свѣдѣнія, якобы для раздачи имъ вспомоществованій [2]) и т. п. Любопытно, что авторъ, повторяя вмѣстѣ съ другими мнѣніе о чувствительности Николая къ отзывамъ иностранной печати, утверждаетъ, что его больше всего безпокоятъ именно газеты, а не книги,—«*исключая книгу г. Кюстина*». Роланъ повторяетъ извѣстіе русскаго анонима (о которомъ мы только что говорили), — что Николай старательно собираетъ все появляющееся о немъ на иностранныхъ языкахъ: книги, брошюры, альбомы съ наклейками газетныхъ вырѣзокъ—все это хранилось въ его кабинетѣ и постоянно пополнялось. Русскій консулъ въ Санъ-Франциско получилъ орденъ Станислава только за то, что прислалъ Николаю номеръ газеты съ извѣстіемъ съ Сандвичевыхъ острововъ: въ газетѣ излагался разговоръ американскаго представителя съ мѣстнымъ королемъ Камегамехою, въ каковомъ разговорѣ шла рѣчь о Николаѣ Павловичѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что французскія газеты 1854—55 г.г., нападая на Николая, больше повторяли то, что было имъ извѣстно изъ 30—40-хъ г.г., варіировались лишь тѣ факты и впечатлѣнія,—какіе дала публикѣ охарактеризованная выше литература о Николаѣ. Впрочемъ, нападки эти, такъ сказать, имѣли преимущественно на сей разъ шовинистическое направленіе и происхожденіе: Николая громили за «ненасытное честолюбіе», за стремленіе «поглотить Турцію» и т. д.—О деспотизмѣ и произволѣ — газетамъ, выходившимъ въ свѣтъ при режимѣ Морни и Персиньи, — говорить уже было не столь ловко, какъ при Людовикѣ Филиппѣ или при второй республикѣ.

Во всякомъ случаѣ, — ни одна война Наполеона III (ни, даже, война съ Австріей 1859 г.) не была принята такъ сочувственно

---

[1]) Auguste Rolland, Histoire politique et anecdotique du czar Nicolas I, empereur des russes (Paris 1885).

[2]) Rolland. Histoire polit. et anecd. du czar Nicolas I, стр. 61.

даже непримиримыми врагами французскаго императора, — какъ именно война противъ Николая. Сидѣвшій въ тюрьмѣ республиканецъ и революціонеръ Барбесъ — съ живѣйшимъ удовольствіемъ узналъ о войнѣ съ Россіей (и даже, одно его частное письмо съ выраженіемъ этихъ чувствъ,— перехваченное администраціей, было причиною того, что Наполеонъ III его помиловалъ). Консервативная часть общества вспоминала уніатовъ, ссылку ксендзовъ въ Сибирь, засѣканіе до смерти католическихъ монахинь; республиканцы и соціалисты говорили о столпѣ всевѣчной реакціи, о разгромѣ Польши, объ усмиреніи Венгріи—и всѣ радовались, съ изумленіемъ видя, что ихъ суевѣрный страхъ предъ «русскимъ колоссомъ» былъ напрасенъ...

О русскихъ солдатахъ, тысячами безропотно гибнувшихъ въ Крыму — въ Парижѣ думали такъ же мало, какъ и въ самомъ Петербургѣ. Самодержавіе уже научило Европу ненавидѣть тотъ народъ, который больше всего отъ этого самодержавія страдалъ, изъ котораго оно такъ хищнически высасывало жизненныя силы. Немного было во время войны голосовъ, отмѣтившихъ, что не надо смѣшивать Россію съ тѣми, кто ею управляетъ [1]). Чтобы указать на одинъ такой голосъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы разставаясь съ нашею темою, дать читателю понятіе о популярной ходячей оцѣнкѣ николаевскаго режима, какъ она сложилась окончательно въ этой роковой, заключительный моментъ его существованія,—мы скажемъ нѣсколько словъ о самомъ выдающемся изъ французскихъ юмористическихъ сборниковъ эпохи Крымской войны.

XI.

Вышедшая въ 1854 году каррикатурная исторія Россіи, иллюстрированная Гюставомъ Дорэ [2]) является, вообще, образчикомъ тѣхъ общихъ представленій о Россіи, какія были въ это время распространены въ средней публикѣ на Западѣ. Кнутъ, нагайки, цѣлыя страницы кроваво-красныхъ пятенъ, пытки, рабы лежащіе связанными «пачками» на карточномъ столѣ, гдѣ игроки ихъ проигрываютъ и выигрываютъ—вотъ главное содержаніе иллюстрацій. Конечно, дипломатической злобѣ дня — и Николаю Павловичу, — отведено чрезвычайно много мѣста. Вотъ «большой балъ при русскомъ дворѣ», гдѣ изображенъ Николай, а вокругъ него — спины придворныхъ, ибо они такъ низко кланяются, что головъ совсѣмъ не видно. Подпись гласитъ, что изъ этого рисунка всякій можетъ убѣдиться въ справедливости «уже весьма распространеннаго мнѣнія», будто царь превосходитъ ростомъ всю свою націю. Вотъ—театръ:

---

[1]) Хотя о непричастности русскаго народа къ объявленію войны, объ отсутствіи народа въ этомъ смыслѣ—говорилось.

[2]) Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie (Paris, 1854).

въ ложѣ, надъ которой прикрѣплены двѣ перекрещивающіяся нагайки съ черепомъ посрединѣ, стоитъ фигура; всѣ зрители стоятъ безъ шапокъ и у всѣхъ взоры устремлены къ этой ложѣ; капельмейстеръ изъ оркестра лицомъ обращенъ къ стоящей массѣ и дирижируетъ имъ палочкой, — а сзади, на сценѣ, изображены «французскіе артисты, весьма удивленные тѣмъ, что имъ предпочтительно даютъ играть роль зрителей». Далѣе, съ прямой ссылкою на Кюстина, изображенъ лежащій въ постели путешественникъ, а изъ стѣны, изъ подъ стола, изъ подъ пола, изъ занавѣсокъ выглядываютъ шпіоны. Въ нѣкоторыхъ каррикатурахъ подчеркивается изобиліе шпіоновъ женскаго пола въ тогдашней Россіи. Лживость военныхъ донесеній также отмѣчена: на одномъ рисункѣ изображены горцы, сваливающіе на идущихъ внизу русскихъ солдатъ уничтожающія весь отрядъ глыбы,—а на другомъ—блестящая иллюминація въ Петербургѣ по поводу этой «побѣды», сообразно съ донесеніемъ генерала Остенъ-Сакена. Вообще, лживость и раболѣпіе бюрократіи отмѣчены нѣсколько разъ. На стр. 161-й напр., изображенъ Николай, а предъ нимъ губернаторы помахиваютъ кадильницами, изъ коихъ исходитъ ѳиміамъ, одинъ же изъ нихъ стоитъ на колѣняхъ и лицомъ прижался къ николаевскимъ ботфортамъ. Особенно злобны каррикатуры, осмѣивающія самоувѣренность, царившую въ высшихъ сферахъ Россіи предъ этой страшной Крымской войной. Книга издана въ 1854 году—но тамъ есть зловѣщее предсказаніе: лежитъ бумага съ надписью: «объявленіе Франціи—войны», а подъ бумагою подпись: «извѣщеніе о кончинѣ императора Николая I». Частая въ русскихъ оффиціальныхъ устахъ угроза 1812-мъ годомъ, т.-е. возможностью его повторенія,—какъ извѣстно, такъ пріѣлась, что ничего кромѣ насмѣшекъ уже не вызывала (это обстоятельство, между прочимъ, отмѣчено было спустя нѣсколько лѣтъ и нашимъ Добролюбовымъ). На стр. 187 изъ игрушечнаго сундучка выскакиваетъ на пружинкѣ физіономія страшнаго вида, у которой на лбу изображена цифра: 1812, — на знамени въ рукѣ: 1812, и, даже, въ раскрытой пасти та же цифра: 1812. Предъ сундучкомъ хохочетъ французскій солдатъ, а подъ каррикатурой подпись: «Le diable des petits enfants». Впрочемъ не надъ народомъ тутъ смѣялись; къ народу русскому злобы нѣтъ. Вотъ изображены погибающіе въ бою русскіе солдаты, которыхъ гонятъ прямо на французскіе штыки чьи-то руки съ нагайкою; одинъ французскій солдатъ говоритъ другому: «пощадимъ эти бѣдныя жертвы, которыя противъ своей воли борятся съ нами».

Такъ, жалостью къ русскому народу и презрительнымъ смѣхомъ надъ внезапно обнаружившимся безсиліемъ его угнетателей и мучителей, кончается эта французская литература «сказаній иностранцевъ» о николаевскомъ режимѣ, которую мы пытались охарактеризовать въ настоящемъ очеркѣ. Страхъ и ненависть къ режиму — смѣнились отвращеніемъ и презрѣніемъ. Но, даже, для краснаго словца и въ разгарѣ войны—враги не всегда включали въ эти чувства *весь* русскій народъ:—они оставили его въ сторонѣ. Они къ

нему *никакъ* не отнеслись, ибо онъ въ ихъ глазахъ тогда былъ *ничѣмъ*. Впрочемъ, вѣдь всѣ министры Николая I и онъ самъ рѣшительно никогда ничего противъ такого мнѣнія иностранцевъ о русскомъ народѣ имѣть не могли и не имѣли: вѣдь они и сами въ сущности всецѣло этого мнѣнія придерживались.

Въ дни, когда русскій народъ освобождается отъ вѣками тяготѣвшаго надъ нимъ режима, находятся люди, которые выражаютъ глубокомысленныя опасенія насчетъ «паденія русскаго престижа», «расчлененія Россіи» и прочихъ ужасовъ, грозящихъ государству въ случаѣ его окончательной эмансипаціи отъ абсолютистскаго ига. Мы видѣли, каковъ былъ истинный характеръ того «престижа», которымъ пользовалась Россія, пока она находилась на положеніи вотчины; тѣ «свободы, генія и славы палачи», о которыхъ писалъ Лермонтовъ, — убивали однимъ фактомъ своего существованія и свободу, и геній, и славу страны. Они дѣлали Россію и жалкою, и въ концѣ-концовъ, слабою, — и не ихъ вина, если имъ не удалось превратить ее въ Турцію окончательно. На ихъ бѣду — русскій народъ оказался великимъ народомъ—и оставаться вотчиною не пожелалъ.

Евгеній Тарле.

Къ процессу И. М. Ковальскаго.

Нѣсколько сходокъ по поводу того, въ какой формѣ устроить демонстрацію во время суда надъ Ковальскимъ и его товарищами, не дали никакихъ результатовъ и не привели ни къ какому соглашенію, такъ что вопросъ остался открытымъ, и предоставлено было каждому дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, если сами событія не укажутъ ясную для всѣхъ форму, но собраться у зданія суда рѣшили всѣ. И дѣйствительно съ самаго утра въ день суда (19-го іюля 1878 года) со всѣхъ сторонъ къ зданію, гдѣ долженъ былъ происходить судъ, стала стекаться публика. Къ самому зданію собственно насъ не допускали, и мы собрались на противоположной сторонѣ, около трактира Попудова. Когда насъ собралось всего еще только человѣкъ 30—40, явился приставъ „Каракатица" и сталъ „убѣдительно" просить насъ разойтись. Его осмѣяли, и онъ ушелъ ни съ чѣмъ. За нимъ явился съ тѣмъ же предложеніемъ полицеймейстеръ, потомъ еще кто-то. Грозили разогнать насъ пожарнымъ насосомъ; затѣмъ, окруживши насъ предварительно казаками, заявили намъ, что если, послѣ троекратнаго приказанія разойтись, этого приказанія не исполнимъ, въ насъ будутъ стрѣлять. Но всѣ эти угрозы не подѣйствовали, и насъ въ концѣ концовъ все-таки оставили въ покоѣ, получивши только наше согласіе на то, чтобъ не стоять толпой, а гулять по тротуару небольшими группами и не пытаться переходить на ту сторону, гдѣ судъ. На это мы согласились, и полиція удалилась, а взамѣнъ ея вскорѣ появилось достаточное количество шпіоновъ всякаго вида, болѣе или менѣе подходящаго къ виду студента тогдашняго времени: въ косовороткахъ, синихъ очкахъ, широкополыхъ шляпахъ и т. д.; но большей частью сейчасъ же узнаваемые, они съ гикомъ и смѣхомъ выпроваживались изъ круга.

5 дней дежурили мы у суда. Кто имѣлъ обязательныя занятія, уходилъ и опять возвращался. Кто занятій не имѣлъ, тотъ и совсѣмъ не уходилъ до поздняго вечера, когда въ судѣ кончались засѣданія. Тутъ же въ трактирѣ закусывали, пили чай и сюда же приходили изъ суда во время перерывовъ тѣ немногіе счастливцы, которые, подъ видомъ родственниковъ подсудимыхъ, были допущены въ судъ. Они дѣлали доклады обо всемъ, что тамъ происходитъ и опять уходили туда, а тутъ комментировали ихъ доклады, дѣлали предположенія, догадки на счетъ приговора и волновались.

Съ каждымъ днемъ публики все прибавлялось и прибавлялось. На пятый день къ вечеру народу ужъ собралось очень много. Говорили потомъ, что во время приговора около суда было тысячи три человѣкъ, но я думаю,

что это преувеличено, хотя къ этому времени собралась масса посторонней публики—то ли сочувствующихъ, то ли просто любопытствующихъ. Въ обѣдъ на пятый день докладчикъ нашъ сообщилъ намъ, что пренія сторонъ окончены, судъ удалился для совѣщанія и къ вечеру можно было ждать приговора. Волнующее ожиданіе охватило всѣхъ, и это состояніе съ каждой минутой становилось напряженнѣе. Будутъ или не будутъ смертные приговоры? Этотъ вопросъ гвоздемъ сидѣлъ въ головѣ. Вся публика высыпала изъ трактира на улицу и выстроилась на тротуарѣ противъ суда. Сюда пригнана была масса казаковъ, которые выстроились на лошадяхъ лицомъ къ намъ сплошнымъ рядомъ съ пиками, направленными прямо въ насъ, чуть не касаясь насъ. Казалось, при малѣйшей попыткѣ сдѣлать хоть маленькое движеніе впередъ, неминуемо наткнешься на казацкую пику. На противоположной сторонѣ разставлены были солдаты съ ружьями. Сколько времени мы тутъ простояли противъ мордъ казацкихъ лошадей и пикъ—не знаю; знаю только, что ожиданіе было самое томительное. На казаковъ и на ихъ пики никто, я думаю, и не смотрѣлъ. Всѣ глаза направлены были на окна суда. Вотъ зажглись огни, мелькаютъ какія-то фигуры. Напряженная тишина. Слышно только стукъ копытъ казацкихъ лошадей, которыхъ казаки осаживаютъ отъ времени до времени немного назадъ, когда онѣ ужъ слишкомъ къ намъ приближаются. Вдругъ съ противоположнаго тротуара раздается пронзительный, нервно вздрагивающій женскій голосъ, въ которомъ слышатся рыданія: „Ковальскому смертная казнь! Ковальскому смертная казнь!“ Это кричала Галина Чернявская, которая, выбѣжавъ первой изъ суда и не имѣя возможности за войскомъ и казаками перебраться на нашу сторону, извѣщала насъ оттуда о приговорѣ. Этотъ крикъ какъ волшебствомъ въ одинъ мигъ перебросилъ насъ на ту сторону. Какъ мы тамъ очутились, какъ не напоролись на устремленныя на насъ пики—я не могу понять и теперь. Знаю только, что я увидѣла себя среди огромной толпы около большого камня, на которомъ стояла Галина Чернявская и все тѣмъ же душу надрывающимъ голосомъ продолжала выкрикивать: „Ковальскому смертная казнь! Ковальскому смертная казнь!“ Въ отвѣтъ на это съ разныхъ сторонъ послышались крики: „Шемякинъ судъ! Башибузуки! Палачи!“ и т. п. Тутъ солдаты вышли изъ своей пассивной роли и прикладами стали оттѣснять насъ въ боковую улицу. При этомъ одинъ изъ солдатъ, вошедши въ азартъ, ударилъ прикладомъ маленькаго мальчика лѣтъ пяти, который стоялъ тутъ же не вдалекѣ около какой-то лавочки. Бывшій въ эту минуту вблизи отъ этого мѣста и видѣвшій эту возмутительную выходку Виттенбергъ [1]) отвѣтилъ на нее выстрѣломъ изъ револьвера въ солдата, послѣ чего въ насъ сдѣлано было два залпа, которыми убито было двое и ранено еще, кажется, двое. Стрѣляли еще нѣкоторые другіе съ нашей стороны, но раньше ли залповъ солдатъ, одновременно ли или послѣ—я ужъ не могу сказать. Остановиться подбирать убитыхъ и раненыхъ не было никакой возможности; сзади напирала толпа и подгоняли прикладами солдаты. Перешагнувъ черезъ упавшихъ, отодвигались дальше. Черезъ двѣ три улицы солдаты насъ оставили, и мы толпой отправились на Приморскій бульваръ,

[1]) Повѣшенъ въ 1879 г. въ Николаевѣ.
Ред.

гдѣ удивленная такимъ появленіемъ мирно гуляющая публика, окружившая насъ изъ любопытства, услышала такую рѣчь: „Господа! Вы вотъ тутъ гуляете, веселитесь, а недалеко отсюда, на Гулевой улицѣ людей приговариваютъ къ смертной казни, другихъ прямо на улицѣ убиваютъ. Неужели это васъ не возмущаетъ?“ и т. д. въ этомъ родѣ. Но стали появляться какія-то темныя личности съ очень ясными намѣреніями, и мы разсыпались кто куда. Въ эту же ночь начались массовые аресты, которые продолжались и въ послѣдующіе дни. Сначала арестовывали извѣстныхъ почему либо полиціи „подозрительныхъ“ лицъ, затѣмъ хватали прямо на улицѣ всякаго, на кого бывшіе на Гулевой шпіоны указывали, что онъ тамъ былъ во время демонстраціи. Для этого по городу разъѣзжали и расхаживали патрули, а съ ними шпіонъ, по указанію котораго они и хватали. Относительно Ковальскаго все-таки надѣялись, что его помилуютъ; какъ-то не вѣрилось еще, что къ политическому преступнику, не цареубійцѣ, примѣнятъ смертную казнь, но 2-го августа мы узнали, что онъ казненъ.

Хр. Г. Гринбергъ-Конъ.

Первое мая въ Россіи.

Въ декабрѣ 1888 года, на конгрессѣ въ С.-Люи, Американская Федерація Труда постановила организовать 1-го мая 1890 г. повсемѣстно манифестацію рабочихъ съ цѣлью громко заявить о своихъ требованіяхъ въ области рабочаго законодательства.

Въ іюнѣ 1889 года въ Парижѣ состоялся первый международный соціалистическій конгрессъ, который рѣшилъ устроить въ опредѣленный день международную демонстрацію рабочихъ, такъ чтобы во всѣхъ странахъ и во всѣхъ городахъ въ одинъ и тотъ же день рабочіе провозгласили свою солидарность, предъявивъ правительствамъ одно и то же требованіе законодательнаго сокращенія рабочаго дня до 8-ми часовъ. Въ виду рѣшенія Американской Федераціи Труда этимъ условленнымъ днемъ было избрано первое мая.

„Рабочимъ различныхъ націй поручалось выполнить это рѣшеніе тѣмъ способомъ, который окажется возможнымъ при спеціальныхъ политическихъ условіяхъ ихъ страны“—гласила резолюція. На конгрессѣ присутствовали также и делегаты отъ двухъ русскихъ соціалистическихъ организацій—соціалдемократической и народовольческой; но едва ли кто нибудь на конгрессѣ разсчитывалъ, что „спеціальныя политическія условія“ Россіи оставляютъ какіе бы то ни было способы для осуществленія этого постановленія международнаго конгресса. Однако, мы, граждане Россіи, не только съ честью выполнили нашу обязанность, но, какъ мнѣ думается, въ спеціально тяжелыхъ условіяхъ нашей дѣятельности придали демонстраціи перваго мая своеобразный характеръ, быть можетъ, болѣе соотвѣтствующій идеямъ Парижскаго Конгресса, чѣмъ характеръ западноевропейскихъ майскихъ демонстрацій.

Что русская делегація сама не считала это постановленіе конгресса относящимся къ Россіи, видно изъ того, что въ

90-омъ году, на который была назначена первая международная демонстрація, русскія соціалистическія группы не сдѣлали ничего для проведенія въ жизнь этой идеи у насъ, въ Россіи. Въ подробномъ отчетѣ о Парижскомъ Конгрессѣ, помѣщенномъ въ 1-мъ номерѣ „Соціалдемократа“ и написанномъ въ явно агитаціонномъ тонѣ, постановленію о демонстраціи перваго мая отведено всего шесть строкъ. Вотъ онѣ.

„Принято также рѣшеніе, предлагающее рабочимъ всѣхъ странъ организовать въ пользу 8-ми-часового рабочаго дня повсемѣстную манифестацію, именно 1-го мая 1890 года, такъ какъ этотъ день еще раньше назначенъ былъ для такой же манифестаціи на конгрессѣ Американской Федераціи Труда“.

Вотъ и все. Между тѣмъ эта книжка вышла въ февралѣ 1890 года, т. е. всего за два мѣсяца до первомайской манифестаціи.

Международная манифестація перваго мая 1890 г. была величественной и импонировала какъ врагамъ, такъ и друзьямъ рабочаго движенія. „Въ майской манифестаціи приняли участіе тѣмъ или другимъ способомъ работники всѣхъ цивилизованныхъ странъ до маленькой земледѣльческой Норвегіи включительно“, читаемъ мы во второй книжкѣ „Соціалдемократа“, въ статьѣ Г. Плеханова „Даже въ Варшавѣ варварскій гнетъ нашего правительства не помѣшалъ рабочимъ русской части Польши заявить свою солидарность съ рабочимъ классомъ Запада“.

Объ этомъ важномъ событіи редакція „Соціалдемократа“ получила свѣдѣнія, которыя и приведены въ вышеуказанной статьѣ, въ примѣчаніи на стр. 55.

„Уже за нѣсколько недѣль до перваго мая по фабрикамъ и мастерскимъ рабочіе начали поговаривать о необходимости присоединенія къ международному празднеству. По мѣрѣ приближенія перваго мая возрастало оживленіе въ средѣ рабочихъ, они съ интересомъ слѣдили за всѣми газетными извѣстіями объ агитаціи въ пользу восьмичасового дня на западѣ. Революціонное общество „Пролетаріатъ“ напечатало и распространило въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ прокламацію, въ которой приглашало рабочихъ достойно отпраздновать день перваго мая. По фабрикамъ начались совѣщанія, толки, сговоръ. Рабочіе сочувственно говорили о „четвергѣ“. Наступило первое мая. Въ желѣзнодорожныхъ механическихъ мастерскихъ не работали 5-ое и 7-ое отдѣленія. Фабрики Handke (200—300 чел.), Repphan (300), Orthwein (200), Gostinsky (число неизвѣстно) и другія стояли. На фабрикахъ Norblein, Praget, Putzer, Lilpop и др. не работала часть работниковъ. Кромѣ того не работало много ремесленниковъ. Энергичнѣе всего показали себя рабочіе изъ Mechanicznych Warsztatów: видя, что ихъ остальные товарищи продолжаютъ работать, они собрались передъ зданіемъ фабрики

и потребовали, чтобы тѣ немедленно бросили работу; въ окна фабрики полетѣли даже камни; явилась полиція, были произведены аресты. Что касается интеллигенціи, то она горячо помогала рабочимъ, доказательствомъ чему служатъ аресты изъ ея среды. Общее число арестовъ простирается до 20, въ томъ числѣ десять рабочихъ. Противъ своего обыкновенія полиція вела себя довольно сдержанно; патрулей не было никакихъ; за то шпіоны явились въ изобиліи".

Эти обстоятельства, естественно, заставили русскихъ соціалистовъ сознать свою ошибку, признавъ, что если наши польскіе товарищи смогли откликнуться на призывъ Парижскаго Конгресса, то „тѣмъ или инымъ способомъ" могли бы это сдѣлать и русскіе рабочіе, и соціалдемократы-интеллигенты напрасно не помогли имъ въ этомъ.

Какъ я уже сказалъ, редакція „Соціалдемократа" сдѣлала также эту ошибку, удѣливъ вопросу о манифестаціи всего пять холодныхъ строкъ. Послѣ перваго мая 1890 года она помѣстила, въ августѣ, большую статью Плеханова (18 стр.) о манифестаціи перваго мая, гдѣ собраны интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ готовились къ этому дню, и какъ провели его обѣ борющіяся стороны, буржуазія и пролетаріатъ. Сознаніе своей ошибки Плехановъ выразилъ въ формѣ рѣзкихъ упрековъ русской интеллигенціи: „странное въ самомъ дѣлѣ явленіе, во всемъ мірѣ нѣтъ „интеллигенціи", которая бы столько кричала о своихъ соціалистическихъ наклонностяхъ, и въ то же время едва ли гдѣ нибудь есть интеллигенція до такой степени „беззаботная" на счетъ рабочаго движенія, какъ именно наша русская „интеллигенція"! Зная русскихъ рабочихъ, мы не сомнѣваемся въ томъ, что между ними было много людей съ сочувствіемъ слѣдившихъ за агитаціей въ пользу восьмичасового рабочаго дня. Майскій праздникъ, конечно, нашелъ бы себѣ сочувственный откликъ въ сердцахъ многихъ русскихъ пролетаріевъ. Но что сдѣлала „интеллигенція" для того, чтобы облегчить имъ выраженіе солидарности съ ихъ западноевропейскими братьями?.. Россія по обыкновенію оказалась самой отсталой страной въ революціонномъ отношеніи. Передъ нашими глазами совершалось движеніе, подобнаго которому не знаетъ исторія, но мы были слишкомъ „интеллигентны", чтобы принять въ немъ какое нибудь участіе"... „Мы обязаны позаботиться о томъ, чтобы въ будущей майской манифестаціи такъ или иначе приняли участіе и русскіе рабочіе. Какимъ именно образомъ можемъ мы взяться за исполненіе своей обязанности, объ этомъ, разумѣется, неудобно разсуждать печатно. Но что при доброй волѣ она легко исполнима, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію".

Это было написано по методу, который впослѣдствіи тов. Ленинъ охарактеризовалъ такъ: „мы предпочитаемъ защищаться, нападая"! Въ самомъ дѣлѣ, эти упреки къ русской интеллиген-

ціи прежде всего относятся къ самому Г. Плеханову, который какъ интеллигентъ, какъ соціалдемократъ и какъ членъ русской делегаціи на Парижскомъ Конгрессѣ, больше чѣмъ кто нибудь могъ и долженъ былъ „облегчить русскимъ рабочимъ“ эту ихъ трудную задачу. Но онъ тогда ничего для этого не сдѣлалъ. Но уже въ слѣдующемъ году, организація, издававшая „Соціалдемократъ“, рѣшила выпустить брошюрку о международной демонстраціи и это выполнилъ Плехановъ.

Книжечка состоитъ изъ 32 страницъ малаго формата [1]). Указавъ на то, что „во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы и Америки вотъ уже второй годъ происходятъ 1-го мая большія демонстраціи рабочихъ“, авторъ отмѣчаетъ, что „буржуазія очень боится этихъ демонстрацій“, во 1-хъ потому, что онѣ „не ровенъ часъ“ грозятъ превратиться въ революцію рабочаго класса, во 2-хъ потому, что сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ, котораго требуютъ рабочіе на этихъ демонстраціяхъ, очень выгодное для рабочихъ, очень не выгодно для буржуазіи“. „Посмотримъ въ чемъ тутъ дѣло, говоритъ авторъ, почему выгоденъ для рабочихъ короткій рабочій день?“ Затѣмъ авторъ посвящаетъ половину книжки (16 стр.) выясненію этого вопроса. Далѣе сообщаются краткія свѣдѣнія о продолжительности рабочаго дня на Западѣ и о майской демонстраціи, какъ средствѣ борьбы за сокращеніе рабочаго времени (стр. 21—25). Еще далѣе отмѣчаются преимущества политической свободы и тѣ препятствія, которыя, несмотря на превозглашонные принципы свободы, западно-европейская буржуазія ставитъ рабочему классу.

Только на 28 страницѣ авторъ говоритъ: „но довольно о другихъ странахъ. Поговоримъ о Россіи. Какъ поступать русскимъ рабочимъ въ виду всемірнаго рабочаго праздника 19-го апрѣля. Собственно говоря, мы не хотѣли рѣшать этотъ вопросъ. Мы хотѣли только разсказать русскимъ рабочимъ о томъ, чего добиваются ихъ заграничные товарищи. Скажемъ одно: очень полезно было бы русскимъ рабочимъ принимать участіе во всемірномъ рабочемъ праздникѣ“. „Правда, ... жестоко наказывалъ бы ихъ за такое участіе. Но вѣдь вонъ въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго тѣ же порядки и та же полиція, что и въ Россіи, а сумѣли же польскіе рабочіе отпраздновать 19-е апрѣля“. „Выходить на улицу, дѣлать демонстрацію пока не стоитъ: слишкомъ много потеряли бы мы людей, но не ходить на работу въ день 19-го апрѣля вполнѣ возможно. Наконецъ, всѣ понимающіе дѣло рабочіе должны хоть на тайныхъ собраніяхъ праздновать великій день“.

Такимъ образомъ, эта брошюра была не агитаціонной, а почти

---

[1]) Рабочая Библіотека. Выпускъ пятый. „Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ“ Г. Плеханова. Цѣна 5 коп. Женева. Типографія „Соціалдемократа“.

исключительно пропагандистской; да иной, конечно, она и не могла быть тогда.

Въ этотъ самый годъ петербургскіе рабочіе осуществили то, о чемъ говорилъ Плехановъ въ указанной брошюркѣ.

Въ ближайшее воскресенье послѣ Перваго Мая они собрались вмѣстѣ на тайную вечерю. Именно религіозной торжественностью и глубокимъ идеализмомъ звучатъ всѣ четыре рѣчи, произнесенныя рабочими на этомъ собраніи. Это были рѣчи вполнѣ сознательныхъ соціалдемократовъ и вполнѣ интеллигентныхъ рабочихъ" [1]).

„Сегодняшній день долженъ для насъ неизгладимо остаться у каждаго въ памяти. Только сегодня въ первый разъ намъ пришлось собраться со всѣхъ концовъ Петербурга на это скромное собранье и въ первый разъ слышать отъ товарищей рабочихъ горячее слово, призывающее на борьбу съ нашими сильными политическими и экономическими врагами". „Мы твердо должны надѣяться на нашу побѣду. Намъ стоитъ только вооружить себя сильнымъ оружіемъ, -а это оружіе есть знаніе историческихъ законовъ развитія человѣчества, — тогда мы всюду побѣдимъ врага. Никакія его притѣсненія и высылки на родину, заточеніе насъ въ тюрьмы и даже высылки въ Сибирь не отнимутъ у насъ этого оружія. Мы всюду найдемъ поле побѣды, всюду будемъ передавать свое знаніе: на родинѣ своимъ крестьянамъ, а въ тюрьмахъ будемъ объяснять арестантамъ, что они тоже люди и имѣютъ всѣ человѣческія права, чтобы они сознали эти права, передали свое знаніе другимъ и организовали ихъ въ группы. Въ этомъ залогъ нашего успѣха!" (Первая рѣчь).

„На насъ, какъ на болѣе развитыхъ рабочихъ, лежитъ обязанность выяснить рабочимъ причины, по которымъ они находятся въ такомъ скверномъ положеніи, и указать выходъ изъ него. Къ чести нашей, я могу сказать, что мы дѣйствительно сознали свои обязанности и несмотря на всѣ препятствія и угрозы нашего подлаго правительства, мы стараемся по мѣрѣ своихъ силъ и способностей развивать окружающихъ насъ рабочихъ". (Рѣчь вторая).

Въ третьей рѣчи ораторъ изложилъ требованія, которыя теперь составляютъ программу минимумъ соціалдемократической партіи. „Въ настоящее время—продолжалъ онъ -намъ остается только возможность, заняться развитіемъ и организаціей рабочихъ, возможность, которою, надѣюсь, мы и восполь-

[1]) Рабочая Библіотека. Выпускъ 6. „Первое Мая 1891 года. Четыре рѣчи рабочихъ, произнесенныя на тайномъ собраніи съ приложеніемъ адреса петербургскихъ рабочихъ Н. В. Шелгунову и предисловіемъ Г. Плеханова. Женева 1892 г. Типографія „Соціалдемократа".

зуемся, несмотря ни на какія препятствія и угрозы нашего правительства. А для того, чтобы наша дѣятельность была какъ можно плодотворнѣе, намъ необходимо стараться умственно и нравственно развивать себя и другихъ и болѣе энергично дѣйствовать для того, чтобы окружающіе насъ люди смотрѣли на насъ, какъ на людей умныхъ, честныхъ и смѣлыхъ и потому съ большимъ довѣріемъ относились бы къ намъ и ставили бы насъ въ примѣръ себѣ и другимъ".

„Братья! говорилъ четвертый товарищъ; будемъ пользоваться этой первой занимающейся на горизонтѣ нашей русской жизни свѣтлой минутой нашего душевнаго наслажденія. Мы начинаемъ пробуждаться отъ вѣкового нашего сна, и это уже есть часть внесенная русскими работниками въ общій прогрессъ. Въ 1848 году въ первый разъ раздалось: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" Умъ человѣческій, сѣятель этой великой истины, раскинулъ свое сѣмя чуть не по всему земному шару, а со времени 60-хъ и 70-хъ годовъ и въ нашу забитую Русь, вначалѣ преимущественно въ ряды нашей учащейся молодежи, нашихъ самыхъ лучшихъ друзей, а черезъ нихъ проникаетъ и къ намъ. Будемъ же друзья бороться за истину, не отступимъ шага назадъ до самой своей смертной агоніи".

Въ предисловіи къ этимъ рѣчамъ Плехановъ съ восторгомъ констатируетъ, что „рабочіе ясно высказали свою программу, они ясно показали, что какъ въ области политики, такъ и въ области экономіи они ни на волосъ не отклоняются отъ великихъ задачъ западнаго пролетаріата. Благодаря этому всякаго рода программные споры чрезвычайно упрощаются".

Конечно, было увлеченіемъ сказать: „рабочіе высказали свою программу". Эти рабочіе, какъ они и сами это отмѣтили, были учениками революціонеровъ-интеллигентовъ и очевидно принадлежали къ той самой школѣ, къ которой принадлежалъ и Плехановъ; но его увлеченье и радость болѣе чѣмъ понятны намъ; какимъ энтузіазмомъ полны его строки: „въ наиболѣе развитыхъ кружкахъ русскихъ рабочихъ сознаніе задачъ рабочаго класса теперь уже приняло настолько опредѣленныя формы, что нашему брату, революціонеру— „интеллигенту" остается лишь принять ихъ къ свѣдѣнію и руководству, навсегда прекративъ свои многолѣтнія исканія самой лучшей изъ всѣхъ возможныхъ программъ".

Здѣсь даже въ Плехановѣ, этомъ „единственномъ европейцѣ между русскими соціалистами", какъ отозвался о немъ старый швейцарскій соціалдемократъ Грейлихъ, сказался русскій интеллигентъ, надъ которымъ онъ всегда такъ много смѣялся и самое имя котораго писалъ не иначе какъ въ ковычкахъ.

Мнѣ неизвѣстно, какъ отпраздновали петербургскіе рабочіе на слѣдующій годъ первое мая; я нашелъ объ этомъ только краткое сообщеніе безъ приведенія фактовъ въ одной агитаціон-

ной брошюркѣ „Искры“: „Въ 1892 году тайное празднество повторилось въ Петербургѣ“ [1]).

Но за то въ этомъ году первое мая ознаменовалось не менѣе важнымъ событіемъ, чѣмъ собраніе Петербургскихъ рабочихъ въ предыдущемъ году. Я имѣю въ виду собраніе и рѣчи еврейскихъ рабочихъ въ Вильнѣ [2]). Авторъ предисловія къ этимъ рѣчамъ совершенно справедливо отмѣчаетъ въ нихъ ясное классовое сознанье, самостоятельно продуманныя мысли и положенія международнаго рабочаго соціализма, глубокое сознанье солидарности интересовъ всѣхъ рабочихъ, страстное стремленіе къ знанію и самообразованію, страстную жажду борьбы, готовность на всѣ жертвы, на самопожертвованіе во имя своихъ убѣжденій, гордое сознаніе историческаго призванія пролетаріта и непоколебимую увѣренность въ побѣдѣ“. Эти черты гораздо болѣе важно отмѣтить, чѣмъ программную выдержанность рѣчей: вѣдь программные тезисы можно усвоить, какъ школьникъ усваиваетъ азбуку, но чувства, инстинкты слагаются только въ тяжелой школѣ жизни, зависятъ отъ всего ея уклада. Піонеры соціалистическаго рабочаго движенія въ Россіи, носившіе въ себѣ тѣ мощныя духовныя силы, которыя не зависятъ отъ знанія и часто бываютъ достояніемъ даже неграмотныхъ людей, однако же сознавали всѣ превосходства образованія и потому въ каждой рѣчи мы находимъ апофеозъ науки. Еврейскій рабочій даже еще въ большей степени является апологетомъ разума; но не всегда видятъ, что еврейскій рабочій также является глубоко идеалистичнымъ и подъ часъ даже сентиментальнымъ.

„Мы того мнѣнія, говорилъ одинъ ораторъ-рабочій на жаргонѣ, что только наука и собственная энергія могутъ вывести изъ мрака къ свѣту жизни. Свѣтъ науки 19-го вѣка указываетъ намъ дорогу. Наука управляетъ нашимъ кораблемъ какъ опытный, благоразумный и дальновидный капитанъ. Какъ любящая мать наука перенесетъ насъ въ цѣлости черезъ океанъ слезъ и горя въ страну жизни. Счастливъ тотъ, чье мужество не падаетъ, чье сердце не содрогается ни при громѣ пушекъ, ни при блескѣ вражескихъ мечей, ни тогда, когда буря грозитъ разорвать парусъ бѣднаго корабля!...“ Мнѣ жалко прервать цитату этой красивой и сильной рѣчи! Еще нѣсколько строкъ.

„Такой человѣкъ выступаетъ всегда совершенно открыто и свободно говоритъ правду, не страшась ни тюрьмы, ни крѣпости, ни Сибири, ни рудниковъ, ни заряженныхъ ружей, ни даже самой смерти. Разъ мы одѣлись въ панцырь человѣчности и въ броню совѣсти, — они могутъ, сколько имъ угодно, гремѣть изъ пушекъ, осыпать насъ градомъ пуль: мы будемъ

---

[1]) „Пролетарскій Праздникъ“ Изд. „Искры“, апрѣль 1903 г. 16 страницъ.

[2]) „Первое мая 1892 года. Четыре рѣчи еврейскихъ рабочихъ съ предисловіемъ“. Женева 1893 г. Тип. „Соціалдемократической Библіотеки“ стр. XXV + 27.

стоять несокрушимой стѣной, о которую разобьются ядра, сломаются мечи и служители ада утомятся, наконецъ, тиранить насъ!...“

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ и еврейскій пролетаріатъ доказалъ, что эти слова не были только словами!

„Развѣ подлые буржуа въ состояніи своими тѣлесными глазами остановить ходъ небесныхъ свѣтилъ? Нѣтъ! А они мечтаютъ убить душу, смѣшные богатыри! Духъ хотятъ они заковать въ цѣпи! Одинъ лучъ свѣта разсѣетъ самый густой мракъ!.. Такіе люди, какъ Желябовъ, останутся до конца первыми героями на страницахъ русской исторіи, — это записано не чернилами, а кровью ихъ сердца“.....

Революціонеры 70-хъ и 80-хъ годовъ умирали на висѣлицахъ съ увѣренностью, что „изъ ихъ костей поднимется мститель суровый“. Они не ошибались.

На этомъ собраніи говорили также двѣ работницы, и въ рѣчи одной изъ нихъ были уже ясно выражены новые методы борьбы, едва тогда возникавшіе: агитація на почвѣ экономической борьбы за освобожденіе рабочаго класса; до этого времени соціалдемократы ограничивались кружковой пропагандой своихъ идей среди рабочихъ.

Указавъ на „печальное положеніе“ рабочаго класса въ Россіи и призывая къ борьбѣ, виленская работница продолжала: „Но, конечно, каждый человѣкъ долженъ измѣрить свои силы, онъ не долженъ браться за то, чего онъ не въ состояніи сдѣлать. Мы хорошо знаемъ, что все сразу передѣлать мы не можемъ; поэтому мы должны бороться пока съ нашими ближайшими врагами, съ которыми намъ приходится сталкиваться каждый день, съ нашими хозяевами. Мы должны стараться основать кассы и заботиться объ ихъ расширеніи; мы должны устраивать стачки. Но, устроить стачку! Насъ пугаетъ самое это слово. Мы изъ за этого можемъ совсѣмъ лишиться мѣста! Да, друзья, я это вполнѣ чувствую и понимаю. Я знаю, что значитъ для нашего брата—рабочаго лишиться мѣста. Но у насъ не должны опускаться руки при первой неудачѣ. Мы должны преслѣдовать нашу цѣль до конца жизни“.

* *
*

Въ слѣдующемъ, 1893 году, въ празднованіи Перваго Мая приняли участіе Латышскіе рабочіе. Какъ сообщаетъ „Жизнь“: „Въ 1893 году 12 сознательныхъ рабочихъ, представителей рабочихъ кружковъ разныхъ фабрикъ, отпраздновали Первое Мая подъ открытымъ небомъ за Либавскимъ озеромъ“ [1]).

О томъ, какъ прошелъ день Перваго Мая въ Петербургѣ въ 1893 году и 1894 и въ 1895 я, къ сожалѣнію, не могъ найти въ литературѣ никакихъ указаній. Я и самъ провелъ эти годы въ Петербургѣ, но у меня не сохранилось никакихъ воспоминаній

[1]) „Первое Мая 1902 года“. Изданіе Соц.-дем. Орг. „Жизнь“ стр. 19.

объ этомъ днѣ; правда, я былъ тогда еще молодымъ студентомъ, но и тов. Петербуржецъ, въ это время уже принимавшій непосредственное участіе въ агитаціи, ничего не упоминаетъ въ своей книжкѣ о маевкахъ этихъ лѣтъ; поэтому я склоненъ думать, что онѣ не были отпразднованы въ Петербургѣ.

Только еврейскіе и польскіе рабочіе неизмѣнно изъ году въ годъ ознаменовывали день Перваго Мая. По свѣдѣніямъ „Очерковъ по исторіи соціалистическаго движенія въ Русской Польшѣ“ [1]), въ 1890 году около 10.000 рабочихъ въ Варшавѣ бросили работу. Перваго Мая 1891 года „бросили работу около 8.000 человѣкъ и провинціи не остались праздными зрителями: въ Лодзи забастовала текстильная фабрика Познанскаго (3 т. чел.), въ Жирардовѣ бездѣйствовали громадныя текстильныя фабрики въ теченіе цѣлой недѣли. Тамъ около 9.000 рабочихъ приняло участіе въ стачкѣ, которая поразила властей своей выдержкой и спокойствіемъ. Рабочіе рѣшили не давать полиціи повода вмѣшиваться въ ихъ дѣла и только неистовство баши-бузуковъ вывело ихъ изъ равновѣсія. Начались уличныя схватки между стачечниками и полиціей, а затѣмъ были вызваны войска и подъ личнымъ предводительствомъ Варшавскаго губернатора Медема приступили къ избіенію беззащитныхъ. Было убито нѣсколько рабочихъ: это была первая бойня, учиненная правительствомъ надъ польскимъ пролетаріатомъ“.

„Перваго Мая 1892 года Варшава отступила на второй планъ, а Лодзь стала средоточіемъ движенія; въ Лодзи остановились всѣ фабрики и заводы, а рабочее населеніе въ 100.000 человѣкъ двинулось стройно по городу, требуя восьмичасового рабочаго дня, увеличенія платы и политической свободы. Заранѣе собранные въ городѣ войска и казаки начали небывалую рѣзню и безчинства. Къ вечеру порядокъ былъ возстановленъ, а на улицахъ города осталось 36 труповъ демонстрантовъ“.

„Первое Мая 1893 года нельзя назвать удачнымъ. Бросили работу каменьщики да рабочіе кожевеннаго производства. Крупные заводы и фабрики работали, такъ какъ подъ давленіемъ полиціи явились почти всѣ рабочіе; за то фабрики съ малымъ количествомъ рабочихъ почти всѣ пріостановили работу. Работу бросило въ общемъ 7—8 тысячъ. Въ другихъ фабричныхъ центрахъ Царства Польскаго Первое Мая прошло почти незамѣтно“.

Точно также еврейскіе рабочіе ежегодно, начиная съ 1892 года, собирались Перваго Мая на тайныя собранія. Въ 1893 году въ Вильнѣ собранія были устроены по отдѣльнымъ профессіональнымъ союзамъ; на всѣхъ ихъ было до 400 человѣкъ.

* * *

[1]) Biblioteka pol. par. soc. Proletaryat № 8 1904. Львовъ.

О празднествѣ 1894 года не имѣется никакихъ данныхъ. Не знаю, чѣмъ объяснить этотъ странный перерывъ движенія. Всѣ перипетіи идейной борьбы, совершавшейся въ сознательныхъ слояхъ пролетаріата, отражались на томъ, какъ былъ проведенъ этотъ день; тѣмъ болѣе досаденъ поэтому недостатокъ свѣдѣній о немъ.

Для еврейскаго рабочаго движенія въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣло Первое Мая 1895 года, которое справедливо считается „поворотнымъ пунктомъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія". Собранія были организованы въ Вильнѣ, Минскѣ, Варшавѣ и Сморгони. Въ Вильнѣ было уже около 500 организованныхъ въ кассы рабочихъ, изъ нихъ 250 были созваны на два собранья по 125 человѣкъ въ каждомъ. На обоихъ было выставлено красное знамя и на немъ были сдѣланы на еврейскомъ языкѣ надписи требованій пролетаріата. Очень характерно для стадіи экономизма, которую въ это время переживало еврейское движеніе, что эти требованія были непосредственными, практическими, чисто экономическими: „Мы боремся за *десятичасовой* рабочій день, за повышеніе платы, за лучшее обращеніе". Произнесены были рѣчи о революціонной дѣятельности за истекшій годъ и о значеніи Перваго Мая. Затѣмъ, сверхъ намѣченнаго порядка дня, тов. Мартовъ говорилъ о политическомъ положеніи Россіи и о политическихъ задачахъ пролетаріата. Организаторы собранія не безъ опасеній рѣшились сдѣлать этотъ шагъ: они не были увѣрены, что собравшіеся, воспитанные на экономической борьбѣ, отнесутся сочувственно къ политическимъ тенденціямъ. Но ихъ опытъ убѣдилъ ихъ, что уже можно, а слѣдовательно и необходимо расширить задачи агитаціи среди рабочихъ: политическая рѣчь была встрѣчена рабочими очень сочувственно.

На другой день было устроено собраніе агитаторовъ, на которомъ присутствовало 40 человѣкъ и гдѣ была произнесена рѣчь тѣмъ же товарищемъ, впослѣдствіи изданная заграницей, а въ настоящее время и въ Россіи [1]).

Какъ справедливо отмѣчено въ предисловіи къ заграничной брошюрѣ, рѣшающимъ обстоятельствомъ, продиктовавшимъ содержаніе этой рѣчи, является „выступленіе на арену борьбы рабочихъ массъ, видоизмѣнившее и самую постановку вопроса о политической свободѣ въ Россіи. Теперь главная задача россійской соціалдемократіи заключается не въ отвлеченной проповѣди нашихъ политическихъ идеаловъ, а въ практическомъ умѣніи связать политическую агитацію съ повседневной борьбой рабочихъ массъ за улучшеніе своего экономическаго положенія".

---

[1]) „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія". Изд. Союза Рус. Соц. Дем. Женева 1900 года. Матеріалы для исторіи еврейскаго рабочаго движенія. Изд. „Трибуны". СПБ. 1906 г.

Для осуществленія этой задачи приходилось руководствоваться въ своей дѣятельности не только общими принципами научнаго соціализма, но и конкретнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ и насущными потребностями рабочаго движенія на данной ступени его развитія и въ данномъ районѣ; поэтому авторъ рѣчи „долженъ рѣшительно признать, что цѣль дѣйствующихъ въ еврейской средѣ соціалдемократовъ состоитъ въ томъ, чтобы создать спеціальную еврейскую организацію, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейскаго пролетаріата въ борьбѣ за экономическое, гражданское и политическое освобожденіе".

Въ этой рѣчи впервые была опредѣленно формулирована задача, которую, впослѣдствіи блестяще осуществилъ Бундъ, и потому маевка 1895 года является вѣхою еврейскаго рабочаго движенія.

Въ этомъ году и московскіе рабочіе присоединились къ празднованію Перваго Мая. „Въ этотъ день впервые собрались они въ числѣ двухсотъ человѣкъ. Въ рѣчахъ, сказанныхъ на этой сходкѣ (многія рѣчи говорились рабочими) выражалась надежда, что русскіе рабочіе, выступившіе позднѣе другихъ на борьбу съ капитализмомъ, воспользуются примѣромъ своихъ заграничныхъ собратій, преодолѣютъ всѣ препятствія на своемъ пути и скоро найдутъ надлежащее мѣсто во всемірной арміи пролетаріата. Здѣсь впервые для Москвы открыто была высказана мысль о необходимости организаціи и боевой рабочей кассы. Единогласно было рѣшено ежегодно устраивать собранія въ день Перваго Мая" [1]).

* * *

До 1896 года только польскіе соціалисты выпускали прокламаціи ко дню Перваго Мая и только польскіе рабочіе могли устроить открытыя демонстраціи на улицахъ: польское движеніе является старѣйшимъ въ Россіи. Въ 1896 году прокламаціи появились также и въ Петербургѣ.

„Это былъ скромный листокъ, отпечатанный на мимеографѣ въ количествѣ 3,000 экземпляровъ. Съ величайшими трудностями, — пишетъ Волжанскій, но намъ удалось распространить его на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Петербурга и мы торжествовали. А когда черезъ мѣсяцъ послѣ этого вспыхнула знаменитая стачка 1896 г., рабочіе говорили намъ, что первымъ толчкомъ къ ихъ объединенію былъ нашъ маленькій, скромный майскій листокъ" [2]).

Всѣ эти рѣчи и прокламаціи нашихъ маевокъ произно-

[1]) „Рабочее движеніе въ Москвѣ" Работникъ №№ 3—4. Женева 1897. Отъ Центральнаго Комитета Московскаго Рабочаго Союза.

[2]) З. Волжанскій, „Волна" № 6 (газета фракціи большинства) 1 мая 1906 г.

сились и писались разными людьми и въ разныхъ мѣстахъ, на разныхъ языкахъ. Едва-ли когда-нибудь дважды подъ рядъ одни и тѣ же лица вмѣстѣ проводили этотъ день: въ тюрьмѣ и ссылкѣ пѣвцы праздника весны вспоминали, что было въ прошломъ году Перваго Мая. Тѣ, кто говорилъ и писалъ, въ массѣ случаевъ не зналъ, что говорилось раньше на этомъ праздникѣ и кто будетъ продолжать ихъ рѣчи. И однако неоспоримая преемственность связываетъ событія этого дня изъ году въ годъ.

Въ моей коллекціи соціалдемократическихъ прокламацій лежатъ майскіе листки каждый въ отдѣльномъ конвертѣ, въ архивномъ гробу, раздѣленные десятками другихъ листковъ выпущенныхъ въ теченіе года отъ мая и до мая. И вотъ, когда я вынулъ ихъ, развернулъ и положилъ рядомъ, они ожили, свидѣтели прошлаго, и кажется, что всѣ они — сосѣдніе листы одной и той же книги и по нимъ можно читать страницу за страницей повѣсть нашей томительно тягостной и упорной борьбы.

Прокламація 1896 года въ Петербургѣ была первою майскою прокламаціей въ Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго. Она была создана на рубежѣ между періодомъ чистой проповѣди соціализма и свободы и періодомъ агитаціи, призывовъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ. Этотъ переходный характеръ отпечатался на ней ярче, чѣмъ самые штрихи ея буквъ, черные на бѣломъ.

Прокламація очень длинна и занимаетъ $3^1/_2$ страницы писчей бумаги; и не только своими размѣрами, но и содержаніемъ она походитъ на брошюрку—дань только что пережитому тогда періоду пропаганды.

„Товарищи, посмотримъ внимательно на наше положеніе, говоритъ прокламація, оглянемся на ту обстановку, гдѣ мы проводимъ свою жизнь. Что мы увидимъ? Мы работаемъ много, мы создаемъ несмѣтныя богатства, золото и ткани, парчу и бархатъ, добываемъ изъ нѣдръ земли желѣзо и уголь, строимъ машины, сооружаемъ корабли и дворцы, проводимъ желѣзныя дороги. Все богатство міра создано нашими руками, добыто нашимъ потомъ и кровью. По справедливости мы должны бы были жить въ хорошихъ квартирахъ, носить хорошее платье и уже во всякомъ случаѣ не нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ. Но наша заработная плата едва хватаетъ на то, чтобы существовать“.

Далѣе прокламація говоритъ о безъисходной нуждѣ и безрадостной жизни рабочаго, о томъ какъ западноевропейскій пролетаріатъ ведетъ свою борьбу и, въ частности, какъ онъ демонстраціей Перваго Мая заявляетъ о своихъ правахъ и о своей волѣ.

Въ прокламаціи ничего не говорится о политической борьбѣ,

о политическихъ задачахъ рабочаго класса. Только пять послѣднихъ словъ показываютъ, что авторы прекрасно помнили объ этихъ задачахъ, но намѣренно, по тактическимъ соображеніямъ, не коснулись ея.

„Товарищи! если мы будемъ дѣйствовать дружно и единодушно —такъ кончается листокъ—то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись въ стройные ряды, будемъ въ состояніи открыто присоединиться къ этой общей борьбѣ всѣхъ рабочихъ всѣхъ странъ безъ различія вѣры и племени противъ капиталистовъ всего міра. И поднимется наша мускулистая рука, падутъ позорныя цѣпи неволи; поднимется на Руси рабочій народъ и затрепещутъ сердца капиталистовъ и *всѣхъ прочихъ враговъ рабочаго класса*". (Курсивъ мой).

Въ Москвѣ изъ-за коронаціи весною 1896 года была такая усиленная слѣжка, что майскій праздникъ отпраздновать не удалось.

Зато въ Нижнемъ Новгородѣ были выпущены двѣ майскихъ прокламаціи, а въ Саратовѣ рабочіе устроили сходку и говорили рѣчи подъ краснымъ знаменемъ.

Еврейскими товарищами въ этомъ году Первое Мая отпраздновано особенно дружно. Въ Варшавѣ передъ Первымъ Мая была распространена особо изданная брошюра, объясняющая значеніе рабочаго праздника: маленькая брошюрка по спеціальному поводу и здѣсь была предтечей прокламаціонной литературы. А въ Бѣлостокѣ появилось и воззваніе. Въ Минскѣ въ праздникѣ участвовало 300 человѣкъ; въ Вильнѣ 540. На красныхъ знаменахъ было написано: „Мы боремся за свободу стачекъ, собраній, слова и печати". Это былъ уже шагъ впередъ отъ прошлогоднихъ чисто экономическихъ лозунговъ, но измѣненіе политическаго строя и тутъ еще не было указано въ числѣ задачъ борьбы.

Въ Царствѣ Польскомъ частичныя забастовки произошли въ Варшавѣ, Радомѣ, Кельцахъ, Люблинѣ, Пабіаницахъ, Лодзи, Ченстоховѣ и Домбровѣ.

Заграничная организація соціалдемократовъ, „Группа Освобожденія Труда" выпустила майскій листокъ. Съ тѣхъ поръ русскіе соціалдемократы заграницею ежегодно издавали къ этому дню спеціальныя брошюры. Листокъ 1896 года состоялъ изъ 12 страницъ in 4°, и имѣлъ на двухъ страницахъ символическую картину Дреера „Рабочій Праздникъ" — торжественная процессія рабочихъ со знаменемъ и ангеломъ міра на колесницѣ. Это былъ майскій номеръ издававшагося тогда заграницей непеpіодическаго сборника „Работникъ".

* * *

Мы видимъ, такимъ образомъ, что обычай праздновать Первое Мая, хотя только въ крупнѣйшихъ центрахъ движенія

и хотя медленно, но входилъ въ обычай. Въ 1897 году появились впервые еврейскія майскія прокламаціи; онѣ были разбросаны въ Варшавѣ (1,500 шт.), въ Бѣлостокѣ (200); въ Вильнѣ ихъ расклеили на стѣнахъ города въ ночь съ 17 на 18 апрѣля. Собранія были въ Варшавѣ (200 чел.), Бѣлостокѣ (300), Минскѣ (300) и Ковнѣ. Вильна весь день 19 апрѣля была занята войсками. Патрули демонстрировали передъ населеніемъ значеніе этого дня. При такихъ условіяхъ виленскимъ рабочимъ не было возможности устроить собраніе; но это имѣло неожиданные результаты: спропагандированные рабочіе, не зная что предпринять, стали стекаться со всѣхъ концовъ Вильны въ городской садъ и собрались въ такомъ количествѣ, что садъ принялъ праздничный видъ. Рѣчи не были произнесены, но молчаливо каждый чувствовалъ себя соединеннымъ здѣсь съ товарищами по дѣлу; празднество это стало называться „молчаливой демонстраціей“ и оно явилось первымъ шагомъ къ выступленію еврейскихъ рабочихъ на путь уличныхъ демонстрацій.

Польская соціалистическая партія (P. P. S.) выпустила рядъ воззваній по обыкновенію и въ этомъ году, но, насколько можно судить по источникамъ, которыми я располагаю, этотъ день ничѣмъ другимъ не ознаменовался въ польскомъ рабочемъ движеніи.

Въ Петербургѣ тоже былъ выпущенъ майскій листокъ. Мнѣ не удалось узнать, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ написанъ; чувствуется однако, что онъ составленъ не тѣми людьми, которые выпустили предъидущій.

„Это не такой праздникъ, товарищи — говоритъ листокъ по поводу предстоящей маевки — о которыхъ говорятъ намъ въ церквахъ попы; это не праздникъ смиренія, покорности и молитвы; это праздникъ борьбы съ эксплуататорами и притѣснителями всѣхъ странъ и названій; праздникъ борьбы, который рано или поздно станетъ праздникомъ побѣды“. „Ежегодно передъ Первымъ Мая проникаются трепетомъ наши враги, начиная съ мелкихъ фабрикантовъ и кончая могущественными . . . . . Они сознаютъ, что ихъ господству скоро конецъ, они чувствуютъ, что ежегодныя празднованія Перваго Мая словно смотры и маневры рабочихъ батальоновъ; это удары топора подрубающаго сукъ, на которомъ они сидятъ, это стукъ молотка, заколачивающаго крышку ихъ гроба“.

Мнѣ кажется совершенно ошибочной эта мысль.

Мы, русскіе соціалисты, не мало скитались за это время по Западной Европѣ; съ энтузіазмомъ присоединялись мы къ собраніямъ и демонстраціямъ нашихъ товарищей въ Германіи, Австріи, Италіи, Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англіи, Швеціи и Норвегіи. Да позволено мнѣ будетъ здѣсь сказать, что наши запросы остались неудовлетворенными. Сколькихъ изъ насъ охватывало тоскливое чувство на маевкахъ въ Западной Европѣ, когда за кружкою пива на загородной прогулкѣ това-

рищи равнодушно выслушивали рѣчь о какихъ нибудь злободневныхъ продѣлкахъ буржуазіи... „Это не такой праздникъ какъ всѣ другіе!..“ Да? А онъ становится совсѣмъ такимъ же!

Можетъ быть только что сказанное противорѣчитъ высказанному выше мнѣнію, что этотъ листокъ есть сосѣдняя страница изъ той же книги съ петербургскимъ майскимъ листкомъ предыдущаго года? Нѣтъ не противорѣчитъ. Въ этихъ двухъ первыхъ майскихъ прокламаціяхъ уже сказались, уже намѣтились тѣ два еще не принципа, но оттѣнка, настроенія, которые уже съ тѣхъ поръ возникли въ нашей партіи, и затѣмъ развивались и крѣпли, слагались въ два различныхъ міровозрѣнія, которыя теперь, въ критическую минуту противостоятъ другъ другу внутри нашей партіи и окончательная борьба которыхъ предстоитъ при свѣтѣ политической свободы.

Но несмотря на это различіе въ тенденціяхъ, прокламація 1897 года только продолжаетъ дѣло прокламаціи 1896 года. Она дѣлаетъ совершенно тотъ же переходъ, который сдѣлали рѣчи еврейскихъ соціалдемократовъ съ 1895 до 1896 годовъ: отъ чистаго экономизма къ „такъ называемому экономизму“. Идея борьбы противъ существующей политической системы самодержавія еще и здѣсь не высказана, но уже выражены пожеланья, неосуществимыя при этомъ режимѣ.

„Такъ будемъ же твердо и неуклонно продолжать разъ начатое дѣло. Будемъ объединяться, будемъ организоваться съ тѣмъ, чтобы запастись силами, потребовать себѣ тѣхъ *первыхъ политическихъ правъ*, безъ которыхъ невозможна никакая широкая борьба: *права устраивать стачки, собранія, союзы и* права открыто и свободно говорить и писать о своихъ нуждахъ, т. е. *свободы слова и печати*“.

Соотвѣтствіе между Петербургомъ и Вильной такъ велико, точно виленскіе товарищи (на годъ раньше!) только резюмировали петербургскія прокламаціи:

1895 годъ: „мы боремся за десятичасовой рабочій день, за повышеніе платы, за лучшее обращеніе!“

1896 годъ: „Мы боремся за свободу стачекъ, собраній, слова и печати!“

Это—надписи на майскихъ знаменахъ въ Вильнѣ; это же — резюме петербургскихъ прокламацій на годъ позднѣе; это-же— какъ мы увидимъ, требованія всѣхъ другихъ прокламацій въ одномъ городѣ раньше, въ другомъ позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ. Для антисемитовъ это доказываетъ, что тайное еврейское общество руководило всѣмъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи. Для насъ же это признакъ того, что революціонное движеніе среди пролетаріата русскаго, польскаго, еврейскаго, латышскаго, литовскаго, армянскаго, грузинскаго и проч. и проч. и проч. развивалось съ закономѣрностью явленій природы и у отдѣльныхъ національностей нашего государства является лишь проявленіемъ одного и того же интернаціональнаго рабочаго движенія,

совершающагося подъ общими для всѣхъ гражданъ Россіи политическими условіями...

Въ этомъ году впервые появились майскія прокламаціи въ Кіевѣ.—Онѣ, какъ ласточки весны, разлетались по всей Россіи, и мы теперь слѣдимъ за ихъ полетомъ. Кіевская майская прокламація была довольно длиннымъ листомъ, подписаннымъ Кіевскимъ Союзомъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

„Товарищи, завтра по заграничному календарю Первое Мая, говоритъ листокъ, завтра милліоны рабочихъ всего свѣта будутъ праздновать великій майскій праздникъ рабочихъ". „Завтра, вѣроятно, не одна тысяча русскихъ рабочихъ будетъ праздновать этотъ день". „Присоединимся же и мы, кіевскіе рабочіе, ко всемірному рабочему празднику Перваго Мая. Отпразднуемъ и мы, чѣмъ можемъ, этотъ великій день. Пусть каждый изъ насъ забудетъ свои частныя, мелкія дѣла и проникнется мыслью, что онъ членъ общей рабочей семьи, борецъ за общее, великое рабочее дѣло. Пусть скорѣе наступитъ то счастливое время, когда въ день Перваго Мая мы открыто и смѣло выйдемъ на улицу, развернемъ рабочее знамя и громко воскликнемъ: Да здравствуетъ Первое Мая—всемірный праздникъ рабочихъ! Да здравствуетъ борьба за свободу и счастье!"

Такимъ образомъ листокъ апеллируетъ „къ сердцу" рабочаго, и его личности, индивидуальности и разъясняетъ ему его задачи. Таковъ былъ прошлогодній Петербургскій листокъ.

Кіевскіе рабочіе не оставили безъ отвѣта этотъ призывъ. Объ этомъ повѣствуетъ „Письмо ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ", выпущенное Кіевскимъ Союзомъ Борьбы и помѣченное 19-ымъ мая: „Кіевскіе рабочіе! Перваго Мая у насъ въ Кіевѣ произошло необыкновенное событіе. 530 желѣзнодорожныхъ рабочихъ бросили послѣ обѣда работу и отправились по домамъ или за городъ, гдѣ они за дружеской бесѣдой и веселыми пѣснями провели остающуюся часть дня". Далѣе указывается все значеніе этого факта открытаго присоединенія рабочихъ Кіева къ международному празднованію Перваго Мая. „Между нами есть не мало людей, говорится далѣе, понимающихъ значеніе майскаго праздника, но Первое Мая до сихъ поръ праздновалось лишь тѣмъ, что рабочіе собирались вечеромъ послѣ работы по нѣсколько человѣкъ и бесѣдовали про свою тяжелую жизнь, про постоянныя обиды. Явно Первое Мая до сихъ поръ не праздновалось у насъ въ Кіевѣ. Кіевскіе рабочіе! мы всѣ должны быть благодарны желѣзнодорожнымъ товарищамъ за то, что они первые бросили работу въ нашъ праздникъ. Будемъ же готовиться сами и готовить нашихъ менѣе сознательныхъ товарищей къ слѣдующему майскому празднику".

Въ этомъ году группа „Освобожденіе Труда" выпустила заграницей, какъ и въ предыдущемъ году, Майскій листокъ въ 4 страницы in 4°. Въ первой статьѣ посвященной нашимъ майскимъ требованіямъ сказано: „Петербургскіе рабочіе! Посту-

пите съ этимъ закономъ (объ $11^1/_2$ часовомъ рабочемъ днѣ) такъ, какъ вы уже поступали съ цѣлымъ рядомъ русскихъ законовъ: бросьте его въ лицо царскому правительству. Русскіе рабочіе! Поддержите вашихъ петербургскихъ товарищей въ этой борьбѣ! Потребуемъ: *десятичасового рабочаго дня, свободы слова и собраній, свободы стачекъ, свободы союзовъ*".

Написанное здѣсь курсивомъ въ оригиналѣ напечатано очень крупнымъ жирнымъ шрифтомъ, каждое требованіе на отдѣльной строчкѣ съ небольшими комментаріями. Этотъ листокъ былъ изданъ Плехановымъ, Аксельродомъ и Засуличъ, тѣми самыми, которые черезъ четыре года, въ 1901 году, позволили Мартову въ редактируемой ими „Зарѣ" назвать „измѣной международному пролетаріату" выставленіе въ день Перваго Мая требованія десятичасового, а не восьмичасового дня. О низверженіи самодержавія тоже здѣсь не говорилось. Такимъ образомъ издатели листка безусловно подчинялись духу времени, который они впослѣдствіи всѣми правдами и неправдами дискредитировали.

* * *

Мы переходимъ къ 1898 году. Незадолго до маевки, въ мартѣ, произошелъ въ Минскѣ съѣздъ представителей Петербургскаго Союза Борьбы, Кіевской Группы, Рабочей Газеты, Екатеринославскаго Союза Борьбы [1]) и Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза Польши и Россіи (Бунда), на которомъ было провозглашено существованіе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Это было лишь формальнымъ признаніемъ факта существованія политическаго движенія новаго соціалистическаго направленія въ Россіи. Въ этомъ все историческое значеніе перваго съѣзда. Формы, созданныя имъ, были тотчасъ же разрушены полиціей, и до 1902 года не было Центральнаго Комитета Партіи. Однако же партія, какъ политическое теченіе, росла и крѣпла и сыграла важную роль въ освободительной борьбѣ русскаго народа и всѣхъ народовъ Россіи.

Перваго Мая отъ имени Партіи было издано первое общее для всей Россіи соціалдемократическое воззваніе. Оно могло и должно было формулировать общія требованія пролетаріата Россіи и оно это сдѣлало. По бокамъ его было напечатано: „Восьмичасовой рабочій день. Политическая свобода". Заканчивалась прокламація требованіями: „свободы стачекъ, слова, печати, собраній и союзовъ; свободы совѣсти и вѣроисповѣданій; равноправія всѣхъ національностей"... Это было повтореніемъ требованій прошлаго года, но къ этому было прибавлено впервые въ соціалдемократическихъ прокламаціяхъ: „мы требуемъ созыва парламента, куда народъ будетъ посылать своихъ

[1]) Во многихъ документахъ преданныхъ гласности Е. С. Б. не былъ упоминаютъ по конспиративнымъ соображеніямъ.

выборныхъ людей путемъ общаго, тайнаго, прямого и равнаго для всѣхъ выбора".

Навѣки останется историческимъ фактомъ, что соціалдемократическая Партія среди безпросвѣтнаго мрака реакціи 90-хъ годовъ первая понесла широкимъ кругамъ пролетаріата лозунги, которые, къ счастью нашей родины, теперь стали достояніемъ всего народа! Эта партія поэтому съ полнымъ основаніемъ заявляла въ первомъ своемъ манифестѣ, что она „продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи и, ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ Партіи всецѣло завоеваніе политической свободы, соціалдемократія идетъ къ цѣли ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой Народной Воли".

Таково общее значеніе этого важнаго для нашей партіи документа. Переходя затѣмъ къ изученію его внутренней структуры, нельзя не замѣтить въ немъ рѣзкихъ чертъ опредѣленнаго теченія въ нашей партіи; это именно: обособленіе политическихъ правъ въ самодовлѣющую группу интересовъ и отсутствіе указаній на специфическіе стимулы дѣятельности революціоннаго пролетаріата. Такъ, думается мнѣ, слѣдуетъ охарактеризовать эти черты; но когда эта прокламація появилась, ее не упрекали въ этомъ, но находили, что она „неудачно составлена" и не производитъ впечатлѣнія на рабочихъ.

Правда, прокламація начинается сообщеніемъ, что „сегодня рабочіе всего міра" „выставляютъ требованіе восьмичасового рабочаго дня", и „въ то время какъ заграницей рабочіе привѣтствуютъ Первое Мая въ торжественномъ шествіи съ пѣснями и знаменами, свободно и громко заявляютъ о своихъ требованіяхъ, мы, русскіе рабочіе, вынуждены тайкомъ устраивать свои собранія, рискуя при этомъ своей свободой и безопасностью". Но вся остальная часть прокламаціи говоритъ лишь о преимуществахъ западноевропейскаго политическаго строя надъ русскимъ и о необходимости политической борьбы. Прокламація поэтому носитъ чисто радикальный характеръ. Невольно спрашиваешь себя, чѣмъ отличается эта прокламація отъ прокламацій, напримѣръ, Астырева? Единственно тѣмъ, что Астыревъ писалъ безконечно сильнѣе и прекраснѣе.

Эта прокламація была составлена отъ имени Центральнаго Комитета Партіи петербургскими товарищами, такъ называемою группою „Стариковъ". Кромѣ того Петербургскій Союзъ Борьбы выпустилъ свою мѣстную майскую прокламацію. Не можетъ не представить высокаго интереса сравненіе этихъ двухъ документовъ, написанныхъ на одну и ту же тему, въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же городѣ, членами одной и той же партіи, но принадлежащими къ двумъ идейнымъ теченіямъ, тогда еще не сознавшимъ своей принципіальной об-

особленности [1]). Даже планъ, по которому написаны обѣ прокламаціи, одинаковъ. Въ довершеніе всего составители прокламаціи Союза Борьбы видимо руководились конструкціей прокламаціи предыдущаго года, написанной въ стилѣ прокламаціи Центральнаго Комитета. И однако тонъ этихъ воззваній совершенно оригиналенъ.

„Не такъ давно праздникъ Перваго Мая былъ для насъ мало понятенъ", такъ начинается прокламація Союза Борьбы; „но теперь каждый изъ насъ уже знаетъ какой это праздникъ". Подобно прошлогодней прокламаціи и здѣсь Первое Мая названо праздникомъ борьбы, но эта борьба охарактеризована какъ „медленная, тяжелая, но вѣрная"; по словамъ прокламаціи эта борьба направлена противъ хозяевъ и противъ правительства, которое названо „вѣрнымъ другомъ, помощникомъ и охранителемъ хозяевъ". Уже по этимъ мелочамъ легко узнать школу. Мнѣ кажется, что если бы мнѣ дали такую прокламацію, не сказавъ кѣмъ, когда и гдѣ она написана, я безъ труда угадалъ бы это.

Далѣе говорится о демонстраціяхъ западноевропейскихъ рабочихъ въ день Перваго Мая, говорится то самое, что и въ прошломъ году, и что въ прокламаціи Центральнаго Комитета, но опять едва уловимые штрихи создаютъ совершенно другое впечатлѣніе: „въ этотъ великій день" „рабочіе собираются дружными отрядами подъ краснымъ знаменемъ", и „хозяева смотрятъ со страхомъ и удивленіемъ на эту растущую силу". „Рабочіе оповѣщаютъ весь міръ объ успѣхахъ своей борьбы" и „громко призываютъ въ свои ряды отсталыхъ". „Мы быстрымъ шагомъ догоняемъ нашихъ заграничныхъ братьевъ, и они оборачиваются къ намъ съ привѣтливой улыбкой и зовутъ за собою и радуются побѣдамъ новыхъ, давно жданныхъ товарищей".

Далѣе больше половины прокламаціи отведено вопросамъ экономической борьбы рабочихъ въ Россіи и затѣмъ дѣлается выводъ, что „правительство своими преслѣдованіями только сильнѣе зарождаетъ въ нашихъ сердцахъ жажду свободы, жажду низвергнуть съ себя постылое иго гнетущей нужды и безправія". „Пусть великій день Перваго Мая будетъ для всѣхъ насъ сигналомъ, призывающимъ къ объединенію и борьбѣ".

Вмѣсто „требованій" формулированы слѣдующія задачи: „будемъ добиваться сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы, права стачекъ, права объединяться въ союзы; устраивать кассы, собранія; свободы слова и печати, свободы политической".

Такимъ образомъ къ требованіямъ прошлаго года присоединилось одно новое: „свободы политической"; это очень неопредѣленное выраженіе, но въ текстѣ прокламаціи ея противоправительственный характеръ уже ясно виденъ. Однако несомнѣнно, что эта прокламація еще не рѣшалась ясно формулировать за-

[1]) Первый былъ перепечатанъ въ № 8, а второй въ № 9—10 „Листка Работника". Изданіе Союза Рус. Соц.-дем. Женева, іюль и ноябрь 1898 года.

дачу низверженія самодержавія, какъ это дѣлала прокламація Центральнаго Комитета.

Значеніе маевки въ этой прокламаціи разсматривается не какъ актъ борьбы, но какъ „сигналъ“, символъ. Въ этомъ чувствуется что-то родственное съ рѣчами петербургскихъ рабочихъ на первой маевкѣ и что-то чуждое другой прокламаціи, выпущенной одновременно. Такъ и чудится, что если бы авторы ихъ стояли здѣсь рядомъ, какъ лежатъ рядомъ ихъ воззванія, одни бы сказали: „бланкисты“, а другіе „идеалисты“!..

Кіевскій Союзъ Борьбы выпустилъ общепартійную первомайскую прокламацію. Она была напечатана въ типографіи „Рабочей Газеты“ совершенно въ такомъ видѣ, какъ и для Петербурга. Измѣнена только подпись.

Въ этомъ году и Харьковъ примкнулъ къ нашему празднованію. За городомъ было устроено нѣсколько собраній, на которыхъ присутствовало по нѣскольку десятковъ человѣкъ на каждомъ. Но майскихъ листковъ еще не было, хотя къ этому времени прокламаціи уже появлялись въ Харьковѣ. „Май 1898 года, если не ошибаемся, впервые праздновался харьковскими рабочими заслуживающимъ упоминанія образомъ“ [1]).

Отозвался и Ивано-Вознесенскъ; его Первое Мая прошло оживленно и обнаружило здоровый ростъ рабочихъ организацій.

Въ Костромѣ [2]) былъ перепечатанъ майскій листокъ Петербургскаго Союза Борьбы.

Впервые въ этомъ году была выпущена майская прокламація въ Екатеринославѣ.

Въ Полтавѣ ремесленники устроили собраніе, на которомъ однимъ рабочимъ была произнесена рѣчь, напечатанная въ № 4 „Рабочей Мысли“.

Въ Одессѣ давно уже зрѣла мысль о маевкѣ; къ ней готовились еще въ 94 году, и только аресты 28 января разстроили планы. Теперь тамъ появились прокламаціи и были разбросаны по городу.

Тифлисскіе рабочіе праздновали Первое Мая за городомъ въ ущельяхъ.

Группа „Освобожденіе Труда“ выпустила брошюру въ 32 страницы [3]). Въ ней помѣщена прекрасная „сказка—правда“ „Сонъ подъ Первое Мая“, которая впослѣдствіи много разъ была переиздана заграницей и въ Россіи [4]). Впереди брошюры—небольшое предисловіе Плеханова. Полезно отмѣтить двѣ мысли, высказанныя имъ при этомъ и имѣющія интересъ съ точки зрѣнія исторіи развитія нашей партіи.

Русскіе рабочіе „должны праздновать день Перваго Мая.

[1]) „Рабочее движеніе въ Харьковѣ“. Изд. Союза Рус. Соц.-Дем. Женева 1900 г.
[2]) „Рабочее движеніе въ Костромѣ“. Изд. Союза Рус. Соц.-Дем. Женева 1902 г.
[3]) „Работникъ“. „Майскій Листокъ 1898 года“ Женева.
[4]) Теперь всѣмъ извѣстно, что брошюра эта написана Е. Д. Кусковой. Появившаяся съ именемъ автора „въ дни свободы“ и въ Россіи (въ изд. „Дон. Рѣчи“), брошюра эта нынѣ снова запрещена. *Ред.*

Разумѣется, говоритъ Плехановъ, у насъ нельзя устраивать демонстраціи: если бы теперь у насъ понимающіе дѣло рабочіе вышли на улицу со знаменами въ день Перваго Мая (19 апр.), ихъ перестрѣляли бы солдаты и перехватала бы полиція и отъ этого ослабѣла бы сила нашихъ рабочихъ".

Но товарищи въ Россіи въ это время уже готовились къ устройству демонстрацій и „молодой" заграничный „Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ", состоявшій изъ лицъ сравнительно незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшихъ изъ Россіи, выразилъ это въ своихъ резолюціяхъ о демонстраціяхъ вообще и первомайскихъ въ частности въ томъ же 1898 году, осенью. Такимъ образомъ какъ разъ въ это время русское рабочее движеніе перешло въ своемъ развитіи грань, за которой стали уже возможны первые пріемы политической борьбы, демонстраціи, до сего времени признававшіяся въ партіи невозможными.

Кромѣ того это опровергаетъ ложную мысль, много разъ высказанную въ печати, будто бы въ періодъ такъ называемаго экономизма ортодоксы выдвигали демонстраціи, какъ методъ политической борьбы, но не были поддержаны активными работниками этого періода. Дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ.

Вторая мысль Плеханова, которую слѣдуетъ отмѣтить, выражена слѣдующими словами. „Чѣмъ скорѣе проснутся наши рабочіе, тѣмъ скорѣе придетъ и у насъ то время, когда рабочіе будутъ имѣть законное право открыто собираться и громко говорить о своихъ нуждахъ. А когда у нихъ будетъ это право, тогда имъ уже много легче будетъ бороться со своими хозяевами и тогда уже скоро поймутъ они, какъ положить конецъ хозяйскому гнету и какъ завести такіе порядки, при которыхъ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни капиталистовъ на наемныхъ работниковъ".

Здѣсь говорится, что рабочіе для достиженія соціализма должны завоевать себѣ предварительно нѣкоторыя права: право собраній, свободу слова. При этомъ не упоминается, что между этими правами находится право народа законодательствовать черезъ посредство своихъ депутатовъ. Это умолчаніе о низверженіи самодержавія, какъ ближайшей задачѣ рабочаго движенія являлось типичнымъ для періода, къ которому относится эта брошюра. Противники этой тогдашней методы писать прокламаціи и листки называли ее „теоріей частичныхъ политическихъ правъ" и рѣзко осуждали ее, высмѣивали на ихъ взглядъ ненужную осторожность; недосказанность они называли замалчиваніемъ и обманомъ рабочаго класса. Въ числѣ этихъ рѣзкихъ критиковъ періода „такъ называемаго экономизма" былъ и Плехановъ. Поэтому и интересно отмѣтить, что критикуя post factum такъ называемый экономизмъ, онъ самъ неоднократно служилъ ему.

Въ Царствѣ Польскомъ этотъ день прошелъ по обыкновенію еще болѣе оживленно, чѣмъ въ центральной Россіи. Польская

Соціалистическая Партія (P. P. S.) выпустила воззванія на польскомъ и еврейскомъ языкѣ. Варшавскіе рабочіе дружно откликнулись на этотъ призывъ и устроили внушительную, прекрасно организованную демонстрацію въ Уяздовскихъ Аллеяхъ, гдѣ собралось около двухъ тысячъ рабочихъ; арестованные при этомъ были скоро выпущены. Такая же точно демонстрація была устроена въ Сосновицахъ. Лодзь молчала. Тяжелыя жертвы 1893 года подавляли въ ней движеніе; но послѣдующія лодзинскія событія, въ особенности событія 1905 года, показали, что то было затишьемъ передъ бурей.

Бундъ издалъ на жаргонѣ 10.000 прокламацій и двѣ брошюры, „О Первомъ Мая“ и „Сонъ подъ Первое Мая“. Кромѣ того мѣстные комитеты издали свои прокламаціи, въ Минскѣ (800) и Бѣлостокѣ (500). Воззванія Центральнаго Комитета были распространены въ Варшавѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Лодзи, Витебскѣ и въ двѣнадцати мѣстечкахъ. Прокламація эта на русскомъ языкѣ нигдѣ напечатана не была. Она очень длинна (12 тысячъ буквъ) и носитъ характеръ маленькой брошюрки. Въ ней подчеркивается общность дѣла еврейскихъ, русскихъ и польскихъ рабочихъ и выставляются тѣ самыя требованія, что и въ общепартійной прокламаціи, т. е. не только права общественной и личной свободы, но и участіе народа въ законодательствѣ. Но здѣсь въ еврейскихъ прокламаціяхъ эти требованія были выдвинуты всѣмъ ходомъ развитія идей и потому являлись лишь ближайшимъ шагомъ впередъ, какъ это видно изъ приведенныхъ мною справокъ о лозунгахъ Перваго Мая 1892, 93, 95, 96 и 97 годовъ. Поэтому составители прокламаціи могли крѣпко связать эти требованія съ насущными, реальными интересами движенія. Прокламація подписана такъ: „Центральный Соціалдемократическій Комитетъ. Типографія Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Польшѣ и Литвѣ“.

Кіевская Группа Соціалистовъ-Революціонеровъ также выпустила прокламацію къ Первому Мая; если не ошибаюсь, это была ихъ первая майская прокламація [1]). Въ ней не формулированы требованія, но разъяснено значеніе этого дня. Тамъ говорится между прочимъ: „Гдѣ шумными манифестаціями, гдѣ многолюдными сходками, гдѣ многочисленными собраніями рабочіе всѣхъ странъ привѣтствуютъ близкихъ и отдаленныхъ товарищей и бросаютъ вызовъ общему врагу“. Въ слѣдующемъ номерѣ „Русскаго Рабочаго“ (февраль 1899 г.) корреспондентъ изъ Кіева, описывая предмайскую кампанію, добавляетъ: „день Перваго Мая прошелъ *на этотъ разъ* благополучно для царизма и капитализма“. (Курсивъ мой). Мы увидимъ впослѣдствіи, что этотъ взглядъ на Первое Мая, какъ на день, который, „не ровенъ часъ“—какъ говорилъ Плехановъ—не пройдетъ „благо-

[1]) Эта прокламація перепечатана въ „Русскомъ Рабочемъ“ Изд. Союза Рус. Соц. Рев. Лондонъ. Октябрь 1898 г.

получно для царизма и капитализма", всегда развивался соціалистами революціонерами. Къ сожалѣнію, впрочемъ, я долженъ отказаться отъ подробнаго разсмотрѣнія первомайскихъ прокламацій соц. рев., такъ какъ не имѣю ихъ въ достаточномъ количествѣ.

Такъ ширилось наше великое дѣло, постепенно охватывая всю Россію. Майскій праздникъ уже былъ важнымъ явленіемъ въ общественной жизни и правительство уже съ нимъ считалось, разумѣется, по своему: арестами и репрессіями. Прежде въ революціонной средѣ ждали арестовъ къ Рождеству и Пасхѣ; теперь стали ждать къ Первому Мая. Къ этому дню въ 1898 году было произведено въ Россіи, по подсчету „Рабочаго Дѣла", до тысячи арестовъ.

* * *

1899 годъ продолжалъ дѣло прошлыхъ лѣтъ и, когда, Перваго Мая, были подведены итоги, можно было отмѣтить не только прогрессъ движенія, но и ускорѣніе самаго темпа его: празднованіе Перваго Мая изъ кружкового и тайнаго начинало становиться массовымъ и открытымъ.

Съ этой точки зрѣнія, однако, все еще оставалось передовымъ рабочее движеніе окраинъ Россіи: польское, еврейское, латышское; но русское движеніе, позже возникшее, развивалось въ томъ же направленіи, что и подтвердилось въ послѣдующіе годы грандіозными демонстраціями въ Харьковѣ, Тифлисѣ, Петербургѣ, затѣмъ въ другихъ городахъ, и, наконецъ, во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Россіи.

Въ 1899 году Первое Мая совпадало съ понедѣльникомъ на русской Пасхѣ. Польская Соціалистическая Партія назначила демонстрацію на воскресенье въ Уяздовскихъ Аллеяхъ. Партія заранѣе выпустила прокламаціи и даже воззваніе къ дворникамъ, указывая ихъ нужду и призывая помогать рабочимъ въ ихъ борьбѣ за лучшую долю. Въ 5 часовъ вечера въ назначенное мѣсто стеклось нѣсколько тысячъ рабочихъ; полиція старалась остановить движеніе, но толпа дважды прорвала цѣпь полицейскихъ. Казаки, наконецъ, окружили демонстрантовъ, но цѣль ихъ уже была достигнута.

Двѣ тысячи домбровскихъ углекоповъ прошли по улицамъ Домброва съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ: казаки явились и здѣсь, но дѣло обошлось безъ ихъ вмѣшательства. Шествіе длилось полтора часа.

Либавскіе рабочіе—латыши праздновали Первое Мая и по русскому и по западноевропейскому календарю. Они связали свою забастовку съ нѣсколькими мѣстными требованіями повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня. „Эта демонстрація является первымъ блестящимъ шагомъ въ переходѣ отъ интенсивной кружковой пропаганды къ экстенсивной массовой агитаціи", говоритъ одинъ хроникеръ латышскаго рабочаго

движенія [1]). Это вѣрно. Но вѣрно и то, что при этомъ, какъ выражается въ одной своей рѣчи Вандервельдъ, „на терніяхъ окружающихъ нашъ путь пришлось потерять клочья отъ нашего знамени“. Чтобы убѣдить всю массу рабочихъ примкнуть къ демонстраціи въ честь великой идеи соціализма, пришлось выставить еще и непосредственныя требованія. Мы отчасти уже видѣли и увидимъ снова, что эта тактика была присуща движенію и въ другихъ городахъ Россіи, какъ переходная ступень. Этого едвали можно было избѣгнуть. Но поскольку этотъ практическій пріемъ отразился на теоретическихъ соображеніяхъ и ограничивалъ значеніе Перваго Мая актами непосредственной борьбы, онъ несомнѣнно имѣлъ также и отрицательное значеніе.

Забастовка Перваго Мая стараго стиля скоро приняла въ Либавѣ характеръ всеобщей стачки и 5-го мая вылилась въ грандіозную демонстрацію 20 тысячъ рабочихъ. Процессія обошла весь городъ. „Рабочіе были въ восторгѣ, говоритъ хроникеръ, и полны надеждъ. Весь городъ находился въ необычайно возбужденномъ состояніи; ничего подобнаго либавцы не переживали раньше“... „Ни раньше, ни послѣ этого замѣчательнаго дня“ — сказано въ статьѣ, которую я цитирую; но теперь это уже устарѣло. Правительство не хотѣло понять глубокаго смысла тогдашнихъ событій, повторявшихся во всей странѣ и „послѣ этого замѣчательнаго дня“ Либава, какъ и вся Россія, пережила дни еще болѣе замѣчательные. Еще ли мало и теперь?

Бундъ выпустилъ 3.300 экземпляровъ майскаго номера Arbeiterstimme и 12 тысячъ прокламацій, распространенныхъ въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ и Варшавѣ. Въ Вильнѣ была устроена въ Городскомъ саду демонстрація, въ которой участвовало до тысячи рабочихъ; было поднято красное знамя, пропѣта Марсельеза, раздавались крики „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ политическая свобода!“ Мы видимъ, такимъ образомъ, что лозунгъ „частичныхъ политическихъ правъ“ былъ оставленъ и замѣненъ требованіемъ уничтоженія самой системы политическаго строя, самодержавія. Майскій праздникъ и на этотъ разъ лишь оповѣстилъ о новой стадіи развитія, въ которую вступило еврейское рабочее движеніе.

А въ Петербургѣ требованія наростали, казалось, съ досадной медлительностью. Конечно, эта медлительность была относительной: въ теченіе трехъ лѣтъ—1897, 98, 99 —развивалась и крѣпла идея политическихъ правъ, которыя формулировались все сильнѣе и полнѣе изъ году въ годъ, какъ это видно по майскимъ прокламаціямъ. Въ этомъ году здѣсь все еще—дань практицизму—выставляется требованіе десятичасового дня, повторяется требованіе прошлаго года свободы стачекъ, собраній, союзовъ, отмѣны административныхъ высылокъ. Но вмѣсто туманнаго прошлогодняго требованія „и политической свободы“,

[1]) Первое Мая 1902 г. Изд. Соц.-дем. Орг. „Жизнь“ стр. 22.

теперь мы находимъ слѣдующія строки: „Наши западноевропейскіе товарищи при помощи стачекъ и союзовъ, упорной борьбой за участіе въ изданіи законовъ добились десяти, девяти и даже восьмичасового рабочаго дня и хотя отчасти участвуютъ въ управленіи своей страной. Теперь на своемъ знамени Перваго Мая они всѣ выставляютъ какъ свое ближайшее насущное требованіе: восьмичасовой рабочій день и всеобщее избирательное право; и время, когда они добьются своего, уже не далеко. *Мы, рабочіе Россіи, идемъ по тому же пути*“ (курсивъ мой). Такимъ образомъ, косвенно формулированъ лозунгъ всеобщаго избирательнаго права. Мысль цѣпилась и ползла впередъ медленно, но за то не отрывалась отъ жизни массъ. Нелѣпо упрекать вожаковъ того времени въ медлительности: они сами давно были республиканцами въ душѣ и соціалистами. Имъ ничто не было болѣе легкимъ и ничто болѣе желательнымъ, какъ видѣть эти свои мечты выраженными въ прокламаціяхъ; но если бы только они поддались тогда искушенію этихъ мечтаній, тотчасъ перестали бы они быть вожаками, ихъ прокламаціи стали бы выраженіемъ лишь ихъ собственныхъ взглядовъ, взглядовъ маленькой группы энтузіастовъ, и потеряли бы всякое значеніе.

Прокламація Петербургскаго Союза Борьбы была отпечатана въ Типографіи „Рабочей Мысли“ и была украшена рисункомъ.

Въ прокламаціи Московскаго Комитета Партіи были выставлены тѣ же самыя требованія и самый текстъ написанъ въ томъ же духѣ, какъ и въ Петербургѣ. Сказанное относится и къ листкамъ Кіевскимъ, Екатеринославскимъ и Донскимъ. Слѣдовательно, несмотря на отсутствіе Центральнаго Комитета Партіи, прокламаціи были выпущены хотя и отдѣльно Комитетами Партіи, но по общему соглашенію.

Очевидно, что ссылка на политическія требованія западноевропейскихъ рабочихъ и признаніе общности съ ними нашихъ требованій попали въ Петербургскую прокламацію не какъ литературная фраза, а намѣренно, какъ осторожное заявленіе желаній русскихъ рабочихъ. Въ Московской прокламаціи эта самая мысль выражена такъ: „Всѣ (западноевропейскіе рабочіе) единодушно требуютъ одного и того же: на красномъ знамени пролетаріата написано теперь его ближайшее требованіе, восьмичасовой рабочій день. Задачи рабочихъ въ Россіи тѣ же, что и нашихъ западноевропейскихъ товарищей, но онѣ еще много сложнѣе и труднѣе. Намъ приходится еще добиваться того, что въ другихъ странахъ давно завоевано рабочими, какъ ихъ законное право. Тамъ, въ Европѣ, рабочіе успѣли уже добиться политическихъ правъ и хотя отчасти руководятъ судьбами своей страны, мы же живемъ еще какъ рабы“.

Московская прокламація заканчивается возгласомъ: „да здравствуетъ соціалдемократическое рабочее движеніе въ Россіи“,

„да здравствуетъ международная соціалдемократія!“ Это тоже было большимъ шагомъ впередъ для массовой прокламаціи.

Другую майскую прокламацію написалъ одинъ московскій рабочій, но она поздно была переслана заграницу для напечатанія и попала только въ августовскую книжку „Рабочаго Дѣла“ (№ 2—3). Тамъ выставлены требованія „восьмичасового рабочаго дня и правъ политическихъ, то есть свободы союзовъ, сходокъ, слова и печати“. Это „то есть“ здѣсь очень характерно: разъясняя понятіе политическихъ правъ, авторъ не включаетъ въ ихъ число право управлять страною черезъ посредство депутатовъ. Эта неизданная прокламація отмѣняетъ тотъ шагъ впередъ, который дѣлала прокламація изданная комитетомъ. Однако комитетъ о ней отзывался вполнѣ сочувственно (см. корреспонденцію изъ Москвы въ № 6 „Рабочаго Дѣла“) и даже не отмѣчалъ ея недочета; это показываетъ, что обѣ прокламаціи раздѣлялъ только одинъ шагъ.

Въ Кіевѣ задолго до Перваго Мая обсуждался вопросъ, какъ его отпраздновать. Въ принципѣ было рѣшено готовиться къ манифестаціи. Но ее устроить не удалось. Была издана печатная майская прокламація въ 10-ти тысячахъ экземпляровъ, призывавшая къ забастовкѣ съ тѣми же требованіями что въ Петербургѣ и Москвѣ; она расклеивалась и разбрасывалась по улицамъ. „По примѣру прошлыхъ лѣтъ — сообщаетъ Кіевская газета „Впередъ“ — Первое Мая праздновалось небольшими кружками; только отъ Греттера человѣкъ 50 собралось въ Кадетской Рощѣ и расположившись у желѣзнодорожнаго полотна бесѣдовали о значеніи этого дня“. „По городу ѣздили патрули: въ участкахъ дежурили двѣ роты; Перваго Мая патрули были поставлены у всѣхъ заводовъ“ [1]). Два собранія были открыты полиціей, на нихъ арестовано 80 рабочихъ и красное знамя.

Красный заголовокъ прокламаціи заявлялъ о стремленіи рабочихъ къ восьмичасовому рабочему дню; но такъ какъ прокламація призывала къ немедленной забастовкѣ, то, какъ непосредственное требованіе, въ заключеніе прокламаціи было выставлено требованіе десятичасового дня. Это многое разъясняетъ въ полемикѣ, вызванной въ нашей партійной литературѣ прокламаціями этого года и ихъ требованіями [2]).

Въ слѣдующемъ послѣ мая номерѣ „Впередъ“ [3]) мы находимъ интересное мнѣніе Кіевскихъ товарищей о принципіальномъ значеніи Первомайскихъ демонстрацій.

„Извѣстно, говорятъ они, что Перваго Мая, въ день величайшаго нашего праздника, во многихъ мѣстахъ рабочіе не ограничиваются забастовкой и предъявленіемъ требованій, а еще

---

[1]) „Впередъ“. Газета Кіевскихъ Рабочихъ. № 6 май 1899 года.

[2]) В. П. Иванщинъ въ статьѣ о Первомъ Мая 1899 года защищалъ эти прокламаціи см. „Раб. Дѣло“, № 2 — 3, августъ 1899 г. Мартовъ рѣзко ихъ осуждалъ. См. „Зарю“ № 2 - 3.

[3]) „Впередъ“ № 7 Сентябрь 1899 г.

устраиваютъ шествія съ красными знаменами и пѣснями; они устраиваютъ, такимъ образомъ, демонстрацію и цѣль ея вовсе не та, чтобы увеличить свои требованія или тутъ же получить какую нибудь уступку, а та, чтобы открыто показать, насколько они воодушевлены общей идеей, чтобы публично выразить свое несогласіе съ существующимъ порядкомъ".

Эти строки, мнѣ кажется, хорошо выражаютъ взглядъ, который, какъ я старался отмѣчать, все время сквозилъ болѣе или менѣе ясно въ прокламаціяхъ одного изъ теченій соціал-демократіи. Этотъ взглядъ не получилъ теоретическаго обоснованія и былъ побѣжденъ въ практической дѣятельности другимъ теченіемъ. Но мнѣ кажется, что онъ былъ правиленъ, и что наша партія къ нему вернется.

Майскіе листки Кіевскаго Комитета были распространены въ этомъ году въ Таращахъ, Черкасахъ, Бобринской, Кременчугѣ, Полтавѣ, Черниговѣ, Жмеринкѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Фастовѣ, Черкасахъ и Полтавѣ были устроены рабочими собранія, на которыхъ были произнесены рѣчи.

На электрической станціи читался открыто рабочими Майскій номеръ „Рабочаго Дѣла". Механикъ Данилевскій далъ знать объ этомъ полиціи. Полиція явилась, составила протоколъ и предложила Данилевскому казаковъ.

Я указывалъ, когда Кіевъ, когда Харьковъ примкнулъ къ общему дѣлу: а вотъ въ этомъ году Донской комитетъ выступилъ на поле нашей дѣятельности. Его прокламаціи появились во многихъ центрахъ промышленности Донецкаго Бассейна и въ Ростовѣ. Какъ уже было сказано, онѣ выставляли общія съ другими городами требованія. 27-го апрѣля эти прокламаціи были распространены въ Маріуполѣ. Корреспондентъ „Впередъ", изъ Маріуполя говоритъ, что „хотя онѣ немного опоздали со своими требованіями сокращенія рабочаго дня до 10 часовъ, такъ какъ такой рабочій день уже введенъ на одномъ изъ здѣшнихъ заводовъ, а на другомъ работаютъ $10^1/_2$ часовъ, онѣ все таки не прошли совершенно безслѣдно. Въ ночь на Первое Мая весь Мартеновскій цехъ на старомъ заводѣ бросилъ работу требуя прибавки. Ихъ, хотя и съ трудомъ упросили проработать ночь, чтобы хоть выпустить металлъ изъ печей; за то на воротахъ вывѣсили объявленіе, что Мартеновскіе рабочіе имѣютъ право праздновать Первое Мая".

Въ Кривомъ Рогѣ тоже были разбросаны прокламаціи. На Донецкомъ чугуноплавильномъ заводѣ онѣ вызвали сильное волненье и администрація завода вызвала войска [1]).

Въ Екатеринославѣ воззваніе было написано и напечатано въ 3 тысячахъ экземпляровъ самими рабочими; въ немъ были выставлены впервые для Екатеринослава „политическія" требованія и говорилось о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ; читатель

[1]) „Южный Рабочій" № 1, Екатеринославъ, январь 1900 года.

помнитъ однако, что это были только „частичныя политическія требованія“. На собраніи присутствовало около 100 человѣкъ ремесленныхъ рабочихъ. Прокламаціи были разбросаны по всему городу и во всѣхъ предмѣстьяхъ. Около всѣхъ заводовъ были собраны войска, полиція и казаки. На мосту черезъ Днѣпръ, отдѣляющемъ городъ отъ окрестныхъ заводскихъ поселковъ, находился многочисленный отрядъ полицейскихъ, непропускавшій рабочихъ въ городъ. Рабочіе Брянскаго завода, прійдя утромъ Перваго Мая на работу, объявили, что съ обѣда работать не будутъ; тотчасъ явился губернаторъ, полицеймейстеръ, жандармскій полковникъ, но ничего не могли подѣлать. Рабочіе желѣзнодорожнаго цеха свой заработокъ за этотъ день отдали въ пользу голодающихъ [1]).

Въ Тифлисѣ маевка была отпразднована снова въ ущельяхъ.

Въ Харьковѣ майскіе листки были распространены почти во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, по словамъ уже цитированнаго отчета. Аресты начались только послѣ маевки. Перваго Мая мѣстность прилегающая къ заводамъ была занята войсками; а за городомъ въ это время происходили собранія, на которыхъ присутствовало 150 человѣкъ; на нихъ пѣлись революціонныя пѣсни, произнесены были рѣчи и обсуждались тактическіе вопросы: о кассахъ, библіотекахъ, о кружковой пропагандѣ и массовой агитаціи. Была распространена Майская Картина „Рабочаго Дѣла“ и имѣла большой успѣхъ: рабочій со знаменемъ пришелъ въ кузницу и зоветъ товарищей бросить работу. Символическая же картина Густава Доре „Марсельеза“, изданная на слѣдующій годъ также „Рабочимъ Дѣломъ“, по словамъ отчета не имѣла успѣха.

Въ Одессѣ было собраніе 60 организованныхъ рабочихъ, на которомъ были произнесены рѣчи. Въ Саратовѣ „Группа Соціалдемократовъ“ распространила гектографированныя майскія воззванія.

Заграницей былъ выпущенъ майскій номеръ „Рабочаго Дѣла“, 16 страницъ текста in 4⁰ и картина. Въ первой статьѣ выяснялось „общее значеніе Перваго Мая для пролетаріата всѣхъ странъ“. Далѣе, въ статьѣ Кричевскаго „май русскаго пролетаріата“, къ международнымъ требованіямъ восьмичасового дня и уничтоженія милитаризма присоединялись политическія требованія; приэтомъ впервые для заграничныхъ майскихъ листковъ выставлено требованіе демократической конституціи. Такимъ образомъ—иронія судьбы—такъ называемые экономисты расширяли „частичныя политическія требованія“, формулированныя Плехановымъ въ предыдущемъ и пред-предыдущемъ году въ майскихъ листкахъ, до дѣйствительныхъ политическихъ требованій. Далѣе шла статья Иваншина съ краткимъ очеркомъ

[1]) „Рабочее движеніе въ Екатеринославѣ“. Изд. Союза Рус. Соц. Дем. Женева 1900 г.

развитія рабочаго движенія въ Россіи: въ ней уже вполнѣ ясно формулированъ взглядъ на это развитіе, впослѣдствіи ставшій отправнымъ пунктомъ въ дѣятельности и идейной борьбѣ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ. Слѣдующая статья говорила о соціализмѣ, какъ конечной цѣли рабочаго движенія. Статья оканчивалась такъ: „Майскій праздникъ есть не только борьба за восьмичасовой рабочій день, за общій миръ между народами и за политическую свободу. Майскій праздникъ есть также борьба за ускореніе побѣды соціализма".

Наконецъ шла статья Незнамова (Теплова) „Майскій праздникъ рабочихъ и борьба за избирательное право въ Австріи" и маленькій разсказъ „Стачка".

Такъ писали „Экономисты". Читателю можетъ показаться противорѣчивымъ это сочетаніе явно политическихъ и соціалистическихъ лозунговъ съ кличкою „экономистовъ". Здѣсь не мѣсто разъяснять это недоумѣніе и я могу только сказать, что кличка „экономисты" была дана извѣстному теченію русской соціалдемократіи его противниками и совершенно не соотвѣтствовала содержанію взглядовъ этой школы.

Какъ видно изъ описанія событій этого года, празднованіе Перваго Мая распространилось уже очень широко къ этому времени. Правительство знало это и усиливало гоненія. Въ предыдущемъ году, впервые послѣ застоя 80-хъ годовъ и послѣ начала соціалдемократическаго движенія оно произвело всероссійскіе аресты, заперевъ въ тюрьму болѣе тысячи гражданъ. Въ 1899 году оно пошло дальше. Передъ и тотчасъ послѣ Перваго Мая были арестованы въ Петербургѣ до 250 человѣкъ, произведено много арестовъ и обысковъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ взято 176 человѣкъ и сдѣлано до 500 обысковъ, въ Гомелѣ 15 арестовано и 30 обыскано, въ Одессѣ взято 200 человѣкъ, 2 рабочихъ взято въ Уфѣ наканунѣ Перваго Мая [1]).

Но это уже казалось недостаточнымъ; движеніе становилось массовымъ и единичными, хотя бы и многочисленными арестами, его уже нельзя было остановить. Правительство рѣшило противъ массоваго освободительнаго движенія создать массовое реакціонное движеніе, организовать „черныя сотни". Первый опытъ правительство сдѣлало въ Николаевѣ въ день Маевки, 19 апрѣля. Рабочее движеніе въ Николаевѣ дѣлало быстрые успѣхи. Къ концу 1897 года тамъ было уже 200 организованныхъ рабочихъ и всѣ рабочіе интересовались ихъ пропагандою. Въ ночь съ 21 на 22 января 1898 года были произведены первые въ Николаевѣ массовые аресты, но и они не остановили событій, и вотъ въ 1899 году въ Николаевѣ была разыграна прелюдія къ будущимъ событіямъ въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Одессѣ и Бѣлостокѣ.

---

[1]) Раб. Дѣло № 2—3, статья Иваншина.

Погромъ распространился изъ Николаева на Каховку и посадъ Березнеговатый. „Попустительство мѣстныхъ властей и натравливаніе православныхъ „благодѣтелей“ привели къ дикимъ разгромамъ жилищъ еврейской бѣдноты, насиліямъ надъ еврейской массой. Полиція и войско въ первые дни совершенно не вмѣшивались и дали полную волю неистовствамъ озвѣрѣвшей толпы. Охранялись только богачи да правительственныя зданія. Буйства были прекращены военной силой лишь тогда, когда толпа принялась грабить дома богатыхъ и присутственныя мѣста“ [1]).

Власти сочли тогда однако нужнымъ замаскировать свое участіе въ погромѣ; нѣкоторые громилы были арестованы и присуждены къ наказаніямъ, правда, очень незначительнымъ. Но смыслъ этого событія уже тогда былъ совершенно вѣрно понятъ революціонерами, и обозрѣватель „Южнаго Рабочаго“ въ 1-омъ номерѣ уже правильно оцѣнилъ его.

„Въ то самое время, писалъ онъ, когда во всемъ мірѣ изъ конца въ конецъ его, не исключая и самодержавной Россіи, происходилъ праздникъ всѣхъ эксплуатируемыхъ безъ различія національностей; когда на всѣхъ языкахъ міра рабочіе заявляли о своей солидарности и рѣшимости вести борьбу за освобожденіе отъ эксплуатаціи и деспотизма,—въ Николаевѣ произошли рабочіе безпорядки, имѣвшіе характеръ еврейскихъ погромовъ. Совпаденіе безпорядковъ съ днемъ 19-го апрѣля (Перваго Мая) невольно наталкиваетъ на мысль, не хотѣло ли правительство и его услужливые агенты помѣшать празднованію этого дня сознательными рабочими, устроивъ еврейскій погромъ? А если наша догадка имѣетъ основанія, то доскажемъ и другую нашу мысль, что еще быть можетъ неоднократно правительству будутъ удаваться подобные ходы“...

Дѣйствительность превзошла всѣ эти догадки.

Вл. Акимовъ-Махновецъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Раб. Дѣло № 2—3, статья Сибиряка (Теплова)

Процессъ 17-ти народовольцевъ въ 1883 году.

Читатели встрѣчали уже много разъ на страницахъ «Былого» громкія въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи имена Богдановича, Буцевича, Грачевскаго, Теллалова, Савелія Златопольскаго Анны Корба и другихъ дѣятелей, приговоренныхъ къ тяжкимъ карамъ въ 1883 году. Отчетъ о процессѣ этихъ лицъ опубликованъ не былъ: правительство ограничилось напечатаніемъ лишь самаго краткаго извлеченія изъ обвинительнаго акта да приговора суда. Въ нелегальной литературѣ было напечатано также весьма немного по этому поводу свѣдѣній: по недостатку, конечно, матеріаловъ, дѣло ограничилось напечатаніемъ лишь обвинительнаго акта (и то безъ 5-й главы) да рѣчей на судѣ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ. Между тѣмъ, этотъ процессъ, на ряду съ процессомъ 20-ти, о которомъ въ «Быломъ» уже сообщены обширныя свѣдѣнія, представляетъ въ высокой степени важное событіе въ судьбахъ народовольческаго движенія. Мы имѣемъ нынѣ возможность дать читателямъ не только полный обвинительный актъ по процессу 17-ти народовольцевъ, но также и другіе матеріалы, къ нему относящіеся. Въ настоящей книгѣ «Былого» мы печатаемъ пока лишь полный обвинительный актъ и приговоръ по этому дѣлу. Въ слѣдующихъ мы дадимъ остальные, имѣющіеся у насъ матеріалы, относящіеся къ этому процессу и сверхъ того воспоминанія по этому же поводу участника процесса 17-ти—Александра Васильевича Прибылева.

Ред.

Обвинительный актъ,

коимъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ: 1) дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, 32 лѣтъ; 2) Елизаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ; 3) сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ; 4) Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ 29 лѣтъ; 5) сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ 6) Лебединскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калюжный, 24 лѣтъ; 7) дочь священника Надежда Семеновна Смирницкая, 30 лѣтъ; 8) крестьянинъ Мин-

ской губерніи Антонъ Степановъ Борейша, 24 лѣтъ; 9) ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ, 10) жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ; 11) дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ; 12) лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ; 13) жена потомственнаго почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ; 14) дворянка Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ; 15) отставной лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Буцевичъ, 32 лѣтъ; 16) дочь купца Хася Гершева (она же Христина Григорьева) Гринбергъ, 24 лѣтъ и 17) дочь священника Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ.

I.

Приговорами, состоявшимися въ 1880 и 1881 г. г. какъ въ гражданскихъ такъ и въ военныхъ судебныхъ установленіяхъ, признано существованіе тайнаго преступнаго сообщества, именующаго себя „русской соціально-революціонной партіей", стремящагося, путемъ насильственнаго переворота, къ ниспроверженію государственнаго порядка и общественнаго строя и совершившаго, для достиженія означенной цѣли, рядъ самыхъ тяжкихъ преступленій, завершившихся злодѣяніемъ 1-го марта 1881 г.

Значительное число членовъ вышеозначеннаго преступнаго сообщества, присвоившаго себѣ также наименованіе „партіи народной воли" уже осуждено С.-Петербургскимъ Военнымъ Окружнымъ Судомъ въ октябрѣ 1880 года (дѣло о 16 лицахъ). Особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената въ мартѣ 1881 года (дѣло о злодѣяніи 1-го Марта) и въ февралѣ 1882 г. (дѣло о 20 лицахъ).

Не всѣ однако члены революціоннаго сообщества могли быть осуждены приговорами означенныхъ судебныхъ установленій. Нѣкоторымъ членамъ сообщества удалось скрыться отъ преслѣдованія и они, оставаясь на свободѣ, продолжали свою преступную дѣятельность, на что указывали съ одной стороны, появлявшіяся отъ времени до времени подпольныя изданія, а съ другой — новыя проявленія преступной дѣятельности сообщества.

Вслѣдствіе сего розыски, направленные къ задержанію скрывавшихся революціонныхъ дѣятелей, а также къ обнаруженію ихъ новыхъ единомышленниковъ, продолжались непрерывно и привели, начиная съ конца 1881 года, къ задержанію, между прочимъ, 17 лицъ, розыскивавшихся по прежнимъ дѣламъ или вновь примкнувшихъ къ такъ называемой „партіи народной воли.

Задержаніе означенныхъ 17 лицъ произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

16 Декабря 1881 г., подъ именемъ Рязанскаго мѣщанина Александра Семенова, былъ задержанъ Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, розыскивавшійся какъ лицо, участвовавшее въ покушеніи на цареубійство подъ г. Александровскомъ. По обыску какъ при Телаловѣ, такъ и въ квартирѣ его, по средней Мѣщанской улицѣ д. № 20, было найдено огромное количество преступныхъ изданій. Спустя два дня послѣ ареста Телалова, при выясненіи сношеній послѣдняго, былъ задержанъ въ г. С.-Петербургѣ пропагандировавшій среди рабочихъ молодой человѣкъ, назвавшійся крестьяниномъ Алексѣемъ Николаевымъ и оказавшійся впо-

слѣдствіи крестьяниномъ Минской губерніи Антономъ Степановымъ Борейшею, бывшимъ студентомъ Технологическаго Института, проживавшимъ подъ именемъ Игнатьева по Англійскому проспекту, въ домѣ № 60.

6 февраля, въ г. Москвѣ, въ квартиру лица, задержаннаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи, явился съ тюкомъ преступныхъ изданій неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся дворяниномъ Михаиломъ Огрызко, у котораго были найдены бумаги, указывавшія на принадлежность задержаннаго лица къ „партіи народной воли". Именовавшійся Огрызко оказался сыномъ священника Яковомъ Стефановичемъ, бѣжавшимъ вмѣстѣ съ другими лицами изъ Кіевскаго тюремнаго замка, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ организаціи преступнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда.

Вслѣдъ за симъ въ Москвѣ былъ произведенъ рядъ арестовъ выдающихся членовъ сообщества. Первымъ арестованъ проживавшій въ домѣ Бычкова, по Садовой улицѣ, подъ именемъ Прозоровскаго, дворянинъ Юрій Богдановичъ, который подъ фамиліею Кобозева былъ хозяиномъ сырной лавки по малой Садовой улицѣ въ г. С.-Петербургѣ, изъ которой была заложена подъ полотномъ улицы мина, предназначавшаяся для совершенія злодѣянія 1-го марта 1881 года. Проживавшая вмѣстѣ съ Богдановичемъ подъ именемъ его жены, неизвѣстная женщина, успѣла скрыться.

Вскорѣ затѣмъ 23-го марта 1882 года, по Прогонному переулку, въ домѣ № 5, была открыта квартира, въ которой проживали въ качествѣ хозяевъ ея, по паспорту на имя супруговъ Беневоленскихъ, бѣжавшіе изъ административной ссылки: мѣщанинъ города Лебедина Иванъ Васильевъ Калюжный и дочь священника Надежда Семенова Смирницкая. По обыску въ квартирѣ названныхъ лицъ, былъ найденъ складъ фальшивыхъ видовъ на жительство, печатей и т. п., а также разныя запрещенныя изданія.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ спустя былъ арестованъ на улицѣ, проживавшій по Армянскому переулку, въ домѣ Грачева, по подложному виду на имя Боголѣпова, Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, розыскиваемый въ качествѣ лица, причастнаго къ покушенію на цареубійство подъ г. Москвой въ 1879 году.

Послѣ вышеизложенныхъ арестовъ, произведенныхъ въ Москвѣ, розыски, предпринятые въ г. С.-Петербургѣ, привели къ обнаруженію въ ночь на 5 іюня 1882 года, по 11 линіи Васильевскаго Острова, въ домѣ № 24, такъ называемой „конспиративной" квартиры, гдѣ изготовлялся динамитъ и метательные снаряды. Въ означенной квартирѣ проживали въ качествѣ хозяевъ ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ и его жена Раиса Львова и, въ качествѣ кухарки, дочь священника Марія Александрова Юшкова, подъ именемъ крестьянки Савиной. Одновременно съ обнаруженіемъ конспиративной квартиры, были арестованы и занимавшія ее лица, а также приходившія туда двѣ личности, проживавшія: одна въ Фонарномъ переулкѣ, въ домѣ № 9, подъ фамиліею Галиновскаго, а другая въ Николаевской улицѣ, въ домѣ № 1, подъ именемъ Бармалѣева, причемъ Галиновскій оказался розыскиваемымъ по обвиненію въ участіи въ злодѣяніи 1-го марта сыномъ дьякона Михаиломъ Грачевскимъ, а Бармалѣевъ бѣжавшимъ изъ ссылки, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Михаиломъ Клименко. Одновременно съ задержаніемъ вышепоименованныхъ лицъ, были

арестованы и находившіеся съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ: жена потомственнаго почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, проживавшая въ д. № 22, по Дровяному переулку, по подложному паспорту на имя Розановой, дочь купца Хася Гершева, она же Христина Григорьева Гринбергъ, жившая въ домѣ № 24, по Кирочной улицѣ, подъ фамиліею Каммеръ, и лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Буцевичъ. Гринбергъ оказалась той самой „Христиной", на преступную дѣятельность которой были получены указанія при изслѣдованіи приготовленій къ цареубійству лѣтомъ 1880 года въ С.-Петербургѣ.

20-го іюня 1882 года, въ квартиру лица, арестованнаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи, явилась женщина, назвавшаяся дворянкой Элеонорой Милошевичъ. Означенная женщина была задержана и оказалась дворянкой Антониной Игнатьевой Лисовской, розыскиваемой по дѣлу о покушеніи на кражу, посредствомъ подкопа, изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Наконецъ во время производства розысковъ, направленныхъ къ раскрытію попытокъ такъ называемой „партіи народной воли" организовать революціонные кружки въ Сѣверо-Западномъ краѣ, 13-го сентября 1882 г., въ г. Витебскѣ, была открыта квартира, въ которой предполагалось устроить тайную типографію. Въ тотъ самый день, когда была обнаружена упомянутая квартира, въ нее явилась только что прибывшая по желѣзной дорогѣ розыскиваемая по прежде упадавшимъ на нее обвиненіямъ, дочь священника Парасковья Ивановская, которая и была арестована подъ именемъ жены коллежскаго ассесора Надежды Руничъ.

Всѣ вышепоименованныя лица, за исключеніемъ Борейши, Прибылевой и Юшковой, категорически признали свою принадлежность къ преступному сообществу, именующему себя „партіей народной воли" а Парасковья Ивановская признала себя сверхъ того и членомъ „исполнительнаго комитета".

Изъ остальныхъ обвиняемыхъ — Борейша призналъ, что принималъ близкое участіе въ дѣлахъ „партіи народной воли", Прибылева, отвергая свою принадлежность къ революціонному сообществу, объяснила, что вполнѣ сочувствуетъ, однако, его дѣятельности, а Юшкова заявила, что поступленіе ея въ конспиративную квартиру въ качествѣ кухарки не было строго обдумано и что до этаго времени она никакихъ сношеній съ революціоннымъ сообществомъ не имѣла.

Собранными по отношенію ко всѣмъ вышеназваннымъ 17 обвиняемымъ данными установлено, что независимо отъ общаго для всѣхъ обвиненія въ принадлежности къ террористическому сообществу, на нѣкоторыхъ изъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ падаютъ еще обвиненія въ участіи въ отдѣльныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ для достиженія цѣлей сообщества.

Означенныя отдѣльныя преступныя дѣянія относятся къ періоду времени съ 1877 года по 1882 годъ.

II.

Организація въ 1877 году преступнаго тайнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Со времени введенія положенія 1867 г. о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, между крестьянами Черкасскаго и Чигиринскаго Уѣздовъ, Кіевской губерніи возникли волненія, выразившіяся въ стремленіи къ измѣненію условій, созданныхъ означеннымъ положеніемъ въ смыслѣ равномѣрнаго распредѣленія земли между мужскимъ населеніемъ означенныхъ уѣздовъ въ размѣрѣ отъ 5-ти до 15 десятинъ на душу.

Подобныя волненія, поддерживаемыя частію непониманіемъ самаго положенія, а главнымъ образомъ нелѣпыми слухами о сокрытіи чиновниками „Царскаго Указа" о всеобщемъ передѣлѣ земли,—до 1877 г. не заходили, однако, далѣе единичныхъ случаевъ сопротивленій при люстраціонныхъ работахъ и разнаго рода ходатайствъ со стороны крестьянъ.

Въ началѣ 1877 г. подобное положеніе дѣлъ въ упомянутыхъ уѣздахъ подъ вліяніемъ лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемой „русской соціально-революціонной партіи", значительно измѣнилось, и, принявъ болѣе острый характеръ, выразилось въ организаціи въ предѣлахъ Чигиринскаго уѣзда преступнаго сообщества подъ названіемъ „тайная дружина", имѣвшаго цѣлью подготовить вооруженное возстаніе для захвата и раздѣла не принадлежащихъ крестьянамъ земель. Возстаніе должно было сопровождаться нападеніемъ на помѣщиковъ, духовенство, представителей другихъ сословій и установленныхъ правительствомъ властей.

Въ „Высочайшей тайной граматѣ", приложенной къ уставу общества, вышеизложенныя цѣли сообщества объяснялись и оправдались слѣдующимъ образомъ.

По словамъ граматы, Государь Императоръ давно уже даровалъ крестьянамъ для пользованія всю землю, съ освобожденіемъ отъ платежа какихъ либо податей, но помѣщики, духовенство и чиновники, изъ корыстныхъ видовъ, скрыли Царскій Указъ по этому предмету. Далѣе изъ указа видно, что такъ какъ помѣщикамъ помогаетъ Наслѣдникъ Престола, то Государь безсиленъ привести свою волю въ исполненіе, а потому вынужденъ издать настоящій тайный манифестъ, на основаніи котораго крестьяне должны собраться тайно отъ властей въ особое сообщество, заготовить оружіе, затѣмъ возстать противъ помѣщиковъ и другихъ лицъ, отнять у нихъ землю силою и раздѣлить таковую поровну.

Устанавливая организацію сообщества, упомянутый „уставъ" опредѣлялъ раздѣленіе „тайныхъ дружинъ" на кружки, состоящіе изъ 25 человѣкъ крестьянъ живущихъ въ одномъ околодкѣ, каковымъ кружкамъ присвоивалось наименованіе „Староствъ".

Для вступленія въ подобное староство требовалось выполненіе приложенной къ уставу присяги, при двухъ поручителяхъ, которые обязывались убить того, за кого ручаются, въ случаѣ если онъ измѣнитъ дѣлу и выдастъ его тайну, такъ какъ, по выраженію „манифеста", „измѣнниковъ не

должно щадить и всякій кто умертвитъ предателя совершитъ доброе и богоугодное дѣло".

Вступившій такимъ образомъ въ староство, признавался дружинникомъ, обязаннымъ заготовить ратище или пику для возстанія. Староство управлялось выборными старостами, на обязанности которыхъ лежалъ: надзоръ за дружинниками, вербовка новыхъ членовъ и приведеніе таковыхъ къ присягѣ; кромѣ того старосты составляли „старостную раду", выбиравшую изъ среды себя атамана, черезъ посредство котораго дружина сносилась съ такъ называвшимися „царскими коммисарами". „Всею дружиною земли русской", по выраженію устава, долженъ былъ заправлять совѣтъ коммисаровъ, какъ состоявшій изъ лицъ, избранныхъ самимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ". Приказанія коммисара какъ личныя, такъ и переданныя черезъ атамана, должны были исполняться старостами и дружинниками безпрекословно; въ случаяхъ особыхъ нарушеній коммисару предоставлялось даже право произнесенія смертныхъ приговоровъ.

Созданное распространеніемъ таковаго подложнаго отъ имени Государя Императора манифеста преступное сообщество возникло, какъ оказалось впослѣдствіи, не по иниціативѣ самихъ крестьянъ, а вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ нихъ, будучи высланы въ 1875 г. за участіе въ прежнихъ волненіяхъ по Чигиринскому уѣзду въ Кіевъ, подъ надзоръ полиціи, были вовлечены въ сообщество предложеніями и настояніями неизвѣстнаго молодого человѣка, назвавшагося „государевымъ коммисаромъ Дмитріемъ Найдою". Послѣдній, предъявивъ крестьянамъ пріобщенныя къ настоящему дѣлу „царскія бумаги", успѣлъ склонить ихъ принять присягу на служеніе дѣлу сообщества. Затѣмъ, по подстрекательству того же Найды, упомянутые крестьяне въ своемъ селеніи Шабельникахъ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ стали собирать дружины, причемъ именовавшій себя Найдою неоднократно предпринималъ поѣздки по деревнямъ и селамъ Чигиринскаго уѣзда, организуя сообщество и поддерживая въ крестьянахъ рѣшимость къ вооруженному возстанію въ недалекомъ будущемъ.

Въ скоромъ времени сообщество настолько увеличило число своихъ членовъ, что старосты выбрали изъ среды себя атамана и составили особые списки дружинниковъ, которые и передали упомянутому „коммисару", а также заготовили пики, установили пароль „Воздвиженье" и быстро стали разносить пропаганду бунта по окрестнымъ селамъ. Распространившись далеко за предѣлы Шабельницкой волости, сообщество охватило села и деревни 12 другихъ волостей и къ половинѣ 1877 г. насчитывало уже около 1000 членовъ. Вслѣдствіе сего, признавая свою организаціонную дѣятельность оконченною, сообщество рѣшило начать свои дѣйствія съ 1-го Октября 1877 года.

Между тѣмъ ранѣе сего, начиная съ марта мѣсяца того же года, до подлежащихъ властей стали доходить свѣдѣнія, указывавшія на существованіе среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда преступнаго сообщества, которое вскорѣ и было обнаружено, причемъ 3-го сентября, въ деревнѣ Талалаевкѣ, былъ задержанъ самъ „коммисаръ Найда", оказавшійся сыномъ священника Яковомъ Стефановичемъ.

При производствѣ изслѣдованія по этому дѣлу было установлено, что ближайшими помощниками Стефановича въ дѣлѣ организаціи сообщества

были рядовой Лейба Дейчъ и дворянинъ Иванъ Бохановскій, состоявшіе также какъ и самъ Стефановичъ членами Кіевскихъ революціонныхъ кружковъ.

Вышеизложенныя обстоятельства установлены вполнѣ пріобщенными къ дѣлу вещественными доказательствами, отобранными при обыскахъ во время производства по сему дѣлу слѣдствія, а именно: 1) подложнымъ манифестомъ, 2) уставомъ сообщества съ приложенною къ нему присягою и 3) спискомъ лицъ, входившихъ въ составъ старостъ и именъ и прозваній присяжныхъ и ихъ поручителей, а равнымъ образомъ и приговоромъ Правительствующаго Сената, разсматривавшимъ по существу дѣло объ означенномъ тайномъ сообществѣ въ отношеніи привлекавшихся къ оному лицъ, за исключеніемъ лишь трехъ главныхъ организаторовъ „тайной дружины"— Стефановича, Дейча и Бохановскаго, которые въ маѣ 1878 г. бѣжали изъ Кіевскаго тюремнаго замка при содѣйствіи нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Михаила Фроленко.

Дѣятельное участіе названныхъ лицъ въ организаціи преступнаго сообщества, отчасти уже признанное, какъ упомянуто выше, Правительствующимъ Сенатомъ вполнѣ устанавливается по отношенію къ обвиняемому Стефановичу его собственнымъ сознаніемъ, даннымъ при слѣдствіи, до совершенія побѣга, а также показаніями нѣкоторыхъ осужденныхъ и допрошенныхъ по сему дѣлу лицъ.

Объясненія Стефановича и этихъ лицъ заключаются въ нижеслѣдующемъ.

Признавая фактъ составленія и распространенія подложнаго отъ имени Государя Императора манифеста и организованія среди крестьянъ тайнаго сообщества, Стефановичъ показалъ, что узнавъ о волненіяхъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, онъ рѣшилъ принять въ нихъ участіе, мечтая, по его выраженію, возбудить возстаніе и въ другихъ частяхъ государства. Узнавъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ высланы уже въ Кіевъ подъ надзоръ полиціи, онъ, Стефановичъ, розыскалъ одного изъ нихъ, а именно: Лазаря Тепенику и черезъ него познакомился съ другими его односельчанами. Придя, изъ бѣсѣдъ съ крестьянами, къ заключенію, что они возбуждены противъ властей и даже не довѣряютъ Наслѣднику Престола, считая своимъ защитникомъ лишь Самого Государя Императора, Стефановичъ рѣшилъ воспользоваться такимъ настроеніемъ крестьянъ и составилъ соотвѣтствующіе, по его мнѣнію, сему настроенію „тайную грамоту" и „уставъ тайной дружины", которые, по отпечатаніи ихъ за границею, при посредствѣ Дейча, были привезены осенью 1876 года въ Кіевъ. Въ Филипповъ постъ того же года, Стефановичъ вновь розыскалъ вышеупомянутыхъ крестьянъ и, предъявивъ послѣднимъ составленные имъ документы, объяснилъ, что былъ у Государя и получилъ отъ него приказаніе передать крестьянамъ, что Царь одинъ для нихъ ничего сдѣлать не можетъ, потому что ему въ томъ препятствуютъ Наслѣдникъ и дворяне, вслѣдствіе чего, Государь повелѣваетъ составить тайныя дружины, заготовить оружіе и дѣйствовать открытою силою. Крестьяне, послѣ нѣкоторыхъ увѣщаній, изъявили свое согласіе вступить въ сообщество, и затѣмъ Стефановичъ привелъ ихъ къ присягѣ по составленному имъ самимъ присяжному листу въ особо нанятомъ для этой цѣли домѣ, на Житомірской улицѣ, гдѣ вновь разъяснилъ уставъ и грамоту и затѣмъ предло-

жилъ крестьянамъ отправиться въ свои селенія и набирать членовъ дружины.

Первоначально на родину отправился только Лазарь Тененика, который, вернувшись въ Кіевъ, сообщилъ, что односельчане его требуютъ личнаго пріѣзда Стефановича для разъясненія смысла устава. Стефановичъ, однако, не поѣхалъ самъ на мѣсто, а снабдилъ Тененику печатнымъ уставомъ съ приказаніемъ передать таковой грамотному Ефиму Олейнику, съ которымъ онъ, Стефановичъ, познакомился за это время, съ тѣмъ, чтобы Олейникъ набиралъ членовъ дружины и приводилъ ихъ къ присягѣ. На Ѳоминой недѣлѣ Тененика, по условію, вновь явился въ Кіевъ, откуда Стефановичъ съ Тененикою и съ другимъ своимъ товарищемъ отправились по желѣзной дорогѣ въ гор. Черкассы, а оттуда на лошадяхъ въ деревню Разсошинцы къ крестьянину Охнименко. Въ домѣ послѣдняго Стефановичъ читалъ собравшимся крестьянамъ печатанную тайную грамоту и по требованію Ефима Олейника, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, принялъ присягу въ удостовѣреніе того, что они также члены дружины; здѣсь же Олейникъ былъ избранъ атаманомъ, такъ какъ въ это время было уже составлено до 20-ти старостъ. Затѣмъ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ деревни Разсошинцы, Стефановичъ толковалъ смыслъ устава, выразилъ требованіе о заготовленіи пикъ и передалъ Ефиму Олейнику и Ивану Писковому два экземпляра печатаннаго устава и нѣсколько формъ присяги. Съ конца мая и по августъ 1877 года, Стефановичъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ крестьянами въ разныхъ мѣстностяхъ Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ, причемъ снабжалъ крестьянъ экземплярами устава и деньгами какъ для кассы дружины, такъ и для другихъ нуждъ, такъ напримѣръ для жены Лазаря Тененики, который въ то время былъ уже арестованъ. Послѣднее свиданіе было назначено на 29 сентября, но оно не могло состояться по случаю ареста Стефановича.

Въ заключеніе своего показанія Стефановичъ объяснилъ, что во все время сношенія его съ крестьянами онъ называлъ себя Государевымъ коммисаромъ Дмитріемъ Найдою.

Отставной унтеръ-офицеръ Ефимъ Олейникъ и крестьянинъ Лазарь Тененика дали подробныя объясненія о своей дѣятельности въ организаціи сообщества, при чемъ изложили таковую согласно съ обстоятельствами, указанными Стефановичемъ.

Изъ означенныхъ показаній, между прочимъ, видно, что коммисаръ Найда, уговоривъ Лазаря Тененику и другихъ его односельчанъ вступить въ сообщество, заставилъ ихъ прежде всего принять присягу, стоя на колѣняхъ передъ Крестомъ и Евангеліемъ, при чемъ предварительно самъ выполнилъ, по требованію крестьянъ, ту же клятву и затѣмъ уже прочелъ и разъяснилъ имъ тайную грамату, напечатанную на большомъ листѣ съ золотыми краями и съ печатями Государя и коммисаровъ. Въ означенной граматѣ, по удостовѣреніямъ Олейника и Тененики, говорилось о необходимости вооруженнаго возстанія. Изъ тѣхъ же показаній далѣе оказывается, что, по вступленіи въ сообщество Олейника, онъ первый приступилъ къ приводу крестьянъ къ присягѣ, которая затѣмъ стала выполняться днемъ и ночью по разнымъ домамъ, такъ что къ 1-му марта вступившихъ въ сообщество членовъ оказалось 250 человѣкъ. Вслѣдствіе этого въ ночь на 1-е марта дружинники собрались въ степи, около мѣстности „Раскопана-

Могила" и выбрали 10-ть старостъ. По передачѣ впослѣдствіи списковъ дружинниковъ коммисару Найдъ, послѣдній уговаривалъ крестьянъ непремѣнно набрать къ Покрову дню (1-е октября) три общества по 500 человѣкъ каждое, что, по его словамъ, должно было составить округъ.

Крестьяне Иванъ Писковой, Антонъ Комаренко и Андрей Приходько признали полную справедливость обстоятельствъ, указанныхъ въ предъидущихъ показаніяхъ въ отношеніи дѣятельности крестьянъ и коммисаровъ по организаціи сообщества „тайная дружина".

При задержаніи Стефановича въ 1877 году и доставленія его въ гор. Кіевъ, онъ былъ предъявленъ Олейнику, Писковому, Тененикѣ и Комаренко, которые признали въ немъ того самаго коммисара Дмитрія Найду, о которомъ они упоминали въ своихъ показаніяхъ.

Бѣжавшій, какъ уже было сказано выше, до окончанія настоящаго дѣла, Яковъ Стефановичъ вновь былъ задержанъ въ Москвѣ 6 февраля 1882 г. подъ фамиліей дворянина Огрызко. По предъявленіи ему упадающаго на него по Чигиринскому дѣлу обвиненія, Стефановичъ призналъ себя виновнымъ въ организаціи тайнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда и подтвердилъ данныя имъ въ 1877 г. по означенному дѣлу показанія.

III.

Покушеніе на цареубійство и приготовленія къ нему, предпринятыя: 1) близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, 18 ноября 1879 года: 2) близъ гор. Москвы, 19 ноября того же года и 3) въ гор. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года.

Послѣ липецкаго съѣзда и во исполненіе принятыхъ на немъ рѣшеній, среди „народовольцевъ" закипѣла работа. Государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ принялся за изготовленіе динамита для нуждъ сообщества, государственный преступникъ Александръ Михайловъ занялся изысканіемъ близъ Москвы, на линіяхъ Николаевской или Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ мѣста, удобнаго для производства взрыва Императорскаго поѣзда; другіе же видные дѣятели сообщества, въ концѣ сентября 1879 года съѣхались въ гор. Харьковѣ для ближайшаго обсужденія подробностей плана, который неминуемо-бы привелъ къ желанной цѣли—цареубійству.

1.

Изъ показаній умершаго обвиняемаго Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ 20-хъ числахъ сентября 1879 года въ Харьковъ прибыли кромѣ него, Гольденберга, еще Николай Колодкевичъ, Андрей Желябовъ, называвшійся среди мѣстнаго кружка „Борисомъ", Баранниковъ (Кошурниковъ) и Пресняковъ, которые привезли съ собой около 3-хъ пудовъ динамита, рабочіе: Окладскій и Тихановъ и Татьяна Лебедева. По пріѣздѣ въ Харьковъ, Гольденбергъ познакомился съ бывшимъ студентомъ горнаго института, севастопольскимъ мѣщаниномъ Петромъ Абрамовымъ Телаловымъ, получившимъ затѣмъ въ Харьковѣ прозвище „старосты", и вскорѣ

съ нимъ сблизился. По просьбѣ Гольденберга, желавшаго ознакомиться съ настроеніемъ харьковскаго кружка, знакомыми его, Гольденберга, въ квартирѣ учителя Маныча была устроена сходка, на которой присутствовалъ и Телаловъ, при чемъ Гольденбергъ произнесъ рѣчь съ цѣлью познакомить сочувствовавшую революціонному движенію учащуюся молодежь съ программой вновь народившейся „партіи народной воли". Впослѣдствіи была вновь устроена сходка на квартирѣ студента Осипова, на которой говорилъ Желябовъ и присутствовали почти всѣ вышеупомянутые, прибывшіе въ Харьковъ революціонные дѣятели, въ томъ числѣ и Телаловъ. Кромѣ означенныхъ сходокъ, имѣвшихъ цѣлью ознакомленіе молодежи съ террористической программой, съѣхавшіеся въ Харьковъ „народовольцы" рѣшили приступить къ приготовленіямъ къ взрыву Императорскаго поѣзда еще въ двухъ мѣстахъ, кромѣ Москвы, а именно: подъ Александровскомъ, по линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, и подъ Одессой. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія для приведенія своихъ замысловъ въ исполненіе, сообщники разъѣхались въ избранные ими мѣста: Желябовъ, Якимова, прибывшая къ этому времени въ Харьковъ, Тихановъ и Окладскій—въ Александровскъ, Татьяна Лебедева, съ частью привезеннаго въ Харьковъ и хранившагося у Гольденберга динамита—въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко; Гольденбергъ—въ Москву для принятія участія въ начатомъ уже тамъ подкопѣ, а Телаловъ, посвященный во всѣ замыслы и вступившій въ это время въ ряды народовольцевъ, остался въ Харьковѣ для организаціи мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ и для содѣйствія, въ чемъ окажется нужнымъ, находившимся въ разныхъ пунктахъ соумышленникамъ.

Участіе Телалова въ преступныхъ замыслахъ вышепоименованныхъ лицъ и содѣйствіе его успѣшному осуществленію задуманнаго цареубійства, кромѣ оговора его Гольденбергомъ и фактовъ посѣщенія имъ, совмѣстно съ Гольденбергомъ и Желябовымъ, квартиры нѣкоторыхъ студентовъ, подтверждается еще слѣдующими обстоятельствами, удостовѣренными при дознаніи подлежащими свидѣтельскими показаніями:

1) Въ половинѣ октября 1879 г., Телаловъ вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, привезли на квартиру студента Кузнецова завернутый въ рогожу предметъ, оказавшійся землянымъ буравомъ, съ просьбой спрятать таковой на нѣкоторое время; не имѣя возможности хранить буравъ у себя, Кузнецовъ передалъ его товарищу своему Сыцянко, у котораго онъ и находился до конца октября, когда Иванъ Окладскій потребовалъ его отъ Кузнецова и увезъ въ Александровскъ.

2) По окончаніи совѣщаній, уѣзжая изъ Харькова въ Москву, Гольденбергъ поручилъ Телалову, оставленный на своей квартирѣ чсоданъ съ динамитомъ, передать Желябову при проѣздѣ его черезъ Харьковъ, для чего привелъ Талалова въ свою квартиру и просилъ хозяйку, акушерку Сикорскую, передать чемоданъ Телалову по его требованію. При проѣздѣ Желябова въ Александровскъ, Телаловъ получилъ чемоданъ отъ Сикорской и передалъ его на вокзалѣ желѣзной дороги на назначенію.

3) Чрезъ нѣсколько дней послѣ покушенія 19 ноября подъ Москвой, Телаловъ просилъ Сыцянко принять къ себѣ на храненіе нѣкоторыя вещи и въ тотъ же вечеръ привезъ къ нему на квартиру двѣ спирали Румкорфа,

пучекъ изолированной проволоки, коробочку съ запалами, два заряженныхъ револьвера и три кинжала, каковые предметы были отобраны у Сыцянко по обыску 27 ноября 1879 года.

Независимо отъ сего, изъ показанія Гольденберга видно, что во время харьковскихъ сходокъ, прибывшій въ Харьковъ рядовой Дейба Дейчъ, возбудилъ вопросъ о томъ, что такъ какъ цареубійство должно совершится очень скоро, то этимъ событіемъ желательно было воспользоваться не только террористамъ, для ихъ политической цѣли, но и для цѣлей всей „революціонной партіи". Вслѣдствіе чего было предложено напечатать „манифесты" для распространенія ихъ въ народѣ послѣ цареубійства, а для успѣшнаго достиженія этой цѣли, имѣть своихъ людей по деревнямъ. Съ этимъ вопросомъ близко соприкасался Телаловъ, которому было извѣстно содержаніе и цѣль манифестовъ и который долженъ былъ подыскать людей, на мѣстахъ, годныхъ для распространенія революціонныхъ воззваній.

Все вышеизложенное удостовѣряется приговорами: С.-Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда и Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣламъ о 16 и 20 лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія; показаніями умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга; государственныхъ преступниковъ: Степана Ширяева и Ивана Окладскаго; протоколомъ обыска у Сыцянко, и показаніями студентовъ Блинова, Кузнецова и Сыцянко, а также акушерки Сикорской.

Задержанный въ С.-Петербургѣ 16-го декабря 1881 г. подъ именемъ Семенова, Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, признавая свою принадлежность къ тайному сообществу, именующему себя „партіей народной воли", подтвердилъ въ общихъ чертахъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, относящіяся до его преступной дѣятельности осенью 1879 г. Разбирая отдѣльныя событія, Телаловъ, въ показаніи своемъ, призналъ свое участіе какъ на сходкахъ, на которыхъ Гольденбергъ и Желябовъ знакомили молодежь съ программой „партіи народной воли", такъ въ совѣщаніяхъ, на которыхъ велись съ нимъ, Телаловымъ, переговоры объ удобнѣйшемъ храненіи разныхъ, доставленныхъ въ Харьковъ орудій и приспособленій, предназначавшихся для задуманныхъ уже тогда посягательствъ на цареубійство. Далѣе Телаловъ призналъ, что согласившись содѣйствовать планамъ злоумышленниковъ, онъ передалъ Кузнецову на храненіе буравъ, увезенный впослѣдствіи въ Александровскъ, а затѣмъ въ концѣ октября, передалъ Желябову на вакзалѣ желѣзной дороги динамитъ, оставленный Гольденбергомъ на квартирѣ Сикорской, при чемъ тогда же узналъ опредѣленно отъ Желябова, какія именно мѣста избраны для посягательства на цареубійство, по пути слѣдованія Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Наконецъ, нѣсколько дней спустя послѣ московскаго покушенія, онъ, Телаловъ помѣстилъ на квартиру къ Сыцянко спирали Румкорфа, запалы, проволоки и оружіе.

2.

Какъ уже было сказано выше, въ октябрѣ 1879 г., Гольденбергъ уѣхалъ изъ Харькова въ Москву для принятія участія въ работахъ по подкопу полотна Московско-Курской желѣзной дороги. Въ началѣ ноября участниками этого злодѣянія были получены свѣдѣнія, что Государь Императоръ,

въ виду дурной погоды, прослѣдуетъ съ южнаго берега Крыма сухимъ путемъ. Въ виду возникшихъ опасеній, что наличнаго динамита будетъ недостаточно для успѣшнаго взрыва Императорскаго поѣзда подъ Москвой, а также въ виду того, что по случаю измѣненія пути слѣдованія Государя Императора дальнѣйшія приготовленія къ цареубійству подъ Одессой становились излишними, Гольденбергъ былъ отправленъ 9 ноября въ Одессу, съ цѣлью перевезти имѣвшійся тамъ динамитъ въ Москву Въ Одессѣ Гольденбергъ остановился у Колодкевича, проживавшаго подъ именемъ Сидоренко, отъ котораго и получилъ динамитъ. Во время пребыванія своего въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся въ квартирѣ Колодкевича съ извѣстнымъ ему еще ранѣе за члена исполнительнаго комитета Савеліемъ Соломоновымъ Златопольскимъ, съ которымъ, равно какъ и съ Колодкевичемъ, говорилъ о московскомъ подкопѣ, и, между прочимъ, указывалъ на недостатокъ имѣющихся для сего дѣла денежныхъ средствъ. На слѣдующій день послѣ этого разговора, 13 ноября, Златопольскій пришелъ снова въ квартиру Колодкевича и передалъ Гольденбергу 300 рублей для московскаго предпріятія. Въ тотъ же день Гольденбергъ выѣхалъ изъ Одессы въ Москву. а на слѣдующій день былъ арестованъ въ Елисаветградѣ съ динамитомъ и деньгами.

13 апрѣля 1882 года въ гор. Москвѣ былъ задержанъ подъ именемъ Боголѣпова Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, который, признавъ себя членовъ „партіи народной воли", объяснилъ, что оговоръ его Гольденбергомъ совершенно ложенъ, что ни о какихъ замыслахъ на цареубійство, осенью 1879 года. ему извѣстно не было, и что въ началѣ ноября 1879 г., въ присутствіи Гольденберга, на квартирѣ Колодкевича онъ передавалъ деньги, но не Гольденбергу и не 300 руб., а Колодкевичу, 500 руб., которые ему были переданы послѣднимъ на храненіе.

3.

Неудавшіяся покушенія на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, осенью 1879 г., въ виду принятаго на липецкомъ съѣздѣ рѣшенія, побудили участниковъ преступнаго сообщества предпринять новыя приготовленія для достиженія своей злодѣйской цѣли.

Весною 1880 г., въ г. Одессѣ и, лѣтомъ того же года, въ С.-Петербургѣ, приготовлялись два посягательства на жизнь Государя Императора, большая часть участниковъ которыхъ осуждена уже приговорами Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣламъ: о злодѣяніи 1-го Марта 1881 г, и о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ. Относительно приготовленія въ гор. С.-Петербургѣ, государственный преступникъ Меркуловъ объяснилъ, что катаясь однажды лѣтомъ 1880 года въ лодкѣ съ Грачевскимъ, Желябовымъ, Пресняковымъ, Баранниковымъ, Александромъ Михайловымъ и Тетеркой, онъ, Меркуловъ, слышалъ происходившій между названными лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора. При этомъ Баранниковъ, по словамъ Меркулова, предполагалъ примѣнить одновременно со взрывомъ моста и метательные снаряды. Изъ содержанія означеннаго разговора Меркуловъ заключилъ, что покушеніе было уже рѣшено ранѣе сего, между упомянутыми ли-

цами. Впослѣдствіи Меркуловъ видѣлъ Желябова, подъѣхавшаго въ лодкѣ къ пристани близъ сада Михайловскаго Дворца, при чемъ бывшіе съ нимъ въ лодкѣ Тетерка и Барановиковъ объяснили Меркулову, что ѣздили доставать динамитъ изъ подъ моста на Гороховой улицѣ, но безуспѣшно.

По изслѣдованіи дна Екатерининскаго канала подъ каменнымъ мостомъ и близь него, 4 мая и 6 іюня 1881 г., были обнаружены 4 гутаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ около 7 пудовъ, съ запальными стаканами въ одной парѣ подушекъ.

По осмотрѣ экспертами заключавшагося въ подушкахъ чернаго динамита, между прочимъ, было установлено, что по химическому своему составу, означенный динамитъ близко подходитъ къ динамиту, вынутому изъ мины, которая была заложена подъ Малую Садовую улицу изъ лавки Кобозева.

Государственный преступникъ Макаръ Тетерка, подтвердивъ въ общихъ чертахъ показаніе Меркулова, присовокупилъ, что всѣ приготовленія къ взрыву были окончены и въ назначенный день Желябовъ, при содѣйствіи его, Тетерки, долженъ былъ произвести взрывъ, но къ назначенному времени онъ, Тетерка, по неимѣнію часовъ, на мѣсто свиданія не явился, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившій Государь Императоръ благополучно прослѣдовалъ на южный берегъ Крыма.

Изъ всѣхъ участниковъ означеннаго преступленія, оставался нерозысканнымъ лишь сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій. Будучи задержанъ въ С.-Петербургѣ въ ночь на 5 іюня 1882 г. Грачевскій, признавъ свою принадлежность къ тайному сообществу, именующемуся „партіей народной воли", отъ разъясненія своей преступной дѣятельности отказался.

IV.

Покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Въ декабрѣ 1880 г., въ г. Кишиневѣ, по Варфоломѣевскому переулку, во дворѣ Швейцарской гостинницы, во флигелѣ, рядомъ съ Губернскимъ Казначействомъ поселились неизвѣстные мужчина и женщина подъ именемъ супруговъ Мироненко, у которыхъ въ качествѣ кухарки проживала также какая-то неизвѣстная личность, не предъявившая мѣстной полиціи своего вида на жительство.

Вскорѣ по пріѣздѣ, означенныя лица своею крайне уединенною жизнью обратили на себя вниманіе полиціи, а послѣ того, какъ паспорты Мироненко были осмотрѣны полиціей, они немедленно, въ январѣ 1881 г., выѣхали изъ Кишинева, несмотря на то, что квартира была нанята ими на годъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, что въ одной изъ комнатъ квартиры Мироненко былъ прорѣзанъ полъ и въ образовавшемся отверстіи въ полтора аршина длиною и $^3/_4$ аршина шириною, начатъ подкопъ подъ Казначейство, засыпанный ко времени его обнаруженія рыхлою землею, причемъ и самое отверстіе въ полу оказалось заложеннымъ отрѣзками половыхъ досокъ, а образовавшіяся про этой работѣ щели, замазанными и закрашенными.

Приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, послѣдо-

вавшимъ $^{9}/_{15}$ февраля 1882 г. по дѣлу о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, уже установлено: а) что означенный подкопъ совершенъ лицами, принадлежащими къ тайному сообществу, присвоившему себѣ названіе „русской соціально-революціонной партіи", съ цѣлью похищенія изъ Казначейства денегъ, необходимыхъ сообществу для достиженія его цѣлей, причемъ начатыя работы не могли быть доведены до конца по причинамъ, независѣвшимъ отъ участниковъ преступленія и б) что кромѣ супруговъ Мироненко, оказавшихся государственными преступниками Михаиломъ Фроленко и Татьяною Лебедевою, въ упомянутомъ подкопѣ принимали также участіе государственные преступники Фриденсонъ и Василій Меркуловъ. Изъ показанія Меркулова видно, что покушеніе на кражу денегъ изъ Кишиневскаго Казначейства было сдѣлано по указанію нынѣ казненнаго преступника Желябова и что въ Одессѣ была приготовлена квартира, въ которой могли бы скрыться участники подкопа въ случаѣ успѣшнаго совершенія кражи изъ казначейства.

Всѣ участники означеннаго преступленія уже осуждены приговоромъ Правительствующаго Сената, за исключеніемъ проживавшей въ квартирѣ Мироненко, въ качествѣ кухарки, неизвѣстной женщины, личность которой не была обнаружена до послѣдняго времени, такъ какъ всѣ имѣвшіяся въ отношеніи ея указанія сводились лишь къ тому, что она женщина молодая и называлась „Анна", „Ганька" и „Кіевская".

По задержаніи 20 іюня 1882 г. дворянки Антонины Игнатьевой Лисовской, она, признавая свою принадлежность къ террористическому сообществу, показала, что съ конца 1880 г. до половины января 1881 г. проживала въ Кишиневѣ въ качествѣ кухарки у Мироненко подъ именемъ „Анны", съ цѣлью совершенія посредствомъ подкопа похищенія денегъ изъ мѣстнаго казначейства, при чемъ и принимала непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ. Отъ дальнѣйшихъ объясненій по существу упадающаго на нее обвиненія—Лисовская отказалась.

По предъявленіи Лисовской мѣщанамъ Семену и Аннѣ Галахинымъ и Приставу г. Кишинева Дунскому, означенныя лица признали въ ней ту самую женщину, которая проживала въ г. Кишиневѣ въ квартирѣ супруговъ Мироненко въ качествѣ кухарки послѣднихъ.

V.

Злодѣяніе 1 марта 1881 года.

Неуклонно преслѣдуя мысль о цареубійствѣ, члены преступнаго сообщества, именующаго себя „партіей народной воли", въ виду неуспѣха, постигшаго сдѣланныя для достиженія этой цѣли весной и лѣтомъ 1880 г. приготовленія, въ концѣ того же года, собравшись въ С.-Петербургѣ, умыслили вновь посягнуть на священную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Для успѣшнаго осуществленія на этотъ разъ своихъ злодѣйскихъ замысловъ, вожаки сообщества рѣшили привлечь къ дѣлу всѣ наличныя силы террористической фракціи и примѣнить къ новому покушенію, родившуюся уже ранѣе сего мысль совмѣстнаго дѣйствія взрыва, путемъ подкопа одной

изъ улицъ столицы при проѣздѣ Государя Императора, и метательныхъ снарядовъ, изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ системъ которыхъ были озабочены такъ называемые „техники“ сообщества.

Наиболѣе удобное мѣсто для совершенія злодѣянія было выбрано на основаніи указаній, доставленныхъ особымъ „отрядомъ“, систематически слѣдившимъ подъ руководствомъ нынѣ казненной государственной преступницы Перовской, за выѣздами почившаго Монарха и за обычнымъ путемъ слѣдованія Его Императорскаго Величества по улицамъ столицы. Выборъ палъ на Малую Садовую улицу и вслѣдъ затѣмъ сообщество немедленно приступило къ осуществленію задуманнаго плана.

Въ началѣ декабря 1880 г. подвальное помѣщеніе въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ было нанято подъ сырную лавку за 1200 р. въ годъ, крестьяниномъ Евдокимомъ Ермолаевымъ Кобозевымъ, который тотчасъ же, при посредствѣ нанятыхъ имъ рабочихъ, принялся отдѣлывать помѣщеніе.

Въ первой комнатѣ, имѣвшей выходъ на Малую Садовую улицу, были устроены: прилавокъ и вдоль задней и боковыхъ стѣнъ полки, забранныя внизу досками, а самыя стѣны были оклеены обоями. Въ сосѣднемъ отдѣленіи подвала, имѣвшемъ два окошечка на Малую Садовую улицу и предназначавшемся для жилья, были также сдѣланы разныя поправки и, между прочимъ, наружная стѣна была обшита тесомъ.

7 Января 1881 г. Евдокимъ Кобозевъ вмѣстѣ съ женщиной, называвшейся его женой Еленой Федоровой, переѣхалъ въ новое помѣщеніе изъ дома № 11 по Невскому проспекту, гдѣ онъ проживалъ съ женой въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкой Маргаритой Афанасьевой.

Вскорѣ послѣ открытія лавки, называвшіеся супругами Кобозевыми обратили на себя вниманіе какъ сосѣднихъ торговцевъ, такъ и мѣстной полиціи неумѣлымъ веденіемъ дѣла, пріемами и привычками, несоотвѣтствовавшими ихъ занятію и несвойственными простымъ торговцамъ. Кобозевъ казался человѣкомъ, стоявшимъ гораздо выше состоянія, жена же его ходила въ шляпкѣ, курила папиросы и часто не ночевала дома.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстная полиція обратила вниманіе на то обстоятельство, что лавку Кобозевыхъ посѣщали какіе-то подозрительные люди, которые, уходя поздно ночью, видимо старались не быть замѣченными дворниками. Одна изъ такихъ личностей, будучи прослѣжена околоточнымъ надзирателемъ Исаемъ Дмитріевымъ, скрылась отъ него на извощикѣ-лихачѣ.

Вслѣдствіе павшаго по вышеуказаннымъ основаніямъ на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ помѣщеніи лавки, 28 февраля 1881 г. былъ произведенъ мѣстною полиціею, при участіи техника Мравинскаго, осмотръ, который однако не далъ никакихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе во время осмотра, по удостовѣренію бывшаго участковаго пристава Теглева и дворника Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и былъ блѣденъ „какъ смерть“.

Все изложенное удостовѣрено показаніями спрошенныхъ при дознаніи: бывшаго пристава Теглева, помощника его Лерепланда, управляющаго домомъ графа Менгдена Петерсона, дворника Самойлова, околоточнаго надзирателя Дмитріева, Маргариты и Екатерины Афанасьевыхъ и государственнаго преступника Рысакова, а равно протоколами осмотровъ домовыхъ книгъ дома графа Менгдена по Малой Садовой ул. и д. № 75 по Невскому проспекту.

4-го марта 1881 г., вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома графа Менгдена о томъ, что содержатель сырной лавки Кобозевъ съ женой скрылись изъ занимаемаго ими помѣщенія, а въ самой лавкѣ найдена сырая земля и орудія землекопанія, былъ произведенъ новый осмотръ означенной лавки. На этотъ разъ по прибытіи на мѣсто Судебнаго Слѣдователя, въ жиломъ отдѣленіи подвала, смежномъ съ лавкой, подъ ближайшимъ къ ней окномъ былъ обнаруженъ проломъ наружной стѣны и подкопъ подъ Малую Садовую улицу.

По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ, какъ внутренности лавки и смежныхъ къ ней помѣщеній, такъ и самого подкопа, оказалось слѣдующее: въ самой лавкѣ, въ стоявшихъ въ ней бочкѣ и кадцѣ и за обшивкой нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, было усмотрѣно значительное количество земли; такая же земля была найдена подъ сидѣньемъ дивана, въ жиломъ отдѣленіи подвала, а рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, оказалось 9 деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землей. большая куча земли, прикрытая сверху слоемъ сѣна и 6 мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ повидимому носили землю. Кромѣ сего въ разныхъ мѣстахъ были найдены землекопательные и минные инструменты. Въ жиломъ помѣщеніи, подъ первымъ отъ входа окномъ, часть деревянной обшивки наружной стѣны свободно отодвигалась, обнаруживая отверстіе въ стѣнѣ, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени подъ полотно улицы.

Въ отверстіи оказалась гальваническая баттарея и стклянка съ жидкостью для снаряженія баттареи, а отъ послѣдней шли вдоль по минѣ проводы, оканчивавшіеся зарядомъ, состоявшимъ изъ чернаго динамита въ количествѣ около двухъ пудовъ, заключеннаго въ стекляной бутыли и жестяномъ цилиндрѣ. По заключенію эксперта, генералъ-маіора Ѳедорова, система заряда и запаловъ вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2^1/_2$ сажень въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки.

Паспортъ, по которому проживали Кобозевы, оказался подложнымъ, а настоящіе Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ и жена его Надежда Свиридова, а не Елена Федорова, проживающими—Кобозевъ въ г. Воронежѣ, а жена его въ деревнѣ на родинѣ.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной дѣятельности сообщества, именующаго себя „партіей народной воли“, были получены указанія какъ на личности, скрывавшіяся подъ именемъ супруговъ Кобозевыхъ, такъ и на ближайшихъ участниковъ подкопа, выведеннаго изъ нанятой Кобозевыми лавки.

Приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, состоявшимся $^9/_{15}$ февраля 1882 г. по дѣлу о 20 лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія, признано, что подъ именемъ Елены Федоровой Кобозевой проживала государственная преступница Анна Васильева Якимова.

Изъ показаній осужденнаго по упомянутому дѣлу Василія Меркулова были почерпнуты данныя къ установленію личности, именовавшейся Кобозевымъ, который оказался дворяниномъ Юріемъ Николаевымъ Богда-

Михаилъ Ѳедоровичъ
ГРАЧЕВСКІЙ.

новичемъ, разыскивавшимся уже по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

Независимо отъ сего изъ показаній того же Меркулова оказалось, что кромѣ руководительства предпріятіемъ, именовавшійся Кобозевымъ принималъ и непосредственное участіе въ работахъ по подкопу и первый, вмѣстѣ съ государственнымъ преступникомъ Баранниковымъ (Порфиріемъ), приступилъ къ пролому наружной стѣны подвала.

13 марта 1882 г., въ Москвѣ былъ задержанъ проживавшій подъ именемъ сына надворнаго совѣтника Прозоровскаго дворянинъ Юрій Богдановичъ, въ которомъ свидѣтели: Теглевъ, Лерепландъ, Новиковъ, Самойловъ, Ульяновъ и Екатерина Афанасьева признали лицо, имѣющее большое сходство съ именовавшимся Кобозевымъ, а Маргарита Афанасьева признала въ немъ положительно того самаго Кобозева, который въ концѣ 1880 г. нанималъ у нея меблированную комнату въ домѣ $^{75}/_{1}$ по Невскому проспекту.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, признавая свою принадлежность къ организаціи партіи „народной воли“ и свое участіе въ злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта 1881 г. въ качествѣ хозяина сырной лавки въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ, гдѣ онъ, проживалъ подъ именемъ Кобозева, отъ дальнѣйшаго разъясненія своей преступной дѣятельности отказался.

Одновременно съ приготовленіемъ къ подкопу въ Малой Садовой улицѣ, нѣкоторые члены преступнаго сообщества занялись подготовленіемъ второй части злодѣйскаго плана — организаціей вспомогательнаго нападенія посредствомъ метательныхъ снарядовъ.

Какъ уже было сказано выше, мысль о примѣненіи метательныхъ снарядовъ, въ качествѣ вспомогательнаго средства, при взрывѣ посредствомъ мины какой-нибудь мѣстности во время проѣзда Государя Императора, зародилась среди цареубійцъ значительно ранѣе: такъ государственный преступникъ Баранниковъ, при обсужденіи въ началѣ лѣта 1880 г. проекта взрыва Каменнаго моста, предлагалъ употребить въ дѣло и метательные снаряды.

Такой взглядъ на метательные снаряды, какъ на вспомогательное, а не главное средство къ совершенію цареубійства объяснялся тѣмъ обстоятельствомъ, что разрушительная сила новаго изобрѣтенія „техниковъ партіи народной воли“ не была еще испытана.

Подобнаго взгляда на метательные снаряды держался, какъ это видно изъ собственныхъ его объясненій, и одинъ изъ изобрѣтателей употребленныхъ впервые 1-го марта 1881 г. снарядовъ, нынѣ казненный государственный преступникъ Кибальчичъ.

Ближайшую организацію нападенія съ метательными снарядами принялъ непосредственно на себя казненный государственный преступникъ Андрей Желябовъ. Занимаясь устройствомъ среди учащейся молодежи особыхъ группъ для революціонной агитаціи между фабричными рабочими, Желябовъ организовалъ осенью 1880 г. особый, такъ называемый, „террористическій отдѣлъ“, имѣвшій ближайшей цѣлью охрану рабочихъ кружковъ отъ шпіоновъ. Въ составъ названнаго отдѣла, малочисленнаго по числу своихъ членовъ, вошли нѣкоторыя вновь примкнувшія къ революціонному

сообществу лица изъ среды учащейся молодежи и нѣкоторые болѣе интеллигентные рабочіе.

Для совѣщаній съ лицами, вошедшими въ составъ „террористическаго отдѣла“, Желябовъ указалъ квартиру въ д. № $^{27}/_{1}$ по Троицкому переулку, гдѣ съ 15 сентября 1880 г. и по 17 февраля 1881 г. проживали подъ именемъ супруговъ Николаевыхъ государственные преступники: Геся Гельфманъ и Макаръ Тетерка.

Въ этой квартирѣ, около половины февраля 1881 г., Желябовъ, по показанію Рысакова, „кликнулъ кличъ“, вызывая добровольцевъ для совершенія, посредствомъ метательныхъ снарядовъ, покушенія на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. На вызовъ Желябова откликнулись четыре человѣка, которые 1-го марта, вооруженные снарядами, ожидали проѣзда почившаго Монарха сначала въ Малой Садовой улицѣ, а затѣмъ на Екатерининскомъ каналѣ.

Приговорами Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о злодѣяніи 1-го марта и о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственномъ преступленіи, установлено, что вышеозначенными четырьмя метальщиками были: бывшій студентъ Технологическаго Института Игнатій Гриневицкій, бросившій смертоносный для Государя Императора снарядъ и умершій отъ полученныхъ при взрывѣ ранъ; нынѣ казненные государственные преступники: Николай Рысаковъ и Тимофей Михайловъ, и избавленный по особому Монаршему милосердію отъ смертной казни Иванъ Емельяновъ.

По собственному показанію государственной преступницы Геси Гельфманъ, квартира ея въ Троицкомъ переулкѣ была „конспиративною“. Изъ этой квартиры Гельфманъ прямо переѣхала въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, гдѣ была устроена новая квартира, спеціально предназначенная для тѣхъ участниковъ злодѣянія 1-го марта, которые должны были дѣйствовать метательными снарядами. Въ этой послѣдней квартирѣ Кибальчичъ объяснялъ заговорщикамъ устройство снарядовъ; въ ту же квартиру, утромъ 1-го марта, Перовская и Исаевъ принесли четыре снаряда, при чемъ Перовская, начертивъ на конвертѣ приблизительный планъ мѣстности, указала метальщикамъ и самый порядокъ дѣйствія.

Изъ показанія Перовской, Рысакова и Емельянова видно, что весь успѣхъ задуманнаго злодѣянія былъ разсчитанъ на взрывъ мины въ Малой Садовой улицѣ—на „центральный ударъ“, какъ назвала его Перовская, въ ожиданіи котораго метальщики должны были стоять на четырехъ углахъ Малой Садовой, не входя однако въ нее и только послѣ того какъ раздастся „звукъ“ должны были проникнуть въ Малую Садовую и бросить свои снаряды. Измѣненіе въ обычномъ пути слѣдованія Государя Императора въ Михайловскій манежъ побудило Перовскую подать заговорщикамъ условленный заранѣе сигналъ, по которому они должны были перейти на набережную Екатерининскаго канала и тамъ дѣйствовать съ одними лишь снарядами.

Тяжкія пораненія, повлекшія за собой мученическую кончину въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, и болѣе или менѣе опасныя поврежденія, полученныя 20 лицами, изъ числа Свиты Его Императорскаго Величества и находившихся на набережной прохожихъ, имѣвшія послѣдствіемъ смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ,—горестной дѣйстви-

тельностью своей—доказали, что разрушительная сила снарядовъ, изготовленныхъ такъ называемыми „техниками“ шайки цареубійцъ, превзошла ожиданія самихъ изобрѣтателей этого смертоноснаго орудія.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи злодѣянія 1 марта 1881 г., усилія производившихъ дознаніе въ одинаковой мѣрѣ были направлены на обнаруженіе какъ непосредственныхъ исполнителей злодѣянія, такъ и тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ изобрѣтеніи и снаряженіи упомянутыхъ снарядовъ, а также къ открытію квартиръ, въ которыхъ изготовлялись снаряды.

24 января 1881 г., при производствѣ дознанія, возникшаго вслѣдствіе ареста государственнаго преступника Александра Михайлова, были получены указанія, что въ началѣ 1880 года „террористы“ имѣли въ Петербургѣ двѣ квартиры, изъ коихъ въ одной, помѣщавшейся въ домѣ № 37 по Б. Подъяческой улицѣ, приготовлялся динамитъ, а въ другой, въ домѣ № 11 по Подольской улицѣ помѣщалась тайная типографія. Въ первой изъ этихъ квартиръ проживали неизвѣстныя лица подъ именами Григорія Еремѣева, Анны Давыдовой и Маріи Поликарповой, а во второй: Василій Агатескуловъ, жена его Надежда Семенова и Евгенія Климовичъ. Въ ближайшихъ отношеніяхъ къ означеннымъ квартирамъ находились осужденные нынѣ государственные преступники: Исаевъ, Кибальчичъ, Якимова, Терентьева, Желябовъ и Колодкевичъ, а также розыскивавшіеся до послѣдняго времени Грачевскій и Ивановская.

Осмотрами домовыхъ книгъ въ вышеуказанныхъ домахъ удостовѣрено, что Еремѣевъ, Давыдова и Поликарпова проживали въ д. № 37 по Б. Подъяческой улицѣ съ 5 января по 15 іюня 1880 г., а Агатескуловъ съ женой и Евгеніей Климовичъ проживали въ домѣ № 11 по Подъяческой улицѣ съ 8 мая по 23 іюля 1880 г.

Означенныя свѣдѣнія подтвердились, въ главныхъ своихъ частяхъ, показаніями государственныхъ преступниковъ: Исаева, Якимовой и Лебедевой, признавшихъ жительство свое въ д. № 37 по Б. Подъяческой улицѣ, и Кибальчича и Терентьевой, удостовѣрившихъ фактъ проживанія ихъ д. № 11 по Подольской улицѣ — перваго подъ именемъ Агатескулова, а вторая—подъ именемъ Климовичъ. Кромѣ того Кибальчичъ призналъ, что посѣщалъ квартиру Исаева въ д. № 37 по Б. Подъяческой улицѣ.

Давая нѣкоторыя разъясненія по дѣлу о злодѣяніи 1 марта, государственный преступникъ Кибальчичъ, между прочимъ, показалъ, что входя вмѣстѣ съ двумя лицами въ составъ такъ называемаго „техническаго отдѣла“, онъ, вмѣстѣ съ этими лицами, участвовалъ въ изобрѣтеніи и снаряженіи метательныхъ снарядовъ, взрывы которыхъ причинили смертельныя пораненія почившему Монарху.

Григорій Исаевъ, въ свою очередь, признавъ свое участіе въ приготовленіи динамита, употребленнаго при взрывѣ Зимняго Дворца и заложеннаго подъ Каменнымъ мостомъ, объяснилъ, что изобрѣтеніе системы воспламененія метательныхъ снарядовъ посредствомъ стеклянныхъ трубочекъ, наполненныхъ сѣрной кислотой, принадлежитъ ему.

Изъ вышеизложенныхъ же показаній Рысакова видно, что 1 марта Утромъ два метательныхъ снаряда были принесены въ Тележную улицу Исаевымъ.

При дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія получились болѣе опредѣленныя указанія на личность третьяго техника, оказавшагося сыномъ дьякона Михаиломъ Федоровымъ Грачевскимъ.

Государственный преступникъ Меркуловъ, въ ряду сдѣланныхъ имъ разоблаченій, въ отношеніи Михаила Грачевскаго, извѣстнаго среди революціонныхъ дѣятелей подъ прозвищемъ „птицы", между прочимъ показалъ: 1) что квартиру Геси Гельфманъ, въ д. № $^{27}/_{1}$ по Троицкому переулку, гдѣ помѣщалась типографія „Рабочей Газеты", въ числѣ другихъ лицъ, посѣщалъ и Грачевскій, который приносилъ съ собою какія-то жестянки, при чемъ ему, Меркулову, приходилось часто видѣть въ этой квартирѣ жестяные обрѣзки разной величины; 2) что въ началѣ 1881 г. онъ, Меркуловъ, вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Гриневицкимъ, Рысаковымъ и Тимофеемъ Михайловымъ ѣздили въ Парголово пробовать метательные снаряды, изъ коихъ одинъ былъ принесенъ на мѣсто, назначенное для сбора, близь Клиники Виліе, Грачевскимъ и переданъ имъ Кибальчичу и 3) что Грачевскій посѣщалъ какую-то конспиративную квартиру, помѣщавшуюся въ Могилевской улицѣ.

Посѣщеніе Грачевскимъ квартиры Гельфманъ, кромѣ Меркулова, подтвердилъ и обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша.

При изслѣдованіи же послѣдняго указанія Меркулова оказалось, что, съ 21 іюля и по 3 ноября 1880 г., въ д. № $^{2}/_{126}$ по Могилевской улицѣ, проживалъ нѣкій Вуженицкій съ женою и кухаркой Марфой Васильевой, при чемъ дворникъ означеннаго дома Мартьянъ Васильевъ призналъ въ государственныхъ преступникахъ Исаевѣ и Терентьевой Вуженицкаго и Васильеву, которые 3-го ноября вмѣстѣ съ женой Вуженицкаго внезапно скрылись изъ квартиры.

Людмила Терентьева признала фактъ проживанія своего подъ именемъ Васильевой.

2 мая 1881 г., подъ именемъ Костецкой, была задержана въ С.-Петербургѣ на улицѣ, дворянка Людмила Терентьева; а 5 мая было обнаружено, что Терентьева подъ именемъ Трофимовой, проживала въ д. № $^{42}/_{14}$ по Подольской улицѣ, въ квартирѣ Верейскихъ мѣщанъ Григорія и жены его Надежды Пришибиныхъ, которые, однако, до прибытія полиціи успѣли скрыться.

По осмотру квартиры Пришибиныхъ, въ одной изъ комнатъ былъ найденъ типографскій станокъ со всѣми принадлежностями для печатанія, разныя изданія преступнаго содержанія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, носившіе на себѣ слѣды недавней отпечатки, разныя рукописи революціоннаго характера и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ которыхъ обратили на себя особое вниманіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4-хъ пудовъ, совершенно сходнымъ по своему химическому составу съ динамитомъ, извлеченнымъ изъ мины, подведенной подъ М. Садовую улицу; 2) готовый метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяніи 1-го марта; 3) граната, заряженная порохомъ и картечью съ проведеннымъ къ ней стопиномъ; 4) яды: опій, стрихнинъ и ціанистый калій; 5) два кинжала, стилетъ и 9-ть такъ называемыхъ финляндскихъ матро-

скихъ ножей, 6) два револьвера, патроны къ нимъ и значительное количество дроби; 7) бланки для письменныхъ видовъ и 8) разныя шифрованныя письма и записки.

Обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша, признавъ свое участіе въ типографскихъ работахъ въ квартирѣ именовавшихся Пришибиными, въ которой онъ проживалъ довольно долгое время, заявилъ, что еще до 1-го марта, въ комнатѣ, гдѣ помѣщался типографскій станокъ, хранилась корзина съ взрывчатыми веществами, которой ему было запрещено касаться. — Описывая свое пребываніе въ квартирѣ Пришибиныхъ, планъ которой онъ начертилъ при дознаніи наизусть, Борейша, между прочимъ, указалъ, что 1-го марта 1881 г., вечеромъ, въ типографію пришелъ Исаевъ и принесъ съ собой рукописную прокламацію „къ рабочимъ" по поводу событія 1-го марта, которую какъ онъ, Борейша, такъ и Пришибины и Исаевъ печатали всю ночь. При этомъ всѣ они удивлялись, что въ городѣ такъ тихо. 3-го марта, вечеромъ, по требованію Пришибина, снабдившаго Борейшу деньгами, послѣдній выѣхалъ въ Москву, при чемъ провожавшій его Пришибинъ искалъ между отъѣзжавшими „лѣмпа", оказавшагося впослѣдствіи государственнымъ преступникомъ Лангансомъ, чтобы познакомить его съ Борейшей.

По предъявленіи дворникамъ дома № $^{42}/_{14}$ по Подольской улицѣ Ананію Зорину, Прокопію Яковлеву и Федору Ульянову задержанныхъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ сына дьякона Михаила Грачевскаго и дочери священника Парасковьи Ивановской, всѣ названные свидѣтели признали въ нихъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя съ ноября 1880 г. и по май 1881 г. проживали въ означенномъ домѣ подъ именемъ и по паспорту верейскихъ мѣщанъ, супруговъ Пришибиныхъ.

Дворникъ дома № 11 по Подольской улицѣ, крестьянинъ Ивановъ, по предъявленіи ему Парасковьи Ивановской, призналъ въ ней лицо вполнѣ похожее на жену Агатескулова (Кибальчича), проживавшую въ означенномъ домѣ, какъ уже выше сказано, съ 8-го мая по 23-го іюля 1880 г.

Обвиняемые Михаилъ Грачевскій и Парасковья Ивановская отказались отъ всякихъ объясненій по поводу участія ихъ въ злодѣяніи 1-го марта, но при этомъ Ивановская признала себя членомъ „исполнительнаго комитета", а Грачевскій сознался въ томъ, что подъ именемъ Пришибина проживалъ въ конспиративной квартирѣ въ домѣ № $^{42}/_{14}$ по Подольской улицѣ, съ ноября 1880 г. и по май 1881 г.

VI.

Преступная дѣятельность сообщества послѣ 1-го марта 1881 года.

Вслѣдъ за совершеніемъ злодѣянія 1-го марта стали появляться изданія подпольной печати, въ которыхъ, отъ имени революціоннаго сообщества, заявлялось, что несмотря на аресты важнѣйшихъ членовъ организаціи, сообщество намѣрено продолжать свою преступную дѣятельность и стремиться къ достиженію прежде намѣченной цѣли. Подтвержденіемъ такой рѣшимости сообщества не сходить съ излюбленнаго имъ кроваваго пути явилось отобранное у Петра Телалова, при его задержаніи, письмо, частью зашифрованное, и предназначавшееся, какъ это оказалось впослѣдствіи, для государственнаго преступника Александра Михайлова.

Приступить немедленно къ выполненію своихъ замысловъ сообщество оказалось, однако, не въ силахъ. Ослабленное многочисленными арестами, оно прежде всего принялось за организаціонную работу, съ цѣлью пополнить свои ряды; послѣдствіями сего явилось вступленіе выдающихся дѣятелей народнической фракціи въ составъ террористическаго сообщества и образованіе „общества краснаго креста народной воли". Въ началѣ 1882 года, сообщество вновь приступило къ выполненію своей программы и ознаменовало свою дѣятельность новымъ убійствомъ, совершеннымъ 18-го марта 1882 г., надъ производившимъ по Высочайшему повелѣнію дознанія о государственныхъ преступленіяхъ генералъ-маіоромъ Стрѣльниковымъ, а затѣмъ, лѣтомъ того-же года, приступило къ изготовленію динамита и метательныхъ снарядовъ, необходимыхъ для предстоявшихъ злодѣяній.

Въ отношеніи каждаго изъ вышепоименованныхъ видовъ дѣятельности террористическаго сообщества, разслѣдованіе обнаружило слѣдующія данныя:

I.

Сближеніе террористическаго сообщества съ дѣятелями народнической фракціи.

При задержаніи Якова Стефановича, у послѣдняго были отобраны письма эмигранта Лейбы Дейча, изъ которыхъ между прочимъ оказалось, что Стефановичъ перешелъ изъ народнической фракціи въ террористическое сообщество.

Яковъ Стефановичъ, въ разъясненіе сего обстоятельства, показалъ слѣдующее: во время пребыванія его, Стефановича, заграницей къ нему нѣсколько разъ обращались съ предложеніемъ возвратиться въ Россію, но онъ всегда отклонялъ подобныя предложенія, такъ какъ считалъ невозможнымъ сплотить въ серьезную организацію чернопередѣльческія (народническія) силы и вести работу рядомъ съ „сильной, окрѣпшей въ борьбѣ и богатой традиціями организаціей народной воли". Въ послѣднее время Стефановичъ пришелъ къ убѣжденію, что существованіе народническаго направленія на почвѣ практической дѣятельности стоитъ въ зависимости отъ соглашенія съ организаціей террористическаго сообщества. Признавая затѣмъ, что весною 1881 г., почва для такого соглашенія существовала болѣе чѣмъ когда либо, Стефановичъ, получивъ новое предложеніе пріѣхать въ Россію, на этотъ разъ согласился исполнить обращенную къ нему просьбу и, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1881 г., перешелъ русскую границу. Послѣ переговоровъ въ г. Москвѣ какъ съ чернопередѣльцами, такъ и съ нѣкоторыми представителями сообщества „партіи народной воли", въ числѣ которыхъ находились: обвиняемые по настоящему дѣлу Богдановичъ и Грачевскій и нерозысканные до настоящаго времени Левъ Тихоміровъ и жена государственнаго преступника Баранникова, Стефановичъ пришелъ къ заключенію о возможности для него вступить въ ряды террористическаго сообщества. Желая склонить къ тому же другихъ членовъ народнической фракціи, Стефановичъ отправился съ этой цѣлью въ г. С.-Петербургъ, гдѣ видѣлся съ отставнымъ мичманомъ Анатоліемъ Булановымъ и другими изъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, назвать фамиліи которыхъ Сте-

фановичъ не пожелалъ. Старанія Стефановича остались не безуспѣшными, и какъ Булановъ, такъ и большинство петербургскихъ чернопередѣльцевъ изъявили согласіе войти въ составъ „партіи народной воли", надѣясь найти въ ея средѣ работу, не противорѣчащую ихъ убѣжденіямъ. Примѣру своихъ петербургскихъ товарищей послѣдовали и народники, проживавшіе въ другихъ городахъ Имперіи и вслѣдствіе сего, въ теченіе зимы 1881—1882 г., личный составъ террористическаго сообщества продолжалъ пополняться вступающими въ него чернопередѣльцами.

Такое показаніе Якова Стефановича находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ содержаніи отобранныхъ у него при обыскѣ писемъ, такъ и въ доказанныхъ посѣщеніяхъ Стефановичемъ Буланова осенью 1881 г. въ С.-Петербургѣ. Послѣднее обстоятельство признано и самимъ Булановымъ.

Осуществившееся, такимъ образомъ, сліяніе значительнаго числа народниковъ съ террористическимъ сообществомъ усилило безъ сомнѣнія послѣднее, но тѣмъ не менѣе приливъ новыхъ, еще не испытанныхъ членовъ не могъ замѣнить для сообщества потерю дѣятелей, закаленныхъ въ террористической борьбѣ.

Вслѣдствіе сего было признано необходимымъ учредить въ составѣ „партіи народной воли" новое общество, которое могло бы служить орудіемъ для освобожденія изъ заключенія и ссылки наиболѣе полезныхъ членовъ сообщества и для возвращенія послѣднихъ къ ихъ прежней преступной дѣятельности.

Учрежденіемъ, удовлетворяющимъ вышеуказанной цѣли, явилось „общество революціоннаго краснаго креста".

II.

Общество Краснаго Креста Народной Воли.

Объявленіе о возникшемъ въ составѣ такъ называемой соціально-революціонной партіи общества краснаго креста появилось въ № 7 подпольнаго изданія „Народная Воля", вышедшемъ 23-го декабря 1881 года, при чемъ было указано и на цѣль общества, состоящую въ оказаніи матеріальной и нравственной поддержки всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти.

Не задолго передъ симъ, 16 декабря, при задержаніи обвиняемаго Петра Теплова у него былъ отобранъ рукописный уставъ „общества освобожденія", къ числу задачъ котораго, кромѣ матеріальной и нравственной помощи „всѣмъ лицамъ подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти" отнесена организація побѣговъ и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

Существованіе обнаруженной такимъ образомъ новой преступной организаціи подтвердилось и отобранными у Якова Стефановича письмами эмигранта Дейча, въ которыхъ также упоминается о вновь возникшемъ обществѣ краснаго креста, при чемъ изъ тѣхъ же писемъ видно, что означенное общество имѣло заграницей своими представителями эмигрантовъ: Петра Лаврова и Вѣру Засуличъ.

Яковъ Стефановичъ объяснилъ, что не принадлежа къ организаціи

краснаго креста, онъ тѣмъ не менѣе вполнѣ сочувствовалъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ названнымъ сообществомъ, а потому и принялъ участіе въ устройствѣ его заграничнаго отдѣла и вступилъ по этому поводу въ письменные переговоры съ Петромъ Лавровымъ и Вѣрою Засуличъ.

Изъ показаній жены ссыльнаго Надежды Маковой видно, что организаторомъ „общества краснаго креста" въ Россіи былъ Юрій Богдановичъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго сложился московскій отдѣлъ общества. Независимо отъ сего Макова удостовѣрила, что Богдановичъ разсказывалъ ей, въ концѣ 1881 г., о томъ, что онъ недавно возвратился изъ Сибири, гдѣ также есть агентъ общества „краснаго креста" нѣкто Юферовъ.

Показаніе Надежды Маковой подтверждается: во 1-хъ) найденной у Богдановича сигнатуркой отъ лекарства, отпущеннаго на имя Гаховича изъ аптеки въ г. Томскѣ; во 2) установленнымъ при разслѣдованіи настоящаго дѣла пребываніемъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1882 г. въ г. Томскѣ личности, именовавшей себя почетнымъ гражданиномъ Михаиломъ Гаховичемъ и въ 3) найденными у Михаила Грачевскаго шифрованными записками, оказавшимися рядомъ адресовъ, проживающихъ въ Сибири и въ Европейской Россіи лицъ, въ числѣ которыхъ находится и адресъ Іоны Юферова въ г. Томскѣ.

При производствѣ по Высочайшему повелѣнію особаго дознанія о сообществѣ „краснаго креста народной воли", у привлеченнаго къ означенному дознанію крестьянина Тобольской Губерніи Станислава Ярошинскаго была найдена шифрованная записка, въ которой обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: « . . . . . Клименко вѣроятно арестованъ, что повело къ обыскамъ Тюмени и Екатеринбурга, откуда узнали о насъ. . . . .»

Найденное у Ярошинскаго шифрованное письмо написано привлеченнымъ къ дознанію о „красномъ крестѣ" сыномъ священника Петромъ Орловымъ, адресъ котораго также оказался въ шифрованныхъ запискахъ Грачевскаго.

Сопоставленіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ дѣла съ побѣгомъ Михаила Клименко изъ Сибири, лѣтомъ 1881 года, приводитъ къ заключенію, что изъ числа найденныхъ у Михаила Грачевскаго адресовъ, нѣкоторые относились до лицъ, принадлежащихъ къ организаціи „общества краснаго креста", и что Клименко бѣжалъ изъ мѣста ссылки при содѣйствіи означенной организаціи.

Возвращенный такимъ образомъ, при содѣйствіи общества „краснаго креста" изъ Сибири, Михаилъ Клименко не замедлилъ проявить свою дѣятельность, участвуя въ новомъ преступленіи, совершенномъ во имя задачъ, преслѣдуемыхъ соціально-революціоннымъ сообществомъ.

III.

Убійство Генералъ-Маіора Стрѣльникова.

18 Марта 1882 года, въ городѣ Одессѣ, на Николаевскомъ бульварѣ, въ 9 часовъ пополудни, выстрѣломъ изъ револьвера былъ убитъ Военный Прокуроръ Кіевскаго Военно-Окружнаго Суда Генералъ-Маіоръ Стрѣльни-

ковъ, находившійся въ г. Одессѣ, для производства по Высочайшему повелѣнію дознаній о государственныхъ преступленіяхъ.

Выстрѣлъ былъ направленъ сзади въ голову въ то время, когда генералъ Стрѣльниковъ сидѣлъ на одной изъ скамеекъ боковой аллеи бульвара, обращенной къ Приморской улицѣ.

Судебно-медицинскимъ вскрытіемъ установлено, что рана, нанесенная Генералу Стрѣльникову, принадлежа къ разряду безусловно смертельныхъ, должна была повлечь моментальную смерть.

Убійца, тотчасъ послѣ выстрѣла въ генерала Стрѣльникова, побѣжалъ съ бульвара на Приморскую улицу и успѣлъ сѣсть въ пролетку, съ которой поджидалъ его одинъ изъ его соучастниковъ. Скрыться однако преступники не успѣли и, не смотря на оказанное ими вооруженное сопротивленіе, были задержаны при содѣйствіи собравшейся толпы.

Арестованныя лица назвали себя одинъ, дворяниномъ Косогорскимъ, а другой сыномъ Тифлисскаго гражданина Степановымъ.

Признавая свою принадлежность „къ партіи народной воли", назвавшіеся Косогорскимъ и Степановымъ, показали, что убійство генерала Стрѣльникова, рѣшенное еще два года тому назадъ, совершено ими по порученію „исполнительнаго комитета", такъ какъ генералъ Стрѣльниковъ своею дѣятельностію вообще и въ особенности успѣшнымъ преслѣдованіемъ революціонныхъ дѣятелей на югѣ, представлялъ непреодолимое препятствіе къ осуществленію цѣлей сообщества.

Приговоромъ Одесскаго Военно-Окружнаго Суда, согласно которому означенные государственные преступники казнены, установлено, что пролетка, на которой предполагали скрыться убійцы генерала Стрѣльникова, равно какъ и запряженная въ пролетку лошадь, были пріобрѣтены Косогорскимъ и Степановымъ при дѣятельномъ участіи третьяго лица, не принимавшаго, однако, непосредственнаго участія въ самомъ убійствѣ, лишь по взаимному соглашенію убійцъ.

Первое указаніе на участіе въ дѣлѣ третьяго лица было получено при задержаніи убійцъ и вытекало изъ вопроса назвавшагося Косогорскимъ о томъ, арестованъ-ли ихъ третій товарищъ.

Полученное такимъ образомъ указаніе на третьяго участника убійства нашло себѣ подтвержденіе при изслѣдованіи обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ совершенію убійства.

Свидѣтельскими показаніями было установлено, что именовавшій себя Степановымъ, 17-го марта 1882 г., при содѣйствіи мѣщанина Барбашева, нанялъ дрожки у крестьянина Баранова и купилъ за 215 руб. лошадь у крестьянина Силантьева, при чемъ въ означенныхъ сдѣлкахъ принималъ участіе еще другой молодой человѣкъ, небольшого роста, черноватый, съ маленькою бородкой, но не тотъ, который называлъ себя Косогорскимъ. Кромѣ сего, показаніями прислуги Крымской гостинницы, въ которой проживали какъ покойный генералъ-маіоръ Стрѣльниковъ, такъ и именовавшій себя Степановымъ, выяснено, что послѣдняго посѣщалъ какой-то неизвѣстный молодой человѣкъ.

Именовавшій себя Степановымъ призналъ, что при наймѣ пролетки и покупкѣ лошади, вмѣстѣ съ нимъ находился одинъ его знакомый, который, зная о планѣ убійства, не былъ однако обязанъ принимать въ немъ не-

посредственнаго участія и хотя передъ совершеніемъ преступленія катался вмѣстѣ съ нимъ, Степановымъ, въ пріобрѣтенномъ ими сообща экипажѣ, но вышелъ изъ экипажа при въѣздѣ въ городъ съ Молдаванки.

Впослѣдствіи было обнаружено, что осужденные: Степановъ—государственный преступникъ Халтуринъ, виновникъ взрыва, произведеннаго въ Зимнемъ Дворцѣ 5-го февраля 1880 г., а Косогорскій—бывшій вольнослушатель С.-Петербургскаго Университета, сынъ коллежскаго секретаря Желваковъ; личность же третьяго соучастника названныхъ лицъ въ убійствѣ генерала Стрѣльникова оставалась невыясненною, до открытія, лѣтомъ минувшаго года, въ 11 линіи Васильевскаго Острова, конспиративной квартиры и до задержанія лицъ, посѣщавшихъ означенную квартиру.

Задержанный въ ночь на 5-е іюня подъ именемъ Бармалѣева, лишенный всѣхъ правъ состоянія, государственный преступникъ Михаилъ Филимоновъ Клименко, признавая свою принадлежность къ „партіи народной воли", сознался въ участіи въ убійствѣ генерала Стрѣльникова и далъ по этому поводу слѣдующее показаніе: послѣ побѣга, въ маѣ 1881 г. изъ Сибири, куда былъ сосланъ по приговору Кіевскаго Военно-Окружнаго Суда, онъ, Клименко, прибылъ въ Москву и тамъ вступилъ въ сношеніе съ членами преступнаго сообщества; въ февралѣ 1882 г. ему было предложено отправиться въ Одессу для организаціонныхъ работъ, чѣмъ онъ охотно воспользовался, расчитывая изъ Одессы бѣжать заграницу. По прибытіи въ Одессу, онъ нашелъ тамъ нѣкоторыхъ революціонныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и Халтурина, съ которымъ сталъ встрѣчаться ежедневно, обѣдая вмѣстѣ въ кухмистерской. Однажды при такой встрѣчѣ, Халтуринъ сообщилъ ему, что рѣшено убить генерала Стрѣльникова, что онъ, Халтуринъ, будетъ ближайшимъ участникомъ этого преступленія и что такъ какъ оно будетъ совершено по такому же плану, какъ убійство генерала Мезенцева, то необходимо пріобрѣсти дрожки и лошадь. Противъ означеннаго плана онъ, Клименко, представлялъ возраженія, но безуспѣшно. По приглашенію Халтурина онъ, Клименко, отправился съ нимъ къ барышнику для покупки лошади, которая и была куплена въ его присутствіи, при чемъ, такъ какъ у Халтурина не оказалось нужной суммы денегъ, то онъ, Клименко, далъ на эту покупку бывшіе у него 100 рублей. Послѣ пріѣзда въ Одессу Желвакова, Халтуринъ сообщилъ Клименко, что днемъ убійства назначено 18-го марта и что въ совершеніи этого преступленія приметъ участіе Желваковъ. Въ самый день убійства онъ, Клименко, вмѣстѣ съ Халтуринымъ проѣхался на купленой лошади по городу, а затѣмъ отправился на бульваръ, а Халтуринъ поѣхалъ на Приморскую улицу, гдѣ, въ условленномъ мѣстѣ, долженъ былъ ждать Желвакова: на бульварѣ онъ, Клименко, присутствовалъ при совершеніи убійства и видѣлъ, какъ Желваковъ и Халтуринъ были задержаны, послѣ чего онъ оставался еще нѣсколько дней въ Одессѣ, откуда уѣхалъ, боясь быть арестованнымъ.

Имѣющимися въ дѣлѣ данными удостовѣряется, что Клименко, въ описываемый имъ періодъ времени, дѣйствительно находился въ г. Одессѣ и входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми революціонными дѣятелями въ квартирѣ мѣщанки Симановичъ, при чемъ, изъ показанія свидѣтеля оберъ-офицерскаго сына Дмитрія Петрова видно, что розыскиваемая по обвиненію въ государственномъ преступленіи Вѣра Филиппова говорила ему, Петрову, что

Клименко прибылъ въ Одессу по *„специальному дѣлу“*, а греческая подданная Логанопуло объяснила, что Клименко, проживавшій у нея на квартирѣ подъ фамиліею Петрова, выѣхалъ съ квартиры совершенно неожиданно вечеромъ 21-го марта, въ ея отсутствіе, передавъ ключъ дворнику.

По предъявленіи Клименко крестьянину Баранову и мѣщанину Барбашеву, они признали въ немъ полное сходство съ лицомъ, присутствовавшимъ при покупкѣ Халтуринымъ лошади, при чемъ, какъ тотъ, такъ и другой присовокупили, что означенное лицо передало Халтурину недостававшіе у него для уплаты за лошадь 100 руб.

IV.

Весной 1882 года было получено свѣдѣніе о томъ, что въ г. С.-Петербургъ прибыли для организаціонныхъ работъ нѣкоторые изъ выдающихся революціонныхъ дѣятелей. Предпринятымъ для выясненія сего обстоятельства розыскомъ было установлено, что проживавшій въ д. № 9 по Фонарному переулку, подъ именемъ дворянина Галиновскаго неизвѣстный человѣкъ имѣлъ частыя сношенія съ женщиной, именовавшей себя вдовой почетнаго гражданина Розановой и молодымъ человѣкомъ, называвшимся дворяниномъ Бармалѣевымъ, изъ которыхъ первая жила по Дровяному переулку въ д. № 22, а послѣдній въ Николаевской улицѣ въ д. № 1. Галиновскій постоянно встрѣчался съ Розановой и Бармалѣевымъ на улицахъ, при чемъ они вели между собой переговоры, тщательно стараясь при этомъ скрываться. Названныя лица въ то же время встрѣчались съ многими другими то въ городѣ на улицахъ, то на загородныхъ гуляньяхъ, при таинственной и повидимому заранѣе условленной обстановкѣ, а также посѣщали нѣкоторыхъ лицъ на ихъ квартирахъ. Къ числу личностей, имѣвшихъ такимъ образомъ сношенія съ Галиновскимъ и его знакомыми, принадлежали лейтенантъ флота Александръ Буцевичъ, проживавшій по Малой Мастерской улицѣ въ д. № 3, и женщина, жившая подъ именемъ дворянки Каммеръ, въ д. № 24, по Кирочной улицѣ. Установленное за выше названными лицами наблюденіе выяснило также, что квартиры Галиновскаго и Розановой какъ будто старательно скрывались и не посѣщались никѣмъ. Дальнѣйшими наблюденіями было обнаружено, что Галиновскій и Бармалѣевъ часто посѣщали квартиру ветеринарнаго врача Прибылева, по 11 линіи Васильевскаго Острова въ д. № 24, при чемъ неоднократно привозили въ означенную квартиру разные предметы, покупаемые въ аптекарскихъ складахъ и въ магазинахъ хирургическихъ инструментовъ.

Вслѣдствіе добытыхъ такимъ образомъ данныхъ, а также въ виду того, что паспорты, по которымъ проживало большинство вышеназванныхъ лицъ, оказались подложными, въ ночь на 5 іюня 1882 года, были произведены аресты Галиновскаго, Розановой и Бармалѣева, а также Буцевича и Каммеръ. Одновременно съ означенными арестами былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ супруговъ Прибылевыхъ, при чемъ кромѣ послѣднихъ была задержана жившая у нихъ въ качествѣ кухарки женщина, именовавшая себя крестьянкой Маріей Савиной.

Вслѣдъ за симъ было обнаружено, что подъ именемъ Галиновскаго

скрывался розыскивавшійся по обвиненію въ государственномъ преступленіи Михаилъ Грачевскій, а подъ именемъ Бармалѣева—бѣжавшій изъ ссылки Михаилъ Клименко; что подъ фамиліями Розановой и Каммеръ проживали жена потомственнаго почетнаго гражданина Анна Корба и дочь купца Хася (онъ же Христина) Гринбергъ, а также, что Марія Савина—дочь священника Марія Юшкова.

Осмотромъ квартиры Прибылевыхъ вполнѣ установлено, что въ ней находилась лабораторія, въ которой приготовлялись динамитъ и метательные снаряды.

Квартира Прибылевыхъ, какъ оказалось по осмотру, состояла изъ 4-хъ комнатъ, передней, кухни и ванны; изъ нихъ три комнаты были жилыя, четвертая же была занята лабораторіей. Въ комнатѣ, служащей лабораторіей, полъ обитъ войлокомъ и сверху клеенкой, а въ одномъ углу комнаты прикрытъ кромѣ того досками; въ этой комнатѣ находились комодъ, столъ и табуретки; на комодѣ видны слѣды недавнихъ химическихъ работъ, а на ближайшемъ къ комоду окнѣ, лежали записки о приготовленіи взрывчатыхъ веществъ, раскрытыя на той страницѣ, гдѣ излагается наставленіе о приготовленіи динамита.

При ближайшемъ же осмотрѣ, съ участіемъ экспертовъ, всего находившагося въ квартирѣ Прибылевыхъ, слѣдующіе предметы обратили на себя особое вниманіе:

А) въ комнатѣ, служившей лабораторіей: коробки отъ бертолетовой соли, сѣрнистая сюрьма, смѣсь бертолетовой соли съ сюрьмой, фарфоровыя ступки съ остатками приготовлявшихся въ нихъ взрывчатыхъ веществъ. коробка съ составомъ для приготовленія стопина, гуттаперчевые и стеклянные ареометры для опредѣленія плотности, стеклянная трубка, наполненная сѣрной кислотой, четыре химическихъ стаканчика съ остатками гремучаго студня, такой же стаканъ, наполненный нитроглицериномъ, пробирные и химическіе стаканчики, флаконъ съ ртутью, напильники, ножницы, обрѣзокъ рейсфедера съ пригнанной къ нему свинцовой пробкой, приготовленной для капсюля, корзина и въ ней мѣшокъ съ аміачной селитрой и свертокъ съ хлопчатобумажной свѣтильней, три пустыхъ бутылки изъ подъ дымящейся азотной кислоты, бутыль изъ подъ глицерина, бутыль изъ подъ сѣрной кислоты, корзина съ машинкой для приготовленія мороженаго, бутылка со спиртомъ въ 90%, двадцати фунтовая бутыль съ сѣрной кислотой въ корзинкѣ, банка съ сѣрной кислотой, цинковый сосудъ, служащій для охлажденія, три стеклянныхъ сосуда и въ одномъ изъ нихъ треножникъ и разные сосуды, употребляемые въ химическихъ лабораторіяхъ.

Въ ящикахъ комода, стоявшаго въ лабораторіи, оказались: пироксилинъ въ шашкахъ, около четырехъ фунтовъ чернаго динамита, вата, гуттаперчевыя трубки и плоскій цинковый сосудъ элиптической формы, съ двумя отверстіями: одно для наполненія, а другое для приспособленія его къ произведенію взрыва; сосудъ этотъ начиненъ бѣлой массой, при чемъ на стѣнкахъ его видны слѣды дѣйствія разъѣдающаго вещества. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ принадлежностей лабораторіи, въ той же комнатѣ найденъ черный шнурокъ съ крючкомъ, повидимому приспособленный для ношенія чего либо на шеѣ.

Б) Въ комнатѣ, служившей спальней, въ нижнемъ ящикѣ комода най-

денъ вполнѣ готовый и заряженный метательный снарядъ съ припаяннымъ къ нему крючкомъ, устроеннымъ для ношенія снаряда на шнуркѣ.

В) Въ комнатѣ, гдѣ помѣщался кабинетъ, въ гардеробномъ шкафу найдены четыре бутыли съ нитроглицериномъ въ количествѣ около 30 фунтовъ и мужское и женское платье, прожженное кислотами. Между мужскимъ платьемъ оказались, между прочимъ, брюки и пиджакъ. Въ той же комнатѣ находились книги и записки о составѣ и изготовленіи взрывчатыхъ веществъ и запаловъ. Здѣсь же найдены два небольшихъ ящика со шрифтомъ и штампъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Листокъ добровольнаго сбора редакціи Народной Воли".

Г) Въ кухнѣ оказался паяльный приборъ и цинковыя трубочки, подобныя тѣмъ, которыя входятъ въ составъ снаряда, найденнаго въ спальнѣ.

По заключенію эксперта военнаго офицера лейтенанта Смирнова, найденный въ квартирѣ Прибылевыхъ метательный снарядъ, по внутреннему устройству своему, вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ снарядамъ, какіе были употреблены при злодѣяніи 1-го марта, по внѣшней же своей формѣ, онъ представляетъ цинковый цилиндрическій сосудъ съ отдѣльною крышкою. Такая форма придана снаряду повидимому для того, чтобы метальщикъ могъ носить его на груди.

Въ разъясненіе устройства конспиративной квартиры Прибылевыхъ и отношенія къ ней обвиняемыхъ, дознаніемъ обнаружены нижеслѣдующія данныя:

Изъ показанія Грачевскаго видно, что въ половинѣ апрѣля 1882 г. онъ какъ „членъ технической группы" получилъ отъ „исполнительнаго комитета", чрезъ его агента, порученіе организовать техническую школу для обученія нѣсколькихъ лицъ приготовленію взрывчатыхъ веществъ, начиная съ гремучей ртути и до пироксилина и видовъ динамита, употребляемыхъ въ боевыхъ дѣлахъ партіи, а также устройству минъ и метательныхъ снарядовъ. Принявъ сдѣланное ему отъ „исполнительнаго комитета" предложеніе, Грачевскій занялся пріисканіемъ лица, въ квартирѣ котораго можно бы было устроить вышеупомянутую школу, и остановилъ свой выборъ на Прибылевѣ и на невѣстѣ послѣдняго Ранеѣ Гросманъ. Получивъ согласіе названныхъ лицъ, Грачевскій поторопилъ ихъ свадьбу, послѣ которой они поселились въ Серапинской гостинницѣ и стали пріискивать удобную для своихъ цѣлей квартиру, которая и была найдена на Васильевскомъ островѣ по 11 линіи въ д. № 24. Денежныя средства на устройство квартиры были даны Грачевскимъ, который также озаботился пріисканіемъ лица, пригоднаго для роли кухарки Прибылевыхъ и привелъ къ нимъ для этой цѣли Марію Юшкову, снабдивъ послѣднюю фальшивымъ паспортомъ. Въ устроенной такимъ образомъ квартирѣ Грачевскій, по его словамъ, предполагалъ читать только демонстративныя лекціи, но затѣмъ получилъ отъ агента „исполнительнаго комитета" предложеніе помѣстить на квартиру Прибылевыхъ остатки отъ прежнихъ запасовъ динамита, пироксилина и гремучей ртути, а также заняться приготовленіемъ динамита въ томъ количествѣ, которое окажется возможнымъ. Прибылевы согласились исполнить и послѣднее предложеніе „исполнительнаго комитета" и вслѣдствіе сего, Грачевскій перевезъ въ ихъ квартиру, найденные въ послѣдней предметы, послѣ чего и было приступлено къ изготовленію динамита, въ чемъ, равно

какъ и въ лекціяхъ, принимали участіе нѣсколько лицъ, назвать которыхъ Грачевскій не пожелалъ. Относительно найденнаго въ квартирѣ Прибылевыхъ метательнаго снаряда Грачевскій объяснилъ, что таковой былъ имъ приготовленъ для одной изъ послѣднихъ демонстративныхъ лекцій, а не для боевыхъ цѣлей, для которыхъ снарядъ и не былъ пригоденъ, потому что не будучи герметически закрытъ, не былъ обезпеченъ отъ вбиранія въ себя влажности воздуха. Другой небольшой снарядъ, наполненный чернымъ динамитомъ, могъ, по словамъ Грачевскаго, служить только для защиты какого либо помѣщенія отъ вторженія постороннихъ лицъ и такъ какъ стѣнки снаряда были изъѣдены газами динамита, то Грачевскій имѣлъ намѣреніе его уничтожить. Въ заключеніе своего показанія Грачевскій объяснилъ, что проживавшія въ конспиративной квартирѣ женщины, Раиса Прибылева и Марія Юшкова занимались исключительно содержаніемъ въ опрятности квартиры и въ лекціяхъ и работахъ никакого участія не принимали.

Объясненія Грачевскаго о негодности для дѣла метательнаго снаряда опровергаются заключеніемъ эксперта, миннаго офицера лейтенанта Смирнова, а показанія Грачевскаго о характерѣ производившихся въ конспиративной квартирѣ работъ и объ отношеніяхъ къ послѣднимъ Прибылевой и Юшковой не вполнѣ согласуются съ нижеизложенными показаніями прочихъ обвиняемыхъ.

Ветеринарный врачъ Александръ Прибылевъ показалъ, что получивъ отъ „исполнительнаго комитета", черезъ посредство Грачевскаго, предложеніе устроить на два мѣсяца квартиру для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, онъ изъявилъ на такое предложеніе свое согласіе и 7-го мая нанялъ и устроилъ для означенной цѣли, на средства партіи, квартиру, въ которой и поселился съ женой и съ Юшковой, именовавшейся Савиной. Цѣль, для которой „исполнительный комитетъ" находилъ нужнымъ заготовить взрывчатыя вещества, не была ему, Прибылеву, извѣстна и работа производилась пока лишь съ цѣлью опыта; къ изготовленію же нужнаго количества взрывчатыхъ веществъ полагали приступить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Въ лабораторіи, кромѣ проживавшихъ въ квартирѣ лицъ, работали, по словамъ Прибылева, еще Грачевскій и приведенный послѣднимъ Клименко; въ квартиру же приходила еще разъ или два Гринбергъ, которая, насколько помнится Прибылеву, принесла найденные у него два ящика съ типографскимъ шрифтомъ и штампъ съ наборомъ печатнаго заголовка листка добровольнаго сбора „народной воли".

Къ такому показанію Прибылевъ присовокупилъ, что записки и сочиненія о взрывчатыхъ веществахъ были принесены Грачевскимъ, который давалъ и денежныя средства на покупку нужныхъ для лабораторіи матеріаловъ.

Раиса Прибылева, объясняя, что и ей не было извѣстно съ какою именно цѣлью изготовлялись взрывчатыя вещества, показала, что она принимала участіе въ изготовленіи означенныхъ веществъ и что найденные въ квартирѣ вата, глицеринъ, сосуды, въ которыхъ промывался нитроглицеринъ, и нѣкоторые другіе предметы, были куплены лично ею. Относительно метательнаго снаряда Прибылева объявила, что таковой былъ, насколько она помнитъ, принесенъ въ квартиру уже готовымъ. Признавъ затѣмъ свое

знакомство съ Грачевскимъ и Клименко, Прибылева заявила, что Гринбергъ не знаетъ.

Марія Юшкова объяснила, что перешла на нелегальное положеніе 17 мая, когда и получила отъ Прибылева паспортъ на имя Савиной. Съ означеннымъ паспортомъ Юшкова, по ея словамъ, сперва отправилась въ меблированныя комнаты на Гончарной улицѣ, а уже оттуда, по прискѣ вида, переѣхала на жительство въ квартиру Прибылевыхъ, гдѣ участіе ея, Юшковой, въ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ, заключалось въ промываніи нитроглицерина. Признавъ затѣмъ, что войлокъ и клеенка для обивки пола лабораторіи были куплены ею, совмѣстно съ Раисой Прибылевой, Юшкова присовокупила, что метательныхъ снарядовъ она въ квартирѣ не видала, и что она Грачевскаго, Клименко и Гринбергъ не знаетъ.

Михаилъ Клименко показалъ, что вскорѣ послѣ пріѣзда его въ С.-Петербургъ, въ концѣ мая 1882 г. онъ встрѣтился съ Грачевскимъ, послѣ чего тотчасъ же отправился съ нимъ въ квартиру Прибылевыхъ для участія въ изготовленіи динамита. Съ того времени, онъ, Клименко, сталъ ежедневно посѣщать означенную квартиру для работъ въ лабораторіи, причемъ привозилъ туда и нужные для работъ матеріалы. Пояснивъ затѣмъ, что главное его занятіе состояло въ приготовленіи нитроглицерина, Клименко призналъ, что метательный снарядъ былъ изготовленъ, какъ образецъ, въ квартирѣ Прибылева.

Участіе Клименко въ приготовленіи взрывчатыхъ веществъ, помимо его сознанія, доказывается найденными въ квартирѣ Прибылевыхъ брюками Клименко и оказавшимися на рукахъ послѣдняго желтоватыми пятнами и поврежденіями кожи, происшедшими, по заключенію врачей, отъ дѣйствія кислотъ и преимущественно азотной кислоты.

Близкое участіе въ устройствѣ конспиративной квартиры Прибылевыхъ принимала Анна Корба. Изъ показанія послѣдней видно, что первоначальные переговоры съ Прибылевымъ объ устройствѣ означенной квартиры велись ею, Корба, съ вѣдома Грачевскаго, и что послѣдній принялъ на себя дальнѣйшія сношенія съ Прибылевымъ лишь послѣ того, какъ ей удалось уговорить Прибылева устроить въ своей квартирѣ динамитную мастерскую. По словамъ Корба, Прибылевъ согласился устроить у себя конспиративную квартиру только въ виду краткосрочности дѣла, такъ какъ квартира была нужна только мѣсяца на полтора.

Хася (она же Христина) Гринбергъ признала, что была три раза въ квартирѣ Прибылевыхъ и знала о производившихся въ ней работахъ, хотя участія въ нихъ не принимала. Въ одно изъ посѣщеній квартиры Прибылевыхъ, Гринбергъ, какъ это видно изъ ея показанія, принесла найденные при обыскѣ два ясеневыхъ ящика съ шрифтомъ. Далѣе, изъ показанія Гринбергъ оказывается, что она знакома съ Грачевскимъ съ 1878 г. и видѣлась съ нимъ до послѣдняго времени, а также, что она знаетъ Анну Корба, о которой однако отказалась давать какія либо показанія.

Александръ Буцевичъ, признавая свое знакомство съ Грачевскимъ и Анной Корба, показалъ, что считая экономическую и политическую революцію неизбѣжной, онъ примкнулъ къ „партіи народной воли“, стремящейся къ таковому перевороту; что отношенія его, Буцевича, къ партіи выражались въ знакомствѣ съ ея представителями, въ полученіи запрещенныхъ из-

даній и во временномъ ихъ храненіи, и что въ практическія предпріятія партіи онъ посвященъ не былъ. Относительно совмѣстимости своего воинскаго званія съ принадлежностію къ революціонному сообществу, Буцевичъ объяснилъ, что считаетъ себя обязаннымъ, въ качествѣ русскаго офицера, защищать интересы Россіи и ея представителя Государя Императора до тѣхъ поръ, пока интересы Россіи и ея Государя солидарны между собою, но что когда означенные интересы окажутся не совмѣстимыми, то онъ, Буцевичъ, признаетъ своимъ долгомъ стать на сторону народа. Далѣе изъ показанія Буцевича объ его отношеніяхъ къ Грачевскому и Корба оказывается, что Буцевичъ познакомился съ Корба въ мартѣ или апрѣлѣ 1882 г. чрезъ посредство лица, назвать которое онъ не пожелалъ, а затѣмъ уже черезъ Корба завелъ знакомство и съ Грачевскимъ. Съ Корба онъ, Буцевичъ, встрѣчался только на улицахъ, а съ Грачевскимъ, который былъ и у него на квартирѣ, онъ видѣлся преимущественно у одного своего знакомаго, при чемъ велъ съ Грачевскимъ бесѣды только „теоретическаго характера“.

Михаилъ Грачевскій, признавая свое знакомство съ Клименко, Гринбергъ и Буцевичемъ, объяснилъ, что познакомился съ послѣднимъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1882 г. и продолжалъ съ нимъ знакомство „въ интересахъ партіи“. Отъ болѣе подробныхъ объясненій своихъ отношеній къ названнымъ лицамъ, а также къ Аннѣ Корба и Юшковой, Грачевскій отказался.

Показаніями чиновъ полиціи, наблюдавшихъ за всѣми вышепоименованными лицами, установлено, между прочимъ, что квартиру Грачевскаго въ домѣ № 9 по Фонарному переулку, посѣщала толька одна Карба и что Буцевичъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, имѣлъ свиданіе съ Грачевскимъ на улицахъ Васильевскаго Острова.

Одновременно съ арестованіемъ Грачевскаго, Буцевича, Корба и Гринбергъ у названныхъ лицъ были произведены обыски, по которымъ найдено слѣдующее:

1) У Грачевскаго—большое число экземпляровъ революціонныхъ изданій, руководство къ минному искусству, чертежи къ этому руководству, 36 слѣпковъ съ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, гербовая бумага, паспорта и другіе документы, гербовыя марки, списокъ предметовъ, купленныхъ для миннаго дѣла, три программы организаціи революціонныхъ группъ, десять рукописей противоправительственнаго характера, револьверъ, патроны, кинжалъ и кастетъ. Между вышеупомянутыми рукописями обращаютъ на себя особое вниманіе: а) разсужденіе о необходимости лучшей организаціи партіи для болѣе успѣшной борьбы съ правительствомъ; б) разсужденіе о необходимости сліянія польской партіи съ русской, для одной общей революціонной цѣли и в) воззваніе къ офицерамъ русской арміи, начинающееся словами: „товарищи по оружію“, каковымъ воззваніемъ офицеры приглашаются стать на сторону революціонной партіи для ниспроверженія Самодержавнаго правительства.

2) У Буцевича—около 400 экземпляровъ разныхъ печатныхъ и гектографированныхъ изданій преступнаго содержанія, между которыми находятся газеты: „Народная Воля“, „Черный Передѣлъ“, „Земля и Воля“, журналы: „Впередъ“, „Набатъ“, программы „исполнительнаго комитета“ и про-

Александръ Викентьевичъ
БУЦЕВИЧЪ.

кламаціи, изданныя отъ имени „исполнительнаго комитета“ по поводу разныхъ преступленій террористическаго характера и цареубійства 1-го марта 1881 года. Кромѣ того у Буцевича найдены три кастета.

3) У Корба—принадлежности ручного типографскаго станка, 57 экземпляровъ фотографическихъ карточекъ государственныхъ преступниковъ и большое количество запрещенныхъ изданій, а также рукописи, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ оказались въ конвертѣ съ надписью „для редакціи“.

4) У Гринбергъ около 500 экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій, программы „исполнительнаго комитета“ и брошюры преступнаго содержанія.

VII.

Вспомогательная дѣятельность Калюжнаго и Смирницкой какъ лицъ, завѣдывавшихъ паспортнымъ бюро соціально-революціоннаго сообщества.

23 марта 1882 года, въ гор. Москвѣ, по Прогонному переулку, въ домѣ Волковой, была обнаружена конспиративная квартира, хозяевами которой оказались: бывшій студентъ Харьковскаго Университета Иванъ Васильевъ Калюжный и дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, проживавшіе въ означенномъ домѣ, съ 27 сентября 1881 г. по виду на имя супруговъ Ивана Федосѣева и Надежды Николаевой Беневоленскихъ.

Прибывшіе для производства обыска въ означенной квартирѣ полицейскіе чины застали Калюжнаго на лѣстницѣ, ведущей изъ нижняго этажа дома въ мезонинъ, гдѣ помѣщалась самая квартира; Смирницкая же заперлась въ квартирѣ и отказалась открыть входную дверь, которая, вслѣдствіе сего, была взломана. Вошедшія въ квартиру лица, производившія обыскъ, застали Смирницкую сидѣвшею на диванѣ и рвавшею какія-то бумаги, клочками которыхъ былъ усѣянъ полъ обѣихъ комнатъ, составляющихъ квартиру, въ желѣзной же печкѣ былъ найденъ пепелъ отъ сожженной бумаги.

При обыскѣ были обнаружены различныя принадлежности для составленія подложныхъ видовъ на жительство, уже изготовленные паспорты, бланки различныхъ правительственныхъ учрежденій, а также различныя противоправительственныя изданія и т. п.

При подробномъ осмотрѣ найденныхъ въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой предметовъ, въ числѣ таковыхъ оказались между прочимъ: 1) 96 фальшивыхъ печатей разныхъ правительственныхъ мѣстъ и учрежденій; каждая печать была завернута въ клочекъ бумаги, на которомъ набросанъ проектъ предполагавшагося къ составленію письменнаго вида; 2) подушка, напитанная составомъ, употребляемымъ для оттиска печатей; 3) нѣсколько листовъ вощеной бумаги; 4) 270 экземпляровъ формъ видовъ на жительство и другихъ документовъ; 5) 116 чистыхъ бланковъ, употребляемыхъ для письменныхъ видовъ, выдаваемыхъ разными мѣстами и учрежденіями; 6) 31 экземпляръ готовыхъ письменныхъ видовъ; 7) пять пакетовъ съ гербовыми марками, въ числѣ которыхъ находились и марки, употребляемые при прописскѣ паспортовъ въ гор. С.-Петербургѣ и Москвѣ; 8) значительное

количество экземпляровъ различныхъ №№ „Народной Воли“, „Чернаго Передѣла“ и „Рабочаго Листка Зерно“, а также различныхъ прокламацій, въ томъ числѣ 111 экземпляровъ программы „исполнительнаго комитета“, 172 экземпляра воззванія „Русскому рабочему народу“ и т. д.; 9) различныя рукописи противоправительственнаго содержанія, изъ которыхъ нѣкоторыя очевидно предназначались для печати; въ одной изъ такихъ рукописей цареубійство одобряется какъ средство для ниспроверженія существующаго государственнаго порядка; 10) студенистая масса, по химическому изслѣдованію оказавшаяся массою, употребляемою для гектографовъ.

Найденные въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой предметы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ означенной квартирѣ помѣщалось паспортное бюро, снабжавшее подложными видами на жительство членовъ революціоннаго сообщества.

Такое назначеніе конспиративной квартиры Калюжнаго и Смирницкой подтверждается нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла:

Между видами на жительство, найденными въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой, оказался клочекъ свидѣтельства на имя вдовы титулярнаго совѣтника Маріи Казимировны Г—ской. Дознаніемъ установлено, что означенный клочекъ составляетъ часть подложнаго свидѣтельства Кременчугскаго городскаго полицейскаго управленія отъ 3 іюля 1881 г. за № 7549, на имя Маріи Казимировны Гаевской и что по этому виду, въ началѣ 1882 г. проживала въ г. Вильно обвиняемая Антонина Лисовская.

По предъявленіи Лисовской вышеупомянутаго клочка документа, она показала, что таковой дѣйствительно составляетъ часть того свидѣтельства, по которому она проживала въ г. Вильно, и что свидѣтельство это было ею уничтожено, за исключеніемъ означенной части, переданной ею лицу, назвать которое она, Лисовская, отказалась.

Въ числѣ фальшивыхъ печатей была найдена также печать Бобруйскаго полицейскаго управленія. Дознаніемъ выяснено, что подобная же печать была приложена къ подложному виду на жительство, выданному будто бы изъ Бобруйскаго полицейскаго управленія 8 іюня 1881 г. за № 4544, на имя дворянина Михаила Викентьева Огрызко, по каковому виду проживалъ въ г. Москвѣ обвиняемый Яковъ Стефановичъ.

Обвиняемые Иванъ Калюжный и Надежда Смирницкая, признавая свою принадлежность къ соціально-революціонному сообществу „народной воли“, заявили, что занимаются „революціонными дѣлами“ и живутъ на средства, получаемыя отъ „партіи“. Отъ всякихъ дальнѣйшихъ показаній по существу дѣла они отказались. Равнымъ образомъ Смирницкая отказалась отъ всякихъ объясненій по поводу найденныхъ въ ихъ квартирѣ предметовъ. Калюжный же показалъ, что часть означенныхъ предметовъ составляетъ его собственность, а прочіе принадлежатъ революціонному „бюро“, что нѣкоторыя изъ найденныхъ бумагъ писаны его, Калюжнаго, рукой и что видъ на имя Беневоленскихъ, по которому онъ проживалъ вмѣстѣ съ Смирницкой, подложный.

Послѣднее обстоятельство, по провѣркѣ его дознаніемъ, вполнѣ подтвердилось.

VIII.

Принадлежность обвиняемыхъ къ преступному сообществу. Свѣдѣнія о личности каждаго изъ нихъ.

Въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ разслѣдованіемъ обнаружены не вошедшія въ предшествующіе отдѣлы данныя, изобличающія означенныхъ лицъ въ принадлежности къ соціально-революціонному сообществу.

Такого рода данныя, а также свѣдѣнія о личности каждаго изъ обвиняемыхъ заключаются въ нижеслѣдующемъ:

1.

Юрій Николаевъ Богдановичъ, 32 лѣтъ, дворянинъ Псковской губерніи, холостъ.

По окончаніи курса въ землемѣрно-таксаторскихъ классахъ въ г. Псковѣ, вступилъ въ 1869 г. на службу, въ качествѣ Великолуцкаго уѣзднаго землемѣра. Въ 1871 году вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ былъ вольнослушателемъ Медико-Хирургической Академіи откуда, по его собственному выраженію, вышелъ вслѣдствіе требованій революціоннаго дѣла. Въ 1874 г., во время голода въ Самарской губерніи, Богдановичъ, какъ это видно изъ его показанія, обошелъ голодавшія мѣстности и подъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ имъ бѣдствій рѣшилъ посвятить себя народному дѣлу.

Для того, чтобы стать ближе къ народу, онъ въ теченіи 1874 года изучалъ кузнечное мастерство въ кузницѣ, устроенной братомъ его, Николаемъ Богдановичемъ, въ селѣ Воронинѣ, Торопецкаго уѣзда, Псковской губерніи. Въ Воронинѣ, одновременно съ Юріемъ Богдановичемъ, проживали: нынѣ казненный государственный преступникъ Александръ Соловьевъ и государственный преступникъ Адріанъ Михайловъ. Въ 1875 и 1876 гг. Богдановичъ принималъ участіе въ съѣздахъ представителей революціоннаго движенія, происходившихъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Для осуществленія выработанной на послѣднемъ изъ означенныхъ съѣздовъ, такъ называемой „народнической программы“, Богдановичъ великимъ постомъ 1877 г. прибылъ въ г. Самару, гдѣ поселился вмѣстѣ съ обвинявшимся въ государственномъ преступленіи дворяниномъ Александромъ Ивановымъ Иванчинымъ-Писаревымъ.

По показанію Писарева, онъ, въ теченіи 1877 г. подъ именемъ Григорія Ивановича Лебединцева, занималъ мѣсто писаря сначала въ Богдановскомъ, а затѣмъ въ Страховскомъ волостныхъ правленіяхъ, причемъ въ обоихъ этихъ мѣстахъ Юрій Богдановичъ, подъ именемъ Мартына Николаевича Платонова, былъ его помощникомъ.

Въ началѣ мая 1878 г. Богдановичъ прибылъ въ Саратовъ, гдѣ, подъ именемъ Витевскаго, занимался въ продолженіи 7 мѣсяцевъ у мѣстнаго нотаріуса Праотцева, а затѣмъ отправился въ Вольскъ, гдѣ, по рекомендаціи Праотцева, работалъ короткое время въ конторѣ нотаріуса Флорова. Лѣтомъ 1878 г., Богдановичъ, по настоянію Вольскаго уѣзднаго предводителя дворянства Фролова, былъ назначенъ писаремъ въ Царевщинское во-

лостное правленіе, каковую должность занималъ впродолженіи 8 мѣсяцевъ. Въ Царевщинѣ Богдановича посѣщали: нынѣ казненный государственный преступникъ Соловьевъ, служившій подъ именемъ Печкарева писаремъ Стригайскаго волостнаго правленія, и Иванчинъ-Писаревъ, занимавшій такую же должность въ Балтайскомъ волостномъ правленіи и проживавшій по виду на имя Александра Ивановича Страхова; видомъ этимъ Писарева, по его показанію, снабдилъ Богдановичъ. Кромѣ того Богдановича посѣщали: розыскиваемая по обвиненію въ государственномъ преступленіи Вѣра Филиппова и сестра ея, нынѣ осужденная Евгенія Фигнеръ, которыя проживали въ селѣ Вязминовѣ, гдѣ первая исполняла должность фельдшерицы.

Произведеннымъ членомъ С.-Петербургской Судебной Палаты Шуйскимъ предварительнымъ слѣдствіемъ о тайномъ сообществѣ, стремившемся ниспровергнуть существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, а также дознаніями по поводу ареста въ С.-Петербургѣ Вѣры Чепурновой и о пребываніи государственнаго преступника Соловьева въ Самарской и Саратовской губерніяхъ установлено, что Богдановичъ со всѣми вышеупомянутыми лицами, т. е. съ Соловьевымъ, Филипповой, Фигнеръ и Иванчинымъ-Писаревымъ находился въ близкихъ, т. е. дружескихъ отношеніяхъ.

Весною 1879 г. Богдановичъ выѣхалъ изъ Саратова и отправился въ С.-Петербургъ, куда прибылъ 1-го апрѣля, т. е. наканунѣ покушенія Соловьева. Желая избѣгнуть ареста, такъ какъ послѣ событія 2 апрѣля его начали усиленно розыскивать, Богдановичъ уѣхалъ въ провинцію и возвратился въ Петербургъ лишь осенью того же года. Здѣсь онъ узналъ о новой программѣ, принятой на липецкомъ съѣздѣ. Въ 1880 г., получивъ приглашеніе „исполнительнаго комитета“ принять участіе въ приготовленіи къ цареубійству, Богдановичъ поселился въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ, гдѣ подъ именемъ крестьянина Кобозева, нанялъ сырную лавку, изъ которой былъ выведенъ подкопъ подъ полотно улицы.

Проживъ, послѣ 1-го марта, мѣсяца $1^1/_2$ или 2 въ Петербургѣ, Богдановичъ переѣхалъ въ Москву для новой организаціонной работы и затѣмъ, какъ сказано выше, ѣздилъ въ Сибирь. Въ Москвѣ Богдановичъ проживалъ подъ именемъ Прозоровскаго, въ домѣ Бочкова, на Садовой улицѣ, и тамъ былъ арестованъ 10-го марта 1882 года.

2.

Обвиняемый Михаилъ Федоровъ Грачевскій, сынъ дьякона Саратовской эпархіи, 33-хъ лѣтъ, женатъ, воспитывался на счетъ родителей къ Саратовской Духовной Семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ Технологическій Институтъ, но въ обоихъ заведеніяхъ курса не окончилъ.

Привлекался къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи и въ 1878 году былъ приговоренъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената къ аресту на 1 мѣсяцъ, а впослѣдствіи былъ высланъ въ административномъ порядкѣ въ Архангельскую губернію; въ 1879 г. съ мѣста ссылки бѣжалъ.

До своего ареста, послѣдовавшаго 5-го іюня 1882 года, Грачевскій про-

живалъ въ Петербургѣ подъ именемъ дворянина Могилевской губерніи Августина Андреева Галиновскаго, причемъ осмотромъ книги на запись жильцовъ въ домѣ № 9 по Фонарному переулку удостовѣрено, что въ означенномъ домѣ онъ поселился 26-го марта 1881 года, а до того, въ теченіи 3-хъ дней, проживалъ въ д. № 17 по Гороховой улицѣ.

3.

Обвиняемая Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ, дочь священника Тульской эпархіи, дѣвица. Первоначальное образованіе получила въ Тульскомъ женскомъ Духовномъ Училищѣ и по окончаніи въ 1872 году курса въ немъ, выдержала экзаменъ на званіе домашней учительницы.

Съ 24-го января и по 24-е марта 1881 года, Ивановская проживала въ Москвѣ, въ гостинницѣ „Европа“ и въ домѣ Пановой, по Введенскому переулку, подъ именемъ дворянки Черниговской губерніи Анны Марченко. Изъ показанія крестьянки Акулины Шибинковой, служившей кухаркой у Ивановской и у проживавшаго съ ней подъ именемъ Леонида Марченко дворянина Поддубенскаго, видно, что супруговъ Марченко посѣщали обвиняемые по настоящему дѣлу Калюжный и Богдановичъ.

Изъ дѣла видно, что съ 7-го августа и по 5 сентября 1882 г. Ивановская проживала въ г. Харьковѣ, въ д. Чувеляева, по Троицкому переулку, подъ именемъ жены губернскаго секретаря Фроловой.

Ивановская была арестована 13-го сентября 1882 г., тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ г. Витебскъ, гдѣ она остановилась въ квартирѣ еврея, проживавшаго по подложному паспорту. При задержаніи обвиняемая предъявила паспортъ на имя жены коллежскаго ассесора Надежды Александровой Руничъ, оказавшійся по провѣркѣ подложнымъ. По обыску у назвавшейся Руничъ были, между прочимъ, найдены: листокъ добровольнаго сбора въ пользу редакціи „Народной Воли“, и рецептъ доктора Вышинскаго, въ Харьковѣ, на имя Фроловой.

4.

Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій былъ задержанъ 19 апрѣля 1882 года, въ гор. Москвѣ, по Малой Лубянкѣ, подъ именемъ оберъ-офицерскаго сына Константина Николаева Боголѣпова. По обнаруженіи его квартиры оказалось, что онъ проживалъ по аттестату, выданному Бѣлостоко-Сокольскимъ Съѣздомъ Мировыхъ Судей за № 153.

По обыску у Златопольскаго былъ найденъ листокъ для сбора пожертвованій въ пользу „краснаго креста партіи народной воли“ и свидѣтельство Одесскаго Полиціймейстера за № 3570 на имя дочери канцелярскаго служителя Анны Квятковской.

Первоначальныя свѣдѣнія о революціонной дѣятельности Златопольскаго были получены изъ показанія умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга, знавшаго Златопольскаго съ 1874 г. По показанію Гольденберга, Златопольскій въ 1879 г., проживая въ Одессѣ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ государственными преступниками Колодкевичемъ, Фроленко и Арончикомъ и около этого времени былъ избранъ въ члены такъ назы-

ваемаго „исполнительнаго комитета“. По словамъ Гольденберга, Савелій Златопольскій принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей революціоннаго сообщества и даже былъ въ Одессѣ „главнымъ центромъ“. Государственный преступникъ Меркуловъ, въ ряду сдѣланныхъ имъ разоблаченій, между прочимъ, показалъ, что посѣщая квартиру Геси Гельфманъ въ д. № 27/1 по Троицкому переулку, онъ тамъ встрѣчалъ Савелія Златопольскаго, носившаго кличку „Савки“.

Обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша, подтвердивъ указаніе Меркулова на посѣщеніе Златопольскимъ „конспиративной квартиры“ Гельфманъ, добавилъ, что видалъ Златопольскаго и въ квартирѣ Пришибиныхъ, гдѣ помѣщалась тайная типографія „Народной Воли“, при чемъ Златопольскій въ означенной квартирѣ сдѣлалъ фальшивую полицейскую визировку на его, Борейши, паспортѣ.

Привлеченные къ дознаніямъ въ Кіевѣ и Одессѣ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ и спрошенные по настоящему дѣлу въ качествѣ свидѣтелей: казакъ Петлицкій и дворяне Саранчевъ и Масловъ показали, что въ концѣ 1880 года, одинъ изъ нихъ, Петлицкій, встрѣчалъ Златопольскаго въ Кіевѣ, въ квартирѣ одного революціоннаго дѣятеля и при встрѣчахъ толковалъ съ нимъ о замышлявшемся тогда убійствѣ офицера отдѣльнаго корпуса жандармовъ Судейкина, причемъ Златопольскій давалъ по сему предмету практическіе совѣты и указанія. Послѣ нѣсколькихъ свиданій, Златопольскій объявилъ, что исполненіемъ предположеннаго преступленія надо пока пріостановиться, чтобы не помѣшать задуманному въ Петербургѣ болѣе серьезному террористическому предпріятію и во всякомъ случаѣ не приступать къ дѣйствію безъ его, Златопольскаго, разрѣшенія. Въ январѣ 1881 г. Масловъ и Саранчевъ встрѣчали Златопольскаго въ Одессѣ, причемъ онъ велъ усиленную агитацію въ духѣ программы партіи „Народной Воли“. Изъ Одессы Златопольскій уѣхалъ въ февралѣ 1881 года.

Осмотромъ подлежащихъ домовыхъ книгъ удостовѣрено, что Златопольскій, подъ именемъ Боголѣпова, въ періодъ времени съ 23 мая по 21 октября 1881 г., проживалъ въ С.-Петербургѣ, въ гостинницѣ „Россія“; съ 22 по 29 декабря 1881 г., въ Москвѣ, тоже въ гостинницѣ „Россія“; съ 4 января по 4 марта 1882 г., снова жилъ въ Петербургѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и жилъ до своего ареста, по Армянскому пер. въ домѣ Грачева.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, Златопольскій, сознавшись въ принадлежности къ партіи „народной воли“, призналъ, между прочимъ, и посѣщенія имъ квартиры Геси Гельфманъ въ Троицкомъ переулкѣ, куда онъ, по его словамъ, ходилъ для свиданій съ Грачевскимъ.

Изъ дѣла видно, что Савелій Соломоновъ Златопольскій, Елисаветградскій мѣщанинъ, 25 лѣтъ отъ роду, холостъ; по окончаніи въ 1873 году Николаевской гимназіи, поступилъ въ Технологическій Институтъ, но въ 1875 г., по болѣзни вышелъ, не окончивъ курса.

5.

Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ отъ роду, холостъ. По окончаніи гимназическаго курса, поступилъ въ 1870 году въ Горный Институтъ, откуда, за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ,

былъ исключенъ въ 1874 году и сосланъ въ административномъ порядкѣ въ Костромскую губернію. Въ 1875 году Телаловъ былъ возвращенъ изъ ссылки и до 1879 года проживалъ въ Симферополѣ, а въ концѣ означеннаго года перешелъ на „нелегальное“ положеніе и сталъ жить, по его собственнымъ словамъ, на средства революціоннаго сообщества.

16-го Декабря 1881 года Телаловъ былъ задержанъ въ Петербургѣ подъ именемъ рязанскаго мѣщанина Семенова, причемъ при немъ были найдены: кинжалъ безъ ноженъ, нѣсколько экземпляровъ печатныхъ произведеній подпольной печати и разныя записки и рукописи, изъ коихъ обратили на себя особое вниманіе: 1) уставъ тайнаго революціоннаго сообщества, входящаго въ составъ „партіи народной воли“, озаглавленнаго „обществомъ освобожденія“, о которомъ уже было сказано выше; 2) программа польской соціально-революціонной партіи, помѣченная 18 Ноябремъ 1881 года, въ которой проводится мысль объ объединеніи революціонеровъ польскихъ съ русскими; 3) письмо, адресованное лицу, находящемуся въ заключеніи, начинающееся словами: „Дорогой Саша, дорогой другъ“ и подписанное „Твоя Анна“, и 4) выписки изъ артиллерійскаго журнала, трактующія о приготовленіи, примѣненіи и дѣйствіи боевыхъ ракетъ.

По обыску въ квартирѣ Телалова, въ д. № 20 по Средне-Мѣщанской улицѣ было найдено: 3 револьвера съ патронами къ нимъ, шрифтъ въ двухъ деревянныхъ ящикахъ, множество рукописей преступнаго содержанія и около 700 печатныхъ экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій. По предъявленіи эксперту, завѣдывающему лабораторіей Михайловской Артиллерійской Академіи, Генералъ-Маіору Федорову записей, относящихся къ приготовленію и дѣйствію ракетъ, послѣдній заявилъ, что свѣдѣнія эти выписаны изъ артиллерійскихъ журналовъ, изъ статей общедоступныхъ, и что ракеты, о которыхъ говорится въ выпискахъ, вслѣдствіе неправильнаго своего полета, могутъ быть употребляемы только противъ массъ людей Относительно письма за подписью „Анна“ дознаніемъ, какъ объ этомъ будетъ изложено ниже, установлено, что оно писано Анной Корба и предназначалось для передачи содержавшемуся въ то время въ С.-Петербургской крѣпости нынѣ осужденному государственному преступнику Александру Михайлову.

Изъ показаній обвиняемаго по настоящему дѣлу Борейши и привлекавшагося къ дознанію о распространеніи преступной пропаганды среди Петербургскихъ рабочихъ, бывшаго студента Кампанца, а равно и квартирной хозяйки послѣдняго—Прусской подданной Фазель, видно, что съ конца 1880 г. Телаловъ въ Москвѣ и Петербургѣ занимался организаціей систематической пропаганды между рабочими и, между прочимъ, въ послѣднее время, въ С.-Петербургѣ стоялъ во главѣ кружка лицъ изъ учащейся молодежи, занимавшихся такой пропагандой и собиравшихся для обсужденія вопросовъ, касающихся ихъ дѣятельности въ квартирѣ Кампанца.

Кромѣ сего изъ показаній Борейши видно, что въ Ноябрѣ 1881 года онъ видѣлъ Телалова въ портерной лавкѣ вмѣстѣ съ Златопольскимъ, носившимъ въ это время кличку Филиппа Данилова.

Осмотрами домовыхъ книгъ удостовѣрено, что съ 29 Сентября 1880 года и до Августа 1881 года Телаловъ, подъ именемъ Семенова, проживалъ въ

Москвѣ, сначала въ „Торговой гостинницѣ“, а затѣмъ на Маросейкѣ въ домѣ Хвощинскаго, въ Августѣ 1881 года онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ также подъ именемъ Семенова первоначально проживалъ въ гостинницѣ „Москва“, а затѣмъ до дня своего ареста, въ д. № 20 по Средней Мѣщанской улицѣ.

6.

Анна Павлова Корба, урожденная Мейнгардтъ, 32 лѣтъ отъ роду, жена потомственнаго почетнаго гражданина, по происхожденію дворянка, воспитывалась и жила въ домѣ своихъ родителей до выхода въ 1868 году замужъ. Живя въ 1877 году въ г. Минскѣ, она разсталась съ мужемъ и въ концѣ означеннаго года отправилась въ Румынію въ качествѣ сестры милосердія и, пробывъ тамъ до весны 1878 года, возвратилась въ Петербургъ, гдѣ заболѣла тифомъ. Выздоровѣвъ, обвиняемая прожила нѣсколько времени въ имѣніи своей сестры, а лѣтомъ 1879 года прибыла снова въ Петербургъ и проживъ нѣкоторое время съ мужемъ, окончательно съ нимъ разошлась. Съ осени 1879 года и до 1-го Февраля 1880 года Анна Корба служила въ правленіи закавказской желѣзной дороги и въ это время познакомилась съ женой государственнаго преступника Баранникова—Маріей Кошурниковой. Сойдясь съ послѣдней ближе, Корба поселилась съ ней на одной квартирѣ и черезъ нее завязала сношенія съ членами преступнаго сообщества. По отъѣздѣ Кошурниковой изъ Петербурга, обвиняемой сообщили, что Кошурникова разыскивается полиціей, вслѣдствіе чего она, Корба, опасаясь преслѣдованія, въ началѣ 1880 года выѣхала изъ Петербурга и затѣмъ, перейдя на нелегальное положеніе, стала жить, по ея собственнымъ словамъ, на средства „партіи народной воли“.

Обвиняемая Корба была арестована въ ночь на 5 Іюня 1882 года въ домѣ № 22 по Дровяному переулку, гдѣ она проживала съ 25 Февраля того же года подъ именемъ вдовы почетнаго гражданина Софьи Розановой, причемъ отобранный у нея паспортъ на это имя оказался по провѣркѣ подложнымъ; до переѣзда же въ эту послѣднюю квартиру, Корба подъ тѣмъ же именемъ жила съ 16 Января въ д. № 23 по М. Морской улицѣ.

Изъ дѣла видно, что по сличеніи почерка письма, отобраннаго у Телалова, за подписью „Твоя Анна“, съ почеркомъ руки Анны Корба, эксперты пришли къ заключенію, что письмо это писано послѣдней.

Обвиняемая Корба признала, что означенное письмо писано ею и предназначалось содержавшемуся въ то время въ С.-Петербургской крѣпости нынѣ осужденному государственному преступнику Александру Михайлову.

По доставленіи Анны Корба въ С.-Петербургскую крѣпость по обыску въ ея одеждѣ было найдено 5 записокъ, писанныхъ упомянутымъ Александромъ Михайловымъ изъ мѣста заключенія.

7.

Александръ Викентьевъ Буцевичъ, отставной флота лейтенантъ, привлеченный къ дознанію въ бытность свою на дѣйствительной службѣ, послѣдніе 7 лѣтъ состоялъ при Министерствѣ Путей Сообщенія; 32 лѣтъ отъ роду, вдовецъ. Окончилъ курсъ въ Морскомъ училищѣ и въ Морской Ака-

деміи, а затѣмъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія. До дня своего ареста, 5 Іюня 1882 года, обвиняемый проживалъ въ д. № 3 по Малой Мастерской вмѣстѣ со своей матерью, сестрами и малолѣтней дочерью.

Изъ дѣла видно, что въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у обвиняемаго по настоящему дѣлу Грачевскаго, было найдено рукописное воззваніе преступнаго содержанія къ „товарищамъ по оружію", причемъ, по сличеніи почерка, коимъ оно писано, съ почеркомъ руки обвиняемаго Буцевича, экспертъ пришелъ къ заключенію, что воззваніе писано послѣднимъ.

Обвиняемый Буцевичъ съ своей стороны призналъ, что воззваніе было переписано имъ съ другой рукописи, предназначавшейся для распространенія въ печати.

8.

Хася Гершева, она же Христина Григорьева, Гринбергъ въ 1878 г., въ гор. Одессѣ поступила въ качествѣ работницы въ сапожную мастерскую австрійскаго подданнаго Янковича, но чрезъ три дня была удалена изъ мастерской, потому, что проводила время въ разговорахъ съ рабочими, которымъ, по выраженію свидѣтеля Янковича, толковала о свободѣ и давала читать книги. Вскорѣ послѣ выбытія Гринбергъ изъ мастерской, на ея имя было получено изъ гор. Николаева, Херсонской губерніи, за подписью „Фелинка" письмо, въ которомъ выражена просьба сообщить подробности о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при производствѣ обыска въ квартирѣ Виттенъ (дѣло о государственныхъ преступникахъ Ковальскомъ, Вишашевскомъ и другихъ). Изъ показанія бывшаго матроса Николая Фоменко видно, что въ 1877—1878 г.г. въ обществѣ лицъ, пропагандировавшихъ среди матросовъ въ гор. Николаевѣ, вращалась нѣкая молодая дѣвушка по имени Христина.

Гринбергъ признала, что была знакома съ Николаемъ Фоменко и что была работницей въ магазинѣ Янковича, но при этомъ объяснила, что поступила къ послѣднему исключительно съ цѣлью изучить башмачное ремесло и отошла отъ него потому, что онъ предъявилъ условія, на которыя она не могла согласиться.

Государственный преступникъ Меркуловъ, давая подробныя показанія о приготовленіяхъ къ цареубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 г., между прочимъ, объяснилъ, что въ означенное лѣто ему приходилось нѣсколько разъ кататься на лодкѣ съ ближайшими участниками упомянутыхъ приготовленій, при чемъ, однажды, когда онъ ѣздилъ въ лодкѣ съ Желябовымъ, Пресняковымъ, Тетеркой, Грачевскимъ и Баранниковымъ, съ ними были еще двѣ женщины, изъ которыхъ одну звали „Христей".

Гринбергъ признала, что дѣйствительно лѣтомъ 1880 года она каталась съ нѣсколькими лицами, въ числѣ которыхъ былъ Меркуловъ, но назвать остальныхъ, бывшихъ въ лодкѣ лицъ, отказалась.

Изъ показанія мѣщанки Евдокіи Хлѣбниковой оказывается, что въ 1881 году, въ гор. Одессѣ, у нея на квартирѣ проживала женщина подъ фамиліей Спекторовой. Когда пришло извѣстіе о злодѣяніи 1-го Марта, Хлѣбникова тотчасъ же сообщила своимъ жильцамъ объ ужасномъ событіи, на что Спекторова отозвалась словами: „что-жъ за важное дѣло, что Царя убили". Обвиняемая Гринбергъ признала, что проживала въ г. Одессѣ подъ фамиліей Спекторовой.

Михаилъ Грачевскій призналъ свое знакомство съ Гринбергъ и посѣщенія послѣдней, а Савелій Златопольскій объяснилъ, что знаетъ Гринбергъ съ давнихъ поръ, какъ свою землячку.

Гринбергъ 24 лѣтъ отъ роду, еврейка, дѣвица, купеческая дочь, уроженка г. Николаева Херсонской губ., гдѣ и воспитывалась въ частномъ пансіонѣ. Изъ дѣла видно, что Гринбергъ подъ именемъ дворянки Елисаветы Каммеръ проживала въ Петербургѣ съ 24 Августа 1881 года и до Мая 1882 г. въ д. № 24 по Кирочной улицѣ, а съ послѣдняго времени и до ареста 3-го Іюня 1882 г. въ № 16 по Сергіевской улицѣ.

9.

Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ отъ роду, уроженецъ Бессарабской области; по происхожденію дворянинъ, холостъ. По окончаніи курса наукъ въ Одесской Ришельевской гимназіи, поступилъ въ Новороссійскій Университетъ, изъ котораго перешелъ въ Кіевскій—Св. Владиміра, но курса въ немъ не окончилъ, такъ какъ въ 1880 году былъ арестованъ по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному сообществу. Состоявшимся въ томъ же году приговоромъ Кіевскаго Военно-Окружнаго Суда былъ осужденъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, но по конфирмаціи этого приговора Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ Генералъ-Губернаторомъ, сосланъ на поселеніе въ Сибирь, откуда бѣжалъ въ маѣ 1881 года.

10.

Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ отъ роду, сынъ священника, уроженецъ г. Камышлова, Пермской губерніи, женатъ на Розаліи, (нареченной при св. крещеніи Раисой) Гросманъ. Воспитывался первоначально въ Екатеринбургской и Пермской гимназіяхъ, а затѣмъ окончилъ курсъ при Медико-Хирургической Академіи съ званіемъ ветеринарнаго врача. Въ 1878 году былъ арестованъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ.

11.

Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ отъ роду, еврейка, принявшая православіе, жена ветеринарнаго врача, уроженка Кіевской губерніи, Черкасскаго уѣзда. Окончила курсъ частной гимназіи въ гор. Одессѣ, а затѣмъ, по прибытіи въ Петербургъ, поступила на женскіе врачебные курсы, въ числѣ слушательницъ которыхъ и состояла до своего ареста.

Изъ дѣла видно, что Прибылевы вступили въ бракъ 2-го мая 1882 г., а 14-го того же мая переѣхали на жительство въ конспиративную квартиру въ домъ № 24 по 11 линіи Васильевскаго Острова.

12.

Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ, дочь священника Черниговской эпархіи, до 18 лѣтъ проживала съ родителями въ Черниговѣ, гдѣ окончила курсъ женской гимназіи, а по прибытіи, затѣмъ, въ Петербургъ, послѣдо-

вательно окончила фельдшерскіе и маріинскіе акушерскіе курсы. Изъ дѣла видно, что обвиняемая Юшкова съ 7 мая и по день своего ареста, 5 іюня 1882 года, подъ именемъ мѣщанки Савиной проживала въ квартирѣ Прибылева въ домѣ № 24 по 11 линіи Васильевскаго Острова.

13.

Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ, дѣвица, дочь священника Кіевской эпархіи, воспитывалась дома. Съ 1878 года, вращаясь въ Кіевскихъ революціонныхъ кружкахъ, находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ убитымъ при вооруженномъ сопротивленіи властямъ Иваномъ Ивичевичемъ и участвовала на сходкахъ, на которыхъ обсуждались разныя террористическія предпріятія и въ томъ числѣ убійство князя Крапоткина. По словамъ Гольденберга, Смирницкая, послѣ совершенія имъ упомянутаго преступленія, хлопотала о пріисканіи ему убѣжища, безопаснаго отъ преслѣдованій полиціи.

Въ маѣ 1879 года Смирницкая, за принадлежность къ образовавшемуся въ Кіевѣ преступному кружку подъ названіемъ „Пифійникъ", была выслана административнымъ порядкомъ въ Сольвычегодскъ, откуда, однако, впослѣдствіи скрылась.

14.

Иванъ Васильевъ Калюжный, 24-хъ лѣтъ отъ роду, холостъ, Лебединскій, Харьковской губерніи, мѣщанинъ. По окончаніи курса Сумской классической гимназіи, поступилъ въ Харьковскій Университетъ, но за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, до окончанія курса былъ высланъ въ городъ Вологду, откуда скрылся въ мартѣ 1880 года.

Съ 27 сентября 1881 года и до дня ареста—23 марта 1882 года, Калюжный и Смирницкая проживали въ Москвѣ въ домѣ Волковой, по Прогонному переулку, по подложному паспорту на имя супруговъ Беневоленскихъ. Свидѣтельница, крестьянка Елена Васильева, служившая кухаркой у обвиняемаго по настоящему дѣлу Юрія Богдановича, во время жительства его въ Москвѣ подъ именемъ Прозоровскаго, признала въ Калюжномъ лицо, посѣщавшее Прозоровскаго.

15.

Сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, послѣ побѣга изъ Кіевскаго тюремнаго замка, отправился, какъ это видно изъ его собственнаго показанія, заграницу, откуда возвратился въ Россію въ іюнѣ 1879 г. прямо въ С.-Петербургъ, гдѣ вступилъ въ образовавшееся тогда революціонное сообщество подъ названіемъ „земля и воля", а послѣ распаденія таковаго на двѣ фракціи: „народной воли" и „чернаго передѣла", примкнулъ къ послѣдней. Вслѣдъ за симъ Стефановичъ отправился въ Одессу, гдѣ, проживая подъ чужимъ именемъ, занимался пропагандой между рабочими. Послѣ покушенія на цареубійство 19 ноября 1879 г., Стефановичъ, боясь быть арестованнымъ, уѣхалъ изъ Одессы въ С.-Петербургъ, откуда въ концѣ декабря 1879 г., вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Дейчемъ,

уѣхалъ заграницу. Проживая заграницей и оставаясь вѣрнымъ тенденціямъ „чернаго передѣла“, Стефановичъ поддерживалъ сношенія лишь съ петербургскими своими единомышленниками, которымъ оказалъ услугу напечатаніемъ за границею 2-хъ номеровъ газеты „Чернаго Передѣла“ и доставленіемъ русскихъ заграничныхъ, противо-правительственныхъ изданій. Возвратившись въ Россію, Стефановичъ, какъ уже сказано выше, вступилъ въ „партію народной воли“ и содѣйствовалъ ея сліянію съ чернопередѣльцами, а также учрежденію заграничнаго отдѣла вновь возникшаго сообщества краснаго креста. Кромѣ сего Стефановичъ посвятилъ свою дѣятельность изданію за границей для Россіи журналовъ и книгъ революціоннаго содержанія и вступилъ по этому вопросу въ переписку съ эмигрантами Лавровымъ, Плехановымъ и Дейчемъ. За означенное дѣло Стефановичъ, по его словамъ, взялся съ тѣмъ большой охотой, что, по его мнѣнію, такъ называемая серьезная революціонная литература въ послѣдніе годы была совершенно заброшена. Организація „народной воли“ принимала на себя расходы по вышеназванному предпріятію, онъ-же, Стефановичъ, являлся только посредникомъ между нею и той частью русской эмиграціи, которая была готова помочь издательскому дѣлу. По условію между обѣими сторонами упомянутыя изданія не должны были носить партіоннаго характера, что давало возможность привлечь къ этому дѣлу такихъ извѣстныхъ эмигрантовъ какъ Плехановъ, Лавровъ, Вѣра Засуличъ и друг., не раздѣляющихъ программы „народной воли“.

При предъявленіи Стефановичу фотографическихъ карточекъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу, онъ призналъ свое знакомство съ Богдановичемъ, Грачевскимъ, Телаловымъ, Корба, Златопольскимъ и кромѣ того объяснилъ, что онъ встрѣчался въ Москвѣ съ Калюжнымъ и Парасковьею Ивановской, съ которыми однако познакомиться еще не успѣлъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе вышеизложеннаго показанія Стефановича по поводу его литературнаго предпріятія за границей, дознаніемъ выяснено, что еще въ ноябрѣ 1881 года полиціей, путемъ розысковъ, были получены два №№ „Народной воли“, предназначавшихся для отсылки за границу; на одномъ изъ означенныхъ №№ оказалась надпись, въ которой лицо, подписавшееся словомъ „редакторъ“ предлагало отпечатать этотъ №. Кромѣ того къ этимъ №№ была приложена записка, въ которой „редакція“ поручала перепечатаніе приложеннаго № „Народной Воли“, а также № 4 „Чернаго Передѣла“ какому-то Евгенію и сообщала послѣднему условія, на которыхъ перепечатаніе могло быть допущено.

Стефановичъ призналъ, что приведенная надпись на № „Народной Воли“ и записка къ Евгенію писана имъ, при чемъ послѣдняя была адресована Дейчу. По словамъ Стефановича онъ подписался „редакторъ“ и „редакція“ единственно для того, чтобы требованіе, изложенное въ запискѣ, представлялось болѣе авторитетнымъ.

По осмотру бумагъ и другихъ предметовъ, отобранныхъ у Стефановича при его задержаніи, а также взятыхъ по обыску въ его квартирѣ, слѣдующіе изъ нихъ оказались имѣющими значеніе для дѣла: 1) 449 печатныхъ экземпляровъ воззванія подъ заглавіемъ: „Соборное уложеніе христіанскаго братства“. Воззваніе это состоитъ изъ двухъ частей: въ одной изъ нихъ заключается приглашеніе всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій вступать

въ тайное сообщество, носящее названіе: „Христіанское братство“; во второй части воззванія изложена самая организація сообщества, при чемъ задачею ставится борьба съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, а конечною цѣлью—ниспроверженіе этого порядка; 2) 314 печатныхъ экземпляровъ воззванія подъ заглавіемъ: „Соборное посланіе христіанскаго братства ко всѣмъ чтущимъ святое ученіе Христа“. Въ означенномъ воззваніи доказывается, что „существующее правительство и всѣ его установленія и законы, какъ основанные на неправдѣ, подавленіи и гоненіи свободнаго исканія истины, слѣдуетъ считать незаконными и противными заповѣдямъ Божіимъ и свободѣ и духу христіанскаго ученія“; 3) 368 экземпляровъ бумажныхъ обложекъ, очевидно предназначенныхъ для вышеупомянутаго воззванія съ печатнымъ заглавіемъ: „Соборное посланіе христіанскаго братства ко всѣмъ чтущимъ святое ученіе Христа“; 4) шесть экземпляровъ прокламацій, помѣченныхъ 2 марта 1881 года отъ комитета „народной воли“ „къ честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому“. Въ названныхъ прокламаціяхъ предлагается крестьянамъ отправлять своихъ ходоковъ къ вновь вступившему на престолъ Государю Императору Александру III съ заявленіемъ о своихъ нуждахъ и съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи таковыхъ; 5) одинъ № газеты „Черный передѣлъ“ и нѣсколько брошюръ противо-правительственнаго содержанія; 6) нѣсколько писемъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе весьма пространное письмо изъ за границы отъ 21-го января (2-го февраля), начинающееся словами: „Дорогой мой братъ“ и относящееся по своему содержанію до разныхъ предметовъ революціонной дѣятельности, при чемъ многія мѣста этого письма зашифрованы; 7) сургучный оттискъ печати „христіанскаго братства“, съ надписью славянскими буквами „праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ“; 8) оказавшійся подложнымъ билетъ Бобруйскаго городского полицейскаго управленія отъ 8 іюня 1881 г. за № 4574 на имя дворянина Михаила Викентьева Огрызко.

По поводу всего найденнаго у него при обыскѣ, Стефановичъ, уклоняясь отъ разъясненія какъ зашифрованныхъ мѣстъ въ письмахъ, такъ и вообще ихъ содержанія, показалъ, что всѣ запрещенныя изданія онъ получилъ случайно на храненіе отъ своего знакомаго, который, опасаясь обыска, не могъ оставлять ихъ въ своей квартирѣ. Что же касается писемъ, то хотя таковыя и были обращены къ нему, Стефановичу, но относятся къ другимъ лицамъ, и имѣютъ, по его словамъ, коллективное значеніе.

Осмотромъ домовой книги по дому Нобеля въ гор. Москвѣ въ 1 уч. Пятницкой части, а также показаніями свидѣтелей установлено, что съ 31 января 1882 г. по день ареста, Стефановичъ проживалъ въ означенномъ домѣ по подложному виду на имя Огрызко.

Осенью 1879 г., передъ совершеніемъ покушеній на цареубійство въ Москвѣ и Александровскѣ и приготовленій къ этому злодѣянію въ Одессѣ, Стефановичъ, по показанію умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга, находился въ Россіи и проживалъ въ Одессѣ. Въ это время Стефановичъ, по словамъ Гольденберга, зная о готовившихся посягательствахъ на жизнь почившаго Монарха, возбуждалъ среди своихъ единомышленниковъ вопросъ о распространеніи въ народѣ, послѣ удачнаго покушенія манифе-

стовъ, призывающихъ крестьянъ отправить своихъ ходоковъ къ вновь вступившему на престолъ Государю Императору съ заявленіемъ о своихъ нуждахъ. По удостовѣренію Гольденберга подобнаго содержанія манифесты были уже тогда изготовлены и находились у Стефановича.

Въ разъясненіе приведенныхъ указаній Гольденберга, Стефановичъ показалъ, что ему, какъ не состоявшему въ организаціи „народной воли", осенью 1879 г. не могло быть извѣстно о готовившихся тогда посягательствахъ на цареубійство, но, что находясь въ Россіи и зная, что сформировавшійся тогда „исполнительный комитетъ" поставилъ себѣ цѣлью совершеніе цареубійства, онъ, Стефановичъ, въ интересахъ чернопередѣльческой партіи, дѣйствительно возбуждалъ вопросъ о манифестѣ, упоминаемомъ Гольденбергомъ.

Яковъ Стефановичъ, какъ это видно изъ его объясненій и изъ собранныхъ о немъ свѣдѣній, 29 лѣтъ отъ роду, сынъ священника, уроженецъ Черниговской губерніи; по окончаніи курса гимназіи, поступилъ въ Кіевскій университетъ, но будучи на 2 курсѣ, скрылся, вслѣдствіе обвиненія его въ преступныхъ сношеніяхъ съ дворяниномъ Жебуневымъ, привлекавшимся къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи; затѣмъ былъ привлеченъ, какъ выше упомянуто, къ дѣлу объ организаціи преступнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, и послѣ побѣга изъ Кіевскаго тюремнаго замка, въ маѣ 1878 года, скрылся за границу.

16.

Крестьянинъ Минской губерніи, Пинскаго уѣзда, Антонъ Степановъ Борейша, выражая раскаяніе въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ, показалъ, что по окончаніи курса въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ, онъ, въ 1877 году, поступилъ въ Технологическій Институтъ, но, не чувствуя призванія быть техникомъ, вышелъ со второго курса, намѣреваясь поступить въ Петровскую Земледѣльческую Академію, куда, однако, не былъ принятъ; послѣ того онъ изучалъ практически сельское хозяйство подъ руководствомъ бывшаго профессора Энгельгардта въ имѣніи послѣдняго, а затѣмъ, въ январѣ 1880 года возвратился въ Петербургъ и сталъ пріискивать сэбѣ работу. Поиски эти не были особенно успѣшны, вслѣдствіе чего ему приходилось испытывать большой недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ познакомился съ бывшимъ студентомъ Технологическаго Института Игнатіемъ Гриневицкимъ, который впослѣдствіи принялъ участіе въ злодѣяніи 1-го марта 1881 г. и умеръ отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ брошеннаго имъ снаряда. Сначала это знакомство ограничивалось встрѣчами, а засимъ онъ, Борейша, поселился вмѣстѣ съ Гриневицкимъ и прожилъ на одной съ нимъ квартирѣ до августа 1880 г. Затѣмъ Гриневицкій, переселившись въ отдѣльную квартиру, продолжалъ посѣщать его, Борейшу, и однажды сдѣлалъ ему предложеніе заняться пропагандой среди рабочихъ, на что онъ отвѣтилъ, что готовъ принять на себя это дѣло лишь послѣ того, какъ ближе познакомится съ основными началами политической экономіи. Въ декабрѣ 1880 г. тотъ же Гриневицкій предложилъ ему принять участіе въ работахъ тайной типографіи „Рабочей Газеты", послѣ чего, приведя его въ трактиръ, познако-

милъ тамъ съ государственнымъ преступникомъ Колодковичемъ, съ которымъ онъ, Борейша, отправился въ квартиру Гесси Гельфманъ, по Троицкому переулку, и съ этого времени сталъ тамъ работать на типографскомъ станкѣ. Въ типографіи ему приходилось встрѣчать многихъ нелегальныхъ лицъ, въ томъ числѣ и государственнаго преступника Исаева. Въ концѣ декабря, квартира по Троицкому переулку была оставлена и его занятія въ типографіи прекратились. Въ первыхъ числахъ января Исаевъ, явясь къ Борейшѣ, предложилъ ему работать въ тайной типографіи „Народной Воли" и повелъ его въ домъ № $^{14}/_{12}$ по Подольской улицѣ, въ квартиру, занимаемую Грачевскимъ, гдѣ онъ и работалъ, какъ уже сказано выше, до начала 1881 г. 3-го или 4-го марта онъ, Борейша, вмѣстѣ съ государственнымъ преступникомъ Лангансомъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, гдѣ познакомился съ Телаловымъ, отъ котораго и сталъ получать средства къ жизни, а когда Телаловъ собрался уѣхать изъ Москвы, то свелъ его съ нѣкіемъ „Александромъ", который продолжалъ снабжать его, Борейшу, денежными средствами и далъ ему нелегальный видъ. Находясь въ Москвѣ до сентября 1881 года онъ, Борейша, при посредствѣ Телалова, извѣстнаго ему тогда подъ именемъ Петра Николаевича, познакомился съ нѣсколькими нелегальными лицами, въ томъ числѣ съ Калюжнымъ и принималъ участіе въ обсужденіи плана пропаганды среди рабочихъ, но никакимъ практическимъ дѣломъ не занимался. Въ сентябрѣ онъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ опять встрѣтилъ Телалова; послѣдній свелъ его на квартиру студента Кампанца на Васильевскомъ островѣ, гдѣ собирались сходки лицъ, преступною дѣятельностью которыхъ руководилъ Телаловъ. На означенныхъ сходкахъ толковали о способѣ пропаганды среди рабочихъ, а также было сдѣлано распредѣленіе занятій пропагандой по раіонамъ города, причемъ ему, Борейшѣ, была отведена мѣстность за Нарвской заставой. Знакомясь затѣмъ съ рабочими, Борейша въ теченіи 1881 г. снабжалъ ихъ запрещенными изданіями, получаемыми отъ Телалова.

При задержаніи Борейши, у него были отобраны 7 номеровъ „Рабочей Газеты", рукопись подъ заглавіемъ „Эксплоатація рабочихъ на Балтійскомъ заводѣ" и нѣсколько адресовъ лицъ, проживающихъ въ разныхъ городахъ. Упомянутая рукопись содержитъ въ себѣ описаніе притѣсненій, какимъ подвергаются рабочіе со стороны управляющаго.

Обвиняемый Борейша объяснилъ, что отобранные у него номера „Рабочей Газеты", онъ получилъ отъ Телалова, а адресы пріобрѣлъ совершенно случайно съ цѣлью пользоваться ими для разсылки прокламацій и подпольныхъ изданій.

Привлеченные къ дѣлу о преступной пропагандѣ среди Петербургскихъ рабочихъ, бывшіе студенты Петербургскаго Университета Кампанецъ и Судаковъ признали, что въ квартирѣ перваго изъ нихъ происходили сходки, посѣщаемыя Телаловымъ и Борейшею.

Мѣщанинъ Александръ Малаховъ призналъ въ Антонѣ Борейша лицо, приходившее для пропаганды среди рабочихъ въ портерную, содержимую имъ, Малаховымъ, по Большой Дворянской улицѣ.

Осмотромъ домовыхъ книгъ, а также показаніями ряда свидѣтелей удостовѣрено, что Борейша проживалъ: съ іюня по сентябрь 1880 г. въ

С.-Петербургѣ, по Вознесенскому проспекту, въ домѣ Лихачева, подъ своимъ настоящимъ именемъ, вмѣстѣ съ бывшимъ студентомъ Гриневицкимъ; съ 6-го апрѣля по 6-е сентября 1881 г. въ Москвѣ, подъ именемъ Горбунова, въ Александрійскомъ подворьѣ, по Садовой улицѣ, въ домѣ Ерохина, и по Фурманному переулку въ д. № 140, а съ 20 сентября 1881 г. и по день ареста, въ С.-Петербургѣ по Англійскому проспекту въ д. № 60 подъ именемъ Игнатьева.

17.

Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ, дворянка, уроженка Волынской губерніи, воспитывалась въ Устюжской женской прогимназіи, на казенный счетъ; въ послѣднее время, по ея объясненію, жила на средства „партіи народной воли".

По показанію обвинявшагося въ государственномъ преступленіи умершаго сына купца Григорія Гольденберга онъ, послѣ совершенія убійства харьковскаго губернатора князя Крапоткина, скрывался въ Кіевѣ въ квартирахъ лицъ, принадлежавшихъ къ революціонному сообществу, и тамъ встрѣчался съ Антониной Лисовской.

Дворянинъ Александръ Родзевичъ, привлекавшійся къ дознанію объ организаціи революціоннаго кружка въ средѣ учащейся польской молодежи („польская гмина соціалистовъ"), спрошенный въ качествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу, показалъ, что Антонину Лисовскую онъ встрѣчалъ на сходкахъ, происходившихъ осенью 1880 года въ г. Кіевѣ. На сдѣланное ей въ то время предложеніе вступить въ польскій кружокъ, Лисовская, по показанію Родзевича, отвѣчала отказомъ и заявила, что принадлежа къ „партіи народной воли" не сочувствуетъ мирной пропагандѣ, а признаетъ лишь террористическую дѣятельность.

По показанію обвиняемаго Антона Борейши, онъ встрѣчался съ Лисовской, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ 1881 г., въ Москвѣ, гдѣ она жила подъ видомъ жены революціоннаго дѣятеля извѣстнаго ему, Борейшѣ, подъ именами „Александръ съ бородой", „Ѳеофанъ" и „Архипъ Арсеньевъ".

Осмотромъ домовыхъ книгъ, а также показаніями свидѣтелей установлено, что Лисовская проживала въ слѣдующихъ городахъ по подложнымъ видамъ: въ апрѣлѣ 1881 г. подъ именемъ дочери священника Краснопѣвцевой, въ г. Варшавѣ, откуда скрылась вслѣдствіе того, что обратила на себя вниманіе мѣстной полиціи; въ началѣ 1881 года, подъ именемъ дворянки Милашевичъ, въ Москвѣ; въ началѣ 1882 г. подъ именемъ Гаевской въ Вильно и подъ именемъ Милашевичъ въ Минскѣ въ мартѣ 1882 г. и съ половины мая по 1 іюня того же года въ г. Витебскѣ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что во время проживанія Лисовской подъ именемъ Гаевской въ Вильно, въ означенномъ городѣ велась революціонная пропаганда лицами, принадлежащими къ сообществу, именующему себя партіей „народной воли", а также устраивалась тайная типографія.

Признавая, что она дѣйствительно проживала въ Вильно подъ именемъ Гаевской, Лисовская относительно принадлежности своей къ революціонной организаціи въ Сѣверо-Западномъ краѣ никакихъ объясненій дать не пожелала.

Въ квартирѣ обвиняемыхъ Калюжнаго и Смирницкой, при производствѣ въ ней обыска, между прочими видами на жительство былъ найденъ, какъ уже сказано выше, клочекъ того самаго документа на имя Гаевской, по которому Лисовская проживала въ Вильно.

На основаніи всего вышеизложеннаго:

I.

1) Дворянинъ Псковской губерніи, Юрій Николаевъ Богдановичъ, 33 лѣтъ; 2) Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ; 3) сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ; 4) Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ; 5) сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ; 6) Лебединскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калюжный, 24 лѣтъ; 7) дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ; 8) крестьянинъ Минской губерніи, Антонъ Степановъ Борейша, 24 лѣтъ; 9) ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ; 10) жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ; 11) дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ; 12) лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ; 13) жена потомственнаго почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ; 14) дворянка Волынской губерніи, Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ; 15) отставной лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Буцевичъ, 32 лѣтъ; 16) дочь купца Хася Гершева (она же Христина Григорьева Гринбергъ), 24 лѣтъ и 17) дочь священника Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ: обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя „русскою соціально-революціонною партіею", имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность означеннаго сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и въ приготовленіяхъ къ совершенію новыхъ злодѣяній такого же характера.

II.

Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ, нижеслѣдующія обвиняются въ томъ, что дѣйствуя для достиженія вышеуказанной преступной цѣли упомянутаго сообщества:

1) Телаловъ—а) зная о приготовлявшемся посягательствѣ на Священную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Лозово-Севастопольской желѣзной дороги близъ г. Александровска, Екатеринославской губерніи, для успѣшнаго совершенія задуманнаго злодѣянія, помѣстилъ на квартиру другого лица земляной буравъ, завѣдомо для него, Телалова, долженствовавшій служить для заложенія мины подъ полотно желѣзной дороги и передалъ нынѣ казненному государственному преступнику Андрею Желябову чемоданъ съ динамитомъ, долженствовавшимъ завѣдомо для него, Телалова, служить

для взрыва Императорскаго поѣзда; б) послѣ совершенія 18 ноября 1879 г. описаннаго выше покушенія на цареубійство подъ г. Александровскомъ, скрылъ въ квартирѣ другого лица нѣкоторые предметы, завѣдомо для него, Телалова, служившіе для совершенія вышеозначеннаго покушенія.

2) Златопольскій — въ ноябрѣ 1879 г., зная о приготовлявшемся подъ г. Москвою покушеніи на Священную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Курской желѣзной дороги, для содѣйствія успѣшному выполненію означеннаго преступнаго замысла передалъ одному изъ участниковъ онаго деньги въ количествѣ 300 руб. сер.

3) Грачевскій—лѣтомъ 1880 г. участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на цареубійство посредствомъ взрыва въ С.-Петербургѣ Каменнаго моста при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

4) Юрій Богдановичъ, Грачевскій и Ивановская — согласились между собою и съ другими лицами, нынѣ уже осужденными, посягнуть на Священную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ а) взрыва полотна одной изъ улицъ столицы при проѣздѣ Его Императорскаго Величества и б) метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, при чемъ въ исполненіе такого умысла:

Богдановичъ нанялъ подъ именемъ крестьянина Кобозева подвальную лавку въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ и провелъ изъ нея подъ означенную улицу подкопъ съ устроенною въ немъ миною, которая не была взорвана лишь потому, что въ назначенный для цареубійства день, 1 марта 1881 г., Государь Императоръ изволилъ прослѣдовать не по Малой Садовой улицѣ, а по набережной Екатерининскаго канала, гдѣ вооруженные метательными снарядами единомышленники его, Богдановича, и причинили посредствомъ означенныхъ снарядовъ Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою мученическую кончину Его Императорскаго Величества.

Грачевскій — участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ изобрѣтеніи и изготовленіи метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, при посредствѣ которыхъ и было совершено злодѣяніе 1 марта 1881 г.

Грачевскій и Ивановская—въ періодъ времени съ 6 ноября 1880 г. по май 1881 г. были подъ именемъ мѣщанъ Пришибиныхъ хозяевами такъ называемой конспиративной квартиры на углу Подольской улицы и Малаго Царскосельскаго проспекта въ д. № $^{42}/_{14}$, гдѣ хранились взрывчатыя вещества и помѣщалась тайная типографія подпольнаго органа сообщества „Народная Воля“, въ каковой типографіи 1 марта 1881 г. и были отпечатаны преступныя воззванія по поводу совершившагося того же числа злодѣянія.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о нак. изд. 1866 г.

Сверхъ перечисленныхъ обвиненій нижепоименованныя лица обвиняются еще въ томъ, что для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго сообщества, именующаго себя „русской соціально-революціонной партіей“:

I.

Клименко — согласившись вмѣстѣ съ другими лицами лишить жизни производившаго по Высочайшему повелѣнію дознаніе о государственныхъ преступленіяхъ Генералъ-Маіора Стрѣльникова, далъ часть денежныхъ средствъ, нужныхъ для совершенія означеннаго преступленія, при чемъ лично въ убійствѣ 18 марта 1882 г. Генералъ-Маіора Стрѣльникова не участвовалъ.

II.

Лисовская—въ видахъ доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, умыслила вмѣстѣ съ другими лицами похитить казенныя суммы изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства и для сего въ декабрѣ 1880 г. и въ январѣ 1881 г. участвовала въ проведеніи подкопа подъ зданіе означеннаго казначейства, но намѣренія своего по независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ не успѣла привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак.

Независимо отъ вышеизложенныхъ преступленій обвиняются:

Стефановичъ—въ томъ, что а) въ 1877 г. организовалъ среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи тайное сообщество, имѣвшее цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, принадлежащихъ другимъ, кромѣ крестьянскаго, сословіямъ для раздѣла таковыхъ земель между крестьянами и б) для осуществленія указаннаго въ предъидущемъ пунктѣ преступленія составилъ подложный будто бы за подписаніемъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича манифестъ, который и употребилъ какъ средство для склоненія крестьянъ къ поступленію въ вышеуказанное сообщество.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 318 и 291 улож. о нак.

Клименко — что будучи сосланъ въ Сибирь на поселеніе по приговору Кіевскаго Военно-Окружнаго Суда, бѣжалъ лѣтомъ 1881 г. изъ мѣста ссылки.

Преступленіе это предусмотрѣно 808 ст. XIV Т. Уст. о ссыльныхъ.

По вышеизложеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему во 2 день февраля 1883 г., и на основаніи ст. 1031 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV Т. Св. Зак. изд. 1876 г. по продолж. 1879 г. поименованные выше: Юрій Богдановичъ, Михаилъ Грачевскій, Савелій Златопольскій, Петръ Телаловъ, Парасковья Ивановская, Яковъ Стефановичъ, Александръ Буцевичъ, Антонъ Борейша, Александръ Прибылевъ, Раиса Прибылева, Марія Юшкова, Иванъ Калюжный, Надежда Смирницкая, Михаилъ Клименко, Антонина Лисовская, Анна Корба и Хася (она же Христина) Гринбергъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Составленъ марта 2 дня 1883 г. въ г. С. Петербургѣ.

Подлинный подписалъ: Товарищъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената *В. Желеховскій.*

ПРИГОВОРЪ.

1883 года $\frac{\text{Марта 28}}{\text{Апрѣля 5}}$ *дня.*

По Указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ Присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ слѣдующемъ составѣ:

Г. Первоприсутствующій Сенаторъ Д. С. Синеоковъ-Андреевскій.

Г.г. Сенаторы: П. К. Жерве, Н. И. Ягнъ, А. И. Синицынъ, А. В. Бѣлостоцкій, А. Д. Батуринъ; Предводители дворянства: Смоленскій Губернскій князь Е. В. Оболенскій, Волоколамскій уѣздный—Д. С. Сипягинъ, С.-Петербургскій городской голова И. Н. Глазуновъ и Путиловскій волостной старшина А. А. Шарыпинъ.

При исп. об. Оберъ-Секретаря В. В. Поповѣ и исп. об. Помощника Оберъ Секретаря Н. И. Куницынѣ.

Въ присутствіи Товарища Оберъ-Прокурора В. А. Желеховскаго и Товарища Прокурора С.Петербургской Судебной Палаты П. Г. Островскаго.

Слушалъ дѣло о дворянинѣ Юріи Богдановичѣ и другихъ въ числѣ 17 лицъ, преданныхъ суду Особаго Присутствія, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему во 2-й день Февраля 1883 г. и на основаніи ст. 1031 и 1052 Уст. Угол. Судопр.. 2 ч. XV т. Св. Зак., изд. 1876 г. по прод. 1879 г., по обвиненію во вступленіи въ тайное сообщество, имѣющее цѣлью ниспровергнуть существующій въ Имперіи государственный и общественный строй и въ разныхъ другихъ преступленіяхъ, направленныхъ къ достиженію вышеуказанной преступной цѣли.

Разсмотрѣвъ дѣло и судебное слѣдствіе и выслушавъ пренія сторонъ, Особое Присутствіе Правительствующаго Сената находитъ: изъ показаній государственныхъ преступниковъ, умершаго Гольденберга и казненнаго Рысакова обнаружилось, что послѣ неудавшагося 2 Апрѣля 1879 года посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, среди русскихъ революціонеровъ образовалось тайное сообщество, имѣющее цѣлью, путемъ насильственнаго переворота, ниспровергнуть существующее въ Имперіи государственное и общественное устройство. Сообщество это, принявшее названіе партіи „Народной Воли,“ возникло еще до убійства въ 1878 году Генералъ-Адъютанта Мезенцова и покушенія 2-го Апрѣля 1879 г., но получило окончательную организацію лѣтомъ 1879 г., на съѣздѣ въ гор. Липецкѣ Тамбовской губерніи. Главнымъ средствомъ для достиженія упо-

мянутой цѣли участниками съѣзда признано убійство должностныхъ лицъ и цареубійство. На послѣдовавшихъ затѣмъ сходкахъ въ Харьковѣ злоумышленниками выработанъ планъ систематическаго посягательства на жизнь покойнаго Государя помощью взрывчатыхъ веществъ. Во исполненіе этого плана послѣдовалъ цѣлый рядъ злодѣяній, имѣвшихъ цѣлью цареубійство и завершившійся ужаснымъ событіемъ 1-го Марта 1881 года. Для пріобрѣтенія необходимыхъ для осуществленія цѣлей преступнаго сообщества средствъ, лѣтомъ 1879 г., незадолго до Липецкаго съѣзда, было сдѣлано нѣкоторыми членами сообщества похищеніе изъ Херсонскаго Казначейства, посредствомъ подкопа, денегъ около $1^1/_2$ милліона рублей, затѣмъ, зимою 1880—1881 г. тѣмъ же способомъ, сдѣлано было покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Казначейства. Въ Мартѣ 1882 г. было совершено убійство производившаго по Высочайшему повелѣнію дознаніе о государственныхъ преступленіяхъ Генералъ-Маіора Стрѣльникова, а въ Маѣ мѣсяцѣ того же года устроена въ Петербургѣ лабораторія для взрывчатыхъ веществъ и метательныхъ снарядовъ. Участники тайнаго сообщества мало-помалу были обнаружены и нынѣ преданы суду обвинительной властью въ числѣ 17-ти лицъ, а именно: дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, 33 лѣтъ, мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ, мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ, сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ, отставной флота лейтенантъ Александръ Викентьевъ Буцевичъ, 32 лѣтъ, сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ, дочь священника Прасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ, жена потомственнаго почетнаго гражданина, изъ дворянъ, Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ, крестьянинъ Антонъ Степановъ Борейша, 24 лѣтъ, мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калюжный, 24 лѣтъ, ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ, дворянка Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ, дочь купца Хася Гершева (Христина Григорьева) Гринбергъ, 24 лѣтъ, дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ, дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ, и жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ. Всѣ вышеозначенныя лица обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество людей, которые, съ цѣлью ниспроверженія существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя, проявили свою преступную дѣятельность въ убійствахъ, покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ, въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Государя Императора Александра Николаевича кончившихся убійствомъ въ Бозѣ почившаго Государя и въ приготовленіяхъ къ совершенію новыхъ злодѣяній такого же свойства. Нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ лицъ обвиняются кромѣ того въ отдѣльныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ достиженію цѣли означеннаго преступнаго сообщества. А именно: 1) Телаловъ, въ томъ, что, зная о приготовлявшемся посягательствѣ на священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ города Александровска Екатеринославской губерніи, въ видахъ успѣшнаго совершенія задуманнаго злодѣянія, помѣстилъ на квартиру другого лица земляной буравъ, долженствовавшій завѣдомо для него, Телалова, служить для заложенія мины подъ полотно

желѣзной дороги, и передалъ казненному впослѣдствіи государственному преступнику Андрею Желябову чемоданъ съ динамитомъ, предназначавшимся, также завѣдомо для Телалова, для взрыва Императорскаго поѣзда, и что послѣ покушенія (18 Ноября 1879 года) на цареубійство подъ гор. Александровскомъ, о коемъ сказано выше, скрылъ въ квартирѣ другого лица нѣкоторые предметы (спирали Румкорфа, запалы, проволоки и оружіе), завѣдомо для Телалова служившіе для совершенія сего покушенія; 2) Златопольскій, въ томъ, что, зная о приготовлявшемся въ Ноябрѣ 1879 г. подъ гор. Москвою, посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Курской желѣзной дороги, для содѣйствія успѣшному выполненію преступнаго замысла цареубійства, передалъ одному изъ участниковъ въ злоумышленіи деньги въ количествѣ 300 рублей; 3) Богдановичъ въ томъ, что, согласившись съ другими лицами посягнуть на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича, для исполненія такого преступнаго умысла, нанялъ подъ именемъ крестьянина Кобозева подвальную лавку въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ въ С.-Петербургѣ и провелъ изъ нея подъ ту улицу подкопъ съ приспособленіемъ въ подкопѣ заряженной динамитомъ мины для взрыва улицы въ одинъ изъ проѣздовъ по ней Государя Императора и хотя взрывъ не былъ произведенъ, но потому лишь, что въ назначенный для цареубійства день 1 Марта 1881 г. было совершено соумышленниками Богдановича преступное посягательство, жертвою котораго палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, сдѣлавшее ненужнымъ взрывъ въ Малой Садовой улицѣ; 4) Грачевскій въ томъ: а) что лѣтомъ 1880 г. участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на цареубійство посредствомъ взрыва въ С.-Петербургѣ Каменнаго Моста, на Гороховой улицѣ, при проѣздѣ черезъ него въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича; б) что согласившись съ другими лицами посягнуть на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича, изготовлялъ для совершенія сего преступленія, совмѣстно съ другими единомышленниками, такого рода метательные взрывчатые снаряды, при посредствѣ которыхъ было совершено злодѣяніе 1 Марта 1881 г. и в) Грачевскій вмѣстѣ съ Ивановскою въ томъ, что содержали, въ періодъ времени съ 6 Ноября 1880 года по Май 1881 года, подъ именемъ мѣщанъ Пришибиныхъ, такъ называемую конспиративную квартиру, на углу Подольской и Малаго Царскосельскаго проспекта д. № $^{42}/_{14}$, гдѣ хранили взрывчатыя вещества, долженствовавшія служить къ осуществленію умысла совершить цареубійство и содержали въ той же квартирѣ тайную типографію, принадлежавшую упомянутому тайному сообществу, въ которой 1-го Марта 1881 г. были отпечатаны преступныя воззванія по поводу совершившагося того же числа злодѣянія; 5) Лисовская въ томъ, что, для предоставленія сообществу необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, она, по соглашенію съ другими лицами, поселилась въ 1880 году, подъ ложнымъ именемъ Анны, въ Швейцарской гостинницѣ г. Кишинева и, съ цѣлью тайнаго похищенія хранящихся въ губернскомъ казначействѣ денегъ, приступила къ работамъ по прорытію подкопа подъ зданіе казначейства, но начатыя работы не могли быть доведены до конца по причинамъ, отъ нея независящимъ, и 6) Кли-

менко въ томъ, что, не принимая лично участія въ совершеніи убійства Генералъ-Маіора Стрѣльникова, но зная объ умыслѣ на это преступленіе, далъ умыслившимъ оное лицамъ деньги, сказанному сообществу принадлежавшія, для покупки лошади, на которой убійцы должны были скрыться послѣ совершенія преступленія. Наконецъ Клименко и Стефановичъ обвиняются сверхъ того въ отдѣльныхъ преступленіяхъ, не имѣющихъ отношенія къ цѣлямъ вышеупомянутаго тайнаго преступнаго сообщества, именно: Клименко въ томъ, что, будучи сосланъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ Сибирь на поселеніе, бѣжалъ оттуда лѣтомъ 1881 года и задержанъ въ 1882 г. въ С.-Петербургѣ; Стефановичъ въ томъ, что въ 1875 г. организовалъ среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, тайное сообщество, имѣвшее цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, принадлежавшихъ другимъ, кромѣ крестьянскаго, сословіямъ, для раздѣла ихъ между крестьянами, и составилъ для осуществленія сего преступленія подложный манифестъ будто бы за подписомъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, употребивъ манифестъ этотъ какъ средство для склоненія крестьянъ къ поступленію въ означенное преступное сообщество.

Приступая къ обсужденію виновности подсудимыхъ, Особое Присутствіе находитъ:

Богдановичъ сознался въ принадлежности къ означенному выше тайному сообществу, имѣющему цѣлью ниспровергнуть государственный и общественный строй.

Сознаніе его подтверждается и тѣми его дѣйствіями, предпринятыми въ интересахъ сообщества, которыя обнаружены по настоящему дѣлу. Еще въ 1871 голу Богдановичъ прекратилъ свои учебныя занятія вслѣдствіе требованій, по его собственному выраженію, революціоннаго дѣла. Въ 1875 и 1876 годахъ принималъ участіе въ съѣздахъ представителей революціоннаго движенія, происходившихъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ казненными впослѣдствіи государственными преступниками Соловьевымъ, Желябовымъ и другими; проживалъ въ разныхъ городахъ подъ различными фальшивыми именами. Весною въ 1879 г. прибылъ въ С.-Петербургъ 1-го апрѣля наканунѣ покушенія Соловьева.

Послѣ совершившагося злодѣянія 1-го марта, Богдановичъ озаботился усиленіемъ состава сообщества, значительно ослабленнаго многочисленными арестами, и организаціею сообщества „краснаго креста партіи народной воли“, долженствующаго служить средствомъ къ оказанію матеріальной и нравственной поддержки лицамъ, подвергшимся преслѣдованію отъ правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить орудіемъ къ освобожденію изъ заключенія и ссылки членовъ сообщества. Равнымъ образомъ Богдановичъ сознался въ томъ, что въ концѣ 1880 г. поселился въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ, гдѣ подъ именемъ крестьянина Кобозева нанялъ подвальную лавку, изъ которой былъ выведенъ подкопъ подъ полотно улицы, съ приспособленіемъ въ подкопѣ заряженной мины для взрыва улицы въ одинъ изъ проѣздовъ по ней Государя Императора Александра Николаевича. Сознаніе Богдановича подтверждается фактомъ подкопа съ приспособленіемъ мины, удостовѣреннымъ актомъ осмотра. Такимъ обра-

зомъ виновность Богдановича въ преступленіяхъ, по обвиненію въ которыхъ онъ преданъ суду, представляется вполнѣ доказанною.

Виновность Телалова въ принадлежности къ означенному тайному преступному сообществу доказана сознаніемъ его въ семъ преступленіи, а равно участіемъ его въ дѣлахъ сообщества, вполнѣ обнаруженнымъ по дѣлу. По собственнымъ словамъ его, онъ перешелъ на нелегальное положеніе въ 1879 г. и сталъ жить на средства сообщества, называясь разными подложными именами. Въ концѣ 1879 г., онъ принималъ участіе на сходкахъ членовъ сообщества, Гольденберга, Колодкевича, Желябова, Прѣснякова и др., съѣхавшихся въ Харьковѣ, на которыхъ, между прочимъ, обсуждался планъ цареубійства и рѣшено было приступить къ приготовленіямъ ко взрыву Императорскаго поѣзда подъ Александровскомъ по линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги и подъ Одессою. Съ конца 1880 г. Телаловъ въ Москвѣ и Петербургѣ занимался организаціей систематической пропаганды между рабочими и, между прочимъ, въ послѣднее до ареста время стоялъ въ С.-Петербургѣ во главѣ кружка лицъ изъ учащейся молодежи, занимавшихся такой пропагандой и собиравшихся для обсужденія вопросовъ, касающихся ихъ дѣятельности, въ квартирѣ Кампанца. Во время ареста Телалова, при немъ найдены были, между прочимъ, нѣсколько экземпляровъ, напечатанныхъ въ тайной типографіи, программа польской революціонной партіи, въ которой проводилась мысль объ объединеніи революціонеровъ польскихъ и русскихъ, выписки изъ артиллерійскаго журнала, трактующія о приготовленіи, примѣненіи и дѣйствіи боевыхъ и всякихъ другихъ ракетъ. Экспертъ заявилъ, что выписки эти сдѣланы изъ статей артиллерійскаго журнала общедоступныхъ и что ракеты, о которыхъ говорится въ выпискахъ, могутъ быть употребляемы только противъ массъ людей. Въ квартирѣ Телалова найдено, между прочимъ, три револьвера съ патронами къ нимъ, шрифтъ въ двухъ ящикахъ, множество рукописей преступнаго содержанія и около 700 печатныхъ экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій. Виновность Телалова, въ содѣйствіи къ осуществленію задуманнаго плана цареубійства, въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена выше, доказывается также сознаніемъ Телалова, а равно показаніями государственныхъ преступниковъ Гольденберга и Сыцянко, и свидѣтелей Блинова, Кузнецова и Сикорской, и протоколомъ обыска у Сыцянко.

Виновность Златопольскаго въ принадлежности его къ помянутому тайному сообществу доказывается собственнымъ его признаніемъ, а также проявленіемъ усиленной дѣятельности въ интересахъ сообщества; онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ государственными преступниками Гольденбергомъ, Колодкевичемъ, Фроленко, Арончикомъ и Гесей Гельфманъ. Проживалъ въ разныхъ городахъ подъ вымышленными именами. Государственный преступникъ казакъ Петлицкій показалъ, что Златопольскій, въ концѣ 1880 г., въ Кіевѣ, въ квартирѣ одного злоумышленника, гдѣ рѣчь шла объ убійствѣ офицера отдѣльнаго корпуса жандармовъ Судейкина, объявилъ, что исполненіемъ предположеннаго преступленія надо пока пріостановиться, чтобы не помѣшать задуманному въ Петербургѣ болѣе серьезному террористическому предпріятію и, во всякомъ случаѣ, не приступать къ дѣйствію безъ его, Златопольскаго, разрѣшенія. Достовѣрность

показаній всѣхъ означенныхъ лицъ по дѣлу не опровергнута. Содѣйствіе Златопольскаго къ осуществленію плана цареубійства выразилась фактически, по собственному его показанію, данному на судѣ, въ томъ, что зная о приготовлявшемся подъ Москвою покушеніи на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Курской желѣзной дороги, для успѣшнаго выполненія сего преступнаго замысла, передалъ Гольденбергу 300 руб., что подтверждается и показаніемъ Гольденберга. Поэтому, обвиненіе Златопольскаго и въ семъ отношеніи доказано.

Виновность Грачевскаго въ принадлежности къ указанному выше тайному сообществу доказывается сознаніемъ его и тѣми дѣйствіями, которыя имъ дѣйствительно проявлены. Въ 1878 году онъ былъ приговоренъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената къ аресту на одинъ мѣсяцъ за храненіе запрещенныхъ изданій, а послѣ побѣга въ 1879 году изъ мѣста административной ссылки, проживалъ въ С.-Петербургѣ по подложному паспорту. Независимость отъ сего, когда нѣкоторые члены сообщества, какъ видно изъ показаній Рысакова, рѣшили употребить, для достиженія преступной цѣли цареубійства, кромѣ подкоповъ, еще и метательные взрывчатые снаряды, и для совѣщаній по этому предмету указана была казненнымъ впослѣдствіи государственнымъ преступникомъ Желябовымъ квартира Геси Гельфманъ, куда сходились злоумышленники, то въ числѣ ихъ бывалъ и Грачевскій, какъ это удостовѣрено показаніями Меркулова и Борейши. Притомъ Грачевскій самъ призналъ себя техникомъ преступнаго сообщества. Далѣе Грачевскій былъ хозяиномъ, подъ именемъ Пришибина, такъ называемой конспиративной квартиры на углу Подольской улицы и Малаго Царскосельскаго проспекта д. № 42/14, въ которой проживалъ съ ноября 1880 г. по май 1881 г. Здѣсь содержалась тайная типографія, въ которой печаталась газета, такъ называемая „Народная Воля“ и прокламація къ рабочимъ по поводу событія 1-го марта, а также найдены разныя изданія преступнаго содержанія, носившія слѣды недавней отпечатки, разныя рукописи революціоннаго характера и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ которыхъ важнѣйшіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4 пудовъ, сходнымъ по химическому составу съ динамитомъ, извлеченнымъ изъ мины, подведенной подъ Малую Садовую улицу, метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяніи 1-го марта, граната, заряженная порохомъ и картечью, съ проведеннымъ къ ней стопиномъ. Въ другой квартирѣ Грачевскаго, гдѣ онъ проживалъ въ послѣднее предъ арестомъ время, по Фонарному переулку, д. № 9, при обыскѣ найдено, между прочимъ, тоже большое число экземпляровъ изданій преступнаго содержанія, руководство къ минному искусству, чертежи къ этому искусству, 36 слѣпковъ съ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, списокъ предметовъ, купленныхъ для миннаго дѣла, три программы организаціи революціонныхъ группъ, десять рукописей противоправительственнаго характера; въ числѣ рукописей находилось, между прочимъ, воззваніе къ офицерамъ русской арміи, каковымъ воззваніемъ офицеры приглашаются перейти на сторону сообщества для ниспровержe-

нія Самодержавнаго Правительства. Наконецъ Грачевскій пріискиваетъ пригодное лицо (Прибылева) для устройства конспиративной квартиры, въ которой выдѣлываетъ и учитъ другихъ выдѣлывать взрывчатыя вещества.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ, устраняющихъ всякое сомнѣніе въ принадлежности Грачевскаго къ означенному выше преступному сообществу, нахожденіе въ квартирѣ его динамита такихъ же свойствъ, какъ и найденный въ минѣ, устроенной въ подкопѣ на Малой Садовой улицѣ, метательнаго снаряда, подобнаго употребленнымъ при совершеніи злодѣянія 1-го марта и посѣщеніе квартиры Геси Гельфманъ, гдѣ между заговорщиками происходили совѣщанія по предмету изготовленія этихъ послѣднихъ снарядовъ, доказываютъ виновность Грачевскаго въ изготовленіи, вмѣстѣ съ другими лицами, для совершенія цареубійства вышеупомянутыхъ снарядовъ и храненіи предназначавшихся для той же преступной цѣли взрывчатыхъ веществъ. Равнымъ образомъ представляется доказанною собственнымъ сознаніемъ Грачевскаго, согласнымъ съ другими данными дѣла, виновность его въ напечатаніи 1-го марта, по поводу совершеннаго въ этотъ день цареубійства, въ принадлежавшей преступному сообществу типографіи, возбуждающихъ къ бунту прокламацій. Обвиненіе же Грачевскаго въ участіи съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на цареубійство посредствомъ взрыва Каменнаго моста, при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, должно быть устранено. Оно отвергается самимъ Грачевскимъ и основано единственно на показаніи государственнаго преступника Меркулова, объяснившаго, что, катаясь однажды лѣтомъ въ 1880 г. въ лодкѣ съ Грачевскимъ, Желябовымъ, Прѣсняковымъ, Баранниковымъ, Алексадромъ Михайловымъ и Тетеркой, онъ, Меркуловъ, слышалъ происходившій между ними разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора. Но другіе участники въ подобныхъ прогулкахъ въ лодкѣ не подтвердили показаніе Меркулова, относящееся къ Грачевскому. При такихъ условіяхъ показаніе Меркулова не представляется достаточнымъ къ обвиненію Грачевскаго въ семъ послѣднемъ преступленіи.

Виновность Клименко въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣлью ниспровергнуть существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, въ пособничествѣ къ убійству Генералъ-Маіора Стрѣльникова, въ видахъ содѣйствія къ осущественію вышеозначенной цѣли сообщества, и въ побѣгѣ съ поселенія изъ Сибири, куда онъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сосланъ былъ по приговору Кіевскаго военно-окружнаго суда по обвиненію въ недонесеніи о тайномъ сообществѣ,—доказывается сознаніемъ Клименко, согласнымъ съ прочими обстоятельствами дѣла.

Виновность Буцевича въ принадлежности къ тому же тайному сообществу подтверждается сознаніемъ его въ семъ преступленіи, сношеніями его съ подсудимыми Корба и Грачевскимъ и найденными при обыскѣ въ квартирѣ его около 400 экземпляровъ разныхъ печатныхъ и гектографическихъ изданій преступнаго содержанія, между которыми находятся газеты Народная Воля, Черный Передѣлъ, Земля и Воля, журналы: Впередъ, Набатъ, программы исполнительнаго комитета и прокламаціи, изданныя отъ имени исполнительнаго комитета по поводу разныхъ преступленій террори-

стическаго характера и цареубійства 1 марта 1881 г. Весьма существеннымъ доказательствомъ того, что Буцевичъ былъ проникнутъ интересами преступнаго сообщества служитъ то обстоятельство, что отобранное у Грачевскаго рукописное воззваніе „къ товарищамъ по оружію“, возмутительное содержаніе котораго вкратцѣ указано выше, писано рукою Буцевича.

Виновность Стефановича: а) въ принадлежности къ тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію насильственнымъ путемъ государственнаго и общественнаго строя; б) въ организаціи въ 1877 г. среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда тайнаго сообщества, имѣвшаго цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, и в) въ составленіи подложнаго манифеста, будто бы за подписаніемъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича и употребленіи сего манифеста, какъ средства къ успѣшному осуществленію организаціи этого тайнаго сообщества,—доказывается слѣдующими обстоятельствами: 1) показаніемъ самого Стефановича, который объяснилъ, что въ послѣднее время, онъ, Стефановичъ, пришелъ къ убѣжденію, что существованіе народническаго направленія на почвѣ практической дѣятельности стоитъ въ зависимости отъ соглашенія съ организаціей террористическаго сообщества. Поэтому, получивъ предложеніе пріѣхать въ Россію, онъ согласился исполнить обращенную къ нему просьбу, перешелъ русскую границу въ сентябрѣ 1881 г. и, переговоривъ въ числѣ другихъ съ Богдановичемъ и Грачевскимъ, затѣмъ въ непродолжительномъ времени вступилъ въ ряды террористическаго сообщества и склонилъ къ тому же многихъ другихъ чернопередѣльцевъ; 2) показаніемъ Гольденберга, что Стефановичъ передалъ ему прокламацію, предназначавшуюся къ распространенію въ случаѣ, еслибы задуманное злоумышленниками цареубійство близъ г. Александровска совершилось; 3) отобранными у Стефановича 449 печатными экземплярами воззванія подъ заглавіемъ „Соборное Уложеніе Христіанскаго Братства“, каковое воззваніе приглашаетъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій вступить въ тайное сообщество, носящее названіе „Христіанское Братство“, задачею котораго ставится борьба съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, а конечною цѣлью — ниспроверженіе сего порядка; 4) письмомъ, относящимся по своему содержанію до разныхъ предметовъ революціонной дѣятельности; 5) присоединеннымъ къ дѣлу объ организаціи тайнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда подложнымъ манифестомъ отъ имени Государя Императора, уставомъ общества съ приложенною къ нему присягою и спискомъ лицъ, вступившихъ въ тайную дружину.

Виновность Ивановской въ принадлежности къ тому же тайному сообществу, имѣющему цѣлью произвести насильственнымъ путемъ переворотъ въ государственномъ устройствѣ, доказана сознаніемъ ея въ томъ, близкими ея сношеніями съ казненнымъ уже государственнымъ преступникомъ Кибальчичемъ и подсудимымъ Грачевскимъ, съ которыми она проживала въ одной квартирѣ, съ первымъ съ 8 мая по 23 іюля 1880 г. по Подольской улицѣ д. № 11, со вторымъ,—подъ именемъ жены Пришибина (Грачевскаго), — съ ноября 1880 года по май 1881 г. Участіе Ивановской въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ осуществленію замысла о цареубійствѣ и участіе въ напечатаніи 1 марта, по поводу совершеннаго въ этотъ день цареубійства, возбуждающихъ къ бунту прокламацій, доказывается тѣми

же данными, которыя обнаружены по обвиненію въ томъ же преступленіи Грачевскаго по поводу содержанія имъ квартиры подъ именемъ Пришибина на углу Подольской улицы и Малаго Царскосельскаго проспекта въ домѣ № $^{42}/_{14}$, гдѣ, какъ сказано выше, существовала тайная типографія, и гдѣ найдено множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности.

Виновность Корба въ принадлежности къ тому же тайному сообществу подтверждается слѣдующими данными, обнаруженными по дѣлу: 1) она созналась въ семъ преступленіи, показавъ, что, послѣ того, какъ познакомилась съ женою государственнаго преступника Баранникова, въ періодъ времени съ осени 1879 г. по 1-е февраля 1880 г., и чрезъ нее завязала сношенія съ членами преступнаго сообщества, она перешла на нелегальное положеніе и стала жить на средства партіи народной воли; 2) вещественными доказательствами: при обыскѣ въ квартирѣ Корба найдены принадлежности ручнаго типографскаго станка; 57 экземпляровъ фотографическихъ карточекъ государственныхъ преступниковъ; большое количество запрещенныхъ изданій и рукописи съ надписью на конвертахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: „для редакціи". При обыскѣ Телалова, у него найдено написанное къ государственному преступнику Александру Михайлову письмо отъ Корба, въ которомъ предсказывалось совершеніе новаго цареубійства, и 3) близкимъ сношеніемъ съ подсудимымъ Грачевскимъ, которому она содѣйствовала учредить конспиративную квартиру для приготовленія взрывчатыхъ веществъ.

Борейша сознался въ принадлежности къ тому же тайному сообществу, выразивъ раскаяніе въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ; онъ показалъ, что въ С.-Петербургѣ занимался работами въ тайныхъ типографіяхъ, помѣщавшихся въ квартирахъ Геси Гельфманъ и Пришибиныхъ (Грачевскаго и Ивановской), что принималъ участіе въ печатаніи прокламацій „къ рабочимъ" по поводу событія 1 марта, и что въ Петербургѣ занимался пропагандой среди рабочихъ въ отведенной ему мѣстности за Нарвской заставой и снабжалъ ихъ запрещенными изданіями. При задержаніи Борейши у него были отобраны 7 номеровъ Рабочей газеты, рукопись подъ заглавіемъ: „эксплоатація рабочихъ въ Балтійскомъ заводѣ" и нѣсколько адресовъ лицъ, проживавшихъ въ разныхъ городахъ.

Также признали свою принадлежность къ означенному выше преступному сообществу: Калюжный, Смирницкая и Лисовская, причемъ первый объяснилъ, что онъ принадлежитъ къ „организаціи" этого сообщества. Содѣйствіе Калюжнаго и Смирницкой къ осуществленію задачъ тайнаго сообщества выразилось въ томъ, что они содержали въ Москвѣ, на средства сообщества, такъ называемое „паспортное бюро", изъ котораго выдавались подложные виды на жительство членамъ преступнаго сообщества. При осмотрѣ квартиры были обнаружены различныя принадлежности для составленія подложныхъ видовъ на жительство, изготовленные паспорты, бланки разныхъ правительственныхъ мѣстъ, а также различныя противоправительственныя изданія и рукописи такого же содержанія, изъ коихъ въ одной цареубійство одобряется, какъ средство для ниспроверженія государственнаго порядка.

Дѣятельность Лисовской, проживавшей въ разныхъ мѣстахъ подъ лож-

ными именами и по подложнымъ паспортамъ, выразилась въ томъ, что она, съ цѣлью предоставленія сообществу необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, поселилась въ г. Кишиневѣ и, согласившись съ другими сообщниками похитить хранящіяся въ Кишиневскомъ губернскомъ казначействѣ деньги, приступила къ работамъ по прорытію подкопа подъ зданіе казначейства, но начатыя работы не могли быть доведены до конца, по причинамъ отъ нея независящимъ. Въ семъ послѣднемъ преступленіи Лисовская также созналась и виновность ея въ ономъ должна быть признана доказанною.

Виновность Прибылева и Прибылевой въ принадлежности къ тому же тайному сообществу доказывается показаніемъ ихъ и слѣдующими, выяснившимися по дѣлу обстоятельствами: 1) Грачевскій показалъ, что въ половинѣ апрѣля 1882 года, онъ, какъ членъ технической группы, получилъ отъ исполнительнаго комитета порученіе организовать техническую школу для обученія нѣсколькихъ лицъ приготовленію взрывчатыхъ веществъ, употребляемыхъ въ боевыхъ дѣлахъ партіи, а также устройству минъ и метательныхъ снарядовъ. Принявъ такое предложеніе, онъ, Грачевскій, занялся пріисканіемъ лица, въ квартирѣ котораго можно было бы устроить школу и остановилъ свой выборъ на Прибылевыхъ, которые и согласились устроить для означенной цѣли квартиру на Васильевскомъ островѣ, въ 11-й линіи, въ домѣ № 24. Онъ же, Грачевскій, пріискалъ лицо, пригодное для роли кухарки и привелъ къ нимъ Марію Юшкову, снабдивъ послѣднюю фальшивымъ паспортомъ на имя Маріи Савиной. Въ устроенной такимъ образомъ, на средства, данныя Грачевскимъ, квартирѣ предполагалось читать только демонстративныя лекціи. Но затѣмъ получено было отъ агента исполнительнаго комитета предложеніе помѣстить остатки отъ прежнихъ запасовъ динамита, пироксилина и гремучей ртути, а также заняться изготовленіемъ динамита въ томъ количествѣ, которое окажется возможнымъ. Прибылевы согласились исполнить и послѣднее предложеніе исполнительнаго комитета, вслѣдствіе чего онъ, Грачевскій, перевезъ тѣ остатки въ ихъ квартиру. Затѣмъ приступлено было къ изготовленію динамита, въ чемъ, равно какъ и въ лекціяхъ, принимали участіе нѣсколько лицъ. Были приготовлены два метательныхъ снаряда, одинъ для демонстративныхъ цѣлей, а другой небольшой снарядъ для защиты какого-либо помѣщенія отъ вторженія постороннихъ лицъ; 2) Корба показала, что она пріискала Прибылева, уговорила его устроить въ своей квартирѣ динамитную мастерскую и свела съ Грачевскимъ; при этомъ Корба объяснила, что Прибылевъ согласился устроить у себя конспиративную квартиру только въ виду краткосрочности дѣла, такъ какъ квартира была нужна лишь мѣсяца на полтора; 3) Прибылевъ показалъ, что онъ, согласившись на предложеніе Грачевскаго устроить на два мѣсяца конспиративную квартиру для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, нанялъ ее 7 мая 1882 г., устроилъ квартиру на средства партіи, и поселился съ женою и Юшковой (Савиной). Цѣль, для которой исполнительный комитетъ находилъ нужнымъ заготовить взрывчатыя вещества, ему неизвѣстна. Работа, въ которой принималъ участіе и онъ, Прибылевъ, производилась лишь для опыта; къ изготовленію же взрывчатыхъ веществъ полагали приступить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; 4) осмотромъ квартиры Прибылевыхъ съ участіемъ эксперта, было уста-

новлено, что въ ней находилась лабораторія, въ которой приготовлялись динамитъ и метательные снаряды. Въ квартирѣ найдены были, между прочимъ: около 4 фунтовъ чернаго динамита; 4 бутыли съ нитроглицериномъ въ количествѣ около 30 фунтовъ; готовый и заряженный метательный взрывчатый снарядъ, съ припаяннымъ къ нему крючкомъ, устроеннымъ для ношенія снаряда на шнуркѣ и черный шнурокъ съ крючкомъ; 5) Прибылева показала, что она знаетъ о существованіи тайнаго сообщества, къ которому принадлежитъ Грачевскій, сочувствуетъ цѣлямъ того общества и принимала участіе въ выдѣлкѣ взрывчатыхъ веществъ. Принятіе Прибылевыми участія въ такомъ предпріятіи въ интересахъ преступнаго сообщества, по распоряженію одного изъ членовъ онаго, представляется ничѣмъ инымъ, какъ вступленіемъ въ это сообщество.

Виновность Гринбергъ въ принадлежности къ тому же сообществу доказана также собственнымъ ея въ томъ сознаніемъ. Она показала, что знаетъ Грачевскаго и была знакома съ Прибылевымъ, что посѣщала квартиру на Васильевскомъ островѣ, въ 11 линіи, въ домѣ № 24, раза три, знала о производившихся въ ней работахъ и принесла однажды два небольшихъ ящика съ шрифтомъ и штампъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Листокъ добровольнаго сбора редакціи Народной Воли“ и что въ Петербургѣ проживала подъ именемъ дворянки Каммеръ. При обыскѣ квартиры Гринбергъ, въ ней найдено 500 экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій, программы исполнительнаго комитета и брошюры преступнаго содержанія.

Юшкова не сознается въ принадлежности къ означенному выше сообществу, а объясняетъ, что поступленіе ея въ квартиру Прибылевыхъ, въ качествѣ кухарки, составляетъ поступокъ недостаточно обдуманный: что увлекшись мыслью познакомиться съ революціонными дѣятелями, она надѣялась встрѣчать ихъ въ квартирѣ Прибылевыхъ, и что до рѣшительнаго шага примкнуть къ революціонной партіи или отступиться отъ нея, она хотѣла присмотрѣться къ ихъ дѣламъ. Подобное объясненіе представляется правдоподобнымъ, ибо по дѣлу не открывается никакихъ слѣдовъ преступной ея дѣятельности, напротивъ оказывается, что, имѣя нынѣ 22 года, она 18-ти лѣтъ кончила курсъ въ Черниговской женской гимназіи, а затѣмъ, прибывъ въ Петербургъ, послѣдовательно окончила курсы фельдшерскіе и акушерскіе, слѣдовательно занята была учебнымъ дѣломъ. Вслѣдствіе сего нѣтъ достаточныхъ основаній признать ее виновною во вступленіи въ это сообщество. Но тѣмъ не менѣе нельзя допустить, чтобы она не знала о цѣли сообщества, къ которому принадлежали Прибылевы и занимавшіеся работами въ квартирѣ Прибылевыхъ - Грачевскій и Клименко, и о средствахъ, употребляемыхъ сообществомъ для достиженія намѣченной имъ цѣли, ибо въ квартирѣ Прибылевыхъ приготовлялись именно тѣ средства, которыми пользуется преступное сообщество, т. е. динамитъ и метательные снаряды. Юшкова участвовала даже въ работахъ по изготовленію взрывчатыхъ веществъ. Вслѣдствіе сего нельзя не признать ее виновною въ томъ, что не принадлежа къ вышеозначенному тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя, но зная о цѣли, къ которой стремится это сообщество, и средствахъ, употребляемыхъ имъ для достиженія сей цѣли, вступила, подъ непринадлежащимъ

ей именемъ, въ качествѣ кухарки, въ квартиру Прибылевыхъ, гдѣ и участвовала въ приготовленіи для означеннаго сообщества взрывчатыхъ веществъ.

Установивъ факты виновности подсудимыхъ и обращаясь къ опредѣленію наказанія за совершенныя ими преступленія, Особое Присутствіе находитъ, что всѣ подсудимые, кромѣ Юшковой, за вступленіе въ тайное сообщество, имѣющее цѣлью ниспровергнуть государственный и общественный строй, а Юшкова—за принятіе участія въ дѣйствіяхъ того сообщества съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, подлежатъ по 249 ст. Улож. лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни (1 п. 17 ст. Улож.) Тому же наказанію подлежатъ на основаніи 241, 242 и 243 ст. Улож. Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій, Златопольскій и Ивановская за каждое изъ совершенныхъ ими преступныхъ дѣяній, имѣвшихъ главною задачею цареубійство, для достиженія цѣлей вышеупомянутаго тайнаго сообщества. По существу этого наказанія, оно остается неизмѣннымъ и по совокупности преступленій этихъ послѣднихъ пяти подсудимыхъ (152 ст. Улож.). Точно также наказаніе по 249 ст. Улож. должно остаться неизмѣннымъ и по отношенію къ подсудимымъ Грачевскому, Ивановской, Лисовской, Стефановичу и Клименко, виновнымъ—Грачевскій и Ивановская—по 251 ст. Улож. въ напечатаніи возбуждающихъ къ бунту прокламацій, Лисовская—по 1647 и 114 ст. Улож. въ покушеніи на тайное похищеніе денегъ изъ Кишиневскаго казначейства, Стефановичъ—по 318 ст. Улож. въ организаціи преступнаго тайнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда и 291 ст. Улож. въ составленіи подложнаго манифеста, и Клименко—по 1454, 13 и 121 ст. Улож. въ не необходимомъ пособничествѣ къ убійству Генералъ-Маіора Стрѣльникова и по 808 ст. XIV т. Уст. о ссыльн. въ побѣгѣ изъ мѣста ссылки за предѣлы Сибири, такъ какъ преступленіе, предусмотрѣнное въ 249 ст. Улож., по важности наказанія, покрываетъ всѣ остальныя преступныя дѣянія означенныхъ пяти подсудимыхъ. Переходя затѣмъ къ опредѣленію самой отвѣтственности подсудимыхъ, Особое Присутствіе находитъ, что Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій, Златопольскій, Буцевичъ и Клименко подлежатъ наказанію, опредѣленному въ 1 п. 17 ст. Улож., безъ всякаго смягченія: Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій и Златопольскій—потому, что они были одними изъ самыхъ видныхъ дѣятелей преступнаго сообщества и, кромѣ того, изъ нихъ Богдановичъ принималъ рѣшительныя мѣры къ осуществленію преступнаго умысла о цареубійствѣ, а Грачевскій, Телаловъ и Златопольскій оказали къ тому содѣйствіе; Клименко, какъ участвовавшій въ одномъ изъ важныхъ террористическихъ предпріятій, именно: въ убійствѣ Генералъ-Маіора Стрѣльникова; Буцевичъ какъ офицеръ, измѣнившій знамени и своему Царственному вождю. Стефановичу и Ивановской Особое Присутствіе признаетъ возможнымъ, на основаніи 135 ст. Улож. и 744 ст. Уст. Угол. Суд., понизить слѣдующее по 1 п. 17 ст. Улож. наказаніе на одну степень, назначивъ имъ, по 1 степ. 19 ст. Улож., лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку безъ срока: Стефановича—въ каторжныя работы въ рудникахъ, и Ивановскую на заводахъ, въ виду того, что Стефановичъ хотя и имѣетъ за собою много лѣтъ революціонной дѣятелности, но таковая не имѣла террористическаго характера и при томъ вступленіе Стефановича въ вышеозначенное преступное сообщество, отно-

сящееся ко времени недавнему, было результатомъ настояній видныхъ членовъ сообщества, приглашавшихъ постоянно въ теченіи трехъ лѣтъ Стефановича вступить въ такъ называемую партію „народной воли", а Ивановская постоянно находилась подъ вліяніемъ прежде Кибальчича, а потомъ Грачевскаго, обнаружившихъ наиболѣе настойчивости и преступной воли въ разныхъ преступныхъ предпріятіяхъ для цѣлей сообщества, къ которому они принадлежали. Остальнымъ всѣмъ подсудимымъ Особое Присутствіе, на основаніи 135 ст Улож. и 744 ст. Уст. Угол. Суд., полагаетъ понизить наказаніе, опредѣленное въ 1 п. 17 ст. Улож., на двѣ степени, назначивъ оное по 2 степ. 19 ст. Улож. подсудимымъ: Корба—въ высшей мѣрѣ, а всѣмъ прочимъ—въ низшей, т. е. лишивъ ихъ всѣхъ правъ состоянія, Корбу сослать въ каторжныя работы на заводахъ (73 ст. Улож.) на двадцать лѣтъ, а подсудимыхъ Борейшу, Калюжнаго, Прибылева, Лисовскую, Гринбергъ, Смирницкую, Прибылеву и Юшкову—на пятнадцать лѣтъ; Борейшу, Калюжнаго и Прибылева—въ рудникахъ, а Лисовскую, Гринбергъ, Смирницкую, Прибылеву и Юшкову—на заводахъ (73 ст. Улож.) При этомъ пониженіи наказанія, Особое Присутствіе руководствуется относительно Корба тѣмъ, что хотя она принадлежитъ къ числу главныхъ дѣятелей преступнаго сообщества и участвовала въ устройствѣ квартиры для изготовленія взрывчатыхъ веществъ, но, какъ видно изъ дѣла, дѣйствовала не вполнѣ самостоятельно, а подъ вліяніемъ Грачевскаго и другихъ не менѣе закоренѣлыхъ государственныхъ преступниковъ. Причемъ нельзя не принять во вниманіе предшествовавшую преступленію благотворительную дѣятельность ея, выразившуюся въ устройствѣ въ г. Минскѣ общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся и въ служеніи въ качествѣ сестры милосердія въ послѣднюю войну; Борейши—тѣмъ, что не имѣлъ въ преступномъ сообществѣ особаго значенія и что не принималъ участія ни въ одномъ изъ террористическихъ дѣйствій сообщества, а исполнялъ порученія второстепеннаго свойства, впослѣдствіи же чистосердечно раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ; Калюжнаго—тѣмъ, что будучи молодъ и необладая твердымъ характеромъ, подпалъ подъ вліяніе энергическихъ и настойчивыхъ членовъ преступнаго сообщества и вообще игралъ второстепенную роль въ средѣ своихъ соумышленниковъ: Прибылева—тѣмъ, что былъ вовлеченъ въ преступное сообщество, вступленіе въ которое послѣдовало въ весьма недавнее время; Лисовской—тѣмъ, что, дѣйствія ея въ интересахъ преступнаго сообщества ограничились, какъ показываетъ дѣло, покушеніемъ на тайное похищеніе изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства денегъ; Гринбергъ—тѣмъ, что дѣятельность ея по дѣламъ преступнаго сообщества весьма незначительна; она проявилась лишь въ храненіи печатныхъ изданій преступнаго содержанія и въ принесеніи въ квартиру Прибылевыхъ двухъ ящиковъ съ шрифтомъ и штампомъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Листокъ добровольнаго сбора редакціи Народной Воли", Смирницкой—тѣмъ, что не оказала участія ни въ какихъ дѣйствіяхъ террористическаго свойства; Прибылевой—тѣмъ, что была вовлечена въ преступное сообщество съ одной стороны Грачевскимъ, а съ другой—примѣромъ своего мужа и что состояла въ сообществѣ весьма недолгое время; Юшковой—тѣмъ, что поступленіе ея въ квартиру Прибылевыхъ въ качествѣ кухарки представляется поступкомъ необдуманнымъ съ достаточной

строгостью, легко объясняемымъ ея молодостью (22 года) и легкомыслiемъ и что въ устройствѣ квартиры она не участвовала.

Опредѣливъ такимъ образомъ слѣдующiя по закону подсудимымъ наказанiя, Особое присутствiе въ виду особенныхъ обстоятельствъ, касающихся Прибылевой, Борейши, Юшковой и Гринбергъ и заключающихся въ томъ: по отношенiю къ Прибылевой,—что, при своемъ увлекающемся характерѣ, она особенно была склонна подчиниться влiянiю другихъ лицъ, въ данномъ случаѣ—Грачевскаго и ея мужа, въ отношенiи Борейши,—что онъ выразилъ чистосердечное раскаянiе въ своихъ заблужденiяхъ и пожалѣлъ о совершенныхъ имъ преступленiяхъ, въ отношенiи къ Юшковой,—что при молодости своей и недостаткѣ житейской опытности, ей не легко было оградить себя отъ посторонняго влiянiя и что при всемъ томъ она не рѣшилась однако прямо вступить въ преступное сообщество, а въ отношенiи Гринбергъ,—что она вовлечена въ сообщество другими, воспользовавшимися ея молодостiю и не будучи причастна ни къ одному изъ дѣйствiй террористическаго характера, вообще имѣла въ сообществѣ маловажное значенiе, находитъ справедливымъ, на основанiи 153 и 154 ст. Улож. и 775 ст. У. У. С., ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченiи слѣдующаго означеннымъ подсудимымъ по закону наказанiя, назначенiемъ Прибылевой каторжныхъ работъ на заводахъ, по 7 степ. 19 ст. Улож., на четыре года, а Борейшѣ, Юшковой и Гринбергъ, по 1 степ. 20 ст. Улож.,—ссылки на поселенiе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, съ лишенiемъ притомъ всѣхъ правъ состоянiя.

По симъ соображенiямъ особое присутствiе опредѣляетъ:

1) Подсудимыхъ: дворянина Юрiя Богдановича, 33 лѣтъ, мѣщанина Петра Телалова, 29 лѣтъ, мѣщанина Савелiя Златопольскаго, 25 лѣтъ, сына дьякона Михаила Грачевскаго, 33 лѣтъ, лишеннаго всѣхъ правъ состоянiя Михаила Клименко, 26 лѣтъ, и отставного лейтенанта флота Александра Буцевича, 32 лѣтъ, на основанiи 241, 242, 243, 251, 249, 1454, 152 ст. Улож. о наказ. и 808 ст. Уст. о ссыльн., лишивъ всѣхъ правъ состоянiя, подвергнуть смертной казни, черезъ повѣшенiе; 2) сына священника Якова Стефановича, 30 лѣтъ, и дочь священника Прасковью Ивановскую 30 л., на основанiи 241, 242, 243, 249, 251, 291, 318, 152, 135 и 73 ст. Улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянiя и сослать въ каторжныя работы безъ срока: Стефановича—въ рудникахъ, а Ивановскую—на заводахъ; 3) жену потомственнаго почетнаго гражданина, изъ дворянъ, Анну Корба, 28 лѣтъ,—на основанiи 249, 135 и 73 ст. улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянiя и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на двадцать лѣтъ; 4) подсудимыхъ: крестьянина Антона Борейшу, 24 лѣтъ, мѣщанина Ивана Калюжнаго, 24 лѣтъ, ветеринарнаго врача Александра Прибылева 24 л., дворянку Антонину Лисовскую, 24 лѣтъ, дочь купца Хасю (Христину) Гринбергъ, 24 лѣтъ, дочь священника Надежду Смирницкую, 30 лѣтъ, дочь священника Марiю Юшкову, 22 лѣтъ, и жену ветеринарнаго врача Раису Прибылеву, 25 лѣтъ, на основанiи 249, 1647, 152, 135, 114 и 73 ст. Улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянiя и сослать въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ, Борейшу, Калюжнаго и Прибылева въ рудникахъ, а Гринбергъ, Лисовскую, Смирницкую, Юшкову и Прибылеву—на заводахъ; 5) на основанiи Уст. Угол. Суд. 945 ст. и. 1 настоящiй приговоръ, въ отношенiи дворянъ Богдановича, Лисовской,

Корба и отставного флота лейтенанта Буцевича, представить, чрезъ министра юстиціи, на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества на предметъ лишенія ихъ всѣхъ правъ состоянія, а Буцевича и лишенія ордена Св. Станислава 3-й степени; 6) участь подсудимыхъ Борейши, Гринбергъ, Юшковой и Прибылевой, во вниманіе къ особеннымъ, уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ, на основаніи 153, 154 ст. Улож. о наказ. и 775 ст. Уст. Уг. Суд., повергнуть въ порядкѣ, указанномъ въ послѣдней статьѣ, на монаршее Его Императорскаго Величества милосердіе съ ходатайствомъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть: Прибылеву сослать къ каторжныя работы на заводахъ на четыре года, а Борейшу, Гринбергъ и Юшкову сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, съ лишеніемъ этихъ 4-хъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія; 7) возмѣщеніе судебныхъ, по настоящему дѣлу, издержекъ, по приведеніи ихъ въ надлежащую извѣстность, на основаніи 990, 991, 992 и 993 ст. Уст. Угол. Суд., обратить на всѣхъ вышепоименованныхъ виновныхъ, съ круговою ихъ друга за друга отвѣтственностію; въ случаѣ же несостоятельности ихъ, принять, согласно 999 ст. того же устава, на счетъ казны, и 8) съ вещественными доказательствами по настоящему дѣлу поступить на основаніи 777 ст. Уст. Угол. Судопроизводства.

Шестеро приговоренныхъ къ смертной казни прожили съ петлей на шеѣ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, и лишь 28-го мая смертная казнь была замѣнена имъ безсрочными каторжными работами. Нѣкоторые изъ остальныхъ осужденныхъ также получили незначительныя смягченія приговора, и лишь Стефановичу срокъ каторжныхъ работъ былъ уменьшенъ до 4-хъ лѣтъ. Приговоренные къ смертной казни были заточены въ казематы, гдѣ *всѣ безъ исключенія* и окончили дни свои: Телаловъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а Богдановичъ, Буцевичъ, Клименко, Грачевскій и Златопольскій въ Шлиссельбургѣ. Изъ остальныхъ осужденныхъ покончили жизнь самоубійствомъ на Карѣ Калюжный и Смирницкая. Тамъ же скончалась и Лисовская. Нѣтъ въ настоящее время въ живыхъ и Раисы Прибылевой. Такимъ образомъ, изъ *семнадцати* осталось *семь*...

Ред.

Арестъ И. Н. Мышкина.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, какъ извѣстно, арестованъ въ Вилюйскѣ, куда онъ пріѣхалъ подъ видомъ жандармскаго офицера, съ подложнымъ предписаніемъ касательно Н. Г. Чернышевскаго. Принято думать, что эта попытка освобожденія Чернышевскаго окончилась неудачей благодаря случайности: Мышкинъ, будто-бы, неправильно надѣлъ аксельбанты и тѣмъ выдалъ себя. На самомъ дѣлѣ причина ареста была иная.

Въ архивѣ Олекминскаго окружнаго полицейскаго управленія хранится переписка между Якутскимъ Областнымъ Правленіемъ и Олекминскимъ исправникомъ по поводу ареста Мышкина. Я имѣлъ случай видѣть подлинникъ этой переписки и тогда же сдѣлалъ изъ нея выписки. Въ январѣ 1904 г. я послалъ заграницу изложеніе всего дѣла съ указаніемъ именъ, датъ и номеровъ каждой бумаги, а черновики копій пришлось уничтожить. Посланное мною сообщеніе нигдѣ не было напечатано, оно, очевидно, пропало. Считаю нелишнимъ возстановить факты по памяти. При этомъ будутъ неизбѣжные пропуски, частности могутъ быть переданы неточно, но за вѣрность основныхъ фактовъ ручаюсь.

Переписка начинается съ бумаги на имя олекминскаго исправника. Въ ней сообщается о побѣгѣ неизвѣстнаго, явившагося подъ именемъ жандармскаго офицера Мещеринова въ Вилюйскъ, арестованнаго тамъ, отправленнаго подъ конвоемъ въ Якутскъ и скрывшагося съ дороги. Исправнику предписывается произвести розыски. Вмѣстѣ съ тѣмъ излагаются и обстоятельства ареста въ слѣдующемъ видѣ.

Незадолго до пріѣзда Мещеринова въ Вилюйскъ, тамошній исправникъ получилъ письмо отъ своего помощника, объѣзжавшаго округъ. Помощникъ писалъ, что онъ встрѣтилъ Мещеринова и сомнѣвается въ его званіи по слѣдующимъ мотивамъ: 1) Мещериновъ ѣхалъ безъ казаковъ (должностныхъ лицъ въ глухихъ мѣстахъ Якутской области обыкновенно конвоируютъ казаки); 2) онъ сказалъ, что ѣхалъ черезъ Олекминскъ, но ничего не могъ разсказать объ олекминскомъ исправникѣ и проч., слѣдовательно не видался съ олекминскими чинами, что для

должностного лица невѣроятно; 3) онъ сказалъ, что ѣдетъ взять Чернышевскаго по предписанію иркутскихъ властей, между тѣмъ существовалъ циркуляръ никого не допускать къ Чернышевскому безъ особаго предписанія якутскаго губернатора. Кромѣ того въ бумагѣ упоминается о *недавнемъ* предписаніи усилить наблюденіе за Чернышевскимъ. Предупрежденный помощникомъ, вилюйскій исправникъ арестовалъ мнимаго жандармскаго офицера тотчасъ по его пріѣздѣ въ Вилюйскъ.

Во второй бумагѣ олекминскій исправникъ извѣщается, что бѣжавшій съ дороги мнимый Мещериновъ вновь задержанъ. Далѣе слѣдуютъ вопросы: какимъ образомъ олекминская полиція могла не знать о проѣздѣ Мещеринова черезъ городъ? Кто далъ ему лошадей? Предписывается впредь не допускать проѣзда частныхъ лицъ по олекминско-вилюйскому тракту. Отвѣта олекминскаго исправника я не помню,—кажется его и не было. Во всякомъ случаѣ въ отвѣтѣ не было ничего характернаго, и остается невыясненнымъ вопросъ: дѣйствительно ли Мышкинъ проѣхалъ черезъ Олекминскъ, или онъ повернулъ съ Лены раньше, напримѣръ, въ Мухтуѣ или близъ Нохтуйска.

Наконецъ, въ третьей бумагѣ якутскій губернаторъ сообщаетъ олекминскому исправнику объ отвѣтѣ, полученномъ изъ 3-го отдѣленія на донесеніе объ арестѣ Мещеринова. 3-е отдѣленіе сообщаетъ, что арестованный долженъ быть на самомъ дѣлѣ отставнымъ подпоручикомъ Грибоѣдовымъ, и что съ нимъ въ Сибири должна находиться нѣкая Зинаида Апсентова.

По этому поводу нужно сказать, что въ 90-хъ годахъ я встрѣчалъ въ Петербургѣ старика Грибоѣдова (нынѣ умершаго), на котораго указывали, какъ на человѣка, который въ молодости ѣздилъ съ Мышкинымъ въ Сибирь освобождать Чернышевскаго [1]). Фамиліи Зинаиды Апсентовой я нигдѣ въ печати не встрѣчалъ.

Изъ разсказаннаго мною явствуетъ съ очевидностью, что еще задолго до пріѣзда Мышкина въ Вилюйскъ у петербургской полиціи имѣлись агентурныя свѣдѣнія не только о томъ, что существуетъ намѣреніе освободить Чернышевскаго, но отчасти и о лицахъ, задумавшихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ виду этого предписано было усилить наблюденіе за сидѣвшимъ въ вилюйской тюрьмѣ Чернышевскимъ. Попытка Мышкина была, такимъ образомъ, заранѣе обречена на неудачу, какъ по причинѣ освѣдомленности полиціи, такъ и въ виду особенныхъ условій жизни въ пустынной Якутской области [2]).

М. Александровъ.

---

[1]) Это невѣрно. Въ то время, когда Мышкинъ уѣхалъ въ Сибирь, Грибоѣдовъ скрылся за границу и, не зная мѣстонахожденія послѣдняго, власти почему-то заподозрѣли, что онъ отправился въ Сибирь. *Ред.*

[2]) Надо думать, что изложенныя въ этой замѣткѣ обстоятельства, вызвавшія арестъ Мышкина, не были извѣстны и ему самому. Тѣмъ цѣннѣе, конечно, въ историческомъ отношеніи замѣтка М. С. Александрова. *Ред.*

Въ Шлиссельбургѣ [1]).

Пища духовная.

XXVIII.

Я выдѣлилъ въ особую главу нашу духовную пищу.

Въ началѣ я уже называлъ нѣсколько книгъ, читанныхъ мною въ первый годъ заточенія, и тѣмъ далъ уже читателю нѣкоторое понятіе о характерѣ нашей умственной пищи. Съ теченіемъ времени она разнообразилась все больше и больше. Такъ какъ самъ я не стоялъ на высотѣ всѣхъ знаній и не могъ перечесть всего, что находилось въ нашемъ распоряженіи, то мнѣ необходимо сойти съ личной почвы для того, чтобы ознакомить читателя полнѣе съ нашей сокровищницей знанія и, можно сказать, съ главнымъ жизненнымъ нервомъ, поддерживавшимъ въ насъ душу живу, охранявшимъ насъ отъ окончательнаго душевнаго разложенія.

На первыхъ порахъ, когда весь день, за исключеніемъ 2-хъ часовъ прогулки, проводился въ камерѣ, читалось особенно много. Запасъ книгъ небольшой и число нечитанныхъ быстро сокращалось.

Поэтому при каждомъ визитѣ кого-нибудь изъ Петербурга мы засыпали посѣтителей заявленіями о присылкѣ книгъ, заявленія эти дѣлались разно. Одни просили прислать «что нибудь по исторіи», «что нибудь по естествознанію». Другіе называли прямо тѣхъ или другихъ авторовъ, которыхъ знали по старой памяти. Если генералъ былъ въ духѣ и не пьянъ, или плотно и пріятно позавтракалъ передъ визитомъ, онъ относился внимательно къ нашимъ заявленіямъ и приказывалъ своему адъютанту тутъ же записать ихъ. Затѣмъ мы ждали приблизительно съ полгода результатовъ и обыкновенно на одну изъ пяти просьбъ получали то или другое удовлетвореніе.

Въ первый же годъ моей жизни посѣтилъ насъ Шебеко, тов. мин., завѣдующій полиціей, только что назначенный на мѣсто извѣстнаго своей жестокостью Оржевскаго, котораго прогнали въ Вильну послѣ нашего процесса. Со мной и Лукашевичемъ Шебеко

---

[1]) См. „Былое“ кн —4, 6, 7 8 и 9.

былъ тогда необыкновенно любезенъ. Товарищи острили по этому поводу, что онъ намъ обязанъ повышеніемъ и потому старался выразить намъ признательность за нашу услугу. Съ предупредительной улыбкой онъ спрашивалъ у меня, не могу ли я сдѣлать какого нибудь заявленія. И когда я сказалъ, что мнѣ желательно было-бы получить полный сводъ законовъ, онъ даже просіялъ отъ удовольствія, точно я польстилъ ему этой просьбой.

— Помилуйте, отвѣтилъ онъ: у насъ тамъ они даромъ валяются! Пришлемъ, непремѣнно пришлемъ!

И приказалъ адъютанту записать.

Но за всѣ 18 лѣтъ я такъ и не добился этого свода, хотя еще раза два повторялъ эту просьбу разнымъ лицамъ. Очевидно имъ совсѣмъ не хотѣлось, чтобъ мы вычитали тамъ что-нибудь насчетъ своихъ «правовъ» и затѣмъ цитатами оттуда повергали въ смущеніе своихъ высокихъ посѣтителей. Это дѣвственное невѣдѣніе законовъ систематически поддерживалось въ нашихъ душахъ вплоть до послѣдняго года, вопреки явному требованію, что никто не долженъ отговариваться ихъ невѣдѣніемъ. Зато любопытно было слышать, когда мѣстное начальство называло *закономъ* тотъ или другой § своей инструкціи. Когда въ 1903 году вышло новое уложеніе о наказаніяхъ, мы стали просить свою администрацію купить намъ его. Смотритель (Правоторовъ) обѣщалъ, будучи въ Петербургѣ, спросить разрѣшенія у директора, которымъ былъ тогда Лопухинъ, юристъ, и, можно думать, поборникъ и насадитель юридическихъ знаній. По словамъ Правоторова бесѣда его съ директоромъ на этотъ счетъ была кратка, но вполнѣ ясна.

— Заключенные говорятъ, что вышло новое уложеніе и просятъ купить его имъ.

— Да вышло. Вотъ оно лежитъ (и показалъ экземпляръ его). Но оно къ нимъ не относится, а потому и читать его имъ нѣтъ надобности.

Эта аргументація была особенно замѣчательна тѣмъ, что въ скоромъ времени это уложеніе примѣнено было именно къ однимъ политическимъ преступленіямъ, и значитъ должно бы относиться только къ намъ и никому другому.

Послѣ паденія Плеве намъ, все-таки, наконецъ, купили его. Однако, эта охрана насъ отъ язвы законности была совершенно излишней. У насъ все-таки были въ библіотекѣ и старое уложеніе, и уставъ о ссыльныхъ, и судебные уставы, полученные нами помимо департамента, откуда мы могли вычитать сколько угодно опасныхъ для нихъ цитатъ. Да болѣе откровенные изъ нихъ и не смущались этимъ, а прямо заявляли: «къ этой тюрьмѣ никакіе законы не относятся». И дѣйствительно, наивно было разсуждать о законности въ тюрьмѣ, гдѣ ровно 10 л. просидѣлъ на каторжномъ положеніи штабсъ-капитанъ М. Ф. Лаговскій, посаженный туда безъ всякаго суда и слѣдствія и несшій совершенно одинаковую участь съ лицами, приговоренными по суду къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

XXIX.

Пока книги присылались намъ изъ департамента натурой, мы всецѣло зависѣли отъ его усмотрѣнія и смотрѣли на свои книжныя хлопоты какъ на лоттерею: авось вытащишь выигрышный билетъ и тебѣ пришлютъ какъ разъ то, чего ты хотѣлъ и что требуется тебѣ настоятельно по ходу твоихъ занятій. А не пришлютъ, такъ похорони и свои умственные запросы и стремленія, какъ ты похоронилъ все остальное.

Но когда, съ 1897 г., намъ ассигновали опредѣленную сумму на выписку книгъ (именно 140 р.), наше положеніе при этомъ улучшилось очень мало. Мѣстный полковникъ либо разрѣшалъ, своею властью, покупать все, что мы закажемъ, либо нѣтъ, смотря по вѣянію въ высшихъ сферахъ. Но чаще составленный нами списокъ книгъ, которыя мы хотѣли бы купить на ассигнованныя деньги, отправлялся въ департаментъ, гдѣ валялся не менѣе полугода и возвращался къ намъ съ урѣзками, въ которыхъ никакой проницательный умъ не могъ усмотрѣть ни системы, ни основаній. Запрещенныя нынче книги мы нарочно записывали снова на будущій годъ и получали разрѣшеніе. Это полное отсутствіе руководящей мысли при запрещеніи и разрѣшеніи было очевидно даже нашимъ жандармамъ, которые въ книгахъ вообще были столько же свѣдущи, какъ и въ китайскомъ языкѣ. Спросишь, бывало, офицера, завѣдующаго покупкой книгъ:

— Ну, скажите пожалуйста, почему запретили мнѣ „Полное географическое описаніе нашего отечества подъ ред. Семенова?“

А вы, отвѣчаетъ онъ хладнокровно, напишите ее опять въ слѣдующій разъ, и тогда получите разрѣшеніе.

Даже Гефдингъ, очерки психологіи, былъ запрещенъ однажды. Всякій, у кого только бывалъ обыскъ,—а у кого-то теперь онъ не бывалъ?—знаетъ изъ практики, до чего невѣжественны въ книжныхъ вещахъ полицейскіе и жандармскіе агенты, ищущіе въ вашей библіотекѣ чего-нибудь предосудительнаго. Изъ нашихъ списковъ, посылавшихся въ департаментъ, мы имѣли неоднократно случай вывести убѣжденіе, что ихъ командиры, засѣдающіе въ департаментѣ, не менѣе невѣжественны. Когда ваши духовные интересы находятся въ рукахъ бурбона, облеченнаго неограниченною властью и высоко о себѣ думающаго и въ то же время круглаго невѣжды,—вы замѣчаете это на каждомъ шагу, потому что самоувѣренный бурбонъ постоянно попадаетъ въ просакъ. Если бы вы могли удовлетворять свои духовные запросы иными путями, независимо отъ него, то это зрѣлище своимъ глубокимъ комизмомъ доставило бы вамъ много развлеченія. Но мы были всецѣло въ ихъ рукахъ, постоянно чувствовали грубое прикосновеніе къ невиннѣйшимъ интеллектуальнымъ интересамъ, и потому намъ было не до смѣху.

Стоитъ ли прибавлять, что область соціальныхъ наукъ пользовалась особымъ вниманіемъ нашихъ властей и что громадное боль-

шинство ихъ запрещеній обрушивалось именно въ эту сторону. Тутъ запрещались книги исключительно за то, что въ своемъ заглавіи содержали терминъ „соціальный“. Никакому, напр., даже департаментскому невѣждѣ не пришло бы въ голову запрещать намъ Исторію древняго Рима. Но когда вышла въ свѣтъ, недавно, *соціальная* исторія древн. Рима, и мы выписали ее, понятно намъ запретили.

Это дало поводъ Г. А. Лопатину какъ-то предложить намъ— изгнать изъ нашихъ списковъ разъ навсегда терминъ „соціальный“, а писать вмѣсто него „салициловый“. Онъ же неоднократно пикировался по этому поводу съ департаментскими чиновниками, живописуя въ письмахъ къ своему брату ихъ безграмотность, безстыдство и наглость. Письма, конечно, читались въ Петербургѣ и возвращались ему обратно съ увѣдомленіемъ, что такое письмо отправлено быть не можетъ, и съ требованіемъ передѣлать его.

XXX.

Но курица по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ, говоритъ пословица. И несмотря на всѣ эти препоны, у насъ кое-что понакопилось. Все, что ни попадало къ намъ, оставалось у насъ и составляло вкладъ въ нашу библіотеку. Помаленьку, изъ года въ годъ, она расширялась, и къ концу нашей жизни въ ней считалось не менѣе 3,000 томовъ.

Образованію такой библіотеки больше всего помогли намъ журналы, гдѣ въ объявленіяхъ и библіографическихъ отдѣлахъ мы находили заглавія книгъ, и благодаря которымъ могли до нѣкоторой степени стоять на уровнѣ современныхъ знаній въ любой отрасли наукъ.

Съ цѣлью постоянно слѣдить за книжными новинками, мы выписывали много лѣтъ подрядъ «Извѣстія книжныхъ магазиновъ Вольфа», которыя давали намъ почти тотчасъ послѣ выхода даже въ такіе дни, когда не давали никакихъ журналовъ, кромѣ строго научныхъ.

Во избѣжаніе вторженія въ нашу библіотеку какого-нибудь поборника помраченія, который могъ бы приказать изъять лишнія книги, мы въ послѣднее время стали всячески сжимать каталогъ, веденіе котораго находилось всецѣло въ нашихъ рукахъ. Для этого авторъ съ многотомными и многоразличными сочиненіями записывался обязательно подъ однимъ №. Такъ подъ однимъ № стояли сочиненія Спенсера, Милля, Маколея, Карѣева, Золя, Дюма, Мопасана, Диккенса, М. Твэна, Шекспира и др. Точно также журналы разныхъ лѣтъ, но одного названія, числились подъ однимъ №. И все-таки у насъ было свыше 2000 номеровъ. Отдѣлъ изящной литературы, въ первые годы рѣшительно не разрѣшавшейся намъ, былъ особенно богатъ. Почти всѣ выдающіеся заграничные романисты были въ полномъ собраніи, и часто на двухъ языкахъ. Рус-

скихъ было мало. Но ихъ легко было достать изъ канцеляріи, откуда намъ давали даже Горькаго, правда послѣ многократныхъ обращеній. Отказы всегда аргументировались тѣмъ, что Горькаго не любятъ въ департаментѣ.

Каталогъ трудами Стародворскаго въ 1902 г. былъ разбитъ на много отдѣловъ, и въ каждомъ у насъ можно было найти кое что достойное вниманія. Тамъ были: лингвистика, медицина, физика и математика, зоологія, ботаника, геологія, анатомія и физіологія, юридич. науки, статистика, беллетристика, путешествія и пр. Человѣку съ универсальнымъ, хотя и диллетантскимъ интересомъ, жаловаться особенно не приходилось. Къ сожалѣнію, это богатство образовалось для насъ довольно поздно. Силы значительно ослабѣли. Интересъ къ знанію, безжизненному и непродуктивному, постепенно охладѣвалъ. И то, что въ молодые годы схватывалось и усвоивалось въ мѣсяцы, теперь приходилось изучать годы. П. В. Карповичъ, первый свѣжій человѣкъ, появившійся у насъ послѣ долгаго застоя, выразилъ рѣзкое порицаніе составу нашей библіотеки.

Для него, искавшаго отвѣтовъ почти исключительно на современные запросы общественной жизни, наша библіотека давала слишкомъ мало. Онъ только что оторвался отъ богатыхъ книгохранилищъ Европы и не переживалъ нашего прежняго убожества. Извѣстное дѣло: другая точка зрѣнія,—другія и сужденія.

XXXI.

Опасенія же наши насчетъ изъятій и сокращеній изъ нашей библіотеки имѣли подъ собой серьезныя основанія. Въ 1889 г. П. Н. Дурново, бывши у насъ съ визитомъ, усмотрѣлъ у кого-то въ камерѣ Исторію французской революціи Кинэ и полюбопытствовалъ заглянуть въ нашъ каталогъ. Тамъ было десятка два названій, которыя ему очень не понравились, почти исключительно изъ книгъ, привезенныхъ съ собой въ тюрьму нѣкоторыми изъ товарищей. Ранѣе этого ихъ разрѣшено было внести въ нашу библіотеку, теперь же онъ приказалъ ихъ изъять. Такъ какъ книги тогда были единственнымъ содержаніемъ нашей жизни, то почти всѣ мы были буквально потрясены этимъ безсмысленнымъ распоряженіемъ. Намъ казалось это началомъ возврата къ старому, когда кромѣ религіозныхъ книгъ не давали никакихъ, и когда люди готовы были идти на всякую крайность, вплоть до самоубійства, лишь бы избавить себя отъ такого идіотскаго прозябанія.

«Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ это», думалось и теперь почти каждому. Положеніе казалось настолько серьезнымъ и внушающимъ опасенія, настроеніе наше было такъ тревожно и безнадежно, что почти безъ всякихъ соглашеній, дѣлать которыя тогда было невозможно при нашей изолированности, рѣшено было выразить протестъ единственнымъ доступнымъ тюрьмѣ способомъ—голодовкой.

Какъ ни безсмысленнымъ кажется для многихъ этотъ самоубійственный способъ дѣлать непріятности своему врагу своимъ бокомъ, онъ имѣетъ за себя много резоновъ. И самый фактъ его частой повторяемости въ наши дни служитъ лучшимъ аргументомъ въ его пользу. Чтобы судить о голодовкѣ правильно, нужно принять во вниманіе импульсы, подъ какими складывается рѣшимость прибѣгнуть къ ней. Обыкновенно она является результатомъ не холоднаго обдуманнаго вывода, а какого-нибудь сильнаго аффекта, назрѣвавшаго постепенно въ тюремномъ положеніи или возникшаго сразу, благодаря случайной причинѣ, какъ это было у насъ. Слѣдовательно, къ сужденію о ней не приложимы доводы разсудка людей, небывавшихъ въ подобномъ положнніи. Но помимо этого, голодовка имѣетъ за себя и объективное основаніе, потому что она воздѣйствуетъ на людей, отъ усмотрѣнія которыхъ всецѣло зависитъ устранить или не устранить причину голодовки. Во многихъ случаяхъ, гдѣ причина голодовки лежитъ въ простой и даже незаконной небрежности, она даетъ лишній стимулъ для лицъ, вѣдающихъ судьбы людей и совершенно не думающихъ о нихъ.

А самое главное,—она, какъ и всякій ненормальный и выходящій изъ ряда вонъ пріемъ, чревата всякими неожиданностями. Благодаря этому, мѣстная администрація, которая присутствуетъ при ходѣ этой драмы, теряетъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Для нея, какъ для всѣхъ вообще чиновниковъ, дороже всего эта именно увѣренность и это отсутствіе опасеній. А тутъ вдругъ ей приходится 5, 6, 7, 8, 9 дней, изъ минуты въ минуту переживать подъ этой гнетущей мыслью и постоянно тревожить себя вопросомъ: а какъ-то посмотритъ высшее начальство, которое обыкновенно съ важностью отмалчивается, какъ на самую голодовку, такъ и на могущія произойти изъ нея неожиданности.

Девять жуткихъ дней провели и мы среди разнообразныхъ ощущеній, сопровождающихъ муки голода. Девять длинныхъ дней, изъ часу въ часъ, изъ минуты въ минуту мы переживали сложныя и мучительныя чувства, наединѣ съ самими собой, ничѣмъ не занятые и не отвлекаемые отъ болѣзненнаго самосозерцанія. Чтобы не измѣнить тона объективнаго разсказчика, я не внесу и въ этотъ драматическій эпизодъ лирическихъ нотъ. Физіологія давно и совершенно точно описала процессъ голоданія и всѣ связанныя съ нимъ психическія явленія. Къ этому я не прибавилъ-бы здѣсь ни одной детали.

Послѣдніе дни всѣ мы (въ голодовкѣ не участвовали кажется только четверо), лежали почти безъ движенія, какъ больные. Пищу перестали ставить мнѣ какъ и другимъ съ перваго же дня, какъ я отказался отъ нея и сказалъ вахмистру: «вѣдь все равно я буду выливать въ ватерклозетъ; такъ зачѣмъ же попусту изводить ее?»

На 8-й кажется день Буцинскій, и безъ того на половину больной, окончательно свалился. Докторъ зашелъ къ нему и сказалъ, что ничѣмъ не можетъ помочь, пока больной самъ намѣренно изводитъ себя. Въ то же время Стародворскій вскрылъ себѣ

гвоздемъ артерію на рукѣ съ цѣлью самоубійства и выпустилъ нѣсколько стакановъ крови, но былъ во время усмотрѣнъ. Выходило, такимъ образомъ, что мы, болѣе крѣпкіе, спекулируемъ на жизнь болѣе слабыхъ, или болѣе порывистыхъ. Не всѣ подумали объ этомъ заранѣе. Но когда такая перспектива стала воочію передъ глазами всѣхъ на самомъ порогѣ роковой развязки, отъ нея быстро отшатнулись. Изъ нашего угла, гдѣ были самые немощные, Буцинскій и Морозовъ, вышло предложеніе объ окончаніи протеста, и голодовку прекратили. Только Вѣра Николаевна да Юрковскій голодали еще лишнихъ два дня, пока не сдались на просьбы товарищей.

Какъ часто бываетъ, непосредственныхъ результатовъ она не принесла никакихъ, развѣ только расшатала окончательно здоровье Буцинскаго, который затѣмъ недолго протянулъ. Но безслѣдно она не прошла, и какъ одно изъ звеньевъ въ ряду причинъ, подкапывавшихъ суровые тюремные порядки, она сыграла свою роль. Возвратовъ къ старому въ книжномъ дѣлѣ не было, и никогда больше не повторялось въ нашей жизни это вторженіе въ библіотеку съ цѣлію производить въ ней сокращенія. И это несмотря на то, что въ ней накопилось, безъ вѣдома департамента, не мало книгъ, которыя были бы выброшены оттуда безъ всякаго милосердія любымъ ретивымъ охранителемъ. Нѣсколько книгъ были записаны даже въ каталогѣ не подъ своимъ заглавіемъ.

Отобранныя же книги мы получили полностью года черезъ 3 отъ Пахаловича, который принесъ ихъ изъ канцеляріи, гдѣ все это время онѣ лежали неприкосновенными и, разумѣется, безъ всякаго употребленія.

Зачѣмъ былъ продѣланъ этотъ экспериментъ in anima vili?

XXXII.

Какъ и во всей русской жизни, руководимой исключительно взглядомъ начальства, у насъ этотъ «взглядъ» особенно рельефно отражался на библіотечномъ дѣлѣ. Чего не разрѣшалъ одинъ директоръ, то разрѣшалъ другой, его преемникъ. Продуктъ его разрѣшенія, книга, разъ сданная, лежала неприкосновенною въ библіотекѣ. Ее всегда можно было взять и читать вторично, даже третично. Она не теряла вдругъ своей цѣнности. Всякій новый бурбонъ, запрещавшій купить новыя книги вродѣ имѣющихся у насъ, не касался того, что уже было. Если бы онъ каждый разъ перебиралъ библіотеку сообразно своимъ вкусамъ, намъ житья не было-бы.

Не то съ журналами. Старые прочитанные журналы не могли возбуждать никакого интереса. Намъ нужны были новые. И запрещеніе касающееся ихъ обрушивалось на насъ всею тяжестью, создавая такую атмосферу лишенія, величины котораго, можетъ быть, не представлялъ себѣ ясно и самъ запретитель. Даже митро-

политъ, вообще сдержанный и несклонный выражать осужденіе по адресу начальства, при посѣщеніи насъ въ іюлѣ 1904 г. назвалъ запрещеніе намъ журналовъ безцѣльной жестокостью.

Первый свѣжій журналъ намъ дали, должно быть, въ 1890 г. Этотъ, съ позволенія сказать, журналъ былъ «Паломникъ», и далъ намъ его священникъ по моей личной просьбѣ. Какъ ни мизерно его содержаніе, и какъ ни мало оно соотвѣтствуетъ нашему міровоззрѣнію, но его читали всѣ поголовно. До такой степени сильно было желаніе видѣть бумагу, недавно вышедшую изъ типографіи, въ тщетной надеждѣ найти тамъ какіе-нибудь отголоски общественной жизни. Отголоски эти, правда, находили, точнѣе истолковывали. И начитавшись такого журнала за цѣлый годъ, люди увлекающіеся спѣшили съ заключеніемъ:

— Ну, и ханжество же разлито всюду по Россіи.

У каждаго до такой степени сильна была потребность быть сыномъ своего времени, а не исторической категоріей, витавшей только въ области историческихъ временъ, что самый видъ года 1890, доселѣ нигдѣ больше невиданный въ печати, былъ уже пріятенъ. Это было какъ бы ниточкой, которая привязывала насъ къ современности. Вмѣстѣ съ этимъ ослаблялось одно изъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ—чувство насильственной отрѣшенности.

Это была первая ласточка. Весны она еще не дѣлала, но за нею со временемъ прилетѣли другія. Въ 1892 г. мы уже имѣли разные иллюстрированные журналы за прошлый годъ. И сколько же ихъ было тогда! Нива, Звѣзда, Сѣверъ, Историческій Вѣстникъ, Живописное Обозрѣніе, Природа и Люди, Родина, Лучъ, Развѣдчикъ, даже Будильникъ или Стрекоза и др. въ этакомъ родѣ. Изъ департамента прислали намъ серію «Нивъ» лѣтъ за 5—6. Остальные журналы собирались тутъ же отъ служащихъ. Часть выписывалась въ канцелярію. Ихъ давали якобы для переплета: переплетная мастерская въ это время была въ полномъ ходу и нѣсколько лицъ работали тамъ почти непрерывно. Гангартъ получилъ формальное разрѣшеніе давать намъ иллюстрированные журналы кажется уже потомъ, послѣ того, какъ такая выдача ихъ въ переплетную вошла въ обычай.

Журналы давали въ началѣ января разомъ за весь годъ. И при такомъ обиліи ихъ, да при страстномъ желаніи найти въ нихъ какъ можно больше интереснаго, мы поглощали массу дребедени и тратили на просмотръ ихъ столько времени, что послѣ этого стали, должно быть, значительно глупѣе. Чтеніе серьезное отошло на задній планъ, а такіе, съ позволенія сказать, органы, которыхъ ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ не сталъ бы въ руки брать, здѣсь не только бралъ, но и читалъ, соблазняемый ихъ свѣжестью. Думалось, что все, что ново, то и есть послѣднее слово. Къ тому же, о чемъ бы тамъ ни говорилось, все это были отголоски жизни, которая дразнила насъ своею недоступностью.

На первыхъ порахъ дали, можетъ быть, не всѣ названные журналы. Пока ихъ было мало, старался слѣдить за всѣми ими. Но

въ концѣ концовъ наплывъ ихъ былъ такъ великъ (всякому унтеру и даже родственнику унтера хотѣлось переплесть ихъ на даровщинку!), что скоро послѣдовало насыщеніе. А потому нѣкоторые поступали прямо въ переплетную и ихъ просматривали развѣ только тѣ, кто работалъ надъ ними. И только позднѣе, иногда черезъ годъ, я узнавалъ изъ отчета всю бездну премудрости, изливавшейся надъ нами.

Позднѣе, когда мы стали работать за плату, а охотниковъ сидѣть въ переплетной не было, эта бездна значительно сократилась.

XXXIII.

Какъ только совершился этотъ наплывъ, почувствовалась надобность въ особомъ должностномъ лицѣ, которое вѣдало бы пріемъ и сдачу этого литературнаго матеріала, а, главное, распредѣленіе его между жаждущими читать. Сдѣлать это было нелегко, потому что всякому хотѣлось снять сливки какъ можно скорѣе. Поэтому на тѣ журналы, гдѣ хроника была содержательнѣе, спросъ былъ со всѣхъ сторонъ. Устроить же частый обмѣнъ въ тюрьмѣ, не переставшей еще быть одиночною, было совсѣмъ не легко. И нашъ библіотекарь превратился въ «бухгалтера движенія», который пускалъ журналы въ ходъ, регулировалъ его, слѣдилъ за правильностью и при малѣйшемъ уклоненіи направлялъ ихъ опять на должный путь.

Для этого выработался практикой такой пріемъ. Предварительно библіотекарь спрашивалъ всѣхъ посредствомъ подписного листа, содержащаго списокъ выданныхъ ему смотрителемъ журналовъ: кто какой желаетъ читать ранѣе и на сколько времени думаетъ брать. Положимъ, одни хотѣли читать прежде «Сѣверъ,» другіе «Звѣзду,» третьи «Живописное Обозрѣніе» (и того до 150 №№), и большинство склонялось одолѣвать по 5 №№ въ день.

Тогда библіотекарь расчленяетъ всѣхъ своихъ кліентовъ на группы, сообразно ихъ желаніямъ, журналъ тоже разбивается на пучки или ежедневныя порціи, положимъ въ пять №№, каждая порція заключается въ особую папку, на которой наклеивается списокъ читателей по порядку, опредѣленному жребіемъ (т. н. маршрутъ) и первая папка каждаго изъ 3-хъ журналовъ сдается вахмистру для раздачи по номерамъ (въ оффиціальныхъ сношеніяхъ мы именовались не фамиліями, а номерами). На друдой день онъ выпускаетъ вторыя папки (съ №№ 6—10), на третій—третьи (№№ 11—15) и т. д. Если насъ 21 чел. то на 7-й день въ движеніи будетъ уже 21 папка. Каждый, прочитавши свою порцію, отправляетъ ее далѣе по маршруту черезъ вахмистра, для чего въ папку вкладываетъ билетикъ съ номеромъ лица, слѣдующаго за нимъ. По этимъ №№ дежурные и разносили папки, обыкновенно во время раздачи утренняго чая.

Но нерѣдко случалось, что дежурный ошибется и передастъ

папку не тому адресату (прочитавши напр. 11 вмѣсто 17). Межъ тѣмъ истинный адресатъ, не получая должнаго, бьетъ тревогу и требуетъ свою пропажу у библіотекаря. Тотъ пускается на поиски и дѣлаетъ это стукомъ, потому что въ первое время никакой другой способъ опроса не допускался. Стукъ не всякій услышитъ или не всякій пойметъ, папки не оказывается, и библіотекарь теряется въ догадкахъ, куда она могла пропасть. Благодаря разсѣянности нѣкоторыхъ, она залеживалась иногда у нихъ по нѣскольку дней. Въ свою очередь нарушеніе единичное могло повести за собой путаницу въ дальнѣйшемъ движеніи, распутывать которую становилось еще труднѣе. Нервные люди при этомъ нервничали. И всѣ подобныя мелочи иногда давали тонъ нашей обыденной жизни.

Но если нарушеній не было и все шло правильно, то каждый получалъ свою порцію, иногда двѣ, даже три, если журналовъ накоплялось много. Получалась непрерывная цѣпь, которая, какъ и всякій круговоротъ, затягивала человѣка и давала ему иллюзію обязанности—прочесть ежедневно положенное, несмотря ни на какія случайныя увлеченія ремесленными либо огородными работами. Приходишь иногда послѣ какой-нибудь тяжелой работы, весь изломанный, въ грязи и поту. Но вмѣсто отдыха сначала проглоти свою порцію духовой пищи, иначе ты, навѣрное, никогда не вернешь ее къ себѣ.

XXXIV.

Горемыкинъ, послѣ своего визита въ 1896 г., разрѣшилъ намъ всѣ журналы безъ исключенія за прошлый годъ, независимо отъ ихъ иллюстрированности. И мы стали покупать Вѣстникъ Европы, Міръ Божій, Русское Богатство, Revue des Revues, Reviw of Reviews, Научное Обозрѣніе, Хозяинъ. Послѣдніе два, впрочемъ, были разрѣшены и раньше, какъ научные и техническіе. Гангартъ давно уже выписывалъ для насъ Ремесленную газету, чертежи и рисунки которой много помогли намъ въ развитіи столярныхъ и токарныхъ вкусовъ и навыковъ. Давалъ онъ ее намъ не считаясь со временемъ и циркулярами, прямо по мѣрѣ выхода. А когди это упрочилось, мы выпросили у него и «Ниву» на тѣхъ же основаніяхъ и читали ее всегда изъ недѣли въ недѣлю до марта 1902 г., т. е. почти 10 лѣтъ подрядъ. Давалъ онъ ее свободно потому, что въ ней почти не было хроники, ради которой и дѣлались эти сроковыя ограниченія. Далѣе, самъ департаментъ по нашей просьбѣ присылалъ, начиная съ 1894 г., Вѣстникъ Финансовъ, по полугодію или по третямъ, нарушая, такимъ образомъ, самолично то предписаніе о прошломъ годѣ, которое онъ давалъ. Примѣръ былъ заразителенъ, и потому мѣстная администрація не особенно была строга на счетъ годичнаго возраста журналовъ и стала давать сначала «Хозяинъ» и «Научное Обозрѣніе,» а затѣмъ и другіе все въ болѣе свѣжемъ видѣ.

Департаментъ же разрѣшилъ намъ въ 1898 году выписать еженедѣльное изданіе Times'а и такимъ образомъ окончательно сгладилъ разницу между журналомъ и газетой. Въ виду этого Обухъ безпрепятственно выдалъ въ 1900 году 1-го января «Новое Время» за прошлый годъ, правда въ разрозненномъ видѣ, но все же въ большомъ количествѣ номеровъ. Если же прибавить сюда періодическія изданія, которыя мы стали получать черезъ доктора Безроднова изъ подвижного музея учебныхъ пособій (Начало, Жизнь, Новое Слово, Образованіе), то можно сказать, что въ отношеніи періодической печати въ послѣднее время мы были обставлены недурно и періодъ 1898—1901 гг. нужно назвать «эпохой просвѣщенія» въ нашемъ уныломъ и замкнутомъ мірѣ. Недоставало только свѣжей газеты, да и то годъ или два получался Сынъ Отечества (1899—1900), не считая еще газеты-журнала «Петербургъ», которая сама себя называетъ самой маленькой *газетой*. Любопытно, что я не встрѣчалъ рѣшительно нигдѣ объявленій объ изданіи этого «журнала», выходившаго тогда 3 раза въ недѣлю, кромѣ Ириновскаго вокзала на Охтѣ, откуда ѣздятъ въ Шлиссельбургъ. Простая ли это случайность? Эти газеты, равно какъ и Times постепенно стали выдавать намъ по мѣрѣ ихъ выхода.

XXXV.

Одновременно съ этими послабленіями насчетъ современныхъ свѣдѣній въ печати, окружающіе насъ унтера перестали держать языкъ за зубами и помаленьку втянулись въ откровенныя бесѣды съ нами, какъ на темы изъ мѣстной жизни, такъ и на общественныя. Свою администрацію они всегда цѣнили по достоинству и посвящали насъ во всѣ детали ихъ финансовыхъ операцій (съ ремонтомъ, поставками и пр.), именуя ихъ обычнымъ теперь въ печати грубымъ терминомъ, т. е. воровствомъ. Особенно, когда настала Бурская война и сочувствіе Бурамъ невольно сблизило насъ, мы не рѣдко читали съ ними на корридорѣ «сарая» какъ свою газету, такъ и ту, которую они приносили съ собой. За чтеніемъ слѣдовало обсужденіе и пренія. Но каждый разъ какъ мы старались подчеркнуть выгоды англійскаго способа правленія сравнительно съ русскимъ, они стыдливо опускали глаза въ землю. Изрѣдка только какой-нибудь ретивый изъ нихъ, увлекшись перечисленіемъ неправдъ, чинимыхъ русскими властями, неожиданно восклицалъ:

— Бить ихъ надо, такихъ сякихъ!

Мы смѣялись, но видѣли, что это только одно «плѣнной мысли раздраженье», и что послѣ этой вспышки увлекшійся жандармъ можетъ самъ на себя донести со слезами раскаянія.

Ихъ «политическую зрѣлость» я лучше всего охарактеризую, разсказавши свою бесѣду съ однимъ такимъ велерѣчивымъ хулителемъ русскихъ порядковъ. Въ Шлиссельбургѣ только что ввели

казенную продажу водки, и онъ ругалъ ее какъ только могъ. Я возражалъ, начитавшись Вѣстника Финансовъ, гдѣ ее превозносили выше небесъ. При этомъ я разсказалъ описанную тамъ экспертизу, когда десятокъ свѣдущихъ винопійцъ перепробовали въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ водки всѣхъ русскихъ заводовъ и единогласно вынесли резолюцію, что лучше казенной водки нѣтъ. Унтеръ спокойно выслушалъ и еще спокойнѣе сказалъ:

— Да если бы меня пригласили туда, то и я сказалъ бы, что лучше казенной нѣтъ.

На мое удивленіе и вопросъ: «почему?» онъ столь же невозмутимо отвѣтилъ, какъ бы удивляясь моей наивности:

— Да вѣдь за это чины и ордена даютъ!

XXXVI.

Начитавшись только что полученныхъ журналовъ, наша публика стремилась въ «клубъ», чтобы облегчить себя отъ излишняго бремени. Одинъ читалъ одно, другой другое, иной читалъ черезчуръ бѣгло и въ головѣ у него не осталось отчетливыхъ воспоминаній. Начинается порывистый обмѣнъ «новостей»: А слышали?.. А читали?.. и т. д.

Если слышали или читали всѣ собесѣдники, оказывается иногда, что кто-нибудь не дочиталъ или понялъ неправильно. Загорается споръ, идетъ провѣрка другъ друга и затѣмъ неизбѣжное пари: увѣряю, что тамъ такъ сказано... Другой увѣряетъ, что сказано иначе. Затѣмъ бѣгутъ домой или къ сосѣдямъ на розыски печатнаго первоисточника, и истина возстановляется.

Получалась, такимъ образомъ, иллюзія переживанія «современныхъ событій». Эта иллюзія заставляла спорщиковъ забывать, что событіе, о которомъ они говорятъ, описано, можетъ быть, еще годъ назадъ и давно кануло въ лету, и что, въ частности, спорить горячо и судить о современности по тѣмъ обрывкамъ ея, которые совершенно случайно проникали въ печать, было очень рискованно.

Подобно тому, какъ по Паломнику нельзя было составить никакого сужденія о современности, нельзя его было составить и по тогдашнимъ газетамъ. Для лицъ, безусловно отрѣзанныхъ отъ живого общенія и отъ слуховъ, питавшихъ русское общество въ то время, онѣ давали чрезвычайно убогій матеріалъ. Сейчасъ, какъ я пишу эти строки, всѣ газеты заполнены телеграммами и сообщеніями политическаго характера. Если бы правительство было въ силахъ сейчасъ водворить ту же цензуру, какая была тогда, всѣ газеты содержали бы массу свѣдѣній о вскрытіи рѣкъ, объ открытіи навигаціи, о пожарахъ и наводненіяхъ, о пріѣздѣ и отъѣздѣ градоправителей и т. д. въ этакомъ родѣ. И читатель, читающій въ какомъ-нибудь Шлюшинѣ подобную хронику, былъ бы лишенъ всякихъ свѣдѣній о самыхъ животрепещущихъ интересахъ, которыми волнуется сейчасъ все общество. Въ частности, сатири-

ческая пресса показала, какіе сюжеты въ ней преобладаютъ съ разрѣшенія и безъ разрѣшенія цензуры.

Если вообще русскій читатель того времени читалъ больше между строкъ, то въ частности мы должны были усиленнымъ творчествомъ воображенія создавать эту междустрочную хронику. Чтеніе періодическихъ изданій давало, такимъ образомъ, новое поприще къ обнаруженію этого творчества. И такъ какъ оно проявлялось не у всѣхъ одинаково и не у всѣхъ въ одномъ направленіи, то мы очень часто, благодаря этой субъективной предпосылкѣ, вычитывали изъ однихъ и тѣхъ же изданій различныя вещи. Особенно рѣзко это сказалось въ послѣдній годъ, когда двое изъ нашихъ товарищей, слишкомъ «патріотически» настроенныхъ, принимали за чистую монету все, что оффиціально сообщалось о войнѣ, и потомъ жестоко спорили со скептиками. Послѣдніе смотрѣли на это, какъ на сплошное вранье и судили «героевъ» Ялу, Портъ-Артура и всѣхъ прочихъ такъ, какъ они заслуживали съ общеисторической точки зрѣнія, которая гласитъ: истиннаго героизма не ищи въ арміи того государства, которое основано на кнутѣ, невѣжествѣ и безправіи, и гдѣ сверху до низу все продажно и лживо.

XXXVII.

Я не могу перечислить всѣхъ періодическихъ изданій, которыя перебывали у насъ въ разное время. Списокъ ихъ вышелъ бы довольно длиннымъ. Въ началѣ 1902 года мы получали каждый день по какому-нибудь новому изданію за текущій годъ, не считая тѣхъ, которые давались гуртомъ за прошлый годъ. Это были: Times, Harmsworth Magazine, Review of Reviews, Gartenlaube, Jllustration europaiene, «Хозяинъ», «С.-Петербургъ» и «Нива». Въ 1901 г. сверхъ того получались «Климатъ» (Демчинскаго) и «Журналъ Птицеводства».

Я завѣдовалъ въ это время книжнымъ дѣломъ и уже привыкъ получать ежедневно что-нибудь новенькое, какъ вдругъ случился нашъ крахъ, и всѣ выдачи сразу же были пріостановлены. Перепугавшееся начальство, которому навѣрное сообщили о готовящейся ревизіи, стало усиленно отбирать у насъ всякую литературу, еще недавно наполнявшую наши камеры. Вмѣстѣ съ кипами газетъ «Новое Время» и «Россія» Гудзь поусердствовалъ отобрать даже сборники «Нивы» «Литературное приложеніе». Въ одинъ день мы вдругъ сѣли какъ раки на мели.

Чего стоило намъ приспособиться въ эти дни къ такому лишенію, едва ли стоитъ распространяться объ этомъ. Въ тюрьмѣ всякое новое отнятіе на фонѣ общихъ лишеній чувствуется особенно интенсивно. Такое же лишеніе, какое теперь надъ нами разразилось, было невообразимо тягостно. Только благодаря тому, что весь интересъ у насъ сосредоточился на участи Вѣры Николаевны, сорвавшей погоны съ Гудзя, мы могли сравнительно легко пере-

нести первыя недѣли кризиса. А когда тревога за Вѣру Николаевну стала стихать и мы успокоивались на мысли, что дѣло окончится ничѣмъ, радость отъ такой развязки нѣсколько вознаградила насъ за литературныя утраты. Къ тому же мы имѣли уже основаніе думать, что репрессіи надъ нами есть результатъ событій «на волѣ», и что если это есть отместка *намъ*, то, очевидно, за что-то серьезное, сдѣланное *имъ*.

XXXVIII.

Въ первое время, пока политика Плеве еще не опредѣлилась въ отношеніи насъ, намъ обѣщали вернуть отнятое въ недалекомъ будущемъ. Но затѣмъ всякія обнадеживанья скоро прекратились: очевидно, не тѣмъ запахло въ воздухѣ. Продолжали давать по инерціи только „Хозяинъ", какъ журналъ, трактующій объ удобреніи и проч. матеріяхъ, имѣющихъ непосредственное приложеніе къ нашей жизни. Но и въ немъ сначала начали вырѣзать хронику, а потомъ и совсѣмъ прекратили выдачу подъ тѣмъ предлогомъ, что «Хозяинъ» пересталъ выходить. Въ свое же время мы узнали, что это было неправда, но невыданныхъ номеровъ Яковлевъ такъ и не возвратилъ, несмотря на всѣ хлопоты.

Остались у насъ только строго научные журналы: Knowledge (ежемѣс.), Naturwissenschaftliche Wochenschrift (еженед.) Chemical News (еженед.) и Журналъ Физико Химическаго Общества (ежемѣс). Иностранные журналы выдавали намъ вскорѣ послѣ ихъ выхода, но съ нѣкоторой задержкой, ссылаясь на то, что они просматриваются. По словамъ смотрителя, англійскіе журналы просматривалъ кто-то изъ англичанъ съ мѣстной фабрики, принадлежащей англійской К°. И намъ горько было слышать, что нашелся англичанинъ, способный исполнять обязанности сыщика въ интересахъ нашихъ жандармовъ. Въ Knowledge'ѣ нерѣдко были вырваны листы съ объявленіями, очевидно рукою импровизованной цензуры.

Даже „Извѣстія" Вольфа были запрещены въ это время. Но что извѣстія! Это все-таки періодическій органъ. Запретили даже календари—всѣ, кромѣ отрывныхъ. Мы смѣялись, что нами правитъ, должно быть, тайное общество, которое не допускаетъ, чтобы мы знали ихъ имена, печатающіяся обыкновенно въ календаряхъ.

Въ началѣ 1904 г. я какъ то при свиданіи спросилъ Яковлева прямо:

— Вѣдь Вы не дадите мнѣ календарь Гатцука? при чемъ для наглядности указалъ тутъ же на этотъ календарь за 1901 г.

— Нѣтъ, не дамъ, отвѣчалъ онъ столь же опредѣленно.

— Тогда не дадите ли мнѣ вотъ этой статистической таблицы, которая къ нему прилагается ежегодно? Все остальное можете оставить у себя.

Онъ обѣщалъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ этотъ Календарь за 1904 г. Изъ него вырвано было все, что указывало на современность, въ томъ числѣ и „сказаніе объ открытіи мощей

Св. Серафима Саровскаго". Конечно, это было усердіе мѣстныхъ властей, но они правильно рѣшили, что открытіе мощей есть дѣло политическое, и потому сказаніе о немъ, какъ обо всемъ политическомъ, не должно быть допущено до насъ.

Въ это время мнѣ не давали даже церковныхъ Вѣдомостей, оффиціальнаго органа св. Синода, который я уже много лѣтъ получалъ отъ священника регулярно. А такъ какъ нельзя было привести никакого резона о такомъ отказѣ, то смотритель принесъ мнѣ отвѣтъ якобы отъ лица священника, къ которому я отправилъ его съ просьбой:

— «Батюшка въ этомъ году не выписывалъ ихъ!»

Это была явная ложь, одна изъ тѣхъ лжей, которыя приходилось скрѣпя сердце выслушивать отъ нихъ ежедневно во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ.

На другой годъ я видѣлся со священникомъ наединѣ, и потому этотъ резонъ было неудобно повторить. Поэтому обѣщали Церковныя Вѣдомости выдать, но послѣ спеціальнаго просмотра. И вотъ начинается этотъ просмотръ и тянется затѣмъ цѣлые мѣсяца. Лѣнивые и отупѣлые, они даже такой работы не могли сдѣлать безъ сильнаго долговременнаго напряженія. Вырывать что-нибудь изъ „св. отцовъ" было черезчуръ зазорно, поэтому они задерживали цѣлые №№, если тамъ встрѣчалось что нибудь недопустимое съ ихъ точки зрѣнія.

На мой прямой вопросъ къ Правоторову:

— Да почему это вы даже Синодскія Вѣдомости не можете выдать полностью?

Онъ отвѣчалъ съ особой многозначительной интонаціей:

— Нельзя! Все они лѣзутъ туда, куда ихъ не спрашиваютъ. Это значило: позволяютъ себѣ судить о чемъ-то другомъ, выходящемъ изъ сферы узко церковной. Это неразвитое дитё такъ забавно и такъ недипломатично отразило на себѣ все то, чему оно наслышалось въ департаментскихъ сферахъ, что мнѣ оставалось только поучаться при видѣ того, какъ одно охранное вѣдомство, присвоившее себѣ монополію охранительныхъ функцій, ревниво смотритъ на вторженіе въ свою область другого охранительнаго вѣдомства. Подобное этому, говорятъ, можно встрѣтить только въ глухой провинціи, гдѣ постоянно пикируются между собой власти полицейская и жандармская—изъ за наградъ и добычи, перебиваемыхъ другъ у друга.

За эти цѣлые два года намъ выдали еще, кромѣ названныхъ, только два техническихъ журнала, одинъ англійскій, другой американскій, которые выписывались, очевидно, англичанами, служащими на Шлисс. хлопчато-бумажной фабрикѣ. Вѣроятно владѣльцемъ этихъ изданій было то же самое лице, которое оказывало услуги Яковлеву, производя досмотръ нашихъ собственныхъ англійскихъ журналовъ.

Такъ какъ за 1902 г. нами уже были выписаны до катастрофы «Міръ Божій» и «Русское Богатство», то намъ въ концѣ концовъ вы-

дали ихъ. Но, Боже мой, что это были за журналы. По устному полномочію отъ департамента, на которое ссылались наши власти, они вырвали изъ нихъ не только всю хронику, но и всѣ статьи, которыя, на ихъ просвѣщенный вкусъ, казались „неудобными“. Вырваны были даже такія статьи, какъ „Биконсфильдъ, государственный дѣятель“. Не одно поколѣніе русскихъ писателей переживало много мучительныхъ часовъ, проводя продукты своей мысли сквозь цензуру. Но никому и никогда еще не приходилось переносить такой цензуры, какъ эта. Она, какъ и всюду, тоже была неодинакова: на усердіе смотрителя мы жаловались сверхусердствующему Яковлеву, и тотъ иногда обнаруживалъ „великодушіе“, и приносилъ самолично то цѣлую хронику, болѣе невинную, за какой-нибудь одинъ мѣсяцъ, то цѣлую статью. Не нужно и добавлять, что всѣ журналы послѣ такой операціи распадались на отдѣльные листочки и вообще имѣли самый невозможный видъ.

И все-таки жажда новизны была такъ сильна въ насъ, что она пересиливала отвращеніе къ такому изуродованію и къ ежедневнымъ хлопотамъ по поводу каждой вырванной вещи. А потому мы и на слѣдующій годъ выписали тѣ же журналы на деньги, ассигнованныя намъ на книги, хотя и получали за свои деньги меньше половины печатныхъ листовъ. Вырванъ былъ даже разсказъ Вересаева „На поворотѣ“.

XXXIX.

Особенно тщательно охраняли насъ въ 1904 г., съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, отъ всякихъ свѣдѣній о войнѣ и даже отъ самыхъ намековъ на войну.

О началѣ войны мы узнали уже въ февралѣ того же года по газетному обрывку, который подсунутъ былъ однимъ изъ нашихъ добрыхъ геніевъ. Такой же геній подсунулъ намъ и свѣдѣніе объ убійствѣ Сипягина, которое вовсе не было занесено вѣтромъ, какъ ошибочно огласилъ это М. Ю. Ашенбреннеръ, самъ не знавшій этого. Затѣмъ, по лицамъ унтеровъ, читавшихъ газеты ежедневно на нашихъ глазахъ, мы слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій. И, признаться, судили о немъ совершенно правильно. На лицахъ ихъ ежедневно читалось одно и тоже:

— Никакого успѣха!

Только о смерти Макарова мы узнали изъ журнала Ф. Х. общества, причемъ тамъ была вырвана цѣликомъ статья, посвященная ученымъ заслугамъ этого адмирала. Но гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и какъ онъ умеръ, ничего не было извѣстно. За весь 1904 г. больше мы не узнали ничего. Въ письмахъ всякій намекъ на войну тщательно вымарывался. Попову писали, что его тетка ухаживаетъ за больными и *ранеными*: послѣднее слово было густо замазано чернилами. Но и тутъ однажды не досмотрѣли и въ письмѣ къ Вѣрѣ Николаевнѣ пропустили строку, что ея родственникъ докторъ отправился на войну. Это дало намъ по-

водъ заговорить съ начальствомъ о войнѣ открыто. Конечно, они отрицали самый фактъ ея существованія, и Голубчикъ готовъ былъ клясться и божиться, что никакой войны у насъ нѣтъ.

Наконецъ мы дожили до того, что война и формально объявилась. Это было въ ноябрѣ 1904 г., когда намъ опять возвратили разрѣшеніе, на самомъ дѣлѣ никогда оффиціально не отмѣнявшееся, читать журналы за прошлый годъ. Кому мы были обязаны этой реставраціей правъ, я не знаю. Яковлевъ, конечно, приписывалъ это себѣ. Но мы уже слишкомъ хорошо знали, что онъ могъ только лишать да отнимать, а отнюдь не возвращать. Даже и здѣсь онъ постарался изгнать газеты окончательно изъ этого разрѣшенія, а прошлый годъ истолковалъ въ узко буквальномъ смыслѣ, т. е. выдавалъ то, что вышло изъ печати ровно годъ тому назадъ. Сначала онъ хотѣлъ выдавать такъ изъ недѣли въ недѣлю; но потомъ смягчился и сталъ давать разомъ за мѣсяцъ, причемъ въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца мы получали все, что печаталось въ будущемъ мѣсяцѣ прошлаго года.

XL.

Установилась весьма своеобразная иллюзія, какъ будто мы очутились на такой отдаленной планетѣ, до которой свѣтовые лучи достигаютъ ровно черезъ годъ. Мы слѣдили шагъ за шагомъ, съ полной постепенностью, за рядомъ событій и такъ входили въ курсъ дѣла, что готовы были считать ихъ за самоновѣйшія. Также спрашивали другъ друга: что новаго? и также передавали другъ другу „свѣдѣнія“ о томъ, что было годъ назадъ. То, что мы читали сейчасъ, намъ казалось совершившимся въ теченіи этого мѣсяца. А то, что читали въ прошлый разъ, представлялось совершившимся мѣсяцъ тому назадъ.

Когда Портъ-Артуръ уже палъ и разразилась Мукденская катастрофа, когда окончательно и для слѣпыхъ стали явны полныя неудачи русскаго оружія, мы только что приступили къ чтенію перваго мѣсяца войны и къ описанію тѣхъ всеобщихъ „ликованій“, которыми будто-бы повсюду было встрѣчено объявленіе войны. Едва ли кто-нибудь въ Россіи, кромѣ насъ, имѣлъ случай перечитывать всѣ „патріотическія“ завыванія первыхъ дней войны — въ то время, когда крушеніе надеждъ было уже полное и когда лакейство и глупость смиренномудрствующихъ писателей выступало съ особенной назидательностью. Особенно, когда суемысліе они выдавали за волю и намѣреніе Божества.

Сами жандармы подъ вліяніемъ пораженій и событій внутренней жизни стали разговорчивѣе и начали передавать устно кое-что о самыхъ послѣднихъ новостяхъ, о которыхъ прочесть мы могли-бы только черезъ годъ. Такимъ образомъ мы узнали главное и про Мукденъ, и про походъ Рождественскаго, и про Цусиму.

Послѣ всякаго наиболѣе крупнаго краха дежурные, у которыхъ

въ груди билось солдатское сердце, не могли сдержать своего негодованія и, не взирая на строжайшій запретъ, увлекались разговорами промежъ себя такъ громко, что кое-что долетало и до насъ. И доставалось же тутъ злосчастному Куропаткину, этому недавнему идолу, баловню судьбы и надеждѣ Россіи! Офицера тоже разсказывали многое, преимущественно по «Новому Времени».

Потомъ подъ вліяніемъ газетъ, рѣчи нашихъ унтеровъ стали дышать укоризной по адресу бюрократіи. И особенно забавно было слышать эти укоры изъ устъ нашего вахмистра, который самъ былъ типичнѣйшимъ воплощеніемъ бюрократическаго режима въ своей сферѣ.

— Ну, думалось при этомъ, „Царство, раздѣлившееся на ся непремѣнно запустѣетъ“.

Наконецъ, лѣтомъ 1905 г. доходили до моихъ ушей такія рѣчи о самодержавіи и ограниченіи его, читанныя унтерами въ газетахъ, за которыя прежде насъ въ Сибирь ссылали. Было очевидно, къ чему идетъ. Вскорѣ мы получили и положеніе о Булыгинской Думѣ въ № Правительств. Вѣстника, который былъ намъ данъ по спеціальной просьбѣ. Единственнымъ же свѣжимъ періодическимъ органомъ были только «Извѣстія» Вольфа, гдѣ мы читали необыкновенныя для насъ вещи о *свободѣ* совѣсти, печати и пр. Наконецъ, получили даже книжку «Конституціонное государство»—сборникъ статей, трактовавшихъ въ общедоступной формѣ вещи, совершенно непозволительныя для русской печати.

И все это время у насъ одинъ глазъ былъ устремленъ на вопросы текущаго момента, а другой съ прежней постепенностью перечитывалъ битву при Тюренченѣ, Цзинжоу, Вафангоу, Дашичао, Ляоянѣ, вплоть до Шахэ, послѣ ознакомленія съ которой мы вышли на волю. Подробностей о взятіи Портъ-Артура, Мукденской и Цусимской катастрофѣ мнѣ такъ и не пришлось читать до сихъ поръ.

XLI.

Въ настоящій моментъ, когда ликвидировали въ Шлиссельбургѣ охранявшее насъ жандармское управленіе, наша библіотека, какъ говорятъ, перевезена въ департаментъ полиціи и, вѣроятно, далеко не въ полномъ составѣ. Смотрѣли на нее, какъ на казенное имущество, и поступали, конечно, соотвѣтственно этому. Между тѣмъ въ ней, по самой скромной оцѣнкѣ, было по крайней мѣрѣ рублей на 500 нашихъ собственныхъ книгъ.

Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя присылались изъ департамента, а затѣмъ покупались на ассигнованныя намъ деньги, въ нашу библіотеку вошли:

1) книги, привезенныя съ собой многими товарищами. Ихъ насчитывалось болѣе 150 названій.

2) Книги, купленныя на деньги, оказавшіяся у нѣкоторыхъ изъ товарищей при доставкѣ ихъ въ Шлиссельбургъ, въ томъ числѣ

и на деньги, вырученныя отъ продажи костюма и проч. вещей Карповича. Костюмы же всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и мой, какъ говорятъ, были преданы сожженію.

3) Книги, которыя мы покупали на свои заработанныя суммы. Напр. въ одномъ 1904 году было затрачено не менѣе 25 руб. изъ этихъ суммъ. Такъ оплачены были напр. десятитомныя воспоминанія Фабра (Souvenirs enthomologiques) и журналъ физико-хим. общества.

4) Книги, пожертвованныя намъ частью черезъ подвижной музей изъ Петербурга, частью черезъ Пахаловича и др. чиновъ администраціи.

Я еще не говорилъ, что Пахаловичъ вообще доставлялъ намъ много книгъ для чтенія. Откуда онъ ихъ бралъ, мнѣ неизвѣстно; но онъ охотно и въ изобиліи доставлялъ ихъ, на русскомъ и франц. языкахъ и притомъ большею частью такого сорта, какихъ мы не могли разсчитывать получить оффиціальнымъ путемъ. Отъ него напр. мы могли получать все главное по политической экономіи, начиная съ Маркса, который въ то время, особенно въ жандармскомъ вѣдомствѣ, считался настоящимъ жупеломъ. До этого, отдѣлъ политич. экономіи у насъ представленъ былъ исключительно Шторхомъ, забытымъ русскимъ экономистомъ временъ Александра I, и Тьеромъ съ его трактатомъ «о собственности». Многія изъ доставленныхъ черезъ Пахаловича книгъ, въ томъ числѣ и три тома свода законовъ, поступили совсѣмъ въ нашу библіотеку.

Іюнь 1906 г.
Выборгъ.

М. Новорусскій.

Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго.

(По неизданнымъ даннымъ).

I.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1848 года въ Петербургѣ случилось слѣдующее происшествіе.

Въ домъ Буданиной, что по Гороховой улицѣ между Садовой и Семеновскимъ мостомъ было подано письмо или, какъ въ то время говорили, „пашквиль". Подалъ письмо неизвѣстный молодой человѣкъ, по описанію, „средняго роста, лицо бѣлое, носикъ острый, въ сѣрой шинели, фуражка à la polka". Письмо было доставлено въ III-ье отдѣленіе и доложено начальнику его графу А. Ф. Орлову. Повидимому, въ намѣренія автора какъ разъ и входило, чтобы шефъ жандармовъ (онъ же начальникъ III отдѣленія) прочелъ это письмо. Письмо же заключало въ себѣ обращеніе къ графу Орлову нижеслѣдующаго содержанія [1]):

Орловъ!

Ни древняя, ни средняя, ни новая исторія не передаютъ намъ столь поучительнаго примера тому, что совершается въ наше время! — Западъ просвещенной Европы, отъ Франціи до Россіи, взволновался—ринулся къ ниспроверженію властей.— Что причиною такого бурнаго, всеобщаго возстанія народовъ противу властей? — сами власти! — Законы, которыми охраняется безопасность, созидается щастіе и благоденствіе народа, парализированы властями! — Жадность къ обогащенію, неправосудіе и наглое самовластіе повелителей народовъ, а равно и тѣхъ, которые окружаютъ троны ихъ, эти надменные памятники злополучнаго народа, угнетаютъ все, что ниже ихъ, и что поручено ихъ власти, все это, въ безуміи своемъ, вздумали щитать неравными имъ созданіями Божіими, не изъ того же, будто бы, матеріала, какъ и они, созданными, а какими то презрѣнными тварями, или вещами, стоящими внѣ природы человѣческой, сработанными неискуснымъ мастеромъ, или случайною игрою природы.—Сверхъ того, захвативъ себѣ всѣ преимущества и отличія, народу оставили только тяжкій кровавый трудъ и горькую нищету.

Вотъ источникъ, изъ котораго по Западу Европы пролился бурный потокъ, угрожающій теперь, справедливо парализировать личныя власти и со-

---

[1]) Приводимъ съ сохраненіемъ правописанія.

крушить ихъ могущество. Народы долго стонали подъ бременемъ необузданнаго самовластія!—Этому стону не внимали Цари, усыпленные своими кромешниками—что остается дѣлать измученному народу? Употребить свою силу противу беззаконной силы властей! Нарушителей закона, Божескаго и человѣческаго, злоупотребителей власти, — низпровергнувъ ихъ, установить новый порядокъ, согласный съ благомъ народа, порядокъ, пользу котораго ближе знаетъ и чувствуетъ самъ народъ, ибо цари, до безчувственнаго опьяненія упившись своимъ величіемъ, забыли, что они цари, подобныхъ имъ человѣковъ.

Не дерзость, не безуміе, какъ реветъ Николай, а светлое благоразуміе, просіявшее изъ света наукъ, угрожаетъ подобнымъ возстаніемъ, не Россіи, а мерзкимъ властямъ въ Россіи—урокъ данный властямъ просвѣщенными народами запада, долженъ быть прочитанъ имъ и у насъ въ Россіи, ибо между нашими властями есть люди, вышедшіе изъ вонючей грязи, и, эти-то люди, не по достоинству и прямой заслугѣ отечеству, поднявшись изъ ничтожества на опасную высоту власти, смотрятъ съ нее на все и на всѣхъ, что ниже ихъ, съ презрѣніемъ давятъ, угнетаютъ все въ угожденіе своему обожаемому кумиру. Такъ! урокъ этотъ неизбѣжно долженъ выполниться и разразиться надъ пустыми и надутыми головами властолюбцевъ — будетъ! и будетъ тоже въ Россіи, если еще не въ сильнѣйшемъ, какъ на западѣ, разгарѣ озлобленнаго народа русскаго, страшнаго на поляхъ битвы, ужаснаго въ пылу мятежа противу разсвирѣпѣвшаго беззаконія властей. Истые по крови и вѣрѣ угнетенные русскіе, должны ожидать этой минуты, какъ благословенія небесъ!.... стонъ народовъ услышанъ небесами на Западѣ Европы!....

Орловъ! ты хвалишся дружбою къ Николаю! скажи ему, что ежели нехочетъ онъ, чтобы царствованіе его заключилось позоромъ и низверженіемъ . . . . . , то пусть ежели его благо неразрывно съ благомъ русскихъ, какъ говоритъ онъ всенародно, пусть предупредитъ у насъ ужасную грозу, которая поучительно поднялась съ Запада Европы, — пусть вникнетъ въ дѣйствія своихъ обаятелей кромешниковъ, подлыхъ министровъ — пусть приклонитъ слухъ свой къ воплю обиженныхъ, угнетенныхъ и слѣдовательно раздраженныхъ противу властей, а такихъ у насъ, къ несчастію, много! очень много!—пусть добросовѣстно – съ заботливымъ вниманіемъ заглянетъ въ разные низшіе и высшіе, до сената и далѣе суды,—эти торжища юстиціи, въ которыхъ правосудіе продается публично, ненаказанно — пусть для блага народа истребитъ разсвирѣпѣвшее тамъ зло неправосудія и лихоимства пусть вникнетъ, какъ непрестанными налогами на разные предметы ограбляется народъ въ пользу своего властелина и его любимцевъ — впрочемъ что объ этомъ плодить слова напрасно—Царская Славянка, есть свѣжій, подлый памятникъ несправедливости и насилія . . . . . , памятникъ постыдный для жадности . . , ненасытившагося еще ограбленіемъ народа!

Будетъ!.... и будетъ такъ.. а некакъ думаетъ Николай съ своими кромешниками!.. Сѣмя искусною рукой брошенное въ подготовленную землю, при тщательномъ и неусыпномъ надзорѣ, хотя и будетъ можетъ быть полито кровью, однако выростетъ, принесетъ желаемый плодъ и жатву обильную!..

Такъ судьбы раздраженнаго народа вступили нынѣ въ славную борьбу съ судьбою царей, — сладко, беззаботно уснувшихъ въ объятіяхъ неограниченнаго самовластія, тиранскаго для человѣчества... народы вышли уже изъ младенческой колыбели—возмужали—нельзя теперь убаюкивать ихъ ничтожными ласками—эфемерными обѣщаніями, однимъ словомъ безстыдно обманывать, а въ случаѣ устрашать силою власти, которая, предъ глазами всего свѣта, замаралась въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ!

Начинается борьба страшная, великая; но давно и глубоко обдуманная, восторжествуетъ надъ ложными земными Богами, подлою лестію такъ названными, которые сдѣлались презрѣнными и отвратительными въ глазахъ угнетенныхъ народовъ!..

Разумейте Цари! что гласъ народа есть Гласъ Божій, покаряйтеся яко съ народомъ Богъ.

Истый Русскій.

Не знаемъ, какое впечатлѣніе произвела на Орлова эта своеобразная прокламація, содержаніе которой стало извѣстнымъ III-му отдѣленію. Кѣмъ бы ни было написано это обращеніе, оно во всякомъ случаѣ характерно для настроенія извѣстной, весьма незначительной, конечно, части общества въ 1848 году.

Дѣлу съ „пашквилемъ“ или, точнѣе, дѣлу „о безыменномъ письмѣ съ возмутительными предсказаніями насчетъ будущаго въ Россіи“ былъ данъ ходъ. III-ье отдѣленіе рѣшило разыскать автора. На письмѣ Л. В. Дубельтъ положилъ слѣдующую помѣту: „спросить Булгарина“, а на запискѣ о лицѣ, подбросившемъ письмо, его же рукой помѣчено „искать въ типографіяхъ.“

Вѣрный другъ III-го отдѣленія Ѳ. В. Булгаринъ пустилъ въ ходъ свои критическія способности и весьма скоро, на основаніи критическаго анализа, представилъ рукопись, озаглавленную имъ весьма деликатно: „догадки“. На самомъ дѣлѣ „догадки“ представляли сплошной доносъ. Вотъ онѣ:

Догадки.

1. Письмо непремѣнно писано человѣкомъ, владѣющимъ хорошо Русскимъ языкомъ.—Еслибъ мнѣ пришлось поправлять слогъ, едва ли я нашелъ бы что поправить.—Относительно правописанія очевидно, что *яти* (ѣ) поставлены *умышленно* не на своихъ мѣстахъ.—Писалъ письмо Русскій человѣкъ, а Русскіе, не знающіе основательно грамматики, по свойству Русскаго произношенія,—смягчающаго букву *е* и всегда ставятъ *ѣ*, тамъ гдѣ должно быть *е*. Въ письмѣ напротивъ ѣ поставлены иногда правильно; а чаще вмѣсто *ѣ*—стоитъ *е*. Слово *Кромешники* находящееся въ письмѣ доказываетъ, что Авторъ занимался Русскою Исторіей—ибо это слово не употребляется ни въ разговорѣ, ни въ Изящной словесности—и первый Карамзинъ ввелъ его въ Исторію, означая словомъ *Кромешники* (правильно кромѣшники) тѣлохранителей Царя Іоанна Васильевича Грознаго, названныхъ *опричниками*. Кромѣшникъ—то же что *злой духъ*, отъ тьмы *кромѣшнія* т. е. *ада*.

2. Воспоминаніе о покупкѣ Государемъ Славянки могло превратиться въ преступленіе только въ головѣ человѣка близкаго къ кругу Графини Воронцовой-Дашковой. Бабушка Графа В. А. Соллогуба, извѣстнаго писателя,

урожденная Нарышкина, тетка покойнаго Кириллы Александровича Нарышкина, слѣдовательно, Графъ В. А. Соллогубъ близкій родственникъ Графини Воронцовой-Дашковой. Не говорю, что Соллогубъ писалъ письмо—но какъ у него бываютъ Литературныя Собранія, равно и у Князя Одоевскаго, на которыхъ собираются всѣ сотрудники и издатели Отечественныхъ Записокъ и Современника, т. е. писатели, такъ называемой натуральной школы, то невозможно, чтобъ въ этихъ собраніяхъ не было рѣчи о Славянкѣ, занимавшей все высшее общество. -Тутъ у одного изъ присутствующихъ въ собраніи могла родиться мысль о мнимой несправедливости, оказанной Графинѣ Воронцовой-Дашковой.

3. Болѣе и смѣлѣе другихъ вопіютъ нынѣ въ пользу революцій. молодой писатель Бутковъ, сотрудникъ Отечественныхъ записокъ и Современника, авторъ юмористическаго сочиненія: „Петербургскія Вершины". Некрасовъ, издатель Современника (одинъ изъ трехъ издателей: два другіе суть Ценсоръ Никитенко и Иванъ Ивановичъ Панаевъ)—и несчастный Фейгинъ, пріятель Краевскаго, который часто обѣдаетъ у Фейгина. Фейгинъ почитаетъ себя обиженнымъ и раззореннымъ несправедливостью. Бутковъ родомъ изъ мѣщанъ, былъ прежде письмоводителемъ или домашнимъ Секретаремъ у Фейгина и писалъ дѣловыя бумаги и проэкты, подъ его диктовку. У Фейгина есть идеи—но онъ не знаетъ Русскаго языка, хотя страстный охотникъ морать бумагу.

Этотъ Бутковъ, года за два предъ симъ, явился ко мнѣ, въ самомъ несчастномъ видѣ. Я его призрѣлъ, далъ денегъ, напечаталъ нѣсколько его статей, но замѣтивъ въ немъ безпокойный духъ и революціонныя правила, за которыя онъ въ нашей редакціи прозванъ ожесточеннымъ, я посовѣтовалъ ему оставить Сѣверную Пчелу и перейти къ Краевскому и Никитенкѣ. по сходству образа мыслей—что онъ и сдѣлалъ, и принятъ въ обѣ редакціи. Иногда Бутковъ заходитъ въ редакцію Сѣверной Пчелы, къ нашему корректору, кажется подсылаемый Либеральною партіей: однажды я засталъ его въ редакціи—и онъ до моего прихода объявилъ,—что жизнь моя находится въ опасности и что при первомъ возмущеніи меня убьютъ, какъ приверженца Правительства. Мои корректоры и писцы пересказали мнѣ это, въ шутку въ присутствіи Буткова и я также, шутя, возразилъ: „если будетъ бунтъ —Бутковъ защититъ меня и поставитъ у моего дома почетную стражу".—Недѣли черезъ двѣ послѣ этого—я получилъ, черезъ городскую почту, грозное письмо, въ которомъ угрожаютъ убить меня, если я не перестану писать въ защиту Самодержавія.

Некрасовъ самый отчаянный коммунистъ: стоитъ прочесть стихи его и прозу въ С.-Петербургскомъ Альманахѣ, чтобъ удостовѣриться въ этомъ, Онъ страшно вопіетъ въ пользу революціи.

4. Названіе Государя въ письмѣ Нѣмцемъ—приводитъ невольно къ заключенію, что письмо писано человѣкомъ незнающимъ Нѣмецкаго языка—ибо эти люди у насъ болѣе прочихъ вопіютъ противу Нѣмцевъ, ненавидятъ ихъ и подобно шайкѣ Рылѣева считаютъ Царскую фамилію Нѣмецкою. Таковы Бутковъ и Некрасовъ.

Мѣры къ отысканію автора письма.

1. Мнѣ кажется, что лучше всего начать съ того, что уже было сдѣлано, когда къ фельдфебелямъ были разосланы возмутительныя письма, а именно забрать всѣ рукописи у издателей газетъ и журналовъ и въ Конторѣ Края, издателя Справочнаго Энциклопедическаго Лексикона. Особенное вниманіе должно обратить на Отечественныя записки (печатаемыя въ типографіи Глазунова), Современникъ (печатается у Праца въ домѣ Греча), Русскій Инвалидъ (въ Военной Типографіи) и Литературную Газету (не знаю гдѣ, ибо невижу газеты) и пересмотрѣть и сравнить рукописи Буткова и Некрасова.

2. Бутковъ и Некрасовъ любятъ оба выпить, а Бутковъ таскается по трактирамъ и недавно едва не былъ схваченъ за вранье, какъ онъ самъ разсказывалъ въ редакціи Сѣверной Пчелы. Некрасовъ ведетъ себя повыше и упивается шампанскимъ, и упившись вретъ.—Нельзя ли найти человѣка, который бы напоилъ ихъ и пораспросилъ.

3. Славянка—въ письмѣ есть такое явное указаніе, что можно навѣрное предполагать, что письмо вышло изъ круга, въ которомъ находятся люди близкіе къ обществу Графини Воронцовой-Дашковой, а слогъ письма доказываетъ, что оно писано Литераторомъ. А какъ у насъ только одинъ Литературный кругъ, именно издателей и сотрудниковъ Отечеств. Записокъ и Современника, къ которому примкнули два человѣка изъ общества Графини Воронцовой-Дашковой—именно Соллогубъ и Князь Одоевскій—то въ этомъ кругѣ и должно отыскивать автора письма.

4. Полагаю, что этимъ однимъ письмомъ не ограничится партія. Весьма полезно было бы, еслибъ во всѣхъ лавочкахъ и мѣстахъ гдѣ принимаются письма на городскую почту были штемпели съ нумерами, т. е. чтобъ каждое мѣсто имѣло свой нумеръ или пожалуй букву, и получивъ письмо, тотчасъ клеймило его, чтобъ узнать изъ какого мѣста прислано письмо. Это облегчило бы розысканія.

Заключеніе.

Не дай Богъ никого довесть до бѣды подозрѣніемъ, но зная характеристику безпокойныхъ людей и ихъ отношенія, легче добраться до истины и найти виновнаго. Авторъ письма такой злодей, что по моему мнѣнію хуже убійцы.—Не дерзаю представлять моихъ мнѣній, но мнѣ кажется, что въ нынѣшнее время Государю Императору неслѣдовало бы одному прогуливаться пѣшкомъ раннимъ утромъ во кругъ Дворца, загроможденномъ лѣсами со стороны Большой Милліонной и по пустой Дворцовой Набережной. Революціонеры во всей Европѣ боятся *одного* Императора Николая Павловича; Прусская и Австрійская Польши объяты уже пламенемъ; въ Русской Польшѣ страхъ держитъ всѣхъ въ покоѣ; въ Россіи есть революціонные фанатики, не хуже французскихъ, что доказываетъ и *письмо*. Спокойствіе милліоновъ людей зависитъ отъ *одного лица*—и это лицо—отвѣтственно предъ Богомъ и человѣчествомъ за наше счастье и спокойствіе. Точно такъ, какъ фанатики озлоблены противу Наполеона,—Нынѣ озлоблены противу Императора

Николая Павловича—и невѣрятъ, чтобы Россія не вмѣшалась въ дѣла Европы. Самъ Король Прусскій, въ своей Прокламаціи, объявилъ, что опасность угрожаетъ Германіи *съ двухъ сторонъ*. Какія же это стороны:—Разумѣется: *Франція* и *Россія*.—А какъ не повѣрить Королю Прусскому, бывшему вѣрному союзнику Россіи?—Развѣ чужіе края не могутъ выслать эмиссаровъ: Примемъ это ужасное *письмо*, какъ предостереженіе, ниспосланное провидѣніемъ, и упавъ предъ престоломъ, воскликнемъ: *осторожность!*

Не входя въ детальныя розысканія по совѣту Булгарина, III-ье отдѣленіе рѣшило почеркъ „пашквиля" сравнить на первыхъ порахъ съ почерками двухъ литераторовъ: Н. А. Некрасова и В. Г. Бѣлинскаго. Съ этой цѣлью Михаиломъ Максимовичемъ Поповымъ, бывшимъ школьнымъ учителемъ В. Г. Бѣлинскаго, были написаны приглашенія явиться въ III-ье отдѣленіе и Некрасову и Бѣлинскому.

Н. А. Некрасовъ на приглашеніе поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ письмомъ.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаилъ Максимовичъ!

Въ отвѣтъ на приглашеніе Ваше, честь имѣю увѣдомить Васъ, что я явлюсь въ третье отдѣленіе въ понедѣльникъ слѣдующей недѣли, т. е. послѣ завтра.

Принося Вашему Превосходительству глубокую благодарность за великодушное предувѣдомленіе о причинѣ приглашенія, — имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью

Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя
Покорнѣйшій Слуга
Н. Некрасовъ.

27 марта 1848 г.
СПБ.

2.

Извѣстно, что послѣдніе мѣсяцы своей жизни В. Г. Бѣлинскій былъ уже очень боленъ, слабъ, рѣдко вставалъ съ постели. Къ страданіямъ болѣзни присоединились еще терзавшія его нервы цензурныя нападки и, наконецъ, полицейскія. Въ февралѣ 1848 года Михаилъ Максимовичъ Поповъ, бывшій наставникъ Бѣлинскаго, а въ это время довѣреннѣйшій чиновникъ Л. В. Дубельта, прислалъ своему ученику приглашеніе явиться въ III отдѣленіе къ Л. В. Дубельту, который „желалъ бы познакомиться" съ критикомъ". Приглашеніе это перепугало больного Бѣлинскаго и его друзей. Онъ самъ уже былъ такъ слабъ, что не могъ двинуться изъ дома и отвѣтилъ Попову, что онъ боленъ и явится, лишь только поправится. 27 марта послѣдовало подтвержденіе перваго письма. М. М. Поповъ писалъ:

„Слышалъ я, что прежняя записка моя нѣсколько напугала васъ, милостивый государь Виссаріонъ Григорьевичъ.

Въ приглашеніи васъ нѣтъ другой причины, кромѣ того, что Леонтій Васильевичъ желаетъ познакомиться съ вами.

Вы, какъ литераторъ, пользуетесь извѣстностію; объ васъ часто говорятъ: очень естественно, что управляющій III-мъ отдѣленіемъ и членъ цензурнаго комитета желаетъ узнать васъ лично и даже сблизиться съ вами".

Въ слѣдующихъ строкахъ М. М. Поповъ повторялъ приглашеніе явиться въ III отдѣленіе [1]).

Біографы Бѣлинскаго, въ томъ числѣ и А. П. Пыпинъ [2]), не зная настоящихъ причинъ, вызвавшихъ письмо и приглашеніе Бѣлинскаго, строили различныя предположенія. Но дѣло было очень просто: III-ье отдѣленіе заподозрило въ авторствѣ „пасквиля", между прочимъ, и Бѣлинскаго. Его хотѣли поразспросить по этому поводу, а кстати и посравнить его почеркъ съ почеркомъ пасквиля. Съ этой цѣлью и было послано приглашеніе.

27-го же марта Бѣлинскій отправилъ М. М. Попову слѣдующее письмо (до сихъ поръ неизданное).

Милостивый Государь
Михаилъ Максимовичъ.

Изъ послѣдней вашей ко мнѣ записки я увидѣлъ, что вы не получили моего отвѣта на первую,—отвѣта, который я вручилъ вашему же посланному. Это обстоятельство вдвойнѣ для меня непріятно и прискорбно: и вы и Его Превосходительство Леонтій Васильевичъ можетъ думать, что я отлыниваю и какъ будто хочу притаиться несуществующимъ въ этомъ мірѣ, потому что и не являюсь и не даю отъ себя никакого отзыва. Если бы я и дѣйствительно предвидѣлъ себѣ въ этомъ приглашеніи бѣду, — и тогда такая манера избѣгнуть ея была бы слишкомъ дѣтскою и смѣшною. Ваша первая записка сначала точно привела меня въ большое смущеніе и даже напугала, тѣмъ болѣе, что нервы у меня все это время такъ раздражены, что и менѣе важныя обстоятельства дѣйствуютъ на меня тяжело и болѣзненно; но потомъ я скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что былъ увѣренъ въ доставленіи вамъ моего отвѣта. Въ немъ писалъ я къ Вамъ, что, по болѣзни, не выхожу изъ дому. Я и теперь еще не оправился, и докторъ запретилъ мнѣ ходить до тѣхъ поръ, пока не просохнетъ земля и не установится теплая погода. Теперь же для меня, какъ для всѣхъ чахоточныхъ, самое опасное время: чуть простудишься слегка, и опять появятся ранки на легкихъ, какъ это уже не разъ со мною было. Конечно, я не въ постелѣ, и только безъ опасности для моего здоровья не могу выйти изъ дому, но въ крайности выйти могу. Только въ такомъ случаѣ, я очень боюсь, что Его Превосходительство, вмѣсто того, чтобы, изъ разговора со мною, узнать, что я за человѣкъ, узнаетъ только, какъ я кашляю до рвоты и до истерическихъ слезъ. И ваше послѣднее письмо застало меня въ актѣ рвоты, такъ что я ужъ и не знаю, какъ я смогъ расписаться въ книгѣ о полученіи. Со спины моей не сходятъ мушки да горчичники, и я съ трудомъ хожу по комнатѣ. Смѣю надѣяться, что такія причины могутъ мнѣ дать право, не боясь навлечь на себя дурного мнѣнія со стороны Его Превосходительства, отсрочить мое съ нимъ свиданіе еще на нѣкоторое время, пока не устано-

---

[1]) Приглашенія въ III отдѣленіе В. Г. Бѣлинскаго въ 1848 году напечатаны въ „Русской Старинѣ" (т. XXXVI, 1882 г., ноябрь, стр. 434—435).

[2]) См. его книгу: „В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка" СПБ. 1876. т. II стр. 330—331.

вится весна и я не почувствую себя хоть немного крѣпче. Будьте добры, Михаилъ Максимовичъ, какъ Вы прежде бывали ко мнѣ добры, потрудитесь увѣдомить меня, могу ли я поступить такъ. Меня пользуетъ главный докторъ Петропавловской больницы г. Тильманъ: онъ можетъ подтвердить справедливость моихъ словъ о состояніи моего здоровья.

Въ надеждѣ вашего отвѣта, имѣю честь остаться вашимъ, Милостивый Государь, покорнымъ слугой В. Бѣлинскій.

27 марта, 1848 г.

Но III-му отдѣленію не столь важно было личное знакомство съ Бѣлинскимъ. Почеркъ его такъ же, какъ и почеркъ Некрасова, былъ совсѣмъ не похожъ на почеркъ обращенія къ Орлову, поднятаго въ домѣ на Гороховой. На этомъ основаніи М. М. Поповъ докладывалъ Л. В. Дубельту:

Изъ писемъ Бѣлинскаго и Некрасова Ваше Превосходительство изволитъ усмотрѣть, что почерки ихъ не сходны съ почеркомъ безымяннаго письма.

Бѣлинскому я уже отвѣчалъ, чтобы онъ не безпокоился и пожаловалъ къ Вашему Превосходительству, когда дозволитъ его здоровье, хотя бы черезъ мѣсяцъ или черезъ два.

Для дальнѣйшихъ розысковъ, не лучше ли испросить разрѣшенія графа: потребовать отъ Краевскаго и Никитенко по одной подлинной рукописи, изъ старыхъ или изъ новыхъ, всѣхъ сотрудниковъ О. З. и Совр.; а послѣ, если здѣсь ничего не найдемъ, потребовать рукописи отъ Края. Предлогомъ можно поставить то, что Ваше Превосходительство, какъ членъ комитета подъ предсѣдательствомъ кн. Меньшикова, встрѣчаетъ надобность, разсмотрѣть черновыя рукописи всѣхъ сотрудниковъ, дабы видѣть, что въ нихъ было уничтожаемо и пропускаемо цензурой. Комитетъ уже не тайна для литературы.

Но графу А. Ф. Орлову рвеніе его подчиненныхъ показалось, очевидно, чрезмѣрнымъ, и происки Булгарина не принесли желаннаго плода. По докладѣ ему всѣхъ обстоятельствъ произведеннаго отдѣленіемъ слѣдствія графъ не выразилъ согласія на предложенный Булгаринымъ и Поповымъ планъ дѣйствія.

На докладной запискѣ Попова Дубельтъ написалъ: „графъ не согласенъ“.

Тѣмъ и кончилось дѣло о „возмутительномъ письмѣ“.

П. Щ.

Семья декабристовъ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, его тесть Н. Н. Раевскій—герой 12-го года, пушкинскій „Демонъ“ А. Н. Раевскій, М. Н. Волконская, урожденная Раевская, Кишиневъ въ 1821 году, Одесса въ 1823-мъ и слѣдствіе надъ Орловымъ и Волконскимъ въ 1826 году:—кто любитъ жизнь Пушкина и знаетъ исторію декабристовъ, тому эти имена и цифры говорятъ много. И тотъ знаетъ также, что эти лица, какъ разъ въ эти годы, связаны между собой не только родственными узами, но составляютъ въ совокупности какъ-бы историческую ячейку, видную и типичную для того времени. Изобразить строеніе и бытъ такой ячейки, разсказать безъ притязаній, *какъ отразился въ ея судьбахъ основной историческій процессъ данной эпохи*,—это, вѣроятно, наиболѣе совершенный изъ всѣхъ не-художественныхъ способовъ воспроизвести характеръ какого-нибудь минувшаго времени. Именно такова задача предлагаемыхъ страницъ. Нарисовать такую картину можно, разумѣется, только на основаніи достаточнаго числа непосредственныхъ документовъ, современныхъ событіямъ,—и въ настоящемъ случаѣ это оказалось возможнымъ: сотни писемъ, поблекшихъ отъ времени, сохранили намъ не только память дѣлъ и отношеній, но до извѣстной степени и самую атмосферу тогдашней жизни. Эти письма когда-то вскрывались дрожащими отъ волненія руками и сами трепетали жизнью, но долетѣвъ до цѣли и передавъ вѣсть, они падали на землю, какъ голубь, охваченный сномъ. Почти чрезъ вѣкъ они оживаютъ для насъ. Это не воспоминанія и не лѣтопись; это разсказываетъ о себѣ день за днемъ сама жизнь, само взволнованное ею чувство, самъ работающій надъ нею умъ. До сихъ поръ мы знаемъ хорошо, т.-е. по непосредственнымъ матеріаламъ, только три момента изъ исторіи декабристовъ: 1) ихъ политическіе взгляды въ разгаръ движенія — по ихъ уставамъ и проектамъ, 2) ихъ психологію во время слѣдствія — по ихъ показаніямъ, и 3) ихъ психологію въ поздней ссылкѣ, въ 50-хъ годахъ, когда большинство изъ нихъ писало свои мемуары.

Намъ не достаетъ одного, и, можетъ быть, самаго важнаго звена: мы никогда не сумѣемъ понять правильно движеніе декабристовъ, пока не уяснимъ себѣ интимной исторіи ихъ роста и сформированія.

I.

Когда въ 1816 году М. Ѳ. Орловъ окончательно вернулся въ Россію, ему было всего 28 лѣтъ, но онъ успѣлъ уже сдѣлать блестящую карьеру [1]). Сынъ младшаго брата екатерининскихъ Орловыхъ, онъ воспитывался въ аристократическомъ пансіонѣ аббата Николя, юношей вступилъ въ Кавалергардскій полкъ, быстро выдвинулся въ Отечественной войнѣ и уже въ 1812 году былъ назначенъ флигель адъютантомъ къ государю. Александръ полюбилъ его; ему поручилъ онъ въ 1814 году заключить капитуляцію Парижа, его-же послалъ затѣмъ въ Данію для заключенія договора о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, назначилъ его генералъ-маіоромъ своей свиты и держалъ въ большой близости къ себѣ. Дорога Орлова вела, казалось, круто вверхъ. У него было въ избыткѣ все, что нужно для успѣховъ въ свѣтѣ: молодость, знатность, богатство, расположеніе царя, открытый и смѣлый характеръ, прекрасная, представительная наружность. Между тѣмъ, всѣ эти дары фортуны не пошли ему въ прокъ и его дальнѣйшая жизнь сложилась, въ смыслѣ карьеры, вполнѣ неудачно. По пріѣздѣ въ Петербургъ его звѣзда очень скоро идетъ на уклонъ,—и, надо замѣтить, это вовсе не было дѣломъ случайности, а произошло въ силу естественной логики вещей.

Дѣло въ томъ, что Орловъ, подобно большинству будущихъ декабристовъ, вернулся изъ французскаго похода обуянный самымъ пламеннымъ патріотизмомъ и жаждой дѣятельности на пользу родины. Онъ принадлежалъ, повидимому, къ числу самыхъ нетерпѣливыхъ. Н. И. Тургеневъ, сблизившійся съ нимъ за границей, характеризуетъ его такъ: „Подобно всѣмъ людямъ съ живой и пылкой душою, но безъ устойчивыхъ идей, основанныхъ на прочныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе“. Какъ-разъ сближеніе съ Тургеневымъ въ 1815 году, въ Нанси, дало сильный толчекъ его либеральнымъ стремленіямъ. У насъ есть только очень смутныя свѣдѣнія объ адресѣ къ царю, который составилъ Орловъ по своемъ возвращеніи въ Россію [2]). Это была петиція объ уничтоженіи крѣпостного права; кромѣ самого Орлова, ее подписали многіе высшіе сановники, въ томъ числѣ Васильчиковъ, Воронцовъ и Блудовъ. Дальнѣйшая судьба этого адреса неизвѣстна, но для

[1]) Факты внѣшней біографіи М. Ѳ. Орлова см. въ *Остаф. арх.* т. *I*, стр. 457—9, и *Рус. Біограф. Слов.*, т. *Об—Оч*, 1905, ст. г. А. Петрова; здѣсь же и библіографія.
[2]) Записки С. Г. Волконскаго, 1 изд., стр. 407.

Орлова онъ повидимому не имѣлъ никакихъ непріятныхъ послѣдствій: отношеніе къ нему царя осталось дружественнымъ по-прежнему. Болѣе точныя данныя имѣются о другой либеральной попыткѣ Орлова, относящейся къ 1817 году. Весною этого года, т. е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи въ Петербургъ [1]), онъ былъ выбранъ въ члены безпечнаго и веселаго литературнато общества „Арзамасъ". По заведенному обычаю всякій новоизбранный долженъ былъ произнести надгробное слово одному изъ членовъ, конечно, живому. Вмѣсто этого Орловъ выступилъ съ серьезной рѣчью, въ которой указывалъ, что недостойно мыслящихъ людей заниматься пустяками и литературными препирательствами, когда кругомъ такъ много нужнаго дѣла, и умолялъ своихъ сочленовъ дать дѣятельности общества иное, болѣе патріотическое направленіе. Онъ предлагалъ съ этой цѣлью двѣ мѣры: во-первыхъ, завести журналъ, „коего статьи новостью и смѣлостью идей пробудили-бы вниманіе читающей Россіи", во-вторыхъ, предоставить каждому изъ живущихъ не въ столицѣ членовъ учредить въ мѣстѣ его пребыванія филіальное общество подъ руководствомъ главнаго, и такимъ образомъ покрыть всю Россію сѣтью отдѣленій [2]). Этотъ широкій планъ не встрѣтилъ достаточнаго сочувствія среди членовъ и остался втунѣ, но мысль о журналѣ получила ходъ и не была осуществлена только потому, что правительство отказало въ разрѣшеніи. До насъ дошла программа этого предполагаемаго журнала. Первое мѣсто въ немъ долженъ былъ занимать политическій отдѣлъ, который брали на себя Орловъ, Н. Тургеневъ и Д. Сѣверинъ; цѣлью его ставилось „распространеніе идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее" [3]). Какъ извѣстно, всѣ первыя попытки совмѣстной дѣятельности у будущихъ декабристовъ носили именно такой— просвѣтительно-реформаторскій, а не революціонный характеръ.

Потерпѣвъ неудачу въ „Арзамасѣ", Орловъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно. Способъ дѣйствія напрашивался самъ собою, въ соотвѣтствіи съ духомъ времени и примѣромъ Западной Европы. Позднѣе, на допросѣ 1826 года, Орловъ показывалъ, что образцомъ ему служилъ Тугендбундъ: по примѣру послѣдняго онъ задумалъ образовать тайное общество, „составленное изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи" [4]). Слѣдуя увлеченію,

---

[1]) Зиму и весну 1815—16 г. Орловъ по болѣзни провелъ въ Парижѣ, лѣто—на водахъ въ Барежѣ, и въ Петербургъ вернулся въ ноябрѣ 1816 г.

[2]) Н. Тургеневъ, „La Russie et les Russes", I, 172—3, Вигель, нов. изд., ч. V, 51—52.

[3]) Бумаги Жуковскаго, см. Отчетъ И. Публ. Библ. за 1887 г., приложеніе, стр. 82.

[4]) „Записка о тайномъ обществѣ", представленная Орловымъ слѣдственной комиссіи 1826 г., Довнаръ-Запольскій, *Мемуары декабристовъ*, 1906, стр. 3 и 25.

овладѣвшему тогда передовымъ слоемъ русскаго общества, онъ хотѣлъ придать предполагаемому кружку полумасонскій характеръ и съ этой цѣлью привлекъ къ своему замыслу графа Дмитріева-Мамонтова, сильно интересовавшагося русскимъ масонствомъ. Къ нимъ примкнуло еще нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ Н. И. Тургеневъ; союзъ долженъ былъ называться Обществомъ Русскихъ Рыцарей, и Орловъ собирался представить его уставъ на утвержденіе царя. Извѣстно, что завязавшіеся было переговоры между Орловымъ и Александромъ Муравьевымъ о сліяніи этого общества съ возникшимъ незадолго Союзомъ Спасенія, не привели ни къ чему, да и самое общество Русскихъ Рыцарей въ концѣ концовъ не состоялось [1]).

Всѣ эти патріотическія затѣи Орлова, слѣдовавшія одна за другой на краткомъ промежуткѣ меньше чѣмъ въ годъ (съ конца 1816 по конецъ 1817 г.), свидѣтельствовали о такомъ кипучемъ усердіи къ общему благу, которое, при личной близости Орлова къ императору, недолго могло оставаться безнаказаннымъ. И дѣйствительно, скоро Орловъ нарвался на крупную непріятность.

Подобно большинству позднѣйшихъ декабристовъ, онъ соединялъ съ просвѣщеннымъ либерализмомъ горячее чувство національнаго достоинства, доходившее подчасъ до того, что̀ Н. И. Тургеневъ, европеецъ до мозга костей, мѣтко назвалъ патріотизмомъ рабовъ. Это чувство, заставлявшее Орлова сердиться на Карамзина за то, что онъ въ началѣ своей „Исторіи“ не помѣстилъ какой-нибудь гипотезы о происхожденіи славянъ, „лестной родословному чванству народа русскаго“ [2]), было въ 1817 году тяжело оскорблено дарованіемъ конституціи Польшѣ и слухами о намѣреніи Александра отдѣлить отъ Россіи Литву. Этотъ самый слухъ едва не довелъ Якушкина до цареубійства, а Орловъ составилъ записку къ государю, направленную противъ эмансипаціи Польши, и началъ собирать подписи въ кругу генераловъ и сановниковъ. Императоръ, узнавъ заблаговременно объ этомъ предпріятіи, призвалъ Орлова и потребовалъ составленную имъ записку; Орловъ, конечно не желая выдавать тѣхъ, кто подписался подъ нею, отказался представить ее, заявивъ, повидимому, что она у него пропала [3]). Это было послѣднее свиданіе царя съ его бывшимъ любимцемъ. Вскорѣ затѣмъ Орловъ былъ удаленъ въ Кіевъ на должность начальника штаба при 4-мъ корпусѣ, которымъ командовалъ тогда Н. Н. Раевскій. Въ Кіевѣ онъ прожилъ съ лишнимъ два года, и слѣдующій его служебный этапъ—назначеніе въ Кишинъ-

---

[1]) *Русск. Стар.* 1904 года, мартъ, 491; апрѣль, 26. Тургеневъ I, 222—224. *Доклад. слѣдств. ком.* по дѣлу 14 дек.

[2]) Остаф. арх. I, 347 и 653.

[3]) Русск. Стар. 1904, мартъ, 491—2, Тургеневъ, I, 86. Якушкинъ 15. „Записка“ Орлова, у Д.-Запольскаго, цит. соч., стр. 3.

невъ начальникомъ дивизіи въ 1820 году—былъ новой почетной ссылкой, наполовину, впрочемъ, добровольной.

II.

Его письма за кіевскій періодъ представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики настроенія и образа мыслей его сверстниковъ объ эту пору. Что представлялъ собою будущій декабристъ около 1819 года, т. е. въ разгаръ дѣятельности Союза Благоденствія, объ этомъ приходится судить вообще только по показаніямъ декабристовъ на слѣдствіи 1826 г., да по ихъ воспоминаніямъ, записаннымъ еще десятки лѣтъ позднѣе. И тотъ, и другой родъ свидѣтельствъ, конечно, не даютъ вѣрной картины; въ нихъ надо учитывать забывчивость, сознательный и иногда тенденціозный подборъ чертъ, наконецъ, невѣрное освѣщеніе въ зависимости отъ иной, новой точки зрѣнія на вещи. Здѣсь же предъ нами современныя и завѣдомо-непосредственныя показанія, субъективность которыхъ только повышаетъ ихъ цѣну.

„Живу спокойно, -пишетъ Орловъ изъ Кіева сестрѣ (по мужу Безобразовой) [1]—а чтобы быть счастливымъ, ты знаешь, мнѣ уже давно не нужно ничего другого, какъ не быть несчастнымъ. Эта философія отнюдь не должна удивлять тебя во мнѣ. Я вижу славу вдали, и можетъ быть когда-нибудь я добуду немного ея. Жить съ пользою для своего отечества и умереть оплакиваемый друзьями—вотъ что достойно истиннаго гражданина, и если мнѣ суждена такая доля, я горячо благодарю за нее Провидѣніе“.—Тутъ все типично: и этотъ стоицизмъ при едва сдерживаемомъ избыткѣ силъ, и готовность принести себя въ жертву общему благу, и мечты о славѣ, явно навѣянныя республиканскими героями Плутарха, и, можетъ быть, болѣе всего—потребность изліянія всѣхъ этихъ чувствъ въ человѣкѣ уже давно вышедшемъ изъ юности (Орлову было въ это время лѣтъ 30), въ генералъ-маіорѣ и начальникѣ штаба. Еще характернѣе слѣдующее его письмо къ самому Безобразову, мужу сестры, отъ 26 марта 1819 г. Рѣчь идетъ о борьбѣ, которую приходится вести Безобразову на его служебномъ посту въ Тамбовѣ. „Вѣрю, -пишетъ ему Орловъ по-русски,—вѣрю, сколь трудно тебѣ бороться съ устроеннымъ неустройствомъ нашего внутренняго правленія, и что система злодѣевъ, соединенныхъ тѣсно для избѣжанія несчастья, сильнѣе, нежели порывы одного отъ всѣхъ оставленнаго гражданина... Рано или поздно честность, умъ и добродѣтель должны взять верхъ, и сіе время, можетъ быть, не такъ отдаленно, можетъ быть на

---

[1]) Это, какъ и всѣ дальнѣйшія письма, цитируемыя въ настоящей статьѣ безъ указанія источника, печатаются здѣсь впервые, съ рукописныхъ подлинниковъ, и—гдѣ не оговорено противное—въ переводѣ съ франц. языка.

закатѣ нашихъ дней увидимъ мы, любезный другъ, сіе дивное преобразованіе отечества нашего и ступимъ въ гробъ утѣшенной ногой (sic). Я о семъ только и думаю, и посреди разлитія всѣхъ пороковъ вижу съ упованіемъ добродѣтельную молодежь, возрастающую съ новыми правилами и безъ старыхъ предразсудковъ".

„Я лѣнивъ немножко писать,- продолжаетъ онъ; да и къ тому же рѣдко пишу и по осторожности. Чѣмъ болѣе близки ко мнѣ и къ сердцу моему тѣ, съ коими бесѣдую, тѣмъ болѣе льются мои мысли, и тѣмъ откровеннѣе я пишу. Сіе стремленіе откровенности предъ нынѣшнимъ осторожнымъ вѣкомъ не есть добродѣтель. Она часто губитъ, да и самъ я уже нѣсколько разъ страдалъ отъ себя. Мнѣ друзья говорятъ: „неужели ничто тебя не исправитъ?" Я имъ отвѣчаю: „да гдѣ-жъ порокъ? докажите, что дурно,- я исправлюсь". Я думаю, что я правъ. Можетъ быть я останусь долго, можетъ быть и всегда въ моемъ ничтожествѣ, но по крайней мѣрѣ, ежели какой-нибудь благопріятный вѣтръ поведетъ меня выше, то принесу въ даръ Отечеству безпорочную жизнь и характеръ чуждый всѣмъ подлостямъ нынѣшняго вѣка". Въ концѣ письма онъ обращается къ сестрѣ. „Благодарю тебя, любезная сестра, за присланную попону. Я ею покрою любимаго коня, а ежели-бъ открылось какое-нибудь средство стать грудью за Россію, то въ минуты отдохновенія подъ чистымъ сводомъ небесъ самъ лягу на нее и буду вспоминать о любезной сестрѣ. Пиши ко мнѣ и поцѣлуй всѣхъ дѣтей. Дай Богъ вамъ счастья и покоя, а мнѣ жизни бурливой за родную страну".

Воинственныя нотки, звучащія въ этихъ письмахъ, вовсе не были простой данью романтизму. Мы увидимъ сейчасъ, что всѣ эти приготовленія „стать грудью за Россію", это ожиданіе „благопріятнаго вѣтра" имѣли для самого Орлова совершенно реальный смыслъ: онъ вполнѣ сознательно ставилъ свое будущее въ зависимость отъ неминуемаго и близкаго общаго переворота. За два года онъ успѣлъ далеко передвинуться влѣво; теперь его занималъ уже не вопросъ объ искорененіи, съ одобренія верховной власти, лихоимства и прочихъ золъ, а вопросъ о коренномъ злѣ русской жизни—о безконтрольности и произволѣ этой самой власти, и по свойственной ему пылкости онъ считалъ эту задачу разрѣшимой сейчасъ-же, безъ всякой подготовки. Въ томъ же 1819 году Денисъ Давыдовъ, тогда начальникъ штаба по сосѣдству, въ Кременчугѣ, писалъ другому пріятелю Орлова, знаменитому впослѣдствіи П. Д. Киселеву: „Мнѣ жалокъ Орловъ съ его заблужденіемъ, вреднымъ ему и безполезнымъ обществу: я ему говорилъ и говорю, что онъ болтовнею своею воздвигаетъ только преграды въ службѣ своей, которою онъ могъ-бы быть истинно полезнымъ отечеству. Какъ онъ ни дюжъ, а ни ему, ни бѣшеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма въ Россіи". Еще рельефнѣе письмо Киселева къ

самому Орлову того же времени: „Всѣ твои сужденія, въ теоріи прекраснѣйшія, на практикѣ неисполнимы. Многіе говорили и говорятъ въ твоемъ смыслѣ; но какая произошла отъ того кому польза? Во Франціи распри заключились тиранствомъ Наполеона... Вездѣ идеологи—вводители новаго въ цѣли своей не успѣли, а лишь дали предлогъ къ большему и новому самовластію правительствъ... Ты знаешь и увѣренъ, сколь много я тебя уважаю; но мысли твои неправильны и, конечно, съ сердцемъ твоимъ не сходны. Неудовольствія, грусть, сношенія съ краснорѣчивыми бунтовщиками и, сознаюсь, несправедливое бездѣйствіе, въ которомъ ты оставленъ,—вотъ тому причины. Скинь съ себя тебѣ неприличное. Не словами, но дѣломъ будь полезенъ; оставь шайку крикуновъ и устреми отличныя качества свои на пользу настоящую. Преобразователемъ всего не каждому быть можно; но я повторяю: каждому опредѣлено, каждому предназначено увеличивать блаженство общества, а ты, Орловъ, отъ добраго отшельцемъ быть не долженъ. Въ сужденіяхъ моихъ могу ошибаться, но цѣль моя благонамѣренная, и потому одинакая съ твоею. Разница въ томъ, что ты даешь волю воображенію твоему, а я ускромняю свое; ты ищешь средствъ къ улучшенію участи всѣхъ—и не успѣешь, я же—нѣсколькихъ только,—и успѣть могу. Ты полагаешь, что исторгнуть должно корень зла, а я—хоть срѣзать дурныя вѣтви. Ты опредѣляешь себя къ великому, а я—къ положительному“ [1]).

Тутъ было, конечно, очень много честолюбія, понятнаго при такомъ избыткѣ силъ; но оно безусловно подчинялось идеѣ, т. е. направлялось исключительно на цѣли общаго блага, съ презрѣніемъ отвергая обычную мишуру чиновъ и почестей. Когда весною 1819 г. открылась вакансія начальника штаба гвардіи, и друзья Орлова въ Петербургѣ захотѣли выставить его кандидатуру на эту видную должность, онъ рѣшительно отвергъ ихъ предложеніе „Что мнѣ дѣлать въ Петербургѣ?—писалъ онъ по этому поводу А. Раевскому.—Какъ я возьму на себя должность, которую оставить можно только вслѣдствіе опалы, занимать—только по милости. Вы меня знаете: похожъ-ли я на царедворца и достаточно-ли гибка моя спина для раболѣпныхъ поклоновъ? Едва я займу это мѣсто, у меня будетъ столько же враговъ, сколько начальниковъ. Нѣтъ, милый другъ, я охотно уступаю моимъ соискателямъ всѣ почести, спасая свою честь. Да и то сказать: есть-ли тутъ повышеніе? Вѣдь и мѣсто начальника штаба я взялъ не такъ, какъ дѣлаются столяромъ или каретникомъ. Это не ремесло, и мнѣ вовсе не хочется на всю жизнь замкнуться въ узкій кругъ заботъ объ изготовленіи плановъ, задуманныхъ другими или мною для другихъ, смотря по характеру моихъ начальниковъ. Конечно, лучше быть начальникомъ главнаго штаба, чѣмъ начальникомъ

---

[1]) Русск. Стар. 1887, іюль, стр. 228 и сл.

бригады, но еще лучше командовать дивизіей. Поэтому я оставлю свое нынѣшнее мѣсто развѣ только для того, чтобы принять командованіе, а не для того, чтобы повиноваться другому, потому что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ начальниковъ я предпочитаю того, кому сейчасъ подчиненъ. Но оставимъ этотъ разговоръ о предметѣ, который меня вовсе не занимаетъ. Желаю всякаго благополучія старому и новому начальникамъ штаба гвардіи, но предпочитаю мое ничтожество ихъ величію...

„Я далъ нѣсколькимъ лицамъ то же порученіе, что вамъ, именно—узнать, начинаютъ-ли забывать меня? Вы одинъ поняли меня и отвѣчали мнѣ въ смыслѣ моего вопроса. Что вы пишете о моемъ положеніи при дворѣ, это я зналъ заранѣе и нисколько этому не удивляюсь. У меня хватаетъ самолюбія вѣрить, что я останусь ненужнымъ до тѣхъ поръ, пока направленіе внутренней политики не заставитъ призвать къ дѣламъ людей благомыслящихъ и умѣющихъ видѣть дальше своего носа. Вѣрьте мнѣ: всѣ, кто сейчасъ дѣйствуетъ, истощаются въ безплодныхъ усиліяхъ. Еще не настало время, когда старанія будутъ вознаграждаться обильными послѣдствіями. Пусть иные возвышаются путемъ интригъ: въ концѣ концовъ они падутъ при всеобщемъ крушеніи, и потомъ они уже не поднимутся, потому что тогда будутъ нужны чистые люди. Я понимаю, что мои слова нѣсколько загадочны, но ихъ смыслъ мнѣ вполнѣ ясенъ, и можетъ быть когда-нибудь и вы признаете правильной мою точку зрѣнія и всю мою систему. Можетъ быть также я не увижу даже зари того прекраснаго дня, о которомъ мечтаю, но отъ того моя система не станетъ менѣе вѣрной для тѣхъ, кто переживетъ меня.

„Такъ думаютъ только немногіе—и въ этомъ-то наше несчастье. Найдись у насъ десять человѣкъ истинно благомыслящихъ и вмѣстѣ даровитыхъ, все приняло бы другой видъ. Что до меня, то я чувствую довольно силы въ самомъ себѣ, чтобы служить не для карьеры, а изъ гражданскаго долга. Вѣдь чего я въ сущности хочу? Нѣсколько болѣе широкой сферы дѣятельности, потому что я чувствую въ себѣ больше способностей, чѣмъ могу примѣнить въ моей обстановкѣ. Что-жъ! я буду ждать, буду ждать, если нужно, и десять лѣтъ. Это будетъ мнѣ только впрокъ, такъ какъ энтузіазма, основаннаго на любви къ принципамъ, я не утрачу, и пріобрѣту разсудительность, являющуюся всегда плодомъ опыта. Итакъ, больше не говорите со мною тѣмъ языкомъ, какимъ написано ваше послѣднее письмо. Улыбка фортуны не значитъ для меня ничего, событіе все". Въ заключеніе—у него просьба къ Раевскому: „Вы такъ хорошо вывѣдали, что я значу при дворѣ; теперь узнайте, какъ относится ко мнѣ общественное мнѣніе. Льщу себя мыслью, что на этотъ разъ ваши свѣдѣнія окажутся болѣе утѣшительными. Или, можетъ быть, я ошибаюсь?"

III.

Однако, въ ожиданіи „событія“ не приходилось сидѣть сложа руки—и Орловъ съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Кіевѣ дѣятельно принимается за общественную работу. Будучи по роду своей должности отрѣзанъ отъ непосредственнаго общенія съ солдатами, онъ не могъ примѣнять свои гуманныя убѣжденія въ предѣлахъ самой службы, какъ позднѣе въ Кишиневѣ, и его усилія естественно направились, главнымъ образомъ, на дѣло просвѣщенія.

Уже въ мартѣ 1818 года онъ обращается къ комитету „Общества начальнаго образованія въ Парижѣ“ (Société d'instruction élementaire) съ любопытнымъ письмомъ, текстъ котораго дошелъ до насъ [1]); оказывается, что 22 февраля 1816 г. онъ былъ выбранъ членомъ этого общества, цѣль котораго заключалась въ устройствѣ школъ по способу взаимнаго обученія. Онъ пишетъ, что, будучи назначенъ начальникомъ штаба въ Кіевѣ, онъ засталъ здѣсь ланкастерскую школу на 40 кантонистовъ, учрежденную ген. Раевскимъ. Теперь, принявъ это дѣло въ свои руки, онъ довелъ контингентъ учащихся до 600 человѣкъ. Обращаясь къ комитету французскаго общества, онъ проситъ считать его и впредь членомъ послѣдняго и не отказать ему въ поддержкѣ; онъ хотѣлъ-бы завязать правильныя сношенія съ комитетомъ, и на первый разъ проситъ выслать ему всѣ отчеты общества и лучшія сочиненія о методѣ Ланкастера.

Орловъ оказался піонеромъ этого дѣла въ Россіи. Ланкастерская метода тогда только начинала прививаться у насъ,—самое „Общество учрежденія училищъ по способу взаимнаго обученія“ было основано только въ 1819 г., и Кіевская школа, созданная усиліями и личными затратами Орлова, послужила образцомъ для всѣхъ военно-сиротскихъ училищъ. Въ 1819 г. число учениковъ дошло въ ней до 800 чел., и учебная программа, въ отличіе отъ другихъ аналогичныхъ школъ, не ограничивалась уже чтеніемъ, письмомъ и счетомъ, а обнимала и грамматику, катехизисъ и священную исторію. На посѣщавшихъ ее школа производила самое выгодное впечатлѣніе. Анонимный корресподентъ „Рус. Инвалида“ писалъ въ № 85 за 1819 г., что стараніями генераловъ Раевскаго и Орлова это заведеніе приведено въ такую степень совершенства, „что видѣть его и не восхищаться онымъ были бы двѣ совершенно несовмѣстныя идеи“. Еще восторженнѣе отзывается о школѣ Орлова извѣстный И. Р. Мартосъ, посѣтившій ее въ 1820 г. Онъ нашелъ въ ней уже 1800 учащихся, распредѣленныхъ на 8 классовъ; по его свидѣтельству, сюда присылались для обученія канто-

[1]) Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1896 г., стр. 192—5.

нисты изъ многихъ другихъ мѣстъ, и обученными здѣсь учителями уже были открыты такія-же школы въ Москвѣ, Могилевѣ и Херсонѣ, такъ что эта школа, говоритъ Мартосъ, является, такъ сказать, „маткою взаимнаго обученія въ Россіи“ [1]).

Въ связи съ ланкастерской методой стоитъ и дѣятельность Орлова въ кіевскомъ отдѣленіи Библейскаго общества. Въ августѣ 1819 года, будучи выбранъ вице-президентомъ отдѣленія, онъ произнесъ въ торжественномъ собраніи общества обширную, тщательно составленную рѣчь, которая по содержанію сдѣлала-бы честь и любому общественному дѣятелю нашего времени. Поблагодаривъ за избраніе и съ горячимъ сочувствіемъ очертивъ просвѣтительныя заслуги Библейскаго общества, онъ выступилъ съ предложеніемъ, которое открывало обществу совершенно новое поле дѣятельности: онъ предлагалъ устроить въ Кіевѣ безплатную приходскую школу всеобщаго обученія для сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей числомъ до 300 человѣкъ и содѣйствовать возникновенію такихъ-же школъ въ другихъ городахъ. Вся рѣчь дышала искреннимъ энтузіазмомъ къ дѣлу просвѣщенія массъ и смѣлымъ либерализмомъ. Говоря о противникахъ, которыхъ вѣроятно встрѣтитъ его предложеніе, Орловъ мастерски изобразилъ нравственный обликъ обскуранта. Эти люди, говорилъ онъ, вездѣ и всегда одинаковы. Любители не добродѣтелей, а только обычаевъ отцовъ нашихъ, хулители всего новаго, враги свѣта и стражи тьмы, они — настоящія исчадія средневѣковаго варварства. Во Франціи они гонятъ свободомысліе и противятся введенію представительнаго строя; въ Германіи они защищаютъ остатки феодальныхъ правъ; въ Испаніи они раздуваютъ костры инквизиціи, въ Италіи возстаютъ противъ распространенія Св. Писанія; наконецъ, наша исторія полна ихъ усилій противъ возрожденія Россіи. Они были личными врагами нашего великаго преобразователя и бунтовали противъ него московскихъ стрѣльцовъ; при Елизаветѣ они порицали уничтоженіе смертной казни, при Екатеринѣ хулили ея Наказъ, и еще теперь, когда лучи просвѣщенія начинаютъ озарять наше отечество, они употребляютъ всѣ старанія, чтобы вернуть его къ прежнему невѣжеству и оградить отъ вторженія наукъ и искусствъ. Эти политическіе староверы убѣждены, что они — избранники, которымъ всѣ остальные люди обречены

[1]) *Кіев. Стар.* 1897 г., іюль—авг., стр. 65 и сл. Записка Мартоса о школѣ Орлова любопытна и какъ показатель тѣхъ великихъ надеждъ, какія возлагало тогда наше общество на ланкастерскую систему въ смыслѣ быстраго просвѣщенія массъ. Онъ пишетъ: „Смотря на сей превосходнѣйшій способъ, въ нашъ вѣкъ юношеству доставленный, переходить скорыми шагами изъ тьмы во свѣтъ, открывающій великолѣпные виды къ дальнѣйшему просвѣщенію, нельзя не сказать: вотъ наступили послѣднія времена невѣжества, которое стремглавъ падетъ въ бездну, какъ Люциферъ, со всѣми темными легіонами своими; а божественный Свѣтъ ума, коего всѣ желаютъ съ несытостію, взыдетъ на верхъ круга народныхъ смысловъ и будетъ озарять всѣхъ и вся, такъ удобно и легко, какъ озаряетъ вселенную свѣтъ солнца“.

въ рабство самимъ Промысломъ, и въ этой увѣренности они присваиваютъ себѣ всѣ дары небесные и земные, всякое превосходство, а народу предоставляютъ одни труды и терпѣніе; отсюда родились всѣ тиранническія системы правленія, начало которыхъ слѣдуетъ искать не столько въ честолюбіи самихъ властелиновъ, сколько въ изобрѣтательности льстящихъ имъ и друзей невѣжества [1]).

Для того времени рѣчь Орлова была незаурядным явленіемъ, и она имѣла большой успѣхъ. Якушкинъ и И. И. Дмитріевъ разсказываютъ, что она распространилась во множествѣ списковъ. Вяземскій былъ въ восторгѣ: „Ну, батюшка, ораторъ!—писалъ онъ А. И. Тургеневу.—Онъ и тебя за поясъ заткнулъ: не прогнѣвайся! Вотъ пустили козла въ огородъ! Да здравствуетъ Арзамасъ! Я въ восхищеніи отъ этой рѣчи... Орловъ недюжиннаго покроя. Наше правительство не выбирать, а удалять умѣетъ съ мастерскою прозорливостью". Тургеневу рѣчь показалась ужъ слишкомъ смѣлой; отдавая должное пылкому патріотизму Орлова, онъ рѣшительно осуждалъ его легкомысленный радикализмъ. „Лучшее въ М. Орловѣ есть страсть его къ благу отечества. Она сберегаетъ въ немъ душу его, благородную и возвышенную. Но недостатокъ въ учебномъ образованіи вездѣ замѣтенъ: вотъ школа аббата Николя! Умъ и сердце въ немъ свои, а ученье, т. е. недостатки въ ономъ, принадлежатъ образу воспитанія... Я отдаю справедливость его чувству, которое изливается изъ прекрасной души. Вездѣ ищетъ онъ пользы отечества, вездѣ мечтаетъ о возможномъ благѣ его. Я бы держалъ его близъ государя, но держалъ бы на привязи, ибо въ немъ нѣтъ ничего обдуманнаго, а опытъ доказалъ уже намъ, какой успѣхъ отъ несозрѣлыхъ плановъ, отъ желанія обратить въ дѣйство все, что сверкнетъ въ головѣ, не озаренной свѣтильникомъ государственныхъ познаній и наблюденій... Нѣтъ, пусть служитъ Орловъ нѣкоторое время внутри Россіи, пусть узнаетъ ее лучше насъ—и тогда, если сохранитъ жаръ къ добру, пусть пріѣдетъ сюда согрѣвать оледенѣлые члены членовъ Государственнаго Совѣта et comp." Однако Вяземскій упорно продолжалъ защищать рѣчь Орлова,—и даже въ литературномъ отношеніи, заявляя, что отъ пера, очиненнаго шпагою, большаго требовать нельзя [2]).

Если уже и до того Орловъ представлялъ собою очень замѣтную величину въ кругу либерально-настроенной молодежи, то эта рѣчь, ходившая по рукамъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, должна была еще увеличить его популярность. Около этого же времени немало толковъ вызвали два его письма къ Д. Бутурлину по поводу выхода въ свѣтъ книги послѣдняго о

---

[1]) Рѣчь Орлова напечатана въ Сборникѣ Им. Рус. Ист. Об., т. 78, 1891 г., стр. 519—528.

[2]) Остаф. арх. I, 299, 306, 297, 346.

русскихъ военныхъ походахъ въ XVIII столѣтіи. Эти письма замѣчательны горячимъ протестомъ противъ крѣпостного права [1]). Такъ, осуждая общій духъ славословія, проникающій все „Вступленіе“ Бутурлина, онъ говоритъ: „Другъ мой! Нѣтъ никого на свѣтѣ, кто-бы болѣе меня привязанъ былъ чувствомъ къ славѣ Отечества! но не время теперь самимъ себя превозносить. Ты видишь все съ высокой точки умозрѣнія — съ поля сраженія. Войди въ хижину бѣднаго Россіянина, истощеннаго отъ рабства и несчастія, и извлеки оттуда, ежели можешь, предвозвѣщеніе будущаго нашего величія!“ Та-же мысль повторяется и во второмъ письмѣ: „Россія подобна исполину ужасной силы и величины, изнемогающему отъ тяжкой внутренней болѣзни“. Любопытны слѣдующія строки, характеризующія политическіе взгляды Орлова: „Все твое разсужденіе (о датчанахъ) основано на ложномъ правилѣ. Датчане, вручивъ самовластіе одному человѣку, не исполнили сего, чтобы спасти независимость ихъ отъ внѣшнихъ враговъ; но единственно, чтобы избавиться отъ самовластія многихъ. Они вольнымъ переходомъ передались изъ рукъ нѣсколькихъ олигарховъ въ руки одного деспота. Я тутъ ничего великаго не вижу, кромѣ великаго непонятія о достоинствѣ народа вообще и о достоинствѣ человѣка въ частномъ отношеніи. Хотя говоря о семъ предметѣ ты старался зацѣпить всѣ нѣжнѣйшія струны моего сердца; но правила моей жизни, которыя заключаются въ истинной и непреклонной ненависти къ тиранству, не позволили мнѣ вдаться въ разставленныя тобою сѣти. Я остался непоколебимымъ въ моемъ мнѣніи, и если бъ былъ датчаниномъ, то проклиналъ бы то мгновеніе, въ которое предки мои подвергли меня игу деспотизма, такъ точно, какъ Россіянинъ долженъ проклинать тотъ несчастный законъ, который осудилъ на рабство большую часть нашихъ согражданъ“.

Всѣ эти рѣчи и письма, и самая дѣятельность Орлова въ Кіевѣ доставили ему почетную извѣстность. Мы увидимъ дальше, какое видное мѣсто онъ сразу занялъ въ Союзѣ Благоденствія. Но уже въ началѣ 1819 г., когда въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась безъ подписи первая статья Каченовскаго, направленная противъ „Исторіи“ Карамзина („Письма отъ Кіевскаго жителя къ другу“), ее не задумались въ Москвѣ приписать Орлову [2]); Якушкинъ, познакомившійся съ нимъ только въ 1820 г., уже раньше много слышалъ о немъ отъ своихъ друзей, какъ о человѣкѣ „высшаго разряда“, а Волконскій называетъ его „свѣтиломъ среди молодежи“. Въ самомъ Кіевѣ онъ быстро сосредоточилъ вокругъ себя все, что было наиболѣе образованнаго и передового какъ въ русскомъ, такъ и въ польскомъ мѣст-

[1]) Письма Орлова къ Бутурлину не напечатаны: за сообщеніе ихъ приношу благодарность П. Е. Щеголеву.

[2]) Остаф. арх. I, 192.

номъ обществѣ. Въ его домѣ сталъ собираться замѣчательный кружокъ людей, которыхъ объединяли увлеченіе европейской образованностью и свободными формами политическаго быта и страстныя мечты объ обновленіи Россіи. Въ эту атмосферу весною 1819 г. попалъ Волконскій, пріѣхавшій на контракты въ Кіевъ и остановившійся по старой пріязни у Орлова. Нѣсколько недѣль, проведенныхъ имъ здѣсь, по его словамъ, опредѣлили его дальнѣйшую участь: ежедневныя общенія съ Орловымъ и его кружкомъ, говоритъ онъ, „оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій. Съ этого времени началась для меня новая жизнь". Дѣйствуя въ Кіевѣ, Орловъ вмѣстѣ съ тѣмъ конечно не порывалъ связей и со столичными друзьями, велъ переписку съ Вяземскимъ, Раевскимъ, обоими Тургеневыми и др., и Н. И. Тургеневъ въ серединѣ 1819 года посылалъ ему на просмотръ проспектъ задуманнаго имъ политическаго журнала [1]).

И все-таки онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ, томился и рвался вонъ изъ этой обстановки; душа жаждала подвиговъ,—не этой медленной работы на общее благо, а именно „бурной жизни за родную страну". Надуманный стоицизмъ тутъ мало помогалъ. „Золотые дни моей молодости уходятъ,—пишетъ онъ А. Раевскому въ томъ-же 1819 году,—и я съ сожалѣніемъ вижу, какъ пылъ моей души часто истощается въ напрасныхъ усиліяхъ. Однако не заключайте отсюда, что мужество покидаетъ меня. *Одно событіе*—и все измѣнится вокругъ меня. Дунетъ вѣтеръ, и ладья вновь поплыветъ. Кому изъ насъ вѣдомо, что можетъ случиться? На все готовый, я понесу въ уединеніе или на арену дѣятельности чистый характеръ,—преимущество, которымъ не многіе могутъ гордиться въ нынѣшній вѣкъ."

IV.

Командиромъ 4-го корпуса, т. е. ближайшимъ начальникомъ Орлова въ Кіевѣ, былъ, какъ уже сказано, старикъ Раевскій. Орловъ былъ свой человѣкъ въ его семьѣ, и эта близость привела скоро къ женитьбѣ молодого генерала на старшей дочери Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ. Со старшимъ сыномъ Раевскаго, Александромъ, служившимъ эти годы въ Петербургѣ, Орловъ былъ друженъ еще по боевому товариществу и совмѣстной жизни во Франціи: мы видѣли выше, что между ними шла переписка уже въ 1819 году. Съ другой стороны, Пушкина Орловъ зналъ еще по Петербургу, а съ младшимъ изъ Раевскихъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ уже до своей ссылки на югъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. — Такъ завязался

[1]) Остаф. арх. I. 260.

узелъ, въ которомъ жизнь Пушкина на нѣкоторое время сплелась съ жизнью Раевскихъ и Орлова.

Когда будетъ написана біографія Пушкина, Раевскимъ и Орлову будетъ отведено въ ней видное мѣсто. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1820 — 24) вліяніе разныхъ членовъ этой семьи было доминирующимъ въ его жизни. Сначала четырехмѣсячное путешествіе со всѣми Раевскими на Кавказъ и въ Крымъ, затѣмъ двухлѣтняя близость съ Орловымъ въ Кишиневѣ, наконецъ, тѣсная дружба съ Александромъ Раевскимъ въ Одессѣ, и на придачу долгая влюбленность въ одну изъ барышень Раевскихъ, должны были ярко отразиться на развитіи Пушкина,— и это какъ разъ въ тѣ годы, когда окончательно складывались его характеръ и міровоззрѣніе. Наибольшую важность представляетъ здѣсь, конечно, рядъ личныхъ вліяній, -а это были, каждая въ своемъ родѣ, все богатыя и самобытныя индивидуальности; но важны и тѣ общія идейныя теченія, съ которыми онъ столкнулся въ этомъ кругу. Только пять лѣтъ назадъ кончилась Отечественная война, гдѣ старикъ Раевскій былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, гдѣ Орловъ связалъ свое имя съ капитуляціей Парижа, гдѣ и Александръ Раевскій получилъ свое боевое крещеніе; въ нихъ навѣрное еще не совсѣмъ остыло патріотическое и военное одушевленіе тѣхъ дней, и ихъ разсказы были для Пушкина живою лѣтописью эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ нихъ же въ Кишиневѣ и Каменкѣ онъ соприкоснулся непосредственно съ тѣмъ общественнымъ движеніемъ, которое привело затѣмъ къ 14-му декабря. Такимъ образомъ, чрезъ эту семью шли оба главныхъ вліянія, которыя опредѣлили политическую мысль Пушкина: монархическій патріотизмъ 12-го года и революціонная идеологія декабристовъ. Если прибавить къ этому, что и съ Байрономъ Пушкинъ познакомился благодаря Раевскимъ, то ихъ важная роль въ исторіи его жизни и творчества будетъ очевидна.

Центральной фигурой этого Пушкинскаго кружка былъ, конечно, самъ Раевскій, человѣкъ выдающійся не только по военному таланту, но и по высокимъ душевнымъ качествамъ, прекрасный цѣльностью и прямотой натуры и полнымъ отсутствіемъ аффектаціи, очаровавшій двухъ нашихъ поэтовъ — Батюшкова въ 1814 г. и Пушкина въ 1820-мъ. Послѣдній съ восторгомъ отзывался о его ясномъ умѣ, свободномъ отъ предразсудковъ, сильномъ характерѣ, простой и прекрасной душѣ, готовой на участіе и дружбу. Мы увидимъ дальше, какъ много нѣжности таилъ въ себѣ подъ суровой оболочкой этотъ знаменитый русскій генералъ, такъ похожій на античнаго полководца [1]).

Въ серединѣ мая 1820 г. Раевскій съ младшимъ сыномъ Николаемъ и двумя дочерьми-подростками, въ томъ числѣ Маріей,

---

[1]) Сколько-нибудь сносной біографіи Раевскаго нѣтъ; библіографію см. въ Рус Вѣстн. 1898 г., мартъ.

будущей декабристкой Волконской, пустился въ путь изъ Кіева на Кавказскія воды, куда уже до нихъ прибылъ, чтобы лечить старую рану въ ногѣ, его старшій сынъ, Александръ. Какъ извѣстно, этой скромной лечебной поѣздкѣ суждено было стать исторической: въ Екатеринославѣ, по пути изъ Кіева на Кавказъ, Николай Раевскій младшій (т.-е. сынъ) разыскалъ своего петербургскаго пріятеля Пушкина, только-что пріѣхавшаго въ ссылку и лежавшаго здѣсь въ жестокой лихорадкѣ, и съ согласія Инзова Раевскіе увезли съ собою молодого поэта на Кавказъ и потомъ въ Крымъ. Эта встрѣча въ Екатеринославѣ едва-ли была случайной. Раевскіе безъ сомнѣнія знали, что въ Екатеринославѣ найдутъ Пушкина. 7 мая одна изъ дочерей, Екатерина Николаевна, посылая изъ Петербурга письмо брату Александру въ Кіевъ, объясняетъ въ *P. S.*, почему оно идетъ почтою: „мама забыла послать его съ Пушкинымъ“, а изъ писемъ старика видно, что въ Екатеринославъ они пріѣхали въ 10 ч. веч. и уѣхали изъ него на другой день послѣ завтрака; между тѣмъ молодой Раевскій еще въ тотъ-же вечеръ успѣлъ разыскать Пушкина и къ полудню уладилъ его поѣздку.

Четыре мѣсяца, проведенные Пушкинымъ на Кавказѣ и въ Крыму среди Раевскихъ, принадлежатъ къ счастливѣйшимъ днямъ его жизни. Въ сентябрѣ, разсказывая въ письмѣ къ брату объ этой поѣздкѣ, онъ писалъ: „Суди, былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море: другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго“.

Въ эти мѣсяцы, когда Пушкинъ (какъ онъ вспоминалъ уже много позднѣе) подолгу сиживалъ на берегахъ Подкумка съ Александромъ Раевскимъ,—у послѣдняго шла дѣятельная переписка съ Орловымъ, остававшимся въ Кіевѣ.

30 мая 1820 г Орловъ пишетъ [1]): „Я обѣщалъ писать и посылать газеты. И то, и другое исполняю, въ надеждѣ, что твои обѣщанія также исполнятся, любезный Александръ Николаевичъ. Ожидать буду твоего отвѣта съ нетерпѣніемъ, помня, что онъ мнѣ дастъ подробное понятіе о положеніи того края, въ которомъ ты основалъ свою жизнь на нѣкоторое время“. „Новостей политическихъ мало,—пишетъ онъ далѣе.—Говорятъ, что въ Римѣ открытъ заговоръ и что по сему случаю 35 тыс. австрійцевъ выступили къ сему городу... Вездѣ огонь живетъ подъ пепломъ, и я очень думаю, что 19-й вѣкъ не пробѣжитъ до четверти безъ развитія какихъ-нибудь странныхъ происшествій“. На дняхъ пріятельскіе разсказы пояснили ему многое, но эти извѣстія онъ не можетъ довѣрить бумагѣ. „Когда увидишь

[1]) По-русски, какъ и слѣдующія письма.

Алексѣя Петровича (Ермолова), бей ему отъ меня челомъ. Поклонъ и простого римскаго гражданина не долженъ быть отвергнутъ римскимъ проконсуломъ, какова бы ни была его слава". Въ концѣ письма характерная просьба—отвѣчать по-русски. О томъ же проситъ потомъ однажды Пушкинъ изъ Кишинева брата.

19 іюня Орловъ пишетъ: „Посылаю тебѣ нѣсколько газетъ, въ которыхъ найдешь все то-же, что и прежде, то есть безконечные споры между гасителями, коихъ не должно пускать тушить, и свѣтилами, коимъ не должно позволять жечь.

„Я, наконецъ, назначенъ дивизіоннымъ командиромъ. Прощаюсь съ мирнымъ Кіевомъ, съ симъ городомъ, который я почиталъ сперва за политическую ссылку, и съ коимъ не безъ труда разстаюсь. Милости твоего батюшки всегда мнѣ будутъ предстоять и я едва умѣю выразить, сколь мнѣ прискорбно переходить подъ другое начальство. Но должно было рѣшиться. Иду на новое поприще, гдѣ самъ буду настоящимъ начальникомъ".

Послѣднее сохранившееся письмо, отъ 13 октября, любопытно, какъ свидѣтельство полной зрѣлости мысли въ области конкретныхъ политическихъ вопросовъ.

„Любезный другъ, благодарю за твое занимательное письмо изъ Крыма, которымъ я тѣмъ болѣе былъ доволенъ, что оно писано по-русски и довольно-чистымъ русскимъ языкомъ. Извѣстія о Грузіи и о подвигахъ или намѣреніяхъ Ермолова весьма важны, но мнѣ кажется, что со всѣмъ его умомъ онъ довершить общаго успокоенія той страны не въ состояніи. Такъ-же трудно поработить чеченцовъ и другіе народы того края, какъ сгладить Кавказъ. Это дѣло исполняется не штыками, но временемъ и просвѣщеніемъ, котораго и у насъ не избыточно. При паденіи листовъ сдѣлаютъ еще экспедицію, повалятъ нѣсколько народа, разобьютъ толпу неустроенныхъ враговъ, заложатъ какую-нибудь крѣпостцу и возвратятся во-свояси, чтобы опять ожидать осени. Этотъ ходъ дѣла можетъ принести Ермолову большія личныя выгоды, а Россіи никакихъ. Впрочемъ, я не его виню. Обстоятельства и прежнія мѣры начальниковъ и предмѣстниковъ его сдѣлали изъ Грузіи въ отношеніи нашего Отечества, такъ сказать, политическую фистулу. Черезъ оную Россія потеряла много крови и соковъ. Но со всѣмъ тѣмъ въ этой непрерывной войнѣ есть что-то величественное, и храмъ Януса для Россіи, какъ для древняго Рима, не затворяется. Кто кромѣ насъ можетъ похвастаться, что видѣлъ вѣчную войну?"

V.

Когда Пушкинъ въ сентябрѣ, разставшись съ семьей Раевскихъ, пріѣхалъ въ Кишиневъ, куда его начальникъ Инзовъ

тѣмъ временемъ перевелъ свою канцелярію изъ Екатеринослава, онъ уже засталъ здѣсь Орлова, который, наконецъ, послѣ пятикратнаго отказа, получилъ дивизію, именно 16-ую пѣхотную дивизію второй арміи, стоявшую въ Кишиневѣ. Этимъ назначеніемъ онъ былъ обязанъ ходатайству главнокомандующаго 2-ой арміи, гр. Витгенштейна, и давней дружбѣ съ Киселевымъ, который въ то время состоялъ начальникомъ штаба при Витгенштейнѣ. Очевидно, ему съ большой неохотой вручали активное командованіе, да и то лишь возможно дальше отъ центра, въ далекой и некультурной окраинѣ.

Какъ свидѣтельствуютъ письма, Орловъ выѣхалъ изъ Кіева въ Кишиневъ 10 іюля 1820 г. Въ Тульчинѣ, по пути изъ Кіева на мѣсто новой службы, онъ сталъ членомъ Тайнаго общества. Его приняли Фонъ-Визинъ, Пестель и Юшневскій. Позднѣе, на слѣдствіи по дѣлу 14 декабря, онъ заявлялъ, что къ вступленію въ Союзъ Благоденствія его побудили ихъ упреки, „что зная всѣ ихъ тайны и имена многихъ, не великодушно мнѣ не раздѣлять ихъ опасности“ [1]). Это звучитъ правдоподобно,—и во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ вступилъ въ тайное общество безъ мысли объ активной революціонной дѣятельности. Въ одномъ изъ лѣтнихъ писемъ къ А. Раевскому на Кавказъ, сообщая о своей встрѣчѣ съ С. И Тургеневымъ, онъ съ большимъ сочувствіемъ отзывался о перемѣнѣ, происшедшей въ Тургеневѣ: „Правила оставилъ тѣ-же, но скромность въ выраженіяхъ, постепенность въ желаніяхъ, принятіе плана жизни и службы доказываютъ, что наступило время зрѣлости и что разсудокъ взялъ перевѣсъ надъ пылкостью страстей“. Эти слова характеризуютъ настроеніе самого Орлова. Конечно и онъ остался тотъ же и все такъ же вѣрилъ въ неизбѣжность „событія“, но все яснѣе становилось ему, что надо запастись терпѣніемъ, что для „событія“ нужно особенное стеченіе обстоятельствъ, котораго, можетъ быть, придется еще долго ждать; а пока нельзя же было жить все на бивуакахъ, надо было подумать о томъ, чтобы „принять планъ жизни и службы“. Сюда присоединялось еще и личное соображеніе: онъ уже давно любилъ Екат. Ник. Раевскую и какъ-разъ теперь готовился просить ея руки. Итакъ, онъ ѣхалъ въ Кишиневъ съ мыслью о болѣе прочномъ устройствѣ, и мы видѣли, какъ доволенъ онъ былъ своимъ новымъ назначеніемъ, которое открывало ему сравнительно широкій просторъ для мирной культурной дѣятельности. Въ томъ самомъ письмѣ, которымъ онъ извѣщалъ А. Раевскаго о своемъ переводѣ въ Кишиневъ, онъ писалъ: „Политика запружена и Богъ знаетъ когда потечетъ. Я также строю умственную насыпь, чтобъ запрудить мысли мои. *Пускай покоятся до времени*“.

Имъ пришлось покоиться недолго. Осенью этого же года,

---

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій, *Мемуары декабристовъ*, 1906 г., стр. 6.

когда рѣшенъ былъ вопросъ о созывѣ на январь въ Москву виднѣйшихъ членовъ Союза Благоденствія,—въ числѣ предполагаемыхъ участниковъ съѣзда былъ намѣченъ и Орловъ, и хотя онъ вступилъ въ тайное общество всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, его участіе признали настолько важнымъ, что Якушкинъ, ѣхавшій по этому дѣлу въ Тульчинъ, долженъ былъ нарочито, съ письмомъ отъ Фонъ-Визина, заѣхать въ Кишиневъ, чтобы пригласить на съѣздъ Орлова.

Въ своихъ запискахъ Якушкинъ подробно описалъ и это первое свое знакомство съ Орловымъ, и роль послѣдняго на московскомъ съѣздѣ. Его правдивость стоитъ внѣ сомнѣній, но и здѣсь, какъ во всякихъ мемуарахъ, надо строго различать три вещи: 1) объективные факты, 2) отношеніе къ нимъ автора въ моментъ самаго дѣйствія, и 3) его отношеніе къ нимъ въ моментъ писанія. Записки свои Якушкинъ писалъ много лѣтъ спустя; его разсказъ проникнутъ явнымъ недружелюбіемъ къ Орлову, и это его отношеніе часто рѣзко противорѣчитъ не только самимъ фактамъ, которые онъ передаетъ, но и его собственному *тогдашнему* отношенію къ этимъ фактамъ, поскольку оно явствуетъ изъ его же разсказа.

Такъ, его разсказъ съ совершенной очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что Орловъ произвелъ на него какъ нельзя болѣе выгодное впечатлѣніе, и не только какъ симпатичный человѣкъ, располагавшій къ себѣ добротою и ласковостью обхожденія, но и какъ убѣжденный и крайне цѣнный членъ тайнаго общества. Онъ разсказываетъ, что на его увѣщанія пріѣхать въ Москву Орловъ отвѣчалъ, что пока навѣрное обѣщать не можетъ, и съ своей стороны звалъ его къ Давыдовымъ въ Каменку, куда самъ ѣхалъ съ Охотниковымъ. Якушкину очень не хотѣлось, да и незачѣмъ было, ѣхать въ Каменку, но когда Охотниковъ шепнулъ ему, что, ѣдучи съ ними, онъ легче уговоритъ Орлова, Якушкинъ рѣшился ѣхать къ Давыдовымъ и, пріѣхавши, прожилъ у нихъ все время, что и Орловъ, т. е. цѣлую недѣлю; при прощаніи Орловъ дѣйствительно далъ ему слово пріѣхать на съѣздъ въ Москву. Надо знать непоколебимую убѣжденность Якушкина и его твердый характеръ, чтобы понять смыслъ этого эпизода. Очевидно, узнавъ Орлова лично, онъ счелъ его присутствіе на съѣздѣ дѣломъ исключительной важности.

О поведеніи Орлова на этомъ съѣздѣ существуетъ два діаметрально-противоположныхъ показанія. Одно принадлежитъ Якушкину, въ другомъ совпадаютъ три другихъ участника съѣзда — Волконскій, Граббе и Н. Тургеневъ. Якушкинъ разсказываетъ, что Орловъ привезъ писанный проектъ условій, на которыхъ онъ соглашался быть членомъ Общества; именно, онъ предлагалъ перейти къ крайнимъ революціоннымъ дѣйствіямъ и прежде всего завести тайную типографію и фабрику фальшивыхъ ассигнацій. Разумѣется, его планъ вызвалъ только общее

изумленіе; „но ему,—говоритъ Якушкинъ,—того-то и нужно было. Помолвленный на Раевской, въ угодность ея роднымъ онъ рѣшился прекратить всѣ сношенія съ членами Тайнаго Общества; на возраженія наши онъ сказалъ, что если мы не принимаемъ его предложеній, то онъ никакъ не можетъ принадлежать къ нашему Тайному Обществу. Послѣ чего онъ уѣхалъ и ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался“.

О такомъ предложеніи Орлова ни однимъ словомъ не упоминаютъ трое другихъ участниковъ съѣзда. Волконскій,—какъ мы видѣли, старый другъ Орлова—съѣхался съ нимъ (и Охотниковымъ) въ Тульчинѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать на съѣздъ въ Москву. Проѣздомъ чрезъ Кіевъ, разсказываетъ онъ, Орловъ рѣшился сдѣлать давно задуманный шагъ—просить руки Екат. Ник. Раевской. Переговоры шли черезъ А. Н. Раевскаго, и послѣдній поставилъ ему кореннымъ условіемъ выходъ изъ тайнаго общества, такъ что, выѣзжая изъ Кіева, Орловъ былъ въ нерѣшительности, что ему дѣлать. Обстоятельства указали ему выходъ. На съѣздѣ съ самаго начала получено было извѣщеніе отъ петербургской думы, что правительство слѣдитъ за дѣйствіями тайнаго общества и что поэтому благоразумнѣе будетъ формально закрыть общество и дѣйствовать каждому въ одиночку. Такъ и было рѣшено, и къ этому рѣшенію примкнулъ Орловъ. То же самое разсказываютъ о съѣздѣ и роли Орлова Тургеневъ и Граббе, причемъ первый сообщаетъ, что Орловъ *съ самаго начала* заявилъ о своемъ намѣреніи выйти изъ общества, а второй добавляетъ, что предложеній, приписываемыхъ Якушкинымъ Орлову, послѣдній не дѣлалъ, иначе ихъ слышали бы всѣ—„тѣмъ болѣе, что его слова непремѣнно принимались съ напряженнымъ вниманіемъ“ [1]).

Показаніе Якушкина настолько противорѣчитъ духовному облику Орлова и всѣмъ фактамъ его дальнѣйшей жизни (между прочимъ, и позднѣйшимъ отношеніямъ къ нему такихъ непреклонныхъ революціонеровъ, какъ Охотниковъ или В. Ѳ. Раевскій), что его приходится совершенно отвергнуть [2]). На такое низкое лицемѣріе Орловъ былъ неспособенъ, да ему и не простили бы его. Ошибка объясняется просто: Якушкинъ, очевидно запамятовавъ, слѣдовалъ въ этомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній запискѣ тайнаго агента Грибовскаго, составленной, конечно, на основаніи доносовъ и сплетенъ [3]). Дѣло было безъ сомнѣнія такъ, какъ изобразилъ его Волконскій. Предъ нами письмо

---

[1]) Сравни показаніе Комарова,—Довнаръ-Запольскій, цит. соч., стр. 34—35.

[2]) Въ письмѣ къ редактору „Колокола“ по поводу выхода въ свѣтъ записокъ Якушкина Н. И. Тургеневъ говоритъ, между прочимъ: „Я нахожу также нѣсколько неосновательныхъ и невѣрныхъ разсказовъ о другихъ лицахъ, кромѣ меня, *и именно о Мих Орловѣ*“ (*Колоколъ*, № 155, отъ 1 февр 1863 г.).

[3]) См. *Записки* И. Д. Якушкина, стр. 53, и *Р. Стар.* 1872, VI, стр. 602.—Кромѣ того: Тургеневъ, *La Russie et l. R.*, I 118. Волконскій 410—12, *Р. Стар.* 1873 мартъ, 374 и 1872 май 775 сл.

Орлова къ сестрѣ отъ 12 февраля (1821 г.) изъ Кіева; извѣщая сестру о своей помолвкѣ съ Раевской, онъ извиняется, что изъ Москвы не заѣхалъ къ ней въ Ярославль: „нетерпѣніе узнать исходъ моего предложенія заставило меня спѣшить обратно". Очевидно, по пути въ Москву онъ сдѣлалъ предложеніе чрезъ А. Раевскаго, который обѣщалъ приготовить ему отвѣтъ къ обратному проѣзду; значитъ дѣло было за согласіемъ Екат. Ник. и ея родителей.

VI.

Свадьба состоялась 15 мая 1821 года. Въ Кишиневѣ молодые зажили на широкую ногу, занявъ два смежныхъ дома и держа свой столъ открытымъ для всей военной молодежи. Орловъ былъ не только самое важное послѣ намѣстника лицо въ городѣ и не только большой баринъ и аристократъ, но и человѣкъ высоко стоявшій надъ толпою по образованности, характеру и убѣжденіямъ. Вигель въ нѣсколькихъ злобныхъ строкахъ очень живо изображаетъ кишиневскую обстановку Орлова: „Прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домѣ, а чтобы являться въ немъ, надобно было болѣе или менѣе раздѣлять мнѣнія хозяина... Два демагога, два изувѣра, адъютантъ Охотниковъ и маіоръ Раевскій съ жаромъ витійствовали. Тутъ былъ и Липранди... На бѣду попался тутъ и Пушкинъ, котораго сама судьба всегда совала въ среду недовольныхъ. Семь или восемь молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба извѣстныхъ фамилій... съ чадолюбіемъ были воспріяты. Къ ихъ пылкому патріотизму, какъ полынь къ розѣ, сталъ прививаться тутъ западный либерализмъ. Передъ своимъ великимъ и неудачнымъ предпріятіемъ нерѣдко посѣщалъ сей домъ съ другими соумышленниками князь Александръ Ипсиланти... Все это говорилось, все это дѣлалось при свѣтѣ солнечномъ, въ виду цѣлой Бессарабіи". Вигель не преувеличиваетъ: все, что мы знаемъ о кишиневской жизни Орлова, показываетъ, что онъ дѣйствительно былъ здѣсь центромъ политическаго вольнодумства, а его домъ—какъ бы либеральнымъ клубомъ. О степени этого вольнодумства можно судить по тому, что всѣхъ ближе къ Орлову были въ Кишиневѣ два крайнихъ радикала—его адъютантъ Охотниковъ и извѣстный В. Ѳ. Раевскій [1]).

[1]) Біографія В. Ѳ. Раевскаго написана П. Е. Щеголевымъ и издана отдѣльно въ 1905 г. О рано умершемъ Охотниковѣ извѣстно мало; вотъ его любопытная характеристика, сдѣланная М. Ѳ. Орловымъ въ письмѣ къ женѣ (Орловъ пишетъ изъ своей калужской деревни въ апрѣлѣ 1823 г.): „Охотниковъ пробылъ здѣсь два дня, и все раскритиковавъ, все разбранивъ, изложивъ всѣ свои философскія воззрѣнія, увозитъ теперь это письмо, съ тѣмъ, чтобы сдать его на почту въ Козельскѣ или Мещовскѣ. Не знаю ничего несноснѣе этого воплощеннаго нравственнаго совершенства, которое отговариваетъ всякій чужой поступокъ и беретъ на себя роль ходячей совѣсти своихъ друзей. Въ сущности онъ прекраснѣйшій и достоп-

Въ этомъ домѣ Пушкинъ былъ едва-ли не ежедневнымъ гостемъ [1]).

„У насъ, — пишетъ Екат. Ник. брату Александру (конецъ 1821 г.),—безпрестанно идутъ шумные споры—философскіе, политическіе, литературные и др.; мнѣ слышно ихъ изъ дальней комнаты. Они заняли бы тебя, потому что у насъ немало оригиналовъ". „Пушкинъ,—пишетъ она въ другой разъ (12 ноября 1821 г.), — больше не корчитъ изъ себя *жестокаго,* онъ очень часто приходитъ къ намъ курить свою трубку и разсуждаетъ или болтаетъ очень пріятно. Онъ только что кончилъ оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнѣнію, хороша, сколько я могу судить, слышавъ ее частью одинъ разъ". „Мы очень часто видимъ Пушкина, который приходитъ спорить съ мужемъ о всевозможныхъ предметахъ. Его теперешній конекъ— *вѣчный миръ аббата Сенъ-Пьера.* Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ и что тогда не будетъ проливаться иной крови, какъ только кровь людей съ сильными характерами и страстями, съ предпріимчивымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь нарушителями общественнаго спокойствія. Я хотѣла-бы видѣть, какъ-бы ты сцѣпился съ этими спорщиками" (23 ноября 1821 г.). Во время одной отлучки жены изъ Кишинева Мих. Ѳед., разсказывая ей въ письмѣ, какъ проходитъ его день, писалъ: „Къ обѣду собираются мои пріятели. Послѣ обѣда иногда ѣзжу верхомъ. Третьяго дня поѣхалъ со мною Пушкинъ и грохнулся о-земь. Онъ умѣетъ ѣздить только на Пегасѣ, да на донской клячѣ". 8 декабря 1822 г. Екат. Ник. пишетъ брату: „Посылаю тебѣ письмо, кажется отъ Пушкина; его принесла г-жа Тихонова... Пушкинъ послалъ Николаю отрывокъ поэмы, которую не думаетъ ни печатать, ни кончать. Это странный замыселъ, отзывающійся, какъ мнѣ кажется, чтеніемъ Байрона.—Его дали Муравьевымъ, которые привезутъ его тебѣ" [2]). Это были, конечно, „Братья-разбойники". Въ Кишиневъ пріѣзжали къ Орловымъ родные—Раевскіе, Давыдовы, все люди уже близкіе Пушкину, и самъ онъ ѣздилъ съ Орловыми въ Кіевъ и Каменку къ ихъ роднымъ; словомъ, онъ сталъ какъ бы пріемнымъ членомъ семейства.

нѣйшій человѣкъ, и я люблю его отъ всей души, но у него привычка говорить другому въ лицо самыя грубыя истины, не догадываясь, что каждая изъ нихъ бьетъ того словно обухомъ по головѣ". Сравн. отзывъ Липранди, Р. Арх. 1866 № 8—9. стр. 1252.

[1]) Что Орловъ зналъ его еще изъ Петербурга, доказывается письмомъ Орлова къ А. Н. Раевскому на Кавказъ, отъ 8 іюля 1820 г,—гдѣ есть „поклонъ юному Аруету Пушкину".

[2]) Отмѣчу здѣсь-же для полноты слѣд. строки изъ письма М. Ѳ. Орлова къ женѣ *изъ Кіева* отъ 29 мая 1824 г.: „Пушкинъ былъ посланъ на саранчу. Онъ воевалъ съ нею и послѣ весьма трудной кампаніи *вчера вернулся,* отступивъ предъ несмѣтнымъ непріятелемъ".

VII.

Однако вернемся къ Орлову. Мы видѣли, съ какими мыслями онъ ѣхалъ въ Кишиневъ: новая должность открывала ему большій просторъ для гуманитарной дѣятельности и, главное, ставила его въ непосредственное общеніе съ „народомъ“ въ лицѣ сѣрой солдатской массы. На эту массу и направилось теперь все его вниманіе. Его первой заботой по принятіи начальства надъ 16-й дивизіей было категорически запретить употребленіе на ученьяхъ палокъ, шомполовъ и тесаковъ, его вторымъ дѣломъ—призвать В. Ѳ. Раевскаго къ управленію уже раньше учрежденной при дивизіи ланкастерской школой. И затѣмъ въ продолженіе всего двухлѣтняго времени своего командованія дивизіей онъ широко и энергично дѣйствовалъ въ этихъ двухъ направленіяхъ. Онъ не только совершенно искоренилъ жестокость въ обращеніи съ солдатами, но и всѣми мѣрами старался пробуждать въ нихъ чувство человѣческаго достоинства,—напримѣръ, принималъ жалобы относительно наказаній, которымъ они подвергались со стороны ихъ ближайшаго начальства, и наряжалъ слѣдствія по такимъ дѣламъ. Дивизіонная ланкастерская школа подъ руководствомъ В. Ѳ. Раевскаго развилась блестяще, и то, что дѣлалось въ ней и что вскорѣ погубило Раевскаго, дѣлалось, конечно, съ вѣдома и одобренія Орлова. Не ограничиваясь Кишиневомъ, Орловъ основалъ рядъ такихъ же училищъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ дикой тогда Бессарабіи, гдѣ были расположены отдѣльныя части его дивизіи, и тратилъ на нихъ немало собственныхъ денегъ.

Военные нравы въ тогдашней Россіи были жестоки. Въ той-же Бессарабіи, кромѣ 16-ой, Орловской, дивизіи, стояла другая—17-ая, которою командовалъ Желтухинъ. Чтобы получить наглядное представленіе о положеніи русскаго солдата въ то время, достаточно прочитать небольшую „записку“ о происшествіи, случившемся въ этой дивизіи въ 1822 году, хранящуюся въ Военно-ученомъ архивѣ. Въ маѣ этого года корпусный командиръ Сабанѣевъ, обративъ вниманіе на участившіеся побѣги изъ 17-ой дивизіи, гдѣ изъ одного только Екатеринбургскаго полка за шесть недѣль бѣжало 28 человѣкъ, поручилъ маіору Липранди и аудитору Маркову произвести слѣдствіе. Допросивъ пять человѣкъ дезертировъ, Липранди такъ излагалъ ихъ показанія:

„1-е. Жители продовольствовали ихъ такъ дурно, что солдаты терпѣли даже голодъ.

2-е. Ученье слишкомъ изнурительное производится два раза въ день, во время коего всегда по нѣсколько человѣкъ падаютъ во фронтъ отъ сильной затяжки на груди ранцевыхъ ремней и за малѣйшую ошибку, начиная отъ дивизіоннаго командира до

послѣдняго унтеръ-офицера бьютъ. Одинъ изъ нихъ показалъ, что когда зашли по отдѣленіямъ направо, унтеръ-офицеръ замѣтилъ его въ ошибкѣ и билъ до тѣхъ поръ по шеѣ и лицу, пока упалъ безъ чувствъ; вообще, унтеръ-офицеры даютъ по нѣсколько сотъ палокъ. Сверхъ всего этого по вечерамъ учатъ ихъ пунктикамъ изъ рекрутской школы.

3-е. Содержаніе аммуниціи въ требуемой чистотѣ, разоряя ихъ, затрудняетъ до невѣроятности. Ранцы во всей дивизіи выворочены и лакируются сапожною ваксою на собственный счетъ солдатъ; перевязи и портупеи натираютъ бѣлымъ воскомъ послѣ мѣлу. Въ случаѣ же невыполненія по неимѣнію денегъ и иныхъ средствъ таковыхъ требованій, наказываютъ жестоко, какъ, напримѣръ, 2-й гренадерской роты капитанъ за невычищеніе воскомъ перевязи наказалъ одного изъ нихъ 300 ударами палокъ.

4-е. Сіи самыя причины вынудили ихъ бѣжать; къ чему 1-й гренадерской роты рядовой, служащій 12-ть лѣтъ, бывшій уже въ двухъ войнахъ и имѣющій три раны, прибавилъ, что онъ хотѣлъ застрѣлиться, но какъ христіанинъ предпочелъ умереть отъ руки басурмановъ и потому бѣжалъ, зная, что они рѣжутъ головы; но имѣя несчастье быть пойманнымъ, проситъ, чтобъ его разстрѣляли.

5-е. Бѣжавшихъ 17-й дивизіи за границей въ Молдавіи очень много, такъ что почти въ каждомъ селеніи встрѣчаешь русскаго—многіе изъ нихъ турками взяты и будутъ доставлены.

6-е. Второй баталіонъ Екатеринбургскаго полка содержитъ караулъ въ Липканахъ и Хотинѣ, что отстоявши сутки въ караулѣ въ Липканахъ идутъ въ Хотинъ и прійдя послѣ полуночи начинаютъ чистить аммуницію и утромъ вступаютъ снова въ караулъ. Въ этотъ-же день дѣлаютъ и ученье для того, что генералъ Желтухинъ, несмотря ни на какія обстоятельства, требуетъ, чтобы резервные баталіоны равнялись въ ученьи дѣйствующимъ".

На этомъ черномъ фонѣ дѣятельность Орлова выдѣляется яркимъ пятномъ. Читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь два образчика Орловскихъ приказовъ по дивизіи; съ той поры прошло 80 лѣтъ, но и теперь военные нравы еще далеко не достигли того уровня человѣчности, какой ставилъ себѣ цѣлью Орловъ. Вотъ одинъ изъ его первыхъ приказовъ, изданный 3 августа 1820 года, т. е. черезъ недѣлю или двѣ по его прибытіи въ Кишиневъ.

„Вступивъ въ командованіе 16 пѣхотною дивизіею, я обратилъ первое мое вниманіе на пограничное расположеніе оной и на состояніе нижнихъ чиновъ. Разсматривая прежній ходъ дѣлъ, я удивился великому числу бѣглыхъ и дезертировъ. Устрашился, увидѣвъ, что начальство для прекращенія побѣговъ принуждено было приступить къ введенію смертной казни въ сей дивизіи, тогда какъ оная казнь въ мирное время цѣлой

Россіи неизвѣстна. Сіе должно доказать каждому и всѣмъ, сколь велико то зло, для искорененія котораго принята правительствомъ столь строгая мѣра, противная столь общему обычаю Отечества нашего.

„Побѣги въ войскахъ могутъ случиться отъ многихъ разныхъ причинъ, изъ коихъ главнѣйшія суть:

1) Недостатокъ въ пищѣ и пропитаніи. Я не думаю, чтобъ нашелся хотя одинъ чиновникъ въ дивизіи, который осмѣлился не допустить солдату слѣдуемую ему пищу, положенную правительствомъ; но ежели сверхъ чаянія моего, таковыя злоупотребленія существуютъ гдѣ-либо въ полкахъ ввѣренной мнѣ дивизіи, то виновные недолго отъ меня скроются, и я обязуюсь передъ всѣми честнымъ моимъ словомъ, что предамъ ихъ военному суду, какого бы званія и чина они не были, всѣ прежнія ихъ заслуги падутъ предъ сею непростительною виною, ибо нѣтъ заслугъ, которыя могли бы въ такомъ случаѣ отвратить отъ преступнаго начальника тяжкаго наказанія.

2. Послабленіе военной дисциплины. Симъ разумѣю я нѣкоторый духъ безпечности и нерадѣнія, въ частныхъ начальникахъ тѣмъ болѣе предосудительный, что примѣръ ихъ дѣйствуетъ быстро на самихъ солдатъ, порождаетъ въ сихъ послѣднихъ лѣность и отъ лѣности всѣ пороки. Я прошу гг. офицеровъ заняться крѣпко своимъ дѣломъ, быть часто съ солдатами, говорить съ ними, внушать имъ всѣ солдатскія добродѣтели, пещись о всѣхъ ихъ нуждахъ, давать имъ примѣръ дѣятельности и возбуждать любовь къ Отечеству, поручившему имъ свое храненіе и свою безопасность.

Когда солдатъ будетъ чувствовать все достоинство своего званія, тогда однимъ разомъ прекратятся многія злоупотребленія, а отъ сего перваго шага будетъ зависѣть все устройство дивизіи. Большая часть солдатъ легко поймутъ таковыя наставленія, они увидятъ попеченіе начальства и сами почувствуютъ свои обязанности. Я самъ почитаю себѣ честнаго солдата и другомъ и братомъ.

3. Слишкомъ строгое обращеніе съ солдатами и дисциплина основанная на побояхъ. Я почитаю великимъ злодѣемъ того офицера, который, слѣдуя внушенію слѣпой ярости, безъ осмотрительности, безъ предварительнаго обличенія, часто безъ нужды и даже безъ причины употребляетъ ввѣренную ему власть на истязаніе солдатъ. Я прошу гг. офицеровъ подумать о слѣдующемъ: отъ жестокости и несправедливости въ наказаніяхъ можетъ родиться отчаяніе; отъ отчаянія произойти побѣгъ, а побѣгъ за границу наказывается смертью; слѣдовательно начальникъ, который жестокостью или несправедливостью побудитъ солдатъ къ побѣгу, дѣлается настоящимъ его убійцею; строгость и жестокость суть двѣ вещи разныя, одна прилична тѣмъ людямъ, кои сотворены для начальства, другая свойственна тѣмъ только, коимъ никакого начальства поручать не должно.

Симъ правиломъ я буду руководствоваться, и гг. офицеры могутъ быть увѣрены, что тотъ изъ нихъ, который обличится въ жестокости, лишится въ то же время навсегда команды своей.

„Изъ сего приказа моего легко можно усмотрѣть, въ какомъ духѣ я буду командовать дивизіею. Въ слѣдующихъ приказахъ я дамъ на сей предметъ положительныя правила, но я желаю, чтобы прежде всего гг. начальники вникнули въ мое намѣреніе, и убѣдившись въ необходимости таковаго съ солдатами обращенія, сдѣлались бы мнѣ сподвижниками въ учрежденіи строгой, но справедливой дисциплины.

„Предписываю въ заключеніе прочитать приказъ сей войскамъ въ каждой ротѣ самому ротному командиру, для чего, буде рота разсѣяна по разнымъ квартирамъ, то сдѣлать общій объѣздъ онымъ. Ежели при объѣздѣ полковъ солдаты по спросѣ моемъ скажутъ, что имъ сей приказъ не извѣщенъ, то я за сіе строго взыщу съ ротныхъ командировъ. Подлинный подписалъ Генералъ-маіоръ Орловъ I-й“.

Другой приказъ Орлова относится къ январю 1822 г., т. е. къ послѣднимъ днямъ его командованія 16-ой дивизіей:

„Думалъ я до сихъ поръ, что ежели нужно нижнимъ чинамъ дѣлать строгіе приказы, то достаточно для офицеровъ просто объяснить ихъ обязанности, и что они почтутъ за счастье исполнять всѣ желанія и мысли своихъ начальниковъ: но къ удивленію моему вышло совсѣмъ противное. Солдаты внемлютъ одному слову начальника; сказалъ: побѣги васъ безчестятъ, и побѣги прекратились. Офицеровъ напротивъ того просилъ неотступно укротить ихъ обращеніе съ солдатами, заниматься своимъ дѣломъ, прекратить самоправныя наказанія, считать себя отцами своихъ подчиненныхъ; но и по сихъ поръ многіе изъ нихъ, несмотря ни на увѣщанія мои, ни на угрозы, ни на самые строгіе примѣры, продолжаютъ самоправное управленіе ввѣренными имъ частями, бьютъ солдатъ, а не наказываютъ, и не только пренебрегаютъ исполненіемъ моихъ приказовъ, но не уважаютъ даже и голоса самого главнокомандующаго.

„Въ Охотскомъ пѣхотномъ полку гг. маіоръ Вержейскій, капитанъ Гимбутъ и прапорщикъ Понаревскій жестокостями своими вывели изъ терпѣнія солдатъ. Общая жалоба нижнихъ чиновъ побудила меня сдѣлать подробное изслѣдованіе, по которому открылись такія неистовства, что всѣхъ сихъ трехъ офицеровъ принужденъ представить я къ военному суду. Да испытываютъ они въ солдатскихъ крестахъ, какова солдатская должность. Для нихъ и для имъ подобныхъ не будетъ во мнѣ ни помилованія, ни состраданія.

„И что жъ? лучше ли былъ баталіонъ отъ ихъ жестокости? ни частной выправки, ни точности въ маневрахъ, ни даже опрятности въ одѣяніи я ничего не нашелъ; дисциплина упала, а

нѣтъ солдата въ баталіонѣ, который бы не почувствовалъ своими плечами, что есть у него начальникъ.

„Послѣ сего примѣра, кто меня увѣритъ, что есть польза въ жестокости и что русскій солдатъ, сей достойный сынъ отечества, который въ цѣлой Европѣ почитаемъ, не можетъ быть доведенъ безъ побоевъ до исправности? Мнѣ стыдно распространяться болѣе о семъ предметѣ, но пора быть увѣреннымъ всѣмъ тѣмъ гг. офицерамъ, кои держатся правиламъ и примѣрамъ Вержейскаго и ему подобныхъ, что я имъ не товарищъ и они заблаговременно могутъ оставить сію дивизію, гдѣ найдутъ во мнѣ строгаго мстителя за ихъ беззаконные поступки.

„Обратимся къ нашей военной исторіи: Суворовъ, Румянцевъ, Потемкинъ, всѣ люди, пріобрѣтшіе себѣ и отечеству славу, были друзьями солдатъ и пеклись объ ихъ благосостояніи. Всѣ же изверги, кои одними побоями доводили ихъ полки до наружной исправности, всѣ погибли или погибнутъ; вотъ примѣры, которые ясно говорятъ всѣмъ и каждому, что жестокое обращеніе съ нижними чинами противно не только всѣмъ правиламъ, но и всѣмъ опытамъ. Въ заключеніе всего объявляю по Дивизіи: 1-е, г. Маіору Вержейскому отказать отъ баталіона, а на мѣсто него назначаю 32-го Егерскаго полка маіора Юмина, 2-е, г. капитану Гимбуту отказать отъ роты, 3-е, г. прапорщику Понаревскому отказать отъ всякаго рода команды, 4-е, всѣхъ сихъ офицеровъ представляю къ военному суду и предписываю содержать на гауптвахтѣ подъ арестомъ впредь до разрѣшенія начальства.

„Кромѣ сего по дѣлу оказались менѣе виноватыми слѣдующіе офицеры, какъ-то: поручику Васильеву въ уваженіе того, что онъ молодыхъ лѣтъ и билъ тесаками нижнихъ чиновъ прежде приказовъ г. главнокомандующаго, г. корпуснаго командира и моего, маіорамъ Карчевскому и Данилевичу, капитану Парчевскому, штабсъ-капитанамъ Станкевичу и Гнилосирову, поручикамъ Калковскому и Тимченкѣ и подпоручику Китицину за самоправныя наказанія, за битье изъ собственныхъ своихъ рукъ, дѣлаю строгій выговоръ. Объявляю имъ двѣ вещи: первую, что такъ какъ многіе изъ нихъ не спрошены комиссіею, то могутъ они, если чувствуютъ себя невинными, рапортомъ прямо на мое имя требовать суда, но тогда подвергнутся всѣмъ послѣдствіямъ онаго, и 2-е, что ежели еще за ними откроются таковые поступки, то подвергнутся участи Вержейскаго, Гимбута и Понаревскаго.

„Предписываю приказъ сей прочитать по ротамъ и объявить совершенную мою благодарность нижнимъ чинамъ за прекращеніе побѣговъ въ теченіе моего командованія“.

Когда, позднѣе надъ Орловымъ было наряжено слѣдствіе, ему между прочимъ былъ поставленъ въ вину случай съ рядовымъ Суярченкой, и вотъ какъ самъ Орловъ излагалъ это дѣло

въ своемъ отвѣтномъ донесеніи. Во время смотра 31-го егерскаго полка при опросѣ 9-ой роты рядовой Алексѣй Суярченко заявилъ ему, что ротный командиръ, поручикъ Турчаниновъ, ударилъ его эфесомъ въ бокъ такъ сильно, что онъ долго не могъ дышать. Орловъ вызвалъ Турчанинова въ кругъ роты и пригрозилъ, что отниметъ у него команду; Турчаниновъ извинился, прося приписать свой поступокъ минутной вспыльчивости, а не обычаю обращаться жестоко съ нижними чинами. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, Орловъ, отославъ поручика, опросилъ роту, и когда всѣ солдаты единогласно подтвердили ему, что не имѣютъ никакой другой жалобы на своего ротнаго командира, онъ снова призвалъ Турчанинова въ кругъ роты и сказалъ ему:

— Вы счастливы, что командуете честными солдатами, которые не хотѣли воспользоваться гнѣвомъ моимъ противъ васъ. Ваша участь зависѣла отъ нихъ. Ежели-бъ одинъ рядовой еще пожаловался на васъ, то послѣ примѣра вашей вспыльчивости, въ коемъ вы сами предо мною сознались, я былъ бы принужденъ отдать васъ подъ слѣдствіе и отнять роту. Помните мое снисхожденіе и старайтесь на будущее время не употреблять законопротивныхъ наказаній.

VIII.

Не прошло и года, какъ имя командира 16-ой пѣхотной дивизіи сдѣлалось какъ-бы нарицательнымъ. Разумѣется, объ немъ пошла *двойная* слава. Какъ смотрѣли на него подчиненные и солдаты, объ этомъ, можно сказать, художественно свидѣтельствуетъ донесеніе тайнаго агента изъ Кишинева, 1821 года. Въ ланкастерской школѣ, сообщаетъ онъ, учатъ „кромѣ грамоты“ „и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи“. „Нижніе чины говорятъ: дивизіонный командиръ (т. е. Орловъ) нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ. 16-ю дивизію называютъ орловщиной... Липранди (подполковникъ, членъ тайнаго общества) говоритъ часовымъ, у него стоящимъ: „не утаивайте отъ меня кто васъ обидѣлъ, я тотчасъ доведу до дивизіоннаго командира. Я вашъ защитникъ. Молите Бога за него и за меня. Мы васъ въ обиду не дадимъ, и какъ часовые, такъ и вѣстовые наставленіе сіе передайте одинъ другому“ [1]). Здѣсь характерно и отношеніе къ Орлову Липранди. Еще болѣе, интимнѣе преданъ ему былъ Охотниковъ, а В. Ѳ. Раевскій въ мартѣ 1822 года изъ Петропавловской крѣпости писалъ кишиневскимъ друзьямъ:

Скажите отъ меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
Съ терпѣньемъ мраморнымъ сносилъ,
Нигдѣ себѣ не измѣнилъ.

[1]) *Рус. Стар.* 1883 декабрь, 657—8.

Очевидно, ему еще и тутъ было нужно и дорого одобреніе Орлова.

А начальство Орлова, ближнее и дальнее, смотрѣло на него косо и позаботилось учредить за его дивизіей секретный надзоръ. Прежде всего, его дивизія сильно отставала по фронтовой части, потому что безъ смертнаго боя нельзя было вдолбить знаменитые три учебныхъ шага; а затѣмъ, въ штабѣ 2-ой арміи, къ которой принадлежала дивизія Орлова, уже знали о неблагонадежности В. Ѳ. Раевскаго. Начальникомъ этого штаба былъ Киселевъ, искренно любившій и уважавшій Орлова, но державшійся правила, что „въ службѣ нѣтъ дружбы“.

Надо думать, что Сабанѣевъ, корпусный командиръ, т. е. ближайшій начальникъ Орлова, ждалъ только перваго случая, чтобы освободиться отъ него. Такимъ случаемъ и явился небольшой бунтъ въ Камчатскомъ полку, входившемъ въ составъ Орловской дивизіи. Узнавъ объ этомъ происшествіи отъ самихъ ослушниковъ, Орловъ приказалъ бригадному командиру Пущину произвести слѣдствіе, а самъ въ тотъ-же день, какъ и предполагалъ заранѣе, выѣхалъ къ больной женѣ въ Кіевъ. Тайно извѣщенный Сабанѣевъ нагрянулъ изъ Тирасполя на слѣдующій день, когда Пущинъ еще и не начиналъ слѣдствія, и, не заставъ Орлова, поднялъ шумъ [1]). Это было въ декабрѣ 1821 года, всего чрезъ полгода послѣ женитьбы Орлова. Въ высшихъ военныхъ сферахъ началось противъ него дѣло, еще болѣе осложнившееся послѣ того, какъ въ февралѣ слѣдующаго года Киселевъ рѣшился наконецъ арестовать В. Ѳ. Раевскаго по обвиненію въ преступной пропагандѣ среди солдатъ.

Орлова обвиняли въ томъ, что онъ распустилъ дисциплину въ своей дивизіи, потакаетъ солдатамъ, ведетъ понибратство съ подчиненными, ввѣрилъ учебныя заведенія первому вольнодумцу въ арміи. Ему ставились въ вину, между прочимъ, и приведенные выше два его приказа, а также чтеніе ихъ передъ ротами. Разобрать дѣло было поручено Киселеву. Онъ не приписывалъ Орлову преступныхъ замысловъ,—онъ только обвинялъ его въ слабости и чрезмѣрной добротѣ, которою-де пользовались люди, какъ Раевскій, для достиженія своихъ цѣлей; и еще болѣе онъ осуждалъ „фальшивую филантропію“ Орлова, утверждающаго, „что нравственные способы приличнѣе и полезнѣе тѣхъ, которые невѣждами употребляются“; все хорошо въ мѣру, говорилъ Киселевъ: не надо калѣчить людей, но и палки у унтеръ-офицеровъ незачѣмъ отнимать, да и вообще „мечтанія Орлова хороши въ теоріи, но на практикѣ никуда ни годятся“. Сабанѣевъ и слышать не хотѣлъ объ оставленіи Орлова дивизіоннымъ командиромъ, и самъ Киселевъ соглашался, что Орлову 16-ой дивизіей болѣе командовать нельзя [2]).

[1]) Воспоминанія Липранди, *Р. Арх.* 1866 № 10, стр. 1438—41.

[2]) Сборн. И. Р. Истор. Общ., т. 78, стр. 90—118. Заблоцкій-Десятовскій, *Графъ П. Д. Киселевъ*, т. I, стр. 158 сл.

Киселевъ предлагалъ Орлову почетный выходъ—проситься въ отпускъ, „на воды“, а тамъ ему дадутъ другую дивизію; но Орловъ заупрямился и требовалъ формальнаго суда. Дѣло тянулось почти полтора года и получило большую огласку, повидимому — даже и за предѣлами Россіи. „Сабанѣевъ думалъ, что однимъ ударомъ меня сшибетъ, — писалъ Орловъ А. Раевскому. —Ударилъ и подулъ въ пальцы: самъ себя ушибъ. Онъ надѣялся, что при первомъ случаѣ я отклонюсь отъ командованія дивизіи и испугаюсь, но я самъ требовалъ изслѣдованія, и тогда онъ взялся за клевету“. Орловъ жилъ въ это время то въ Кишиневѣ, то въ Кіевѣ, то въ своей калужской деревнѣ. Онъ чувствовалъ себя совершенно правымъ. Вскорѣ послѣ происшествія въ Камчатскомъ полку и тотчасъ послѣ ареста Раевскаго, онъ писалъ женѣ изъ Тульчина, куда поѣхалъ для разговора о своемъ дѣлѣ съ главнокомандующимъ 2-ой арміи, гр. Витгенштейномъ: „Мой планъ защиты совсѣмъ готовъ у меня въ головѣ, и если только разумъ способенъ одерживать верхъ надъ слѣпымъ, неразумнымъ и своекорыстнымъ усердіемъ,—я думаю, что настоящій случай докажетъ мою правоту съ полной ясностью и что Сабанѣевъ своей опрометчивостью лишилъ себя всякаго права на расположеніе нашихъ общихъ начальниковъ“ (16 февр. 1882). А въ ноябрѣ онъ писалъ кн. Вяземскому: „Дѣло мое идетъ и продолжается. Чужіе края и отечество наполнились странными слухами, и посреди общаго вранья трудно постичь настоящій ходъ дѣла. Объ ономъ я распространяться не буду, но вообрази себѣ собраніе глупой черни, смотрящей на воздушный шаръ. Одни говорятъ—это чортъ летитъ, другіе—это явленіе въ небѣ, третьи—чудеса, и пр. и пр. Спускается балонъ, и что-жъ? Холстина, надутая газомъ. Вотъ все мое дѣло. Когда шаръ спустится, вы сами удивитесь, что такъ много обо мнѣ говорили. Впрочемъ все сіе дѣло меня крѣпко ожесточило и тронуло до крайности. Ежели я достигъ равнодушія, то черезъ сильную борьбу“ [1]).

Онъ не сдавался на увѣщанія Киселева, настаивалъ на судѣ, требовалъ вопросныхъ пунктовъ, а тѣмъ временемъ Киселеву пришлось по семейнымъ дѣламъ внезапно уѣхать за-границу, гдѣ онъ пробылъ до начала 1823 года,—и дѣло Орлова было рѣшено уже, повидимому, безъ его участія: приказомъ отъ 18 апрѣля, Орловъ былъ лишенъ дивизіи и назначенъ состоять по арміи—„то-есть по фабрикѣ, и заниматься своими дѣлами. Это самое,— писалъ онъ женѣ,—они могли-бы сдѣлать уже годъ назадъ“. Фактически онъ командовалъ дивизіей только полтора года. Его военная карьера, такъ блестяще начавшаяся, была кончена. Новаго назначенія ему не дали, и ближайшіе три года, до ареста въ концѣ 25-го года, онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія и стекляно-фарфороваго завода въ Ма-

---

[1]) *Рус. Арх.* 1884, 4, стр. 391.

сальскомъ уѣздѣ, жилъ то въ деревнѣ, то въ Москвѣ, ѣздилъ въ Крымъ и т. д. [1]) Онъ былъ, повидимому, на самомъ дурномъ счету въ смыслѣ политической благонадежности, и его не спускали съ глазъ. Въ собственноручной запискѣ Александра I, найденной послѣ его смерти въ его кабинетѣ, среди шести видныхъ генераловъ, наиболѣе зараженныхъ пагубнымъ духомъ вольномыслія и являющихся какъ-бы главными очагами заразы въ арміи, названъ и Орловъ [2]), а позднѣе, въ концѣ 1825 г., Дибичъ доносилъ, что Орловъ, содѣйствуя распространенію тайнаго общества въ арміи, старался, но тщетно, заодно съ сыновьями генерала Раевскаго заразить черноморскій флотъ [3]). Этотъ глупый доносъ основывался безъ сомнѣнія на томъ, что лѣтомъ 1825 г. Орловъ ѣздилъ въ Крымъ съ цѣлью купить участокъ земли на Южномъ берегу. Тамъ, между прочимъ, онъ въ Симферополѣ свидѣлся съ давнимъ пріятелемъ— Грибоѣдовымъ.

М. Гершензонъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Вотъ кстати любопытныя цифровыя данныя о его состояніи и о тогдашнихъ цѣнахъ. Въ іюлѣ 1822 г. онъ сообщаетъ женѣ разсчетъ, по которому хотѣлъ бы продать это имѣніе съ заводомъ, если бы нашелся покупщикъ: 230 заводскихъ рабочихъ—по 1 тыс. руб., 500 крестьянъ—по 300 руб., 23.000 десятинъ—по 30 руб., постройки—79.000 руб., инструменты—50.000, матеріалъ—100.000, а всего 1.290.000, но если бы дали милліонъ, то взялъ бы.

[2]) *Рус. Стар.* 1883, дек., стр. 659.

[3]) Шильдеръ, *Николай I*, т. I, стр. 238.

Историческая библіографія.

П. Кропоткинъ. *„Записки революціонера“*. Съ предисловіемъ Георга Брандеса. Издательство „Свободная мысль“. Спб. 1906. VIII + 435 + 7 ненумер. стр. in-12⁰. Цѣна 1 руб.

„ *„Записки революціонера“*. Съ предисловіемъ Георга Брандеса. Съ англійскаго. Переводъ Діонео, подъ редакціей автора. Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1906. XVI + 472 стр. in - 8⁰. Цѣна 1 р.

Князь П. А. Кропоткинъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Это — геніальный человѣкъ. Будучи самымъ крупнымъ дѣятелемъ, — по уму, знаніямъ и способностямъ кружка „Чайковцевъ“, — онъ занимался пропагандой соціально-революціонныхъ идей среди петербургскихъ фабричныхъ рабочихъ. Съѣздивъ въ 1872 г. за-границу, кн. Кропоткинъ поступилъ тамъ въ члены Интернаціонала; въ томъ-же году онъ вернулся назадъ въ Петербургъ и съ того времени уже не сходилъ съ разъ и навсегда избраннаго имъ революціоннаго пути, занимаясь въ то же время и научной дѣятельностью. Въ науку онъ внесъ много цѣннаго. Такъ, изучая (1862—67 гг.) Амурскій край, Маньчжурію и Восточную Сибирь [1]), будучи секретаремъ отдѣленія физической географіи Рус. Геогр. Общества, Кропоткинъ напечаталъ въ изданіяхъ этого общества [2]) рядъ крупныхъ работъ по геологіи и географіи этихъ странъ, а, посѣтивъ съ научной цѣлью Финляндію, онъ въ своемъ трудѣ (напечатанномъ уже въ то время, когда авторъ сидѣлъ за семью замками въ мрачной Петропавловской крѣпости [3]) впервые научно доказалъ, что Швеція, Финляндія и значительная часть Россіи въ ледниковый періодъ представляли собой (какъ теперь Гренландія), страну, покрытую сплошнымъ льдомъ и вѣчнымъ снѣгомъ. Этотъ послѣдній незаконченный трудъ легъ въ основаніе

---

[1]) См. рядъ его статей по географіи, орографіи и геологіи этихъ странъ въ „Запискахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Вост.-Сибирск. Отдѣла Рус. Геогр. Общества и въ „Русск. Вѣстникѣ“ М. Н. Каткова за 1862—67 гг..

[2]) См. „Записки Рус. Геогр. Общества“ кн. III и V, 1873—75.

[3]) См. „Записки Рус. Геогр. Общества“ 1876 г.

установленнаго научно воззрѣнія на геологическое прошлое Россіи. Да и впослѣдствіи, уже будучи эмигрантомъ и анархистомъ, Кропоткинъ обработалъ большую часть отдѣла о Россіи въ знаменитой всеобщей географіи его друга—анархиста Элизэ Реклю.

Арестованный въ 1874 году, Кропоткинъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Переведенный оттуда, по случаю болѣзни, въ военно-сухопытный госпиталь, онъ, съ помощью своихъ товарищей по революціонному дѣлу, убѣжалъ оттуда. Описаніе его побѣга (стр. 309—319 по изд. «Своб. мысли» и 332—342 по изд. «Знанія») представляетъ собою одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ «Записокъ» и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Въ общемъ, «Записки революціонера» князя Кропоткина представляютъ собою не только весьма цѣнный матеріалъ для исторіи нашего революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ, но являются также и замѣчательнымъ произведеніемъ въ художественно-литературномъ отношеніи. Съ большимъ талантомъ рисуетъ авторъ бытъ и нравы «дореформенной», крѣпостной Россіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, московскую и деревенскую жизнь того времени (по художественному мастерству многія страницы здѣсь напоминаютъ «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы Багрова внука», хотя описываемыя обоими, столь различными по убѣжденіямъ, авторами времена отдѣлены цѣлымъ полустолѣтіемъ). Хорошо и ярко описаны также пробужденіе Россіи послѣ севастопольскаго погрома, воспитаніе автора въ пажескомъ корпусѣ, придворная жизнь, которую авторъ видѣлъ въ качествѣ камеръ-пажа, странствованія автора по Сибири въ 60-хъ годахъ, кружокъ «чайковцевъ» и ихъ революціонная пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ, пребываніе автора во французской центральной тюрьмѣ Клэрво (въ 1883—86 гг.) и пр., и пр. Мы не приводимъ здѣсь выписокъ и цитатъ изъ книги Кропоткина, такъ какъ это безъ нужды удлиннило бы нашу рецензію, тѣмъ болѣе, что публика и безъ насъ оцѣнитъ эту замѣчательную книгу. Рѣдко, очень рѣдко появляются у насъ такія книги,—это rari nantes in gurgite vasto, по выраженію одного древняго писателя.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о двухъ лежащихъ передъ нами изданіяхъ «Записокъ революціонера». Мы сравнивали оба эти изданія съ лондонскимъ изданіемъ 1902 года. Оказалось, что оба рецензируемыя изданія представляютъ собою перепечатку текста лондонскаго изданія, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (стр., 115, 123, 126, 127, 369, 372 въ изд. «Своб. Мысли» и стр. 123, 134, 135, 395 и 398 въ изд. «Знанія») сдѣланы пропуски противъ лондонскаго изданія. Очевидно, пропуски эти сдѣланы по цензурнымъ соображеніямъ. Въ изданіи «Своб. Мысли» эти пропуски обозначены нѣсколькими строками точекъ. Въ изданіи же «Знанія» на стр. 395 и 398 эти пропуски ничѣмъ не обозначены, а на стр. 123, 134 и 135 авторъ замѣнилъ эти пропуски новыми варіантами. Въ этихъ двухъ-трехъ варіантахъ да въ прибавкѣ одной фразы объ Эли Реклю (450 въ изд. «Знанія») и за-

ключаются всѣ *«дополненія»* въ изданіи «Знанія». Во всемъ-же остальномъ оба русскія изданія представляютъ перепечатку лондонскаго изданія 1902 года. Къ изданію же „Знанія“ приложено предисловіе автора, датированное декабремъ 1905 года (въ Лондонѣ).

Д. П. Сильчевскій.

Ф. Данъ. *Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалъ-демократіи въ Россіи 1900—1904 гг. Изд. Донской Рѣчи.* Книжка г. Дана написана въ 1904 г. къ Амстердамскому международному соціалистическому конгрессу. Бросается въ глаза именно это обстоятельство: книга написана для европейцевъ, сдержанно, почти объективно, съ большимъ количествомъ важныхъ для исторіи конкретныхъ фактовъ. Факты подобраны добросовѣстно и довольно полно изображаютъ картину развитія рабочаго движенія отъ стачки на отдѣльной фабрикѣ до массоваго политическаго выступленія въ 1903 году. Что касается ея идейнаго содержанія, то въ немъ—при томъ-же видимомъ стремленіи къ объективности — сквозятъ тѣмъ не менѣе рѣзкія полемическія ноты, по которымъ легко узнать не объективнаго изслѣдователя всѣхъ теченій соціалъ-демократической мысли и практики въ Россіи, а лишь представителя извѣстной фракціи. Г. Данъ — представитель „меньшевизма“. Авторъ, выпуская свою книгу въ 1906 г., не нашелъ нужнымъ сдѣлать въ ней измѣненій примѣнительно къ измѣнившимся условіямъ какъ снаружи, такъ и внутри партіи. По его словамъ „и сейчасъ еще ближайшее прошлое накладываетъ на все свой отпечатокъ“. Совершенно вѣрно. На соціалъ-демократіи, какъ партіи, сыгравшей видную роль въ движеніи 1905—6 г., это прошлое висѣло и виситъ до сихъ поръ мертвымъ камнемъ и понять его можно лишь съ точки зрѣнія тѣхъ условій, въ которыхъ ей пришлось развиться. Книга автора, поэтому, не только не теряетъ, но выигрываетъ въ свой цѣнности отъ того, что въ ней наиболѣе цѣльно, безъ всякой переработки, отпечатлѣлось это прошлое. „Періодъ, истекшій со времени послѣдняго международнаго конгресса (Парижскаго), былъ знаменательной эпохой въ жизни всего русскаго общества, и въ частности рабочаго движенія и руководящей имъ Р. С. Д. партіи“, такъ начинаетъ авторъ свою книгу. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы однако видимъ, что закономѣрно развивающееся русское рабочее движеніе не нашло въ соціалъ-демократіи своей руководительницы. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ рабочее движеніе — въ формѣ стачекъ—принимаетъ широкіе размѣры. Какъ пользуется этими стачками соціалъ-демократія? Руководитъ-ли ими? Нѣтъ. „Не нужно забывать, что, при отсутствіи свободы печати и систематическомъ подавленіи цензурой свѣдѣній о рабочемъ движеніи и при почти полномъ отсутствіи профессіональныхъ союзовъ, огромное большинство стачекъ возникаетъ и протекаетъ чисто стихійно... Партійнымъ организаціямъ, во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ не удалось подчинить своему руководству все стачечное движеніе, для этого не хватаетъ ни силъ, ни средствъ, ибо самое простое — на европейскій масштабъ—вмѣшательство соціалъ-демократіи въ ходъ стачки, при условіяхъ нелегальной дѣятельности, предполагаетъ сравнительно огромную затрату революціонной энергіи“. Кромѣ „условій“ мѣшало вмѣшательству соціалъ-демократіи въ чисто-рабочія дѣла и „концентрированіе вниманія ея за послѣдніе годы, главнымъ образомъ на непосредственной политической

агитаціи и борьбѣ, и уже на второмъ съѣздѣ партіи былъ поставленъ вопросъ объ исправленіи этой односторонности" (стр. 9). Но, быть-можетъ, эта „односторонность" давала возможность партіи быть руководительницей политическаго движенія пролетаріата? Посмотримъ. Первыя политическія демонстраціи организуются студентами, а первая демонстрація въ Петербургѣ (въ мартѣ 1901 г.) организуется во имя требованія академической свободы. Рабочій классъ не остается безучастнымъ зрителемъ этого *общественнаго* движенія. Вскорѣ-же онъ присоединяется къ демонстрирующей интеллигенціи, а затѣмъ уже сами соціальдемократическіе комитеты организуютъ демонстраціи. *Присоединеніе* широкихъ рабочихъ массъ къ демонстрирующей русской демократіи наглядно устанавливало неразрывную связь въ самодержавной Россіи соціальдемократическаго и демократическаго движеній. Дальнѣйшее развитіе движенія показало, что только благодаря этой связи могла такъ могуче разразиться русская революція, такъ побѣдоносно итти противъ абсолютизма.

Узкія рамки нелегальныхъ партійныхъ комитетовъ не позволяли имъ не только руководить, но и слѣдить (при отсутствіи свободы печати) за ходомъ рабочаго движенія. А между тѣмъ условія русской жизни - политическій гнетъ и развивающійся капитализмъ—гнали рабочихъ по пути широкихъ массовыхъ и легальныхъ организацій. Въ этомъ своемъ стремленіи къ легальности, къ естественной своей формѣ—массовому проявленію, наше рабочее движеніе заглянуло на минуту... въ участокъ. Какъ это ни странно, но полицейскій участокъ былъ въ 1901 году колыбелью той формы организаціи, которая въ 1905 году выступила въ лицѣ Совѣта раб. деп. во главѣ русской революціи. Мы говоримъ о попыткѣ чиновника московскаго охраннаго отдѣленія, Зубатова, „сорганизовать" рабочій классъ въ участкѣ и... во славу самодержавія. Онъ, дѣйствительно, его сорганизовалъ... на свою погибель. Найдя легальную форму для своего существованія рабочій классъ смелъ и Зубатова и его іезуитскіе замыслы. Авторъ достаточно полно обрисовываетъ эту страницу изъ исторіи рабочаго движенія (стр. 41—44). Онъ забылъ только упомянуть, что организація Зубатова называлась: „Совѣтъ рабочихъ механическаго производства". Въ 1905 году совѣтъ рабочихъ депутатовъ уже не механическаго производства, а всего рабочаго класса Петербурга показалъ гг. изъ охраннаго отдѣленія, любителямъ широкихъ массовыхъ организацій, куда идетъ рабочій классъ, легализированный въ своихъ проявленіяхъ. Войдя въ участокъ забитымъ рабомъ самодержавія, отдавшись на время „руководству" Зубатова, онъ вышелъ оттуда уже въ 1903 году закаленнымъ борцомъ, стихійно рвущимся къ осуществленію *своихъ собственныхъ задачъ*. Урокъ ясенъ: можно купить за деньги отдѣльнаго рабочаго и развратить его до предательства, но нельзя купить *цѣлый классъ*, нельзя заставить его *предать* свои интересы... Самодержавіе не могло помѣшать стихійному развитію рабочаго движенія, но оно сильно мѣшало его организаціи. Оно до сихъ поръ мѣшало и мѣшаетъ созданію классовой пролетарской партіи, крайне несовершеннымъ прообразомъ которой былъ „Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ" 1905 года. А между тѣмъ созданіе классовой партіи было по словамъ Дана „основной проблемой", стоящей передъ русской соціальдемократіей. Къ разрѣшенію этой основной проблемы и стремилась все время соц. дем. партія, въ этомъ стремленіи - ея исторія. Какъ же рѣшалась эта проблема? „Въ отличіе

отъ западно-европейск. ого рабочаго движенія, русская соціальдемократія выступила вначалѣ на истори ческую сцену не какъ организація передового слоя пролетаріата, въ процессъ политической борьбы пришедшаго къ сознанію своихъ классовыхъ интерес овъ; она родилась, прежде всего, какъ организація части революціонной интеллигенціи, разочаровавшейся въ прежнихъ методахъ борьбы за свободу и понявшей, что въ капиталистически развивающейся Россіи только пролетаріатъ можетъ дать надежную опору для борьбы съ самодержавнымъ строемъ" (стр. 57).

Въ этомъ характерѣ *зарожденія* русской соціальдемократіи и лежитъ тотъ мертвый камень, который тянетъ ее къ интеллигентскимъ образованіямъ и мѣшаетъ ей стать истинно-классовой партіей *самого* рабочаго класса. Костюмъ былъ сшитъ раньше, чѣмъ нашелся субъектъ, которому онъ пришелся-бы впору. Вотъ почему и въ книгѣ Дана мы постоянно встрѣчаемся съ этими интеллигентскими начинаніями, выдаваемыми за задачи соц. дем. рабочей партіи. Г. Данъ излагаетъ, однако, эти задачи съ невозмутимой серьезностью. „За послѣдніе годы болѣе серьезно былъ поставленъ вопросъ о надлежащей теоретической и практической подготовкѣ учащихся къ той роли пропагандистовъ и агитаторовъ, которую они должны впослѣдствіи выполнять въ рядахъ партіи. Не говоря уже о студентахъ-соціальдемократахъ, имѣющихъ свои организаціи при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и учащіеся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ—организовывались за послѣдніе годы довольно прочно. Размѣры нашего очерка не позволяютъ намъ долѣе останавливаться на этомъ вопросѣ; поэтому мы ограничимся указаніемъ, что эти гимназическіе кружки не только посвящаютъ свое время теоретическому изученію соціализма, но—особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ не имѣется высшихъ учебныхъ заведеній.—оказываютъ весьма серьезныя практическія услуги организаціямъ соціальдемократической партіи; изъ своей среды они выдѣляютъ не только исполнителей чисто-техническихъ функцій, но подчасъ и пропагандистовъ для рабочихъ и кружковъ" (стр. 56 — 7). Это писалось въ 1904 году, т. е. въ самый разгаръ стихійнаго рабочаго движенія, когда передъ партіей стоялъ вопросъ не объ организаціи „гимназистовъ" и даже уже не о пропагандѣ въ рабочемъ классѣ, а объ организаціи массъ для самостоятельнаго рѣшенія своихъ дѣлъ. Вмѣсто того, чтобы искоренять уродливое явленіе нашей жизни—участіе гимназистовъ, которымъ еще нужно изученіе алгебры и грамматики, въ роли пропагандистовъ задачъ рабочаго класса,—партія ставитъ себѣ задачей ихъ организацію и подготовку!.... Мы остановились на этой мелочи, потому что она характерна для внутренней жизни партіи. Образованная изъ интеллигентовъ, „разочаровавшихся" въ другихъ методахъ борьбы, изъ студентовъ, гимназистовъ,—партія вѣчно искала сближенія съ новой силой русской жизни, пролетаріатомъ. Она мечтала о немъ, на служила ему, она жертвовала собой ради его счастья, но... она не была не была партіей пролетаріата, какими являются западно-европейскія и, выросшія *изъ* рабочаго движенія, а не *для* него. Только исходя изъ очки зрѣнія,—ненормальнаго образованія партіи—и можно разобраться распряхъ, которыя раздирали ее во все время ея существованія. озможности слиться съ рабочимъ классомъ въ силу условій рус- партія постепенно сложилась въ конспиративную организацію

профессіональныхъ революціонеровъ для пропаганды среди рабочихъ. Но, вѣдь, пропагандировать нужно что нибудь. Когда пропагандистъ живетъ и питается не только книжной теоріей, но и самимъ движеніемъ, его пропаганда является синтезомъ теоріи и жизни, чистой идеи и конкретныхъ фактовъ. Его рѣчь образна, его лозунги задѣваютъ самыя живыя струны живой, а не абстрактной человѣческой души. Наконецъ, пропагандистъ можетъ оперировать съ книжной теоріей надъ небольшимъ кружкомъ наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ, но масса требуетъ иныхъ пріемовъ пропаганды, идетъ за иными вождями. Долго и упорно толковала рабочимъ соціальдемократія о прибавочной стоимости, о капитализмѣ и соціализмѣ, о демократической республикѣ и прочихъ нужныхъ, но холодныхъ абстрактныхъ вещахъ; пришелъ сыщикъ—Зубатовъ и его помощникъ Шаевичъ. Заговорили они объ экономическихъ нуждахъ и широкой для ихъ защиты организаціи,— и масса встала и пошла. Еще рѣшительнѣе пошла она за другимъ темнымъ человѣкомъ, за Гапономъ. А масса свѣтлыхъ, самоотверженно преданныхъ дѣлу соціализма лицъ не могли увлечь за собой *ни разу* болѣе или менѣе широкихъ слоевъ рабочаго класса. Секретъ въ томъ, что Зубатовъ и Гапонъ готовили не отдѣльныхъ умныхъ рабочихъ, а врѣзались въ толщу рабочаго класса; они несли ему не квинтъ-эссенцію научнаго соціализма, а интересы дня, интересы его жизни. Полицейская прикосновенность позволяла имъ дѣлать это дѣло въ широкомъ масштабѣ, что недоступно было подпольной партіи, спрятанной не только отъ полиціи, но и отъ широкихъ массъ рабочаго класса. Но послушаемъ автора. „Основой партійной организаціи являются мѣстные комитеты и группы... Каждый мѣстный комитетъ, состоящій обыкновенно изъ 5—6, рѣдко болѣе, членовъ, самостоятельно пополняетъ свой составъ въ случаѣ выбытія изъ него членовъ или нужды въ людяхъ. Комитетъ организуетъ группы пропагандистовъ и агитаторовъ, а также различныя техническія группы... Другъ съ другомъ районы, нерѣдко съ большимъ ущербомъ для дѣла, весьма мало связаны изъ-за соображеній конспиративнаго характера. Пропаганда ведется въ небольшихъ рабочихъ кружкахъ (человѣкъ въ 10), по заранѣе намѣченному плану. Однако, недостатокъ подходящихъ интеллигентныхъ силъ и полицейскія трудности не позволяли до сихъ поръ поставить это дѣло такъ, какъ того требуетъ его важность. Съ одной стороны пропагандисты изъ интеллигентной молодежи часто оказываются недостаточно подготовленными къ выпавшей на ихъ долю функціи, съ другой—вслѣдствіе невозможныхъ полицейскихъ условій занятія часто ведутся нерегулярно, бросаются на серединѣ намѣченнаго курса и т. д.“ (стр. 79). Но, можетъ быть, благодаря хорошо налаженному интеллигентскому аппарату, хорошо велась агитація? „Агитація велась за послѣдніе годы очень оживленно, но, главнымъ образомъ, посредствомъ прокламацій. Устраивать агитаціонныя собранія, въ которыхъ рабочіе принимали-бы живое участіе въ разработкѣ политическихъ вопросовъ, препятствовали, прежде всего, полицейскія условія. Кромѣ того, стремленіе охватить агитаціоннымъ словомъ, хотя бы въ самой общей формулировкѣ, возможно большую массу рабочихъ заставляло отдавать предпочтеніе прокламаціямъ и *подчасъ забывать о всей важности политическаго воспитанія передового слоя рабочихъ, воспитанія, достигаемаго активнымъ участіемъ этихъ рабочихъ въ детальномъ обсужденіи текущихъ политическихъ вопросовъ и въ выработкѣ*

того политическаго поведенія, котораго долженъ держаться рабочій классъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Благодаря такой постановкѣ агитаціи создалось въ значительной мѣрѣ такое положеніе, что даже передовые слои пролетаріата не столько *активно* участвуютъ въ выработкѣ и направленіи дѣятельности партіи, сколько *пассивно* воспринимаютъ и, по мѣрѣ возможности, приводятъ въ исполненіе лозунги, выработанные безъ ихъ *сознательнаго* участія и даваемые „сверху" комитетомъ. Съ другой стороны, стиснутая въ узкія рамки прокламаціи, агитація поневолѣ должна ограничиваться „схематизированіемъ", постановкой политическихъ вопросовъ въ ихъ самомъ общемъ видѣ; а между тѣмъ, только знакомство съ самимъ механизмомъ политическихъ событій, съ ихъ движущими пружинами и сложной обстановкой можетъ дать пролетаріату, въ лицѣ его передовыхъ слоевъ, возможность настолько оріентироваться въ политической жизни страны, чтобы умѣть всегда и всюду найти линію, соотвѣтствующую классовымъ интересамъ пролетаріата. Наконецъ, агитація, какъ она сложилась за послѣдніе годы, имѣла еще одинъ очень существенный недостатокъ. Силою вещей она велась почти всегда *post factum*; разъясняла (поскольку разъясняла) смыслъ уже происшедшихъ событій, *не задаваясь цѣлью* подготовить *активное и сознательное вмѣшательство* пролетаріата въ ту пеструю смѣну событій политической жизни, которыхъ можно было ожидать впереди" (стр. 80, курсивъ вездѣ нашъ). Можно подумать, что все это писалъ не г. Данъ, а злой „критикъ" соціальдемократіи,— экономистъ, ревизіонистъ... Мы сдѣлали эту длинную выдержку, т. к. она чрезвычайно важна; она отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный нами выше: руководила-ли партія политическимъ движеніемъ пролетаріата? Оказывается — нѣтъ, не руководила; она лишь *post factum* разъясняла событія. Это печальное признаніе не останавливаетъ, однако, автора отъ жестокой и чрезвычайно пристрастной критики „экономизма", особенно развившагося именно въ тотъ періодъ, который характеризуется стихійнымъ развитіемъ широкаго стачечнаго движенія. „Сущность экономизма, послѣдовательной выразительницей котораго была газета „Рабочая Мысль" (осн. въ 1897 г.) сводилась, въ общихъ чертахъ, къ представленію, что борьба за политическую свободу есть дѣло буржуазіи, „чисто-рабочіе"-же интересы требуютъ, прежде всего, борьбы профессіональной, борьбы лишь съ непосредственно ощущаемыми массой притѣсненіями и за непосредственно ею сознаваемые интересы. Въ конечномъ счетѣ такая постановка вопроса сводилась къ ограниченію самостоятельности рабочаго движенія лишь сферою профессіональной борьбы и отказу отъ организаціи самостоятельной *политической* рабочей партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ соціализма въ его научномъ видѣ» (ст. 59). Такъ характеризуетъ авторъ экономизмъ. Недобросовѣстность подобной характеристики была бы очевидна для всякаго, считающаго себя экономистомъ", если бы авторъ не оговорился: „сами сторонники „экономизма" не дѣлали этихъ крайнихъ выводовъ изъ занятой ими позиціи и не понимали всего ея политическаго значенія". Оказывается, они—не понимали, но понялъ ее г. Данъ и еще... „марксистская фракція, которая и эти выводы отчетливо формулировала въ своемъ „символѣ вѣры" (Credo [1]). Эта фракція положила

[1]) Здѣсь не лишнимъ будетъ разсказать, „какъ дѣлается исторія". Никакой „фрак-

начало тому чисто-либеральному направленію, которое представлено теперь органомъ г. Струве („Освобожденіе"). (стр. 59—60) Пишущій исторію г. Данъ мало освѣдомленъ о сущности „Освобожденія". Политическій журналъ, первоначально безъ всякой политической организаціи, возникъ по иниціативѣ не русскихъ ревизіонистовъ, а русскихъ земцевъ. Рѣшительно ничего общаго съ ревизіонизмомъ журналъ не имѣлъ. Его задача была внѣ рабочаго класса и состояла въ томъ, чтобы будить широкое общественное мнѣніе, организовывать общественныя силы. Ревизіонизмъ мыслимъ лишь въ нѣдрахъ соціальдемократической партіи. Ничего соціаль-демократическаго въ организаціи „Союза Освобожденія" не было. Это была не прочная, на долгое время разсчитанная организація, а временное политическое образованіе, противопоставленное самодержавному абсолютизму. Уже 17-ое октября сдѣлало ненужнымъ подобное соединеніе. Передъ немногими русскими ревизіонистами стоялъ въ 1900 г. вопросъ: или биться въ сѣтяхъ большевизма и меньшевизма въ безплодной растратѣ силъ, или-же сдѣлать дѣйствительно политическое дѣло, помогая организаціи трудносоединяемыхъ элементовъ буржуазной демократіи исключительно въ цѣляхъ политическихъ выступленій. Дальнѣйшее показало, что идея была правильной

ціи", писавшей „Стефо" никогда не существовало, а было вотъ что. Жили заграницей два человѣка, N. N. и M. M. Они сражались съ „ортодоксіей" русской соціальдемократіи, будучи однако горячо преданы идеѣ соціальдемократической рабочей партіи и интересамъ рабочаго движенія въ Россіи. Никакого политическаго движенія рабочихъ въ Россіи въ то время не было. Было стачечное движеніе чисто экономическаго характера. Сначала „Бундъ", потомъ „Рабочая Мысль", потомъ N. N. и M. M., потомъ „Рабочее Дѣло" начали настаивать на томъ, что, если соц.-дем. партія хочетъ быть партіей рабочихъ, она должна подойти къ нимъ, исходя не изъ абстрактныхъ ученій Маркса и Энгельса, а изъ *ихъ непосредственныхъ интересовъ*. Затѣмъ: опираться должна эта партія не на велѣнія людей, заграницей сидящихъ, а на *самодѣятельность рабочихъ*, въ какомъ бы видѣ эта самодѣятельность не выражалась, хотя бы, напримѣръ, въ видѣ похоронныхъ кассъ. Въ то время такая самодѣятельность только и выражалась въ стачкахъ на экономической подкладкѣ и кое-гдѣ на попыткахъ организовать профессіон. движеніе. „Экономисты" были поклонниками самодѣятельности массъ въ ея различныхъ видахъ, и формулировали это главнымъ образомъ въ статьѣ г. N. N., напечатанной въ „Vademecum'ѣ" Г. В. Плехановымъ. Статья называется: „Отвѣтъ на брошюру Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ". Вся статья написана въ доказательство необходимости исходить въ образованіи партіи изъ интересовъ рабочихъ. Въ ней говорится, что „сознаніе рабочихъ не тѣсто, лѣпить изъ котораго „мы" (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобію. „Мы" и „наши" усилія могутъ лишь дополнять то, чему учитъ рабочаго жизнь". (Vademecum, стр. 49) Или: „исторія дѣлается массами, поэтому сознаніе только массъ является историческимъ факторомъ", и т. д. Эти, подобныя и шаблонныя для современной психологіи вещи, тогда были приняты за злой „экономизмъ", а авторъ (N. N.) подвергнутъ анафемѣ. Проклятые истинными соціальдемократами N. N. и M. M. уѣхали въ Россію, но на границѣ N. N. былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ-же пріѣхалъ и M. M. и подъ вліяніемъ заграничной распри съ правовѣрными продолжалъ бесѣды на острыя темы марксизма и рабочаго движенія въ Петербургской литературной средѣ, въ которой тогда еще было довольно много „ортодоксовъ".

и организація выросла. Никогда никакой рабочей политикой „Освобожденіе“ не задавалось, никогда на очень нечистоплотную критику с. д. не отвѣчало, чтобы не увеличивать тѣхъ дрязгъ, которыя не возвышали, а унижали русскую интеллигенцію. Въ нѣдрахъ же „Союза Освобожденія“ ревизіонисты высказывались *принципіально* противъ организаціи Союзомъ рабочихъ массъ: не классовая организація не можетъ организовывать класса. Выводить изъ „Credo“ буржуазный либерализмъ можетъ лишь тотъ, кто читалъ „Credo“ не для идей, а... для ругательствъ. Но что это были за страшныя слова, написанныя въ ужасномъ „Credo?“ Приглашеніе понять задачи *русской* политики и не переносить чужихъ задачъ и чужихъ формулъ на русскую почву. Самою ужасною для русскихъ марксистовъ въ этомъ „Credo“ была слѣдующая мысль: „Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву... Политическая невинность русскаго марксиста—интеллигента, скрытая за головными разсужденіями на политическія темы, можетъ сыграть съ нимъ скверную штуку“. „Credo“ самымъ рѣшительнымъ образомъ приглашало не тратить силъ на игру въ „самостоятельную рабочую партію“, образованіе которой невозможно въ русскихъ политическихъ условіяхъ, и отдаться борьбѣ за политическую свободу, *не разъединяя рабочій классъ въ этой борьбѣ отъ другихъ борющихся слоевъ народа.*

Что-же касается „принципіальнаго отказа экономистовъ отъ политической борьбы“ (стр. 60), то эта нехорошая неправда принадлежитъ къ числу тѣхъ полемическихъ пріемовъ, которые такъ сильно компрометируютъ с. д. партію. Въ статьѣ противъ Аксельрода N. N. констатируетъ, что „у насъ есть теперь (1898 г.) рабочее движеніе, но оно не носитъ *еще* политическаго характера“ и говоритъ далѣе: „до сихъ поръ (до 1898 г.) въ Россіи не было политической агитаціи, и мы полагаемъ, что для нея еще нѣтъ въ Россіи мѣста. Сколько времени пройдетъ еще до того момента, когда отъ полити-

---

Однажды послѣ горячаго спора къ М. М обратились съ просьбой формулировать кратко свои взгляды на спорные вопросы, чтобы удобнѣй было въ спорѣ опереться на что либо стройное и цѣльное. М. М. одинъ, безъ всякихъ соучастниковъ, набросалъ спѣшно и не для печати краткое изложеніе своихъ взглядовъ. Бумаженка была взята кѣмъ то изъ участниковъ спора. Прошло нѣкоторое время. Авторъ „взглядовъ“ на бумаженкѣ совсѣмъ забылъ объ ея существованіи. Его другъ N. N. все еще сидѣлъ въ тюрьмѣ и не подозрѣвалъ, въ какую исторію попадетъ М. М. Вдругъ въ одинъ прекрасный день въ руки М. М. попадается „Протестъ“ 17 соціальдемократовъ противъ какого то еретическаго „Credo“. М. М. читаетъ и съ изумленіемъ видитъ, что это „Credo“—ничто иное, какъ его бумаженка, съ наскоро набросанными для спора положеніями. Изумленію его не было предѣловъ, когда затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, это несчастное „Credo“ стало историческимъ документомъ, соціальдемократія была объявлена въ опасности, а сами авторы (увы, у соц. дем. тогда множилось въ глазахъ!) злѣйшими врагами соціальдемократіи. Кто это „Credo“ напечаталъ, кто на бумаженкѣ поставилъ это заглавіе (въ подлинникѣ—заголовка не было), М. М. и до сихъ поръ не знаетъ. Все изложенное—точно, такъ какъ авторомъ „Credo“ была я, пишущая эти строки. За подписью М. М. въ Vademecum'ѣ опубликованы мои *частныя* письма къ членамъ „Группы Освобожденія Труда.“

Е. К.

ческой пропаганды мы сможемъ перейти къ политической агитаціи? Мы этого не знаемъ. Быть можетъ, моментъ этого наступитъ черезъ годъ, быть можетъ черезъ 10 лѣтъ. Но несомнѣнно, что въ данную минуту никто изъ практическихъ дѣятелей движенія серьезно не думаетъ о политической агитаціи и не считаетъ ее своевременной" (Vademecum. стр, 51—2). Ожиданія N. N. сбылись. Черезъ 3 года. въ 1901 г., начались политическія демонстраціи. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1903 г. произошла первая всеобщая забастовка, организованная въ Одессѣ Шаевичемъ. Черезъ 7 лѣтъ, въ 1905 году, совершилась великая русская революція, въ которой пролетаріатъ въ лицѣ желѣзнодорожнаго союза и Совѣта раб. деп. сыгралъ такую рѣшающую роль. Все это не помѣшало г. Дану въ 1904 г., въ докладѣ с. д. партіи на международный конгрессъ, утверждать грубую... неправду, смѣшивая констатированіе факта - притомъ вѣрное констатированіе факта—съ принципіальнымъ опредѣленіемъ задачъ движенія. Пролетаріатъ не велъ въ 1898 г. прямой политической борьбы, онъ велъ только косвенную борьбу съ самодержавіемъ путемъ развитія своей *коллективной* самодѣятельности и *массоваго нарушенія законовъ*, изданныхъ самодержавнымъ правительствомъ противъ его интересовъ (см. у N. N. въ Vademecum'ѣ стр. 55—57) Констатированіе этого факта г. Данъ на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ выдалъ за принципіальный отказъ экономистовъ отъ политической борьбы...

Тутъ же г. Данъ даетъ намъ интересную справку о силахъ соц. дем. партіи въ то время. Въ 1900 г. дѣйствовало: 6 комитетовъ, 3 группы и въ 9 городахъ дѣлались „попытки" соціальдемократической агитаціи и пропаганды. Въ 1904 г., въ 50 губ. Евр. Россіи, безъ Кавказа и Сибири, с. д. партія насчитывала 29 комитетовъ, 11 мѣстныхъ группъ (стр. 53—5). Комитеты обыкновенно состояли изъ 5—6 человѣкъ, рѣдко болѣе. Группы, вѣроятно, имѣли вдвое менѣе членовъ. Въ такомъ случаѣ активныхъ соціальдемократовъ работало:

въ 1900 г.	63 чел.
„ 1904 г.	207 чел.

Конечно, еще меньше активныхъ соц.-демок. въ 1898 г., когда экономисты констатировали отсутствіе политическаго рабочаго движенія. Съ ростомъ соц.-декократ. силъ появилась возможность перейти отъ политической агитаціи къ организаціи политическихъ демонстрацій (1901 г.). Данъ говоритъ о нихъ: „Скоро, однако, начали обнаруживаться и отрицательныя стороны такого движенія (демонстрацій). Прежде всего, какъ ни велико бывало иногда скопленіе зрителей, и какъ ни мало было среди нихъ сочувствующихъ демонстрантамъ, активныхъ участниковъ демонстрацій обыкновенно было не особенно много, въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сотенъ. Благодаря этому, демонстранты почти никогда не могли дать успѣшнаго отпора полиціи и казакамъ, набрасывающимся съ нагайками и звѣрски избивавшимъ всѣхъ, попадавшихъ подъ руку... Кромѣ избіенія демонстрантовъ, демонстраціи всегда сопровождались массовыми арестами, а такъ какъ огромное большинство участниковъ стояло въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ партійными организаціями, и трудно было при такомъ публичномъ выступленіи соблюдать всѣ правила конспираціи (конспирація при публичномъ выступленіи !? Е. К.).—аресты эти нерѣдко вели къ разрушенію

организацій, созданныхъ съ такимъ трудомъ". Поэтому, с.-д. партія рекомендовала осторожность, „совѣтуя обратить усиленное вниманіе на лучшую подготовку и организацію демонстрацій и не стремиться во чтобы то ни стало множить ихъ число" (стр. 26—7). Если осторожность нужна была въ 1902—4 г., то тѣмъ большую осторожность въ ненужной растратѣ силъ слѣдовало соблюдать въ 1898—900 г.г., въ періодъ „экономизма", когда силъ у партіи было въ нѣсколько разъ менѣе, чѣмъ въ послѣдующій періодъ „Искры".

Въ своемъ изложеніи г. Данъ совершенно игнорируетъ вліяніе *количественнаго* роста силъ на тактику партіи и формы самодѣятельности рабочихъ. Что можно сдѣлать съ 1000 людьми, то является фразой у 10 человѣкъ. Вообще въ экскурсіяхъ г. Дана въ исторію партіи мы напрасно стали бы искать философію ея развитія; эти экскурсіи дѣлаются имъ въ цѣляхъ фракціонной полемики, той полемики, которая наложила такую своеобразную печать на всю литературу партіи.

Къ сожалѣнію, эта полемика не ограничилась областью литературы. Она безжалостно врѣзалась въ жизнь, въ само рабочее движеніе. Г. Данъ спокойнымъ тономъ разсказываетъ намъ самую черную страницу въ исторіи соціал. дем. интеллигенціи,—разрушеніе организаціей „Искры" рабочихъ соціальдемократическихъ организацій, созданныхъ въ періодъ „Рабочаго Дѣла". Экономизмъ вполнѣ послѣдовательно привелъ къ образованію рабочихъ группъ, простой численный ростъ которыхъ неизбѣжно долженъ былъ вывести рабочее движеніе на арену политической борьбы. „Эпоха экономизма и „Рабочаго Дѣла", говоритъ г. Данъ, оставила въ наслѣдіе организацію, опирающуюся на небольшой сравнительно слой лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Вся организація была построена, или, по крайней мѣрѣ, должна была быть построенной, на принципѣ выборности. Но такъ какъ дѣйствительно массовые выборы при наличныхъ условіяхъ были совершенно невозможны, то на дѣлѣ выборы бывали лишь выраженіемъ воли небольшого круга обученныхъ рабочихъ, который примыкалъ къ комитету" (стр. 64—5). Какъ извѣстно во всѣхъ странахъ ядро соц. дем. движенія составляютъ *обученные* рабочіе, аристократія рабочаго класса, наиболѣе культурный слой рабочихъ. Въ русскомъ рабочемъ движеніи руководящую роль играютъ рабочіе механическихъ заводовъ и типографій. Поэтому возмущаться составомъ этихъ комитетовъ не приходится. Самъ г. Данъ, формулируя въ 1904 г. задачи будущаго, говоритъ: „Все должно быть направлено къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, передовые слои пролетаріата становились активными участниками и творцами партійной политики" (стр. 80). Зачѣмъ-же было въ 1900 г. разрушать организаціи передовыхъ слоевъ пролетаріата и уничтожать ихъ участіе въ партійной жизни? Ссылка на защиту ими своихъ профессіональныхъ интересовъ—пустая фраза, которая могла быть убѣдительна только для анти-экономической фракціи с. д. интеллигенціи. Причину надобно искать въ другомъ мѣстѣ. Подъ флагомъ „Искры" создавалось не рабочее движеніе, а организація революціонеровъ-спеціалистовъ (стр. 68). „Организаціонный планъ „Искры" состоялъ въ созданіи партійной организаціи профессіональныхъ революціонеровъ" (стр. 66). А рабочія с. д. организаціи—во славу единой россійской с. д. партіи—были разрушены. Были уничтожены ячейки, изъ которыхъ могла вырости настоящая с. д. *рабочая* партія. Такъ понимала с.-д.

интеллигенція задачу созданія классовой рабочей партіи.—Теперь эта мрачная страничка исторіи принадлежитъ прошлому. Теперь опять становится на очередь вопросъ о созданіи рабочей, а не интеллигентской и гимназической соц.-демократіи. Разрушивъ организаціи рабочихъ, „Искра" насадила организаціи гимназистовъ. Теперь, въ 1906 г., повидимому, начинается *обратная* работа. Ставятся на очередь тѣ самыя задачи, къ разрѣшенію которыхъ было приступлено въ 1898—900 г.г.,—задачи, оттертыя побѣдою интеллигентской фракціи профессіональныхъ революціонеровъ въ рядахъ соціальдемократіи.

Г. Данъ прекрасно нарисовалъ намъ картину „партіи", вынужденной руководить рабочимъ классомъ не по слѣдамъ событій, не предупреждая ихъ, а post factum. Чтобы рабочій классъ сложился въ партію, нужно, наконецъ, оставить интеллигентское строительство и найти тѣ *живыя* и *конкретныя* рабочія организаціи, лишь соединеніе которыхъ создаетъ намъ партію. Рабочій классъ, столь единодушно выступавшій въ русской революціи, еще не создалъ прочныхъ организацій для защиты своихъ повседневныхъ классовыхъ интересовъ. Эти организаціи лишь строятся. Только исходя изъ этой самодѣльной постройки, можно намѣтить черты той партіи, которая будетъ истинно рабочей, которая будетъ вести рабочій классъ къ единообразному проявленію его какъ класса не post factum, а передъ событіемъ.

Уже у г. Дана есть указанія на это самостоятельное строительство рабочаго класса—профессіональные союзы. Въ 1903 г. возникъ союзъ московскихъ типографскихъ рабочихъ. Этотъ союзъ началъ съ чисто экономической организаціи и очень скоро принялъ программу Р. С. Д. Р. партіи. Данъ не упоминаетъ о декларацiи, которая была написана по этому поводу. Типографщики заявляли, что они—соціальдемократы, но никакого большевизма и меньшевизма не знаютъ, а такъ какъ существующая соц.-дем. организація есть соединеніе двухъ враждующихъ фракцій, то они и предпочитаютъ пока остаться просто соціальдемократами. Кромѣ того указывалось, что вѣчные провалы партійныхъ интеллигентовъ могутъ помѣшать ихъ строительству. Въ 1904 г. Данъ пишетъ: «нерѣшеннымъ остается и вопросъ о возможномъ и желательномъ организаціонномъ отношеніи такихъ профессіональныхъ союзовъ къ партіи». (стр. 46). Въ 1906 г. на этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ: при малѣйшемъ намекѣ на политическую свободу профес. союзы ростутъ съ невѣроятной быстротой и почти всѣ оказываются соціаль-демократическими. Классовое разслоеніе въ Россіи зашло такъ далеко, что иначе и быть не можетъ. Союзъ Московскихъ типографовъ сыгралъ въ 1905—6 г. выдающуюся революціонную роль, — тредъ-юніонистскій характеръ не помѣшалъ ему быть ультра-политическимъ, когда этого потребовали условія. Отсюда выводъ: профес. союзы, въ которые такъ охотно и скоро организуется русскій рабочій классъ, могутъ въ то же время быть ячейками для будущей политической рабочей партіи. Благодаря своему рѣзко-классовому характеру русскіе союзы *соціальдемократичны по существу*, и при малѣйшей возможности образованія политической партіи войдутъ въ нее въ качествѣ полноправныхъ членовъ и опредѣлятъ собою ее. Другимъ русломъ, по которому пойдетъ строительство партіи, будетъ созданіе политическихъ клубовъ рабочихъ, библіотечныхъ организацій и кружковъ саморазвитія рабочихъ. Объединеніе рабочихъ для удовлетворенія ихъ духовныхъ интересовъ въ клубы и кружки имѣетъ для

партіи, пожалуй, даже большее значеніе, чѣмъ профессіональные союзы. Для сложенія партіи изъ такихъ ячей рѣшающее значеніе будутъ имѣть выборы въ русскій парламентъ, когда онъ будетъ, наконецъ, завоеванъ. Вообще условіемъ образованія самостоятельной рабочей партіи по прежнему—какъ и во времена Credo—является сверженіе бюрократическаго произвола и установленіе хотя бы minimum'а политической свободы. Это—задача все еще обще-демократическая, а не соціаль-демократическая. До тѣхъ же поръ, пока Habeas corpus не будетъ основнымъ условіемъ русской жизни, г. Дану придется еще написать много книжекъ о серьезныхъ задачахъ «партіи»—въ организаціи гимназистовъ и объ агитаціи среди рабочихъ... post factum.

Книга читается съ большимъ интересомъ и мы желаемъ ей широкаго распространенія. Она наводитъ на многія размышленія, не безполезныя въ наше время обезцѣненія всѣхъ старыхъ цѣнностей...

Е. Кускова.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Изданія О. Н. Поповой.

В. Гюго. На баррикадѣ. Ц. 20 к.

А. В. Метіеръ. Въ поискахъ правды и смысла жизни. Очеркъ изъ исторіи русскаго масонства. Ц. 30 к.

Сергѣевъ-Ценскій. Убійство. Ц. 2 к.

С. Лозинскій. Революція 1848 г. въ Венгріи. Ц. 12 к.

Теодоръ Липпсъ. Руководство къ психологіи пер. съ нѣм. М. А. Лихарева. Ц. 1 р. 50 к.

В. Вологдинъ. Народная школа и рабочій классъ. Ц. 8 к.

Темы жизни. Еженедѣльное изданіе 1906 г.

№ 1. Вып. I. А. Луначарскій. Очеркъ развитія интернаціонала. Ц. 10 к.

Вып. II. В. Тотоміанцъ. Профессіональные союзы рабочихъ. Ц. 5 к.

Вып. III. А. Ельницкій. Георгій Валентинов. Плехановъ. Ц. 7 к.

№ 2. Вып. I I. Лярскій. Общество будущаго. Ц. 6 к.

Вып. II. А. Е. Лосицкій. Избирательная система Государственной Думы. Съ діаграммами Ц. 12 к.

№ 3. Вып. I. Б. Веселовскій. Земскіе либералы.

Вып. II. Л. Клейнбортъ. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Ц. 7 к.

Вып. III. М. Ашешовъ. Александръ Николаевичъ Радищевъ. Ц. 8 к.

№ 4. Вып. I. Л. Гуревичъ. 9 января. По даннымъ анкетной комиссіи. Ц. 10 к.

Вып. II. П. Румянцевъ. Освободительное движеніе и Государственная Дума.

Вып. III. П. Л Берлинъ. Первый нѣмецкій парламентъ. Ц. 10 к.

№ 5. Вып. I. П. Масловъ. Русская революція и народное хозяйство. Ц. 5 к.

Вып. II. Б. Веселовскій. Крестьянскіе бунты. Ц. 6 к.

Вып. III. М. Боголѣповъ. Война и финансы. Ц. 5 к.

№ 6. Вып. I. Д. Зайцевъ. Государственное страхованіе рабочихъ. Ц. 8 к.

Вып. II. В. Вологдинъ. Чему жизнь рабочихъ учитъ. Ц. 6 к.

Вып. III. А. Ельницкій. Первое мая въ Россіи. Ц. 8 к.

№ 7. Вып. I. В. Львовъ. Девяностые годы и творчество В. Вересаева. Ц. 12 к.

Вып. II. I. Давыдовъ. Какъ расходуются народныя деньги Ц. 5 к.

Вып. III. К. Пономаревъ. Пролетаріатъ на Кавказѣ. Ц. 7 к.

№ 8. Вып. I. П. Румянцевъ. Крестьянство и соціалъ-демократія. Ц. 5 к.

Вып. II. А. Глѣбовъ. Общественныя работы. Ц. 12 к

№ 9. Вып. I. А. Ельницкій. Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи. Ц. 12 к.

№ 10. М. Боголѣповъ. 9 милліардовъ рублей. Ц. 5 к.

№ 11. Н. Коробко. Свобода совѣсти. Ц. 5 к.

№ 12 -13. А. Ульяновскій. Женщины въ процессѣ 50-ти. Ц 15 к.

№ 14. Н. Димъ. Сельскій пролетаріатъ въ Россіи. Ц. 12 к.

Домашке. Аграрная реформа „Образоват. Библіот.“. Ц. 50 к.

Русское Свободное Слово № 2 Полное собр. сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой гр. Л. Н. Толстого т. II Ц. 65 к.

Верхолетовъ. Рабочіе въ Германіи подъ ред. пр.-доц. Н. А. Рожкова изд. „Колоколъ". Ц. 15 к.

Н. Н. Фирсовъ. Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Изд. Т-ва Вольфъ. Ц. 30 к. СПБ. 1906 г.

Изданія Л. Ф. Маркса:

Э. С. Шифферсъ. Самоучитель шахматной игры. Ц. 2 р.

А. Н. Плещеевъ. Стихотворенія изд. 4-ое.

О. П. Петровъ. Русская стенографія. Ц. 1 р. 50 к.

З. А. Рагозина. Исторія одной души. Ц. 80 к.

Омулевскій. Сочиненія т. I и II. Ц. 1 р. 50 к. томъ.

Бар. Н. Н. Торнау. Атласъ по отечествовѣдѣнію ч. II Сибирь и Туркестанъ. Ц. 1 р. 20 к.

Ѳ. Ѳ. Нелидовъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы; Библ. „Свободная Россія" № 28. Ц. 1 р. 50 к.

А. Пыпинъ. Характеристика литературн. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ год. Историческіе очерки изд. 3-ье. Ц. 3 р.

Книгоиздательство „Общественная Польза":

П. Е. Щеголевъ. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій 2-ое изд. Ц. 30 к.

П. Эль. Соціально-сатирическіе этюды. Ц. 80 к.

Н. А. Бородинъ. Государственная Дума въ цифрахъ. Ц. 25 к.

К. Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи съ пред. Каутскаго. Ц. 25 к.

Л. Васильевскій (Плохоцкій). Современная Польша и ея политическія стремленія. Ц. 50 к.

Этьенъ Бюиссонъ. Всеобщая стачка съ прил. статьи Н. Кудрина Всеобщая забастовка. Ц. 15 к.

Жоржъ Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи пер. М. Брагинскаго. Ц. 1 р. 80 к.

Искра за два года. Сборникъ статей. Ц. 2 р. 25 к.

Дневникъ падшей. Ц. 70 к.

Изданіе Д. Е. Жуковскаго.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи т. I Декартъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.

Книгоизд. Мягкова „Народная Мысль".

К. Гюисманъ, Л. де-Брунеръ и Л. Бертранъ. 75 лѣтъ буржуазнаго господства. Перев. съ изд. Бельг. раб. парт. М. Мирсоне. Ц. 50 к.

А. Веберъ. Налоги пер. съ фр. Лидова. Ц. 30 к.

Л. Бертранъ. Исторія коопераціи въ Бельгіи вып. II съ иллюстр. т. I ч. 3-ья изд. „Колоколъ".

Д. И. Курскій. Англійскій рабочій. Ц. 5 к. изд. „Колоколъ".

Гуго Бергъ. Долой безработицу! Съ пред. Вильбранта книгоизд. „Свободная Пресса". Ц. 25 к.

Дм. Самойловъ. О рабочихъ профессіональныхъ союзахъ М. 1906 г. Ц. 25 к. Книгоизд. „Молодая Россія",

М. Якобій. Къ аграрному вопросу М. 1906 г. Ц. 15 к.

За книжкой № 4. 1906 г. Ц. 7 к. Обзоръ новыхъ книгъ и книжнаго дѣла изд. „Сѣятель".

М. Нордау. Ложь капиталистическаго строя, пер. съ нѣм. С. Кувшинскаго. Книгоизд. „Народная Трибуна". Ц. 20 к.

Журналъ Русская Историческая Библіотека № 3. Процессъ шестнадцати террористовъ 1880 г. Подъ ред. и съ прим. В. Бурцева. Ц. 60 к. Складъ при книгоизд. „Донская Рѣчь".

Книгоиздательство „Донская Рѣчь":

Викторъ Гюго. Клодъ Ге. Ц. 3 к.

Катехизисъ рабочаго пер. Куликера. Ц. 3 к.

А. Пругавинъ. Петропавловская крѣпость. Ц. 5 к.

Послѣдній день Коляева. Ц. 3 к.

Е. А. Звягинцевъ. До чего нужда довела крестьянъ. Ц. 5 к.

Министры слуги народа вып. I. Ц. 3 к.
Пѣсни борьбы. Стихотворенія. Ц. 8 к.
И. П. Бѣлоконскій. За что и почему?
О. Волькенштейнъ. Вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ Германіи.
Н. А. Кабановъ. Какъ улучшить крестьянское хозяйство.
Ламенне. Слово вѣрующаго. Ц. 6 к.
Изданія Глаголева.
Парвусъ. Россія и революція. Ц. 1 р.
Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири. Ц. 1 р.
В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. Складъ въ кн. маг. „Обществ. Польза". Ц. 1 р.
Изданія Т-ва И. Д. Сытина:
Пр. Довнаръ-Запольскій Тайное общество декабристовъ. Ц. 1 р.
Пр. Александръ Трачевскій. Наполеонъ I. первые шаги и консульство 1764—1804 г. Ц. 1 р. 25 к.
Р. Пельманъ. Очеркъ греческой исторіи въ связи съ источниковѣдѣніемъ Изд. Об-ва вспомощ. оконч. курсъ наукъ на СПБ. В. Ж. К. Ц. 2 р.
Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго т. I и т. IX СПБ. 1906 г.
Газеты: Голосъ солдата № 1 1906 г. Изд. Воен. Орг. Пет. Ком. пар. С-Р.
Пролетарій №№ 1, 3, 4 1906 г. Орг. Моск. и Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Солдатская газета № 1 изд. Ц. К. пар. С.—Р. 1906 г.
Казарма № 7. Орг. Воен. Орг. при Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Буревѣстникъ № 1 1906 г. Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.
Событія дня № 4, 6 и 7. Рига 1906 г.
Голосъ солдата № 11—12 и 15. Рига Риж. С.-Д. Воен. организ.
Листокъ № 2 Еврейск. С.-Д. раб. пар. „Пойалей Ціонъ".
Трудъ № 1 2 Рабочая газета Пет. Ком. пар. С.-Р. сент. 1906 г.
Голосъ Пролетарія № 1 12 сент. 1906 г. Р. С. Д. Р. П.
Красноярскій рабочій №№ 1, 3, 4 и 5 1905 г. Р. С.-Д. Р. П.
Бюллетень № 1, 2, 4 Красн. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (окт., нояб. и дек. 1905 г.).
Летучій листокъ № 10 и № 11 іюнь 1906 г. Иркут. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Нарвскій рабочій листокъ 23 сент. 1906 г. № 1. Изд. Нарвск. раіона Р. С.-Д. Р. П.
Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ № 10 14 дек. 1905 г.
Голосъ солдата № 1 Военно-револ. газета Тамбовъ 15 сент. 1906 г.
Еженедѣльный Листокъ № 1 21 мая и № 4 Всероссійск. Воен. Союзъ Сов. Батум. Гарнизона 1906 г. Пар. с.-р.
Соціалдемократъ № 2 Рабочая газета ноябрь 1904 г. годъ I.
Robotnik Organ P. P. S. №№ 156—178, 181—191. 1906 г.
Gazeta Ludowa Organ P. P. S. № 15 Lipca 1906 г.
Der deutsche Arbeiter in Polen № 9 Organ P. P. S. Lodź sept 1906 г.
Lodzianin № 21 Lodzki org P. P. S. 13 wrzesnia 1906 г.
Der Bund № 10 и 11 Орган. Всеоб. Евр. Раб. Союз. въ Л. П. и Р. 1905 г.
Zihna Latwijos Dildewums $^{15}/_{9}$ 1906 г.
Сборникъ „Воля" Нагасаки.
7 листковъ Краснояр. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (окт.—декабрь 1905 г.).
7 листовъ Краснояр. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (май—іюль 1906 г.).
3 листка Том. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (іюнь, іюль и авг. № 93, 100 и 101 1905 г.).
2 листка Ком. Краснояр. „Союза учащихся" 1905 г. (декабрь).
Бюллетень № 1 Ком. Красн. „Союзъ учащихся" дек. 1905 г.
Свѣтъ № 1 и 2 (дек. 1905 г.) орг. Крас. Ком. „Союза учащихся".
Нѣсколько листковъ, резолюцій и воззваній солдатъ служ. и раб. Сиб. ж. д. окт.—дек. 1905 г.
Конфискованные №№ „Приволжскаго Края" № 215 и прил. къ №№ 39, 40 и 218.
Волна № 8. 14 мая 1906 г. Саратовъ.
Народный Листокъ № 1 мая 1906 г. и № 2 СПБ.
Матушка-Волга № 1 1906 г. Нижній-Новгородъ.
„Къ свободѣ!" № 2 Иванъ Вольный. Говоритъ совѣсть. Будущіе люди. Книгоизд. П. Оленина. Ц. 3 к.

5 листковъ 1905 г. Всеоб. Евр. Раб. Союза въ Л. П. и Р.
6 листковъ 1905 г. Вил. Ком. Бунда.
16 брошюръ на еврейскомъ языкѣ изд. Бунда.
18 брошюръ различныхъ заграничныхъ изданій. Всеоб. Евр. Раб. Союза и Р. С.-Д. Р. П.
25 различ. брошюръ и листковъ изд. Р. Р. S. въ Варш. и Лодзи.
Революціонный бюллетень № 1 Фед. Ком. Разр. С.-Д. орг. Латыш. с.-д. р-б. 27 нояб. 1905 г.
Обязательныя постановленія. Того же изд. 6 дек. 1905 г.
1 мая ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ парт. С.-Д.
Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Россіи апр. 1902 г. Конф. пред. ком. Р. С.-Д. Р. П. СПБ. Ком. (Союзъ Борьбы) Ц. К. Бунда, Союзъ южн. орг. „Искра", Союзъ русскихъ с.-д. за границей и Заг. Ком. Бунда.
Нѣсколько листковъ Костр. Ком. и Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.
Нѣсколько листковъ къ солдатамъ отъ Совѣта Батум. и отъ Сов. Тифлис. гарниз.
Посланіе къ русскому крестьянскому рабочему народу отъ Георгія Гапона 1905 г.
Борьба разгорается! Област. Ком. Закавк. союза пар. С.-Д. 4 сент. 1906 г.
Ко всѣмъ гражданамъ Баку и его раіоновъ (на 3 языкахъ по поводу однодн. забаст. 4 сент.) отъ Бак. орг. Р. С.-Д. Р. П., Бак. Ком. п. с. р., Арм. федер. „Дашнакятскій" Бак. Ком. арм. с.-д. орг. Мусульм. с.-д. организ. „Гумматъ" Мусульм. с.-р. организ. „Ифтиганъ".
Ко всему народу. Ком. С.-Д. Фр. Гос. Думы, Ком. Тр. Гр. Г. Д., Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., Ц. К. пар. С.-Р., Ц. К. П. П. С., Ц. К. Вс. Евр. С. въ Л. П. и Р.
Къ Петербургскому пролетаріату П. К. пар. С.-Р. 25 іюля 1906 г.
Извѣщеніе отъ Ком. Тр. Гр. Гос. Думы. авг. 1906 г.
Товарищи! выбирайте въ С. Р. Д. отъ мастер. Балт. ж. д. Ком. пар. С.-Р.
Товарищи-солдаты! 2 листка Испол. Ком. Кроншт. Воен. Рев. Орг пар. С.-Р. 8 ав. 1906 г.
Уставъ и листокъ партій Академ. порядка студ. Имп. Унив. Св. Владим.
Граждане! Генерала Мина болѣе нѣтъ Ц. К. п. С.-Р. 18 ав. 1906 г.
Извѣщеніе 2-го съѣзда Закавказ. Област. Союза пар. С.-Р.
Товарищи! Закавказск. Ком. пар. С.-Р.
Манифестъ ко всему русскому крестьянству Ком. Тр. Гр. Г. Д. Ком. С.-Д. ф. Г. Д. Всер. Кр. Союзъ, Ц. К. пар. С.-Р. Ц. К. пар. Р.-С.-Д. Р. П., Всер. Желѣзнод. Союзъ.
Пролет.-рабочій и крестьянинъ, готовься! Сѣв.-Кавк. Минераловод. раб. союзъ пар. С. Р. 4 іюля 1906 г.
Отвѣтъ черносотенцамъ. Риж. С.-Д. Воен. Орг. авг. 1906 г.
Нѣсколько листковъ Кавказ. Обл. Ком. Бак. орг. п. С.-Р., Тиф. Ком. пар. С.-Р. и Кубан. Ком. пар. С.-Р.
Нѣсколько листковъ къ солдатамъ Ком. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр. авг. и сент. 1906 г.
Товарищи фельдшера! Союзъ Кавказ. Воен. фельдшеровъ 18 сент. 1906 г.
Трудящійся народъ! Отд. Всер. Кр. Союзъ Подольс. губ.
2 листка къ солдатамъ Воен. орг. пар. С.-Р.
Нѣсколько листковъ къ солдатамъ Воен. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
Къ обществу. Общество помощи полит. ссыльн. и заключ. (Красный Крестъ).
Памяти Владиміра Мазурина Исп. Ком. оппоз. фр. с.-р. сент. 1906 г.
Къ солдатамъ, казакамъ и матросамъ Бак. орг. пар. с.-р. 21 сент. 1906 г.
Ко всѣмъ самарскимъ рабочимъ ав. 1906 г. Сам. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Военно-полевые суды. Оппоз. фракц. С.-Р. сент. 1906 г.
Зинаида Васильевна Коноплянникова Изд. Сѣв. Обл. Ком. пар С. Р.
Товарищи! Отъ унив. гр. С. Р. П. П. С. Ст. Тр. Гр. С.-Д. партіи Литвы сент. 1906 г.
Нѣсколько лист. Всер. Кр. Союза и Всерос. Желѣзнодор. Союза 1905 г.
Манифестъ по войскамъ арміи и флота. Военный Союзъ.
Нѣсколько воззваній Союза Кавказскихъ офицеровъ.

Граждане! Бат. Ком. Всер. союз. Мусульм. р. п., Ц. Р. Ком. арм. фед., Бат. Ком Груз. Рев. пар. соц.-фед., Бат. Ком. пар. С.-Р., Б. К. Р. С.-Д. Р. П.

Отъ партіи с.-р. къ казакамъ Куб. гр. с.-р.

Не давайте солдатъ! Обл. Ком. Центр. Обл. пар. с.-р. сент. 1906 г.

Наши товарищи—экспропріаторы. Оппоз. фрак. С.-Р. сент. 1906 г.

Товарищи—артиллеристы! Артиллер. 3 ей бриг. Воен. рев. орг.

Правительство, Дума и революція. Изд. Ц. К. Евр. Соціалист. раб. пар.

Извѣщеніе о первомъ учредительномъ съѣздѣ еврейск. соціалист. раб. пар. апр. 1906 г.

Государственная Дума. Ко всѣмъ еврейскимъ рабочимъ Литов. района Ком. евр. раб. пар. „Поалей-Ціонъ".

Письмо къ членамъ партіи по вопросу о созывѣ экстр. съѣзда Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 19 Авг. 1906 г.

Товарищи! Армавир. гр. Сѣв.-Кавказ. союза Р. С.-Д. Р. П. апр. 1906 г.

Что дѣлать съ помѣщиками и съ начальствомъ, которое ихъ защищаетъ? Крестьян. Орг. Симф. Ком. Тавр. Союза пар. С.-Р. сент. 1906 г.

Нѣсколько листковъ изд. Коканскаго и Туркест. Комитетовъ пар. С.-Р.

Редакція очень проситъ издателей, редакторовъ и авторовъ высылать ей пріостановленныя по суду или администраціей, а также изъятыя изъ продажи, изданія періодическія или непеpіодическія.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ получено:

1) Изъ Балты отъ г. Шахермана . . .	90 р.	— к.
2) Изъ Решта (Персія) сборъ съ русско-армянскаго вечера	424 „	56 „
Итого .	514 р.	56 к.

Деньги отправлены по назначенію.

Современная лѣтопись.

Въ теченіе сентября въ газетахъ находимъ нижеслѣдующія сообщенія о приговорахъ по политическимъ дѣламъ и смертныхъ казняхъ:

1) Москва, 1 сентября. Въ 4 часа утра во дворѣ московской губернской тюрьмы *былъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военно-полевого суда надъ бывшимъ студентомъ Владиміромъ Мазуринымъ, 24 лѣтъ.

2) Въ Бѣлой Церкви, 1 сентября. Вчера, въ 3 часа дня, военно-полевымъ судомъ *Смолянскій и Пашковскій приговорены къ разстрѣлу.* Въ 3 часа ночи, *1 сентября, приговоръ приведенъ въ исполненіе.* Оба лица обвинялись по дѣлу о грабежѣ банка.

3) Въ Одессѣ, 1 сентября. Военнымъ судомъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ мѣщанинъ Махлисъ за участіе въ разбойничьемъ нападеніи на магазинъ столярныхъ принадлежностей.

4) Въ С.-Петербургѣ, 31 августа. Въ военно-окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло по обвиненію молодого солдата 92 пѣхотнаго печерскаго полка Кутузова въ распространеніи среди войскъ сужденій, возбуждающихъ къ нарушенію обязанностей воинской службы, по 131 ст. уголовнаго уложенія. Военно-окружной судъ призналъ Кутузова виновнымъ и приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе.

5) Въ Митавѣ, 2 сентября. Военно-полевой судъ *приговорилъ латышей Знодса и Берзина* за ограбленіе казеннаго виннаго склада въ Фраіенбургѣ, причемъ похищены 3.900 р., и за грабежъ въ имѣніяхъ — *къ повѣшенію,* а Пельта—къ четырехлѣтней каторгѣ.

6) 2 сентября въ I отд. СПБ. окружнаго суда слушалось дѣло мѣщ. Карапета Задикова, обвинявшагося въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи. Судъ приговорилъ Задикова въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ.

7) Въ Тифлисѣ, 2 сентября. Въ кавказскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло четырехъ нижнихъ чиновъ мингрельскаго полка, выдѣленное изъ общаго производства о 20 нижнихъ чинахъ, за болѣзнію подсудимыхъ. Одинъ оправданъ, трое приговорены въ дисциплинарный батальонъ отъ 3-хъ до 2-хъ лѣтъ за неисполненіе приказаній начальства.

8) Въ Варшавѣ, 2 сентября. Вчера въ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло Стефана Фурнала и Эдуарда Колацкаго, обвиняемыхъ въ разбоѣ по предварительному соглашенію съ другими лицами. Судъ приговорилъ Фурнала къ каторжнымъ работамъ на 29 лѣтъ, а Колацкаго оправдалъ.

9) Въ Кирсановкѣ, 3 сентября. Кончилось дѣло о поджогѣ и разграбленіи имѣнія „Ворнекъ“ въ ноябрѣ прошлаго года. Четверо приговорены въ арестантскія роты на 3½ года, шестеро къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ, остальные оправданы.

10) Въ Кіевѣ, 3 сентября. Военно-окружнымъ судомъ *приговоренъ къ разстрѣлянію* подпоручикъ 5 сапернаго батальона *Жадановскій*, признанный главнымъ участникомъ сапернаго бунта въ Кіевѣ. Приговоръ представляется на усмотрѣніе командующаго войсками. 7 сентября *командующимъ войсками смертная казнь* подпоручику Жадановскому, обвиняемому въ участіи въ возстаніи саперовъ въ ноябрѣ 1905 г., *замѣнена безсрочной каторгой.*

11) Въ Москвѣ, 3 сентября. Въ исходѣ третьяго часа, въ губернскомъ тюремномъ замкѣ *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ 19-лѣтнимъ рабочимъ Евгеніемъ Звѣревымъ*, осужденнымъ наканунѣ военно-полевымъ судомъ за вооруженное сопротивленіе при задержаніи. Звѣревъ игралъ довольно крупную роль въ организаціи всѣхъ вооруженныхъ нападеній и въ стрѣльбѣ въ полицейскихъ.

12) Въ Варшавѣ, 3 сентября. *Приведенъ въ исполненіе приговоръ военно-окружнаго суда о смертной казни черезъ повѣшеніе надъ Станиславомъ Бржезинкомъ*, за вооруженное нападеніе на казенную винную лавку и убійство сидѣльца, и надъ *Шаей Рудницкимъ*, за покушеніе на убійство околоточнаго надзирателя.

13) Въ Варшавѣ, 5 сентября. Военно-окружный судъ приговорилъ крестьянъ Кватека и Нитку къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ за участіе въ разбойномъ нападеніи на казенную винную лавку въ Варшавѣ. Девятнадцати-лѣтній Выгодный за нападеніе въ Лодзи на казачій патруль приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ

14) Въ Митавѣ, 5 сентября *разстрѣляны революціонный агитаторъ и грабитель Сермолинъ и террористъ Силинъ*, который овладѣлъ въ мятежные дни мѣстечкомъ Фрауэнбургъ, обложилъ жителей податями, набралъ себѣ отрядъ тѣлохранителей и держалъ населеніе въ страхѣ.

15) Временный военный судъ въ крѣпости Свеаборгѣ, выслушавъ дѣло о фельдшерѣ 2-го финляндскаго стрѣлковаго полка Иванѣ Яковлевѣ и нижнихъ чинахъ морскихъ командъ свеаборгскаго порта, всего въ числѣ 98 человѣкъ, призналъ виновными фельдшера Яковлева и 87 нижнихъ чиновъ морскихъ командъ свеаборгскаго порта въ томъ, что сговорившись между собою, они согласились принять участіе въ явномъ возстаніи свеаборгской крѣпостной артиллеріи, съ цѣлью завладѣть свеаборгской крѣпостью, чтобы заставить правительство исполнить требованіе трудовой партіи. Судъ *приговорилъ подсудимыхъ: 1) Ивана Яковлева, 2) Кузина, 3) Пеня (онъ же Навалъ), 4) Кульбакова, 5) Ягненкова, 6) Роговицкаго, 7) Муравьева, 8) Назарова, 9) Парфенова, 10) Елизарова, 11) Цеховскаго, 12) Ермолина, 13) Николайчука, 14) Татарченко, 15) Соловьева, 16) Большакова и 17) Санцевича—къ смертной казни черезъ разстрѣляніе;* Б) 53 человѣкъ—къ каторжнымъ работамъ на различные сроки: В) 18 человѣкъ—къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на сроки отъ 5 до 6 лѣтъ и Г) остальныхъ 11 человѣкъ судъ оправдалъ.

Приговоръ этотъ утвержденъ командиромъ 22-го армейскаго корпуса

и въ отношеніи приговоренныхъ къ смертной казни приведенъ въ исполненіе 5 сего сентября.

16) Въ Москвѣ, 7 сентября, въ 2 часа дня, пять молодыхъ людей совершили нападеніе на магазинъ представителя сѣвернаго стекольнаго общества, Франка, находящійся на Лубянской площади, и, забравъ изъ кассы 400 рублей, бросились бѣжать, но всѣ они были переловлены, одинъ изъ нихъ раненъ полицейскими и деньги были отобраны.

Всѣ пять молодыхъ людей были преданы военно-полевому суду, который *приговорилъ: подсудимыхъ Морозова, 19 лѣтъ, Волкова 20 лѣтъ, Смирнова 21 года и Гаврилова 20 лѣтъ* къ смертной казни черезъ повѣшеніе и Кондакова къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

9 сентября на разсвѣтѣ приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе.

17) Въ С.-Петербургѣ 7 сентября въ главномъ военномъ судѣ слушалась кассаціонная жалоба крестьянъ Густава Якобсона, Александра Зекке и мѣщанина Жанко Штрауманъ, приговоренныхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе временнымъ военнымъ судомъ въ Митавѣ.

Главный военный судъ оставилъ ихъ кассаціонную жалобу безъ послѣдствій. 28 сентября Якобсонъ, Зекке и Штрауманъ казнены.

18) Въ Одессѣ 7 сентября. Военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни разстрѣляніемъ Леонъ Тарло,* убившій при задержаніи городового и дворника и ранившій другого городового. *Сегодня, въ 12 часовъ дня, въ зданіи тюрьмы приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

19) Въ Одессѣ 8 сентября. Военный судъ призналъ Шабатова, Хутадзе и Водочказе виновными въ разбойномъ, по предварительному соглашенію, нападеніи на ресторанъ въ загородномъ саду „Аркадія", сопровождавшемся похищеніемъ 3000 рублей. Шабатовъ приговоренъ къ каторгѣ безъ срока, Хутадзе срокомъ на 20 лѣтъ, Водочказе на 15 лѣтъ.

20) 7 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло по обвиненію крестьянина Тверской губерніи Терентія Богданова въ убійствѣ городового.

Военно-окружный судъ призналъ Богданова виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, но постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ ея каторгой на 20 лѣтъ.

21) Въ Варшавѣ 8 сентября. Въ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло *Яна Гуральчика,* обвиняемаго въ разбоѣ, въ сообщничествѣ съ другими необнаруженными лицами. Признавъ его виновнымъ, судъ *приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

12 сентября смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.

22) Во Владивостокѣ 8 сентября въ засѣданіи сессіи иркутской судебной палаты разсматривалось политическое дѣло Федоровича, обвинявшагося въ распространеніи прокламацій соціалъ-демократическаго характера. Федоровичъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ, съ зачетомъ времени пребыванія въ предварительномъ заключеніи.

23) Въ Кѣльцахъ 8 сентября. *Приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военно-полевого суда надъ двумя преступниками, задержанными въ андреевскомъ уѣздѣ: *Цабой и Гловацкимъ;* оба разстрѣляны.

24) Въ Маріуполѣ 9 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *По-*

могайбушкина, ограбившаго казенную винную лавку и стрѣлявшаго въ сидѣльца, *къ смертной казни черезъ разстрѣляніе*. Сегодня *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

25) Въ Черниговѣ 8 сентября. Изъ числа обвинявшихся 41 человѣкъ крестьянъ въ разгромѣ имѣнія Мортона приговорены 34 къ тюремному заключенію, отъ 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ, съ лишеніемъ правъ, семь человѣкъ оправданы.

26) Въ Екатеринославѣ 9 сентября. Выѣздной сессіей суда въ Новомосковскѣ, по дѣлу объ аграрныхъ безпорядкахъ изъ 161 обвиняемыхъ 61 оправданы, 100 приговорены къ тюрьмѣ отъ 6 до 8 мѣсяцевъ, многіе съ лишеніемъ правъ.

27) Въ Кіевѣ 10 сентября. Кассаціонныя жалобы присужденныхъ къ смертной казни Прокофьева и Пиневача, ограбившихъ винную лавку, и Рудановскаго, участвовавшаго въ вооруженномъ нападеніи на магазинъ Здроевскаго, оставлены главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія. 19 сентября *приговоръ приведенъ въ исполненіе: Рудановскій, Пиневичъ и Прокофьевъ повѣшены*.

28. Въ Вильнѣ 10 сентября. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло нижнихъ чиновъ желѣзнодорожнаго баталіона ефрейторовъ *Стародубцева и Крюкова, писаря Фурманскаго и рядового Видешина* по обвиненію въ подстрекательствѣ на станціи Барановичи къ вооруженному возстанію во время декабрьской забастовки *приговорилъ обвиняемыхъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе*. Защитникомъ капитаномъ Сазоновымъ подана кассаціонная жалоба.

29) Въ Луганскѣ 11 сентября. Сегодня въ 5 ч. утра *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ разбойникомъ Чернопятовымъ*. Его товарищъ приговоренъ къ безсрочной каторгѣ.

30) Въ Верхнеднѣпровскѣ 11 сентября. Окружнымъ судомъ съ сословными представителями разсмотрѣно въ Верхнеднѣпровскѣ первое изъ дѣлъ о погромахъ, произведенныхъ крестьянами въ уѣздѣ въ 1905 г. За разгромленіе экономіи Филиппова приговорены къ заключенію въ арестантскія отдѣленія четверо на два года и четверо на 6 мѣсяцевъ.

31) Въ Вильнѣ 11 сентября. Военно-окружный судъ приговорилъ мѣщанина Таубмана за принадлежность къ „Бунду" и храненіе оружія къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ четыремъ годамъ каторжной работы.

32) Въ Екатеринбургѣ 11 сентября. Судебная палата разсмотрѣла дѣло десяти политическихъ преступниковъ, обвинявшихся въ изготовленіи и храненіи взрывчатыхъ снарядовъ. Трое приговорены къ каторжнымъ работамъ, шестеро въ ссылку на поселеніе, одинъ оправданъ.

33) Въ Одессѣ 11 сентября. Военный судъ приговорилъ анархистовъ Финкельштейна и Глазова къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ, Берковича и Пружанскаго къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Всѣ 4 обвиняемыхъ осуждены за разбойничье нападеніе на складъ машинъ Левицкаго.

34) Въ Кіевѣ 11 сентября. *Крестьянинъ Шаранъ* за убійство пристава Сосницкаго уѣзда *приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію*. Командующій войсками *казнь замѣнилъ каторгой на 20 лѣтъ*.

35) Въ Кѣльцахъ 11 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *ме-*

стерыхъ убійцъ крестьянина села Домашевицъ *къ разстрѣлянію.* Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

11 сентября *разстрѣляны: Валигура, Борицкій, Кубацкій, Мишталь и Москаль;* первые 4—жители Кѣльцъ, пятый—деревни Маслово, Кѣлецкаго уѣзда.

36) 11 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло двухъ нижнихъ чиновъ финскаго стрѣлковаго полка Эпштейна и Лобанова. Они обвиняются въ агитаціи и пропагандѣ среди войска въ г. Выборгѣ.

Судъ призналъ ихъ виновными и приговорилъ къ лишенію воинскаго званія, всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе.

37) 11 сентября въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло о германской подданной Вѣрѣ Эдуардовнѣ Штольтерфортъ и сынѣ кол. ассесора Борисѣ Федоровичѣ Другановѣ по обвиненію ихъ по 2 ч. 126 ст. угол. улож.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія судебная палата, признавъ обоихъ подсудимыхъ виновными по 126 ст. уг. ул., приговорила ихъ къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы, каждаго на 15 лѣтъ.

38) Въ Одессѣ 12 сентября. Приговореннымъ военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе—Гитису, Чичкину, Мелигитину и Вобееву смертная казнь замѣнена каторжными работами на разные сроки.

39) 12-го сентября, на разсвѣтѣ совершена въ Москвѣ по *приговору военно-полевого суда новая смертная казнь:* повѣшенъ рабочій *Семенъ Грачевъ.*

40) 12 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ въ закрытомъ засѣданіи слушалось дѣло называющаго себя Викторомъ Васильевымъ по обвиненію въ убійствѣ ген. Козлова.

Судъ призналъ Васильева виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Раннимъ утромъ 19 сентября въ шлиссельбургской крѣпости былъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ неизвѣстнымъ, именовавшимъ себя на судѣ Викторомъ Васильевымъ, убившимъ по ошибкѣ, 1 іюля въ Петергофѣ ген.-м. Козлова, который былъ принятъ за ген.-л. Д. Ф. Трепова.

41) Въ Батумѣ 12 сентября. Выѣздная сессія тифлисской судебной палаты приговорила Рогожникова за противоправительственную пропаганду среди солдатъ къ ссылкѣ на поселеніе; Гогинайшвили за вымогательство денегъ у фирмы „Шутцъ и Циммерманъ"—къ тюремному заключенію на полтора года.

42) Въ Гельсингфорсѣ 12 сентября. Временнымъ военнымъ судомъ въ Свеаборгѣ вынесенъ приговоръ по дѣлу нижнихъ чиновъ свеаборгской минной роты, участвовавшихъ въ возстаніи, въ числѣ 174 подсудимыхъ. *Четыре изъ нихъ приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.*

43) Въ Перми 12 сентября. За убійство въ минувшемъ году двухъ казаковъ на мотовилихинскомъ заводѣ военный судъ *приговорилъ Запольскаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе,* причемъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ ему этого наказанія каторгой; Иванова—къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ. Сивелевъ оправданъ.

44) Въ Луганскѣ 12 сентября. *по приговору военно-полевого суда разстрѣляны трое грабителей: Мальцевъ, Денисовъ и Лекотовъ*, мѣстные воры по профессіи.

45) Въ Кіевѣ 13 сентября. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію *Якобсона* въ покушеніи на убійство городового при ограбленіи денежныхъ пакетовъ у почтальона, и *Денисюка*, ограбившаго того же почтальона, *приговорилъ перваго къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а второго къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ.

46) 13 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію рабочаго путиловскаго завода Ивана Тедзинскаго въ убійствѣ городового 13 іюля этого года.

Судъ призналъ Тедзинскаго виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

47) Въ Тифлисѣ особое присутствіе судебной палаты приговорило къ ссылкѣ на поселеніе Марію Суверову, обвинявшуюся въ храненіи бомбъ и агитаціи въ войскахъ.

48) Въ Сосновицахъ 13 сентября. Въ Бендинѣ *разстрѣлянъ приговоренный военно полевымъ судомъ Левковичъ*, обвинявшійся въ покушеніи на ограбленіе кассы фабрики въ Сгржемешицахъ и въ вооруженномъ сопротивленіи при его задержаніи.

49) Въ Одессѣ 13 сентября. *Военный судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе* анархиста-коммуниста *Израиля Покотилова*, убившаго директора южно-русскаго общества печатнаго дѣла Кирхнера.

Судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о смягченіи участи подсудимаго. Ходатайство оставлено безъ послѣдствія *22 сентября приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

50) Въ Варшавѣ 14 сентября въ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о Мечиславѣ Янишевскомъ, Петрѣ Вржосѣ, Григоріи Конопкѣ и Антонѣ Ващукѣ, обвиняемыхъ въ разбоѣ, сопровождавшемся вооруженнымъ нападеніемъ на военскій конвой и убійствомъ одного конвойнаго и ямщика. Признавъ ихъ виновными, судъ приговорилъ Вржоса и Конопку къ безсрочной каторгѣ, Янишевскаго и Ващука къ 20 годамъ каторги.

Въ тотъ же день разсматривалось дѣло о мѣщанинѣ Михаилѣ Кукульскомъ, обвиняемомъ въ участіи въ сообществѣ, составившемся для насильственнаго измѣненія установленнаго въ Россіи государственнаго строя. Судъ приговорилъ Кукульскаго къ пятнадцати годамъ каторги.

51) Въ Асхабадѣ 14 сентября по дѣлу о безпорядкахъ, бывшихъ 13 іюня среди нижнихъ чиновъ второго закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, военно-окружный судъ вынесъ сегодня резолюцію: на каторжныя работы приговорены: одинъ безсрочно; десять - на двадцать лѣтъ, одинъ—на четыре года; четверо—къ арестантскимъ отдѣленіямъ отъ двухъ до 5 лѣтъ, одинъ къ дисциплинарному батальону на одинъ годъ; сто двадцать—отъ трехъ до восьми недѣль ареста на хлѣбѣ и на воду. Десять оправданы.

52) Въ Кѣльцахъ 14 сентября военно-полевой судъ *приговорилъ грабителей Бага, Бенъямовича и Тенебаума къ смертной казни.* 15 сентября на разсвѣтѣ *смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

53) Въ Новороссійскѣ 14 сентября. *Преданный военно-полевому суду за-*

держанный преступникъ, участвовавшій въ ограбленіи сборщика въ казенной винной лавкѣ и ранившій городового, *сегодня утромъ разстрѣлянъ.*

54) Въ Ригѣ, 14 сентября. Приговоромъ военно-полевого суда ченстоховскіе мѣщане *Адамусъ и Дебальскій*, бросившіе въ вагонъ трамвая бомбу, *присуждены къ смертной казни.*

15 сентября, *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* надъ Адамусомъ и Дебальскимъ.

55) Екатеринославъ, 15 сентября. Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣла Гоща, Литвиненко и Руденко, обвиняемыхъ по 126 и 129 статьямъ, приговорила первыхъ двухъ къ году крѣпости. Руденко оправданъ.

56) 15 сентября, въ петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію слушательницы женскаго медицинскаго института В. Балинской и студента военно-медицинской академіи Голованова въ принадлежности къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и распространеніи прокламацій среди войскъ. Палата признала ихъ виновными и приговорила къ 2 годамъ заключенія въ крѣпости, съ зачетомъ времени предварительнаго заключенія—съ 19 декабря 1905 года.

57) Въ Кѣльцахъ, 15 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *Осипа Дуду за* убійство жителя деревни Бялогонъ Миллера *къ смертной казни черезъ повѣшеніе*

58) Кѣльцы, 16 сентября. Приговоренные полевымъ судомъ къ смертной казни *Осипъ Дуда*, убійца Миллера въ деревнѣ Бялогонъ и *Францъ Врона*, совершившій нѣсколько грабежей въ олькушскомъ уѣздѣ, *сегодня на разсвѣтѣ разстрѣляны.* (ПА).

59) Батумъ, 16 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *Киладзе* за ограбленіе духана *къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.* Въ виду молодости и неопытности преступника генералъ-губернаторъ *замѣнилъ казнь каторгой на 12 лѣтъ.* Другой обвиняемый, Сванидзе, оправданъ.

60) Въ Варшавѣ, 16 сентября, военнымъ судомъ приговорены *Фридриховскій—къ смертной казни* за вооруженное нападеніе на лавку, Войцехъ — къ арестантскимъ ротамъ на три года, за покушеніе на жизнь солдата, Добріалъ—къ ссылкѣ на поселеніе за распространіе прокламацій. Ольковскій и Манель оправданы.

Приговоръ военно-полевого суда *о повѣшеніи Романа Фридриховскаго приведенъ въ исполненіе.*

61) Въ Варшавѣ, 17 сентября. За убійство земскаго стражника военно-окружный судъ приговорилъ Подчасскаго и Михаляка къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, Адамовича же къ безсрочной каторгѣ.

62) Кронштадтъ, 17 сентября, въ 1 ч. дня временнымъ военнымъ судомъ вынесена резолюція по дѣлу о матросскомъ мятежѣ, коей бывшій членъ Государственной Думы Опинко приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе; крестьяне Драничевъ, Рыбаковъ, Федоровъ—оправданы; *изъ нижнихъ чиновъ флота 19 человѣкъ приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе*, 12 человѣкъ приговорены къ каторжнымъ работамъ безъ срока, 23 человѣка на 20 лѣтъ, 7 человѣкъ на 15 лѣтъ, 8 человѣкъ на 10 лѣтъ, 60 человѣкъ на 6 лѣтъ, 22 человѣка на 4 года, 429 приговорены въ арестантскія отдѣленія и въ тюрьму гражданскаго вѣдомства на разные сроки. Всѣ осужденные лишены воинскаго званія.

Оправдано 129 человѣкъ, кромѣ вышеперечисленныхъ вольныхъ. Приговоръ посланъ на утвержденіе и. д. коменданта, генералу Адлербергу.

Приговоръ по дѣлу о матросскомъ бунтѣ въ Кронштадтѣ уже конфирмованъ комендантомъ крѣпости.

21 сентября. *Приговоръ надъ матросами, присужденными къ смертной казни, приведенъ въ исполненіе сегодня въ 6 часовъ утра* за городомъ, близъ батареи Литке. Исполнителями приговора были матросы.

63) Въ Бѣлостокѣ, 17 сентября. Неизвѣстный, покушавшійся вчера на убійство городового, оказался мѣщаниномъ Ломжинской губерніи, *Степаномъ Вычинскимъ. Военно-полевымъ судомъ онъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

64) Въ Ревелѣ, 17 сентября. Крестьянинъ Августъ *Линдоръ приговоренъ къ смертной казни* черезъ разстрѣляніе. *18-го приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

65) Саратовъ, 18 сентября. Скутельминъ, тяжело ранившій начальника тюрьмы Шталова, военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни. Судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ смертной казни 15-ти-лѣтней каторгой.

66) Бахмутъ, 17 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *четырехъ ограбившихъ казенную винную лавку* въ Новоселовкѣ *къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

67) Тамъ же. Военно-полевымъ судомъ приговорены *два злоумышленника,* за ограбленіе вѣровскаго волостнаго правленія, *къ смертной казни черезъ повѣшеніе.* 18 сентября на разсвѣтѣ приведенъ въ исполненіе *смертный приговоръ надъ грабителями* казенной винной лавки въ селѣ «Новоселовкѣ» и вѣровскаго волостного правленія. *Всѣ шестеро разстрѣляны.*

68) Въ Либавѣ, 18 сентября. Въ субботу морской полевой судъ приговорилъ 23 матросовъ за бывшіе безпорядки на суднѣ „Рига" къ каторжнымъ работамъ на разные сроки.

69) Въ Бахмутѣ, 18 сентября. Военно-полевой судъ, за ограбленіе въ поселкѣ Никитовка хлѣбной лавки Ипатова, *приговорилъ къ повѣшенію трехъ человѣкъ. Приговоръ* сегодня утромъ *приведенъ въ исполненіе.*

70) Въ Москвѣ, 19 сентября, военный судъ приговорилъ рядового софійскаго полка Попова за распространеніе прокламацій въ дисциплинарный батальонъ на 2 года.

71) Въ Кутаисѣ, 19 сентября. *Приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военно-полевого суда *надъ Ясономъ и Багретомъ Пракадзе,* обвинявшимися въ разбойномъ нападеніи на большой дорогѣ.

72) Въ Благовѣщенскѣ, 19 сентября. Временный военно-окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло 30 нижнихъ чиновъ 21 восточно-сибирскаго полка, обвиняемыхъ въ возстаніи и неповиновеніи начальству, приговорилъ шестерыхъ къ смертной казни, трехъ къ каторгѣ, 19 къ дисциплинарнымъ баталіонамъ, двое оправданы. Приговоръ направленъ на конфирмацію главнокомандующему.

73) Въ Варшавѣ, 20 сентября. Военный судъ разсмотрѣлъ вчера дѣло о крестьянахъ *Жуковскомъ, Ткачикѣ, Бронцуѣ и Литвинскомъ,* обвиняемыхъ въ разбойничьемъ ограбленіи винныхъ лавокъ и принадлежности къ пар-

тіи, стремящейся къ ниспроверженію революціоннымъ путемъ государственнаго строя, а также дѣло о мѣщанинѣ Войцманѣ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство желѣзнодорожнаго сторожа. Судъ приговорилъ *первыхъ четырехъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а послѣдняго къ ссылкѣ въ каторгу на 8 лѣтъ.

74) Въ Кронштадтѣ, 20 сентября въ военно-морскомъ судѣ разсмотрѣно дѣло по обвиненію матроса гвардейскаго экипажа Николая Мусоргина въ распространеніи среди нижнихъ чиновъ прокламацій революціоннаго характера. Мусоргинъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 5 лѣтъ, съ замѣной заключеніемъ въ дисциплинарный батальонъ на тотъ же срокъ.

75) Въ Херсонѣ, 20 сентября. *Семь участниковъ* нападенія на каховское отдѣленіе петербургскаго международнаго банка *приговорены* военно полевымъ судомъ *къ разстрѣлянію. Приговоръ приведенъ въ исполненіе*; остальные два участника присуждены къ 20 годамъ каторжныхъ работъ.

76) Въ Одессѣ, 20 сентября. Военный судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на 13 лѣтъ 5 мѣсяцевъ мѣщанина Ефимова, бросившаго бомбу въ бакалейный магазинъ Рейдена, отказавшагося дать деньги въ пользу анархистовъ-коммунистовъ.

77) Въ Батумѣ, 20 сентября. *По приговору военно-полевого суда* вчера въ оградѣ тюрьмы *казненъ рецидивистъ*, совершившій грабежъ на улицѣ.

78) Въ Кѣльцахъ, 20 сентября. Утромъ, по приговору военно-полевого суда, *разстрѣляны трое грабителей: Иванъ Малиновскій, Францъ Банковскій и Иванъ Шукевичъ.*

79) Въ Митавѣ, 20 сентября. Разстрѣляны по приговору военно-полевого суда *латыши Брахманъ и Фрейманъ*, явившіеся въ домъ Вилькса и застрѣлившіе на глазахъ матери двадцатилѣтняго сына.

80) Въ Калишѣ, 20 сентября. *Приговоръ* военно-полевого суда о *разстрѣляніи мѣщанина Рутта* за нападеніе на часового въ Здунской Волѣ *приведенъ въ исполненіе.*

81) Въ Благовѣщенскѣ, 20 сентября. Временный военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло обвиняемыхъ по 129 и 130 ст. угол. улож. делегатовъ амурскаго казачьяго населенія, приговорилъ одного къ шести, 3-хъ къ четыремъ годамъ каторги, 8-хъ къ ссылкѣ на поселеніе, 7-хъ къ тремъ годамъ, 5-хъ къ одному году крѣпости. Въ числѣ осужденныхъ восемь учителей, 9 делегатовъ оправданы. *Приговоренъ за убійство къ смертной казни ссыльно-поселенецъ Гелошвили.*

82) Въ Новочеркассѣ, 20 сентября. Привлеченный къ отвѣтственности по 129 ст. подъесаулъ Кузнецовъ осужденъ палатой къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ.

83) Въ Севастополѣ, 20 сентября. По дѣлу о безпорядкахъ на броненосцѣ «Три Святителя», при приготовленіи къ стрѣльбѣ по крѣпостной артиллеріи во время безпорядковъ въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ 17 подсудимыхъ (четверо скрылись) двое присуждены къ каторгѣ, четверо къ арестантскимъ ротамъ, пятеро въ дисциплинарный баталіонъ. Одинъ оправданъ.

84) Въ Варшавѣ, 20 сентября. За участіе въ нападеніи на кассу общества взаимнаго кредита въ Варшавѣ окружный судъ приговорилъ Славинскаго и Плоскаго къ каторжнымъ работамъ—перваго на 14, второго на 9 лѣтъ.

85) Въ Екатеринославлѣ, 21 сентября. Военно-полевымъ судомъ разбиралось дѣло Басова и Михова объ ограбленіи въ селѣ Новые Кайдаки лавочки. *Басовъ приговоренъ къ разстрѣлу. Приговоръ* сегодня въ 6 часовъ утра *приведенъ въ исполненіе.* Миховъ оправданъ.

86) Въ Кіевѣ, 21 сентября. Военно-окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію пяти человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ рядовыхъ, въ кражѣ совмѣстно съ часовыми, скрывшимися отъ суда, 60 казенныхъ винтовокъ изъ склада 19 запаснаго баталіона въ Житомірѣ, приговорилъ къ каторгѣ двоихъ на 6 лѣтъ, а троихъ на два года.

87) Въ Вильнѣ, 21 сентября. Военно-окружной судъ приговорилъ рядового Хайтмана, по обвиненію его въ оскорбленіи унтеръ-офицера и подстрекательствѣ къ возстанію, къ лишенію воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

88) 21-го сентября, въ спб. главномъ военномъ судѣ разсматривалась кассаціонная жалоба по дѣлу крестьянъ Эрнста Знатса, Фрица Берзинга и Янися Пелите. приговоренныхъ временнымъ военнымъ судомъ въ Митавѣ—первыхъ двое къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а третій—въ каторгу на 4 года. Главный военный судъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

89) Въ Саратовѣ, 21 сентября. Судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей приговорила крестьянина Сидоренко къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ съ зачетомъ 8 мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ до суда, за передачу въ Царицынѣ прокламацій нижнимъ чинамъ бендерскаго полка «Воззваніе къ солдатамъ» и за храненіе въ квартирѣ прокламацій. Сидоренко обвинялся по 129 п 132 ст. угол. улож.

90) Въ Орлѣ, 22 сентября. Мѣщанинъ Тимофеевъ, обвиняемый въ принадлежности къ сообществу сѣверо-западной организаціи соціалъ-революціонеровъ, приговоренъ харьковской судебной палатой къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

91) Военно полевой судъ въ *городѣ Гарволинѣ приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе Симона Николайчука* за грабежъ и *убійство Якова Гураи.* Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

92) Саратовъ, 22 сентября. Судебной палатой съ сословными представителями судился крестьянинъ Пчелинцевъ, которой въ октябрѣ и декабрѣ прошлаго года въ селѣ Петровскѣ подговаривалъ новобранцевъ не идти на службу. Пчелинцевъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на 11 мѣсяцевъ съ зачетомъ 8 мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ предварительномъ заключеніи.

93) Въ Митавѣ, 22 сентября. Военнымъ судомъ *Адамовичъ* и бывшій ученикъ реальнаго училища *Гротгофъ* приговорены за террористическіе разбои *къ смертной казни.*

94) Въ Москвѣ, 22-го сентября. Въ судебной палатѣ разсматривалось дѣло о сынѣ священника Пономаревѣ, мѣщанинѣ Зилотинѣ и крестьянкѣ Варгазиной. Обвиняемые были арестованы третьяго декабря прошлаго года, при чемъ у нихъ были найдены принадлежности приготовленія бомбъ. Варгазина оправдана, Пономаревъ и Зилотинъ приговорены къ заключенію въ крѣпости на 4 года каждый, съ зачетомъ десяти мѣсяцевъ предварительнаго заключенія.

95) Въ Варшавѣ, 21 сентября. Военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о крестьянахъ Франкѣ, Зюльковскомъ, Сикорѣ и Прухнякѣ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство земскихъ стражниковъ, приговорилъ къ каторжнымъ работамъ: перваго на 6 лѣтъ и трехъ на 3 года.

96) Въ Холмѣ, 22 сентября. Крестьянинъ ново-александрійскаго уѣзда *Посанъ* 26 лѣтъ, *обвиняемый въ разбоѣ и грабежѣ сегодня утромъ разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда.*

97) Варшава, 22 сентября. Варшавскій военно-окружной судъ, разобравъ дѣло Мартина Митько, обвиняемаго въ вооруженномъ сопротивленіи законнымъ требованіямъ стражниковъ, приговорилъ его къ шести годамъ каторжныхъ работъ.

98) Новочеркасскъ, 22 сентября. Казакъ Авдѣевъ за произнесеніе рѣчей противъ отправки на службу казаковъ приговоренъ судебной палатой къ заключенію на годъ и 8 мѣсяцевъ.

99) Въ Стародубѣ, 22 сентября. Приговоромъ особаго присутствія кіевской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, обвиняющіеся по статьямъ 51, 126, 103 и 130 уг. ул., политическіе присуждены къ заключенію въ крѣпости безъ зачета тюремнаго заключенія: бывшая фельдшерица Роза Руссина студентъ Федоръ Лагутенко, волостной старшина Егоръ Куриленковъ на 3 года, бывшій студентъ Владиміръ Сунищи на 2 года. Другіе обвинявшіеся политическіе еврей Самуилъ Кричевскій и Евсей Винчиковъ скрылись. Учитель Іосифъ Лосикъ безслѣдно исчезъ изъ залы суда.

100) Въ Митавѣ, 22 сентября. Дѣло о 30 латышахъ и литовцахъ, которые въ декабрѣ прошлаго года помощью собравшихся шаекъ вытѣснили всѣ власти изъ Виндавы, окончилось обвиненіемъ 14 подсудимыхъ. Изъ нихъ д. с. с. Шистовскій приговоренъ на основаніи 125 статьи улож. о нак. къ заключенію въ крѣпости на 3 мѣсяца, Крузинъ къ каторгѣ на 4 года, семеро другихъ обвиняемыхъ къ ссылкѣ на поселеніе, а остальные къ заключенію въ тюрьмѣ.

101) Въ Новочеркасскѣ, 22 сентября. За распространеніе листковъ антиправительственнаго характера среди солдатъ и за произнесеніе такихъ же рѣчей среди казаковъ палатой осуждены урядникъ Турковъ—къ заключенію въ крѣпость на полтора года и штатскіе Повоцковъ и Пѣшковъ—на одинъ годъ каждый.

102) Въ Одессѣ, 22 сентября. Военный судъ приговорилъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока младшаго писаря полевого жандармскаго эскадрона Ускурскаго, обвинявшагося въ нанесеніи оскорбленія прапорщику Федоренко, ѣхавшему на трамваѣ вмѣстѣ съ ротой модлинскаго полка.

103) Въ Керчи, 22 сентября. Судебной палатой за оскорбленіе полицеймейстера и коменданта города по поводу безпорядковъ 9 января приговорены обвиняемые Смуткова и Берштрамъ къ тюремному заключенію на 6 мѣс. каждый.

104) Въ Ченстоховѣ, 22 сентября. По приговору военно-полевого суда *разстрѣляны 10 человѣкъ за участіе въ разныхъ грабежахъ и насиліяхъ.* Изъ нихъ семеро люди молодые, трое старше 40 лѣтъ.

105) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 23 сентября. Приговоромъ военно-окруж-

наго суда рабочій сормовскихъ заводовъ Локастовъ, стрѣлявшій въ полѣ въ инженера Русакова, приговоренъ къ тюремному заключенію на 5 лѣтъ.

106) Въ Москвѣ 23 сентября состоялся военно-полевой судъ, которому былъ преданъ московскимъ Генералъ-губернаторомъ бывшій студентъ, мѣщанинъ города Ефремова, *Пироговъ*, по обвиненію въ томъ, что 21 сентября на станціи Бородино, московско-брестской жел. дор. онъ при преслѣдованіи его, отстрѣливаясь изъ револьвера, однимъ выстрѣломъ убилъ наповалъ желѣзнодорожнаго жандарма Павлова, другимъ—ранилъ кондуктора Труханскаго. *Военно-полевой судъ приговорилъ Пирогова къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.* Казнь будетъ совершена въ воскресенье на разсвѣтѣ.

107) Перновъ, 23 сентября. Полевой судъ вчера приговорилъ *къ разстрѣлянію лемзальскихъ мѣщанъ Дейнеля и Улмскаго, крестьянина Адамсона* за ограбленіе и раненіе лайксарскаго дворохозяина Тохва. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе немедленно.

108) Зугдиды, 23 сентября. *Шопія приговоренъ* военно-полевымъ *судомъ къ разстрѣлянію* за вооруженное сопротивленіе полиціи.

109) Тифлисъ, 23 сентября. Военно-полевой судъ *приговорилъ къ смертной* казни черезъ *повѣшеніе жителя* Кутаисской губерніи *Серадзе*, ограбившаго казначея гимназіи. 29 сентября *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

110) 23 сентября петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ приговоренъ къ разстрѣлу рядовой новочеркасскаго полка Матвѣевъ. Онъ обвинялся въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ офицеру. Между тѣмъ выяснилось, Матвѣевъ участвовалъ въ японской войнѣ и былъ награжденъ за отличіе георгіевскимъ крестомъ. Приговоръ уже конфирмованъ помощ. главнокомандующаго и долженъ быть приведенъ въ исполненіе 25 сентября.

111) Въ Владивостокѣ, 23 сентября. Кончился военно-полевой судъ надъ лицами, ограбившими сибирскій банкъ. *Пятеро приговорены къ смертной казни;* шесть оправданы. Приговоръ идетъ на конфирмацію.

112) Въ Одессѣ, 23 сентября. Военный судъ приговорилъ къ тюремному заключенію на 2 года унтеръ-офицера перекопскаго полка, Топчіева, оскорбившаго офицера въ маѣ сего года, во время безпорядковъ среди нижнихъ чиновъ, возвращавшихся на родину съ театра войны и выразившихъ недовольство по поводу недоброкачественности поданной солонины.

113) Въ Орлѣ, 23 сентября. Здѣсь обвинялись 55 крестьянъ малоархангельскаго уѣзда за участіе въ разгромѣ скопомъ экономіи Леонтьевыхъ. Харьковская судебная палата 22 оправдала, Кулешева приговорила на 3 съ половиной года, Бѣликова на 2 года въ исправительныя арестантскія отдѣленія, еще одного на 1 годъ, малолѣтняго участника на 4 мѣсяца, а всѣхъ остальныхъ на 10 мѣсяцевъ въ тюрьму.

114) Въ Варшавѣ, 23 сентября. По дѣлу о крестьянахъ Левандовскомъ и Бертранде, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство жандармскаго унтеръ-офицера, судъ приговорилъ перваго къ каторжнымъ работамъ на 4 года, а второго оправдалъ.

115) Рига, 26 сентября. Разсмотрѣвъ вторично дѣло о *пяти грабителяхъ*, военно-полевой судъ приговорилъ *Смурисса, Петте, Красовскаго* и *Дреймана*, совершившихъ цѣлый рядъ вооруженныхъ грабежей, *къ смертной казни;* Кальнинъ оправданъ. При первомъ разборѣ 3 были оправданы

а 2 приговорены къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. *Генералъ-губернаторъ*, въ виду несовершеннолѣтія и чистосердечнаго раскаянія *Смургиса*, замѣнилъ ему смертную казнь *двадцатилѣтней каторгой*. 27 сентября въ 4 часа утра *приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ осужденными: Нэтто, Красовскимъ и Дрейманомъ*. Смургису казнь замѣнена 20-тилѣтней каторгой.

116. Въ Варшавѣ, 24 сентября, По приговору военно-полеваго суда *преданы вчера смертной казни черезъ разстрѣляніе дезертиръ Вдовиченко и Ференсъ* за вооруженное нападеніе на чиновъ полиціи, *и черезъ повѣшеніе крестьянинъ Чубашекъ* за разбой въ лавкѣ и стрѣльбу изъ револьвера въ преслѣдовавшихъ его лицъ.

117) Въ Сѣдлецѣ, 24 сентября. Въ Гарволинѣ по приговору военно-полевого суда *казненъ Кригеръ* за вооруженный грабежъ ласкаржевской гмины.

118) Въ Варшавѣ военно-полевой судъ *приговорилъ къ смертной казни слесаря Наковскаго* за убійство околодочнаго надзирателя. *26 сент. приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

119) Послѣ трехдневнаго разбирательства въ московской судебной палатѣ закончилось разсмотрѣніе, при участіи сословныхъ представителей, дѣла о бывшихъ студентахъ Бергѣ и Сахаровѣ и рабочихъ Конуровскомъ, Савостинѣ и Климовѣ, обвинявшихся въ участіи въ вооруженномъ возстаніи, убійствѣ городового, пораненіи околодочнаго надзирателя. Палата приговорила Конуровскаго, по лишеніи всѣхъ особыхъ правъ, къ заключенію въ арестантскія отдѣленія на четыре года: бывшій студентъ Сахаровъ и Савостинъ приговорены къ заключенію въ крѣпости: первый на 8 мѣсяцевъ второй на одинъ годъ. Климовъ и бывшій студентъ Бергъ оправданы.

120) 25 сентября въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію рядового 3-го финляндскаго стрѣлковаго полка Стефана Коцмановскаго въ агитаціи среди войскъ. Судъ призналъ Коцмановскаго виновнымъ и на основаніи п. 1 и 2 ст. 130 уголов. улож. приговорилъ его къ лишенію воинскаго званія и къ ссылкѣ на поселеніе.

121) Въ Благовѣщенскѣ, 25 сент. Временный военно-окружный судъ по дѣлу объ убійствѣ часовыхъ дѣлъ мастера Шаривебера *приговорилъ подсудимыхъ Плешкевича, Евстѣева, Рябова и Юдину къ смертной казни черезъ повѣшеніе:* подсудимыхъ Емельянова, Пучнина, Муздину и Иванову къ ссылкѣ на каторжныя работы.

122) За убійство и грабежъ въ деревнѣ Сваты гарволинскаго уѣзда, по постановленію полеваго суда, *разстрѣлянъ* въ Гарволинѣ *крестьянинъ Николайчикъ.*

123) Въ Кутаисѣ, 25 сентября. По приговору полевого суда, за ограбленіе фургонщиковъ *разстрѣлянъ Несторъ Кварая.* Второй обвиняемый— несовершеннолѣтній Бокучава, только присутствовавшій при грабежѣ, но не принимавшій активнаго участія, оправданъ.

124) Ревель, 26 сентября. По приговору военно-полевого суда, въ 6 ч. утра *казненъ* крестьянинъ *Мадисъ Примецъ* за вооруженный разбой на большой дорогѣ.

125) Сѣдлецъ, 26 сентября. Въ городѣ Гарволинѣ въ 6 час. утра *по приговору военно-полевого суда казненъ глава* разбойничей шайки, оперировавшей въ ласкаржевской гминѣ, *Стефанъ Серанскій.*

126) Кутаисъ, 26 сентября. Осужденные за разбой по приговору военно-полеваго суда жители Кутаисскаго уѣзда. *Герасимъ Іобнозе и Калистратъ Турабелидзе—разстрѣляны.*

127) Въ Вильнѣ, 26 сентября. Военно-окружный судъ приговорилъ рядового Маневича за распространеніе прокламацій среди войскъ къ лишенію воинскаго званія, всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе.

128) Въ Варшавѣ 25 сент. въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло о мѣщанахъ Колкѣ, Ромацкомъ, Ротштейнѣ и мѣщанкахъ Лейманъ и Брамсъ, обвиняемыхъ въ принадлежности къ еврейской соціалистической партіи „Бундъ", поставившей себѣ цѣлью ниспроверженіе насильственнымъ путемъ существующаго образа правленія въ Россіи. Судъ приговорилъ: перваго къ каторжнымъ работамъ на 2 года 8 мѣсяцевъ, двухъ послѣдующихъ къ ссылкѣ на поселеніе. Обѣ женщины оправданы.

129) Въ Варшавѣ, 27 сентября. Въ военномъ судѣ разсматривалось вчера дѣло Новака, Боруцкаго и Домбровскаго, обвиняемыхъ въ убійствѣ городового и покушеніи на убійство солдата. Первыхъ двухъ судъ оправдалъ, а *Домбровскаго приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

130) Въ Лодзи, 27 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *пятерыхъ грабителей*, оперировавшихъ въ Лосскомъ уѣздѣ, *къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.* Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

131) Ковна, 27 сентября. По дѣлу о Билевичѣ, Станкевичѣ, Чейлытько, Скршитусскомъ и Баталинѣ, обвинявшихся въ разбоѣ съ цѣлью вымогательства денегъ для политическихъ цѣлей и убійствѣ купца Рабиновича, согласно вердикту присяжныхъ засѣдателей, окружный судъ приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ каторжныя работы Билеввча на 8 лѣтъ, Станкевича на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца, Скршитусскаго на 4 года, Баталинъ и Чейлытько оправданы.

132) Въ Петербургѣ рабочій Калашниковъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что нанесъ дневальному при исполненіи обязанностей легкую рану, при сознаніи послѣдствій своего дѣянія.

Спб. военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло въ засѣданіи 27 сентября, приговорилъ *Калашникова къ смертной казни*, но постановилъ ходатайствовать передъ главнокомандующимъ о смягченіи наказанія.

133) Москва, 27 сентября. Въ судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей разсматривалось дѣло крестьянина Андріанова, обвиняемаго по 100 ст. ул. Ему приписывалось, что онъ во время декабрьскаго возстанія портилъ желѣзнодорожные пути, чтобы помѣшать провозу въ Москву войскъ. Палата признала его виновнымъ въ участіи въ скопищѣ, препятствовавшемъ движенію поѣздовъ, и приговорила по 123 ст. къ заключенію въ тюрьму на годъ съ зачетомъ предварительнаго девятимѣсячнаго заключенія.

134) Въ Вильнѣ, 27 сентября. Судебная палата, разсмотрѣвъ сегодня политическія дѣла мѣщанина Колесника и мѣщанки Чижиковой по обвиненію въ храненіи бомбъ и оружія, приговорила перваго къ каторжнымъ работамъ на четыре года, вторую палата оправдала.

135) Сосновицы. 27 сентября. *Въ Бенфинѣ разстрѣляны по приговору военнополеваго суда Іосифъ Бембасъ Францъ Супершакъ, Осипъ Заіонцъ и Теофилъ Ендрушекъ.*

136) Въ Вильнѣ, 27 сентября. Судебная палата разсмотрѣла дѣла по обвиненію въ принадлежности къ тайному сообществу и въ храненіи взрывчатыхъ веществъ мѣщанъ Хаи Чижикъ и Калмана Талесника, въ квартирахъ которыхъ найдено по 4 бомбы. Чижикъ оправдана, а Талесникъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года.

137) Черниговъ, 27 сентября. Окружный судъ по дѣлу о разгромѣ и поджогѣ построекъ въ октябрѣ прошлаго года въ имѣніи гродненскаго предводителя дворянства, Кровольскаго-Гриневскаго, приговорилъ двухъ крестьянъ къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ, 30—къ отдачѣ въ арестантскія роты отъ одного года до 6 лѣтъ, 12—къ тюремному заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до $2^1/_2$ лѣтъ. Десять оправданы.

138) Въ Кіевѣ, 28 сентября. Военно-окружной судъ разсмотрѣлъ дѣло крестьянъ села Грузскаго, путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, Калины, Шешеня, Роточенко, Мищенко и Гзелезняка, обвинявшихся въ умышленномъ убійствѣ въ декабрѣ 1905 г., въ селѣ Грузскомъ, полицейскаго урядника Геля и въ покушеніи на убійство пристава Китайцева и стражника Счастливцева. По первому обвиненію всѣ оправданы, по второму обвиненію первые трое признаны виновными, *причемъ Калина приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а Шешень и Роточенко къ каторгѣ на 15 лѣтъ; остальные оправданы.

139) Сосновицы, 28 сентября. Арестованные въ Сосновицахъ на Дембовой горѣ 5 обвинявшихся въ принадлежности къ боевой организаціи, полевымъ судомъ приговорены: женщина—къ каторжнымъ работамъ, *четверо мужчинъ—къ смерти.*

140) Калишъ, 28 сентября. Въ Ленчицѣ въ 8 ч. 50 м. утра *разстрѣляны* по приговору военно-полеваго суда *Андрей Свіонтославскій* и *Людвигъ Павлюкъ* за вооруженный грабежъ.

141) Въ Васильковѣ, 28 сентября. Сегодня состоялся военно-полевой судъ надъ крестьяниномъ села Романовки Иваномъ Чупринымъ, за нахожденіе у него 5 бомбъ въ Фастовѣ. Чуприна приговорили къ 15-тилѣтней каторгѣ.

142) Въ Царицынѣ. 28 сентября. Временный военно-окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло нижнихъ чиновъ бобруйскаго полка, обвиняемыхъ въ устройствѣ демонстраціи при предъявленіи экономическихъ требованій командиру полка, приговорилъ 7 нижнихъ чиновъ къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ на 2 года и 2 мѣсяца, 6—на 2 года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и 4-хъ аресту на 20 дней; трое нижнихъ чиновъ оправданы.

143) Кіевъ, 28 сентября. Военно-окружной судъ *приговорилъ* за бросаніе бомбы въ банкирскій домъ Ратнера въ Житомірѣ: *Полонскаго къ повѣшенію, Быка*—къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ. Лумельскій и Гальбинъ оправданы.

144) Въ Кіевѣ. Судебная палата приговорила Дину Нейманъ къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ за революціонную пропаганду въ войскахъ. Обвинявшійся въ революціонной пропагандѣ среди крестьянъ Бѣлкинъ присужденъ къ заключенію въ крѣпость на $1^1/_2$ года.

145) Рига, 29 сентября. Военно-полевой судъ по дѣлу о пораненіи и убійствѣ городовыхъ приговорилъ *Шприна* и *Вальдейма къ смертной казни,*

Берзина и Луяна, къ заключенію въ тюрьму на 8 лѣтъ, а остальныхъ обвиняемыхъ оправдалъ.

30 сентября. Смертный приговоръ военно-полевого суда надъ *Шпрингомъ* и *Вальдгеймомъ приведенъ въ исполненіе.*

146) Въ Ревелѣ, 29 сентября. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ два дѣла, изъ которыхъ одно политическое (распространеніе въ войскахъ прокламацій), приговорилъ: по первомъ дѣлу портного Кокмана къ ссылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

147) Въ Юзовкѣ, 29 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *шестерыхъ* изъ 12 членовъ шайки, терроризировавшей населеніе, *къ смертной казни.*

30 сентября. По приговору военно-полевого суда *ночью разстрѣляны 6 террористовъ.* Остальные 6, обвиняемыхъ по тому же дѣлу, оправданы за недостаткомъ уликъ, но привлекаются къ уголовной отвѣтственности по другимъ преступленіямъ.

148) Въ Кѣльцахъ, 30 сентября. По приговору военно-полевого суда *разстрѣляны два грабителя, изъ нихъ—одинъ русскій.*

149) Митава, 30 сентября. Военный судъ приговорилъ *латышей Тилма и Предена* за вооруженный разгромъ винной лавки *къ смертной казни.*

150) Въ Луганскѣ, 30 сентября. По приговору военно-полевого суда разстрѣляны *двое* за динамитное покушеніе въ Павловскѣ.

151) Въ Варшавѣ, 30 сентября. Военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о *крестьянинѣ Мотелѣ*, обвиняемомъ въ вооруженномъ нападеніи на патруль и нанесеніи тяжелой раны городовому, *приговорилъ его къ смертной казни* черезъ *повѣшеніе.*

152) Вильна, 30 сентября. Судебная палата приговорила мѣщанина Останова за бросаніе бомбы въ третій участокъ съ цѣлью убійства помощника пристава Соколовскаго къ шести годамъ тюремнаго заключенія.

153) Въ Прибалтійскомъ краѣ, 2 сентября въ Феллинѣ военно-полевой судъ приговорилъ къ смертной казни чрезъ растрѣляніе *Ганса Пента и Ганса Линденберга*, оказавшихъ вооруженное сопротивленіе кенпоскому волостному старшинѣ при попыткѣ задержать ихъ, причемъ убитъ былъ одинъ крестьянинъ и ранены двое. *Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ тотъ же день*, на сѣнокосѣ усадьбы Лойгу, въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ совершено было преступленіе. При исполненіи приговора присутствовала огромная толпа окрестныхъ жителей.

154) — Въ Добленъ, Курляндской губ., 3 сентября по подозрѣнію въ участіи въ нападеніяхъ *разстрѣлянъ рабочій Озолъ. 4 сентября разстрѣлянъ сапожникъ Бакусъ* и еще одинъ неизвѣстный мѣстный рабочій, тоже по подозрѣнію въ нападеніяхъ.

155) По дорогѣ отъ Огрескална драгуны въ сосѣдней усадьбѣ Сежасъ замѣтили трехъ вооруженныхъ лицъ, пившихъ у колодца воду. Драгуны пустились въ карьеръ и двухъ изъ нихъ поймали, а одинъ удралъ. Пойманныхъ отправили въ Эссенгофъ, гдѣ они были подвергнуты допросу, а *потомъ разстрѣляны* и погребены на мѣстномъ кладбищѣ; но черезъ нѣсколько дней солдатами были вырыты трупы и сфотографированы.

156) — Фестенъ, 6 сентября вечеромъ, по словамъ „Латвія", драгунами арестованы 2 члена веявской волости Тинайнъ и Лѣпинъ, изъ которыхъ

перваго разстрѣляли въ тотъ же день, а другого лишь на другой день. Оба они, какъ слышно, разстрѣляны потому, что съ недѣлю тому назадъ на какомъ то празднествѣ поссорились съ нѣкимъ Р. и хотѣли его убить.

157) Въ Рубажской волости арестовано 5 лицъ. 13 сентября разстрѣлянъ усадьбовладѣлецъ Кинитъ, недавно выпущенный изъ тюрьмы.

158) Въ Невальгской волости *разстрѣлянъ солдатами нѣкій Боба.*

159) Въ Ригѣ, 18 сентября. На-дняхъ въ Кокенгаузенѣ застрѣленъ солдатами при попыткѣ къ бѣгству революціонеръ, обвинявшійся въ убійствѣ корнета Козлянинова.

160) Въ Кокенгаузенѣ 14 сентября,—какъ сообщаетъ „Balss",—на берегу Двины экзекуціоннымъ отрядомъ *разстрѣляны пять человѣкъ.*

161) Рига, 21 сентября. Изъ Шрундена, гольдингенскаго уѣзда, сообщаютъ, что тамъ въ послѣднее время карательными отрядами *разстрѣляно 10 человѣкъ. Въ Пампельнѣ,* того же уѣзда, *пять человѣкъ.*

162) Въ Цесвайнской волости *разстрѣлянъ* по подозрѣнію въ участіи въ сожженіи имѣнія Кальценау, нѣкій *Крушкисъ.*

Въ Рудбаусской волости экзекуціонный отрядъ *разстрѣлялъ 3-хъ лицъ.* Послѣ этого начальникомъ отряда было заявлено, что если грабежи будутъ повторяться, то будутъ разстрѣляны шесть лицъ и т. д.

163) Въ Пильтенѣ, 24 сентября, въ усадьбѣ Вождукъ, во время обыска, по словамъ „Мусу Лайки", драгунами *разстрѣлянъ слабоумный батракъ.*

Въ теченіе сентября печать подвергалась нижеслѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Тифлисѣ, 31 августа. Пріостановлено на неопредѣленное время изданіе грузинской газеты „Иверія".

2) Тамъ же, 31 августа. По распоряженію тифлисскаго генералъ-губернатора конфискованъ сатирическій журналъ „Комаръ". Редакторъ Давидянцъ арестованъ. Типографія опечатана.

3) Тамъ же, 2 сентября. По распоряженію генералъ-губернатора, закрыта газета „Обновленіе".

4) Въ Кіевѣ, 2 сентября. Редакторъ „Кіевскихъ Отголосковъ" приговоренъ начальникомъ края къ мѣсячному аресту.

5) Въ Вильнѣ, 3 сентября. Редакція бѣлорусской газеты „Наша Доля" за помѣщеніе въ первомъ номерѣ, отъ 1 сентября, ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ правительства и за перепечатаніе замѣтки о доходахъ Императорской фамиліи, оштрафована генералъ-губернаторомъ на 200 рублей.

6) Въ Ставрополѣ, 3 сентября. По распоряженію генерала Литвинова, закрыты обѣ частныя газеты „Сѣверно-Кавказскій Край" и „Братство". Типографіи ихъ опечатаны.

7) Въ Вяткѣ, 4 сентября. Князь Горчаковъ издалъ 2 сентября цѣлыхъ шесть обязательныхъ постановленій. Однимъ изъ нихъ воспрещается: „распространять такія произведенія печати, которыя по своему содержанію могутъ вызвать недовѣріе къ правительственной и общественной власти или возникновеніе волненій въ населеніи".

8) Въ Петербургѣ, 4 сентября. Въ четвертомъ часу ночи, въ типографію П. П. Сойкина, гдѣ печатается газета „Современная Россія", явился приставъ и предъявилъ редактору-издателю газеты Н. Г. Молоствову распоря-

женіе градоначальника о пріостановкѣ газеты на основаніи положенія чрезвычайной охраны. Газета „Современная Россія“ разсылалась подписчикамъ пріостановленной газеты „Современная Жизнь“ и успѣла выпустить всего 3 номера.

9) Въ Варшавѣ. По распоряженію генералъ-губернатора пріостановлено изданіе „Новой Газеты“. Редактору пріостановленнаго еженедѣльника „Снопъ“ оберъ-полиціймейстеръ, по распоряженію военной власти, предложилъ въ теченіи 3 дней выѣхать за предѣлы края.

10) Въ Петербургѣ. Редакторъ пріостановленной газеты „Современная Жизнь“ получилъ единовременно копіи съ обвинительныхъ актовъ по слѣдующимъ преступленіямъ: въ № 94 газеты „Совр. Жизнь“ за статью „Впечатлѣнія Дня“—4 п. 129 ст. угол. улож. и п. 6 ст. 5 отд. VIII врем. правилъ; въ № 100 за примѣчаніе въ отдѣлѣ „Печать“ и перепечатку воззванія офицера К.— 5п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. врем. прав.; въ № 108, 111 и 113—за статьи и замѣтки—1 и 5 п. ст. 129.

11) Въ Полтавѣ, 4 сентября. Редакторъ лубенской газеты „Хлиборобъ“, Шеметъ, привлекается къ отвѣтственности за изданіе газеты явочнымъ порядкомъ.

12) Въ Ригѣ, 4 сентября. Особое присутствіе судебной палаты приговорило редактора „Рижскихъ Вѣдомостей“ Витвицкаго за перепечатаніе выдержки изъ декабрьскаго воззванія рабочихъ организацій по ст. 129 улож. о наказ. къ заключенію въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ.

13) 4 сентября отъ всѣхъ редакторовъ московскихъ періодическихъ изданій администраціей отобрана подписка въ томъ, что они не будутъ поименно называть въ печати тѣхъ офицеровъ, которые въ качествѣ членовъ входятъ въ составъ военно-полевыхъ судовъ.

14) Въ Петербургѣ 4 сентября въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя газеты „Радикалъ“ присяжнаго повѣреннаго М. С. Маргуліеса.

Подсудимому инкриминировался цѣлый рядъ статей помѣщенныхъ въ №№ отъ 1 до 6-го, на которомъ и прекращено было самое изданіе газеты.

Палата вынесла обвинительный приговоръ, назначивъ установившуюся норму редакторской кары—1 годъ крѣпости.

Кромѣ того, подсудимому запрещено въ теченіи 5 лѣтъ быть редакторомъ или издателемъ какого бы то ни было періодическаго изданія, а газету „Радикалъ“ закрыть навсегда.

На приговоръ палаты будетъ принесена касаціонная жалоба.

15) Тамъ же, 4 сентября, утромъ, чинами полиціи отбирались у газетчиковъ номера новой газеты „Свобода и Жизнь“.

16) Тамъ же, 5-го сентября конфискована послѣдняя книжка журнала „Русское Богатство“.

17) Тамъ же. Въ ночь съ 5 на 6 сентября въ типографію Воейкова явилась полиція съ предписаніемъ градоначальника о закрытіи газеты „Военный Голосъ“. Часть номеровъ была уже готова, ихъ уничтожили, наборъ разсыпали, стереотипы разбили.

На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ газета „Военный Голосъ“ пріостановлена.

18) Въ Кіевѣ, 6 сентября. По распоряженію генералъ-губернатора, зак-

рыта газета „Кіевскіе Отголоски Жизни“ на время военнаго положенія въ Кіевѣ.

19) Въ Варшавѣ. По распоряженію временнаго генералъ-губернатора прекращено на время военнаго положенія изданіе еженедѣльника „Пшеглендъ Польскій“.

20) Въ Тифлисѣ. Редакторъ журнала „Встань спящій“ свящ. Брихневичъ приговоренъ на годъ въ крѣпость; редакторъ газеты „Гвоздь“ приговоренъ на годъ въ крѣпость.

21) Въ Петербургѣ, 6 сентября редакціи „Журнала для всѣхъ“ было предъявлено постановленіе г. спб. градоначальника, изданное на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, въ силу котораго журналъ пріостанавливается на неопредѣленное время. Одновременно послѣдовало распоряженіе о конфискаціи двухъ послѣднихъ книгъ журнала.

22) Въ Симферополѣ, 6 сентября. Редакторъ „Жизни Крыма“, бывшій членъ государственной думы князь Оболенскій, привлекается къ суду по 129 ст., за корреспонденцію изъ села Балокъ.

23) Въ Варшавѣ, 7 сентября. По распоряженію варшавскаго генералъ-губернатора, прекращено на время военнаго положенія изданіе газеты „Золотой Рогъ“.

24) Въ Петербургѣ 7 сентября, въ 8 ч. вечера, въ книгоиздательство „Донская Рѣчь“ (Лиговка, 44) явился помощникъ пристава съ подобающей свитой и предъявилъ предписаніе спб. цензурнаго комитета по дѣламъ печати, о конфискаціи брошюры „Сонъ подъ 1 мая“. Е. Кусковой. Конфисковано 400 экзем. Характерно, что книга эта издана въ ноябрѣ 1905 г., а предписаніе объ „изъятіи“ послѣдовало въ сентябрѣ 1906 г.

25) Въ Самарѣ, 7 сентября. Редакторъ „Самарской Газеты“ Костеринъ приговоренъ судебной палатой къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы съ замѣною штрафомъ въ 500 руб. и воспрещеніемъ редакторства на 5 лѣтъ. Газета закрыта навсегда.

26) Въ Севастополѣ запрещена Скрыдловымъ розничная продажа газ. „Товарищъ“.

27) Въ Петербургѣ, 7 сентября. Послѣдній (35-й) номеръ еженедѣльнаго журнала: „Хроника Еврейской Жизни“ конфискованъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ за статью о сѣдлецкихъ событіяхъ.

28) Въ Варшавѣ. Конфискованъ 35-й номеръ польской газеты „Еврейская Жизнь“. Пріостановлена на время военнаго положенія газета „Еврейскій Голосъ“.

29) Въ Тифлисѣ, 8 сентября. Пріостановлена армянская газета „Зангъ“; типографія опечатана; редакторъ высылается.

30) Въ Кіевѣ, 8 сентября. Генералъ-губернаторомъ пріостановленъ на время военнаго положенія, издающійся священникомъ Кмитой журналъ „Отклики сельскихъ пастырей“.

31) Въ Петербургѣ 8 сентября приставъ 2 участка литейной части прибылъ въ помѣщеніе книгоиздательства Н. Глаголева (Невскій просп., 92) съ предписаніемъ старшаго инспектора по дѣламъ печати наложить арестъ на только что выпущенную издательствомъ книгу Парвуса: „Россія и революція“, въ количествѣ 10.200 экз. Послѣ произведеннаго во всѣхъ помѣще-

ніяхъ издательства обыска, арестовано 657 экз., остальныя книги оказались распроданными.

32) Въ Вильнѣ, 8 сентября. Редакторъ литовской газеты „Naugase Gadyne" г-жа Брозайгисъ, вслѣдствіе отказа заплатить штрафъ въ 200 рублей, наложенный на нее за напечатаніе невѣрныхъ свѣдѣній о доходахъ императорской фамиліи, подвергнута аресту на одинъ мѣсяцъ.

33) Въ Петербургѣ. — Редакторъ намѣченнаго къ выпуску журнала „Голосъ Безработнаго" получилъ заявленіе о томъ, что петербургскій градоначальникъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить журналъ съ подобнымъ названіемъ.

34) Тамъ же 7 сентября, въ 7 час. вечера, въ типографіи „Надежда" конфискованъ № 12 „Голоса Приказчика".

35) Тамъ же. 9-го сентября комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на № 1 журнала „Хлѣбъ и работа" и на № 9 „Журналъ Для Всѣхъ" (сентябрь).

36) Тамъ же. Конфискована недавно вышедшая въ свѣтъ брошюра Ст. Струмилина „Долой забастовщиковъ!" изд. „Новой библіотеки".

37) 9-го сентября корреспонденты кіевскихъ газетъ „Кіевская Газета" и „Торговая Газета", житомірской „Волынь" а рижской „Дюнацейтунгъ" сообщили своимъ редакціямъ содержаніе статей „Рѣчи" и „Страны" о провокаціи на 11-е сентября черносотенной газетой „Объединеніе" бойни. Администрація телеграфа, снесшись съ „кѣмъ слѣдуетъ", вычеркнула это сообщеніе изъ телеграммъ корреспондентовъ, не предупредивъ ихъ объ этомъ и не возвративъ платы за телеграммы.

38) Опредѣленіями судебной палаты, состоявшимися 18 сентября, утверждены наложенные комитетомъ по дѣламъ печати аресты на журналъ „Міръ Божій" за напечатаніе въ № 8 статей: „Политическое обозрѣніе", „Армія и Общество" и „Христосъ въ Варшавѣ", причемъ редакторъ г. Батюшковъ привлекается къ отвѣтственности по 73, 4 и 5 п. п. 129 ст. уг. улож. и 6 ст. VIII отд. закона 24 сентября 1905 г., а также на брошюры: „Златкинъ. Рядовой Огибаловъ", „Саблина. Женщина-работница", „Крамалюкъ". „Новая нагорная проповѣдь", „Шлихтеръ. Государственная Дума и ея роль въ освободительномъ движеніи" и „Некрасовъ. Кто не желаетъ дать народу ни земли, ни воли".

39) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбуждены вопросы о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности слѣдующихъ лицъ: 1) редактора газеты на латышскомъ языкѣ „Peterburgas Lapa" Ю. А. Равингъ,— по п. 4 ст. 129 угол. улож., съ наложеніемъ на № 43 газеты ареста; 2) редактора-издателя газеты „Переломъ" Н. А. Демчинскаго, по п. 1 ст. 129 угол. улож., и 3) редактора-издателя „St. Peterburger Zeitung" П. П. фонъ-Кюгельгена и отвѣтственнаго редактора той же газеты К. П. фонъ-Кюгельгена,—по п. 1 ст. 129 угол. угол.

40) 10 сент. петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на нижеслѣдующія произведенія печати:

1) П. Крапоткина „Хлѣба и воли", съ предисловіемъ Элизе Реклю. Книгоиздательство „Свободная Мысль". 2) В. Ленина „Пересмотръ аграрной программы рабочей партіи" № 1. Петербургъ. 3) О баррикадной и уличной

борьбѣ. Ал. Арабидзе. 4) Е. Кускова „Сонъ подъ первое мая“ (сказка-правда). Изданіе Н. Парамонова.

Тѣмъ же комитетомъ наложены аресты на брошюры подъ заглавіемъ:

1) „Русское свободное правительство, Бѣлостокскій погромъ“. 2) „Передъ грозой“, сборникъ изъ газетъ Сѣверная Россія“. 3) И. Индивида „О. Виконтъ“. Анархическій индивидуализмъ. 4) „Разсказы изъ русской исторіи“ Шишко. 5) А. А. Николаева „Крестьянская библіотека“ № 2. Первая Государственная Дума. 6) Ф. Волховской, „Друзья среди враговъ. Изъ воспоминаній стараго революціонера“.

41) Царскосельскій исправникъ и земскій начальникъ 2-го участка прибыли въ Лисинскую волость и отобрали отъ всѣхъ подписчиковъ газеты „Uusi Inceri“ подписку, что они не будутъ больше получать этой газеты. Газета „Uusi Inceri“—прогрессивнаго направленія.

42) Въ Петербургѣ комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра Льва Дейча „къ 25-тилѣтію марта 1881—1906 г.“

43) Сегодня отъ всѣхъ редакторовъ московскихъ періодическихъ изданій администраціей отобрана подписка въ томъ, что они не будутъ поименно называть въ печати тѣхъ офицеровъ, которые въ качествѣ членовъ входятъ въ составъ военно-полевыхъ судовъ.

44) По постановленію судебной палаты, пріостановлено изданіе журнала „Наше Слово“, органа „Бунда“.

45) Въ Варшавѣ редактору пріостановленной газеты „Курьеръ Новый“ предложено въ теченіе пяти дней выѣхать за предѣлы Царства Польскаго По распоряженію генералъ-губернатора пріостановлено на время военнаго положенія изданіе газеты „Новины“, юмористическаго журнала „Стрѣла“ и другого журнала, выходящаго безъ названія.

46) Московскій градоначальникъ пригласилъ къ себѣ редактора газеты „Новые Дни“ и объявилъ ему, что онъ сдѣлалъ представленіе генералъ-губернатору о закрытіи газеты на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

47) Въ Кіевѣ, 11 сентября. Кіевскій комитетъ по дѣламъ печати предписалъ конфискацію иллюстрированныхъ открытокъ, изображающихъ Таврическій дворецъ и содержащихъ текстъ выборгскаго воззванія.

48) Во Владивостокѣ, 12 сентября. Военно-окружнымъ судомъ вынесена резолюція о бывшемъ редакторѣ журнала „Природа и люди Дальняго Востока“, а также газеты „Далекій Край“, обвиняемомъ по второму пункту 132 статьи новаго уголовнаго уложенія. Редакторъ приговоренъ на полтора года въ крѣпость.

49) Въ Елисаветградѣ, 13 сентября. Генералъ-губернаторъ пріостановилъ на седьмомъ номерѣ за вредное направленіе „Вѣстникъ Свободы“, замѣнившій „Новую Волну“, направленія партіи народной свободы.

50) 13 сентября, въ петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось извѣстное дѣло дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лаврова, обвинявшагося въ составленіи и распространеніи воззванія, возбуждающаго одну часть населенія противъ другой, по 1036 ст. уложенія о наказаніяхъ. Судъ призналъ Лаврова виновнымъ и приговорилъ его къ низшей мѣрѣ наказанія—штрафу въ 100 рублей, а при несостоятельности—аресту на 10 дней,

51) Въ Ярославлѣ, 13 сентября. Конфискованъ вчерашній номеръ „Сѣверной Рѣчи“.

52) Въ Астрахани, 14 сентября. Губернаторомъ возстановлена цензура. Цензируютъ вице-губернаторъ и три чиновника. Конфисковано четыре выпуска газетъ.

Редакторъ „Вѣстника Сибири“ приговоренъ къ 1 году крѣпости.

53) Въ Одессѣ, 14 сентября. Генералъ-губернаторомъ воспрещена розничная продажа газеты „Вѣче“, въ виду помѣщенія вымышленныхъ сообщеній изъ Одессы, возбуждающихъ вражду между частями населенія.

Въ Иркутскѣ, 15 сентября. Генералъ-губернаторъ пріостановилъ изданіе газеты „Восточная Сибирь“.

54) Въ Кіевѣ, 13 сентября. Генералъ-губернаторъ оштрафовалъ редактора газеты „Кіевская Рѣчь“ на 1,000 руб.

Въ Петербургѣ 14 сентября ночью, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, изданіе газеты „Переломъ“ пріостановлено.

55) Въ Варшавѣ, 16 сентября.—Редактору пріостановленнаго юмористическаго журнала „Муха“ предложено выѣхать за предѣлы Царства Польскаго въ мѣста, гдѣ не введено особое положеніе или заграницу. Онъ избралъ выѣздъ заграницу, куда и вывезенъ. Арестованъ редакторъ юмористическаго журнала „Бонкъ“.

56) Въ Луганскѣ, 18 сентября. Телеграммой военнаго генералъ-губернатора пріостановлена на все время военнаго положенія газета „Донецкая Рѣчь“.

57) Въ Москвѣ. 18 сентября. Газета „Новые Дни“ пріостановлена, на основанія положенія о чрезвычайной охранѣ.

59) Въ Харьковѣ, 18 сентября. Редакторъ „Южнаго Края“, Воронецкій, оштрафованъ генералъ-губернаторомъ на 3.000 рублей.

60) Въ Петербургѣ 18 сентября полиція явилась въ помѣщеніе редакціи „Перелома“ и конфисковала всѣ находившіеся тамъ экземпляры газеты.

61) Тамъ же 18 сентября, въ помѣщеніе книгоиздательства „Впередъ“ (на Караванной) явилась полиція и конфисковала 190 экземпляровъ брошюры Кр—кова - „Программа занятій въ кружкахъ высшаго типа (конспектъ лекцій)“, цѣна 8 копѣекъ.

62) Тамъ же № 2 „Хлѣба и работы“, журнала безработныхъ, такъ же какъ и № 1-й, былъ конфискованъ полиціей въ день выхода.

63) Тамъ же. По распоряженію цензурнаго комитета въ типографіи М. Люндорфъ и К. (Морская, д. 19), арестована брошюра „Карменъ. За что?“, изданіе книгоиздат. „Впередъ“.

64) Тамъ же. 21 сентября с.-петербургскимъ комитетомъ наложенъ арестъ на № 27 „Сегодня“ и № 67 газеты „Товарищъ“.

64) Въ Петербургѣ отдано распоряженіе о конфискаціи газеты „Товарищъ“ отъ 21 сентября, послѣдняго номера латышской газеты „Таугасъ Тезибасъ“ и всѣхъ имѣющихся въ продажѣ послѣднихъ номеровъ еженедѣльника „Голосъ Печатника“.

65) Въ Баку 20 сентября. Высылается изъ предѣловъ Баку сотрудникъ „Русскаго Слова“ Полюсукъ за извращеніе, какъ значится въ приказѣ генералъ-губернатора, происходящихъ въ городѣ событій.

66) Въ Тифлисѣ 21 сентября. Закрыта вновь народившаяся армянская

соціалъ-демократическая газета „Норхоскъ". Типографія, гдѣ печаталась газета, закрыта.

67) Въ Кіевѣ 21 сентября. Редакторъ газеты „Народъ" Лашнюковъ, обвинявшійся по 128 и 129 статьямъ, признанъ виновнымъ лишь по 128 ст. и приговоренъ къ году заключенія въ крѣпости.

68) 22 сентября въ спб. окружномъ судѣ разсматривалось дѣло редактора-издателя журнала „Рабочій Міръ" Архангельскаго, привлеченнаго къ отвѣтственности за статью Варвары Авчинниковой: „Итоги", помѣщенную въ № 4 названнаго журнала. Судъ приговорилъ В. Архангельскаго къ 2 мѣсяцамъ и 15 днямъ тюремнаго заключенія.

69) Въ Петербургѣ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на первый выпускъ сборника „Народно-соціалистическое обозрѣніе".

70) Въ Полтавѣ 21 сентября. Конфискованъ сегодняшній номеръ „Чернозема". Газета больше не выходитъ въ виду отказа типографіи отъ дальнѣйшаго печатанія.

71) Въ Симферополѣ 23 сентября. Редакторъ „Жизни Крыма", бывшій членъ государственной думы, князь Оболенскій, за статью по поводу казни Шмидта, судебной палатой приговоренъ къ заключенію въ арестномъ домѣ на три мѣсяца.

72) По постановленію петербургскаго комитета по дѣламъ печати наложенъ арестъ на слѣдующія произведенія печати: 1) Мартовъ. Рабочее дѣло въ Россіи, 2) Кропоткинъ и Дж. Бернсъ. Всеобщая стачка. 3) Эльснеръ, Дуэль передъ судомъ общества. 4) Швецовъ (С. Марусинъ) „Въ ожиданіи казни". 5) Кр—ковъ. „Программа занятій въ кружкахъ высшаго типа". 7) Танъ. „Стихотворенія". 8) Петрищевъ. „Триста лѣтъ", 1606—1906, 9) 3-й сборникъ изд. „Многоточіе".

73) Судебнымъ слѣдователемъ въ г. Ригѣ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож. мировой судья рижско вольмарскаго уѣзднаго съѣзда Чешихинъ за составленіе напечатанной въ газетѣ „Прибалтійскій Край" статьи подъ заглавіемъ „Тягчайшая изъ забастовокъ".

74) Ѳ. М. Онипко будетъ привезенъ въ Ставрополь для участія въ разборѣ дѣла о напечатаніи въ ставропольской газетѣ „Голосъ" „Письма въ села". Обвиняется Ѳ. М. Онипко по 129 ст. одновременно съ редакторомъ „Голоса В. С. Красновымъ.

75) 25 сентября, въ 12 часовъ ночи, по распоряженію московскаго градоначальника, на московскомъ вокзалѣ николаевской желѣзной дороги закрытъ газетный кіоскъ контр-агентства А. С. Суворина за продажу журналовъ „На распутьи" и „Произволъ".

76) 25 сентября с.-петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на № 203 „Всеобщей маленькой газеты" въ С.Петербургѣ.

77) Въ Читѣ закрыты „Тайга" и „Голосъ Забайкалья".

78) Въ Петербургѣ 27 сентября въ 9 ч. утра, въ типографію „Общественная Польза" (Больш. Подъяческая, 39) явилась полиція и конфисковала по распоряженію петербургскаго комитета по дѣламъ печати, № 72 газеты „Товарищъ", въ количествѣ 3000 экземпляровъ. Одновременно было конфисковано 286 экземпляровъ въ конторѣ газеты (Невскій, 19).

79) Въ Харьковѣ 27 сентября. Редакторъ рабочей газеты „Союзъ" оштрафованъ генералъ-губернаторомъ за призывъ къ забастовкѣ на тысячу руб.

80) Въ Тифлисѣ 27 сентября. Генералъ-губернаторомъ пріостановлена на время военнаго положенія газета „Тифлисскій Листокъ“ за сообщеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ властей.

81) Въ Вильнѣ 27 сентября. Сегодня генералъ-губернаторомъ наложенъ штрафъ въ 300 рублей съ замѣной арестомъ на два мѣсяца на редакторовъ издающейся въ Вильнѣ на еврейскомъ жаргонѣ газеты „Volks-Zeitung“.

82) С.-Петербургскій градоначальникъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ пріостановилъ издающійся въ Петербургѣ еженедѣльный журналъ „Еврейская Жизнь“. Поводомъ къ запрещенію изданія послужила напечатанная въ послѣднемъ номерѣ этого журнала корреспонденція изъ Сѣдлеца.

83) Въ Петербургѣ въ среду 27 сентября, въ 11 час. вечера, въ конторѣ журнала „Вѣстникъ Жизни“ былъ конфискованъ № 11 этого журнала. Полиція нашла всего 24 экземпляра.

84) Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 28 сентября, пріостановлено изданіе выходящей въ Петрозаводскѣ газеты „Олонецкій Край“, а противъ редактора газеты, старшаго фабричнаго инспектора Олонецкой губ. В. В. Дмитріева, возбуждено уголовное преслѣдованіе по 2, 3 и 6 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе статей, возбуждающихъ къ неповиновенію закону и борьбѣ съ правительствомъ и проч.

85) Въ Кіевѣ 28 сентября. Судебной палатой при предсѣдателѣ Кривцовѣ и прокурорѣ Рыжовѣ редакторъ „Кіевскихъ Отголосковъ“ Гармашевъ приговоренъ къ годичному заключенію въ крѣпости за перепечатку воззванія рабочихъ депутатовъ думы. Гармашевъ признанъ виновнымъ по статьѣ 129 пункты 2 и 6.

86) Въ Петербургѣ 29 сентября на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, по постановленію градоначальника пріостановлено изданіе газеты „Народъ“. Номеръ отъ 29 сентября поэтому не вышелъ.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

Съ 3 мая по 15 октября 1906 г. поступило въ Шлиссельбургскій фондъ: отъ г-жи Яковлевой—5 р.; неизвѣстнаго—1 р.; Н. А. Рубакина—10 р.; А. И. Чеховскаго—10 р.; Маріи Лешернъ—10 р.; М. Ж.—3 р.; А. Аристовой—10 р.; И. Д. Балашова—1 р.; Л. Ф. Пантелѣева—90 р.; Е. С. Волковой—70 коп.; В. П. Водовозовой—400 р.; г-на А—на (гонораръ за статью въ „Народномъ Вѣстникѣ")—23 р. 79 к.; подпоручика В—скаго—1 р. 50 к.; чрезъ В. Д. Лебедеву отъ товарищей Алексѣя Лашеева—27 р. 20 к.; отъ В. Ѳ. Коммисаржевской—400 р.; Кириллова—10 р.; А. Бухарцева—10 р.; чрезъ А. Ф. Волкова отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными—36 р. 60 коп. М. Л. Лихтенштадтъ—10 р.; г-жи Черем—ской 11 р.; г-на Панкратова (гонораръ за статью въ „Быломъ")—15 р.; чрезъ редакцію „Былого" отъ NN—8 р.: Н. И. Торгашева—50 р.; В. В. Каллаша—10 р. **Итого 1.153 р. 79 к.**, а съ прежде поступившими всего: деньгами 3.039 р. 65 к. + 100 финск. марокъ и процентными бумагами 4.000 руб.

О поступленіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей. Пріемъ пожертвованій продолжается (адресъ казначея Комитета: Спб., Троицкая, 11, кв. 22)

Казначей ***Н. Анненскій.***

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Невскій пр., 19, книжный магазинъ «Наша Жизнь».

Поступили въ продажу:

1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. **75** к.
2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Антонова, Балмашева, Волкенштейнъ, Гершуни, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Новорусскаго, Поливанова, Иванова, Каляева, Карповича, Попова, Сазонова, Стародворскаго, Фигнеръ. Ц. **35** к.

Доходъ отъ изданія поступитъ въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

Готовятся къ печати портреты:

ТРИГОНИ, ФРОЛЕНКА, МЫШКИНА, АШЕНБРЕННЕРА.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

Книгоиздательство „ПРОМЕТЕЙ“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе **П. Е. Щеголева.**
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С.-Петербургъ, Загородный, 28.

НОВАЯ КНИГА:

Изданіе Е. и И. Леонтьевыхъ

Исторія соціализма въ монографіяхъ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго, Э. Бернштейна

въ двухъ томахъ.

Вышелъ II томъ; ц. 1 р. 50 к. * I-й томъ печатается.

КАЖДЫЙ ТОМЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ ЗАКОНЧЕННОЕ ЦѢЛОЕ.

Складъ изданія при **типографіи М. М. Стасюлевича: СПБ. Вас. Остр. 5 лин., д. 28.**, продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ: въ СПБ.—20%, въ провинціи—25%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ЗА РУБЕЖОМЪ“,

Международное соціалистическое обозрѣніе.

Журналъ издается при постоянномъ сотрудничествѣ **П. Б. АКСЕЛЬРОДА** и при участіи **М. Балабанова, С. Волкенштейна, К. Гана, Парвуса, А. Потресова, Б. Смирнова, М. Сурскаго** и др.

Первый номеръ журнала выйдетъ въ началѣ ноября.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ **4** р., на три мѣсяца **1** р. Отдѣльные номера по **20** к.

Подписка и объявленія принимаются: въ главной конторѣ и редакціи (Спб., 7 я Рождественская ул., д. № 28, кв. 1) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ „Начало“ (Б. Никитская, 22); въ Кіевѣ: у А. А. Соколовскаго (Крещатикъ, 42); въ Одессѣ: у В. Я. Морозова (Пушкинская, 24); въ Екатеринославѣ: у Г. Я. Левенсона (Проенская, 79); въ Харьковѣ: у А. Поддубнаго (Рымарская, 19). Коммиссіонеры удерживаютъ 5% подписной платы.

Въ конторѣ журнала „За рубежемъ“ (Спб. 7-я Рожд. д. 28. кв. 1) **продаются №№ 1, 2, 3, 4 и 5 журнала „Звено“.**

Редакторъ-издатель **А. Каганъ-Шабшай.**

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина:

Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова, и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Лиговская ул., д. № 44.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Лиговская, 44)

поступили въ продажу

а) Картины изъ Французской революціи:

1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновеніе республиканцевъ съ вандейцами. 3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ Совѣтѣ 500. 5) Клятва въ національн. собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.

1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи“. 5) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Безумство храбрыхъ...“

в) Портреты:

1) Кропоткинъ. 2) Лавровъ, 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Петрашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщикъ и др. Цѣна 20 коп.

ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“
(ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ).

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ оффиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна **1** р. **50** к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна **75** к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна **60** к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. БУРЦЕВА**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ предисловіемъ **В. Я. БОГУЧАРСКАГО**. Цѣна **50** к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна **50** к.

Печатаются:

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (*1877 г.* **Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.**). (*выйдетъ въ ближайшемъ будущемъ*).

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (*1877 г.* **процесссъ 193-хъ и др.**). (*выйдетъ въ ближайшемъ будущемъ*).

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **Въ двухъ выпускахъ. ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

10) Убійство императора Павла. (Разсказы современниковъ).

11) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. **Н. П. Павлова-Сильванскаго.**

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ объявленныхъ въ декабрѣ 1905 года, получатъ за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и **три** тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной воли“). Всего **шесть** томовъ.

Всѣ остальныя изданія „Русской исторической Библіотеки“ пріобрѣтаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

„Библіотека Освободительной Борьбы".

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. МЕЛЬШИНЪ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна **10** коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна **20** коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **НОВАЯ КНИГА:**

МАЛЮЗ

(1)

Литературно-публицистическій сборникъ.

Изданіе А. ЛУГОВОГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

Максимиліанъ — Императоръ Мексиканскій. Политическая трагедія. — Предисловіе.—Прологъ. Картины 1-я и 2-я. (Съ 8-мя рисунками) **А. ЛУГОВОГО.**
Молотонъ. Изъ каріенскихъ воспоминаній. Разсказъ. **В. ИЛЛИЧЪ-СВИТЫЧА.**
Изъ ночныхъ видѣній. Стихотвореніе **В. УМАНОВА-КАЦЛУНОВСКАГО.**
Боги и люди. Сонетъ **Е. Д.**
Боги и люди. На мотивъ Гейне. Стихотв. изъ „Недопѣтыхъ пѣсенъ" **М. Н. Соймонова.**
Дневникъ свободнаго человѣка. (9-е января 1905 г. и д.) **А. ЛУГОВОГО.**
Уотъ Уитманъ. Личность и демократія въ его поэзіи. **К. ЧУКОВСКАГО.**
Радищевъ и Екатерина II. Эпизодъ изъ исторіи „дерзновенныхъ книгъ". **Е. ЛЯЦКАГО.**
Китай или мы. Анонимная брошюра. **А. Л.**

Цѣна 1 руб. 35 коп.

Склады изданія въ С.-Петербургѣ: 1) у издателя А. А. Тихонова (А. Лугового), Пятая Рождественская, д. 8, и 2) въ Товарищ. „Общественная Польза", Б. Подьяческая, 29.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. Чернышевскаго

въ 10 томахъ, большого формата, съ 4 портретами

(470 печ. листовъ, т. X въ 2 книгахъ).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

Цѣна 18 руб. безъ пересылки.

СОДЕРЖАНІЕ: Критика и библіографія.—Очерки Гоголев. періода русской литературы.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Статьи экономическія.—Политика.—Лессингъ.—Милль, переводъ и примѣчанія.—Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.—Романы «Что дѣлать»? и «Прологъ».—Письма безъ адреса.—Произведенія, написанныя въ Сибири.—Драмы и повѣсти. — Дневникъ. — Библіографическій указатель.—4 портрета: 1853, 1859, 1864 и 1888 гг.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: **Петербургъ**—Литейный просп. 46; **Москва**—Моховая ул., д. Баженова; **Варшава**—Новый Свѣтъ, 69; **Вильна**—Большая ул., д. Гордона.

При покупкѣ изъ склада допускается **разсрочка** платы не менѣе 2 р. въ мѣсяцъ, причемъ каждые 2 р. даютъ право на полученіи одной книги, начиная по порядку съ т. I.

До 1 ноября 1906 г. сохраняется прежняя цѣна 15 р. безъ перес.

Вышло въ свѣтъ 3-е изд. романа **Н. Г. Чернышевскаго:**

Что дѣлать?

Ц. 1 р., безъ пересылки. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Печатается и выйдетъ въ августѣ романъ Н. Г. Чернышевскаго: **„ПРОЛОГЪ“**, съ порт. автора 1864 г. Цѣна 1 руб., безъ пересылки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на историческій журналъ
„БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

5) Историческая библіографія.

6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; Ю. М. Антоновскій; І. В. Аптекманъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій; В. Я Богучарскій: А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій): П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; Н. Л. Геккеръ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Х. Г. Гринбергъ-Конъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; А. И. Зунделевичъ: С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ: А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбортъ; Д А. Клеменцъ; Е. Н. Ковальская: Ф. Я. Конъ; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Кропоткинъ; В. Ф. Костюринъ: Н. С. Кудринъ; Е. Д Кускова; Е. Е. Лазаревъ; М. К. Лемке: Г. А. Лопатинъ; И. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій: И. И. Майновъ: О С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ): П. Н. Милюковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянико-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; И. А. Рубановичъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій: С. С. Синегубъ; Н. П. Стародворскій; Е В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ, П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на ½ года 4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 44. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Знаменская, 19. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія статей **Старика, В. П. Акимова-Махновца, М. О. Гершензона, М. В. Новорусскаго, В. А. Старосельскаго** и **М. К. Лемке** въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣдующія статьи: **Н. А. Морозовъ**—Возникновеніе «Народной Воли» (Липецкій и Воронежскій съѣзды 1879 г.); **М. Ф. Фроленко**—Коментарій къ ст. Морозова „Возникновеніе Народной Воли.“ **П. Е. Щеголевъ**—Агитаціонная литература декабристовъ и С. А. Муравьевъ—Апостолъ (историко-психологическій этюдъ); **А. Бахъ**—Воспоминаніе народовольца **М. С. Александровъ**—„Группа народовольцевъ“ (1891—1894 г.); **С. П. Богдановъ**—Е. С. Семяновскій—одинъ изъ первыхъ карійцевъ; **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Воспоминанія (60-е и 70-е годы); **Л. Э. Шишко**—М. Р. Гоцъ (памяти дорогого друга); **И. Л. Манучаровъ**—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. О. Лукашевичъ**—Въ народъ! **Ф. Л. Ястржембскій**—Записки петрашевца; **Э. Ралли**—Изъ воспоминаній о М. П. Драгомановѣ; **В. А. Вейнштокъ**—Акатуйскій рудникъ; **С. А. Жебуневъ**—Страница изъ воспоминаній; **А. В. Прибылевъ**—Воспоминанія о процессѣ 17 народовольцевъ; **І. Д. Лукашевичъ**—Дѣло 1 Марта 1887 года; **П. Н. Переверзевъ**—Экспедиція Рененкампфа; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **А. И. Столбовъ**—Л. Ф. Яновичъ въ ссылкѣ; **Л. Н. Гартманъ**—Изъ воспоминаній; **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній. Отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: М. П. Драгоманова, П. Н. Ткачева, П. И. Войнаральскаго, Д. М. Рогачева, П. А. Алексѣева, Н. В. Чайковскаго, В. А. Осинскаго, Д. А. Лизогуба, Н. И. Колодкевича, Е. С. Семяновскаго, Г. А. Попко, П. Г. Зайчневскаго, С. Л. Бардиной, А. А. Квятковскаго, А. К. Соловьева, Р. А. Стеблина-Каменскаго, Н. А. Морозова. Г. А. Лопатина, виды Карійской и Акатуйской каторги, и проч.

ОПЕЧАТКИ.

Въ сентяб. книжкѣ въ ст. Н. А. Геккера „Политическая каторга на Карѣ“ вкралась опечатка: на стр. 81-й 3-я строка снизу напеч. „раствориться“ вмѣсто „развиться“, и на стр. 82 й 17-я стр. снизу „одинокая“ вмѣсто „однобокая“ и 4-я строка снизу „хорошая“ вмѣсто „хоровая“.

3 8198 319 173 306
THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO